НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ

АРХЕОЛОГІЯ І ДАВНЯ ІСТОРІЯ УКРАЇНИ

Випуск 2 (19)

2016

КИЇВ

НАУКОВА СЕРІЯ — ЗАСНОВАНА У 2010 р.

ВИДАЄТЬСЯ ЧОТИРИ РАЗИ НА РІК

СТАРОЖИТНОСТІ РАННЬОГО ЗАЛІЗНОГО ВІКУ

АРХЕОЛОГІЯ І ДАВНЯ ІСТОРІЯ УКРАЇНИ
Наукова серія з проблем археології та давньої історії

Серія присвячена публікаціям досліджень з археології та давньої історії України. Висвітлюються питання соціально-економічного розвитку та культурних зв'язків населення України у кам'яному та мідно-бронзовому віках, сторінки з історії кіммерійців та скіфів, матеріальна та духовна культура античних греків у Північному Причорномор'ї, етногенез та рання історія слов'ян, розвиток давньоруських міст і сіл, матеріальної культури середньовіччя і нового часу. Видаються нові археологічні матеріали, розвідки з історії археології та архівні джерела.
Для археологів, істориків, краєзнавців, учителів історії, студентів історичних факультетів, усіх, хто цікавиться давньою історією України.

Серия посвящена публикациям исследований по археологии и древней истории Украины. Освещаются вопросы социально-экономического развития и культурных связей населения Украины в каменном и медно-бронзовом веках, страницы по истории киммерийцев и скифов, материальная и духовная культура античных греков в Северном Причерноморье, этногенез и ранняя история славян, развитие древнерусских городов и сел, материальной культуры средневековья и нового времени. Издаются новые археологические материалы, разведки по истории археологии и архивные источники.
Для археологов, историков, краеведов, учителей истории, студентов исторических факультетов, всех, кто интересуется древней историей Украины.

A series is devoted to publications of investigations on archaeology and ancient history of Ukraine. Questions of social and economic development and cultural relations of the population of Ukraine in the Stone and Copper-Bronze Age, pages of Cimmerian and Scythian history, material and spiritual culture of antique Greeks in Northern Black Sea Coast, ethnogenesis and early history of Slavs, development of the Ancient Russian cities and villages, material culture of Medieval and Modern periods are under observing. New archeological records, survey on history of archaeology and archival sources are being published.
This series is intended for archeologists, historians, regional specialists, teachers of history, students of historical departments and for all who is interested in ancient history of Ukraine.

Засновник та видавець
Інститут археології
Національної академії наук
України

Свідоцтво
про реєстрацію ЗМІ
КВ № 17659-6509Р
від 29.03.2011

Адреса редакції:
Україна, 04210, Київ 210,
просп. Героїв Сталінграда, 12
Тел.: (+380-44) 418-61-02
Факс: (+380-44) 418-33-06
E-mail: gorbanenko@gmail.com

Затверджено до друку
Вченою радою
Інституту археології
НАН України
19.04 2016, протокол № 4.

Усі матеріали рецензовано

Рисунки:
авторські
Друкується
в авторській редакції
Комп'ютерна верстка:
С.А. Горбаненко

Усі права застережено.
Передрук можливий
зі згоди редакції
та авторів статей

ISSN 2227-4952

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

Т О Л О Ч К О П. П., академік НАН України
С К О Р И Й С. А. (**головний редактор**), доктор історичних наук, професор
Г О Р Б А Н Е Н К О С. А. (**відповідальний секретар**), кандидат історичних наук
І В А К І Н Г. Ю., член-кореспондент НАН України
К Р И Ж И Ц Ь К И Й С. Д., член-кореспондент НАН України
М О Ц Я О. П., член-кореспондент НАН України
Ч А Б А Й В. П., член-кореспондент НАН України
З А Л І З Н Я К Л. Л., доктор історичних наук, професор
О Т Р О Щ Е Н К О В. В., доктор історичних наук, професор
Б О Л Т Р И К Ю. В., кандидат історичних наук
К У Л А К О В С Ь К А Л. В., кандидат історичних наук
П Е Т Р А У С К А С О. В., кандидат історичних наук
П О Т Є Х І Н А І. Д., кандидат історичних наук
С А М О Й Л О В А Т. Л., кандидат історичних наук
С О Н Н. О., кандидат історичних наук

© ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ НАН УКРАЇНИ, 2016

Підписано до друку 12.05.2016. Формат 60 × 84/8.
Гарн. Century Schoolbook. Папір офс. Друк офс. Ум.-друк. арк. 34,2. Обл.-вид. арк. 41,2. Тираж 300 екз. Зам. №

Тираж віддруковано ТОВ «Майдан»,
61002, Харків, вул. Чернишевська, 59.
Тел.: (057) 700-37-30

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК № 1002 від 31.07.2002 р.

ЗМІСТ

CONTENTS

Передмова 5 Foreword

НАШІ ЮВІЛЕЇ

OUR ANNIVERSARIES

Скорый С.А. К 80-летию Бориса Николаевича Мозолевского 6 *Skory S.A.* On the 80-th Anniversary of Boris Mozolevskij

СТАТТІ

ARTICLES

Бабенко Л.И. Пан и сюжет пекторали — неслучайные совпадения? 9 *Babenko L.I.* Pan and the pectoral plot — nonrandom coincidence?

Болтрик Ю.В. Місце Бердянського кургану в системі поховальних пам'яток Скіфії 27 *Boltryk Y.V.* The place of Berdiansk Kurhan in the system of burial monuments of Scythia

Гречко Д.С. От Архаической Скифии к Классической 33 *Grechko D.S.* From Archaic Scythia to Classical

Гуляев В.И. Мотив медведя в скифском зверином стиле 61 *Gulyaev V.I.* The motive of a bear in the Scythian animal style

Дзнеладзе Е.С. Египетский фаянс у поздних скифов Нижнего Днепра 68 *Dzneladze O.S.* Egyptian Faience in the Late Scythian Culture of Lower Dnieper Area

Дударев С.Л. Еще раз о кавказско-переднеазиатских истоках скифских «акинаков» 74 *Dudarev S.L.* Once again on the Caucasian and Near Eastern Genesis of Scythian «akinakes»

Зимовец Р.В. О локальных особенностях бронзовых бутеролей в виде головы хищной птицы 76 *Zymovets R.V.* About Local Features of the Bronze Bouterolles in a Shape of Predatory Bird's Head

Приложение. *Гошко Т.Ю.* Рентгенофлуоресцентный анализ бутеролей, обнаруженных в Крыму 88 **Supplement.** *Goshko T.Y.* X-ray Fluorescence Analysis of Buterols Found in the Crimea

Канторович А.Р. Образ «лосекозла» в скифском зверином стиле в свете новых находок на территории Ставрополья и Прикубанья 89 *Kantorovich A.R.* The Image of an «Elk-goat» in the Scythian Animal Style in the Context of New Findings in the Territory of the Stavropol Region and the Kuban Basin

Клочко В.І. Про втульчасті сокири-кельти чорноліської культури 100 *Klochko V.I.* On Socketed Axes — Celts of the Chornyi Lis Culture

Клочко Л.С. Декоративні елементи жіночого вбрання на землях Правобережної Скіфії 103 *Klochko L.I.* Decorative Elements of Women's Clothing in the Right-Bank Scythia Lands

© ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ НАН УКРАЇНИ, 2016

Крютченко А.О. Захисні споруди Циркунівського городища 114 *Kriutchenko A.O.* The Fortification of the Scythican Time on theTsyrkuny Hill-fort

Левицкий О.Г., Кашуба М.Т. «Гальштаттизация» Карпато-Днестровского региона: миграция населения или культурные влияния 124 *Levitski O.G., Kashuba M.T.* «Hallstattisation» of the Carpathian-Dniester Region: Migration or Cultural Influences

Махортых С.В. Современное состояние изучения хронологии раннескифской культуры 140 *Makhortykh S.V.* Current Status of Studies of the Chronology of the Early Scythian Culture

Отрощенко В.В. Геррос Мозолевського 152 *Otroshchenko V.V.* Mozolevsky's Gerrhus

Полтавець В.І. Стратегічні території скіфського часу в середній течії Дніпра 155 *Poltavets V.I.* Strategical Territories of the Scythian Time in the Middle Flow of the Dnieper

Ромашко О.В. «Утримувачі казанів» у системі соціальної структури скіфського суспільства 161 *Romashko A.V.* «Caldrons Holders» in the System of Social Structure of the Scythian Society

Симоненко О.В. Вироби з Близького Сходу у сарматів Північного Причорномор'я 165 *Symonenko O.V.* Near East Objects from the Sarmatian Sites of North Pontic Area

Фиалко Е.Е. Скифские амазонки: лингвистический аспект 174 *Fialko O.Ye.* Scythian Amazons: the Linguistic Aspect

Шелехань О.В. Клинкова зброя скіфського типу на теренах східноєвропейського Лісостепу 179 *Shelekhan O.V.* Blade-Weapon of the Scythian-Type in the East-European Forest-Steppe Area

ПУБЛІКАЦІЇ АРХЕОЛОГІЧНИХ МАТЕРІАЛІВ

PUBLICATIONS of ARCHAEOLOGICAL MATERIALS

Бессонова С.С., Зимовец Р.В., Скорый С.А. Бронзовая матрица скифского времени в пойме р. Трубеж (предварительная публикация) 189 *Bessonova S.S., Zymovets R.V., Skory S.A.* Bronze Matrix of Scythian Epoch, Found in the Trubizh River Floodplain (Preliminary publication)

Каравайко Д.В. Об одной коллекции бронзовых вещей 206 *Karavaiko D.V.* About One Collection of Bronze Items

Могилов О.Д., Гуцал А.Ф., Гуцал В.А. Курган з кам'яним валом на Західному Поділлі 212 *Mogylov O.D., Gutsal A.F., Gutsal V.A.* The Barrow with the Stone Bank on the West Podillya

Ольговський С.Я. Нові знахідки форм для відливання скіфських наконечників стріл 231 *Olgovskiy S.Ja.* Origin of the Molds for Casting Scythian Arrowheads

Панченко К.І. Поховання скіфського часу з ґрунтового могильника біля с. Заломи Кіровоградської області 237 *Panchenko K.I.* The Burial of Scythian Time from the Earth Burial Ground near the Village Zalomi in Kirovohrad Region

Пеляшенко К.Ю. Глиняная модель седла из раскопок Циркуновского городища 241 *Pelyashenko K.Yu.* The Clay Model of the Saddle from Tsyrkuny Hill-fort

Симоненко А.В. Находка модели седла на Циркуновском городище (комментарий к статье К.Ю. Пеляшенко) 249 *Symonenko O.V.* The Model of Saddle from Tsyrkuny Hill-fort (comment on the article of K. Pelyashenko)

Свистун Г.Е., Квитковский В.И., Юшков Д.Ю. Знаменское городище скифского времени на Харьковщине 253 *Svistun G.E., Kvitkovsky V.I., Yushkov D.Y.* Znamenskoye Hill-fort of the Scythian Period in the Kharkiv Region

Супруненко О.Б. Ґрунтові некрополі лісостепового населення скіфської доби у Дніпровському Лівобережжі 257 *Suprunenko O.B.* Scythian Epoch Burial Grounds of the Forest-Steppe Population in the Dnieper Left Bank Area

Шрамко И.Б. Колчанный набор из погребения конца VI в. до н. э. могильника Скоробор 270 *Shramko I.B.* Quiver Set from the Grave of the Late of the 6th century BC from the Skorobir Burial

ІСТОРІЯ НАУКИ

HISTORY of SCIENCE

Бузько О.В., Саєнко В.М. До історії написання М.І. Вязьмітіною праці «Искусство Скифии» 280 *Buzko O.V., Sayenko V.M.* On the Origin of «The Art of Scythia» by Mariya Vyazmitina

Гаврилюк Н.А. Пектораль из Толстой Могилы как источник для изучения экономики Степной Скифии. Историография вопроса 284 *Gavrylyuk N.O.* The Pectoral from Tovsta Mohyla as a source for the study of the economy of Steppe Scythia. Historiography of the problem

Наші автори 292 **Our authors**

Список скорочень 294 **List of abbreviations**

ПЕРЕДМОВА

Цей випуск «Старожитностей раннього залізного віку» присвячений знаменній даті, що відмічається в цьому році скіфознавством, а саме — 80-річчю з дня народження видатного українського археолога, скіфолога та відомого поета Бориса Миколайовича Мозолевського (1936—1993 рр.).

Надзвичайно важливо, що серед авторів збірки є ті, що знали його особисто. Більш того, ці колеги були з Борисом Миколайовичем в експедиціях на території степового Півдня, працювали поруч з ним у Відділі археології раннього залізного віку, при цьому — деякий час під його керівництвом. Тому для них Б.М. Мозолевський не тільки чудовий польовий та кабінетний вчений, який залишив по собі грунтовні праці та серйозні монографічні роботи, але й людина, яскрава, самобутня та надзвичайно талановита, що володіла рисами характеру, що властиві справжній Особистості.

Зрозуміло, що найбільша кількість авторів — українські археологи, насамперед спеціалісти з Відділу археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України, де багато років працював Б.М. Мозолевський, а також його колеги з Відділу античної археології та Відділу археології енеоліту—бронзи. Інші київські дослідники представляють Музей історичних коштовностей НМІУ, Національний університет «Києво-Могилянська академія», Інститут філософії ім. Г. Сковороди НАН України, Київський національний університет культури і мистецтв. Серед авторів статей — співробітники інших наукових центрів України: Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, Центру охорони та досліджень пам'яток археології Управління культури Полтавської облдержадміністрації, Дніпропетровського національного університету ім. О. Гончара, Кіровоградського педагогічного університету ім. В. Винниченко; Кам'янець-Подільського національного університету, Національного історико-культурного заповідника «Чигирин».

Російські дослідники представляють Інститут археології РАН, Московський державний університет ім. М.В. Ломоносова (Москва), Інститут истории матеріальної культури (Санкт-Петербург), Армавірський державний педагогічний університет.

Уже стала доброю традицією участь вчених Молдови (Інститут культурної спадщини Республіки Молдова, м. Кишинев) у працях, що видаються в Інституті археології НАН України.

Тематика наукових робіт збірки доволі широка, як географічно, так і хронологічно. Разом з тим, багато питань, що розглядаються авторами, у повній мірі відповідають широким науковим інтересам Бориса Миколайовича Мозолевського.

Збірник підготовлено для видання в серії «Археологія і давня історія України» редакційним колективом Відділу археології раннього залізного віку ІА НАН України: д. і. н., пров. наук. співроб. О.В. Симоненком, к. і. н., ст. наук. співроб. Д.С. Гречком, Д.В. Каравайком, О.Д. Могиловим, мол. наук. співроб. О.С. Дзнеладзе, редактор — д. і. н., проф. С.А. Скорий.

УДК: 902.028.42(091)

С. А. Скорый

К 80-летию БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА МОЗОЛЕВСКОГО [1]

В 2016 г. известному украинскому археологу и талантливому поэту Борису Николаевичу Мозолевскому исполнилось бы 80 лет.

Представить его в таком возрасте непросто: ведь оставил он нас молодым и энергичным человеком. Впрочем, зная жизнелюбие Бориса Николаевича, его поэтическое мировоззрение и творческий азарт, уверен, что течение времени не смогло бы изменить его человеческой привлекательности и свойств души.

Вехи биографии Б. Мозолевского достаточно известны. Об этом писали и раньше, и даже сразу после его смерти, а в последнее время стали вспоминать чаще, видимо, в подтверждение тезиса о том, что «большое видится на расстоянии». Учитывая это, я не буду останавливаться на жизнеописании, а сконцентрирую внимание на отдельных чертах характера Б. Мозолевского, присущих ему, как личности, рельефно выделяющих его среди окружения, на его мировоззренческих позициях и определении его места и роли в скифоведении.

Вследствие либо генетического наследования, либо тяжелого послевоенного детства и безотцовщины, Борису Николаевичу были присущи поразительное трудолюбие, недюжинная сила воли и непреодолимая целеустремленность. Незыблемость жизненных принципов и гражданской позиции, обостренное чувство справедливости, отвращение к фальши и настоящий (а не показной) патриотизм — все это составляющие монолитной натуры Бориса Мозолевского. Впрочем, упомянутые добродетели не исчерпывают всей привлекательности этого человека, а лишь указывают на наиболее выразительные черты характера, которые проявлялись в общении с ним.

Безусловно, природа щедро одарила его талантами, в частности археолога-исследователя и поэта, которые параллельно развиваясь, взаимно обогащали друг друга. И это не просто слова — достаточно ознакомиться с научными трудами Бориса Николаевича, написанными чрезвычайно ярким языком, и его поэтическими произведениями, насыщенными глубоким пониманием психологии и искренней любовью к тому народу, который создал в бескрайней украинской степи древнюю Скифию.

Безусловно, величайшим в его судьбе как человека и исследователя стал 1971-й — год исследования кургана Толстая Могила, когда в его руках очарованный мир увидел удивительный шедевр скифо-античного искусства — знаменитую пектораль. Выдающиеся находки из Толстой Могилы, их изучение на фоне материалов, найденных в других курганах скифской аристократии, сформировали Бориса Мозолевского как ученого (впрочем, отметим, что первый его археологический опыт, касательно скифских «царских» курганов, был связан с раскопками Гайматовой Могилы, в 1969 г.). Публикация в 1979 г. книги «Товста Могила» (следует сказать, что это была первая монография подобного рода в отечественном скифоведении, посвященная столь масштабному погребальному памятнику скифской элиты) принесла ему заслуженное признание в археологической науке. Пектораль же, как исключительная археологическая находка, со временем стала не только, выражаясь современным языком, «брендом» для различных мероприятий,

1. В основу настоящей работы положена статья [Скорий, 2006].

© С.А. СКОРЫЙ, 2016

престижных премий и т. д., но и своеобразным символом Украины. О пекторали писали и пишут очень много, не жалея эпитетов. Впрочем, наилучшую оценку этого открытия — лапидарную по форме и утонченно поэтическую, по сути — сделал, на наш взгляд, учитель Б. Мозолевского, основатель украинской школы археологии раннего железного века профессор Алексей Иванович Тереножкин: «В пекторали, как солнце в капле росы, отразился весь блеск, все сияние скифского золота».

Всего лишь одной этой находки хватило бы для славы археолога любого ранга, однако исследовательские достижения Бориса Мозолевского на этом не завершились. Далее были блестящие открытия в Хоминой, Бабиной, Водяной, Желтокаменной, Соболевой Могилах и многих других курганах. Б. Мозолевский хорошо осознавал свои достижения в области изучения курганов скифской аристократии, что и засвидетельствовал соответствующим образом в одной из своих работ: «Мне повезло, так или иначе, быть причастным к большинству выдающихся открытий в области скифоведения, сделанных в XX веке».

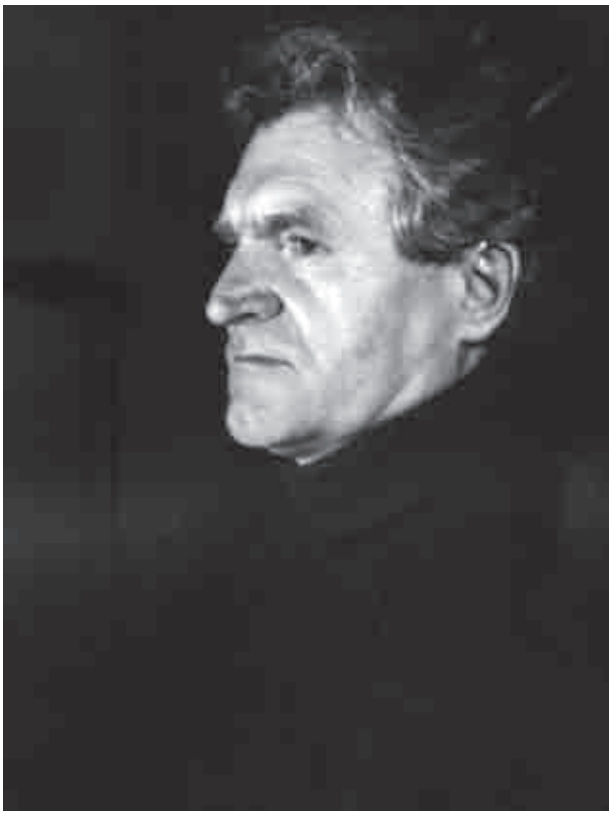
А сколько было раскопано, изучено и введено в научный оборот так называемых рядовых памятников Степной Скифии! Все эти материалы вполне справедливо принадлежат к золотому фонду отечественного скифоведения.

К тому же, не следует забывать о научно безупречной публикации Б. Мозолевским древностей Мелитопольского «царского» кургана (1988), раскопанного А.И. Тереножкиным еще в 1954 г. (работу над этой монографией Борис Николаевич рассматривал как духовное завещание своего Учителя).

Подтверждением гармоничного сочетания в одном лице ученого и поэта стало издание замечательной научно-популярной книги «Скіфський степ» (1983), недавно (2005) переизданной в современном полиграфическом оформлении.

В последние годы жизни Борис Николаевич, работая над докторской диссертацией на тему «Этническая география Скифии», создал ряд обобщающих статей, содержащих весьма оригинальные догадки, в частности касательно социально-политических отношений в Скифии, причин упадка этого древнейшего государственного объединения на наших землях. Чрезвычайно важно, что рукопись диссертации Б. Мозолевского была издана в виде монографии «Етнічна географія Скіфії» (2005), а недавно — переиздана (2013), что свидетельствует о широком интересе научных кругов даже к незавершенному труду замечательного украинского ученого-археолога.

В начале 1990-х гг. Борис Мозолевский написал несколько публицистических работ, в которых с историко-философских позиций попытался выяснить сущность общественно-политических процессов, происходящих в Украине, экстраполируя свои знания о скифском обществе на болезненные проблемы настоящего. Квинтэссенцию этих соображений ученый опубликовал в статье «Знак Скіфії», которая вошла и во второе издание «Скіфського степу». По мнению известной украинской поэтессы Лины Костенко, которая в октябре 2005 г. произнесла речь во время презентации этой книги, данная статья заслуживает широкого признания украинской общественности, как и сам Борис Мозолевский — незаурядное явление украинской культуры.



Борис Николаевич МОЗОЛЕВСКИЙ

К большому сожалению, за время, истекшее после смерти Б. Мозолевского, в средствах массовой информации появилось немало спекулятивных публикаций, связывающих его преждевременную кончину с какими-то мистическими причинами. Следует посоветовать «пророкам от археологии» с должным уважением относиться к памяти выдающегося исследователя и не тиражировать сплетни и ничтожные предположения.

Не обошли эти «специалисты» вниманием и блестящую находку украинской археологии XX в. пектораль. Нередко «деятели», весьма далекие от исторической науки, создают ажиотаж вокруг «трактовок» изображений на пекторали, усматривая в различных ее деталях то карту Украины, то заговор президентов, то неизвестно какие христианские символы. Конечно, это чистейшее невежество, и надеемся — временное.

Еще более печальным фактом является варварское отношение неких индивидуумов (назвать «людьми» их просто невозможно!) к месту последнего упокоения Бориса Мозолевского на Байковом кладбище. Несколько лет назад с его памятника была похищена увеличенная бронзовая копия пекторали (правда, впоследствии ее анонимно вернули в Институт археологии НАН Украины). Не столь давно памятник вновь подвергся нападению неизвестных вандалов, снявших бронзовый барельеф поэта и бляхи с сюжетами скифского искусства. По большому счету, это оскорбление и глумление над истинной украинской культурой. Остается лишь надеяться, что принятое в этом году в высоких инстанциях решение отметить юбилей Б.Н. Мозолевского на государственном уровне положит конец упомянутому беспределу…

Однако существует и вечное. Так, блестящие археологические находки, сделанные Борисом Николаевичем, — это не только украшение музейных экспозиций, но и первоклассные исторические источники, содержащие бесценную информацию для современных и будущих поколений исследователей Скифии. Настоящим, истинным является и литературное наследие Бориса Мозолевского — книги, статьи, стихи. И, наконец, есть память и искреннее уважение к великому таланту, которые легли в основу инициатив общественности относительно переиздания предыдущих научных и литературных работ Б.Н. Мозолевского, публикации его последних работ, сооружения памятной стелы на месте его выдающихся археологических исследований близ г. Орджоникидзе Днепропетровской обл., предложения о присвоении его имени одной из улиц и краеведческому музею в г. Никополе. Отрадными фактами являются недавние издания монографии Б.Н. Мозолевского «Курганы скифского Герроса IV в. до н. э.» (2005, в соавторстве с С.В. Полиным), обстоятельного сборника стихов Бориса Мозолевского «Поезії» (2007), книги воспоминаний о нем «Співець скіфського степу» (2011), переписки Бориса Мозолевского с поэтом Михаилом Сиренко «Задовго до пекторалі» (2011).

… После смерти Бориса Мозолевского прошло уже более двух десятилетий, но сквозь годы доносится к нам неповторимое звучание его стихов:

«Життя і смерті спивши щедрий келих,
Усі літа спаливши на вогні, —
Я скіфський цар, лежу в Дніпровських Геррах.
І стугонять століття по мені...»

Скорий С.А. До 70-річчя Б.М. Мозолевського: штрихи до портрета // Археологія. — 2006. — № 1. — С. 78—79.

Одержано 18.04.2016

СТАТТІ

УДК: [904.25:739](477.63)"6383"

Л. И. Бабенко

ПАН И СЮЖЕТ ПЕКТОРАЛИ — НЕСЛУЧАЙНЫЕ СОВПАДЕНИЯ?

При мені тільки меч мій та іще золота пектораль, —
Що розкажуть вони цим прийдешнім новим поколінням?
Я не стану пояснювать — склад за складом нехай прочитають самі …

Борис МОЗОЛЕВСЬКИЙ
Ірій. XVI. Голос із Товстої Могили

В статье анализируется возможность семантической связи Пана, изображенного на золотой оковке перекрестья меча из Толстой Могилы и сюжетов пектораль из этого же комплекса.

Ключевые слова: Толстая Могила, меч, пектораль, Пан, фарн.

Курган Толстая Могила обязан своей широкой известностью, вышедшей далеко за пределы профессиональных интересов археологов, открытием шедевра греко-скифской торевтики — золотой пектораль (рис. 1, *2*; 2). Между тем, погребальный инвентарь этого комплекса содержал немало других замечательных находок, малоизвестных широкой публике, но привлекающих неизменное внимание специалистов-скифологов. К их числу принадлежит и меч с золотой оковкой рукояти, найденный в непосредственной близости от пектораль — на дне дромоса, перед камерой основного погребения (рис. 1, *1*; 3, *5, 12*).

Меч относят к представительной группе парадного оружия IV в. до н. э. с рукоятями, плакированными оковками из золотого листа. По названию комплекса, содержавшего наиболее репрезентативную выборку подобных находок, мечи этой серии именуются исследователями «чертомлыцким типом» [1]. Многими было также отмечено, что меч из Толстой Могилы заметно выделяется на общем фоне этой серии своей морфологией — круглой формой навершия, а также некоторыми сюжетами и персонажами декора рукояти и ножен меча, нетипичными для изделий подобного круга. Наиболее колоритным среди персонажей по праву считается играющий на флейте в окружении козлов Пан (рис. 2, *1*).

Данный персонаж привлек внимание еще первых исследователей меча. Е.В. Черненко, отметив уникальность использования в декоре скифских мечей образа Пана, не находил его «неожиданным и необычным» по причине тесной связи данного божества с военным делом, проявившейся наиболее ярко во время Марафонской битвы [Черненко, 1975, с. 161—163].

Д.А. Мачинский связывал Пана в окружении козлов на перекрестье меча с кругом образов элевсинских мистерий, аналогичных золотым головкам Пана из женского погребения в херсонесском склепе, а также сатирам и менадам Большой Близницы [Мачинский, 1978, с. 148].

Опираясь на сделанные Е.В. Черненко выводы, Б.Н. Мозолевский предположил, что использование образа Пана в оформлении оружия имело афинское происхождение, соответственно, изготовление мечей с подобным декором могло происходить в центрах с сильным афинским влиянием, в частности, в Ольвии [Мозолевський, 1979, с. 178, 179].

М.В. Русяева рассматривала декорирование перекрестия меча образом Пана в контексте общего распространения персонажей и сюжетов дионисийского круга, связав его с процессом эллинизации скифской знати вследствие целенаправленной пропаганды греками вакхических мистерий в скифской среде. При этом сам меч мог быть подарком скифскому царю [Русяєва, 1995, с. 28].

М.Ю. Трейстер, посвятивший анализу образа Пана на оковке перекрестья меча из Толстой Могилы специальную работу, пришел к выводу о том, что «сцены с изображением сидяще-

1. Историография проблемы: [Топал, 2014, с. 130].

© Л.И. БАБЕНКО, 2016

Рис. 1. Толстая Могила: *1* — меч (по: [Полидович, 2015, рис. 1, *1*]); *2* — пектораль (по: [Клочко, 2012, рис. 1])

го Пана, играющего на сиринге … переданы в иконографии, заимствованной из современного созданию меча искусства Аттики». По мнению исследователя, как и в случае с известной серией горитов чертомлыцкого типа, данная сцена представляет собой один из вариантов композиционной схемы, в которой своеобразная «цитата из произведения античного искусства на тему греческой мифологии» обрамлена сценами схваток животных. Ничего типично скифского декор меча не содержит и применение к нему термина «греко-скифское искусство» весьма условно [Трейстер, 2013, с. 454—461].

Анализ морфологии и декора меча из Толстой Могилы содержит работа Ю.Б. Полидовича. Причем основная часть персонажей, украсивших рукоять меча, исследователем рассмотрена достаточно бегло, главное же внимание уделено именно образу Пана. По мнению Ю.Б. Полидовича, несмотря на многие позитивные достижения предшественников, так и остался нерешенным главный вопрос — «почему на рукояти меча был изображен именно Пан» [Полидович, 2015, с. 128, 129], поиском ответа на который и посвящена основная часть статьи.

Ю.Б. Полидович пришел к выводу, что композиция на рукояти меча, посредством использования образа оленя, а также противопоставленных друг другу животных (козлов), воспроизводит характерную для большинства мечей «чертомлыцкого» типа концепцию «мирового дерева», центральное место в которой и занял Пан. Использование этого образа «на скифском предмете …, найденном в скифском комплексе» обусловлено попыткой мастера найти «соответствие между скифской мифо-ритуальной и греческой изобразительной традициями». Таким образом, Пан, как и многие другие древнегреческие изобразительные образы [Безсонова, 1975; Раевский, 1980, с. 49—71; 1985, с. 163—180], был переосмыслен скифами в контексте собственной мифологии [Полидович, 2015, с. 133]. По мнению Ю.Б. Полидовича, Пан мог быть воплощением только бога войны Ареса, что подтверждается наличием целого комплекса разносторонних связей между двумя мифологическими персонажами. Это выражается в представлениях о Пане как божестве-пастухе и божестве-охотнике с одной стороны, и основополагающей роли скотоводства, а также важности охоты, в жизни скифов,

с другой. Объединяет оба персонажа и связь с силами плодородия, Пана как одного из апологетов чувственной любви и скифского Ареса в силу ярко выраженной фаллической символики акинака [1], а также каменных изваяний, которые также могут являться воплощением бога войны [Полидович, 2015, с. 133, 134]. «Козловидность» персонажа является проявлением одного из десяти (дикий козел) воплощений/обличий иранского бога Веретранга, которого, по мнению многих исследователей, следует соотносить со скифским Аресом [Лелеков, 1979, с. 185; Бессонова, 1984, с. 12, 13; Кузьмина, 2002, с. 17, 18, 22—24, 28, 29; Вертиенко, 2012, с. 43—46].

С одной стороны, подобная трактовка персонажа логично обоснована и перспективна. Однако она так и не дает ответа на вопрос, который Ю.Б. Полидович неоднократно ставит в своей статье — «почему на рукояти меча был изображен именно Пан?» и если «мы имеем дело с единичным, ситуативно возникшим случаем», то, что же подвигло и мастера, и заказчика остановить свой выбор на Пане для декорирования перекрестья именно этого меча [Полидович, 2015, с. 126, 127, 129]? Ведь если согласиться с трактовкой этого образа как одного из воплощений Веретранга, то необходимо будет просто переформулировать вопрос — «почему именно на этом мече понадобилось размещать изображение Веретранга, и почему для его олицетворения был использован именно образ играющего на флейте Пана, а не какой-либо иной» — и уже искать ответ на него.

Совершенно новое направление в поиске причин, побудивших оружейника-торевта использовать для декора перекрестия меча образ Пана, может дать анализ археологического контекста находки. Меч в ножнах был обнаружен на дне дромоса перед камерой центрального погребения. В начале дромоса лежал скелет слуги, далее — бронзовые миска и сосудик, имитирующий котел, большая амфора с тремя ручками, три колчанных набора, золотые украшения на-

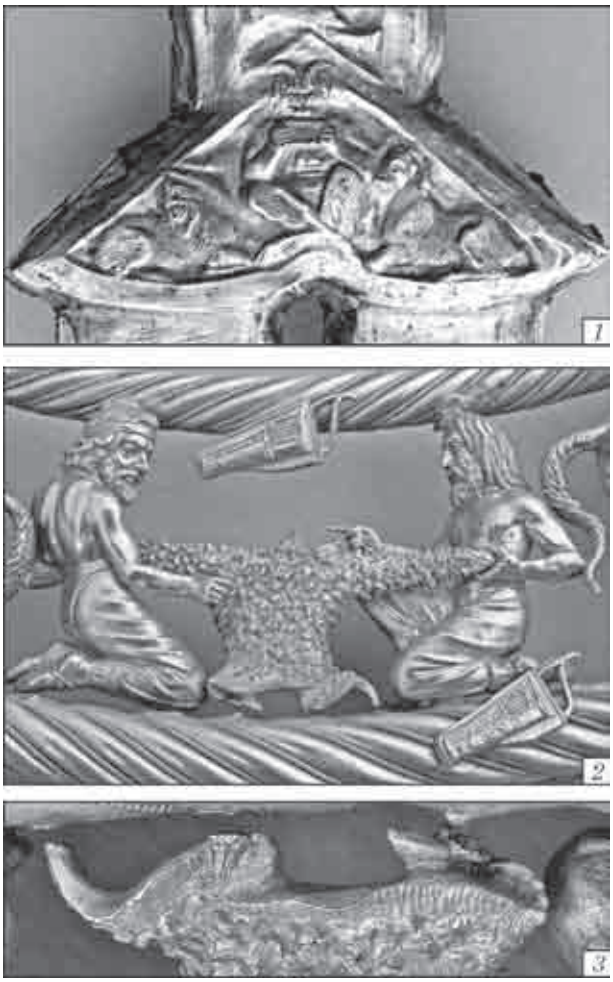


Рис. 2. Толстая Могила: *1* — перекрестие меча (по: [Трейстер, 2013, рис. 1, *1*]); *2, 3* — центральная сцена пекторали (по: [Клочко, 2012, рис. 4а; Мошинский, 2002, фото])

гайки, а также золотая пектораль (рис. 3) [Мозолевський, 1979, с. 51—54, рис. 31] [2].

Неоднократно предпринимались попытки найти приемлемое объяснение для причин, побудивших к размещению наиболее престижных предметов комплекса за пределами погребальной камеры. Д.А. Мачинскому тот факт, что «пектораль была найдена вместе с мечом, рукоятка и ножны которого были обложены золотыми пластинами, покрытыми изображениями, и что оба эти предмета и ряд сопутствующих им вещей были найдены не в погребальной камере, а в ведущем к ней дромосе», представлялся «*знаменательным*» (курсив наш — *Л. Б.*) [Мачинский, 1978, с. 146]. Исследователь предложил очень живописную реконструкцию церемонии, произошедшей после совершения обряда

1. Дефиниция Пана как апологета чувственной любви совершенно справедлива. Даже на всех «чувственно нейтральных» изображениях играющего на флейте Пана (статуе из Дионисополиса [Венедиков, Герасимов, 1973, ил. 328]; статуэтки из Калатиса [Кобылина, 1973, рис. 8]; диадеме из Эретрии, рельефах из Афин и грота на горе Парнес у Филы в Аттике [Трейстер, 2013, рис. 2, *2—4*]) акцентировано воспроизведение фаллоса, в ряде случаев — в итифаллическом состоянии. Изображение Пана на перекрестье меча из Толстой Могилы едва ли не единственное, где фаллос отсутствует, что может быть связано не только с необязательностью этого признака в персонаже для скифского заказчика, но и с его нежелательностью, возможно, даже, табу. В этом случае сравнение Пана со скифским Аресом в контексте общей для них фаллической символики по отношению к изображению персонажа на мече из Толстой Могилы не совсем ревалентно.

2. Размещение престижных, статусных вещей за пределами погребальной камеры покойника не уникально — подобная картина была зафиксирована в «гробнице Филиппа» в Греции, где во входной камере была обнаружена золотая обивка горита «чертомлыцкой» серии [Андроникос, 1990, с. 120, 121, рис. 9; Алексеев, 2003б, с. 252—254].

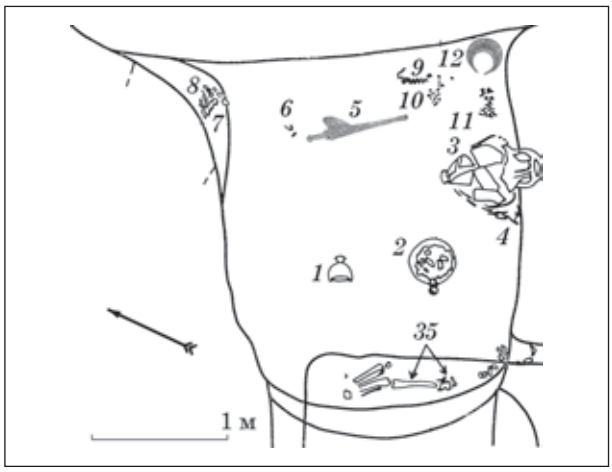


Рис. 3. Толстая Могила, план дромоса центральной гробницы: *1* — бронзовый котелок; *2* — бронзовая греческая миска; *3* — амфора; *4* — железный крючок; *5* — меч; *6* — обломок ножа; *7* — обломки наборного пояса и колчанный набор № 4; *8* — нож; *9, 10* — остатки нагайки; *11* — колчанный набор № 3; *12* — пектораль; … *35* — остатки скелета слуги (по: [Мозолевський, 1979, рис. 31])

положения умершего в погребальную камеру. По мнению Д.А. Мачинского, отступившие в дромос родственники и жрец разместили перед входом в камеру два набора предметов, символизирующих присутствие пары божеств — Ареса и Аргимпасы (?). Мужской набор состоял из боевого пояса с ножом, колчана, меча и нагайки. Женский включал второй колчан, нож и золотую пектораль. При свете зажженного в светильнике огня были совершены обрядовые возлияния с использованием бронзового лутерия и трехручной амфоры. Вином из амфоры окроплялась голова приносимого в жертву пленника, а в лутерий собиралась его кровь, которой затем обливался меч. После этого у самого входа в дромос участники церемонии расчленили ударами мечей тело принесенного в жертву человека и оставили на месте лишь некоторые части его тела. Характер взаимосвязи этой пары богов, по мнению Д.А. Мачинского, не ясен — он не брачный, а, возможно, связан с принадлежностью обеих персонажей к кругу «темных» богов, чем и можно объяснить размещение предметов, связанных с их культом в дромосе, отделенным от погребальной камеры перегородкой [Мачинский, 1978, с. 147, 148].

Б.Н. Мозолевский комплекс драгоценных находок на дне дромоса рассматривал как один из многочисленных примеров размещения инвентаря в тайниках, хорошо известных в скифской погребальной практике. Подобную традицию исследователь объяснял не стремлением укрыть наиболее ценные вещи от грабителей, а их принадлежностью к предметам культа, обособленным от остального инвентаря [Мозолевський, 1979, с. 159; Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 171—175]. Однако если можно согласиться с подобной трактовкой комплексов предметов, происходящих из «классических» тайников, то интерпретация самих находок в дромосе центрального погребения Толстой Могилы в качестве одного из вариантов «тайника» не так однозначна — ведь предметы были не спрятаны в нише, а просто уложены на дне дромоса. Ряд исследователей, касавшихся проблемы тайников в скифских погребениях, комплекс находок в дромосе Толстой Могилы к таковым не относили [Болтрик, Фиалко, 2002, с. 169—173; Кубышев, Бессонова, Ковалев, 2009, с. 21; Бидзиля, Полин, 2012, с. 101].

А.П. Мошинский размещение пекторали и других престижных вещей в дромосе, перед камерой центрального погребения, рассматривал в контексте династической истории Скифии. Отталкиваясь от явного диссонанса между богатством погребального инвентаря Толстой Могилы и относительно скромным размером курганной насыпи, явно уступающей «царской четверке» конца V—IV вв. до н. э.; датировки погребения, предшествующей времени сооружения Чертомлыка—Огуза—Александрополя; а также значения пекторали как символа царской власти, исследователь предположил, что пектораль могла принадлежать несостоявшемуся наследнику Атея, не имевшему права на ношение символа царского достоинства [Мошинский, 2002, с. 87].

Оригинальное объяснение причин сохранности драгоценных предметов в дромосе центрального погребения Толстой Могилы предложил М.В. Степанов. По его мнению, целью повторного проникновения в центральное погребение было разрушение могилы «змееборца» и овладение магическими предметами, побывавшими в мире мертвых. Пектораль же и меч, расположенные вне центрального погребения, подобной ценности не имели, и, соответственно, интереса для визитеров не представляли [Степанов, 2015, с. 47].

Несмотря на различие подобных трактовок, их объединяет признание исследователями безусловной преднамеренности состава самого комплекса, в котором выделяются два предмета — пектораль и парадный меч, являющиеся высокохудожественными произведениями торевтов (рис. 1, *1, 2*), украшенные набором различных сюжетов и участвующих в них персонажей. Могла ли в этом случае существовать связь между отдельными образами и сюжетами, представленными на этих двух изделиях? Наличие подобной семантической взаимосвязи «на уровне ритуалов одного цикла» предполагалось для серебряной амфоры и таза из Чертомлыка [Мачинский, 1978, с. 134, 135], нескольких предметов (фиала, гривна и конус) из тайника Братолюбовского кургана [Кубышев, Бессонова, Ковалев, 2009, с. 88], а также для сюжетов, представленных на ритонах и пластине головного убора из кургана Карагодеуашх [Виноградов, 1993, с. 70]. По мнению Д.А. Мачинского связь пары богов — Ареса и Аргимпасы, каждому из которых, как было сказано выше, соответствовал определенный набор инвентаря из дромоса, проявилась в использовании в декоре меча и его

ножен персонажей, тесно связанных с иконографией женских божеств. А именно — рогатого львиноголового грифона со змеиной головкой на конце хвоста, полульва-полульвицы с гривой и сосцами, а также Пана — участника элевсинских мистерий [Мачинский, 1978, с. 148].

Принимая во внимание уникальность использования образа Пана в изделиях греко-скифской торевтики, а также преднамеренный характер его употребления в декоре перекрестья [Полидович, 2015, с. 126, 134], резонно поставить вопрос о возможной, в том или ином контексте, связи изображенного на перекрестии меча божества с персонажами и сюжетами, запечатленными на пекторали. При этом, если рассматривать образ Пана в контексте возможного его переосмысления местным населением, основанном на сходстве «представлений об облике персонажей» и единстве «приданных им атрибутов» [Раевский, 1985, с. 172; Полидович, 2015, с. 133], то логично исходить не из его функций как божества древнегреческой мифологии, нюансы которых вполне могли быть неизвестны скифам, а пытаться отыскать более близкие их пониманию толкования признаков, запечатленных на этом конкретном изображении.

Несмотря на бесспорную миксаморфность образа Пана, очевидно доминирование в его иконографии антропоморфной составляющей. Распространение в IV в. до н. э. под влиянием древнегреческой культуры в скифской среде антропоморфных образов, украсивших разнообразные предметы — от шедевров торевтики (пектораль из Толстой могилы, чертомлыцкая амфора, солохский гребень) до массовой продукции (пластинчатая аппликация) и даже внедрившееся в изделия местных мастеров (бронзовые навершия) — приобрело заметные масштабы, получив определение «антропоморфизации скифского искусства» [Граков, 1950; Артамонов, 1962; Раевский, 1978; 1980; Яценко, 2013 и др.]. Поэтому мастер, решивший декорировать перекрестие меча антропоморфным персонажем, имел достаточно широкий выбор среди образов, используемых в это время художниками. Употребление же в этих целях изображения Пана, персонажа малорепрезентативного и в древнегреческом искусстве, а на изделиях греко-скифской торевтики и вовсе уникального, могло быть продиктовано наличием в иконографии божества черт, не свойственных традиционному антропоморфному образу, но желательных и востребованных в рассматриваемом случае. Иконографию Пана, изображенного на перекрестии меча, заметно отличают три детали — покрытые густой шерстью козлиные ноги, поднесенная к губам флейта в руках и козлиные рога на голове. Рассмотрим, каким образом эти три элемента могли быть переосмыслены в контексте сюжетов, представленных на пекторали.

Ноги, покрытые шерстью. Собственно, козлиные ноги и рога являются признаками, выделяющими Пана из мира людей. Как уже отмечалось выше, Ю.Б. Полидовичем «козлиные» черты персонажа были соотнесены с одним из воплощений в виде дикого козла иранского бога войны Веретранга [Полидович, 2015, с. 134, 135]. В то же время исследователем была намечена возможность и иного объяснения «козлоногости» Пана, к сожалению, не получившая развития. Речь идет об упомянутых Ю.Б. Полидовичем кандагай — разновидности штанов из кожи горного козла или самца козули, используемых центральноазиатскими кочевниками во время состязания борцов [Полидович, 2015, с. 135]. Между тем, Пан на перекрестии меча мог восприниматься в качестве персонажа, облаченного в кожаные штаны с вывернутым наружу мехом. На первый взгляд, подобная трактовка неприемлема — данный вид поясной одежды неизвестен ни по многочисленным изображениям скифов на предметах торевтики, ни по материалам археологических памятников — прежде всего, в силу природных условий. Однако более тщательный анализ не дает оснований для столь категорического отрицания.

Наиболее обильный материал об использовании меховых штанов дают этнографические источники. Так, для холодного время года делали штаны мехом наружу монголы [Викторова, 1977, с. 174; 1980, с. 33] и буряты [Николаева, 2004, с. 33]. Тувинцы шили зимние *Угдешки* — две отделенные друг от друга свободные штанины — из летних шкур тувинской козы, мехом наружу, что защищало ноги от снега, дождя, колючих кустарников, ударов со стороны или падений с лошади [Даржа, 2014, с. 127]. Интересный пассаж содержит тувинская сказка «Хевис Сююдюр», в которой следующим образом описан сбор героя на борьбу — «… она дала ему белые штаны богатыря, прочно сшитые из шкур белого архара и отороченные мехом джейрана, и велела ему натянуть их на соколиные колена — иначе и быть не могло. Она подала ему шубу, сшитую из шкур ста диких зверей, подобранных по цвету, и отороченную мехом джейрана, и она пришлась ему как раз по плечам …» [Сказки и предания алтайских тувинцев, 1994, с. 95].

Основываясь на этнографических коллекциях скотоводов-кочевников, Н.В. Полосьмак и Л.Л. Баркова полагают, что у пазырыкцев, наряду с тканными, бытовали и штаны из меха и кожи [Полосьмак, Баркова, 2005, с. 85]. По мнению С.А. Яценко, на поверхности шаровар, изображенных на рельефе из Хунг-и Камальванда (Парфянский Иран) виден грубый ворс, что свидетельствует об их изготовлении из шкур животных [Яценко, 2006, с. 121]. На хорезмийском роговом предмете из крепости Калалы-гыр 2 у сидящего персонажа кожаные чулки [Яценко, 2006, с. 105] или «сапоги-наговицы» [Маслов, 2015, с. 276], сшитые из шкуры мехом наружу. По мнению В.Е. Маслова, они были элементом статусной одежды, наподобие женских сапожек с голенищами из меха леопарда из 2-го Пазырыкского кургана или мужских сапогов с мозаичными меховыми голенищами со

2-го Башадарского кургана [Маслов, 2015, с. 276]. В могильнике Субаши в Турфанском оазисе были найдены ноговицы с узкими полосками меха [Яценко, 2006, с. 96]. Подобные накладки, возможно, имел и лежащий персонаж на одной из парных золотых пластин «Отдых под деревом» из Сибирской коллекции Петра I, на набедренниках которого имеются насечки и бугристость, имитирующие мех [Маслов, 2015, с. 278—280].

Что же касается отсутствия персонажей в штанах из меха на предметах торевтики, то следует отметить, что к настоящему времени и изображение верхней плечевой одежды с вывернутым наружу мехом известно пока одно — на пекторали из Толстой Могилы. Интересный материал для сопоставления дает пластина-накладка от горита из Соболевой Могилы с изображением миксаморфного персонажа с крыльями и птичьими окончаниями ног [Мозолевский, Полин, 2005, с. 351, табл. 17, *3*]. Интерпретации данного образа отличаются значительным спектром мнений — в нем видят антропоморфное божество [Мозолевський, Білозір, Василенко, 1993, с. 72] или его жреца / шамана в ритуальном костюме петуха [Мозолевский, Полин, 2005, с. 178, 351], Гаруду [Болтрик, Фиалко, 2007, с. 5—7], бога-героя-змееборца [Канторович, Эрлих, 2005—2009, с. 285], паредра Великой богини, «владыку зверей» [Шауб, 2007а, с. 156; 2007б, с. 28], божество войны, аналогичное иранскому Веретрангу в орнитоморфном воплощении [Вертиенко, 2010, с. 92—93; Полидович, 2015, с. 135], «хозяина зверей» [Яценко, 2013, с. 227]. Обращает на себя внимание сплошное покрытие тела персонажа от шеи до колен, а также рук до локтей узором «в виде мелких ромбиков, подчеркнутых дужками», интерпретируемых как изображение перьев [Мозолевский, Полин, 2005, с. 178]. Если иконографический облик этого персонажа в какой-то мере соответствовал реальному костюму, используемому в ритуальной практике, это свидетельствует, что при подобном облачении могли использовать одновременно плечевую (куртку с рукавами) и поясную (штаны) одежду. Данная комбинация, вероятно, позволяла более правдоподобно имитировать воплощаемый персонаж.

Сцена с меховой рубахой (вариант: шкурой барана) — центральная в композиции верхнего фриза и всей пекторали, что, несомненно, соответствует и ее ключевому смысловому значению (рис. 2, *2*). Персонаж на перекрестье меча мог восприниматься, прежде всего, в качестве человека, облаченного в одежду из меха. Причем узловым моментом, объединяющим и противопоставляющим в данном контексте обе сцены, является состояние мехового одеяния. На пекторали — это подготовка одеяния к облачению персонажа, на перекрестье меча — персонаж, уже облаченный в меховую одежду. Т. е., очевидна четко выраженная временная последовательность обеих сцен.

Флейта (серинга). Флейта является одним из наиболее узнаваемых атрибутов Пана. Ю.Б. Полидовичем подробно рассмотрены нюансы игры Пана на флейте в мифологическом контексте [Полидович, 2015, с. 131, 132], а также проанализирована вероятность знакомства с этим музыкальным инструментом непосредственно скифов [Полидович, 2015, с. 135, 136]. Присутствие музыки в жизни скифов и ее заметная роль несомненны, что было совсем недавно убедительно показано с привлечением нарративных, археологических и изобразительных источников [Олійник, 2003; 2006; Вертиенко, 2010; Фіалко, 2013]. Но важен даже не сам факт возможного знакомства скифов с музыкальными инструментами данного типа как условие его опознания. Если исходить из заявленного выше принципа переосмысления скифами изобразительных сюжетов в контексте собственной мифологии [Полидович, 2015, с. 133], то и объяснение значения флейты в руках Пана, скорее следует искать за пределами музыкальной среды. Созерцатель, не знакомый с иконографией и мифологией Пана, видел в этом изображении некий персонаж, держащий обеими руками какой-то широкий предмет, который он поднес ко рту. Подобная сцена несведущему зрителю могла более всего напомнить изображение не чуждого его восприятию музыканта, а некто, пьющего из сосуда.

Использование напитков в различных обрядах и ритуалах было универсальным явлением, характерным, в том числе, и скифам. Чаша входила в состав «священных даров» или набора инициационных предметов обеих генеалогических скифских легенд и широко использовалась в ритуальной практике (Herod., IV, 5, 10, 65, 70, 71). Среди разнообразных изобразительных сюжетов «антропоморфного цикла» достаточно репрезентативны сцены, так или иначе содержавшие тему употребления напитков. Сразу в нескольких вариантах, но в очень близких изобразительных версиях, нашел отражение обряд побратимства или «клятвенного союза» (рис. 4, *1—4, 13*) [1]. Представительна серия бляшек, украшенных сюжетом сидящей с зеркалом богини и предстоящим скифом, пьющим из ритона (рис. 4, *5—12*) [2]. На сахновской диадеме к этому кругу сюжетов можно отнести сразу три сцены, из которых две (сцена «побратимства» и сцена

1. Представлены находками из следующих комплексов: Бердянский курган [Золото ..., 1991, кат. 100g]; Солоха [Манцевич, 1987, с. 63—65, кат. 40]; Куль-Оба [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pl. 196]; Сахновка [Вертієнко, 2015, рис. 65].

2. Представлены находками из следующих комплексов: Куль-Оба [Копейкина, 1986, с. 41, 41, кат. 6; Журавлев, Новикова, Шемаханская, 2014, с. 56, кат. 62]; Чертомлык [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, рис. 75, кат. 212, *30*]; Верхний Рогачик [ОАК, 1913—1915, рис. 221]; Тащенак [Болтрик, Фіалко, 1991, рис. 1]; Первый Мордвиновский курган [Лєсков, 1974, рис. 37]; Мелитопольский курган [Тереножкин, Мозолевский, 1988, рис. 149, 150, кат. 112]; Огуз [Болтрик, 1981, рис. на с. 234]; Носаки [Бидзиля, Болтрик, Мозолевский и др., 1977, рис. 11; 13; 14].

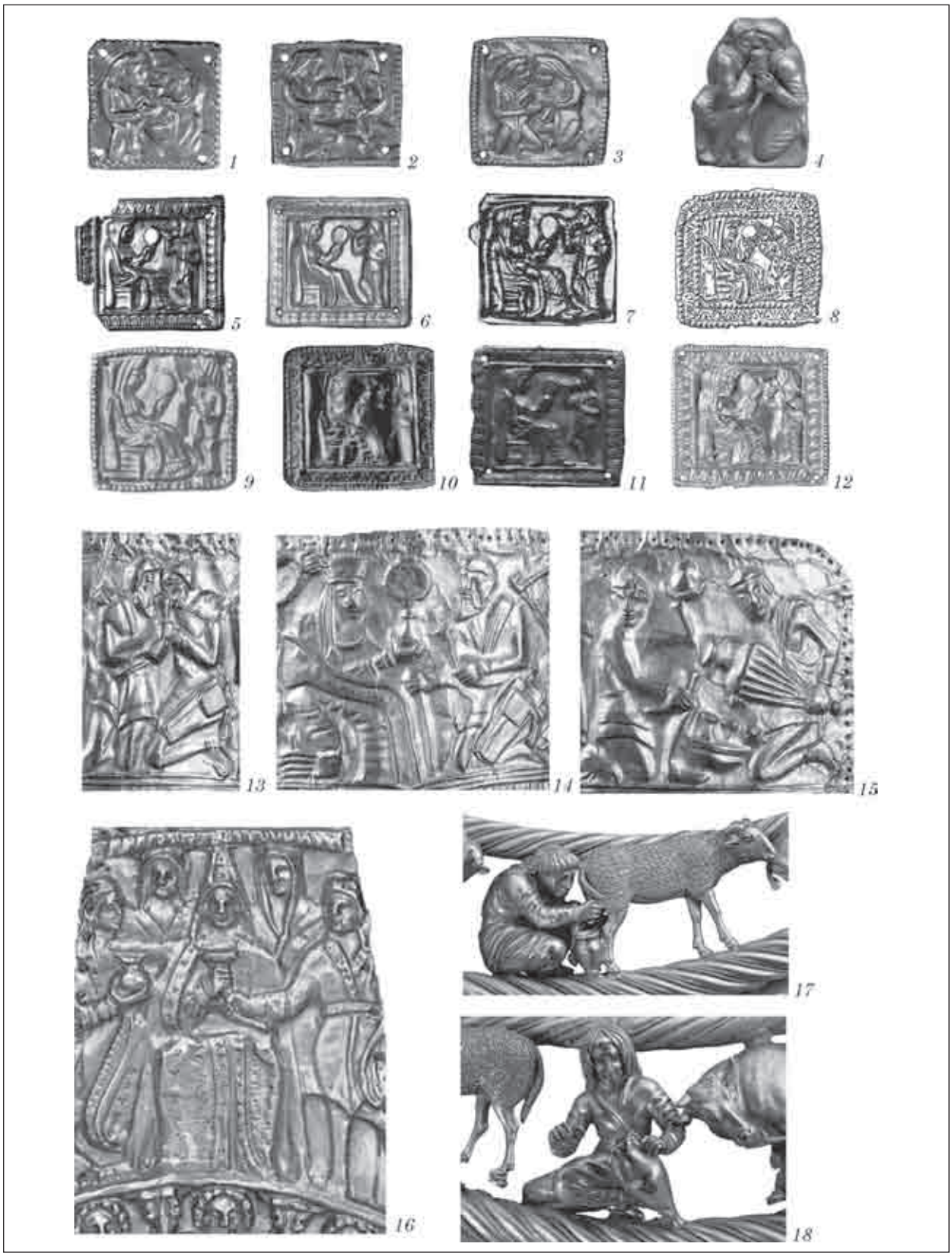


Рис. 4. Сцены употребления напитков: *1, 2, 4—16* — пластинчатые аппликации; *3* — пронизь (*1, 2* — Бердянский курган [Золото …, 1991, кат. 100g]; *3* — Солоха [Манцевич, 1987, кат. 40]; *4, 5* — Куль-Оба [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pl. 196; Журавлев, Новикова, Шемаханская, 2014, кат. 62]; *6* — Чертомлык [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, рис. 75]; *7* — Верхний Рогачик [ОАК, 1913—1915, рис. 221]; *8* — Тащенак [Болтрик, Фіалко, 1991, рис. 1]; *9* — Первый Мордвиновский курган [Лесков, 1974, рис. 37]; *10* — Мелитопольский курган [Тереножкин, Мозолевский, 1988, рис. 149]; *11* — Огуз [Болтрик, 1981, рис. на с. 234]; *12* — Носаки [Золото степу, 1991, кат. 100e/f]; *13—15* — Сахновка [Вертієнко, 2015, рис. 65; 82; 87]; *16* — Карагодеуашх [Алексеев, 2012, с. 234]); *17, 18* — Толстая Могила, сцены пекторали — юноша-дояр (*17*) и юноша с амфорой (*18*) [Клочко, 2012, рис. 2, 3]

с богиней и скифом) близки только что упомянутым, третья изображает прислужников, наполняющих напитками разнообразную посуду (рис. 4, *13—15*) [Вертієнко, 2015, рис. 65, 82, 87]. Различных персонажей с сосудами для питья можно также увидеть на еще одном типе бляшки из Чертомлыка [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, рис. 75, кат. 101], пластине головного убора из Карагодеуашха (рис. 4, *16*) [Алексеев, 2012, с. 234, 235] и других изобразительных памятниках. Наконец, в собственно скифской антропоморфной изобразительной традиции, представленной каменными изваяниями, одним из распространенных атрибутов является сосуд для питья — ритон (всего 40 случаев, преимущественно в Причерноморье и в Крыму) [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 67, табл. 10, 14].

Если обратится к изобразительным памятникам, выходящим за пределы скифской хронологии, можно обнаружить несколько близких аналогий позе Пана, изображенного сидящим «по-восточному» — со скрещенными ногами и сосудом в руках. С.А. Яценко, изучив сюжеты на изобразительных памятниках в культурах древних иранцев и в контактных с ними зонах, выделил четыре иконографические схемы сидящего мужского персонажа с сосудом в руке/руках. А именно — сидящий по-турецки одиночный мужской персонаж без оружия, держащий чашу перед собой в правой руке (**1**); одиночный мужской персонаж, сидящий по-турецки (правая нога сверху), держащий чашу перед собой в правой руке, а левой касающийся перекрестья крепящегося на поясе клинкового оружия (**2**); сидящий мужской персонаж, держащий на груди/животе обеими руками сосуд (**3.1** — с чашей/кубком; **3.2** — с ритоном); вручение сосуда сидящему безоружному персонажу другим лицом (**4**) [Яценко, 2011, с. 10—18]. Иконография Пана на перекрестье меча более всего соответствует схеме № 3, представленной на нескольких изделиях, относящихся к кругу сармато-аланских древностей I в. н. э. [1] Это сидящие мужские персонажи с круглотелым кубком на гривне из Кобяковского кургана [2] [Гугуев, 1992, рис. 8] и гагатовой (гишеровой) подвеске из кургана № 26 у хут. Алитуб [Засецкая, Ильюков, Косяненко, 1999, с. 59, рис. 4, *1*; Засецкая, 2011, ил. 89в; 2015, ил. 5в], а также с ритоном на ручке зеркала из Соколовой Могилы [Ковпаненко, 1986, рис. 70] и надгробии из Фанагории [3] [Кобылина, 1973, рис. 8] (рис. 5, *1—4*).

Конечно же, нельзя не заметить, что в подавляющей части приведенных примеров в качестве сосуда для питья превалирует ритон/рог. Абрис ритона заметно отличается гипотетического сосуда с широким устьем, наиболее соразмерного контурам флейты, изображенной в руках Пана. Однако доминирование ритона в изобразительной традиции не совсем тождественно ритуальной практике в реальности, которую более адекватно отражает состав погребального инвентаря. В памятниках от Дуная до Северного Кавказа выявлено немногим более 40 ритонов, причем в степном Причерноморье известно всего 13 комплексов с ритонами (из которых в 3 было найдено по 2 сосуда), в Лесостепи — 8 погребений [4].

Сосуды с широким устьем, используемые для питья, известны на протяжении всего скифского времени, в большом ассортименте (чаши, фиалы, килики и канфары) и из различных материалов (цветные и драгоценные металлы, глина, дерево, кость). Одним из наиболее ранних и ярких примеров подобной посуды является золотая двойная чаша-фиала из первого Келермесского кургана (рис. 6, *1*) [Галанина, 1997, с. 146—148, 225, 226, кат. 22, 23, табл. 2]. Фиалы более позднего времени из драгоценных металлов были найдены в Солохе (рис. 6, *2*) [Манцевич, 1987, с. 80—83, кат. 55], Куль-Обе (рис. 6, *3*) [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pls. 164, 165], Братолюбовском кургане (рис. 6, *4*) [Кубышев, Бессонова, Ковалев, 2009, с. 76—81, рис. 12, фото 18—23], Чмыревой [Трейстер, 2009, с. 415—431, 447, 448, рис. 1, *1—3*; 3—5], Хоминой [Мозолевский, 1973, с. 234, рис. 37, *1; 39*] и Семыкиной могилах [Болтрик, Трейстер, 2010, рис. 4—7], а также других комплексах. По единодушному мнению исследователей бронзовые чаши-лутерии[5], обнаруженные в скифских погребениях, использовались не в качестве сосудов для умывания, а также входили в состав сервизов для питья вина [Билимович, 1970, с. 134, 135; Галанина, 1980, с. 34; Ксенофонтова, 1992, с. 166, 167; Болтрик, Трейстер, Фіалко, 2009, с. 47, 48; Бидзиля, Полин, 2012, с. 328—330].

Широко распространены круглые деревянные чаши, украшенные по краям золотыми обивками и рассматриваемые большей частью исследователей как ритуальная посуда [Манцевич, 1966; Рябова, 1984; Королькова, 2003; Гуляев, 2006]. Среди наиболее ярких примеров

1. В целом иконографическая схема «сидящий с сосудом мужчина» гораздо шире территориально и хронологически. О ее глубоких корнях в культуре древних иранцев наглядно свидетельствует приводимое С.А. Яценко подобное изображение на золотой чаше IX в. до н. э. из Хасанлу [Яценко, 2011, с. 11, рис. 4, *1*].

2. Очень симптоматично, что в центре многофигурной композиции гривны (шейного украшения) из Кобяковского кургана помещен мужской персонаж с чашей в руках и мечом на коленях. Мы же в этом исследовании пытаемся вписать в композицию пекторали (шейного украшения) также сидящий мужской персонаж с условной чашей в руках, размещенный на перекрестии меча.

3. Интерпретация этого персонажа С.А. Яценко отличается от мнения М.М. Кобылиной, видевшей в нем Пана [Кобылина, 1973, с. 176—181].

4. Подсчет по данным С.В. Полина; полный перечень комплексов смотри [Бидзиля, Полин, 2012, с. 416].

5. Наиболее полный перечень комплексов смотри [Болтрик, Трейстер, Фіалко, 2009, с. 47, 48; Бидзиля, Полин, 2012, с. 328—330].

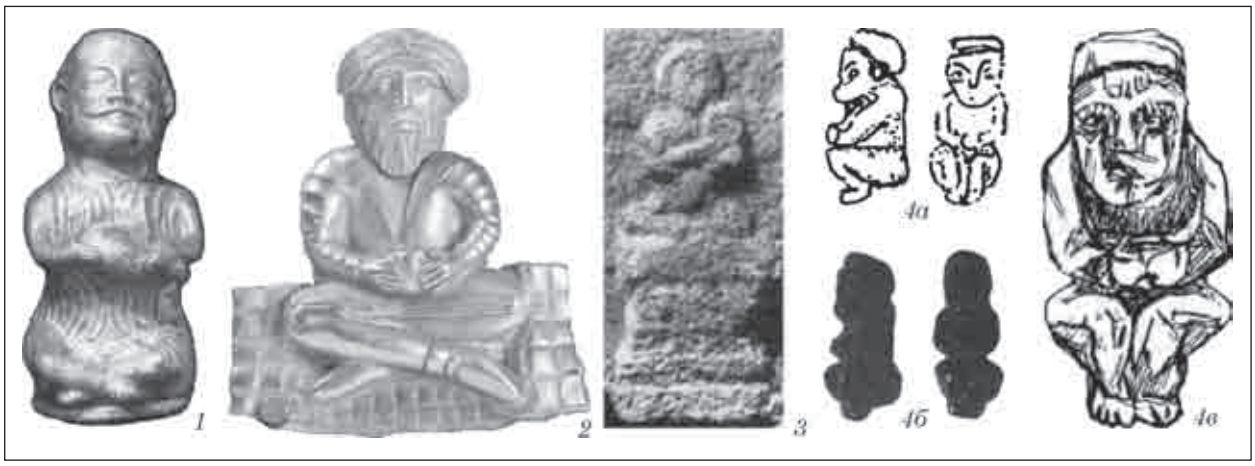


Рис. 5. Сидящие мужские персонажи с сосудом в руках: *1* — Соколова Могила [Ковпаненко, 1986, рис. 70]; *2* — Кобяковский курган [Гугуев, 1992, рис. 8]; *3* — Фанагория [Кобылина, 1973, рис. 8]; *4а—в* — курган № 26 у хут. Алитуб [Засецкая, Ильюков, Косяненко, 1999, рис. 4, *1*; Засецкая, 2015, ил. 5в]

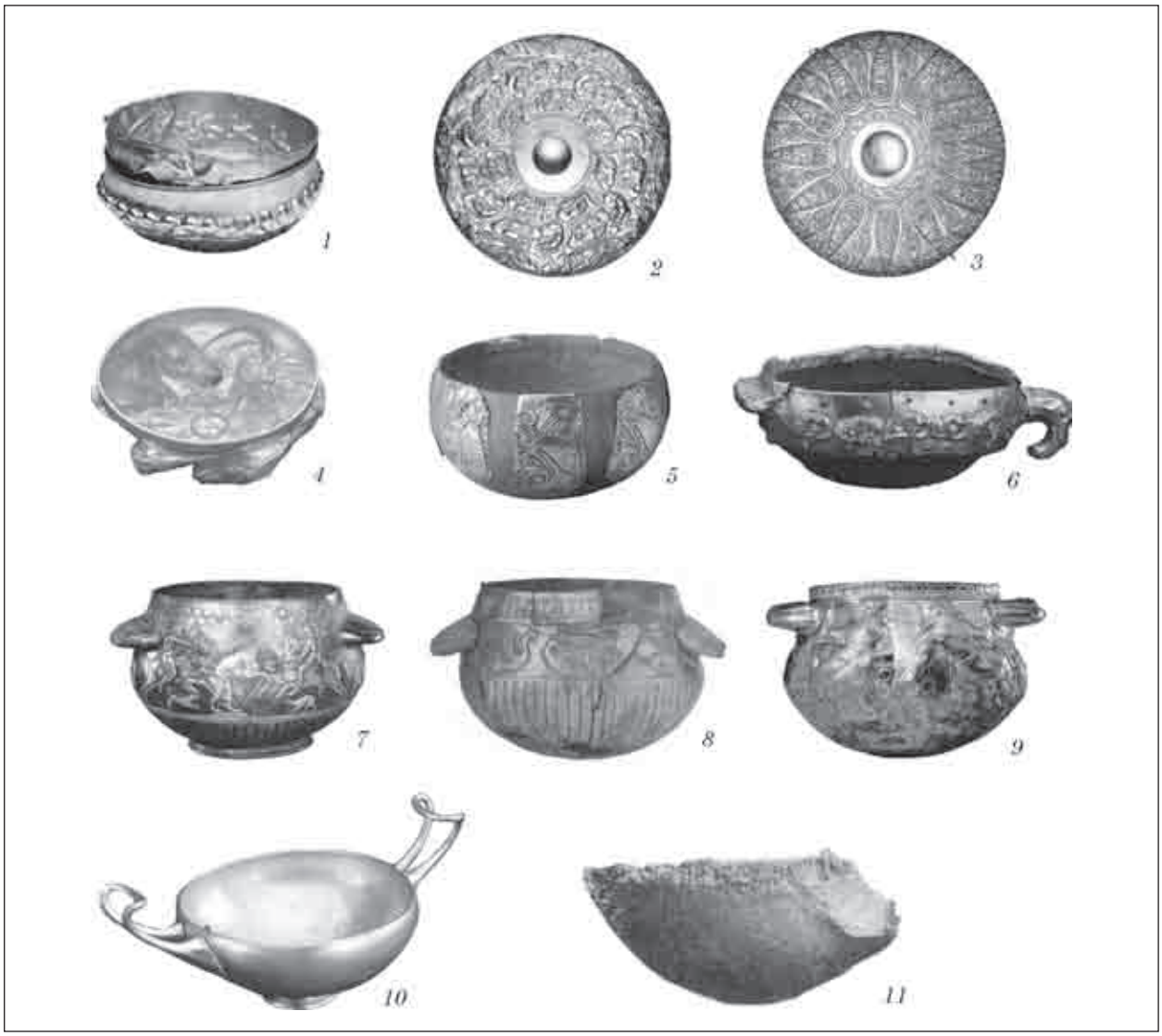


Рис. 6. Сосуды с широким устьем скифского времени: *1* — Келермесский курган [Галанина, 1997, табл. 2]; *2, 7* — Солоха [Алексеев, 2012, с. 140, 150]; *3* — Куль-Оба [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pl. 164]; *4* — Братолюбовский курган [Кубышев, Бессонова, Ковалев, 2009, фото 21]; *5* — Завадская Могила [Золото …, 1991, кат. 98а]; *6* — Бердянский курган [Чередниченко, Мурзін, 1996, рис. 8]; *8* — Чмырева Могила [Трейстер, 2009, рис. 7, *2*]; *9* — Гайманова Могила [Бидзиля, Полин, 2012, рис. 135]; *10* — Соболева Могила [Мозолевский, Полин, 2005, табл. 21, *1*]; *11* — Бельское городище [Шрамко, 1987, рис. 31, *1, 2*]

этой серии можно назвать сосуды из Завадской и Испановой могил (рис. 6, *5*) [Мозолевский, 1980, рис. 43—47; 83, *11—13*], Бердянского кургана (рис. 6, *6*) [Чередниченко, Мурзін, 1996, рис. 7; 8; Фиалко, 1998], Солохи [Манцевич, 1987, с. 95—97, кат. 68], Гайматовой Могилы [Бидзиля, Полин, 2012, с. 412, 413, рис. 577—579, кат. 212, 213] и многих других памятников. Известные также упомянутые Геродотом [IV, 65] чаши из человеческих черепов (рис. 6, *11*) [Шрамко, 1987, рис. 31, *1, 2*].

Представительна серия находок серебряных киликов (рис. 6, *10*) [1]. Еще более внушительна группа лаковой посуды для питья вина, состоящая из киликов, канфаров и скифосов [2]. В качестве сосудов для питья вина могли использоваться и аттические кратеры [Фиалко, 2004, с. 157]. Для нашего случая очень показательна морфология этих сосудов для питья вина с ручками по обе стороны тулова. Пьющий из килика, канфара или кратера вино, подносил сосуд ко рту, удерживая его обеими руками, что очень схоже с изображением Пана, поднесшего ко рту флейту. Возможно, несмотря на небольшие размеры, подобным образом удерживались во время питья и знаменитые чаши с широким горлом и двумя горизонтальными ручками под венчиком из Солохи, Гайматовой Могилы и Чмыревой Могилы (рис. 6, *7—9*). По мнению В.А. Рябовой, подобные ручки являлись имитацией ручек киликов и канфаров. Исследовательница отрицает функцию ручек в качестве своеобразных упоров и считает их просто декоративным элементом [Рябова, 1987, с. 149]. Если с первым утверждением можно согласиться, то второе не столь бесспорно. Декорирование сегментовидных ручек-выступов чаш из Солохи и Гайматовой Могилы, предметов, вне всякого сомнения, культовых, изображением противопоставленных бараньих голов — одного из наиболее употребительных символов материального воплощения фарна, также имело символическое значение, и во время функционального использования удерживанию чаш именно за обе ручки мог придаваться особый смысл.

Показательно, что и в Толстой Могиле — в детском (боковом) и в центральном погребении — было обнаружено 2 серебряных килика, которые Б.Н. Мозолевский отнес к ритуальной посуде. Непосредственно же в дромосе центрального погребения, недалеко от трехручной амфоры, найдена бронзовая чаша, вероятно, сорвавшаяся с крючка и откатившаяся на середину коридора [Мозолевський, 1979, с. 53, 55, 65, 66, 111, 143, 144, 195, 196].

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что играющий на флейте Пан, являющийся «цитатой из произведения античного искусства» [Трейстер, 2013, с. 460], мог вполне быть воспринят скифами в качестве персонажа, пьющего из сосуда с широким устьем, разнообразные типы которого использовало в это время в своей ритуальной практике местное население.

Второй момент, имеющий принципиальное значение для предлагаемых здесь интерпретаций, связан с сюжетом, представленным непосредственно в композиции самой пекторали. Речь идет о периферийной антропоморфной группе верхнего фриза пекторали, состоящей из двух скифов, занятых дойкой овец (рис. 4, *17, 18*). Очевидна связь этой группы с центральной сценой пекторали по наличию как минимум трех признаков — участию в обеих сценах людей (**1**), отсутствию у овец приплода, что резко выделяет их на фоне других животных верхнего фриза (**2**), а также участии в сюжетах указанных сцен идентичного животного — овцы = овечьей / бараньей шкуры (**3**) [Бабенко, 2013а, с. 451; 2013б, с. 114, 115]. Это дает основание предполагать и наличие сюжетной связи между антропоморфными группами пекторали и интерпретировать сцены «доения» как приготовления напитка для ритуала, подготовкой которого заняты персонажи центральной сцены. Это, в свою очередь, позволяет говорить о наличие связи между «группами доения» и «играющим на флейте Паном». Аналогично отмеченному выше случаю здесь прослеживается временная последовательность событий — за приготовлением юношами напитка следует потребление его персонажем на перекрестии меча. Интересно, что указанную цепочку событий — *приготовление напитков → их употребление* — можно увидеть и на других предметах греко-скифской торевтики. Наиболее явственно это представлено на сахновской пластине, где наличествует сцена наполнения слугами ритона вином из амфоры (причем безбородость персонажей подчеркивает их юный возраст) и две сцены употребления вина — «побратимства» и богини с предстоящим скифом (сцены 3, 1 и 5 соответственно, по А.В. Вертиенко [Вертієнко, 2015, с. 82]). Менее отчетливо это выражено в сценах на чаше из Гайматовой Могилы, где за спиной одного из персонажей центральной сцены с сосудом в руке (фигура 4) расположена фигура (№ 3) скифа-юноши с бурдюком, за спиной которого стоит еще один бурдюк [Бидзиля, Полин, 2012, рис. 138].

Рога. Если предложенные интерпретации козлиных ног Пана в качестве ритуальной меховой одежды или его флейты как ритуального сосуда основаны на предполагаемом полном переосмыслении скифами чуждого им изобразительного образа и его адаптации к собственным потребностям, то подобной ревизии для восприятия изображения рогов местному населению не

1. Не менее 25 сосудов из 21 комплекса, преимущественно с территории Северного Причерноморья. Подсчет по данным С.В. Полина; полный перечень комплексов смотри [Бидзиля, Полин, 2012, с. 411, 412].

2. По подсчетам Е.Е. Фиалко в погребальных памятниках Северного Причерноморья обнаружено 45 канфаров, 18 киликов и 13 скифосов различных типов [Фиалко, 2006, с. 57, 58].

требовалось. Этот элемент, как деталь морфологии различных зооморфных и фантастических персонажей, был близок скифской изобразительной традиции скифов (включая изделия греко-скифской торевтики). Помимо изображений различных видов копытных животных, скифское искусство изобилует синкретическими персонажами, наделенными рогами, в качестве несвойственного образу элемента — рогатыми грифонами, рыбами, львами и другими существами [Канторович, 2015, с. 150, 165, 195, 198, 206]. В квалификационной схеме фантастических животных, разработанной Ю.Б. Полидовичем, полиморфные персонажи, снабженные «чужеродными» рогами, представлены на всех трех уровнях — «межвидовом / семейственном», «межотрядном» и «межклассовом». Первый уровень репрезентован рогатыми конями, верблюдами и единорогами, второй — рогатыми хищниками, третий, наиболее многочисленный, — разнообразными видами рогатых грифонов, рогатыми существами с птичьей головой, крылатыми копытными, крылатыми и рогатыми хищниками, крылатыми единорогами, «змеями-драконами» и другими созданиями [Полидович, 2014/2015, с. 151—153, 156—158, 170—192].

Миксаморфные существа, сочетающие в своей морфологии антропоморфные, зооморфные и растительные черты, в скифском искусстве представлены значительно скромнее, хотя и известны на протяжении всего скифского периода. Показательно, что в номенклатуре наличествующих образов нет рогатых персонажей. Это косвенно может свидетельствовать об отсутствии в скифской мифологии персонажей с близкой иконографией, что еще раз свидетельствует об исключительном характере мотивов, побудивших торевтов к использованию образа, наделенного чуждыми для скифских традиций чертами.

В тоже время антропоморфные персонажи с рогами — в качестве составляющей их анатомии или же костюма — имеют глубокую и долговременную иконографическую традицию, и их изображения можно отыскать в культурах многих древних народов. Для Древнего Востока характерно почитание рогов как мощи, дарованной от бога [1] [Пиотровский, 2007, с. 34]. Б.А. Литвинский, со ссылкой на работу Э. Парада, указал на изображения персонажей с короной, украшенной рогами барана (или муфлона) на луристанских бронзах стеле из Унташгала [Литвинский, 1968, прим. 51; Porada, 1962, S. 202, 203, Abb. 40; 56]. Рогатых антропоморфных персонажей можно видеть и на более ранних печатях Ирана и Месопотамии IV — начала III тыс. до н. э. [Антонова, 1991; Вахтина, 2015, с. 84], а также на урартских пекторалях. На миниатюрной пекторали из Русахинили в центре композиции изображено сидящее на троне рогатое божество с сосудом в левой руке и жезлом-цветком (?) в правой (рис. 7, *1*) [Пиотровский, 1959, рис. 72; Fornasier, 1997, S. 126, Abb. 42]. Еще на одной пекторали из Урарту находится изображение крылатого божества с бородой, на голову которого надет шлем с рогами, украшенный веткой дерева жизни (рис. 7, *2*) [Fornasier, 1997, S. 127, Abb 44].

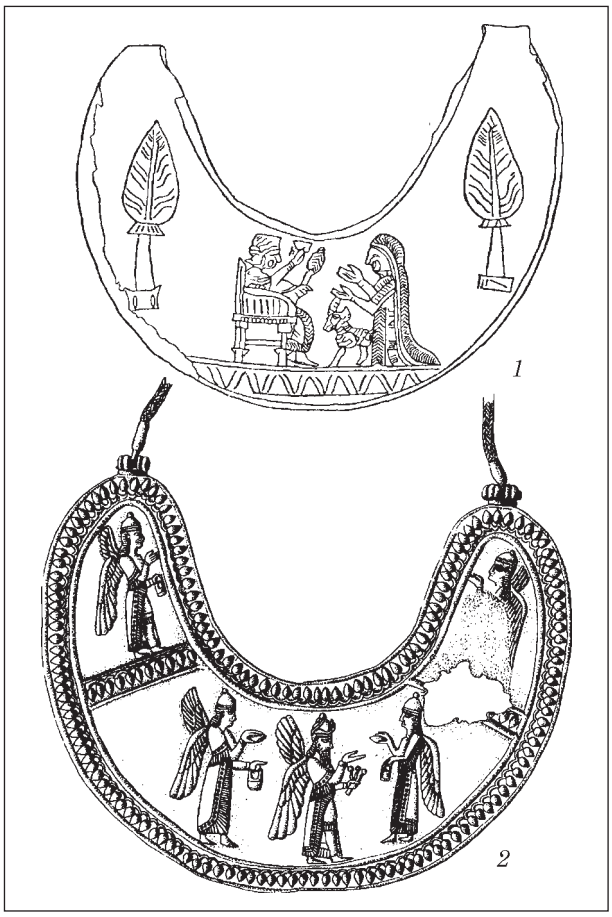


Рис. 7. Пекторали из Русахинили, Топрах-кале (*1*) [Пиотровский, 1959, рис. 72] и Урарту (*2*) [Fornasier, 1997, Abb. 42; 44]

Одним из наиболее замечательных антропоморфных образов с рогами является Зевс-Аммон — синкретическое греко-египетское божество в виде бородатого мужчины с загнутыми бараньими рогами. Его изображения представлены скульптурой (рис. 8, *1, 2*), но особенно много — монетами различной чеканки (рис. 8, *3, 4*) (Мелос, Кипр, Лесбос, Тенос, Метапонтум, Лампсак и другие) [Вальдгауер, 1923, с. 32, 33; Павлова, 1997; Дмитриев, 2013, рис. 3; 4]. Кульминацией культа Зевса-Аммона считается провозглашение в 331 г. до н. э. Александра Ма-

1. Очень показательно содержание некоторых ассирийских предсказаний по аномальным рождениям I тыс. до н. э. из «Šumma izbu». Так, рождение рогатого ребенка пророчило конец царской династии. В то же время рождение ягненка с тем или иным расположением рогов предвещало царю завоевание вселенной, расширение государства, умножения его могущества и богатства, победу над врагом [Ассировавилонський эпос, 2007, с. 298, 310, 311]. То есть, первое предсказание прорицало потерю фарна, тогда как второе — его обретение или сохранение.

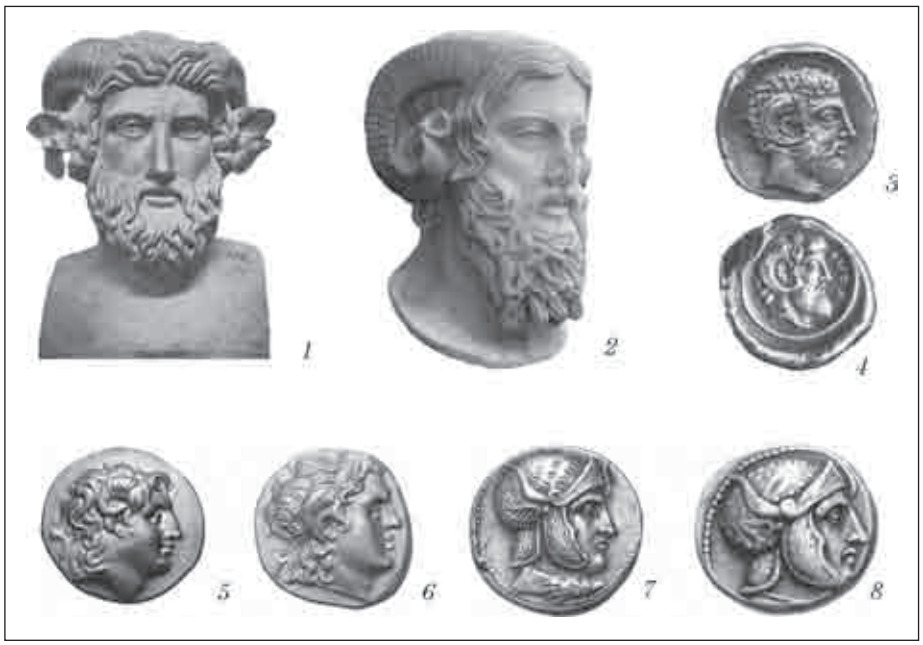


Рис. 8. Антропоморфные персонажи с рогами: *1—4* — Зевс-Аммон (*1* — Неаполь [Вальдгауер, 1923, рис. 20]; *2* — Государственное античное собрание в Мюнхене [https://en.wikipedia.org]; *3, 4* — изображения на монетах [Дмитриев, 2013, рис. 3, 4]); *5, 6* — Александр Македонский на монетах Лисимаха [Дмитриев, 2013, рис. 6]; *7, 8* — Селевк I Никатор [Дмитриев, 2013, рис. 7]

кедонского сыном божества, декларировавшее таким образом божественное происхождение царя [Костюхин, 1972, с. 120—128]. Этот образ нашел выражение как в изобразительной традиции, так и в письменной. Рога как атрибут царского достоинства присутствуют в изображениях Александра на монетах Лисимаха (рис. 8, *5, 6*) [Дмитриев, 2013, рис. 6]. Ярким примером письменной традиции является кораническое сказание о Зу-ль-Карнайне — Двурогом (сура «Пещера», 18:83—98), который надежно идентифицируется с Александром Македонским [Пиотровский, 1991, с. 147—149; 2007, с. 34—36]. Позднее рогами быка был украшен шлем на портретах Селевка I Никатора на аверсах монет (рис. 8, *7, 8*) [Дмитриев, 2013, рис. 7].

В более поздней иранской традиции использование рогов в качестве царственного атрибута наиболее ярко представлено в изобразительном искусстве сасанидской эпохи. В этом контексте очень примечательно описание Аммианом Марцеллином внешнего вида сасанидского царя Шапура II во время осады римской крепости Амиды в 359 г.: «*Верхом на коне, возвышаясь над другими, сам царь ехал впереди всех своих войск, с золотой диадемой в форме бараньей головы, украшенной драгоценными камнями*» (Amm. Marc. XIX. 1. 3). Похожие изображения можно увидеть на кушано-сасанидских монетах, предметах посуды и утвари — серебряных с позолотой блюдах с изображением Ездигерда II на пиру, охоты Варахрана на кабана, золотой монете «Владыка Варахран великий царь кушан» (рис. 9, *1—3*) [Луконин, 1977, рис. на с. 176, 177, 209]. Подобные изображения, как и антропоморфная фигурка с бараньими рогами на сасанидской печатке (рис. 9, *4*) [Grenet, 2013, fig. 2], рассматривается в качестве одного из материальных воплощений образа фарна [Литвинский, 1968, с. 88—90; Топоров, 1997, с. 557; Дмитриев, 2013; Вертієнко, 2015, с. 94]. Очень показательно, что по мнению ряда исследователей слово «корона» (англ. **crown**) созвучно слову «рог» (лат. **corn**), и оба эти существительные, выражающие одну и ту же идею власти, возвышения и освящения, могут быть связаны этимологически [Chevalier, Gheerbrant, 1982; Ковачев, 2006, с. 254].

Возвращаясь в скифскую эпоху и к вопросу о возможной связи рогов как элемента миксаморфного персонажа (Пана) с сюжетом пекторали, следует обратиться внимание на проблему культа фарна у скифов. Распространение этого культа в среде ираноязычных племен изучено как специально [Литвинский, 1968; Иштванович, 1997; Шауб, 2004; 2007а, с. 123—130; Михайлин, 2005, с. 118—139; Вертієнко, 2010; 2011; 2015, с. 88—96], так и попутно, в контексте исследования смежных проблем [Кузьмина, 1976, с. 55; Бессонова, 1983, с. 22; Раевский, 1977, с. 103; Канторович, 2007, с. 238—240; 2010, с. 212 и др.]. Многие исследователи с культом фарна связывали и центральную сцену верхнего фриза пекторали, исходя из доминирующего положения в ее композиции бараньей шкуры/рубахи из бараньего меха, как одного из возможных его материальных воплощений [Мошинский, 2002, с. 85; Михайлин, 2005, с. 118—176; Полидович, 2006; Шауб, 2007; Бабенко, 2013б, с. 118, 119; Вертієнко, 2015, с. 40, 95].

Таким же материальным олицетворением фарна были и рога [Вертієнко, 2015, с. 95]. Именно образ рогатого грифобарана или бараноптицы также соотносится с идеей фарном [Канторович, 2007, с. 238—240]. Наконец, исключительно выразительную параллель из другого рода источников — не изобразительных, а археологических, более чутко фиксирующих ритуалы, свойственные местному населению, дает серия мужских погребений, в которых был

прослежен обряд замещения голов покойников бараньими (козлиными) головами. Подобные захоронения были обнаружены в кургане у слободы Тарасовка возле г. Никополя Днепропетровской области, погребении 145 Светловодского грунтового могильника Кировоградской области, а также в кургане у с. Мичуринское Белогорского района (Центральный Крым) [Козир, 2014, с. 61—64; Скорый, 2015, с. 382—388]. По мнению С.А. Скорого данная группа погребений является материальным воплощением существовавшего культа фарна в скифском обществе, носителями которого являлись мужчины-воины [Скорый, 2015, с. 386, 387].

Следовательно, рога персонажа на перекрестии меча могли олицетворять собой обретение им, после прохождения установленного ритуала, включавшего в себя облачение в одеяние из меха и употребление священного напитка, божественной благодати — фарна [1].

В этом случае исключительный интерес представляет интерпретация одной малоприметной детали центральной сцены пекторали — а именно, особенности оформления нижнего края руна/рубахи (рис. 2, *3*). Б.Н. Мозолевский обозначил его как украшение «вертикальными рубчиками» [Мозолевський, 1979, с. 86]. А.П. Манцевич интерпретировала рубчатый край как «чешуйчатый пояс» [Манцевич, 1980, с. 105, 106], что представляется вполне приемлемой атрибуцией [Бабенко, 2013б, с. 118]. Однако в историографии имеются и совершенно иные толкования этой детали. По мнению Д. Мецлера, штриховка и изгиб обеих нижних краев руна напоминает бараньи рога [Metzler, 1997, S. 178]. Независимо от немецкого исследователя к такому же выводу пришел и А.П. Мошинский, увидевший в рубчатой структуре края руна изображение рогов, на которых была растянута шейная и затылочная часть шкуры, а в рукавах — шкуру, стянутую с ног [Мошинский, 2002, с. 84]. Нельзя безоговорочно согласиться с предложенной функцией «рогов» в качестве своеобразной рамы, на которой было растянуто руно. Если все же оба исследователи правы в своей интерпретации «рубчатого края руна» как бараньих рогов, то последние более целесообразно рассматривать как элемент ритуального костюма, призванный символизировать обретение фарна.

Как и в двух предыдущих случаях, изображенное на пекторали событие предшествует сцене на перекрестие меча. Следует заметить, что в сюжетах изобразительных памятников греко-скифской торевтики наличие временных

Рис. 9. Антропоморфные персонажи с рогами на древностях сасанидской эпохи; серебряные с позолотой блюда с изображением: *1* — охоты Варахрана на кабана; *2* — Ездигерда II на пиру; *3* — золотая монета «Владыка Варахран великий царь кушан» [Луконин, 1977, рис. на с. 176, 177, 209]; *4* — печатка [Grenet, 2013, fig. 2]

структур в виде своеобразной последовательности сцен «предшествования-следования» отмечалось неоднократно. Более явственно оно выражено на самой пекторали из Толстой Могилы и серебряной амфоры из Чертомлыка [Балонов, 1991; 1994], кубках, декорированных сюжетами генеалогического цикла [Раевский, 1977, с. 30—40], сахновской пластине [Вертієнко, 2015], менее отчетливо — на золотом гребне из Солохи [Алексеев, 2003а, с. 83]. Сопоставление сюжетов на пекторали и перекрестье меча в свете предложенных трактовок демонстрирует еще более яркую картину аналогичной временной последовательности событий, но реализованную в пределах двух разных изделий, соединенных археологическим контекстом. Если на пекторали наличествуют несколько сцен подготовки к некоему ритуалу (шитье меховой рубахи, приготовление напитков), то на перекрестии меча изображена следующая по времени сцена, являющаяся апогеем ритуала, в которой на облаченного в меховую одежду и пьющего из сосуда персонажа нисходит божественная благодать — фарн, материализованным изображением которого выступают рога [2].

1. Возможно, близкие идеи были выражены в конструкции головного убора из кургана Иссык, увенчанного золотой фигуркой архара [Акишев, 1978, с. 24, рис. 62; 63; табл. 6]. Сходную конструкцию и семантику имел, вероятно, и головной убор, украшенный фигуркой золотого козла, использованной вторично в качестве украшения деревянной чаши из погребения 4 могильника Тиллятепе [Sarianidi, 1985, Taf. 113—120; Brentjes, 1994, S. 179, 180].

2. Это изображение очень органично соответствует описанию церемонии коронации персидских царей: «Ищущий посвящения входит в храм, снимает свою одежду и облачается в платье, которое носил Кир Древний до того, как взошел на престол, затем он отведывает пастилы из плодов смоковницы, разгрызает несколько фисташковых орехов и выпивает небольшую чашу кислого молока» (Plut. Artax., 3).

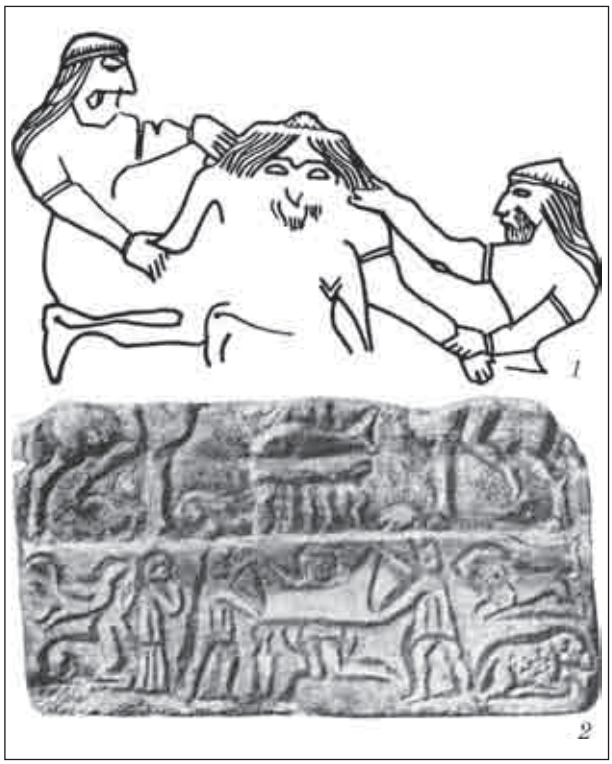


Рис. 10. Изобразительные сюжеты с «третьим персонажем»: *1* — фрагмент композиции на чаше из Хасанлу; *2* — каменная табличка из Мезии [Мозолевський, 1979, рис. 137, 138]

Интерпретация функций изображенного на перекрестии меча Пана в качестве главного действующего лица сюжета пекторали, обретающего фарн, побуждает затронуть проблему «третьего персонажа». У ее истоков лежат подобранные Б.Н. Мозолевским для центральной сцены пекторали две очень интересные иконографические аналогии. Первая представлена сценой на золотой чаше из Хасанлу, на нижнем ярусе которой находится изображение двух обращенных друг к другу и сидящих на корточках мужчин, которые держат за руки и голову третьего, центрального персонажа (рис. 10, *1*). Вторая — каменной табличкой из Мезии с изображением пары мужчин, растягивающих двумя руками шкуру, за которой на плоском камне на коленях находится третий персонаж (рис. 10, *2*) [Мозолевський, 1979, с. 221—223, рис. 137, 138]. Камнем преткновения, препятствующим более полному сходству сюжетов, является участие в указанных сценах третьего, центрального персонажа, на которого и направлены действия боковых участников ритуала, и, соответственно, его отсутствие в сцене на пекторали. Б.Н. Мозолевский склонен был объяснять подобное несовпадение изображением разных по времени стадий проведения одного и того же ритуала — подготовкой на пекторали и уже свершаемым актом на чаше и табличке [Мозолевський, 1979, с. 224].

Предложенные Б.Н. Мозолевским аналогии и трактовки вызвали возражения Д.С. Раевского, отрицавшего наличие единого смысла сцен в виду не столько «разности объекта, на который направлено действие основных персонажей: на пекторали — одеяние, на чаше — человек», сколько несовпадению самого действия — шитью в первом случае и облачению третьего персонажа, вообще отсутствующего на пекторали — во втором [Раевский, 1985, с. 231]. На отсутствии третьего человека в сцене на пекторали построена и критика предлагаемых Б.Н. Мозолевским иконографических параллелей в рецензии на монографию Б.А. Шрамко [Шрамко, 1984, с. 278, 279]. Одним из возможных вариантов решения «проблемы третьего персонажа» виделось участие в композиции пекторали непосредственно ее носителя. Во время функционального использования пектораль находилась на груди ее владельца, и все сюжеты, представленные на пекторали, имели к нему прямое отношения и были направлены непосредственно на него. То есть, облачаясь в пектораль, владелец должен был органично вписаться в наличествующий сюжет и поэтому полное осмысление композиции пекторали предполагает и присутствие в ней персоны ее обладателя [Бабенко, 2013а, с. 452, 453; 2013б, с. 118, 119]. Непосредственное участие в композиции пекторали ее носителя (царя), воплощавшего мировую ось — отсутствующий мотив мирового дерева как вертикали, предполагал и В.Я. Петрухин [Петрухин, 2001, с. 147].

Введение в сюжет пекторали нового персонажа — Пана — никоим образом не противоречит предложенной ранее гипотезе об участии в этом сюжете хозяина пекторали, а наоборот — является дополнительным аргументом в ее пользу. Меч, как и лук (один из основных предметов инвеститурного акта), в отличие от дистанционного оружие — стрел, дротиков, а также копий, являлся индивидуальным, не теряемым в бою, предметом вооружения воина. Помимо широко известного отождествления меча с богом войны, меч был тесно связан со своим владельцем. По мнению С.С. Бессоновой, кинжал или меч в кенотафе мог олицетворять самого погибшего [Бессонова, 1984, с. 9]. Очень красноречивый пример подобной связи можно увидеть в нартском эпосе, в эпизоде гибели Батраза. Между героем и его мечом, в котором заключена его «внешняя душа», существовала мистическая связь. Батраз не мог умереть, пока меч не был брошен в море. И только утопив оружие, Нарты смогли победить своего легендарного противника [Дюмезиль, 1984, с. 21]. Поэтому изображения Пана на перекрестье меча могло восприниматься как символическое изображение самого хозяина меча и пекторали в кульминационный момент проведения ритуала, призванного обеспечить обретения им фарна.

Объединяет оба предмета, пектораль и меч, — и космологическая составляющая композиции обоих изделий, связанная с реализа-

цией концепции мирового дерева. В пекторали наиболее отчетливо это выражено посредством ее трехчастной структуры, а также композиции среднего фриза, украшенного преимущественно растительными сюжетами [Раевский, 1985, с. 200—203]. Связь скифских мечей в целом с идеями мирового дерева явственно проявляется в устройстве четырехугольных «алтарей Ареса» с водруженным на вершине мечом, являющемся осью мироздания и соединяющего три мира [Бессонова, 1984, с. 5—7]. Непосредственно на мече из Толстой Могилы (как и ряде других мечей) идеи мирового дерева выражены через сюжеты его декора [Полидович, 2015, с. 128, 129].

Наконец, пектораль — предмет с ярко выраженной ритуальной функцией — связывает с мечом и высокая степень вероятности церемониального характера последнего. Ширина его рукояти (8 см) затрудняла удобный охват рукой и эффективность боевого применения [Вертієнко, 2013, с. 52; Полидович, 2015, с. 134]. В этом случае совместная находка меча и пекторали позволяет предположить общее их участие в рамках одной церемонии, и, соответственно, такую же общность и взаимосвязь представленных на них сюжетов.

Связь выделенных здесь элементов иконографии Пана — меховых ног, флейты или рогов — с тем или иным сюжетным образом пекторали, если каждый из них рассматривать в отдельности, выглядит очень зыбкой. Однако совпадение даже не по двум, а по трем позициям, разносторонним и первостепенным в структуре сюжета, нахождение обоих изделий в составе одного археологического комплекса, отличающегося неординарностью контекста, а также уникальность для скифского искусства (включая предметы торевтики) как центрального сюжета композиции пекторали, так и образа Пана, очень выразительны. Это придает указанным совпадениям характер не случайной, а преднамеренной связи. Образ Пана для декорирования меча был выбран по причине очень гармоничного сочетания по целому ряду его иконографических признаков с сюжетом пекторали, при том, что в последнем наличествовала, недосказанность, незавершенность изображаемого действа. Размещением дополнительного изображения именно на мече было акцентировано внимание на участии, более того — главенствующей роли, в этом ритуале непосредственно самого владельца меча и пекторали. Связь персонажа, выраженного посредством образа Пана, с сюжетом пекторали, подчеркивает и собственно его чуждость для скифского восприятия в целом. Нигде более, несмотря на интенсивную интервенцию в скифскую среду персонажей древнегреческого искусства и мифологии и, прежде всего, дионисийского круга, образ Пана не был употреблен для декора изделий торевтов. Единичный случай его использование отражает и уникальность ситуации, в которой этот образ оказался востребованным — именно в сочетании с узловыми моментами композиции пекторали — также уникального произведения торевтики, и в качестве необходимого дополнения к ее сюжету.

В целом же представляется несомненным, что анализ декора меча из Толстой Могилы может дать дополнительную информацию для более глубокого понимания нюансов семантики сюжетов пекторали. Верно также и обратное. Ответ на вопрос, почему именно Пан был выбран для украшения перекрестия меча, следует искать в контексте связи этого образа с композиционным сюжетом пекторали.

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. — М., 1978. — 132 с.

Алексеев А.Ю. Гребень из кургана Солоха и скифские цари V—IV веков до н. э. // АСГЭ. — 2003а. — Вып. 36. — С. 72—88.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э. — СПб., 2003б. — 416 с.

Алексеев А.Ю. Золото скифских царей из собрания Эрмитажа. — СПб., 2012. — 272 с.

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. — К., 1991. — 413 с.

Андроникос М. Царские гробницы в Вергине (из истории раскопок) // ВДИ. — 1990. — № 1. — С. 107—129.

Антонова Е.В. Антропоморфный персонаж на печатях Ирана и Месопотамии // ВДИ. — 1991. — № 2. — С. 3—17.

Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. — 1961. — Вып. 2. — С. 57—87.

Ассиро-вавилонський эпос / переводы с шумерского и аккадского языков В.К. Шилейко. — СПб., 2007. — 661 с.

Бабенко Л.И. О семантике композиции пекторали из Толстой Могилы // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. — СПб., 2013а. — С. 449—454.

Бабенко Л.І. До семантики центральної сцени пекторалі з Товстої Могили // Древности 2013. — Харьков, 2013б. — С. 111—122.

Балонов Ф.Р. Чертомлыкская серебрянная амфора как модель мифопоэтического пространства-времени // Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. — К., 1991. —С. 375—377.

Балонов Ф.Р. Пектораль из Толстой Могилы как модель мифопоэтического пространства-времени // Элитные курганы степей Евразии. — СПб., 1994. — С. 17—22.

Безсонова С.С. Зображення Афіни за матеріалами Північного Причорномор'я // Археологія. — 1975. — Вип. 17. — С. 23—38.

Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. — К., 1983. — 138 с.

Бессонова С.С. О культе оружия у скифов // Вооружения скифов и сарматов. — К., 1984. — С. 3—21.

Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П. Курганный могильник в уроч. Носаки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки. — К, 1977. — С. 61—158.

Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. — К., 2012. — 752 с.
Билимович З.А. Два бронзовых таза из Семибратних курганов // СА. — 1970. — № 3. — С. 128—135.
Болтрик Ю.В. Исследования кургана Огуз // АО 1980 г. — М., 1981. — С. 233, 234.
Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Золотые ажурные аппликации у скифов // Ювелирное искусство и материальная культура. — СПб., 1997. — С. 5—7.
Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є. Дослідження скіфського царського кургану Тащенак // АДУ 1990 р. — К., 1991. — С. 7—9.
Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є. Тайники у поховальній традиції скіфів // Музейні читання. — К., 2002. — С. 169—173.
Болтрик Ю.В., Трейстер М.Ю., Фіалко О.Є. Імпортний бронзовий посуд із східної могили Бердянського кургану // Археологія. — 2009. — № 1. — С. 40—52.
Болтрик Ю.В., Трейстер М.Ю. Срібна фіала з Семикиної Могили // Археологія. — 2010. — № 2. — С. 62—74.
Вальдгауер О.Ф. Мирон. — Берлин, 1923. — 45 с.
Вахтина М.Ю. Об иконографии женского божества на серебряном блюде из кургана Чертомлык // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. — СПб., 2015. — С. 76—87 (Тр. ГЭ. — **77**).
Венедиков И., Герасимов Г. Тракийското изкуство. — София, 1973. — 407 с.
Вертиенко А.В. «Скифский арфист» (к интерпретации одной из сцен сахновской пластины) // Археологический альманах. — 2010. — № 21. — С. 320—332.
Вертиенко А.В. К персонификации скифского воинского божества в Luc., Tox., 38 // Східний світ. — 2012. — № 3. — С. 41—52.
Вертієнко Г.В. Скіфське щорічне ὁρτή (Herod., Hist., IV, 7, 2) і осетинське повір'я про куырысдзау // Орієнтальні дослідження в Україні. До ювілею Л.В. Матвеєвої. — К., 2010. — С. 111—125.
Вертієнко Г.В. Про одну форму царського farnah у скіфів (до інтерпретації сцени на сахнівській пластині // Східний світ. — 2011. — № 2. — С. 68—75.
Вертієнко Г.В. Скіфська клинкова зброя та авестійське karəta- // Музейні читання. — К., 2013. — С. 47—68.
Вертієнко Г.В. Іконографія скіфської есхатології. — К., 2015. — 224 с.
Викторова Л.Л. Монгольская одежда // Одежда народов Зарубежной Азии: Сб. Музея антропологии и этнографии. — Л., 1977. — Т. XXXII. — С. 168—197.
Викторова Л.Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. — М., 1980. — 224 с.
Виноградов Ю.А. О ритонах из кургана Карагодеуашх // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. — СПб., 1993. — С. 66—71.
Галанина Л.К. Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV века до н. э. — Л., 1980. — 127 с.
Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. — М., 1997. — 269 с. + 44 табл.
Граков Б.Н. Скифский Геракл // КСИИМК. — 1950. — Вып. XXXIV. — С. 7—18.
Гугуев В.К. Кобяковский курган (к вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н. э. — начала II в. н. э.) // ВДИ. — 1992. — № 4. — С. 116—129.
Гуляев В.И. Деревянные чаши с золотыми обкладками из курганов скифского времени на Среднем Дону // Древности скифской эпохи. — М., 2006. — С. 335—350.
Даржа В. Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. — Кызыл, 2014. — 184 с.
Дмитриев В.А. Рога Амона, культ быка и Фарр Кеянидов (еще раз к вопросу о царских коронах Сасанидов) // Проблемы филологии, истории, культуры. — 2013. — № 3 (41). — С. 64—79.
Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. — М., 1990. — 229 с.
Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю., Шемаханская М.С. Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея. Историко-технологическое исследование. — М., 2014. — 352 с.
Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач: Новочеркасский клад. — СПб., 2011. — 328 с.
Засецкая И.П. Загадка золотого кубка из разрушенного погребения у ст. Мигулинской // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. — СПб., 2015. — С. 171—183 (Тр. ГЭ. — **77**).
Засецкая И.П., Ильюков Л.С., Косяненко В.М. Погребальный комплекс среднесарматской культуры у хут. Алитуб // Донская археология. — 1999. — № 2. — С. 51—60.
Золото степу. Археологія України. Каталог виставки. — Київ; Шлезвіг, 1991. — 439 с.
Иштванович Э. Данные по религиозным представлениям сарматов Карпатского бассейна // Донские древности. — Азов, 1997. — Вып. 5. — С. 116—125.
Канторович А.Р. Истоки и варианты образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверино стиле // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сб. пам. М.П. Абрамовой (1931—2003). — М., 2007. — С. 235—257 (МИАР. — Т. 8).
Канторович А.Р. Истоки и вариации образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле VII—VI вв. до н. э. // Археологический альманах. — 2010. — № 21. — С. 189—224.
Канторович А.Р. Образы синкретических существ в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология, иконографическая динамика // Исторические исследования. — 2015. — № 3. — С. 113—218.
Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Антропоморфные изображения в меото-скифской торевтике // Stratum plus. — 2005—2009. — № 3. — С. 277—296.
Клочко Л.С. Золота етнографія Скіфії (верхній фриз пекторалі з кургану Товста Могила) // Народна творчість та етнологія. — 2012. — № 1. — С. 51—60.
Кобылина М.М. Пан на надгробной плите из Фанагории // СА. — 1973. — № 3. — С. 174—182.
Ковачев А.Н. Символы власти и их интерпретация в различных культурах // Антропология власти: хрестоматия по политической антропологии: В 2-х т. — СПб., 2006. — Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе. — С. 249—273.
Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. — К., 1986. — 151 с.
Козир І.А. Ритуальне поховання 145 з ґрунтового могильника поблизу м. Світловодськ Кіровоградської обл. // Феномен Більського городища — 2014. — Київ; Полтава, 2014. — С. 61—64.
Копейкина Л.В. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торевтика. — Л., 1986. — С. 28—63.
Королькова Е.Ф. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // АСГЭ. — 2003. — Вып. 36. — С. 28—59.
Костюхин Е.А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции — М., 1972. — 190 с.
Ксенофонтова И.В. Античные художественные бронзы из Уляпских (Ульских) курганов // РА. — 1992. — № 4. — С. 163—169.

Кубышев А.И., Бессонова С.С., Ковалев Н.В. Братолюбовский курган. — К., 2009. — 192 с.
Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. — М., 1976. — С. 52—65.
Кузьмина Е.Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев (культурологические очерки). — М., 2002. — 288 с.
Лелеков Л.А. Ранние формы иранского эпоса // НАА. — 1979. — № 3. — С. 173—188.
Лєсков О.М. Скарби курганів Херсонщини. — К., 1974. — 123 с.
Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). — Душанбе, 1968. — 120 с.
Манцевич А.П. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. — 1966. — Вып. 8. — С. 23—38.
Манцевич А.П. Золотой нагрудник из Толстой Могилы // Thracia Serdicae. — 1980. — Vol. V. — P. 97—120.
Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. — Л., 1987. — 143 с.
Маслов В.Е. Композиция с номадами из Калалыгыр 2 и ее культурно-исторический фон // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. — СПб., 2015. — С. 269—295 (Тр. ГЭ. — **77**).
Мачинский Д.А. Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. — Л., 1978. — С. 131—150.
Мозолевский Б.Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. — К., 1973. — С. 187—234.
Мозолевський Б.М. Товста Могила. — К., 1979. — 251 с.
Мозолевский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972—1975 гг.) // Скифия и Кавказ. — К., 1980. — С. 70—154.
Мозолевський Б.М., Білозір В.П., Василенко В.А. Дослідження Соболевої Могили // АДУ 1991 р. — Луцьк, 1993. — С. 71, 72
Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). — К., 2005. — 600 с.
Мошинский А.П. Золотое руно как символ царской власти // Донская археология. — 2002. — № 1—2. — С. 84—88.
ОАК за 1913—1915 годы. — Пг., 1918. — 295 с.
Олійник О.Г. Зображення скіфського музиканта на сахнівській пластині // Археологія. — 2003. — № 4. — С. 40—54.
Олійник О.Г. Скіфо-сарматські музичні інструменти (за матеріалами археологічних розкопок на території України) // МДАПВ. — 2006. — Вип. 10. — С. 283—290.
Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII—III вв. до н. э. — М., 1994. — 188 с.
Николаева Д.А. Одежда и украшения // Буряты. — М., 2004. — С. 151—165.
Павлова О.И. Зевс и Амон в античной традиции // Восток. — 1997. — № 6. — С. 26—32.
Петрухин В.Я. «Золотое руно» и «скифская космограмма» // МИФ-7: Ἀποθέωσις. На акад. Дмитри Сергеевич Раевски. — София, 2001. — С. 147—156.
Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). — М., 1959. — 284 с.
Пиотровский М.Б. Коранические сказания. — М., 1991. — 219 с.
Пиотровский М.Б. Два рога Александра Македонского // Александр Великий. Путь на Восток. — СПБ., 2007. — С. 34—36.
Полидович Ю.Б. Пектораль — символ жизни и смерти // Журнал о металле. — 2006. — № 3—4 (9). — С. 82—85.
Полидович Ю.Б. Меч из кургана Толстая Могила // Старожитності раннього залізного віку. — К., 2015. — С. 124—139 (АДІУ. — Вип. 2 (15)).
Полидович Ю.Б. Образы фантастических животных в искусстве народов скифского мира // Донецький археологічний збірник. — 2014/2015. — № 18/19. — С. 149—201.
Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV—III вв. до н. э.). — Новосибирск, 2005. — 232 с.
Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. — М., 1977. — 216 с.
Раевский Д.С. «Скифское» и «греческое» в сюжетных изображениях на скифских древностях (к проблеме антропоморфизации скифского пантеона) // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. — М., 1978. — С. 63—71.
Раевский Д.С. Эллинские боги в Скифии? (К семантической характеристике греко-скифского искусства) // ВДИ. — 1980. — № 1. — С. 49—71.
Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. — М., 1985. — 256 с.
Русяєва М.В. Діонісійські сюжети на пам'ятках торевтики із скіфських курганів // Археологія. — 1995. — № 1. —С. 22—34.
Рябова В.О. Дерев'яні чаші з оббивками з курганів скіфського часу // Археологія. — 1984. — Вип. 46. — С. 31—44.
Рябова В.А. Двуручные чаши из скифских курганов // Скифы Северного Причерноморья. — К., 1987. — С. 144—151.
Сказки и придания алтайских тувинцев: собраны Эрикой Таубе / Авториз. пер. с нем. Б.Е. Чистовой. — М., 1994. — 382 с.
Скорый С.А. Об одной группе культовых погребений Скифии // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. — СПб., 2015. — С. 382—388 (Тр. ГЭ. — **77**).
Степанов М.В. Скифский хтонический миф и его отражение в погребальном обряде. — К., 2015. — 178 с.
Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. — К., 1988. — 264 с.
Топал Д.А. Финальная линия развития мечей классической Скифии. Соотношение типов Чертомлык и Шульговка // Stratum plus. — 2014. — № 3. — С. 129—156.
Топоров В.П. Фарн // МНМ. — М., 1997. — Т. 2. — С. 557, 558.
Трейстер М.Ю. Серебряные сосуды из тайника Чмыревой Могилы // Древности Боспора. — 2009. — Вып. 13. — С. 414—460.
Трейстер М.Ю. Образ Пана на обкладке перекрестья меча из Толстой Могилы (о некоторых аспектах «греко-скифского» стиля в торевтике IV в. до н. э.) // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. — СПб., 2013. — С. 454—461.
Фиалко Е.Е. Символика образа птицы на скифских деревянных чашах // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь — СПб., 1998. — С. 82, 83.

Фиалко Е.Е. Аттический кратер как символ скифского номарха // Cimmerians. Scythians. Sarmatians. — Kraków, 2004. — С. 149—160.
Фиалко Е.Е. Посуда с лаковым покрытием в погребальном обряде скифов // Древности скифской эпохи. — М., 2006. — С. 351—387.
Фіалко О.Є. Музичні інструменти номадів скіфського часу // Археологія — 2013. — № 2. — С. 14—28.
Чередниченко М.М., Мурзін В.Ю. Основні дослідження Бердянського кургану // Археологія. — 1996. — № 1. — С. 69—78.
Черненко Е.В. Оружие из Толстой могилы // Скифский мир. — К., 1975. — С. 152—173.
Шауб И.Ю. Из истории языческих верований в Северном Причерноморье: культ фарна у скифов // Вестн. Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. — М., 2004. — № 2. — С. 150—159.
Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII—IV вв. до н. э. — СПб., 2007а. — 484 с.
Шауб И.Ю. Образ «Владыки зверей» на Боспоре и Скифии // Боспорский феномен: Сакральный смысл региона, памятников, находок. — СПб., 2007б. — Ч. 1. — С. 27—29.
Шрамко Б.А. Рецензия на: Мозолевський Б.М. Товста Могила. Київ, 1979 // СА. — 1984. — № 1. — С. 272—280.
Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — К., 1987. — 183 с.
Яценко С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. — М., 2006. — 664 с.
Яценко С.А. Сидящий мужской персонаж с сосудом в руке на сакской бронзовой «курильнице» из Семиречья // История и археология Семиречья. — Алматы, 2011. — Вып. 4. — С. 7—26.
Яценко С.А. Этапы и формы антропоморфизации в греко-скифском и скифском искусстве IV в. до н. э. // Причерноморье в античное и средневековое время: Сб. науч. тр., посвящ. 65-летию проф. В.П. Копылова. — Ростов-на-Дону, 2013. — С. 216—230.
Brentjes B. Das Pektorale aus der Tolstaja Mogila und altkleinasiatische Beziehungen // Altorientalische Forschungen. — 1994. — Bd. 21, H. 1. — S. 176—180.
Chevalier J., Gheerbrant A. Dictionnaire des symboles: Mythes, rêves, coutumes, gestes, formes, figures, couleurs, nombres. — Paris, 1982. — 1060 p.
Fornasier J. Das Pektorale aus der Tolstaja Mogila Vergleichende Untersuchungen zur Form und Funktion // Zur graeco-skythische Kunst. Archlologisches Kolloquium Münster. — Münster, 1997. — S. 119—146.
Grenet F. Some hitherto Unrecognized Mythological Figures on Sasanian Seals: Proposed Identifi cations // Commentationes Iranicae: Сб. ст. к 90-летию В.А. Лившица. — СПб., 2013. — P. 202—211.
Metzler D. Die politisch-religiose Bedeutung des Vlieses auf dem skythischen Pektorale aus der Tolstaja Mogila // Zur graeco-skythische Kunst. Archlologisches Kolloquium Münster. — Münster, 1997. — S. 177—196.
Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. The legacy of the Scythian world: mid-7th to 3rd century B.C. — Leningrad, 1986. — 182 p.
Porada E. Alt-Iran: Die Kunst in vorislamischer Zeit. — Baden-Baden, 1962. — 286 S.
Sarianidi V.I. Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-Tepe Necropolis in Northern Afghanistan. — Leningrad, 1985. — 260 p.
Электрон. ресурс: https://en.wikipedia.org/wiki/Amun#Greece.

Л. І. Бабенко

ПАН І СЮЖЕТ ПЕКТОРАЛІ — НЕВИПАДКОВІ ЗБІГИ?

Золота оковка перехрестя меча з Товстої Могили була декорована Паном, що грає на флейті — унікальним персонажем для виробів греко-скіфської торевтики. Поява цього образу у декорі меча пояснювалася різними причинами — зв'язком божества із військовою сферою, поширенням діонісійських культів, переосмисленням образу Пана як еквівалента іранського бога війни Веретрагна.

Для більш глибокого розуміння причин використання цього образа необхідно враховувати і археологічний контекст знахідки, перш за все — її перебування в одному комплексі з пектораллю. Це дозволяє говорити про існування можливого зв'язку між окремими образами та сюжетами, репрезентованими на обох виробах. Досить імовірно, що три риси іконографії Пана — волохаті ноги, флейта та роги — могли бути переосмислені скіфами як одягання в хутряний одяг, посуд зі священним напоєм та набуття персонажем фарна.

У цьому випадку Пан сприймався як символічне зображення самого господаря меча у кульмінаційний момент проведення ритуалу, покликаного забезпечити набуття ним фарна. На пекторалі були відтворені різні сцени підготовки до цього ритуалу.

Ключові слова: Товста Могила, меч, пектораль, Пан, фарн.

L. I. Babenko

PAN AND THE PECTORAL PLOT — NONRANDOM COINCIDENCE?

Golden binding cross sword from Tovsta Mohyla was decorated with Pan playing on the flute. He is a unique character for handiwork of Greek Scythian toreutics. Appearance of this character on the sword decoration was explained with diverse reasons — the goddess relation to military sphere, spread of Dionysian cult, reframing of Pan image as an equivalent of Iran god of war Veretragn.

For more profound understanding of reasons of using this image it is necessary to take into consideration archaeological context of the finding, first of all — its position in one complex with the pectoral. This fact allows stating a possible connection between different images and plots, depicted on the both handiworks. Most probably three traits of Pan iconography — shaggy legs, the flute and horns could be reframed by the Scythians as robbing in fur clothes, vessel with sacred drink and attaining the farn by the character.

In this case Pan is conceived as symbolic depiction of master of the sword in high tide of the ritual for providing him with farn acquisition. The pectoral replicated different scenes of preparations for this ritual.

Keywords: Tovsta Mohyla, sword, pectoral, Pan, farn.

Одержано 03.04.2016

УДК: 904.5(477.64)"6383"

Ю. В. Болтрик

МІСЦЕ БЕРДЯНСЬКОГО КУРГАНУ В СИСТЕМІ ПОХОВАЛЬНИХ ПАМ'ЯТОК СКІФІЇ

У статті проаналізовано соціальну позицію відомого елітного скіфського поховального комплексу, розкопаного у м. Бердянськ у 1977—1978 рр. Матеріали кургану співвідносяться з синхронними пам'ятками Нижнього Дніпра і Молочної. Заперечується версія про поховання жриці Великої богині в Східній могилі цього кургану. Бердянський курган є еталонним для розуміння взаємозв'язку підземних споруд в єдиному поховальному комплексі. Подібна система простежується як в курганах представників скіфської еліти хронологічного горизонту Бердянського кургану, так і в пізніший час.

Ключові слова: поховальний комплекс, первісне обвалування, поховальна доріжка, морська трава, тайники-схованки.

Майже чверть сторіччя минуло з дня відходу Б.М. Мозолевського у вічність. Ці роки позначені переважанням аналітичного перетравлення матеріалів вже розкопаних курганів скіфської еліти на тлі припинення розкопок нових поховальних комплексів [1]. Перша половина польової діяльності Б.М. Мозолевського припала на період розробки методики розкопок великих скіфських курганів (в значній мірі він і був одним з її творців), в ті часи вважалось достатнім копати насипи курганів з однією стратиграфічною бровкою. І хоч вже давно пролунав заклик М.П. Грязнова вбачати в насипу кургану залишки складної архітектурної споруди [Грязнов, 1961], до насипів скіфських курганів все ще зберігалося ставлення як до купи землі, що в кращому випадку захищала або ж позначала місце поховання. В руслі цього підходу були розкопані з однією центральною бровкою Гайманова, Товста Могили та Жовтокам'янка. Згодом правило досліджувати насипи за допомогою багатьох паралельних бровок охопило колективи всіх новобудовних експедицій. Одним з перших застосував нову методику і Б.М. Мозолевський,тож вже наступні його кургани були розкопані з багатьма бездоганними бровками.

Принцип декількох бровок було застосовано і при розкопках Бердянського кургану. Тут завдяки ним було одержано важливе, для розуміння устрою скіфського кургану, спостереження про одночасне влаштування всіх трьох могил поховального комплексу. Але перед тим, як розглянути спільні і відмінні риси елементів устрою та обряду Бердянського та інших курганів його хронологічного горизонту, слід надати загальну інформацію про цю пам'ятку.

Нагадаймо, що Бердянський курган досліджувала Приазовська експедиція Інституту археології АН УРСР, очолювана М.М. Чередниченком. Епопея його розкопок тривала без перерви рік і два тижні (з 1977 по 1978 рр.). Такий тривалий термін робіт був обумовлений значною глибиною підземних споруд і складною геологічною ситуацією — каолінова глина кришилася і руйнувала шахтарські кріплення. Матеріали досліджень Бердянського кургану відразу опинились в центрі уваги скіфологів. Звернення до його цікавих і важливих матеріалів тривають і досі [Бессонова, 1982; Фиалко, 1987; 1998; 2001а; 2001б; 2014; Чередниченко, Ковалев, Фиалко, 1979; Чередниченко, Фиалко, 1988; Болтрик, Фиалко, Чередниченко, 1994; Мурзін, Фіалко, 1998а; 1998б; Полін, Ковальов, Чередниченко, 2000; Кузнецова, 2001; 2012; 2015; Алексеев, 2003; Болтрик, Трейстер, Фіалко, 2009; Полин, 2014, с. 263—268].

1. Єдиним втішним виключенням тут стали якісні розкопки та швидка публікація матеріалів кургану Близнец-2 [Ромашко, Скорий, 2009].

© Ю.В. БОЛТРИК, 2016

Насип кургану 8,4 м заввишки [1], діаметром понад 70 м, знаходився на краю правобережного плато над заплавою Берди, за 9 км від її гирла. В сучасних реаліях це південна частина села Нововасилівка, що нині опинилось в межах м. Бердянськ. За 140 м на північний захід від кургану знаходиться ще один насип подібних розмірів, не виключено, що також скіфського часу. У 1971 р. експедиції Інституту археології передувала невдала спроба співробітників Бердянського музею дослідити курган власними силами [2]. Команда О.Я. Огульчанського застала насип 7 м заввишки, зафіксувала сліди зрізання його бульдозером та дві ногайські могили. Безліч інших могил ногайців, що вкривали схили насипу кургану та простір навколо, вже в 1977 р. дослідила Приазовська експедицією ІА АН УРСР. Наявність цього могильника виправдовує тюркську назву Бердянського кургану Мізарлі Тубе (Мизарлік Тюбе), що перекладається як *кладовище-пагорб* або *курган кладовище*.

Слід зазначити, що у Північному Приазов'ї Бердянський є найбільшим серед розкопаних курганів, а його Центральна могила (глибина 15 м) є найглибшою серед усіх відомих поховальних споруд Скіфії. Власне ці обставини, на тлі трьох одночасних могил, наповнених престижними артефактами і підпорядкованих головному небіжчику, дозволяють припускати, що померлий міг бути володарем Північного Приазов'я. Хронологічна ж позиція пам'ятки, орієнтовно 380—365 рр. до н. е., дає можливість припускати, що цей властитель правив і помер у період, що передував встановленню потужної центральної влади у Скіфії.

В зв'язку з цим цікавим є спостереження С.І. Круц. Вона звернула увагу на обставину в антропологічних матеріалах Бердянського кургану, що тісно пов'язує його з Чортомлицьким курганом. Йдеться про дивовижну схожість розмірів довгих кісток молодого чоловіка (скелет 2) з Центральної могили Бердянського кургану та виночерпія з Чортомлика [Круц, 1991, табл. 1]. А до того ж Світлана Іванівна наголошує, що, крім збігу розмірів та пропорцій довгих кісток, на плечових кістках обох скелетів є межмищелковий отвір (foramen intercondyloideum s. supratrochleare), а ця риса доволі рідко зустрічається, ще й саме на цих частинах скелету [Круц, 1991, с. 346]. С.І. Круц схилялась до думки, що ці дві особи були близькими родичами, про що згадувала в приватних розмовах, але не наважилася це оприлюднити в додатку до монографії, присвяченій кургану Чортомлик. Звичайно, будувати певні логічні конструкції стосовно цього цікавого і важливого спостереження, не маючи порівняльного тест-аналізу ДНК цих двох осіб, було б необачно. Проте ми маємо факт дивовижного збігу індивідуальних ознак скелетів двох молодих людей з поховальних пам'яток, рознесених в часі мінімум на одне—півтора покоління, та в просторі більш ніж на 200 км по прямій, а зважаючи, що кургани розділяє спільна заплава Дніпра та Конки (район Великого Лугу) та інші водні перепони, ця відстань сягне 245 км. Якщо факт родинної (генетичної) близькості цих двох небіжчиків, а схоже, що вони обидва були виночерпіями або ж чашниками і мали приблизно однаковий вік 22—25 (Бердянськ) та 25—29 (Чортомлик) років, підтвердиться, то скіфологи матимуть в своєму розпорядженні жорстку (хоч і плаваючу) хронологічну дистанцію між двома поховальними комплексами.

Бердянський курган, збудований приблизно за два покоління після Геродота на теренах, де батько історії локалізував царських скіфів, належав домінуючому «етносу» Скіфії і був усипальницею одного з їхніх провідників. Саме тому простежується багато спільних рис між курганами центрального Придніпровського ядра та поховальним комплексом з Приазов'я. Цілком можливо, що Бердянський курган побіжно засвідчує походження царя, похованого в Чортомлику, з Приазов'я. І саме з Чортомликом, до певної міри, споріднює Бердянський курган такий елемент схеми підземних центральних споруд, як принцип влаштування поховальної камери-під кутом до вхідної шахти, ще й на 1,5 м нижче рівня долівки шахти. У Чортомлику, як і в Козлі та двох Мордвинівських курганах, цей принцип був розвинутий до схеми косого хреста, при якому під всіма кутами вхідної шахти влаштовували камери-пелюстки. Не виключаємо, що влаштувати камеру площею біля 30 м^2 на глибині 15 м саме таким чином змусила крихкість каолінової глини, в якій вирізали поховальні споруди Бердянського кургану.

Саме викид цієї глини, викладений на рівні давньої підкурганної поверхні біля всіх трьох могил (біля бокової Східної ще й перекрита гранітними брилами крепіди), засвідчує єдність та синхронність Бердянського поховального комплексу. Відповідно, дві з трьох могил (менших за розмірами і глибиною) слід визнати супроводжуючими. Поховальний інвентар цих могил демонструє їх призначення. Це, перш за все, **Південна могила** — єдина, яку не відвідав (?) грабіжник, виконувала функції харчової камери (своєрідного льоху). Розміщення її в безпосередній близькості до шахти Центральної могили (відстань між ними складає 0,8 м) нагадує схему розташування комори ранньої могили Со-

1. Висота насипу за даними топографічної карти 1932 р. Не виключено, що насип був ще вищим, проте ногайське кладовище знівелювало його верхівку.

2. Ініціатором цих аматорських розкопок був письменник та краєзнавець Олексій Якович Огульчанський (1912—1996). На ці розкопки його надихнули сенсаційні відкриття Гайманової та Товстої Могил. Бердянських музейників злякала і зупинила значна глибина вхідної ями Центральної могили. Відряджений у грудні 1971 р. на курган Інститутом археології АН УРСР В.В. Отрощенко зупинив подальші спроби розкопок пам'ятки до появи професійної експедиції [Папанова, Голик, Калініченко 2016, с. 75, 170, рис. 56].

лохи (1912 р.). Вона теж знаходиться з півдня, поруч з головною камерою, і виразно демонструє її господарче призначення на тлі відсутності похованого. А пограбування північної, суто поховальної, камери Солохи (1912) через хід, що прийшов з під північної поли кургану (дивним чином, який потрапляє в самісінький північно-східний кут камери) [Манцевич, 1987, с. 11], дає підстави вважати, що грабіжники не потрапили до південної камери-комори. Вірогідно, на заваді стала перемичка майже триметрової висоти, що розділяла камери [Манцевич, 1987, с. 10; рис. 4]. У світлі останньої пропозиції Т.М. Кузнецової поглибити дату першої могили Солохи приблизно до 450—430 рр. до н. е. [Кузнецова, 2015, с. 252], наближаючи її до часу правління Аріапейта, хронологічна дистанція між нею та Бердянським курганом зростає до трьох—чотирьох поколінь. Проте схоже, що традиція розводити камери в різні боки від однієї вхідної ями все ще жила, і прикладом тому може бути бокова Південна гробниця Казенної Могили.

Поховальний комплекс Казенної Могили близький в часі Бердянському кургану, але, вірогідно, дещо молодший за нього. Прикметно, що автори розкопок традиційно вважали Південну гробницю Казенної Могили впускною, хоча рівня впуску не помітили, а розходження камер в різні боки теж намагались пояснити створенням їх в різний час [Бидзиля, Ляшко, 1974]. Хоч Південна гробниця Казенної Могили виявилась частково пограбованою, можна реконструювати її призначення. Її було розміщено за 15 м на південь від центральної вхідної ями, біля зовнішнього схилу первісногоа обвалування. Між ними знаходиться, але дещо східніше, могила одного коня в досить глибокому підбої. Камера (північна) Південної гробниці була орієнтована до центру, тобто в бік головного небіжчика, схоже мала господарче призначення (кістки великої тварини, нагрівальне каміння, ніж, посуд) хоч і супроводжувалась особою в золотих прикрасах. Вхід до камери перекривали великі брили вапнякового каміння. Тоді як іншу камеру, розвернуту в протилежний бік, закривали залишки восьми коліс. Тобто дві повозки супроводжували жінку похилого віку. Хай вона була в розкішних шатах (12 типів різних золотих платівок прикрашали калаф та верхню частину одягу) та мала золоті литі сережки, але саме наявність двох розібраних транспортних засобів вказує на її підлегле становище.

Наявність та місцезнаходження повозів виступає побічним доказом існування синхронних головному похованню супроводжуючих могил, про що я вже мав нагоду писати [Болтрик, 2009]. Розібрані вози залишали в бокових могилах, влаштованих в 30—35° від головної меридіональної вісі кургану. Залишки возів не розміщували в центральних могилах (виключення становить Гайманова Могила — тут вони є в обох усипальнях). Однак, розміщення двох повозок в бокових могилах Александрополя та Казенної Могили, при досить пересічному характері іншого інвентарю, свідчить про залежний стан похованих в них. Збіг у розміщенні повозів, як і сам факт їх знахідок, додатково підкреслює допоміжний та залежний стан цих могил. Тому, напевно, слід відмовитись відсприймання бокових могил, як поховань жриць (Бердянський курган та Казенна Могила) або ж цариць (Бердянський курган, Гайманова та Товста Могили). І трактувати їх як місця, де залишалося допоміжне майно та елементи поховального поїзду, як то колеса, борти та декор катафалків і залишки кінської амуніції.

Повертаючись до Бердянського кургану, слід зазначити, що в його **Східній могилі** криється, мабуть, одна з найбільших інтриг цієї пам'ятки. М.М. Чередниченко вважав, що тут похована жриця великої богині з її юним візником [Чередниченко, Фиалко, 1988, с. 165]. Майже три десятиріччя тому наявність повозки посилювало думку про жрицю в цій могилі, особливо у світлі статті С.С. Бессонової про скіфські повозки [Бессонова,1982]. Великі сподівання на Східну могилу покладала Т.М. Кузнецова, вбачаючи в ній місце поховання Опої — матері Оріка, молодшого сина скіфського царя Аріапейта [Кузнецова, 2001, с. 146—149]. Свого часу я зауважив Тетяні Михайлівні, що комплекс Східної могили знаходиться доволі далеко від головного дніпровського осередку курганів вищої еліти, виглядає досить залежним по відношенню до головної могили, та й часова різниця з часом Аріапейта доволі значна [Болтрик, 2001, с. 29, 30]. У зв'язку з цією самою версією А.Ю. Алексеєв наголошував на пізнішому часі Бердянського кургану щодо ранньої могили Солохи [Алексеев, 2003, с. 230].

Нині я б додав ще одне спостереження. Так, за матеріалами публікації Східної могили [Чередниченко, Фиалко, 1988] виходить, що потенційну «царицю» або ж «жрицю» поклали під стінку камери на крейдяну підсипку. Тоді як, приміром, головний небіжчик в центральній камері лежав на її середині, ще й на дерев'яній конструкції, власне як і належить домінуючий особі. Тут, до речі, впадає в око схожість розташування залишків скелету літньої жінки в поховальній камері з втиснутим під стінку підбоя підлітком 10—12 років з могили конюха в Братолюбівському кургані [Кубышев, Бессонова, Ковалев, 2009, с. 22; рис. 14]. Доречно зауважити, що близький за віком хлопчик лежав і на початку камери Східної могили. Автори розкопок Бердянського кургану вважають, що кістки жінки доволі сумлінно склали до кучки самі грабіжники могили, до того ж хребці та ребра були з'єднані між собою патологічним розростанням кісткової тканини. Оскільки поруч з кістками були зафіксовані сліди блакитної, малинової та червоної фарби з відбитками тканини простого плетіння [Чередниченко, Фиалко, 1988, с. 153], в цих залишках є підстави вбачати рештки

лантуха, в якому на місце поховання доставили раніш померлу жінку. Саме тому її кістки справляли враження складених. Про звичай кочовиків возити своїх муміфікованих небіжчиків, яких компактно складали до мішків, приторочених до сідла коня, оповідав О.І. Тереножкін. У 1920-х рр. він на власні очі спостерігав за процедурою подібного поховання заволзькими номадами, що повернулися з кочування.

Ще одна обставина змушує відмовитись від версії сумлінного грабіжника, що склав кістки жінки до купи. Справа в тому, що в центрі крейдяної підсипки була влаштована схованка (№ 3), яку знайшли давні грабіжники, проте там залишились три золоті трикутні платівки [Чередниченко, Фиалко, 1988, с. 155, рис. 1]. Ситуація, коли б під покійником робили схованки, мені не відома, тому вірогідність того, що залишки небіжчиці склали так самі упорядники могили, виглядає більш вірогідною. Слід зазначити, що в підлозі камери Східної могили було відкрито чотири тайника-схованки. Це рекордна кількість. Два з них були пограбовані, два залишись цілими. В одному з вцілілих тайників (№ 2) були 197 вістер стріл (з них шість кістяних кулеподібних, решта бронзові) та залізний ніж з кістяною ручкою. В іншому тайнику (№ 1) домінували прикраси урочистого колісного транспортного засобу. Серед них були чотири бронзові навершшя, прикрашені фігуркою оленя з підібганими кінцівками, 20 бронзових дзвіночків, 202 бронзові рурочки (4 — 4,2 см завдовжки) з шкіряним шнуром в середині. Комплекс цих рурочок у поєднанні з іншими елементами декору створював гірлянду довжиною 10—11 м, тобто таку, що могла двічі обгорнути периметр катафалку. Серед інших артефактів бронзові та залізні оздоби коня. Тобто один тайник був заповнений головним елементом — зброєю для дистанційного бою, другий (а він був вдвічі більший за всі інші) зберігав демонтовані елементи поховального кортежу.

Свого часу в археологічному середовищі існувало припущення, що в поглибленнях під підлогою камер ховали від грабіжників найбільш коштовні речі, звідки і назва «тайник». Згодом ця версія відпала [1]. Слушнішою здається думка, що це були дари хтонічним силам [Бессонова, 1984, с. 10].

Крім Бердянського кургану тайники-схованки відомі ще в восьми підземних поховальних спорудах (Гайманової та Чмиревої Могил, Мелітопольського та Братолюбівського курганів, Куль-Оби, Олександрівки к. 6, Великої Білозірки к. 30, Красного Подолу к. 2), ще шість походять з насипів курганів (Шелюги, Передеріїва Могила, Іллічево к. 1, Томаківська Гостра Могила) чи навіть за межами насипів (Чмирева та Плоска Могили) [Болтрик, Фиалко, 1992].

Речі, що їх знаходять в тайниках, складають відносно обмежений асортимент. Це золоті та срібні посудини різної форми, дерев'яні чаші з золотими накладками, коштовні горити, так звані великі «ворварки», золоті гривни, мечі в золотих піхвах та бронзові навершшя.

За наборами артефактів схованки розпадаються на чотири групи. В першій групі присутні великі золоті ворварки (безумовно, культові речі) в поєднанні в різних варіаціях з гривною, мечем, горитом, ритоном (Братолюбівський курган, Олександрівка, Шелюги, Передеріїва Могила, Іллічево к. 1, Томаківська Гостра Могила). Друга група, можливо, пов'язана з першою, має меч (Велика Білозірка к. 30), горит [2] та накладку на щит (?) (Куль-Оба), горит в поєднанні з бронзовим бойовим поясом та розшитою золотими бляхами портупеєю (?) (Мелітопольський курган), сагайдачний набір (Бердянський курган). До третьої групи віднесені тайники, що зберігали посудини з коштовних металів (Гайманова Могила — 5 посудин, Чмирева Могила — 10, Красний Поділ — 1). Четверту групу склали тайники, що зберігали елементи оздоб поховальних повозок (Бердянський курган, Чмирева та Плоска Могили).

Аналіз речей з тайників дозволяє дійти висновку, що вони мали забезпечити виконання певних культових дій різного спрямування, а зважаючи на місце знаходження цих речей, обряди мали виконуватись в потойбічному світі.

Ситуація з оформленням простору навколо **Центральної могили** слугує своєрідним еталоном для визначення устрою Мелітопольського кургану та Казенної Могили. Маємо на увазі ту обставину, що місце навколо Центральної та Південної могил на момент похорону оточував кільцевий вал і внутрішня частина цієї воронки була заповнена шарами морської трави-камки (*zosteramarina*), що чергувалась з вальками та мулом. В щоденнику, який вела співробітниця Бердянського музею Таміла Сергіївна Міщенко під час робіт на кургані 1971 р., в запису від 25 серпня вона зазначає, що шар камки падав під кутом 60° і все це мало вигляд глибокої тарілки. Тобто йдеться про декорування внутрішніх схилів обвалування навколо центральної могили. В цих записах згадується шар очерету, що був над шаром камки. Шари камки різної потужності фіксуються і вище. Нажаль, в 1971 р. картину декорування внутрішнього простору кургану зруйнували, не зафіксувавши її графічно. Подібне чергування шарів органіки (деревини) та каміння фіксується в елітних поховальних спорудах скіфського часу в Казахстані. Класичним прикладом тут може виступати кліть з колод у вигляді зрізаної піраміди з могильника Чилікта [Мыльников,

1. Мабуть, остаточну крапку тут поставили міркування з цього приводу Б.М. Мозолевського, за ними тайники мали культове призначення [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 171—172].

2. Уламки золотої обкладки гориту зі схованки Куль-Оби Поль Дебрюкс бачив у перекупників вкраденого [Брашинский, 1979, с. 52].

2011, с. 426; рис. 2]. В.П. Мильников зазначає, що коріння подібних зрубів-клітей сягає доби бронзи [Мыльников, 2011, с. 427]. Наземна конструкція зрубу-кліті по суті повторює ідею оточення місця поховання, яке в наших курганах виконувало обвалування з блоків дерену.

У Бердянському кургані, як і в інших пам'ятках на захід від нього, простір навколо могили, обмежений обвалуванням, давав початок поховальним доріжкам. На момент поховання в центрі уваги учасників поховальної дії був отвір вхідної шахти. Після ж її закладання відбувався процес заповнення блоками дерену (інколи їх чергували з шарами камки, як в Бердянському та Мелітопольскому курганах) внутрішнього простору в середині первісного обвалування. Вірогідно, подібний принцип закладання простору в середині обвалування зафіксував М.І. Веселовський на Шульгівці. Він вказує мінімум три шари камки в насипу центральної частини кургану, що залягали від рівня давнього горизонту з інтервалом 1,6 та 1,4 м (за потужності шару до 0,2—0,15 м). Присутність поруч викиду та грабіжницьких ходів доводить, що йдеться саме про центр кургану [Архив ИИМК РАН, 1889, д. № 17, л. 34]. Простір навколо центральної могили в курганах Нижньодніпровської групи заповнювали шаром очерету, це зафіксовано в Казенній Могилі. Очерет там лежав на викиді, накривав вхідну яму та простір навколо неї діаметром до 20 м, фіксувався овалом в плані. В південній частині первісного насипу (або обвалування) Казенної Могили на висоті біля 2,5 м був ще один шар очерету, витягнутий зі сходу на захід, розмірами 25 × 13—12 м. Він, вірогідно, фіксував верхній рівень заповнення внутрішнього простору. Використання камки для декорування простору в середині обвалування було простежено мною на Чмиревій Могилі та Огузі.

Жолобоподібний прохід з заходу до центру кургану, який було залишено в первісному обвалуванні, фіксувався на Бердянському кургані та на Огузі, тут доріжку було декоровано декількома шарами лозини, перекритою шаром камки. Але на Огузі на доріжці була влаштована могила коней, на Бердянському кургані їх тут немає. Схоже, коней Бердянська залишили у вхідній шахті Центральної могили. Судячи з опису Т.С. Міщенко від 30 серпня 1971 р., коней було четверо (за черепами), лежали вони на глибині 2,6 м [1], тобто вхідну шахту майже заклали камінням та камкою. Рівень залягання коней крім їх зруйнованих кісток фіксує «сыпучий грунт зеленой окраски». З досвіду Огузу можу стверджувати, що цей ґрунт є свідченням життєдіяльності коней. Тобто коні в могилі були певний час живими. На це ж вказує хаотичне розташування черепів тварин — вони падали самі, їх не вбивали. Коні були в упряжі, оздобленій бронзовими прикрасами та бронзовими псаліями з шипами [2].

Саму ж Центральну вхідну шахту Бердянського кургану (13,5 м завглибшки) було закладено шарами камки (потужність до 0,5 м), що чергувались з брилами граніту та вапняку. Камеру центральної гробниці не врятувала від грабіжників значна глибина (15 м). Від головного небіжчика, його супроводжували двоє залежних осіб, вціліла лише одна бронзова кнеміда. Інвентар презентують: вцілілі численні золоті аплікативні платівки [Фиалко 2014, с. 54—76], 20 фасоських біконічних амфор (з них 12 з клеймами), грецькі: кратер та три скіфоси. На залізних гаках, вбитих у стінки камери, були розвішані дерев'яні чаші з золотими оббивками, меч з плакованим золотом руків'ям, бойові пояси з сагайдаками, дротики, клювці, два нагрудника бойового коня. Їх зробили з нарізаних на сектори бронзових дзеркал [Болтрик, Фиалко, 2007, с. 280—289].

Найбільший інтерес становлять: золотий литий наносник, золотий пластинчастий налобник зі сценами шматування та три вцілілих золотих нащічника. Ці престижні речі, не зважаючи на пограбування комплексу, разом з величними поховальними спорудами окреслюють високий соціальний стан головного небіжчика з Бердянського кургану. Втім, оскільки ми не маємо коректної інформації про первісний обсяг пам'ятки, її ранжування дещо затьмарене. Певною додатковою ознакою тут могли б виступити обсяги бронзових казанів, масив яких для Скіфії ґрунтовно нещодавно обробила О.В. Ромашко. Нажаль, ми можемо оперувати лише казанами з Південної могили, оскільки казан зі Східної могили забрали грабіжники. З одного боку, О.В. Ромашко зауважує, що для ранніх казанів скіфів найбільші з них мали обсяг 62—63 л, тоді як Південна могила Бердянського кургану мала два казани сумарним обсягом 61,1 л. А от два казани Чортомлика мали сумарний обсяг 135,6 л. А більш ранній комплекс Великої Знам'янки к. 13 має один казан обсягом 113,1 л. Демонструючи справді царський рівень, своєрідним рекордсменом виступає пізня могила Солохи, тут три казана різних типів мають обсяг 39,5; 58,3; 150,1 л, що в сумі складає 247,9 л [Ромашко, 2015, с. 93, 94]. Бердянський же курган, «програючи» в розмірах казанів, компенсує «відставання» за рахунок 20 фасоських амфор. Введене для володарів комплексів з казанами визначення О.В. Ромашко: «утримувачі казанів» звичайно може бути поширене на весь спектр представників скіфської еліти. Проте без врахування інформації з комплексів кінських могил (як найбільш збережених) та обсягів насипів курганів (при чому кожен період повинен мати свою кількісну шкалу) об'єктивної картини соціального ранжування скіфського суспільства одержати не вдасться.

1. Рівень, вірогідно, від давнього горизонту.

2. Не повні комплекти вузди зберігаються в фондах Бердянського музею.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII—IV вв. до н. э. — СПб., 1996. — 416 с.
Бессонова С.С. О скифских повозках // Древности степной Скифии. — К., 1982. — С. 102—117.
Бессонова С.С. О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. — К., 1984. — С. 3—21.
Бидзиля В.И., Ляшко С.Н. Скифский курган Казенная Могила. Отчет о работе Запорожской экспедиции в 1974 / НА ІА НАН України. — 1974/10.
Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Тайники скифских могил // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза: Тез. докл. конф., посвящ. 80-летию со дня рожд. А.Р. Митрофанова. — Минск, 1992. — С. 28—30.
Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Использование зеркал в убранстве скифских коней // Матеріали та дослідження з археології Східної України. — 2007. — № 7. — С. 280—289.
Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., Чередниченко Н.Н. Бердянский курган // РА. — 1994. — № 3. — С. 140—156.
Болтрик Ю.В., Трейстер М.Ю., Фіалко О.Є. Імпортний бронзовий посуд зі Східної могили Бердянського кургану // Археологія. — 2009. — № 1. — С. 40—52.
Брашинский И.Б. В поисках скифских сокровищ. — Л., 1979. — 143 с.
Грязнов М.П. Курган как архитектурный памятник // Тез. докл. на заседаниях, посвящ. итогам полевых исслед. в 1960 г. — М., 1961. — С. 22—25.
Круц С.И. Антропологические материалы из кургана Чертомлык // Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н. э.). — К., 1991. — С. 342—346
Кузнецова Т.М. Исторические персонажи и скифские курганы // Материалы Междунар. науч. конф. «Боспорский феномен: Колонизация региона. Становление полисов. Возникновение государства». — СПб., 2001. — С. 141—150.
Кузнецова Т.М. Скифские курганы и исторические персонажи V—IV вв. до н. э. // РА. — 2015а. — № 2. — С. 72—85.
Кузнецова Т. М. Серебряный килик из кургана Солоха и некоторые аспекты скифской хронологии // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. — СПб., 2015. — С. 240—255 (Тр. ГЭ. — **77**).
Манцевич А.П. Курган Солоха. (публикация одной коллекции). — Л., 1987. — 141 с.
Мурзін В.Ю., Фіалко О.Є. Архітектура Бердянского кургану // Археологія. — 1998а. — № 2. — С. 82—93.
Мурзін В.Ю., Фіалко О.Є. Зброя з Бердянського кургану // Археологія. — № 3. — 1998б. — С. 103—112.
Мыльников В.П. Архитектура элитных погребальных сооружений скифского времени из дерева в Казахстане (долина реки Или, Казахский Алтай) // Маргулановские чтения — 2011. — Астана, 2011. — С. 425—430.
Папанова В.А., Голик А.А., Калініченко К.О. Нариси з історії та археології Бердянського краю. — Бердянськ, 2016. — 192 с.
Полин С.В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине. — К., 2014. — 774 с.
Полін С.В., Ковальов М.В., Чередниченко М.М. Про датування Бердянського кургану (за керамічними матеріалами) // Археологія. — 2000. — № 1. — С. 94—112.
Ромашко В.А., Скорый С.А. Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье. — Днепропетровск, 2009. — 252 с.
Ромашко А.В. Метрические характеристики металлических котлов и социальное положение их «держателей» в скифском обществе // Вестн. Омского ун-та: Серия «Исторические науки». — 2015. — № 1 (5). — С. 90—95
Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. — К., 1988. — 262 с.
Фиалко Е.Е. Оружие Бердянського кургана // Киммерийцы и скифы: тез. докл. Всесоюз. семинара, посвящ. пам. А.И. Тереножкина. — Кировоград, 1987. — Ч. II. — С. 75—77.
Фіалко О.Є. До питання про дату Бердянського кургану // Музейні читання 1998 р. — К., 1998. — С. 98—101.
Фіалко О.Є. Червонофігурні кратери із скіфських пам'яток // Археологія. — 2001а. — № 1. — С. 80—89.
Фіалко О.Є. Золоті аплікації з Бердянського кургану // Вісн. Київсь. ін-ту «Слов'янський Університет». — К., 2001б. — Вип. 11. —С. 292—303.
Фиалко Е.Е. Золотой декор костюмов из Бердянского кургана // БИ. — 2014. — Вып. XXX. — С. 54—76.
Чередниченко Н.Н., Ковалев Н.В., Фиалко Е.Е. Раскопки большого скифского кургана в Приазовье // АО 1978 г. — М., 1979. — С. 419—421.
Чередниченко Н.Н., Фиалко Е.Е. Погребение жрицы из Бердянского кургана // СА. — 1988. — № 2. — С. 149—167.

Ю. В. Болтрик

МЕСТО БЕРДЯНСКОГО КУРГАНА В СИСТЕМЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ СКИФИИ

В статье анализируется социальная позиция известного элитного погребального комплекса, раскопанного у г. Бердянска в 1977—1978 гг. Определяются элементы конструкции кургана, соотносимые с таковыми в синхронных памятниках Нижнего Днепра и Молочной. Пересматривается версия о захоронении жрицы великой богини в Восточной могиле этого кургана.

В Бердянском кургане зафиксирована одновременность всех трех его могил. Это обстоятельство является эталонным для понимания взаимосвязи подземных сооружений в едином погребальном комплексе. Подобная система прослеживается как в курганах представителей скифской элиты хронологического горизонта Бердянского кургана, так и в более позднее время.

Ключевые слова: погребальный комплекс, первоначальная обваловка, погребальная дорожка, морская трава, тайники.

Yu. V. Boltryk

THE PLACE OF BERDIANSK KURHAN IN THE SYSTEM OF BURIAL MONUMENTS OF SCYTHIA

The article analyzes the social position of the famous elite burial complex, which was excavated near the town of Berdyansk in the 1977—1978. We define the elements of the kurhan structure that could be compared to the similar ones in the synchronous monuments of the Lower Dnieper and Molochnaya river. The version of the burial of the priestess of the great goddess in this Eastern tomb kurgan is reviewed in the article.

The simultaneity of all three of its graves is fixed in Berdyansk kurhan. This fact is the reference for understanding of the interrelation of underground constructions in a single burial complex. Such a system can be traced in kurhans of the representatives of Scythian elite of the period of Berdyansk kurhan as well as in later times.

Keywords: burial complex, the original embankment, funeral track, sea grass, hiding places.

Одержано 15.04.2016

УДК: 904'13/15(395)"6383"

Д. С. Гречко

ОТ АРХАИЧЕСКОЙ СКИФИИ К КЛАССИЧЕСКОЙ

В статье рассматриваются вопросы микрохронологии материальной культуры VI в. до н. э. и детализируется история кочевого и оседлого населения юга Восточной Европы в это время. Анализируются погребальный обряд и материальная культура переходного периода.

Ключевые слова: скифы, периодизация, хронология, Северное Причерноморье.

Важным вопросом в скифологии является проблема монолитности Скифии и культуры ее населения на протяжении VII—IV вв. до н. э. Долгое время, начиная с М.И. Ростовцева [Ростовцев, 1925, с. 309], предполагалось поступательное развитие скифского объединения, которое начиналось с их прихода с востока, властвования в Передней Азии, дальнейшего перемещения центра Скифии в Северное Причерноморье, и завершалось сарматским вторжением. А.Ю. Алексеев точно отметил, что на данный момент обозначилась тенденция к «усложнению традиционных представлений о динамике развития Европейской Скифии» [Алексеев, 2003, с. 15, 189, 190].

В начале 1990-х гг. появились первые реконструкции истории населения юга Восточной Европы скифского времени, в которых предполагалось выделение двух Скифий — Древней (Архаической) и Геродотовой (Классической), которые были различны в этническом отношении и сменяли одна другую [Алексеев, 1992]. Ю.А. Виноградов и К.К. Марченко также отмечают, хотя и не так четко как А.Ю. Алексеев, влияние миграции нового населения в регион в конце VI — начале V вв. до н. э. [Виноградов, Марченко, 1990, с. 149, 150]. На сегодня нет единого исследовательского подхода к периодизации Европейской Скифии. Наимешьшие разногласия вызывают два момента — середина VII в. до н. э. (завершение формирования архаической скифской культуры) и рубеж VI — V вв. до н. э. (резкое изменение облика материальной культуры) [Алексеев, 2003, с. 22].

Непростым явлется вопрос о начале среднескифского периода (культуры) (далее ССК). Данному вопросу значительное внимание уделил А.Ю. Алексеев [Алексеев, 2003, с. 153—192]. Исследователь считает, что в последней трети VI в. до н. э. [1] происходит замена раннескифского материального комплекса среднескифским. На смену Древней Скифии [2] с ее киммерийско-скифским этническим содержанием приходит Классическая. Изменения носили стремительный характер, на что указывает двухкомпонентность инвентаря некоторых комплексов переходного периода.

Отмеченное исследователем сокращение надежно датированных комплексов можно отнести не к первой трети VI в. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 157], поскольку для этого времени есть целая серия эталонных комплексов с античной керамикой (Репяховатая Могила 2, Бушуйка,

1. Несколькими страницами ранее А.Ю. Алексеев относит смену РСК ССК серединой VI в. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 156].

2. Для Восточной Европы ведущая роль и, в целом, присутствие скифов в эпоху архаики является не доказанным. Идея о преобладании киммерийцев либо других носителей раннескифской культуры к северу от Кавказа после 640 г. до н. э. было высказано автором ранее [Гречко, 2013, с. 134—138]. При такой интерпретации Древняя Скифия может оказаться Киммерией или как-то иначе.

© Д.С. ГРЕЧКО, 2016

Китай-Город, Цукур-Лиман) [1], а ко второй-третьей четвертям данного столетия. Для данного периода погребения с представительным набором инвентаря и античной керамикой представлены лишь погр. 3 кургана 3 могильника Аксай-1 [2], хотя и датировка столовой амфоры из данного комплекса дискуссионна (подробнее см.: [Алексеев, 2003, с. 202; Гречко, 2012, с. 82].

«ПРОБЛЕМА» VI в. до н. э.

Рассматриваемый нами период приходится на время появления на Востоке религиозных и философских учений, которые будут в последствии иметь выдающееся значения для развития региона. В то время родились Конфуций (551 г. до н. э.), Сиддхартха Гаутама (563 г. до н. э.), работал Лао-цзы (VI в. до н. э.). Все эти события ознаменовали начало «осевого времени» Карла Ясперса для Восточных цивилизаций, которое характеризовалось стремлением человека к переосмыслению существовавших до этого норм и традиций [Ясперс, 1991, с. 35—50].

Глобальные изменения произошли в материальной и, по всей видимости, в духовной культуре кочевников в середине—второй половине VI в. до н. э. Данный период в работе мы будем именовать переходным. Изменения коснулись населения всего степного пояса Евразии. Исследователи отдельных регионов обратили внимание на данные процессы и предложили свои варианты реконструкции событий, которые привели к данным изменениям.

В.Ю. Мурзин в работе посвященной захоронениям второй половины VII — V вв. до н. э. *Северного Причерноморья* пришел к выводу, что скифы после поражения в Передней Азии формируют сперва центр своего объединения на Северном Кавказе. В конце VI в. до н. э., по мнению исследователя, происходит перемещение ядра Скифии в Северное Причерноморье, что находит подтверждение в увеличении количества погребальных памятников [Мурзин, 1984, с. 97, 101].

При рассмотрении вопроса о приходе к власти в степи династии скифов-царских Б.Н. Мозолевский обращал внимание на концепцию двух Скифий А.Ю. Алексеева. Отмечая последовательность данного подхода, исследователь сомневается в значительной смене населения в регионе, аргументируя это преувеличением отличий культуры двух периодов и отсутсвием информации о данном событии у Геродота, который по мнению Б.Н. Мозолевского побывал в Скифии спустя несколько десятилетий. Выдающийся исследователь допускал, что появление новых групп населения в конце VI — начале V вв. до н. э. может быть связано с возвращением в Северное Причерноморье части скифов, которые задержались на Северном Кавказе после окончания переднеазиатских походов [1990, с. 24, 27, 28].

А.Ю. Алексеев для Северного Причерноморья и Северного Кавказа данные изменения связывает с проникновением новых групп номадов с востока, которые пришли в движение в результате среднеазиатских походов Ахеменидов. Исследователь считает, что рубеж между Скифиями около середины VI в. до н. э. не отчетливый для степей Северного Причерноморья и Нижнего Дона [2003, с. 157]. Мы склонны все же его фиксировать достаточно уверенно. Для Степи заметно отличие между раннескифскими комплексами [Дубовская, 1997, с. 198—206] и древнейшими среднескифскими (Шолохово, Великомихайловка, Куцеволовка и др.). С.А. Скорый не фиксирует для VI в. до н. е. скифских вторжений на территорию Днепровского Лесостепного Правобережья [Скорый, 2003, с. 89].

Для *Нижнего Дона* отмечается наличие 30 или 40 комплексов VI в. до н. э. [Копылов, 1994, с. 22; Житников, 1997, с. 51]. При их анализе получается, что практически все они относятся к группе раннескифских захоронений (типа Бушуйки). Памятники раннескифского времени Нижнего Подонья и Прикубанья были проанализированы Т.В. Рябковой. Для Нижнего Дона отмечается активное самостоятельное развитие региона до середины—третьей четверти VI в. до н. э. Все инновации в междуречье Дона и Кубани раннескифского времени исследовательница связывает с притоком нового населения с востока, которое периодически осваивало данные благоприятные для скотоводства земли. Исчезновение памятников связано с событиями, которые привели к исчезновению Таганрогского поселения [Рябкова, 2003, с. 21]. Материалы свидетельствуют о неоднородности кочевников данного региона раннескифского времени. Финал скифской истории в Прикубанье не отличается ясностью. Исследователи фиксируют слияние к концу VI в. до н. э. раннескифской культуры с культурой «меотов» и образование синкретической меото-скифской [Алексеев, Рябкова, 2010, с. 252]. К середине—второй половине столетия в данном регионе можно отнести лишь находки у хут. Дугино [Копылов, 1992, с. 84, рис. 1, 5]. Несколько восточнее исследовано известное аксайское захоронение. Единичность захоронений переходного периода на Нижнем Дону отмечает С.Ю. Гуцалов, что объясняет нахождением данной территории на стыке нескольких культурных миров, что мешало стабильному проживанию населения [Гуцалов, 2007, с. 87]. Данный регион в переходный период пред-

1. Важность данных репрезентативных комплексов в том, что они позволяют выделить синхронные захоронения данного периода.
2. Комплексы с киликами типа В2 по Вилляр Валле не содержали многочисленного инвентаря [Гречко, 2012, с. 82—92].

ставлен наименьшим количеством комплексов, что, вероятно, обусловлено перемещениями новых групп кочевников через эту территорию. Постоянное население здесь появится лишь с образованием Елизаветовского городища и могильника.

Для *Предкавказья* фиксируется достаточно стабильное проживание групп кочевого населения, начиная с раннескифского времени, что выразилось в непрерывном существовании некоторых некрополей (Нартан). С.В. Махортых связывает уменьшение количества скифских памятников в Предкавказье в VI—V в. до н. э. с оттоком кочевников после окончания переднеазиатских походов в Северное Причерноморье [1] и смешением части скифов с местным населением и пришлыми из Волго-Донского междуречья кочевниками [Махортых, 1991, с. 113]. В данный период на Северном Кавказе известно большое количество местных поселений, при этом определенная напряженность в отношениях с кочевниками сохранялась [Виноградов, 1972, с. 37—38, 84—86]. Стоит отметить общее наблюдение специалистов, что погребальные памятники Северного Кавказа указывают на этническую пестроту кочевников региона в раннескифское время.

Часть исследователей правомерно отмечают участие номадов Северного Кавказа в формировании савроматской культуры междуречья Волги и Дона во второй половине VI — начале V вв. до н. э. [Маслов, Очир-Горяева, 1997, с. 62—71]. Связи между данными регионами могли быть обусловлены сезонными перемещениями кочевников, поскольку Предкавказье было удобно для зимников. Кроме того, Северный Кавказ для кочевников являлся производственной базой, которая в значительной мере обеспечивала степняков. Связь населения Северного Причерноморья с Поволжьем проходила через северокавказский регион. Фиксируется и восточный импульс второй половины VI в. до н. э. для Предкавказья. В целом, С.Б. Бурков и В.Е. Маслов, отмечают среди важнейших особенностей региона наличие многочисленного автохтонного населения и близость Закавказью. Последнее обстоятельство обуславливало участие местных кочевиков в посреднеческой торговли с данным регионом, организации набегов и наемничестве [Бурков, Маслов, 2007, с. 309].

Важными являются вопросы датировки Ульских курганов, которые долгое время не были комплексно опубликованы. После выхода посвященного данному памятнику монографического исследования [Ульские …, 2015] мы склонны согласиться с В.Р. Эрлихом в отношении распределения комплексов во времени. В связи с темой данной работы нас будет интересовать вторая хронологическая группа погребений (вторая половина VI в. до н. э.) [Эрлих, 2000, с. 77, 78].

Для памятников *Нижнего Поволжья* выделяется два хронологических периода, первый (ранний этап) из них связан с более менее плотным заселением региона в конце VI в. до н. э. [Очир-Горяева, 2012, с. 184, 185]. При этом, для несколько более раннего времени (около третьей четверти VI в. до н. э.) Л.Т. Яблонский допускает возможность проникновения в Нижнее Поволжье и Южное Приуралье отдельных малочисленных коллективов кочевников с территории Казахстана и Южной Сибири, которые оставили единичные захоронения типа «Комсомольский» [Яблонский, 2007, с. 24]. С.Ю. Гуцалов и А.Д. Таиров предполагают проникновение в первой половине-середине VI в. до н. э. в Южное Приуралье скифского этнокультурного компонента (кург. 59 Целинное 1 на Илеке, Бурдыгино кург. 8/2 в бассейне Самары, Покровка-2, кург. 17/1 [Гуцалов, Таиров, 2000, с. 65]).

К.Ф. Смирнов выделял в раннесавроматские погребения (VII—VI в. до н. э.) вместе с раннескифскими и переходные комплексы. Была определена целая группа захоронений второй половины VI в. до н. э., которые по времени предшествуют многочисленным комплексам последней четверти VI — первой половины V в. до н. э. типа Блюменфельд А12. Выдающийся исследователь считал, что савроматская культура Волго-Уральского региона сформировалась на местной срубно-андроновской основе при существенном участии элементов более восточного происхождения из Средней Азии [Смирнов, 1964, с. 33—40, 187—188].

Финал проживания ананьинского населения в *Поволжье* исследователи связывают с походом Дария I и вероятным опустошением скифами, при обходе персов, западных земель фиссагетов-ананьинцев. Отмечается перемещение волжских ананьинцев на северо-восток в Поветлужье и севернее в конце VI в. до н. э. После вынужденного ухода из наиболее благоприятных земель ананьинские племена теряют свою монолитность и участвуют в сложении новых этнокультурных общностей [Халиков, 1977, с. 258].

В *южноуральских степях* масштабные изменения также происходят в середине — второй половине VI в. до н. э., которые исследователи связывают с притоком нового населения и трансформацией культуры в Южном Зауралье, а также в заселении Южного Приуралья [Таиров, 2000, с. 151—154]. Новый комплекс культуры появляется в готовом виде. Инновацией в погребально-поминальной практике стало сооружение святилищ с каменными изваяниями [Гуцалов, Таиров, 2000]. С.Ю. Гуцалов ви-

1. Исследователь, вслед за В.А. Ильинской, связывает с этими процессами появления раннескифских погребений в Лесостепи, а не первых среднескифских.

дит несколько этнокультурных компонентов у населения южноуральского региона скифского времени. Допускается, что глобальные изменения в степях связаны с изменением климата и возможностью ведения кочевого хозяйства в степи. В одной из последних работ исследователь на основе анализа погребальной традиции регионов пришел к выводу об участии мигрантов с территории Северного Кавказа и Поднепровья в сложении элиты номадом Южного Урала. Завершение формирования «союза южноуральских номадов» связано с приходом мигрантов из низовьев Сырдарьи и Амударьи в конце VI в. до н. э. [Гуцалов, 2011, с. 52].

Для *Горного Алтая* внезапность смены культурного облика часть исследователей объясняет приходом нового пазырыкского населения, которое подчиняет или вытесняет местные майемирские и бийкенские племена в VI в. до н. э. (Л.С. Марсадолов, А.А. Тишкин); формированием пазырыкской культуры в результате взаимодействия местного населения и мигрантов из степей восточного и юго-восточного Казахстана (В.А. Могильников; подробнее см.: [Тишкин, Дашковский, 2005, с. 248—267]). П.И. Шульга выделяет хронологический разрыв между раннескифскими и пазырыкскими погребальными комплексами в пределах полувека, обусловленный ухудшением климатических условий в регионе [1]. Исследователь отмечает что в середине—второй половине VI в. до н. э. погребальный обряд и комплекс материальной культуры кардинально меняется по всей степи, как минимум от Урала до Ордоса. Отмечается схожесть данного явления с процессами, которые происходили при формировании раннескифской культуры. Автор не склонен это объяснять миграциями и завоеваниями, а считает, что произошла эпохальная смена культурного облика. Основная масса населения горного Алтая осталась на месте, что, по мнению П.И. Шульги, подтверждается данными антропологии и лепной керамики [Шульга, 2008, с. 13]. В недавней работе автор все же допускает возможность миграции в данное время на территорию Горного Алтая из предгорной равнины и Тувы [Шульга, 2015, с. 29].

«Импульсу VI в. до н. э.» посвящена специальная работа А.Д. Таирова. Предполагается, что во второй четверти — середине данного столетия при улучшении климатических условий увеличилась численность кочевого населения в Монголии, Северном и Северо-Западном Китае, что вызвало перемещение племен, в основном внутри региона. Под влиянием усобиц в это время часть кочевников Тувы и Минусинской котловины «выплеснулась из центральноазиатского котла». В Туве на смену алды-бельской культуре, носители которой перемещаются на запад, приходит саглынская. В результате данных событий происходит общая подвижка населения в западном направлении. Кочевники Восточного Туркестана и Юго-Восточного Казахстана были вытеснены и двинулись в обход сильного объединения номадов Центрального Казахстана вдоль предгорий Алтая в Верхнее Приобье и на запад через Семиречье на Южный Урал и, вероятно, вплоть до Северного Причерноморья. Движение имело характер нескольких импульсов, которые не оставили следов на промежуточных территориях. Восточный Туркестан при этом заняли кочевники, родственные племенам, которые заселили Горный Алтай и приняли участие в сложении пазырыкской культуры. А.Д. Таиров, вслед за Л.Т. Яблонским, отмечает, что «пульсирующие миграции» представляли собой перемещения, вероятно, разноэтнических групп кочевников, которые были носителями специфических комплексов материальной культуры [Таиров, 2008, с. 162—163].

Интересна реконструкция сезонных миграций кочевников Южного Урала предложенная А.Д. Таировым. Исследователь считает, что контакты между кочевниками урало-казахстанских степей с племенами низовий Сырдарьи были непосредственными и выражались во взаимовлиянии. Контакты (мирные, военные) наиболее активно проходили в период зимовки на сопредельных территориях и охватывали, скорее всего, широкие слои общества. Взаимодействие затрагивало не только хозяйство, но и потестарно-политические (заключение союзов, договоров, посылке посольств и т. п.) и духовно-идеологические стороны жизни кочевых сообществ. Заимствовались преимущественно передовые предметы вооружения и конской упряжи [Таиров, 2007, с. 64—101]. Таким мог быть механизм передачи «по цепочке» различных инноваций.

На середину VI в. до н. э. выделяется несколько регионов, не имевших постоянного населения: степи Северного Причерноморья, Волго-Донское междуречье, включая низовья рек, Южное Приуралье, то есть степной регион от Дуная до Урала. Данное явление, вероятно, связано с состоянием климата того времени. На востоке потенциальными исходными регионами миграции на запад могли быть Южное Зауралье, Северный и Центральный Казахстан (тасмолинская КЭО), Восточный Казахстан, Алтай, Тува, Южная Сибирь, и Приаралье. Перемещение саков Приаралья в Южное Зауралье (могильник Маровый шлях) происходит несколько позднее в конце VI в. до н. э. [Таиров, 2006, с. 89, 90].

Подытоживая, можно сказать, что ученые в своих региональных реконструкциях отмечают активизацию этнокультурных процессов около середины VI в. до н. э. Данные явления частью исследователей связываются с проникновени-

1. По моему мнению, выделение подобного «хиатуса», с учетом отсутствия надежных хронологических индикаторов и четкой абсолютной датировки для комплексов данного региона (погрешность может достигать 100—200 лет) [Шульга, 2015, с. 22], не выглядит бесспорным.

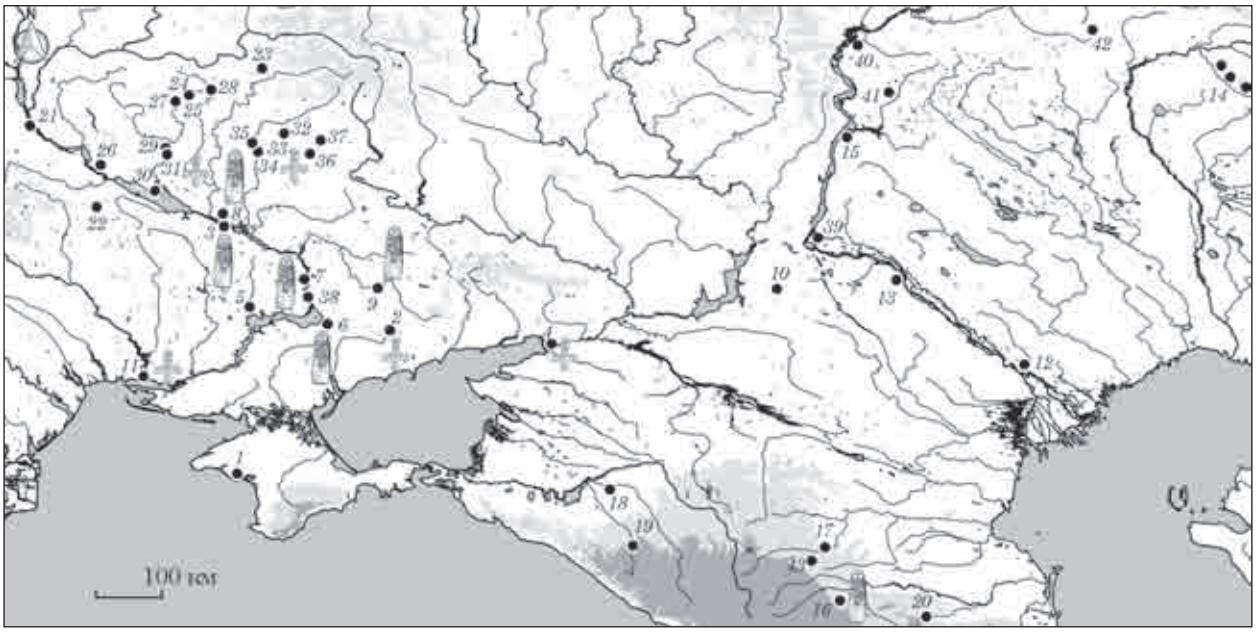


Рис. 1. Комплексы переходного периода юга Восточной Европы: *1* — Колоски; *2* — Гусарка; *3* — Куцеволовка; *4* — Дугино; *5* — Шолохово; *6* — Гладкое; *7* — Ясиноватое; *8* — Роблена Могила; *9* — Великомихайловка; *10* — Аксай; *11* — Ольвия; *12* — Комсомольский; *13* — Кривая Лука; *14* — Покровка; *15* — Политотдельское; *16* — Нартан; *17* — Новозаведенное; *18* — Ульские курганы; *19* — Каменномостский могильник; *20* — Ассиновская; *21* — Пирогово; *22* — Цветково; *23* — Басовка; *24* — Стайкин Верх; *25* — Волковцы; *26* — Гладковщина; *27* — Ярмолинцы, ур. Камашня; *28* — Великие Будки; *29* — Лубны; *30* — Келеберда; *31* — Ерковцы; *32* — Купьеваха; *33* — Опишлянка; *34* — Витова Могила; *35* — Бельск; *36* — Тетюшино; *37* — Малая Рогозянка; *38* — Запорожье; *39* — 15-й поселок; *40* — Энгельс; *41* — Визенмиллер; *42* — Абрамовка (Черная Гора); *43* — Белореченский могильник

ем кочевников из Тувы и Минусинской котловины через предгорья Алтая в Восточный Туркменистан, Юго-Восточный Казахстан и далее через Семиречье и Южное Приуралье вплоть до Северного Причерноморья [1]. Предполагается влияние военной активности первых Ахеменидов на сако-масагетские племена.

Долгое время считалось, что значимое воздействие на историю Скифии имел поход Дария I в Северное Причерноморье. Критический анализ всей совокупности данных ведущими исследователями лишает меня необходимости возвращаться к данной проблеме [Полин, 1994]. В последние годы исследователи стали обращать внимание на войны Кира II с массагетами и походом ранних Ахеменидов на Северный Кавказ [Алексеев, 2003, с. 190]. Именно данные кампании имели важное значение для жизни кочевников степного пояса Евразии в последней четверти VI в. до н. э.

Целью данной работы является попытка разработки микрохронологии материальной культуры VI в. до н. э. и детализации истории кочевого и оседлого населения юга Восточной Европы в это время (рис. 1).

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

А.Ю. Алексеев отмечает, что изменения погребального обряда носили более эволюционный характер, чем в материальной культуре [2003, с. 186—187]. Работа Ю.Н. Бойко, не лишенная спорных моментов, показала отличие погребальной обрядности населения юга Восточной Европы раннескифского и среднескифского периодов [1994, с. 22—24].

Большинство позднейших раннескифских захоронений восточноевропейской Лесостепи [Гречко, 2012, с. 80—82] совершено в камерных могилах с деревянными конструкциями («склепы»), которые не отличаются от сооружений более ранннего времени (рис. 2, *1—7*). Ориентировка нестабильна. Абсолютно преобладает ингумация. К данной хронологической группе относятся и позднейшие комплексы Среднего Днестра (Перебыковцы, кург. 2) [Смирнова, 1993, с. 115—117].

Древнейшие среднескифские захоронения совершены в обычных ямах без деревянных конструкций (Витова Могила, Опишлянка, Аксай кург. 3/3 Шолохово кург. 13, Великомихайловка), с канавками вдоль стен могилы (Купьеваха кург. 19) и в камерной гробнице с

1. Встречный культурный импульс с Северного Кавказа, как минимум, до Южного Приуралья (памятники типа Целинный и Покровка) в это время маловероятен. Находка костей верблюда в кург. 17 могильника Покровка-2 (см. далее: рис. 5, *1*) [Яблонский и др., 1994, с. 37—40], скорее, говорят о восточном происхождении данных групп кочевников. Движение кочевников с запада на восток, вероятно, имело место позднее, в последней четверти VI в. до н. э.

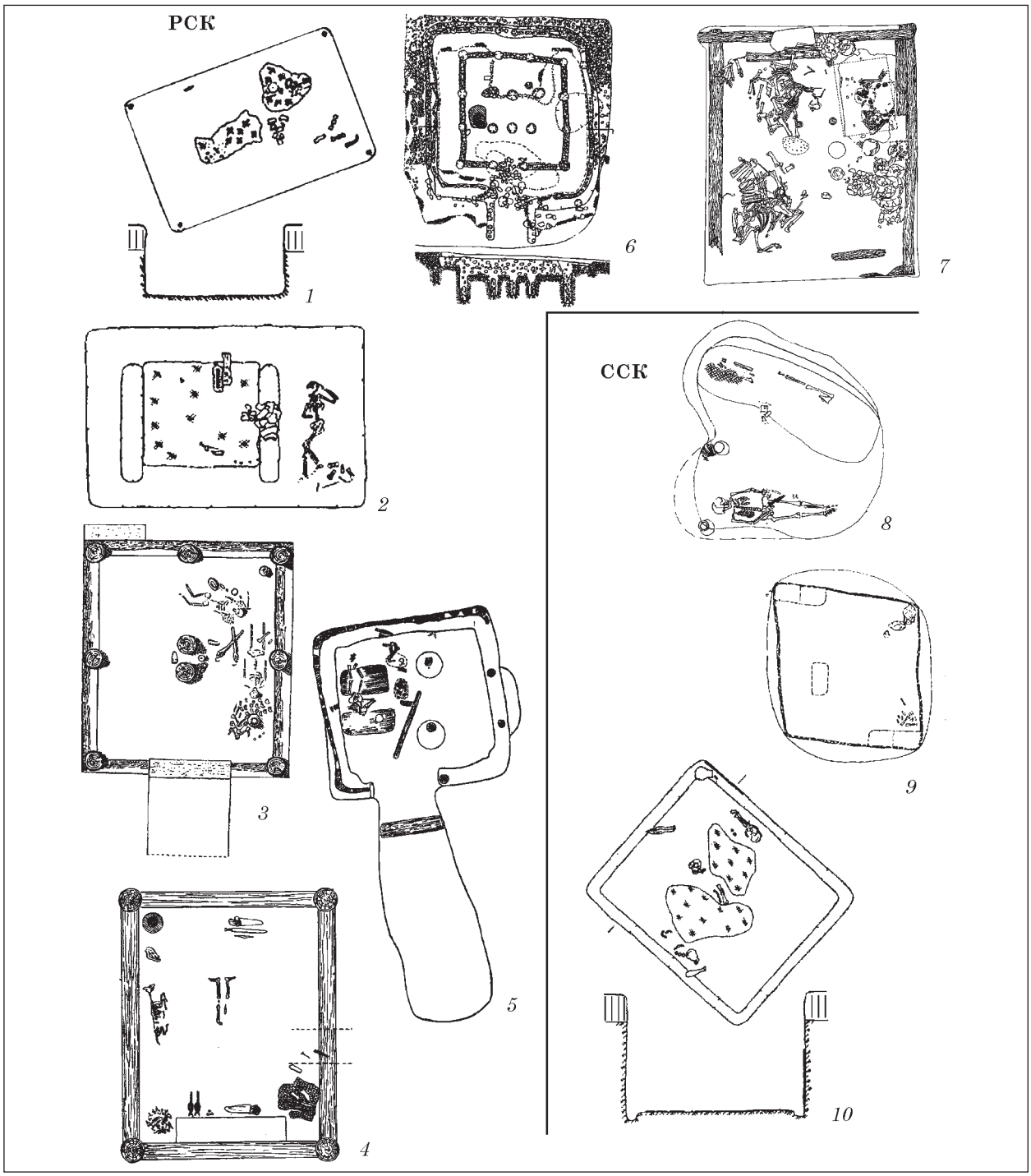


Рис. 2. Погребальные сооружения второй половины VII — VI вв. до н. э. юга Восточной Европы: *1* — Купьеваха, кург. 14; *2* — Купьеваха, кург. 15/2; *3* — Журовка 407; *4* — Старшая Могила; *5* — Репяховатая Могила, погр. 1; *6* — Перебыковцы, кург. 2; *7* — Новозаведенное-II, кург. 17; *8* — Аксай-I, кург. 3/3; *9* — Тетюшино; *10* — Купьеваха, кург. 19 (по: [Ильинская, 1968, 1975; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980; Смирнова, 2006; Петренко и др., 2006; Бандуровский, Буйнов, 2000; Бойко, Берестнев, 2001; Дьяченко и др., 1999]) ; масштаб произвольный

угловыми столбами (Басовка, кург. 482, Малая Рогозянка-1, кург. 1/3 [1]). Известны погребения в деревянных камерах, которые меньше размеров ямы (Тетюшино) (рис. 2, *8—10*; 3, *1, 3*; 4, *3*).

Среди немногочисленных захоронений данной группы известна кремация покойника (Скоробор кург. 4) [Шрамко, 1994, с. 108]. В Опишлянке кальцинированные кости были помещены в урну [Zakharov, 1932, с. 76—77]. Обряд сожжения в раннескифское время занимает значительное место среди погребальных практик населения

1. К группе захоронений переходного периода данный комплекс позволяет отнести присутствие трехлопасных башневидных наконечников стрел в колчанном наборе и близость лепного кувшинообразного сосуда изделию из кург. 20/4 Купьевахинского могильника (вторая половина VI в. до н. э.) [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 20—21; 171, рис. 31, *1—15*].

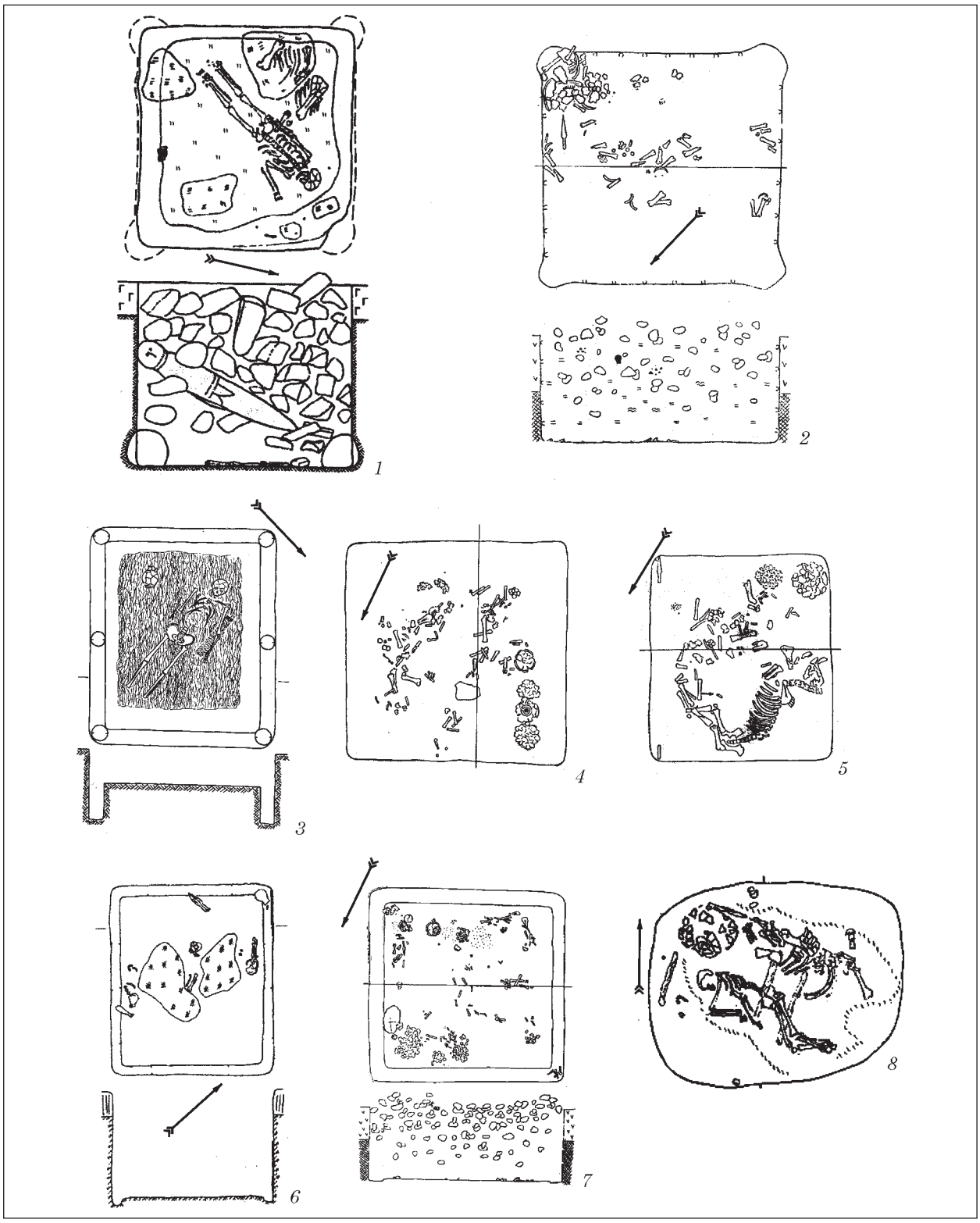


Рис. 3. Погребальные сооружения второй половины VII — VI вв. до н. э. юга Восточной Европы: *1* — Великомихайловка; *2* — Нартан, кург. 19; *3* — Малая Рогозянка-1, кург. 1/3; *4* — Нартан, кург. 10; *5* — Нартан, кург. 4; *6* — Купьеваха кург. 19; *7* — Нартан, кург. 9; *8* — Нижнедонской, кург. 1/24 (по: [Мухопад, 1984; Бандуровский, Буйнов, 2000; Ильюков, Лукьяшко, 1994; Батчаев, 1985; Бойко, Берестнев, 2001]); масштаб произвольный

Днепровского Лесостепного Правобережья (36 %) и лишь немного уменьшается его удельный вес в среднескифский пеиод [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 34, 38]. Обряд сожжения известен на Среднем Днестре [Смирнова, 2006, с. 74], в Предкавказье (Нартан, кург. 12) [Батчаев, 1985, с. 31—32] и в Средней Европе (культура Сентеш-Векерзуг) [Хохоровски, 2013, с. 64].

Ближайшие аналогии погребальным сооружениям переходного периода среди раннескиф-

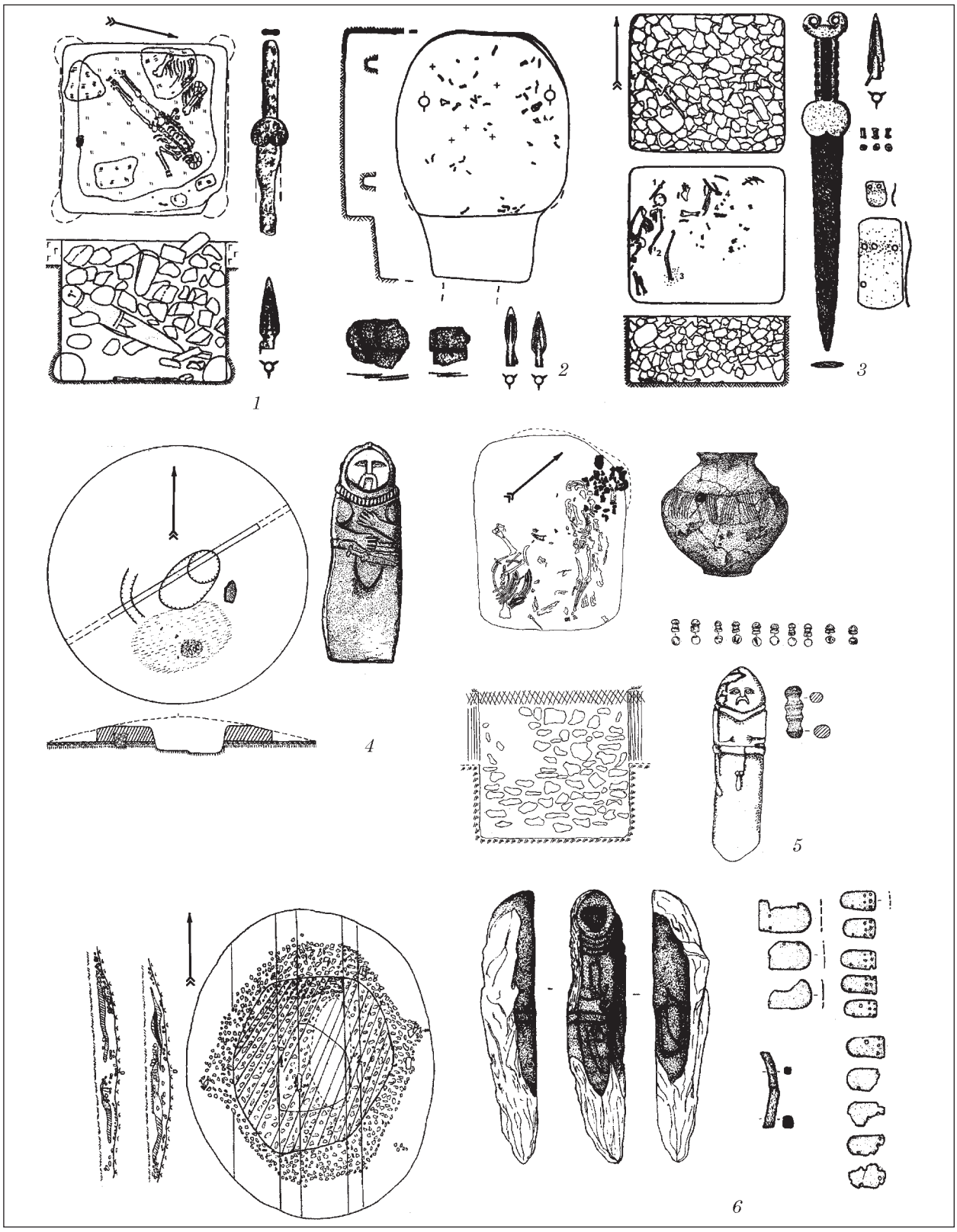


Рис. 4. Погребальные комплексы с изваяниями VI в. до н. э. юга Восточной Европы: *1* — Великомихайловка; *2* — Роблена Могила; *3* — Шолохово, кург. 13; *4* — Куцеволовка, кург. 9; *5* — Запорожье, кург. 2/2; *6* — Ясиноватая (по: [Мухопад, 1984; Волкобой и др., 1979; Григорьев, 1989; Ольховский, Евдокимов, 1994; Бокий, Ольховский, 1994; Андрух, Тощев, 2012]); масштаб произвольный

ских комплексов можно найти в Предкавказье. Так, квадратная яма с угловыми округлыми углублениями (Велькомихайловка [Мухопад, 1984, с. 118]) идентична кург. 19 Нартанского могильника. Ямы с канавками вдоль стен (Купьеваха, кург. 19 [1]) аналогичны более ранним

1. При этом совпадает и ориентировка могил.

нартановским (кург. 9, 11) (рис. 3, *1—2, 6—7*) [Батчаев, 1985, с. 27—31].

Ориентировка могил нестабильна (С—Ю, СЗ—ЮВ, СЗ—ЮВ (Купьеваха). При этом, в Лесостепи преобладает меридиональная (Витова Могила, Опишлянка, Басовка), а в Степи и Приднепровской террасовой Лесостепи лучше представлена широтная ориентировка (Шолохово, Роблена Могила). Серия могил имеет подквадратную форму и была ориентирована по сторонам света.

Дважды (Великомихайловка, Малая Рогозянка-1, кург. 1/2) было зафиксировано диагональное положение умершего в могилу (рис. 3, *1, 3*). Аналогиями могут служить захоронения раннескифского времени в кург. 10 Нартанского могильника [1] (рис. 3, *4*) [Батчаев, 1985, с. 30], погребение в кург. 1 группы 2 у с. Волошково в Приднепровской террасовой Лесостепи [Кулатова и др., 2006, с. 49] и захоронение в кург. 1 могильника Донской на Нижнем Дону (рис. 3, *8*) [Ильюков, Лукьяшко, 1994, с. 58].

Положение коня в могилу (Витова Могила, Роблена Могила) также находит аналогии в Предкавказье (Нартан и др.) [Махортых, 1991, с. 41]. Прямоугольная форма могилы (Витова Могила) вместе с костяком коня находит параллели и в синхронных, и более ранних погребениях Горного Алтая и его предгорий [Шульга, 2008, с. 9, с. 195, рис. 4, *1*].

Погребения переходного периода были совершены на территории существовавших могильников (Скоробор, Купьеваха), положили начало существованию группы (Басовка), либо созданы на новом месте и являются одиночными (Тетюшино[2]). Стоит отметить, что все погребения являются основными и единственными в курганах. Значительная часть курганов выделяется своими большими размерами. Среди комплексов переходного периода (вторая—третья четверти VI в. до н. э.) Северного Причерноморья отсутствуют бесспорно женские одиночные погребения [3].

Выделяется группа захоронений данного периода, в которых в могиле или в засыпке найдены каменные изваяния (Шолохово, кург. 13, Великомихайловка, Гладкое, Роблена Могила) (рис. 3, *1*; 4, *1—3*). Кроме того, известны два комплекса (святилища?) [4], где под насыпями не было выявлено погребений, но были найдены изваяния и другие материалы (панцирные пластины либо железный топор и набор амфор) (рис. 4, *4, 6*). Отношение данной группы комплексов, аналогии которым отсутствуют в Северном Причерноморье в раннескифское время, к переходному периоду заслуживает внимания. Вероятно, это было связано с изменениями в этническом составе населения данного региону, что могло сопровождаться и определенными ритуалами и идеологическом обосновании прав мигрантов на новые территории. Таким образом, непосредственную привязку к комплексам изваяния получают около середины VI в. до н. э. [5] Надежно датированных комплексов раннескифского времени на территории Северного Причерноморья с изваяниями нет [6]. Ситуация с появлением новых традиций изготовления каменной монументальной скульптуры, схожа с распространением «киммерийских» стел из Центральной Азии, вероятно, через Северный Кавказ в Северное Причерноморье. Интересно мнение И.В. Бруяко, что их использование в погребальной обрядности было необходимо для более четкого обозначения связи «стела-погребение» в инокультурном окружении [Бруяко, 2005, с. 141, рис. 30; 144]. Вероятно, новые группы кочевников использовали скульптуру для включения новых земель в свою культурную территорию, то есть — освоение земель не только физически, но и ментально.

Традиция размещения в насыпи, в надмогильной выкладке или могиле антропоморфных изваяний или камней известна в раннескифских курганах Северного Кавказа (Нартан кург. 11, 16, 17, 20), Красное Знамя,

1. Судя по положению костяка лошади, подобное положение основного погребенного можно предполагать и для кург. 4 Нартана (рис. 3, *5*) [Батчаев, 1985, с. 22, табл. 15].

2. Интересно, что погребальную яму данного кургана окружал мощный глиняный выкид с перемычкой с севера, котрый до сооружения насыпи был обложен сосновыми бревнами, горбылями и плахами [Бандуровский, Буйнов, 2001, с. 75].

3. В Лесостепи такая возможность допускается для нескольких захоронений Купьевахинского могильника (кург. 20/4, 5), что при отсутствии антропологических определений и специфических категорий погребального инвентаря выглядит не бесспорным [Бойко, Берестнев, 2001, с. 42, 43].

4. Куцеволовский комплекс датируется третьей четвертью VI в. до н. э. [Бокий, Ольховский, 1994], а Ясиноватая — VI—V вв. до н. э. [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 24]. Комплекс у с. Гладкое также неординарен и, вероятно, является захоронением изваяния в сопровождении человека и части туловища лошади [Бессонова, 2009, с. 46].

5. При этом, традиционно считается, что появление традиции создания антропоморфных изваяний в Северном Причерноморье и Северном Кавказе связано со «скифами» конца VIII — первой половине VII вв. до н. э. Хотя, для Северного Причерноморья их присутствие отмечается для времени не ранее VI в. до н. э., а, в основном, в последней четверти данного столетия [Бессонова, 2009, с. 15, 64].

6. В ровике кург. 2 в г. Запорожье на просп. Советский было обнаружено изваяние [Тощев, Андрух, 2012, с. 184—223]. Его связь с впускным погребением 2 вполне вероятна (рис. 4, *5*). Инвентарь данного захоронения, безусловно, относится еще к материальной культуре раннескифского типа. Нельзя исключать принадлежность погребения с финальными раннескифскими (переходный период) и синхронизировать с комплексом Робленой Могилы. Данный комплекс отличается от других нахождением стелы в ровике, в то время когда остальные изваяния были найдены в могилах либо насыпи.

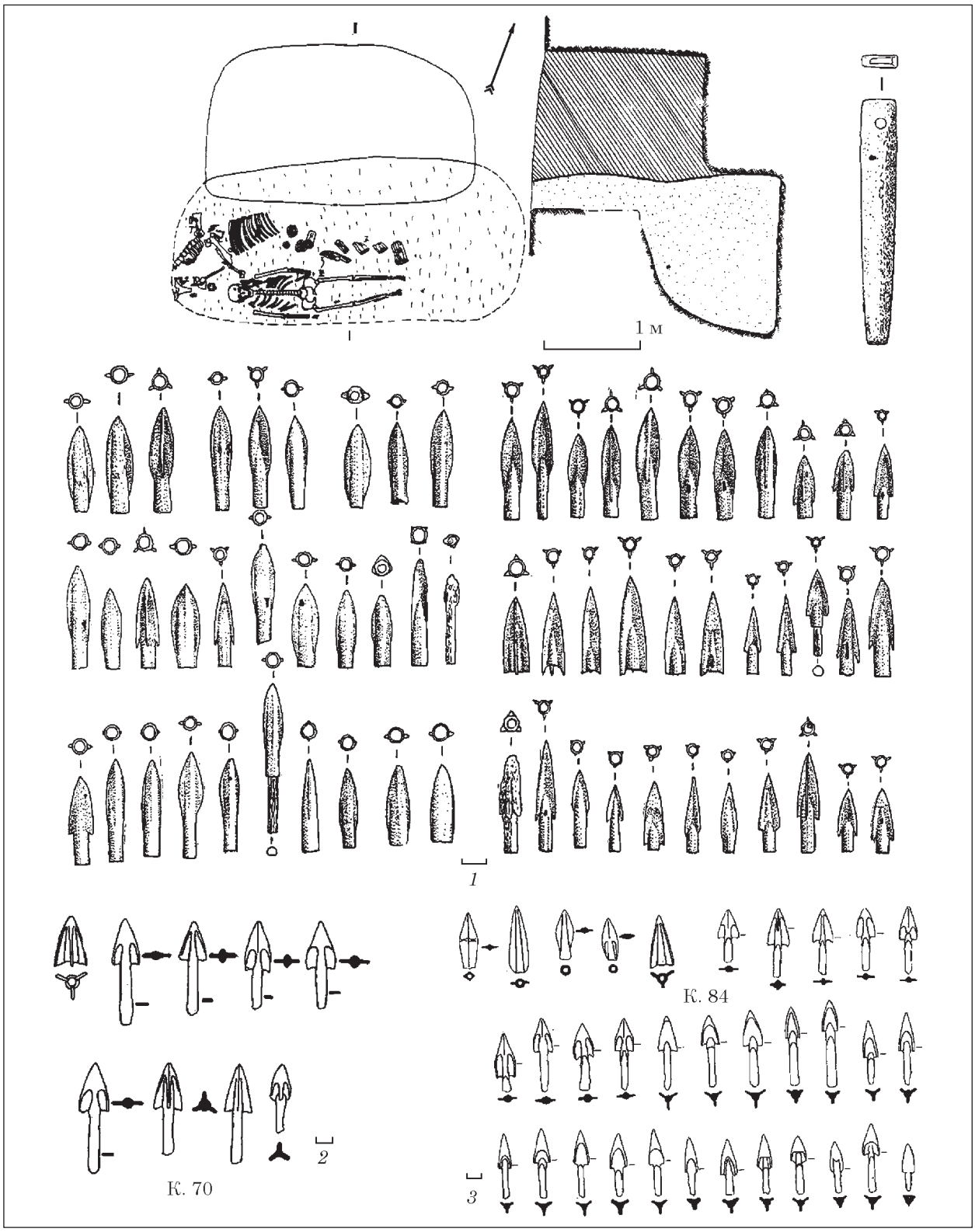


Рис. 5. Погребение в кургане 17/1 могильника Покровка 2 в Южном Приуралье (*1*) и наборы наконечников стрел из курганов могильника Уйгарак: *2* — № 70; *3* — № 84 (по: [Яблонский и др., 1994; Вишневская, 1973])

кург. 1, 8 (подробнее см.: [Бессонова, 2009, с. 25, 26]). Интересно синхронное появление в Южном Приуралье каменных изваяний, близких антропоморфам Северного Кавказа и Северного Причерноморья, во второй половине VI в. до н. э. вместе с появлением с появлением новых групп кочевников. Это, по мнению исследователей, подтверждает мысль о проникновении в данный регион скифского этнокультурного компонента, который участвует в сложении

прохоровской культуры [Гуцалов, Таиров, 2000]. Важным представляется отмеченное исследователями преобладание ранних изваяний (VII—VI вв. до н. э.) на Северном Кавказе [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 45] и их преемственность с более поздними причерноморскими [Бессонова, 2009, с. 16].

В целом, подтверждается наблюдение исследователей, что для начала среднескифского периода для всех регионов характерна значительная «обрядовая смешанность», а обряд погребения элиты и рядового населения сильно отличается. Это может говорить о смешении различных групп населения в результате миграций [Гуцалов, 2011, с. 96]. Основными хранителями древних верований и традиций были представители аристократии [Плетнева, 1982, с. 17], обряды же рядового населения могли отличаться меньшей консервативностью и обуславливались многими факторами. При переселении в движение вовлекались часто и племена, через земли которых проходила миграция. Все это усложняет процесс реконструкции миграций населения при отсутствии данных письменных источников.

Таким образом, полной идентичности погребального обряда позднейших раннескифских комплексов и древнейших среднескифских нет, и отличия имеются, что, по крайней мере, не противоречит этнокультурному размежеванию рассматриваемых групп. Кроме того, погребальная обрядность новых групп населения также не отличался однородностью. Истоки новых элементов погребального обряда достаточно четко обнаруживаются в традициях населения раннескифского времени Предкавказья. С данным регионом стоит связывать и появление каменных изваяний, которые найдены в погребальных и культовых комплексах.

Материальная культура

Наконечники стрел. Важное место в разработке хронологии VI в. до н. э. принадлежит выявлению закономерностей изменения состава колчанных наборов. Традиционно смена 1 хронологической группы стрел (раннескифской) 2 группой (первой среднескифской), согласно А.И. Мелюковой, приходилась на середину VI в. до н. э. С.В. Полин сделал попытку удревнить данное явление до рубежа первой и второй четверти данного столетия [Полін, 1987, с. 28—29], что не нашло поддержки специалистов, в виду отсутствия опорных комплексов для подтверждения такой датировки [Алексеев, 2003, с. 158—159; Бруяко, 2005, с. 239]. Несколько лет спустя после выхода работы С.В. Полина был опубликован каталог погребений архаического некрополя Ольвии [Скуднова, 1988], в котором многие захоронения с наконечниками стрел были датированы античной керамикой. Это позволяет уточнить ряд дискуссионных моментов.

Данный период, как и его «смешанные» колчанные наборы, правомерно называть переходными [Полін, 1987, с. 31]. В наборах второй-начала третьей четверти VI в. до н. э. присутствуют наконечники стрел раннескифских типов (рис. 5, *1*; 6, *4*). Значительные изменения происходят в наборах стрел середины—третьей четверти VI в. до н. э. по сравнению с позднейшими классическими раннескифскими (типа Репяховатой Могилы 2). Классические двухлопастные наконечники стрел с лавролистной головкой с шипом или без более одного экземпляра встречены лишь в одном из древнейших среднескифских комплексов в Аксае (около 560—540 гг. до н. э.) (рис. 6, *4*). Своеобразными, отличными от раннескифских образцов, являются остлолистные со срезанными под тупым углом ко втулке основаниями лопастей двухлопастные наконечники стрел из ольвийского погребения с крестовидной бляхой 1910/12 (рис. 6, *12*). Близкий наконечник обнаружен в кург. 467 у с. Аксютинцы в Посулье, колчанный набор из которого близок комплексам переходного периода [Галанина, 1977, с. 39, табл. 18, *16*].

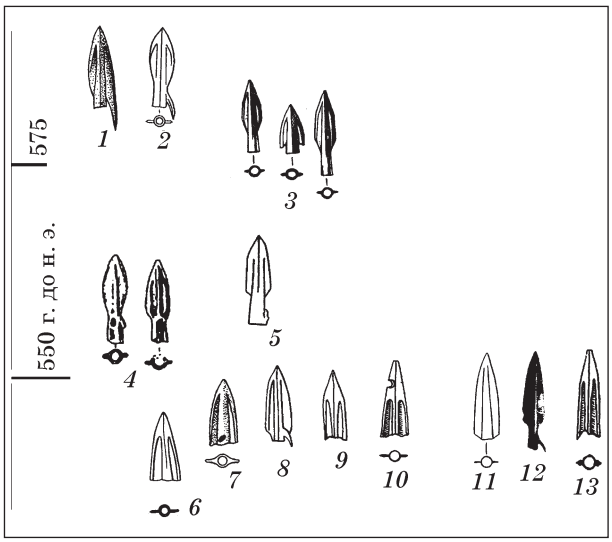


Рис. 6. Двухлопастные наконечники стрел конца VII — VI вв. до н. э. юга Восточной Европы: *1* — Цукур-Лиман; *2* — Репяховатая Могила 2; *3* — Перебыковцы, кург. 2; *4* — Аксай-1, кург. 3/3; *5* — Новозаведенное-II, кург. 6; *6* — Великие Будки, кург. 478; *7* — Басовка, кург. 483; *8, 9* — Ольвия, погр. 1911/66; *10* — Ольвия, погр. 1914/15; *11* — Нартан, кург. 5 (по: [Ильинская, 1968; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980; Смирнова, 1993; Бандуровский, Буйнов, 2000; Бойко, Берестнев, 2001; Дьяченко и др., 1999; Скуднова, 1988; Батчаев, 1985; Петренко и др., 2006]) ; масштаб произвольный

На смену стрелам келермесского типа приходит серия двухлопастных наконечников без выделенной втулки, либо с очень незначительной, иногда, с шипом (рис. 6, *6—11*). Значительное количество подобных наконечников найдено в архаическом некрополе Ольвии [Скуднова, 1988]. По одному экземпляру обнаружено в кург. 482 Басовки и кург. 478 у с. В. Будки [Галанина, 1977], Броварки кург. 4 [Гавриш, 2000, с. 30—34], на Хотовском и Мотронинском

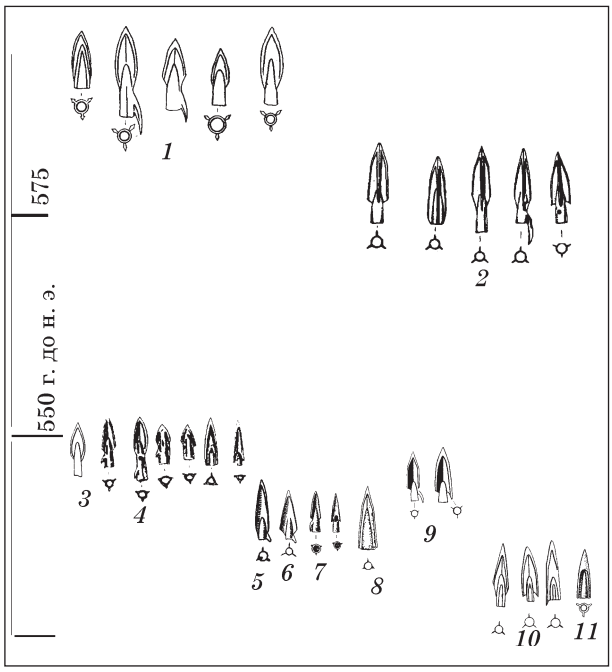


Рис. 7. Трехлопастные наконечники стрел конца VII — VI вв. до н. э. юга Восточной Европы: *1* — Репяховатая Могила 2; *2* — Перебыковцы, кург. 2; *3, 11* — Басовка, кург. 482; *4* — Аксай-1, кург. 3/3; *5* — Ольвия, погр. 1909/6; *6* — Ольвия, погр. 1914/15; *7* — Колоски, кург. 5/5; *8* — Тетюшино; *9* — Нартан, кург. 5; *10* — Ольвия, погр. 1911/52 (по: [Ильинская, 1968; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980; Смирнова, 1993; Бандуровский, Буйнов, 2000; Дьяченко и др., 1999; Скуднова, 1988; Батчаев, 1985; Ольховский, 1982]) ; масштаб произвольный

городищах [Петровська, 1970, с. 138, рис. 13, *2*; Бессонова, Скорый, 2000, с. 91]. Данный тип, учитывая отсутствие переходных форм, маловероятно выводить из раннескифских. Лишь в кург. 84 Уйгарака, кроме черешковых стрел был найден один близкий наконечник (рис. 5, *3*) [Вишневская, 1973, табл. XX, *10*]. Аналогии данным наконечникам известны в синхронных комплексах Предкавказья и Прикубанья (Нартан кург. 5, Ульский 1909/1) (рис. 6, *11*) [Батчаев, 1985, с. 23—24; Ульские …, 2015, табл. 5, *81*]. Можно предполагать их юго-восточное происхождение.

В наиболее ранних среднескифских колчанных наборах встречаются трехлопастные наконечники стрел с лавролистной головкой, выделенной втулкой с шипом или без, в количестве до десяти штук (рис. 7, *4*). Наибольшее их количество встречено в Аксае, кург. 482 Басовки и кург. 478 у с. В. Будки, что, как и в ситуации с двухлопастными стрелами, подчеркивает их относительную древность среди комплексов переходного периода.

На сегодня можно говорить с уверенностью, что в северопричерноморских комплексах последней четверти VII — первой четверти VI в. до н. э. базисные трехлопастные наконечники стрел отсутствуют (Репяховатая Могила 2, Цукур-Лиман, Гуляй-Город, кург. 38, Бушуйка). Нет в это время и наконечников с башневидной головкой. Изменения происходят во второй—третьей четвертях VI в. до н. э., когда в наборах появляются трехлопастные стрелы с башневидной головкой, с длинной выступающей втулкой или без, с шипом или без него (Ольвия погр. 1910/12, 1909/6) [Скуднова, 1988, с. 42—43, 55, 78—80, 101], Новозаведеннное-II, кург. 6 и 17, Нартан кург. 3, 5, 8, Перебыковцы кург. 2, Аксай кург. 3/3 [Дьяченко и др., 1999, с. 96], Каменномостский могильник, погр. 2 (рис. 7, 2, 9) [1] [Батчаев, 1985, с. 8, 22—27]. Подобные трехлопастные наконечники стрел могут служить надежными маркерами комплексов второй—третьей четверти VI в. до н. э., поскольку в погребениях последней четверти данного столетия в количестве более одного экземпляра они мне уже не известны [Гречко, 2012, рис. 13, 14].

Генетически связана с келермесскими трехлопастными наконечниками группа стрел, у которых уменьшается втулка, а форма головки вытягивается и приобретает остролистную форму. Шип сохраняется (рис. 7, *5—7*).

Появляются массивные бронзовые трехлопастные наконечники с головкой башневидной формы со срезанными под тупым углом к основанию лопастями без выделенной втулки (Тетюшино, Скоробор, Ольвия) (рис. 7, *8*). Они могут маркировать комплексы третьей четверти VI в. до н. э. В последней четверти данного столетия, они приобретают более стройные пропорции (Александровка). Наконечники подобной формы получили широкое распространение в культуре Сентеш-Векерзуг [Kemenczei, 2009, taf. 12; 155, *3*; 162, *5*; 178, *7, 8*].

В небольшом количестве представлены трехлопастные стрелы со скрытой или слабовыделенной втулкой стройных пропорций, которые получат распространение позднее (рис. 7, *4*).

В комплексах второй-третьей четвертей VI в. до н. э., так же как и в раннескифских, практически отсутствуют классические базисные наконечники, под которыми мы понимаем опорновтульчатые наконечники стрел с треугольной в профиль головкой и широким основанием (соотношение высоты к ширине основания близко 1 к 2). Единичные экземпляры массивных базисных наконечников найдены в комплексах середины — третьей четверти VI в. до н. э. (кург. 478 у с. Волковцы и кург. 482 у с. Басовка) [Галанина, 1977, табл. 23, *26, 28*; 25, *23*]. Интересно, что трехлопастные наконечники стрел со скрытой втулкой и широким ос-

1. Башневидные трехлопастные наконечники стрел с лопастями переходящими в шипы найдены в ульском кургане 1982/10 [Лесков, 2015, табл. 13, *203*], что позволяет присоединиться к мнению В.Р. Эрлиха о датировке кургана около середины (скорее всего, третьей четвертью) VI в. до н. э. [2000, с. 78], а не серединой следующего столетия [Алексеев, 2003, с. 157].

нованием известны раннескифское время в Китае [Шульга, 2015, с. 80—84] и Туве (Уйгарак кург. 70, 84.) (рис. 5, *2, 3*) [Вишневская, 1973].

Единичными экземплярами представлены бронзовые трехгранные наконечники стрел с подтреугольной головкой, аналогичные раннескифским (Басовка, кург. 482). Эволюция данного типа стрел в данный период идет в сторону уменьшения длины втулки, и приобретения головкой башневидной формы (Тетюшино) (рис. 8, *6*).

Редкими [1] являются бронзовые четырехгранные наконечники стрел (Волковцы, кург. 478, городище у хут. Городище на Харьковщине [Либеров, 1962, с. 33, рис. 4, *21*], второй колчанный набор кургана 2 у с. Перебыковцы (рис. 8, *3*) [Смирнова, 1993, с. 115, рис. 9, *15*], которые неизвестны в раннескифских комплексах восточноевропейской Лесостепи. Можно предполагать их восточное предположения.

Продолжают использоваться в редких случаях костяные пулевидные наконечники стрел, исчезая к последней четверти VI в. до н. э. Разнообразием отличаются костяные наконечники данного периода Предкавказья (Нартан, Новозаведенное-II). В это время появляются квадратные в сечении костяные наконечники, специфические для Северного Кавказа. Интересно отметить наблюдение о том, что наборы со значительным количеством костяных стрел предшествуют наборам, в которых доминируют железные экземпляры [Бурков, Маслов, 1997, с. 121].

В погребениях Северо-Восточного Причерноморья известны железные втульчатые наконечники стрел (двух-, трехлопастных и трехгранных). Они найдены в Аксайском погребении (рис. 6, *8*), к. 5 и 8 Нартанского некрополя [Батчаев, 1985, табл. 19, *28*; 25, *26, 27*], Таманском захоронении 1930/5 (рис. 8, *9—11*) [Гайдукевич, 1959, с. 161, рис. 5]. Данные погребения могут быть датированы около середины VI в. до н. э. Важно отметить, что в погребениях Северного Причерноморья последней четверти VI — начала V вв. до н. э. железные наконечники уже отсутствуют, в то время как в Прикубаньи и Предкавказьи начинают доминировать.

Стоит отметить то, что в колчанном наборе бронзовые наконечники стрел должны иметь приблизительно одинаковый вес. Это обусловлено тем, что стрелок должен быть уверен, что выпустив стрелу рефлекторно отработанным движением, разброс попаданий по дальности будет минимальным. Вероятно, поэтому первые базисные наконечники стрел были более

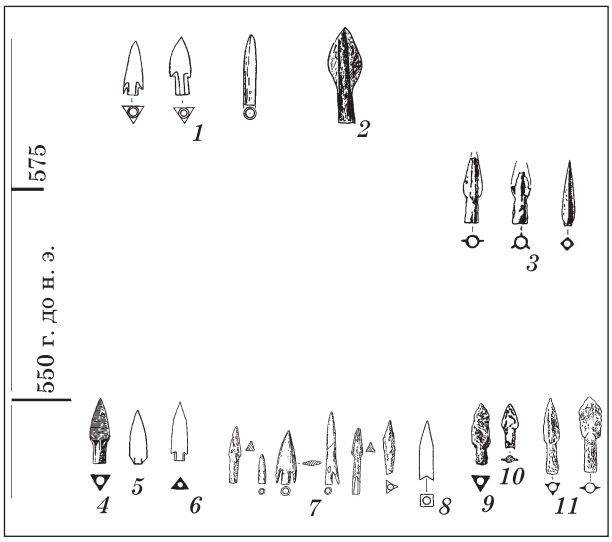


Рис. 8. Наконечники стрел конца VII — VI вв. до н. э. юга Восточной Европы: *1* — Репяховатая Могила 2; *2* — Цукур-Лиман; *3* — Перебыковцы, кург. 2; *4, 9* — Басовка, кург. 482; *5* — Ольвия, погр. 1911/66; *6* — Тетюшино; *7* — Новозаведенное-II, кург. 17; *8* — Каменномосткий могильник, погр. 2; *10* — Аксай-1, кург. 3/3; *11* — Нартан, кург. 5 (по: [Ильинская, 1968; Смирнова, 1993; Бандуровский, Буйнов, 2000; Бойко, Берестнев, 2001; Дьяченко и др., 1999; Скуднова, 1988; Батчаев, 1985; Петренко и др., 2006]) ; масштаб произвольный

массивны, чем классические среднескифского времени. Вес раннескифских наконечников стрел колеблется в среднем 3—4 г, в то время как классические базисные наконечники — 1,02—2 г, что позволяет допустить смену длины стрел и переход к меньшему, более жесткому луку в ССК [Дараган, 2015, с. 159, 160].

Детали колчанов. В данный период исчезают костяные столбики столь характерные для конструкции колчанов раннескифского времени. Вероятно, традиция создания колчанов была иная у первых носителей среднескифской материальной культуры.

Металлические колчанные застежки продолжают использоваться. Известна серия бронзовых изделий, которые, судя по всему, генетически связаны подобными изделиями раннескифского времени (подборку см.: [Ромашко, Скорый, Филимонов, 2014, с. 110—116]). Застежку из одного из древнейших погребений культуры Сентеш-Векерзуг (погр. «В» Шайосентпетер) исследователи относят к концу VII в. до н. э. (Кеменцеи). Этим же временем датирует комплекс из Огородного [2] И.В. Бруяко [Бруяко, 2005, с. 274]. Уточняет дату данных колчанных застежек экземпляр из погр. 1910/12 Ольвийского некрополя, которое можно датировать около середины VI в. до н. э. [Скуднова, 1988, с. 55, 56; Гречко, 2012]. Не противоречит этой дате и наличие клювовидных бляшек-пронизок в

1. А.Ю. Алексеев пишет об аналогичной находке из п. 15/1914 Ольвийского некрополя, что не соответствует действительности [Скуднова, 1988, с. 71, рис. 8, *2*]. Ошибка, очевидно, была почерпнута из работы А.И. Мелюковой, в которой, кстати, фигурируют отдельно комлексы стрел из Опишлянки и кург. 13 у с. Лихачевка, которые являются одним памятником [Мелюкова, 1964, с. 22].

2. А.Ю. Алексеев справедливо отмечает неординарность данного комплекса и наличие материалов ССК [2003, с. 156].

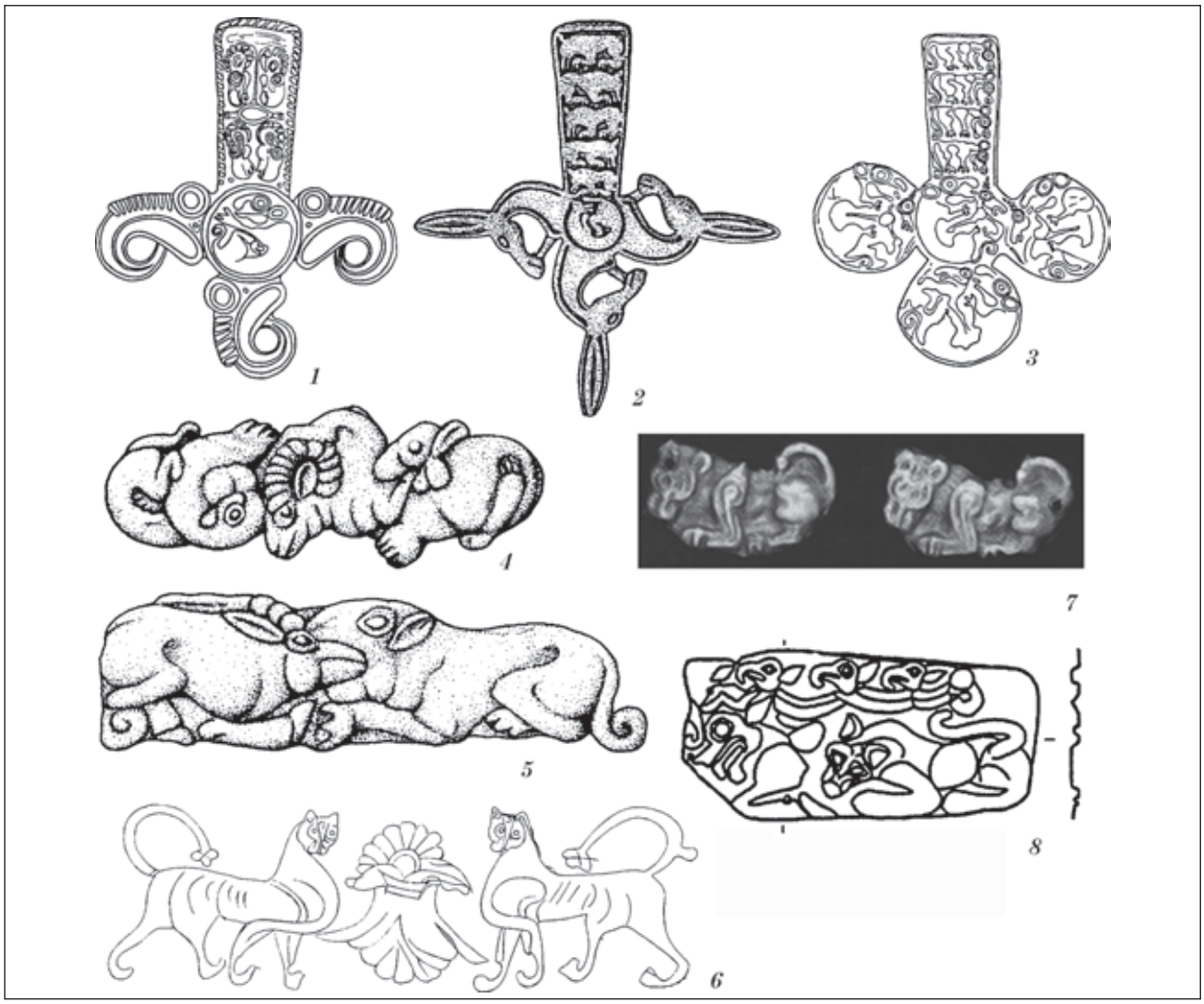


Рис. 9. Изделия с изображениями животных VI в. до н. э. юга Восточной Европы и аналогии: *1* — Ольвия, погр. 1910/12; *2* — Енковцы; *3* — Опишлянка; *4, 5* — Аржан-2; *6* — изображение на коринфском арибалле, Родос; *7* — Ульский курган 1909/2; *8* — Дунхейгоу, М102 (по: [Скуднова 1988; Кулатова, 1995; Мурзин 1984; Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010; Ульские курганы, 2015; Clara Rodos, 1936; Шульга, 2010]) ; масштаб произвольный

погр. «В» Шайосентпетера, которые широко известны и в комплексах второй половины VI в. до н. э. в Ульском могильнике [Лесков, 2015, табл. 18, *264, 267, 269*] и Южном Приуралье [Очир-Горяева, 2012, илл. 332—333].

В декорировании колчанов видную роль начинают играть крестовидные бляхи, которые являются инновациями (рис. 9, *1—3*). Происхождение *крестовидных блях* связывают с Днепровским лесостепным Левобережьем (подробнее см.: [Ольговский, 1995]), что является не бесспорным. География их распространения позволяет согласится с Ю.Б. Полидовичем, что они маркируют путь перемещения их носителей из Волго-Донского междуречья (Аксай, Дугино) в Среднюю Европу [Полидович, 2013, с. 266, 267] [1]. При анализе инноваций в зверинном стиле юга Восточной Европы второй половины VI — начала V в. до н. э. Ю.Б. Полидович допускает, что новые изображения (Комсомольский, погр. 6 и др.) могут свидетельствовать об одном из восточных импульсов (миграций?) дошедших до, в частности, Поволжья, в данное время. Далее этот импульс, по мнению исследователя, проявляется в распространении крестовидных блях и связанных с ними изображениями животных [Полидович, 2013, с. 266].

Особенно стоит отметить, что композиционный прием в виде расположения хищников столбиком один над другим (рис. 10). Аналогии данной схеме на Шумейковском мече, зеркале из Гавриловки и костяном изделии с Бельского городища, позволили Ю.Б. Полидовичу говорить о лесостепном происхождении данного мотива [Полидович, 2000, с. 43, 44] Сомнения в правильности данного утверждения возникают в виду наличия данной схемы на изделиях, включая оружие, из могильника Нань-

1. Интересным является отсутствие находок подобных изделий в Прикубанье и Предкавказье. При этом стоит учитывать в целом их единичность для степного региона.

шагьгень в Северном Китае (погр. М1—12 и «погребение 1958 г.» (VIII в. до н. э.) (рис. 10, *4*) [Таиров, 2007, с. 42, 194, табл. 17, *6, 21*]. Кроме того, вертикальные изображения животных в горизонтальных рядах на бронзовых наборных поясах представлены в Аржане 2 (рис. 10, *1, 2*) [Chugunov et al., 2004, s. 2—6; Čugunov et al., 2010]. Данные пояса имеют наконечник в виде головки хищной птицы, как и упомянутое изделие из Бельска (рис. 10, *5*). Как деталь пояса использовалась крестовидная бляха из Зуевского могильника [Збруева, 1952, с. 37]. Все это позволяет, на мой взгляд, считать, данную схему восточной по происхождению (Северный Китай, Тува).

В любом случае, крестовидные бляхи не имеют истоков в Северном Причерноморье, и сама идея является привнесенной в готовом виде носителями ССК. Просуществовала данная традиция недолго, фактически одно поколение, и не получила распространения в более позднее время, что в свою очередь подтверждает ее неместный характер. Изображения животных, как и сами композиции на бляхах имеют восточное происхождение (Аржан 2, Синьцзян и др.) (рис. 9, *4, 5, 7, 8*) [Полидович, 2010, с. 222]. Вопрос о происхождении формы крестовидных блях на данный момент, по моему мнению, остается открытым.

Ю.Б. Полидович отмечает прямые соответствия между комплексом изображений кургана Аржан 2 и некоторыми причерноморскими изображениями (рис. 9, *1—5*). Анализ традиции позволил исследователю прийти к выводу о сложении серии причерноморских изделий (крестовидных блях и др.) под непосредственным влиянием аржано-казахстанской изобразительной традиции. Данное влияние связывается с волной мигрантов (памятники типа погребений у с. Комсомольский в Нижнем Поволжье), которые принесли некоторые изделия «восточного» типа и инновации в изобразительной традиции, что и положило начало формированию новой художественной традиции [Полидович, 2010, с. 222].

Привлекают внимание бляшки в виде кошачьих хищников (пантер?) из Витовой могилы со стеклянными вставками в глазах (рис. 11, *3—4*) [Zakharov, 1932, p. 69, fig. 12]. Хищники имеют дополнительные изображения орлиных головок на лопатках и кончиках хвостов. Подобные головки украшали по кругу и умбоновидный предмет, украшавший колчан из Витовой Могилы. Истоки данной изобразительной традиции, скорее всего, находятся в Прикубаньи и Закавказье, что четко фиксируется изображениями на псалиях из ульского кургана 1909/2 (рис. 11, *1, 2*). Лопатка животного в виде головок иных созданий находит аналогии на клыке из Нижней Эшеры, который датируется чернофигурной амфорой 530—520 гг. до н. э. (рис. 11, *5*) [Шамба и др., 2008, с. 167]. Интересно, отмеченное исследователями изображение козла на известном навершии из Ульского кургана 1909/2, у которого выступающая лопатка имеет форму вертикальной орлинной головки [Эрлих, 2013, с. 221]. Для комплексов Аксая и Ольвии предпочтительна датировка 560—540-е, а для Опишлянки и Витовой Могилы — 530—520 гг. до н. э. [1]. В целом, изображения хищников с дополнительными изображениями орлиных головок на плечах выполнены под ощутимым влиянием северокавказского зооморфного искусства эпохи архаики [Эрлих, 2013, с. 222].

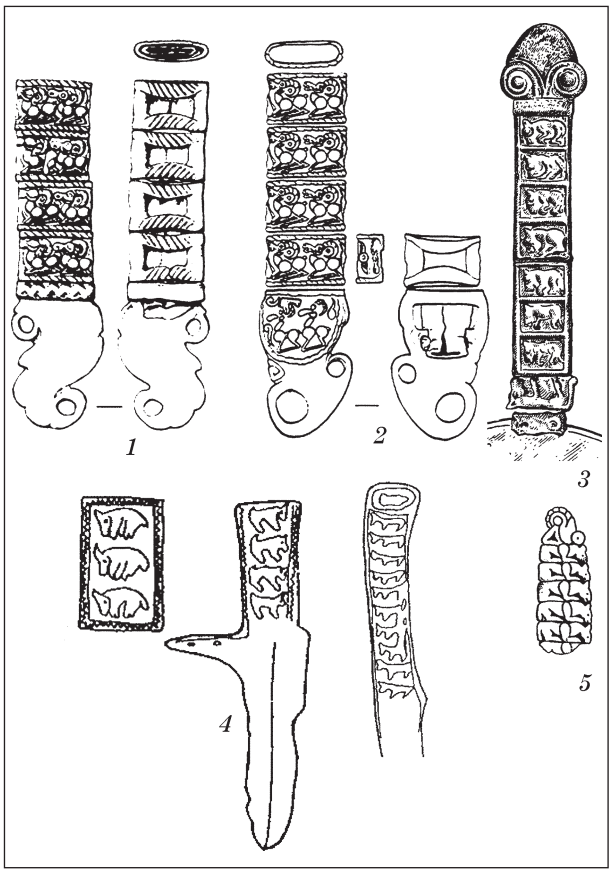


Рис. 10. Изделия с изображениями животных VII—VI вв. до н. э. Евразии: *1* — Аржан-2, мог. 26; *2* — Усть-Хадынныг I, кург. 4, мог. 3; *3* — Гавриловка; *4* — Наньшагень; *5* — Западное укрепление Бельского городища (по: [Ильинская, 1971; Шрамко 1987; Таиров, 2007; Chugunov et al., 2004]) ; масштаб произвольный

Группа изделий из Ульских курганов была недавно вновь проанализирована В.Р. Эрлихом. Отмечается, что предметы второй хронологической группы (1909/1, 1982/10) были изготовлены в период, когда урартские мастерские уже прекратили свою работу, а ахеменидские еще не возникли. Серия изделий связывается с заказной продукцией закавказских и малоазиатских

1. Данное отличие в датах подтверждается составом колчанных наборов. Разница может объясняться продолжительностью жизни обладателей крестовидных блях, которые, вероятно, были представителями одного поколения.

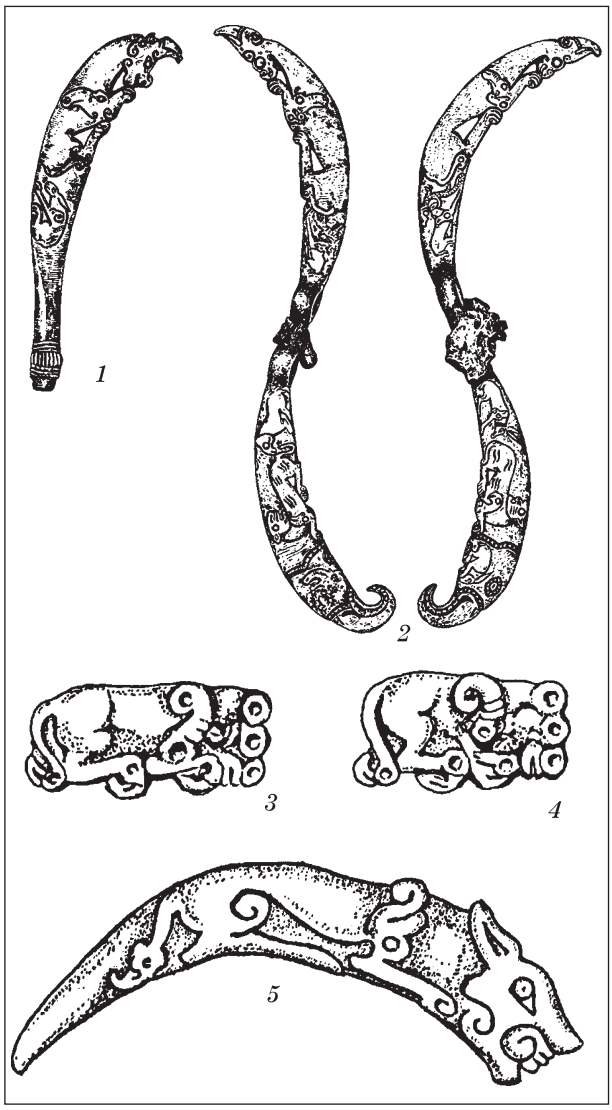


Рис. 11. Псалии из Ульского кургана 1909/2 и аналогии изображениям хищников: *1, 2* — Ульский курган 1909/2; *3* — Витова Могила; *4* — Опишлянка; *5* — Нижняя Эшера (по: [Ульские …, 2015; Онайко, 1966; Шамба и др., 2008]); масштаб произвольный

мастерских для местной элиты. Уникальные серебрянные псалии из кург. 1909/2 являются одними из древнейших двухдырчатых изделий в регионе (рис. 11, *1, 2*). Изготовлением данных деталей узды, вероятно, занимался ближневосточный мастер, вероятно, в районе Колхиды либо Лидии. Аналогичными им являются железные псалии из кург. 1982/10, которые являются подражанием вышеупомянутым серебрянным изделиям [Эрлих, 2013, с. 218—219]. Зооморфный золотой наконечник в виде головы лошади также изготовлен в смешанном стиле под мало- или переднеазитским влиянием. Высокохудожественное навершие из кург. 1909/2 также, вероятно, было выполнено на заказ переднеазиатским мастером. С Малой Азией (Лидия) связаны и изображения горного козла с повернутой назад головой. Допускается изготовление данной серии изделий мастером-лидийцем непосредственно на территории Северного Кавказа (Колхида?) [Эрлих, 2013, с. 228].

Изображения хищника из Ульского кургана 1909/1, которым не были найдены аналогии (рис. 9, *10*) [Переводчикова, 2015, с. 65], имеют параллели на пластинах из комплекса М102 Дунхейгоу (Синьцзян, Китай) (рис. 9, *8*) [Шульга, 2010, с. 201, рис. 55, 11—12] и аналогии среди изображений на коринфских архаических сосудах (рис. 9, *6*) [Clara Rodos, 1936, fig. 55].

Кроме того стоит отметить, и еще одну важную инновацию — небольшие металлические ворворки, которые получат широкое распространение в V в. до н. э. (рис. 12, *11, 12*). В Северном Причерноморье и в Предкавказье древнейшие образцы найдены в переходных комплексах второй—третьей четверти VI в. до н. э. (Огородное, Купьеваха кург. 19, Перебыковцы, кург. 2, Новозаведенное-II, кург. 17). Они все небольшие, конические, в основном железные. Находки аналогичных ворворок раннескифского времени зафиксированы на Северном Кавказе [Батчаев, 1985, с. 42, табл. 48, *22*; Дударев, Белинский, 2015, с. 344, рис. 252, *1—9*].

Мечи с антеновидным навершием, которые получат максимальное распространение в среднескифское время, известны уже в раннескифское на Северном Кавказе [Махортых, 1991, с. 91—92]. К переходному периоду (около середины VI в. до н. э.) относится меч из погребения 2 Каменномостского могильника (рис. 12, *1*) [Батчаев, 1985, с. 8], погр. 5/1931 Таманского некрополя (рис. 12, *9*) [Гайдукевич, 1959, с. 160] и экземпляры из погребения 23 (ближе к началу последней четверти столетия) у Комсомольского (рис. 12, *8*) [Дворниченко и др., 1997, рис. 5, *1, 2*].

Есть, вероятность того, что парадное оружие из погребений последней четверти VI в. до н. э. украшенное эмалями, сканью и зернью было произведено не в мастерских азиатского Боспора [Онайко, 1966, с. 170] [1], а в Закавказье, Передней или Малой Азии. Традиция создания украшений с эмалями и треугольниками зерни существовала и в Передней Азии [2] (напр., келермесская пантера и меч) и Восточном Казахстане [Семенов, 1965, с. 156—176]. Исследователи ульских изделий указывают на однозначные параллели в Передней Азии [Переводчикова, 2015, с. 64—68]. В целом, золотые изделия переходного периода имеют, по всей видимости, не греческое происхождение. Можно на данный момент принять предположение В.Р. Эрлиха об изготовлении серии изделий на Северном

1. А.Ю. Алексеев считает данные изделия греческими. Против греческого производства данных изделий свидетельствует отсутствие вещей украшенных эмалями на античных памятниках Северного Причерноморья до середины V в. до н. э. (подробнее см.: [Алексеев, 2003, с. 200, 201]).
2. На это укакзывала и Н.А. Онайко [Онайко, 1966, с. 166].

Рис. 12. Предметы вооружения переходного периода: *1* — Каменномостский могильник, погр. 2; *2* — Гороховка; *3* — Райгород, кург. 2; *4* — Любница; *5* — Шумейко; *6* — Шолохово; *7* — Великомихайловка, кург.; *8* — Комсомольский, погр. 23; *9* — Тамань; *10* — Аксай-1, кург. 3/3; *11, 13* — Купьеваха, кург. 19; *12* — Огородное, кург. 9/5 (по: [Ильинская 1968; Медведев, 1999; Bukowski, 1977; Волкобой и др, 1979; Батчаев, 1985; Дьяченко и др., 1999; Дворниченко и др., 1997; Гайдукевич, 1959; Бойко, Берестнев, 2001; Субботин и др., 1971]); масштаб произвольный

Кавказе или в Закавказье (Колхида) мастерами (или под их влиянием) из Малой Азии (Лидия). Безусловно, данная проблема требует нового осмысления на современном уровне знаний и заслуживает отдельной работы.

Интерес представляют два биметаллических меча из кург. 2 у с. Райгород (рис. 12, *3*) [ДП III, 1900, табл. XXXVIII, *166*] и кург. 13 у с. Шолохово (рис. 12, *6*) [Волкобой и др. 1979, с. 50, рис. 8, *3*], которые относятся к переходному периоду и могут быть датированы около середины VI в. до н. э. Их кавказское происхождение более чем вероятно [Топал, 2015, с. 54—79]. Интересно, что на фотографии в публикации меча из Райгорода на перекрестье присутствует крупная металлическая ворворка с отверстием по центру, аналогичная деталям колчанов [1] (рис. 12, *3*) [ДП III, 1900, табл. XXXVIII, *166*]. Близок данным кинжалам бимметалический меч из Любницы (рис. 12, *4*), который был обнаружен на поверхности грунтового могильника лужицкой культуры периода На C—D [Bukowski, 1977, с. 82—85, tabl. XII, *1*]. Для переходного периода характерным является крупное почковидное перекрестье округлых очертаний (Райгород, Шолохово, Шумейко и др.).

1. Судя по датировке комплекса, даннное изделие является древнейшим в Северном Причерноморье.

Наконечники копий в комплексах переходного времени были найдены лишь в кург. 19 Купьевахского могильника. Форма пера все еще имеет близкую к лавролистной форму, но уменьшается ширина и отсутствует нервюра (рис. 12, *13*) [Бойко, Берестнев, 2001, с. 129, рис. 42, *3, 4*].

В нескольких комлексах с каменными изваяниями найдены остатки защитного снаряжения (Шолохово, Великомихайловка, Роблена Могила, Ясиноватая). В то время как, в комплексах с крестовидными бляхами остатков доспеха не выявлено [1].

Узда. Комплекс кургана 17 могильника Новозаведенное-II показывает, что трехпетельчатые железные псалии продолжали использоваться и в третьей четверти VI в. до н. э. [Петренко и др., 2006, с. 408, рис. 4]. Трехдырчатые костяные псалии из Румынии также имеют хронологическу привязку: псалий из Истрии датирован серединой VI в. до н. э. [Berciu, 1963, с. 192], а для изделия из Тариверде предпочтительна вторая половина данного столетия [Бруяко, 2005, с. 156].

К переходным формам конской узды, безусловно, относятся, двухпетельчатые псалии (рис. 13). Подобные немногочисленные изделия были выделены в отдельные типы (II.3.1.1, II.5.1,2) А.Д. Могиловым [Могилов, 2008, с. 253, 254].

Бронзовые двухпетельчатые псалии с зооморфным окончанием были найдены в Шумейковском кургане [2] (рис. 13, *1*) [Ильинская, 1968, с. 24, рис. 24]. Судя по фиксации удил между двумя петлями, к данному типу относятся псалии из Витовой Могилы [3] в Поворсклье (рис. 13, *2*) [Zaharov, 1932, p. 65, fig. 10] и из окрестностей Смелы на Правобережьи (Пастырское или Михайловка) [4] (рис. 13, *3*) [Могилов, 2008, с. 36, рис. 74, *2, 3*]. Аналогичные псалии были найдены в захоронении в насыпи взнузданной головы лошади в кургане № 1 могильника Кривая Лука VI в Поволжьи (рис. 13, *6*) [Очир-Горяева, 2012, с. 236—237]. Два аналогичных экземпляра было обнаружено в Ульском кургане 1982/10 [5] (рис. 13, *4, 5*) [Лесков, 2015, с. 46]. Достаточно многочисленная группа двухпетельчатых псалиев известна в могильниках ананьинской культуры (рис. 13, *7—9*) [Збруева, 1952; Халиков, 1977]. Как мы видим, на сегодня это уже достаточно представительная группа изделий переходного периода.

Относительно абсолютной датировки данной группы изделий можно привести следующие соображения. Дата Витовой Могилы может определяться по аналогии с изображением хищника с дополнительной орлинной головкой на лопатке и кончике хвоста на клыке из Нижней Эшеры, который датируется чернофигурной амфорой 530—520 гг.до н. э. (рис. 11, *1, 2*) [Шамба и др., 2008, с. 167]. К близкому времени относится и комплекс Ульского кургана 1982/10 и 1909/2 [Лесков, 2015, с. 217—218]. Наиболее многочисленная серия железных двухпетельчатых псалиев происходит из раннеананьинских могильников (три комплекса Старшего Ахмыловского могильника и один — из Зуевского) (рис. 13) [Збруева, 1952, с. 62, табл. XII, 4; Халиков, 1977, с. 226]. Погребения 563 и 812 [6] Старшего Ахмыловского могильника не содержали иного инвентаря. В погребении 900 данного некрополя псалии были найдены вместе с акозинско-меларским кельтом типа I Ba 1, втульчатыми железными наконечниками стрел и копья (рис. 13, *7*). Исследователь датирует данный комплекс предпочтительно первой половиной—серединой VI в. до н. э. [Халиков, 1977, с. 226]. К сожалению, четких хронологических индикаторов не найдено и есть основания допускать датировку данного комплекса и третьей четвертью данного столетия.

Здесь стоит отметить, что подобные псалии по форме стоят ближе к трехпетельчатым экземплярам келермесского типа (форма, петли), чем к двухдырчатым (S-видная форма, восьмерковидные утолщения вокруг отверстий). Их, вероятно, правомерно будет считать последним (по всей видимости, тупиковым) звеном в цепи эволюционного развития данной формы псалиев раннескифского времени. Возможно, данные изделия появились в переходное время, когда уже использовались двухдырчатые псалии и, видимо, являются свидетельствами попытки модернизировать старую, во многом уже традиционной формы, узду в соответсвии с требованиями времени.

1. Имеется лишь информация о находке шлема в Енковцах, который не сохранился [Кулатова, 1995, с. 139—141].

2. Нельзя исключать принадлежность бронзовых двухпетельчатых псалиев и донышка чернофигурного килика отдельному комплексу конца VI в. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 182].

3. Сохранность псалиев из Опишлянки не позволяет утверждать были ли они двухдырчатыми или петельчатыми.

4. Можно высказать предположение, что данные псалии входили в состав инвентаря кург. 2 у с. Райгород. Во-первых, в составе инвентаря данного погребения с биметаллическим мечем и ионийским киликом входили железные псалии [Ильинская, 1975, с. 21]. Вовторых, Михайловка (бывшие Пруссы) расположены по соседству с Райгородом, у которых и проводил исследования В.В. Хвойка. В-третьих, хронологическое соответсвие и принадлежность одному (переходному) периоду. Как вариант можно рассматривать, расположенный на незначительном расстоянии синхронный кург. 319 у с. Гуляй-Город, в котором также были найдены псалии, хотя и прямые, что делает первую версию более правдоподобной.

5. В.Р. Эрлих один из них реконструирует как трехпетельчатый [Эрлих, 2015, с. 46], что, с учетом находки целого экземпляра, мне кажется маловероятным.

6. Псалий бимметаличсекий.

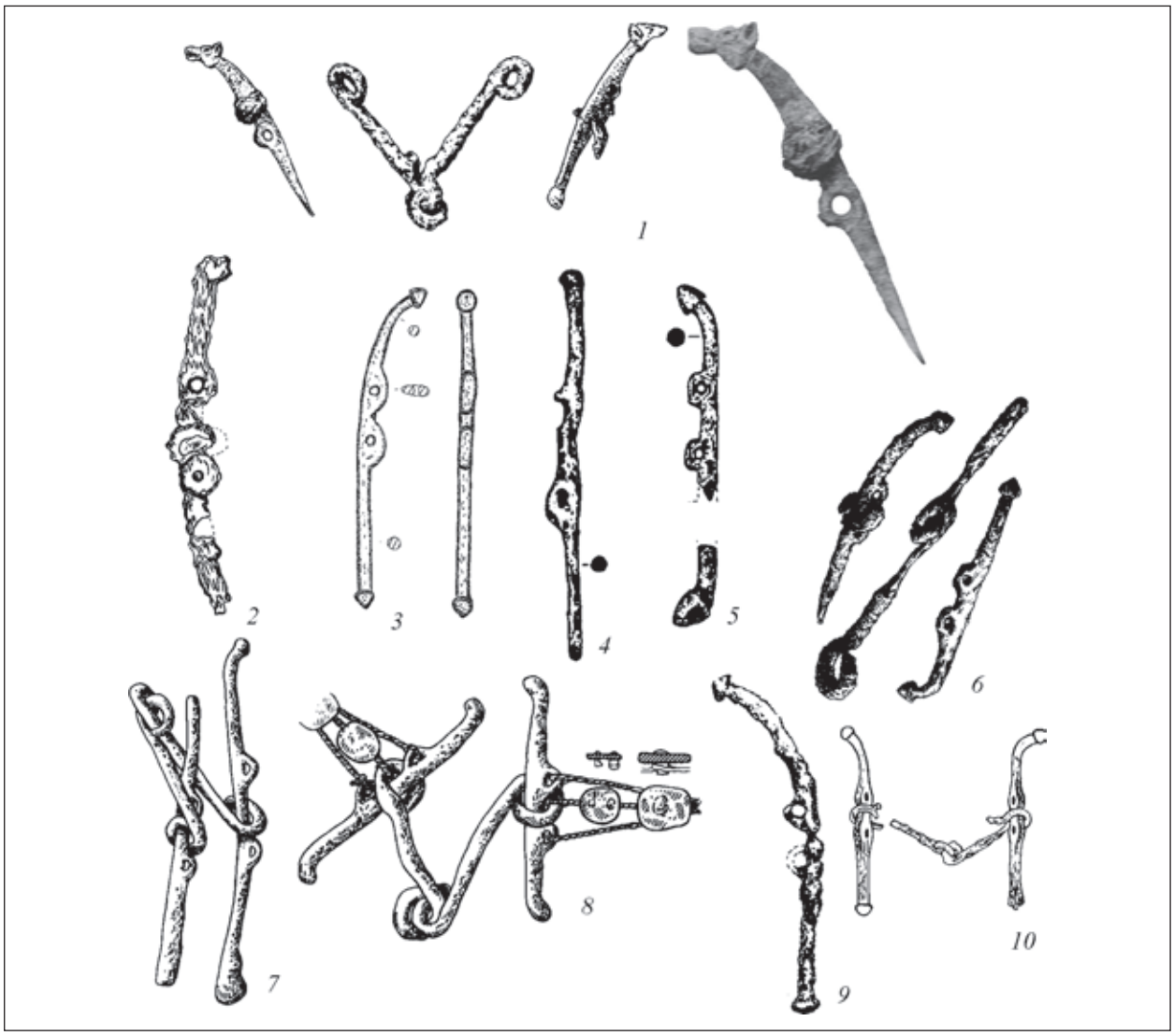


Рис. 13. Двухпетельчатые и двухдырчатый псалии: *1* — Шумейко; *2* — Витова Могила; *3* — Михайловка (Пруссы) или Райгород; *4, 5* — Ульский курган 1982/10; *6* — Кривая Лука VI, кург. 1; *7* — Старший Ахмыловский, погр. 900; *8* — Старший Ахмыловский, погр. 563; *9* — Зуевский могильник; *10* — Нартан, кург. 5 (по: [Збруева, 1952; Халиков, 1977; ДП III; Ульские курганы…, 2015; Zakharov, 1932; Ильинская, 1968; Очир-Горяева, 2012; Батчаев, 1985]); масштаб произвольный

В конце периода Западного Чжоу (около 800 г. до н. э.) на Центральной равнине Китая появился новый тип узды, который будет использоваться практически два тысячилетия. Долгое время псалии имели две петли (рис. 14). Именно Китай, Минусинскую котловину и Монголию есть основания считать местом появления подобного конского снаряжения с бронзовой фурнитурой [Шульга, 2015а, с. 123, рис. 129, *10, 12—14*].

Местом изобретения новой узды П.И. Шульга предполагает восточную часть степной Евразии, поскольку на западе не было переходных форм узды, а трехпетельчатые псалии использовались до конца VI в. до н. э., в то время как на Алтае и в Туве они сменяются двухдырчатыми около середины VI в. до н. э. [Шульга, 1998, с. 34]. К аналогичному выводу приходит и А.Ю. Алексеев [Алексеев, 2003, с. 180, 181]. Двухпетельчатые псалии юга Восточной Европы говорят об обратном и, вероятно, свидетельствуют о близости процессов, которые протекали на всей территории евразийских степей в связи с распространением с востока нового типа конского снаряжения.

Как мы видим, переходные формы от раннескифских псалиев к среднескифским известны на Алтае, Волго-Донском междуречье, Прикубанье и Северном Причерноморье, то есть фактически во всех регионах, которые в это время имели постоянное население или, вероятно, были местами сезонных перекочевок (Поволжье).

* * *

Одними из древнейших двухдырчатых псалиев на юге Восточной Европы являются серебрянные изделия из Ульского кургана 1909/2 (рис. 11, *1, 2*), железные псалии с одним загнутым концом

Рис. 14. Материалы переходного периода Евразии: *1* — Юбилейный-2, кург. 1; *2* — Опишлянка; *3* — Гладковщина, кург. 499; *4* — Витова Могила; *5* — Волковцы, кург. 477; *6* — Гуляй-Город, кург. 48; *7* — Гуляй-Город, кург. 319; *8* — конское снаряжение из участка 1 могильника Юйхуанмяо; *9* — удила и псалии из Центральной равнины Китая (по: [Кулатова, 1995; Кузнецова, 2010; Галанина, 1977; Ильинская, 1975; Шульга, 2008; 2010; 2015; Zakharov, 1932]); масштаб произвольный

и шишечкой из кургана 5 Нартанского могильника [1] (рис. 13, *10*) [Батчаев, 1985, с. 24, рис. 19, *6*], и кургана 477 у с. Волковцы (рис. 14, *5*) [Галанина, 1977, с. 44, табл. 22]. Последний комплекс привлекает внимание сочетанием двух пар железных удил с костяными трехдырчатыми псалиями и два комплекта с железными псалиями, одни из которых точно были двухдырчатыми, а второй — не исключено, с двухпетельчатыми псалиями [2] [Галанина, 1977, с. 44, табл. 22, *3, 4*]. Близок двухпетельчатым изделиям псалий из Каневского уезда [Могилов, 2008, с. 280, рис. 65, *9*]. Железные двухдырчатые стержневидные псалии с зооморфно оформленным концом (орлинная голова) связы-

1. Данная форма является наиболее архаичной среди двухдырчатых псалиев и близка раннескифским трехпетельчатым и переходным двухпетельчатым псалиям, что уже отмечалось исследователями [Махортых, 1991, с. 70].

2. В целом, комплекс можно с большой долей вероятности считать аутентичным, хотя убрав лишь одну находку (фрагмент железного двухдырчатого псалия вдетого в кольцо железных удил), курган относился бы, бесспорно, к раннескифскому времени.

ваются С.В. Махортыхом своим происхождением с подобными трехпетельчатыми изделиями раннескифского времени [Махортых, 1991, с. 71].

Двухдырчатые псалии известны в Средней Азии с VIII—VII вв. до н. э., а конструктивная смена деталей конского снаряжения является общим явлением для всего степного пояса (подробнее см.: [Шульга, 1998, с. 34; Алексеев, 2003, с. 179]). В Туве (Альды-Бель-1) известен случай пропускания двухдырчатых псалиев в окончания стремявидных удил [Грач, 1980, рис. 83, 2, 30; Чугунов, 2005]. Аналогичная система крепления отмечена и в Китае. Все эти комплексы относятся к раннескифскому времени (рис. 14, *8*). Это позволило П.И. Шульге утверждать о появлении данного способа крепления на Алтае и Туве в данный период, но сразу широкого распространения он не получает [Шульга, 2008, с. 78]. Находки в Измайовке и Талдысайский клад [Бейсенов, Смаилов, 1998] четко указывают на появление подобной конструкции на территории Казахстана и Алтая в конце VII — начале VI вв. до н. э.) [Шульга, 2008, с. 76]. Исследователь отмечает использование двухдырчатых псалиев в Юйхуанмяо (участок / этап 1) во второй половине VII в. до н. э. (рис. 14, *8*) [Шульга, 2015а, с. 235, рис. 64].

Ныне металлические двухдырчатые псалии встречены дважды вместе с костяными раннескифскими аналогами в раскопаных в дореволюционное время комплексах (рис. 14, *5*), но в разных наборах узды. Сосуществование двухпетельчатых и костяных трехдырчатых изделий, вероятно, говорят об определенном переходном периоде при смене типов конской упряжи [Могилов, 2008, с. 111—113]. Нет возможности допускать использование костяных трехдырчатых псалиев в последней четверти VI в. до н. э.

В целом, можно согласиться с А.Ю. Алексеевым о проникновении в Европейскую Скифию нового типа конского оголовья с востока, но не в последние десятилетия VI в. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 171], а не позднее третьей четверти данного столетия [1]. Создателями классических двухдырчатых псалиев можно считать население Китая, Монголии, Алтая, Тувы, которые попав в Предкавказье и Прикубанье, были восприняты и получили локальные черты. Массово сериями весь комплекс конской узды нового (среднескифского) типа находит аналогии в комплексах второй половины VI в. до н. э. данного региона.

* * *

Маркерами погребений переходного периода являются находки пряжек-пронизок для перекрестных ремней различной формы и оформления, которые хорошо известны с раннескифского времени (рис. 14, *6, 7*). В целом, данные изделия, судя по всему, прекращают использоваться в новой узде в конце VI в. до н. э. В.А. Ильинская отмечала данный факт и указывала на единичные более поздние комплексы — кург. 1 у с. Аксютинцы (1886) и № 2 у с. Волковцы (1897 г.) [2] [Ильинская, 1968, с. 109].

Одним из древнейших комплексов, где фиксируется появление нового типа конского оголовья является курган у хут. Шумейко [Ильинская, 1968] [3]. Для датировки Шумейковского кургана важное значение имеют параллели изображениям (горный козел с повернутой назад головой и лежащая пантера) на плакированном золотом мече в Ульских курганах 1909/2 и 1909/1, Опишлянке и Витовой Могиле, что говорит об их близости во времени и принадлежности переходной группе памятников. В целом, позднеархаический комплекс, можно синхронизировать с курганом 499 у с. Гладковщина, который датируется киликом около 560—540 гг. до н. э., кург. 38 Гуляй-Города и древнейшими комплексами с крестовидными бляхами. В кургане Шумейко, наряду с несколькими наборами раннескифского типа имеется уже упомянутый комплект узды нового типа. Кроме бронзовых псалиев, внимание привлекают бронзовые бляхи с изображением в фас головы коня. В классических достоверных раннескифских и среднескифских комплексах они не известны. Еще одним древнейшим погребением переходного периода (около второй четверти—середины VI в. до н. э.) является кург. 38 Гуляй-Города [Ильинская, 1975, с. 14, 15]. В данном комплексе, среди многочисленного инвентаря были найдены аналогичная бляшка и зеркало «ольвийского типа», которое и уточняет датировку [Гречко, 2012, с. 80—82]. В данном некрополе аналогичные бляшки были обнаружены также в кург. 48 и 319 [4] [Ильинская, 1975, с. 112]. Подоб-

1. Курган 5 Нартана, судя по колчанному набору, кубовидной пряжке для перекрестных ремней, должен датироваться не позднее второй—третьей четвертей VI в. до н. э. Колчанный набор из кургана 1 более поздний (вероятно, рубежа VI —V вв. до н. э.), о чем говорит иное соотношение типов стрел и другой инвентарь, и не синхронен кургану 5, как считает А.Ю. Алексеев [Алексеев, 2003, с. 171]. Первой половиной VI в. до н. э. данный комплекс датирует С.В. Махортых, при этом отмечается, что период широкого распространения двухдырчатых псалиев приходится на вторую половину этого столетия [Махортых, 1991, с. 70].

2. Комплекс содержал крестовидную бляху, которая вторично была использована в конском снаряжении [Ильинская, 1968, с. 128, рис. 37].

3. В состав инвентаря кургана Шумейко была ошибочно включена и бронзовая фигурка быка обтянутая золотом [Алексеев, 2003, с. 199, 200]. На сегодня, что-то утверждать по поводу изъятия определенных находок из данного комплекса сложно, а подобные действия будут субъективными и отражать исследовательскую позицию на хронологию материальной культуры данного периода. Можно лишь учитывать тот факт, что музейные колекции являются часто перепутанными [Могилов, 2008, с. 113] и необходимо относиться с осторожностью к дореволюционным комплексам.

4. В данном комплексе были обнаружены еще бронзовая крестовидная пряжка-пронизь и, что очень важно, резной клык кабана в виде головки птицы [Ильинская, 1975, с. 17, табл. 4, *6, 7*]. Оформление глаза птицы находит прямые аналогии в Ульском кургане 1909/2.

ные изделия найдены в кург. 4/1 у с. Волковцы (раскопки И.А. Линниченко) [1] [Ильинская, 1968, с. 51]. Аналогии вне восточноевропейской Лесостепи мне не известны. Напоминают данные изделия бляшки с петлей на обороте из Новопривольного в Нижнем Поволжье и Матвеевского кургана в Южном Приуралье [Очир-Горяева, 2012, илл. 269, *3*; 348, *3*]. Подобые бляшки известны и в Посулье (Аксютинцы) [Ильинская, 1968, табл. XVII, *9*]. При этом, изображения отличаются, а сами изделия не являются пряжками-пронизками и относятся к более позднему времени. Все это позволяет говорить о местном происхождении данных деталей конской узды.

Подвески из когтей и когтевидные пряжки-пронизки для перекрестных ремней продолжают использоватся в переходный период (Волковцы кург. 478) [Галанина, 1977, с. 45, табл. 23, *30*]. Подобные пряжки в комплексах последней четверти VI в. до н. э. на юге Восточной Европы неизвестны (позднейший комплекс, вероятно, Ульский курган 1982/10). В то же время, в Южном Приуралье когте- или клювовидные изделия массово встречаются и в памятниках V в. до н. э. [Очир-Горяева, 2012, с. 191—193, 300, 301 и др.].

Есть еще одна группа предметов, которая появляется именно в переходный период в Северном Причерноморье, имеет прямые аналогии в более раннее время в Прикубаньи и Предкавказьи. Это усеченно-конические колокольчики с прорезями. Древнейшим комплексом в Лесостепи является переходный комплекс в кург. 477 у с. Волковцы (рис. 14, *5*) [Галанина, 1977, с. 44, табл. 22, *10—12, 14—16*]. Позднее, начиная с конца VI в. до н. э., они будут широко представлены в кочевнических захоронениях региона [Могилов, 2008, с. 86, 87] [2].

* * *

Как показал анализ комплексов, в переходный период [3] на каком-то этапе сосуществуют позднейшие раннескифские (РСК-3ф (финальные); Шумейко, Журовка 447, Гладковщина 499 и др.) и древнейшие среднескифские (ССК-1а; Аксай, Гусарка, серия ольвийских захоронений [4] и др.) комплексы. Ныне его можно датировать второй—третьей четвертью VI в. до н. э. Период репрезентуют комплексы, содержащие свидетельства контакта двух культур. Периодизацию памятников VI в. до н. э. можно представить в виде таблицы.

Несколько слов необходимо сказать об изменениях материальной культуры. Правомерно будет сравнить материалы позднейших захоронений РСК (первая половина VI в. до н. э.) и древнейших ССК (вторая—третья четверть VI в. до н. э.), а не в целом РСК и ССК—ПСК [Алексеев, 2003, с. 168—185, 397, рис. 24]. Предметы вооружения и воинской амуниции ССК типологически отличаются от более ранних. Инновации можно связывать с деятельностью мастеров Северного Кавказа, а изменение типа конской узды — с эпохальными изменениями в степях Евразии.

Серию ярких инноваций в материальной культуре населения Северного Причерноморья можно связывать с восточным культурных импульсом, который напрямую через группы кочевников из Центральной Азии вместе с мигрантами из Предкавказья была привнесена в регион. Далее был период сосуществования различных элементов материальной культуры. При этом часть инноваций возобладала лишь к последней четверти VI в. до н. э. (узда, вооружение) при продолжении, хотя и дискретном, традиции создания серии раннескифских категорий изделий (бронзовые котлы, навершия) [5] [Алексеев 2003, с. 172, 173].

Женских погребений второй половины VI в. до н. э. (начало ССК) мне не известно, поэтому сравнивать украшения и предметы туалета проблематично. Судя по материалам архаического некрополя Ольвии, каменные блюда и зеркала ольвийского типа продолжают использоваться и во второй половине VI в. до н. э. [Скуднова, 1988, с. 48, 49, 68, 69, 92, 93, 112—115].

Рубчатый кант вокруг глаза В.Р. Эрлих считает признаком переднеазиатского искусства [2013, с. 224]. Крестовидная пронизь имеет прямые параллели в комплексах Приаралья (Уйгарак, кург. 70, 83, Тагискен кург. 55) [Вишневская, 1973, с. 150, табл. XVIII, *33*; XIX, *7*].

1. Данный комплекс несколько более поздний в рамках переходного периода и синхронизируется с комплексами Витовой Могилы и Опишлянки [Zaharov, 1932, p. 69, 77], благодаря наконечникам стрел.

2. Подобные колокольчики, вероятно, также кавказского происхождения, были найдены в раннескифском комплексе у с. Коцюбинчики в Поднестровье [Бандрівский, 2015, с. 360, рис. 181]. Близкие наборы с колокольчиками и бронзовыми навершиями известны в старших комплексах культуры Векерзуг в Алфельде [Бруяко, 200, с. 275, рис. 72, 280; Kemenczei, 2009, p. 51—55]. В целом, данные комплексы не должны быть сильно оторваны во времени от основного массива погребений данной культуры и могут быть связаны с началом переходного периода. В это время в Северном Причерноморье появляются группы кочевников с востока и Северного Кавказа, которые, по всей видимости, имели отношение к появлению новой материальной культуры (ССК) и разрушениям городищ в Средней Европе во второй четверти—середине VI в. до н. э.

3. В несколько ином виде (не указывается на сосущестование позднейших раннескифских комплексов и древнейших среднескифских памятников, которые, вероятно, имели разное этнокультурное содержание) и частично другой датировкой (вторая половина VI в. до н. э.), А.Д. Могиловым первым была выделена переходная IV архаические группа / этап [Могилов, 2008, с. 111—113], которому и принадлежит заслуга в данной попытке детализировать хронологию комплексов VI в. до н. э.

4. Вопрос об их этнической интерпретации достоин отдельного исследования.

5. Данные категории материальной культуры также связаны с Северным Кавказом и могли входить в новый комплекс материальной культуры.

Возможный вариант периодизации памятников переходного периода

Годы до н. э.	Комплексы
580/560—540/530	РСК-3ф (580—540): Шумейко, Гладковщина кург. 499, Журовка кург.447, Перебыковцы, кург. 2, Новозаведенное-II, кург. 6, 17;
	ССК-1а (560—540): Аксай-1 кург. 3/3, Куцеволовка, Купьеваха кург. 19, Тетюшино, Басовка кург. 482, Нартан кург 5, Ольвия 1910/12, 1909/6, 1911/66, 1911/52, Таманский некрополь, погр. 3/1931 г., Огородное кург. 9/5
530—520	Витова Могила, Опишлянка, Гусарка, Скоробор кург. 4, Нижняя Эшера

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ СЕРЕДИНЫ—ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ VI в. до н. э.

Сразу следует оговориться, что для уверенной реконструкции событий данного периода мало данных и мои реконструкции носят дискуссионный характер и не претендуют на окончательность выводов.

Как мы видим, запустения Северного Причерноморья во второй—третьей четвертях VI в. до н. э. не было [1]. Смена культур произошла не стремительно, как отмечают исследователи, а постепенно во второй—третьей четвертях VI в. до н. э. Наши данные показывают наличие определенного переходного периода продолжительностью около полувека. Сложным является вопрос об этнокультурном содержании восточного импульса середины VI в. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 184]. Я поддерживаю мнение А.Ю. Алексеева, что он имел не только новую культурную, но и в какой-то степени этническую основу. А.Ю. Алексеев отмечает, что появление новой группы номадов (предположительно скифов, вытесненных массагетами), возможно, описано у Геродота (IV, 10) и у Диодора (Diod., II, 43) [Алексеев, 2003, с. 27, 67].

Исходная территория миграции новых номадов, как и для других переходных периодов, определяется с трудом. Есть основания согласиться с А.Д. Таировым и реконструировать проникновение кочевников в переходный период из Тувы и Минусинской котловины через предгорья Алтая [2] в Восточный Туркменистан, Юго-Восточный Казахстан и далее через Семиречье и Южное Приуралье вплоть до Северного Причерноморья.

Анализ изменений в сфере погребальной обрядности и материальной культуры может говорить, что, кроме относительно немногочисленных групп кочевников из Центральной Азии [3], среди пришельцев преобладали выходцы из Предкавказья и Прикубанья. Что согласуется с мнением части исследователей о возвращении части скифов с Кавказа в Северное Причерноморье после переднеазиатской эпопеи, хотя и спустя определенный период проживания на Северном Кавказе [Мозолевський, 1990, с. 27, 28].

Можно предполагать разнородность и относительную немногочисленность пришедших номадов. Нельзя исключать, что отдельные группы кочевого населения могли проникать в восточноевропейскую Лесостепь напрямую через Волго-Донское междуречье, минуя Предкавказье.

Маршруты перемещения кочевников в Северное Причерноморье в середине—второй половине VI в. до н. э., вероятно, отличался от направления движения периода архаики — с Кавказа через Крым в Поднепровье [Алексеев, 2003, с. 160]. В Крыму отсутствуют погребения кочевников переходного периода (вторая—третья четверти VI в. до н. э.). Разрушения в Таврике относятся к несколько более позднему периоду (концу VI — первой трети V вв. до н. э.) [Чистов, 2002, с. 259—261]. Следы пожаров именно третьей четверти (не позднее 30-х гг.) VI в. до н. э. зафиксированы лишь на Тамани (Кепы) [Кузнецов, 1991, с. 36, 37]. В это время гибнет Таганрогское поселение [Копылов, 2006, с. 81—87] [4]. Вышеприведенные данные и картографирование крестовидных блях указывает на путь новых номадов в Северное Причерноморье через низовья Дона. Удобная переправа в низовьях Дона расположена у хут. Дугино, где найдена одна

1. Не являются сторонниками хронологического разрыва в первой половине VI в. до н. э. А.Ю. Алексеев [2003, с. 27], И.В. Бруяко [2005, с. 243].

2. Данное движение и могло привести к смене облика материальной культуры данного региона, а наличие переходных комплексов может говорить об отсутствии разрыва между памятниками раннескифского времени и ранними пазырыкскими.

3. Интересен клык кабана с отверстием и резным изображением головы орла с восковицей из Опишлянки, который находит аналогию в более раннем захоронении быстрянской культуры Алтая (Юбилейный 2 кург. 1) (рис. 14, *1*) [Шульга, 2015, с. 160, 161, рис. 60, *2*]. В этом отношении интересен и роговой двухдырчатый псалий из окрестностей Кисловодска [Крупнов, 1960, с. 436, табл. XIV, *9*], который имеет черты еще традиций раннескифского времени исключительно Алтая [Шульга, 2015, с. 89]. Данное изделие, вероятно, подсказывает направление контактов (миграций) переходного периода.

4. В связи с этим интересно предположение Т.М. Кузнецовой о конфликте в середине данного столетия между скифами и греками, связанного борьбой за торговые связи с населением Лесостепи [Кузнецова, 1994, с. 5—7].

из блях [Копылов, 1994, с. 90]. Далее путь пролегал через водораздел рек бассейна Днепра и Азовского моря. Комплекс Гусарки четко расположен на перекрестке дорог к переправам через Днепр — одна в район современного Запорожья и севернее (Великомихайловка, где имеет место раздвоение Муравского Шляха [Бессонова, 2009, с. 47]), а вторая — к Никополю (Шолохово).

Миграции племен могли происходить в несколько этапов. Сперва в регион проникала небольшая группа, а затем начиналась массовая миграция. При этом могло происходить и разновекторное движение [Тернавский, 2009]. Доминирование основных погребений отличает характер событий данного периода от первой стадии кочевания С.А. Плетневой (впускные одиночные погребения) и ситуации последней четверти VI в. до н. э. Можно предположить, что основная масса мигрантов с востока прошла транзитом через Северное Причерноморья в Центральную Европу около середины VI в. до н. э., принеся туда, в частности, традицию изготовления крестовидных блях. Часть номадов, в основном северокавказского происхождения, влилась в объединение племен Днепровского лесостепного Левобережья, чему способствовало, вероятно, общее происхождение с кочевниками, которые проникли в регион в раннескифское время, либо заняли часть пустующих степей. Движение центральноазиатских кочевников в Северное Причерноморье и, периодически, далее в Центральную Европу через Северный Кавказ неоднократно имело место в начале раннего железного века [Бруяко, 2005, с. 142, рис. 31] и в средневековье: гунны, авары (558 г. н. э.), кутригуры и утигуры (561 г. н. э.), тюрки (570 г. н. э.), хазары, аланы [Комар, 2008].

Появление новой группы номадов около середины VI в. до н. э. в Северном Причерноморье, видимо, спровоцировало перемещение части кочевников (?), которые доминировали в регионе в раннескифское время. Движение групп из Среднего Поднестровья и Приднепровской Лесостепи могло привести к разрушениям в Центральной Европе (Вицина, Смоленица Мольпир и другие) в этот период. Среди наконечников стрел, найденых на разрушенных городищах Средней Европы, присутствуют экземпляры с башневидной головкой, что дало основания А.И. Мелюковой датировать их около середины VI в. до н. э. [Мелюкова, 2006, с. 28]. Это позволяет говорить о связи (прямой или косвенной) данных боевых действий с рассматриваемыми событиями в Северном Причерноморье [1]. А.И. Мелюкова полагала, что набег на Вицину был совершен с территории, где в это время использовались раннескифские наборы стрел [Мелюкова, 2006, с. 28, 29]. Можно предположить, что этим регионом могла быть Трансильвания [Бруяко, 2005, с. 306] и Среднее Поднестровье. Не противоречат данному выводу затухание среднеднестровских некрополей и участие данного населения в сложении культуры Векерзуг [Хохоровски, 2013, с. 64, 67]. Здесь можно было бы усмотреть проявление всем известного «принципа домино», характерного для подвижек населения в Степи. Направление зачастую как раз носило западную направленность [Алексеев, 2003, с. 68]. В этих акциях могли участвовать и группы номадов с востока.

После прихода в Северное Причерноморье немногочисленные группы кочевников проникли в Днепровское лесотепное Левобережье и прилегающие земли. Появление новых номадов заставило население Лесостепи провести укрепление существующих поселений и создать серию новых [2] [Скорый, 2003, с. 82 [3]; Гречко, 2010, с. 29]. Здесь стоит подчеркнуть, что в Лесостепи, вопреки существующему мнению, следов погромов этого времени не зафиксировано и большинство поселений непрерывно существуют весь VI в. до н. э. Есть несколько исключений. Это Хотовское городище, которое, вероятно, прекращает свое существование в третьей четверти VI в. до н. э. [Дараган, 2005, с. 260] [4]. Нападение на Трахтемировское городище было осуществлено несколько ранее (в конце первой-второй четверти VI в. до н. э., после 80-х гг.) [Фіалко, Болтрик, 2003, с. 67, 89].

Безусловно, основная масса земледельческого населения Лесостепи осталась на своих прежних местах. Преемственность погребальных обрядов кочевников раннескифского и среднескифского времени данного региона может говорить о сохранении правящей верхушки местного населения. Погребения носителей нового материального комплекса в Лесостепи (Витова Могила, Опишлянка, Енковцы) расположены вне родовых могильников местного населения. Их взаимоотношения неясны. Судя по всему, они влились в ряды местной военной элиты, хотя нельзя исключать и их гибель в результате неудачного набега. Более вероятным мне представляется мирное сосуществование, на что указывает активный об-

1. А.Ю. Алексеев синхронизирует погром в Смоленицах и древнейшие ольвийские захоронения с колчанными наборами в рамках середины—третьей четверти VI в. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 156].

2. На данный момент не совсем ясно, когда произошло массовое строительство укреплений в Днепровском лесостепном Левобережьи — в середине—третьей четверти (в связи с появлением носителей крестовидных блях) либо в последней четверти VI — начале V в. до н. э. (общая дестабилизация ситуации в Северном Причерноморье при переходе скифов ко второй стадии кочевания и покорении или установлении данническихотношений с населением Лесостепи и греками).

3. При этом, указывается, что укрепления возводятся в середине—второй половине VI вв. до н. э. в ответ на появление скифов второй волны (конец VII — начала VI вв. до н. э.) [Скорый, 2003, с. 82]. Подобное запаздывание реакции на агрессию не совсем понятно.

4. Интересно, что поселенческие комплексы севернее Роси в это время были покинуты окончательно и население, возможно, участвует в заселении земель в Днепро-Донецкой Лесостепи.

мен племен Лесостепи с Ольвией, расцвет поселенческой структуры региона и заселение новых территорий (Северский Донец, Сейм, Средний Дон, Посулье). Этому способствовало и вероятное родство воинов, пришедших с Северного Кавказа в раннескифский период и новых номадов преимущественно из того же региона. Можно предполагать определенное общее лингвистическое ядро (ираноязычные кочевники).

В целом вывод А.Ю. Алексеева достаточно точно описывает ситуацию, которая сложилась в степях Евразии в VI в. до н. э.: «В результате мы скорее всего столкнулись со сложным механизмом взаимообменов в центральном и западном очагах евразийских культур скифского облика. Один и тот же регион мог дать миграционный импульс в разных направлениях, в результате чего сходные элементы, в той или иной степени трансформированные, обнаруживаются на весьма удаленных друг от друга территориях» [2003, с. 185].

Таким образом, есть основания полагать, что Древняя Скифия с ее раннескифским материальным комплексом постепенно уступила место Классической в середине—второй половине VI в. до н. э. под влиянием новой группы кочевников, которая проникла с Северного Кавказа через низовья Дона в Северное Причерноморье. Данные коллективы не отличались однородностью и могли включать в свой состав как кочевников Предкавказья и Прикубанья раннескифского времени, так и новые группы номадов с более восточных областей (Приаралья, Тува, Восточный Туркестан), при вероятном участии части скифов, которые последними вернулись из Передней Азии. Разрыва в существовании памятников двух данных периодов не отмечается. Миграция середины VI в. до н. э. была очередным перемещением групп населения с Северного Кавказа в Северное Причернормье (катакомбная культура, памятники новочеркасского типа, раннескифское время) и авангардом переселения последней четверти данного столетия. Данные группы нового населения не подчинили себе население Лесостепи, вероятно, в виду своей малочисленности. Именно они принесли в регион часть нового культурного и материального комплекса (новый тип конской узды, вооружения, образы звериного стиля и др.). При этом, бульшее влияние на формирование материальной культуры Классической Скифии имели традиции более многочисленных мигрантов последней четверти VI в. до н. э. с Северного Кавказа, что ознаменовалось появлением значительного количества как отдельных захоронений, так и целых могильников.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э. — СПб., 2013. — 416 с.

Алексеев А.Ю., Рябкова Т.В. Скифы // Античное наследие Кубани. — 2010. — Т. I. — С. 236—259.

Андрух С.И., Тощев Г.Н. Курганы на проспекте Советский в г. Запорожье // ССПК. — Запоріжжя, 2012. — Т. XVI. — С. 184—223.

Бандрівский М. Культурно-історичні процеси на Прикарпатті і Західному Поділлі в пізній період епохи бронзи- на початку доби раннього заліза. — Львів, 2015. — 574 с.

Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант). — К., 2000. — 236 с.

Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Исследования курганов скифского периода в Валковском районе на Харьковщине // АВУ 1999—2000 рр. — К., 2001. — С. 72—75.

Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. — Нальчик, 1985. — Вып. 2. — С. 7—115.

Бейсенов А.З., Смаилов Ж.Е. Талдысайские удила раннетасмолинского времени в Центральном Казахстане // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. — Алматы, 1998. — С. 271—274.

Берестнев С.И., Бойко Ю.Н. Новые исследования курганного могильника у с. Купьеваха. — Харьков: Препр., 2005. — 42 с.

Бессонова С.С. Каменные изваяния в контексте этнополитической истории Скифии // Stratum plus. — 2005—2009. — № 3. — С. 14—93.

Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988—1996 гг.). — К., 2001. — 256 с.

Белинский А.Б., Дударев С.Л. Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала раннего железа. — Ставрополь, 2015. — 446 с.

Бокий Н.М., Ольховский В.С. Раннескифский курган на Днепровском Правобережье // РА. — 1994. — № 2. — С. 151—163.

Бойко Ю.Н. Приднепровская лесостепь и кочевники скифского времени (фрагмент динамико-дистанционной модели) // ПССАСП. — Запорожье, 1994. — **II**. — С. 22—24.

Бойко Ю.Н., Берестнев С.И. Погребения VII—III вв. до н. э. курганного могильника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). — Харьков, 2001. — 144 с.

Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе (X—V вв. до Р. Х.). — Кишинев, 2005. — 358 с.

Бурков С.Б., Маслов В.Е. Новые комплексы скифской эпохи из Чечни // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. — М., 1997. — С. 114—126.

Бурков С.Б., Маслов В.Е. Исследования могильника «Орджоникидзевский» в Чечне // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. — М, 2005. — С. 356—381.

Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. — Грозный, 1972. — 387 с.

Вдовиченко И.И. Античная расписная керамика на варварских памятниках Северного Причерноморья. // Древняя Таврика. — Симферополь, 2007. — С. 13—58.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. — 1991. — № 1. — С. 145—155.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.: по материалам Уйгарака. — М., 1973. — 160 с.

Волкобой С.С., Шалобудов В.Н., Лихачев В.А. Скифский могильник «Славянка» у с. Шолохово на Днепропетровщине // Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. — Днепропетровск, 1979. — Вып. 3. — С. 45—60.

Гавриш П.Я. Розкопки курганів скіфського часу біля с. Броварки на Полтавщині // АЛЛУ. — 1998. — Ч. 1—2. — С. 29—37.

Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых Боспорских городов // МИА. — 1959. — Вып. 69. — С. 178—180.
Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. — М., 1980. — 256 с.
Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья. (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга). — М., 1977. — 68 с. (САИ. — Вып. Д 1-33).
Гречко Д.С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. — К., 2010. — 286 с.
Гречко Д.С. О возможных «просветах» в «темное» время (VI в. до н. э.) скифской истории // Stratum plus. — 2012. — № 3. — С. 75—106.
Гречко Д.С. О памятниках киммерийцев и «раннескифской» культуре // Stratum plus. — 2013. — № 3. — 133—154.
Григорьев В.П. Раннескифский курган «Роблена могила» в Лесостепном Приднепровском Левобережье // Проблеми історії та археології давнього населення УРСР. — К., 1989. — С. 56—57.
Гуцалов С.Ю. Кочевники Южного Приуралья в системе культур скифского времени Восточной Европы: общее и особенное // Региональные особенности раннесарматской культуры. — Волгоград, 2007. — Вып. II. — С. 83—96.
Гуцалов С.Ю. Погребальный обряд кочевников Южного Приуралья в конце VI — V вв. до н. э.: истоки // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: Материалы и исследования по археологии юга России. — Ростов н/Д, 2011. — Вып. III. — С. 43—51.
Гуцалов С.Ю., Таиров А.Д. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей // Археология, палеоэкономика и палеодемография Евразии. — М., 2000. — С. 226—251.
Дараган М.Н. Античная керамика Хотовского городища скифской эпохи // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. — СПб., 2005. — С. 256—261.
Дараган М.Н. Наконечники стрел предскифского и раннескифского времени: технология изготовления, метрология и маркировка // Тр. ГЭ. — СПб., 2015. — **77**. — С. 127—170.
Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // РА. — 1997. — № 3. — С. 127—131.
Древности Приднепровья. — К., 1900. — Т. III. — 22 с.
Дубовская О.Р. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. — Донецк, 1997. — № 6. — С. 181—217.
Дьяченко А.Н., Мейб Э., Скрипкин А.С., Клепиков В.М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // НАВ. — 1999. — Вып. 2. — С. 93—126.
Житников В.Г. К проблеме возникновения Елизаветовского городища в дельте Дона // РА. — 1997. — № 1. — С. 50—59.
Збруева А.В. История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху // МИА. — 1952. — Вып. 30. — 323 с.
Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. — К., 1968. — 203 с.
Ильинская В.А. Образ кошачьего хищника в раннескифской культуре // СА. — 1971. — № 2. — С. 64—85.
Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. — К., 1975. — 223 с.
Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. — К., 1980. — С. 31—64.
Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII—IV вв. до н. э. — К., 1983. — 380 с.
Ильюков Л.С., Лукьяшко С.И. Новые памятники скифского времени на нижнем Дону // Донские древности. — Азов, 1994. — Вып. 2. — С. 57—79.
Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Левобережья (Киево-Черкасский регион). — К., 1989. — 336 с.
Комар А.В. Кочевники Восточной Европы VI—IX вв. // Тюркское наследие Евразии VI—VIII вв. — Астана, 2008. — С. 191—216.
Копылов В.П. Новые данные о связях населения Нижнего Дона в V в. до н. э. // Донские древности. — Азов, 1992. — Вып. 1. — С. 78—87.
Копылов В.П. Греческая керамика из раннескифских погребений Нижнего Подонья // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. — Ростов н/Д., 1994. — С. 22—25
Копылов В.П. Греко-варварские взаимоотношения в области р. Танаис в VII—VI вв. до н. э. // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII—I вв. до н. э. — СПб., 2006. — С. 80—88.
Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. — М., 1960. — 520 с.
Кузнецов В.Д. Кепы: ионийская керамика // СА. — 1991. — № 4. — С. 36—52.
Кузнецова Т.М. Припонтийский регион в период скифской архаики // Боспорский сборник. — М., 1994. — **4**. — С. 5—11.
Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI—III веков до н. э. — М., 2010. — 426 с.
Кулатова І.М. Хрестовидна бляха скіфської доби з Єнківець у Посуллі // ПАЗ. — 1995. — Вип. 3. — С. 139—147.
Кулатова І.М., Скорий С.А., Супруненко О.Б. Ранньоскіфське поховання на півдні Придніпровського терасового Лісостепу (до питання про передньоазійські інновації у східноєвропейському тваринному стилі) // АЛЛУ. — 2006. — № 1 (19). — С. 46—60.
Лесков А.М. Раскопки Ульских курганов в 1982—1983 гг. // Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. — Москва; Берлин; Бордо, 2015. — С. 24—29 (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum. — **2**).
Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца // МИА. — 1962. — Вып. 113. — С. 5—85.
Ляшко С.Н., Попандопуло З.Х. Дровосекова О.В. Курганные могильники Днепровского Надпорожья (Ясиноватое, Днепровка, Петро-Михайловка). — Запорожье, 2004. — 178 с.
Маслов В.Е., Очир-Горяева М.А. Об общих элементах в культуре нижневолжских кочевников и населения Центрального и Восточного Предкавказья в конце VI — начале IV вв. до н. э. // Степь и Кавказ (культурные традиции). — М., 1997. — С. 62—74 (Тр. ГИМ. — Вып. 97).
Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. — К., 1991. — 130 с.
Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. — М., 1999. — 160 с.
Мелюкова А.И. Вооружение скифов. — М., 1964. — 91 с. (САИ. — Вып. Д 1—4).
Мелюкова А.И. По поводу скифских походов на территорию Средней Европы. // Древности скифской эпохи. — М., 2006. — С. 25—40.
Могилов О.Д. Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. — Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. — 439 с.
Могилов О.Д., Діденко С.В. Скіфський курган 448 біля с. Журавка — пам'ятка перехідного часу у Потясминні // Археологія. — 2009. — № 3. — С. 45—55.
Мозолевський Б.М. Кургани вищої скіфської знаті і проблема політичного устрою Скіфії // Археологія. — 1990. — № 1. — С. 122—139.
Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. — К., 1984. — 134 с.

Мухопад С.Е. Скифские архаические погребения на р. Волчьей // Памятники археологи Причерноморья III—I тыс. до н. э. — Днепропетровск, 1984. — С. 115—128.
Ольговський С.Я. Походження хрестоподібних блях скіфського часу // Археологія. — 1995. — № 2. — С. 25—31.
Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII—III вв. до н. э. — М., 1994. — 188 с.
Онайко Н.А. О центрах производства золотых обивок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье // Культура античного мира. — М., 1966. — С. 159—176.
Очир-Горяева М.А. Древние всадники степей Евразии. — М., 2012. — 472 с.
Переводчикова Е.В. Произведения скифского звериного стиля из Ульских курганов // Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. — Москва; Берлин; Бордо, 2015. — С. 64—68 (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum. — **2**).
Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребения подростков в могильнике Новозаведенное II // Древности скифской эпохи. — М., 2006. — С. 388—423.
Петровська Є.О. Ранньоскіфські пам'ятки на південній околиці Києва // Археологія. — 1970. — Т. 24. — С. 129—145.
Плетнева С.А. Кочевники Средневековья: Поиски исторических закономерностей. — М., 1982. — 192 с.
Полідович Ю.Б. Скіфські хрестоподібні бляхи // Археологія. — 2000. — № 1. — С. 35—48.
Полидович Ю.Б. «Скифские» олени в Нижнем Поволжье // Археология Восточно-Европейской степи. — Саратов, 2103. — Вып. 10. — С. 262—267.
Полидович Ю.Б. Находки в тувинском кургане Аржан 2 и «звериный стиль» Северного Причерноморья: поиск соответствий // Древние культуры Евразии: К 100-летию со дня рожд. А.Н. Бернштама. — СПб., 2010. — С. 217 — 224.
Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. — 1987. — № 59. — С. 17—36.
Полин С.В. О походе Дария в причерноморскую Скифию // Древности Скифов. — К., 1994. — С. 86—101.
Ромашко В.А., Скорый С.А., Филимонов Д.Г. Раннескифское погребение в кургане у села Китайгород в Приорелье // РА. — 2014. — № 4. — С. 107—117.
Рябкова Т.В. Раннескифские памятники Нижнего Подонья и Прикубанья: Автореф.... дис. канд. ист. наук. — СПб., 2003. — 24 с.
Сазонов А.А. Хаджохские курганы — некрополь древнемеотских вождей // Информационно-аналитический вестник. — Майкоп, 2000. — Вып. 3. — С. 42—67.
Самар В.А. Раннескифское погребение со скульптурой с Нижнего Днепра // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. — Запорожье, 1999. — 228—232.
Семенов С.А. Технология ювелирного производства у ранних кочевников Казахстана (по данным микроанализа) // Черников С.С. Загадка Золотого кургана. — М., 1965. — С. 156—176.
Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. — Л., 1988. — 183 с.
Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи. — К., 2003. — 161 с.
Смирнов К.Ф. Савроматы. Рання история и культура сарматов. — М., 1964. — 379 с.
Смирнова Г.И. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры // РА. — 1993. — № 2. — С. 101—118.
Смирнова Г.И. Западно-Подольская группа раннескифских памятников в свете исследований к концу XX столетия // Древности скифской эпохи. — М., 2006. — С. 66—92.
Субботин Л.В., Загинайло А.Г., Шмаглий Н.М. Курганы у с. Огородное // МАСП. — 1970. — № 6. — С. 130—155.
Таиров А. Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. — Челябинск, 2000а. — Т. 2: Ранний железный век и средневековье. — С. 4—205.
Таиров А.Д. Саки Приаралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый Шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. — Уфа, 2006. — С. 76—91.
Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII—VI вв. до н. э. — Челябинск, 2007. — 274 с.
Таиров А.Д. Ритмы степной Евразии: импульс VI в. до н. э. // Наука ЮУрГУ. — Челябинск, 2008. — Т. 1. — С. 160—164.
Терновский Н.А. Взаимодействие этнических культур Кавказа и встречно-обратное движение народов // Сб. материалов IX междунар. науч.-практич. конф. «Ф.А. Щербина, казачество и народы Северного Кавказа: история и современность». — Краснодар, 2009. — С. 43—48.
Тишкин А.А., Дашковский П.К. Этнокультурная ситуация на Алтае в скифскую эпоху // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. — М, 2005. — С. 248—267.
Топал Д.А. Биметаллические акинаки типа Гудермес и использование бронзы в изготовлении раннескифского клинкового оружия // МАСП. — Одесса, 2015. — Вып. 13. — С. 54—79.
Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. — Москва; Берлин; Бордо, 2015. — 211 с. (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum. — **2**).
Фіалко О.Є., Болтрик Ю.В. Напад скіфів на Трахтемирівське городище. — К., 2003. — 152 с.
Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.) — М., 1977. — 262 с.
Хохоровски Я. Скифы и Средняя Европа — историческая интерпретация археологической действительности // Вестн. Томского гос. ун-та. Серия «История». — 2013. — № 3 (23). — С. 57—73.
Чистов Д.Е. Скифы и Нимфей в V в. до н. э. // Боспор Киммерийский: Понт и варварский мир в период античности и средневековья. — Керчь, 2002. — С. 259—266.
Чугунов К.В. Уздечные комплекты алды-бельской культуры в контексте развития конского снаряжения // Снаряжение кочевников Евразии. — Барнаул, 2005. — С. 103—108.
Шамба Г.К, Эрлих В.Р., Джопуа А.И., Ксенофонтова И.В. Элитные архаические воинские комплексы из центральной Абхазии // Вестн. АН Абхазии. — Сухум, 2008. — Вып. 2. — С. 164—182.
Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — К., 1987. — 182 с.
Шрамко Б.А. Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор // Древности. — Харьков, 1994. — С. 102—106.
Шульга П.И. Раннескифская упряжь VII — начала VI в. до н. э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. — Барнаул, 1998. — С. 25—49.
Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. — Барнаул, 2008. — Ч. 1: Раннескифское время. — 276 с.
Шульга П.И. Синьцзян в VIII—III вв. до н. э. (погребальные комплексы. Хронология и периодизация). — Барнаул, 2010. — 238 с.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. — Новосибирск, 2015. — Ч. II: VI—III вв. до н. э. — 322 с.
Шульга П.И. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII—VI века до нашей эры). — Новосибирск, 2015а. — 304 с.
Эрлих В.Р. Относительная и абсолютная хронология Ульских курганов // Таманская старина. — СПб., 2000. — Вып. 3. — С. 77—78/
Эрлих В.Р. Продукция переднеазиатских и закавказских мастерских из Ульских курганов // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. — 2013. — Вып. XI. — С. 217—235.
Эрлих В.Р. Конское снаряжение и предметы вооружения из Ульских курганов // Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. — Москва; Берлин; Бордо, 2015. — С. 44—57 (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum. — **2**).
Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. — М., 1991. — 527 с
Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж. и др. Раскопки курганных могильников «Покровка 1» и «Покровка 2» в 1993 году // Курганы левобережного Илека. — М., 1994. — Вып. 2. — С. 4—56.
Яблонский Л.Т. Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры. — Волгоград, 2007. — Вып. II. — С. 4—36.
Berciu D. Neue skythische Funde aus Rumanien und Bulgarien // PZ. — 1963. — **XLI**. — S. 190—199.
Bukowski Z. The Scythian Influence in the Area of Lusiatian culture. — Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977. — 378 p.
Zaharov A.A. I.A. Zaretsky's Excavations in the Goverment of Kharkov // Eurasia septentrionalis antiqua. — 1932. — **VII**. — P. 59—81.
Clara Rodos. L. Laurenzi, Necropoli ialisie (Scavi dell' anno 1934). — Bergamo, 1936. — Vol. VIII. — 224 p.
Chugunov K.V., Partsinger H., Nagler A. Chronology and cultural affinity of the kurgan Arzhan-2 complex according to archaeological data // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. — Dordrecht; Boston; London, 2004. — P. 1—7 (NATO Science Series. — **IV**: Earth and Environmental Sciences. — Vol. 42).
Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fьrstenkurgan Arħan 2 in Tuva. — Mainz, 2010. — 330 S.
Kemenczei T. Studien zu den denkmдlern skythisch geprдgter alfцld gruppe. — Budapest, 2009. — 410 S.

Д. С. Гречко

ВІД АРХАЇЧНОЇ СКІФІЇ ДО КЛАСИЧНОЇ

У статті робиться спроба деталізувати розвиток матеріальної культури та етнокультурної історії населення півдня Східної Європи у VI ст. до н. е. Є підстави вважати, що Давня Скіфія з її ранньоскіфської матеріальним комплексом поступово поступилася місцем Класичній в середині-другій половині VI ст. до н. е. під впливом нової групи кочовиків, яка прийшла з Північного Кавказу через пониззя Дону до Північного Причорномор'я. Дані колективи не відрізнялися однорідністю і могли включати до свого складу як кочівників Передкавказзя та Прикубання ранньоскіфського часу, так і нові групи номадів з більш східних областей (Приаралля, Тува, Східний Туркестан). Не можна виключати участі частини скіфів, які останніми повернулися з Передньої Азії. Розриву в існуванні пам'яток двох даних періодів не відзначається. Міграція середини VI ст. до н. е. була черговим переміщенням племен з Північного Кавказу до Північного Причорномор'я і авангардом переселення останньої чверті цього століття з районів Передкавказзя. Дані групи нового населення не підкорили собі населення Лісостепу, ймовірно, з причини своєї нечисленності. Саме вони принесли в регіон частину нового культурного і матеріального комплексу (новий тип кінської вуздечки, озброєння, образи звіриного стилю та ін.). Хоча більший вплив на формування матеріальної культури Класичної Скіфії мали традиції більш численних мігрантів останньої чверті VI ст. до н. е. з Північного Кавказу, що ознаменувався появою значної кількості як окремих поховань, так і цілих могильників.

Ключові слова: скіфи, періодизація, хронологія, Північне Причорномор'я.

D. S. Grechko

FROM ARCHAIC SCYTHIA TO CLASSICAL

There is an attempt to make more detailed the development of material culture and ethnical-cultural history of the population of the South of the Eastern Europe in the 6th century BC in this article. We consider that the Early-Scythian material complex of Ancient Scythia had transformed to the Classical model gradually in the middle—second half of the 6th century BC. This happened under the influence of new groups of nomadic tribes which penetrated from the Northern Caucasia through the Lower Don to the Northern Black Sea area. These groups were not homogeneous and could include nomads of the Pre-Caucasus and Pre-Kuban areas of early-Scythian time in their structure and the new groups of nomadic tribes from the more Eastern areas (Pre-Ural, Tuva, Eastern Turkestan). We couldn't exclude the participation of the part of Scythians — the last who had returned from the West Asia. The gap in the existence of the monuments of two these periods is not marked. The migration of the middle of the 6th century BC was the next displacement of the tribes of the Northern Caucasia to the Northern Black Sea area. These groups of the new population didn't subordinate the population of Forest-Steppe area — admittedly because they were not numerous. Exactly they have brought the part of new cultural and material complex (new type of a horse bridle, armament, forms of animal stile etc.) to the region. However the traditions of more numerous migrants of the last quarter of the VI c. BC from the Northern Caucasus had more influence to the forming of the material culture of Classical Scythia. This marked by the appearance of a significant number of individual burial places and burial grounds.

Keywords: the Scythians, periodization, chronology, North Black Sea region.

Одержано 11.04.2016

УДК: [904.25:7.03] (395)"6383"

В. И. Гуляев

МОТИВ МЕДВЕДЯ В СКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ

Статья посвящена рассмотрению мотива медведя в скифском искусстве звериного стиля.

Ключевые слова: юг Восточной Европы, звериный стиль, скифское время.

Скифская культура Северного Причерноморья и, особенно, оригинальное скифское искусство («звериный стиль») всегда находились в центре внимания археологической науки. Достаточно напомнить, что в декабре 1972 г. в Москве состоялась Всесоюзная конференция по скифо-сарматской археологии, посвященная только одной важной теме — скифо-сибирскому звериному стилю, где главным докладом «Современное состояние проблемы скифского звериного стиля» выступила В.А. Ильинская [Ильинская, 1976, с. 9—29]. С тех пор прошло почти полвека и, конечно, многое изменилось. Было осуществлено значительное количество исследований по различным аспектам скифского искусства. Выходили и отдельные монографические труды по интересующей нас проблеме [Переводчикова, 1994; Королькова, 2006; Черемисин, 2008 и др.]. И, наконец, в 2015 г. была успешно защищена докторская диссертация А.Р. Канторовича под названием «Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция» [Канторович, 2015].

Тем не менее, тема скифского искусства сложна и многообразна, и далека еще от полного ее понимания. Один из образов этого искусства и послужил поводом для написания данной статьи. Речь идет о весьма редко упоминаемом в исследованиях по скифскому звериному стилю сюжете — мотиве медведя на территории Степной и Лесостепной Скифии [1].

Еще с середины прошлого века среди специалистов — скифологов сложилось глубокое убеждение в том, что мотив медведя вообще не имеет к скифам никакого отношения. Редкие изображения этого грозного зверя встречается в захоронениях скифской эпохи Днепро-Донской лесостепи, либо игнорировались, либо безоговорочно объяснялись влиянием анаьинской культуры Прикамья и прочих культур лесной полосы Урала и Сибири. Даже такой выдающийся ученый — скифолог, как В.А. Ильинская отвергнув главную идею Г.И. Боровки о том, что все образцы скифского искусства берут свое начало от северных лесных племен Евразии, признала ананьинское происхождение очень редкого в творчестве скифских мастеров мотива медведя. «Гипотеза происхождения древней основы скифского звериного стиля от искусства народов лесной полосы полностью не подтвердилась. Однако едва ли можно сомневаться в том, что именно из этого круга ведет свое происхождение изображения медведя… в ананьинской культуре Прикамья, получившие затем распространение на Среднем Дону и в савромато-скифском мире …» [Ильинская, 1976, с. 14].

И эта точка зрения до сих пор остается господствующей. У отечественных археологов, занимающихся проблемами скифо-сибирского

1. Под термином «Скифия» я понимаю (вслед за М.И. Ростовцевым, А.И. Тереножкиным, С.А. Скорым и др.) единое военно-политическое объединение разных племен и народов, в котором господствовали ираноязычные кочевники — скифы, и которое в VII—IV вв. до н. э. занимало обширную территорию степи и лесостепи между Доном и Дунаем.

© В.И. ГУЛЯЕВ, 2016

искусства прочно утвердилось мнение о происхождении мотива медведя — без указания его характерных черт и особенностей, материалов, в которых он воплощался, количества и, главное, без точной хронологии — из северных лесных регионов, в целом, и из ананьинской культуры Прикамья, в частности. Именно оттуда, «из глубины дремучих лесов», получили «своих медведей» ираноязычные кочевники — савроматы и «скифоидные» племена Днепро-Донской лесостепи.

Каковы же причины подобных взглядов?

Здесь сыграли свою роль три важных обстоятельства. Во-первых, всеобщее убеждение (людей XX и XXI вв.) в том, что медведи — эти сильные и опасные хищники — обитали и обитают главным образом в тайге, в глухих лесных массивах, каковых и по сей день хватает на Севере Урала и Сибири. Во-вторых, широко известный из работ этнографов особый культ почитания медведя («Медвежий праздник») у коренных народностей именно северных лесных территорий нашей страны. И, наконец, в-третьих, почти полное (до недавнего времени) отсутствие информации по затронутой теме в археологических комплексах Скифии.

Начну со среды обитания этих грозных хищников в прошлом и настоящем в Евразии. Вот несколько общих сведений о буром медведе, взятых их энциклопедии: «некогда бурый медведь (ursus artcos) был обычен по всей Европе, включая Англию и Ирландию, на юге его ареал достигал северо-запада Африки (горы Атласа), а на востоке через Сибирь и Китай доходил до Японии. В Северную Америку он, вероятно, попал около 40 млн. лет назад из Азии через Берингов пролив, и широко расселился в западной части континента от Аляски и до севера Мексики. Сейчас бурый медведь истреблен на большей части прежнего ареала» [Иванов, Топоров, 1982, с. 128—130].

В раннем железном веке даже в степной зоне Северного Причерноморья, по долинам больших (Дон, Северский Донец, Днепр, Южный Буг и др.) и малых рек, текущих обычно с севера на юг, лесные заросли (судя по современным палеогеографическим исследованиям) доходили вплоть до морского побережья (достаточно вспомнить лесные чащи Гилеи в устье Днепра — Борисфена). Что же говорить об обширных широколиственных лесах Днепро-Донской лесостепи, где еще до недавнего времени росли дубы-великаны со стволами более метра в диаметре. Естественно, здесь в изобилии водилось всевозможное зверье, в том числе и медведи. Например, их видели в окрестностях Воронежа еще в конце XVIII в. [Россия …, 1902, с. 76].

Трудно себе представить, чтобы люди, обитавшие в этих местах в первом тысячелетии до н. э. и часто (вольно или невольно) сталкивавшиеся с самым крупным и опасным хищником Восточной Европы, как-то не отразили бы образ медведя в своих верованиях, обрядах и искусстве.

Следует отказаться и от старых традиционных взглядов по поводу того, что медведь не мог жить в степи. Биолог В.С. Байгушева, работающая вместе с археологами на Нижнем Дону, свидетельствует, что кости медведя найдены на таких степных памятниках, как Саркел и Азак. «Наличие пойменных и байрачных лесов в низовьях Дона не исключает присутствие медведей, тем более, что всеядному зверю было что есть в этой области» [Байгушева, 2006, с. 350]. Это подтверждает и зоолог В.Г. Гептнер: «Медведи, несомненно, жили по уремам южнорусских рек…и степным балкам и камышам этой области. В низовьях Дона эти звери встречались еще в VIII — XII вв… Медведь экологически очень гибок и мог существовать не только при весьма незначительной растительности, как в Казахстане, но и по уремным лесам, в кустарниках по речным долинам, даже и в степи» [Гептнер, Слуцкий, 1972].

Развитый культ медведя существовал в древности даже на самой южной оконечности европейского континента — в Греции — и был тесно связан с богиней Артемидой. В ее честь устраивали пышные празднества, на которых приносили в жертву медведя. Жрицы Артемиды в особо торжественных случаях облачались в одежды из медвежьих шкур, а само имя Артемиды происходит от греческого слова «медведь» [Соколова, 2000, с. 129]. До сих пор существуют следы культа медведя и у далеких потомков скифов — осетин, живущих в горах Кавказа [Чибирев, 2008, с. 167 и сл.].

Таким образом, для прошлых эпох (в том числе и РЖВ) ассоциация «медведь — север — тайга» нуждается в серьезной корректировке. Этот бурый хищник жил практически по всей Евразии, что нашло свое отражение (но в самых различных формах) в искусстве, фольклоре и религиозных верованиях многих местных племен и народов [Иванов, Топоров, 1982, с. 128—130].

Заметно расширилось сегодня и фактическая база по интересующей нас проблеме: речь идет о новых археологических находках предметов, связанных с культом медведя в скифских курганах на Среднем и Нижнем Дону, а также в степных и лесостепных областях Приднепровья. Для того, чтобы успешно разобраться с «медвежьей» темой в пределах Скифии необходимо определить основные разновидности мотива медведя в скифо-сибирском искусстве, установить хронологические рамки их существования и подсчитать количество «медвежьих» предметов для каждой из областей их распространения.

Начнем с территории Скифии, степной и лесостепной.

Изображение медведя, в полном его виде, впервые представлено в скифских погребаль-

ных комплексах во второй половине VII в. до н. э. — в Келермесском кургане № 4 (Северо-западный Кавказ, Закубанье). Речь идет о серебряном с позолотой зеркале греко-восточного (ионийского) производства, на котором, среди различных богов, людей и животных, четко выделяется фигура идущего медведя. В центре всей композиции стоит крылатая богиня Кибела со львами в руках, очень напоминающая по своим функциям скифскую Аргимпасу — богиню плодородия животного и человеческого мира. Как считают специалисты, в данном случае греческий мастер ориентировался на запросы скифского заказчика [Алексеев, 2012, с. 108—113]. Но это Северный Кавказ, и архаический этап существования скифской культуры. Позднее, главный ее центр смещается в Северное Причерноморье.

Что же касается степной Скифии, то мотив встречен там в кургане V в. до н. э. Чабанцова Могила у г. Орджоникидзе Днепропетровской обл. В центральной гробнице (почти начисто ограбленной) были обнаружены фрагменты железного платинчатого панциря, кости животных от напутственной пищи, костяная рукоять ножа, бронзовый наконечник стрелы и *золотая обивка деревянной чаши* (курсив мой. — *В. Г.*) [Великая ..., 2002, с. 51]. На одной из пластин золотой обивки изображен стоящий во весь рост в профиль с опущенной вниз головой лесной хищник — медведь [Гончарова, 2001, с. 46, рис. 1; 2].

Головы медведя в фас четырежды изображены на кабаньем клыке из Киевского исторического музея (случайная находка на территории лесостепного Приднепровья) [Яковенко, 1969, с. 202, 203, рис. 1, *4*]. Автор публикации этого предмета считает, что здесь представлен именно медведь в «жертвенной позе» [Яковенко, 1969, с. 203].

В боковой гробнице кургана Солоха (близ с. Великая Знаменка, Каменко-Днепровский район Запорожской области) с абсолютно целым захоронением скифского царя (дата 390—380 гг. до н. э. — см.: [Бидзиля, Полин, 2012, с. 515]) была найдена *золотая оковка деревянного сосуда* с ручкой в виде головы медведя [Алексеев, 2012, с. 147]. Публикуя этот предмет, А.Ю. Алексеев отметил, что «ручки в форме головы или фигур животных — относительно редкие находки в курганах европейской Скифии V—IV вв. до н. э., но встречаются также и за ее пределами. Не исключено, что подобные сосуды имеют восточное для Скифии происхождение» [Алексеев, 2012, с. 146].

Можно возразить здесь известному ученому: золотые обкладки деревянных культовых сосудов с ручками в виде фигур животных и птиц хотя и не так часто, но встречаются в погребениях скифской знати (возможно, их редкость во многом объясняется повальным ограблением скифских могил в древности). В Чабанцевой Могиле на золотой обкладке ручки деревянной чаши выбита штампом изображением стоящего в профиль медведя (полная аналогия этому предмету — золотая ручка с медведем из кургана № 1 группы Частые Курганы у г. Воронеж [Либеров, 1965, с. 95, табл. 28, *5*]. В «царском Бердянском кургане», 380—370 гг. до н. э. (см.: [Бидзиля, Полин, 2012, с. 519]), также сильно пострадавшем от рук грабителей, найдена деревянная чаша с золотой оковкой по венчику и ручками в виде головы и хвоста хищной птицы [Чередниченко, Мурзин, 1996].Похожий сосуд с золотой оковкой и ручкой в виде хищной птицей известен из кургана № 11/2 группы Частые Курганы [Либеров, 1965, с. 97, табл. 29, *4*].

Не согласен я и с утверждением А.Ю. Алексеева о сходстве (на основе некоторых стилистических элементов в трактовке глаза и уха) головы-ручки медведя из Солохи с искусством Алтая. В V—IV вв. до н. э. в том регионе господствовала пазырыкская культура, и для ее обширнейшего бестиария мотив медведя был практически неизвестен (см.: [Черемисин, 2008, с. 28—77]). А вот прямы и многочисленные аналогии солохскому «медвежьему» сосуду мы встречаем в савромато-сарматской культуре ираноязычных кочевников южного Приуралья — деревянных сусудах с золотыми обкладками и ручками в виде медведей в Филипповской «царском» кургане № 1 в Оренбуржской области [Пшеничнюк, 2012, с. 102, рис. 14, *1—7*; цвет. фото 5, с. 213, рис. 156, реконструкция].

В целом, в курганах Степной Скифии на протяжении V—IV вв. до н. э., несмотря на их повальное ограбление, деревянные культовые сосуды с золотыми обкладками, на которых методом штамповки выбиты изображения зверей, птиц и фантастических животных (грифонов), отнюдь не являются редкой находкой. Другое дело — образ медведя. Он встречается в местных археологических комплексах нечасто.

Преположение о существовании какой-то формы культа медведя не только в Лесостепной, но и в Степной Скифии совсем недавно получила дополнительное подтверждение после публикации материалов из раскопок элитного кургана Близнец-2 у Днепропетровска [Ромашко, Скорый, 2009, с. 68—69]. Курган относится к концу V в. до н. э. и был основательно ограблен и в древности, и в XIX в.

Ниже приведена длинная цитата с описанием новой «медвежьей» находки в захоронении знатного скифа-степняка: «Пять когтей бурого медведя, длина наибольшего из них 6,2 см, наименьшего 3,6 см. Напомним, что они были обнаружены во внутренней могильной яме, в заполнении, находясь рядом друг с другом. Находки медвежьих когтей в могилах скифской эпохи весьма немногочисленны и известны нам лишь в нескольких памятниках Лесостепи, в частности в гробнице № 2 кургана

Репяховатая Могила у с. Матусов в бассейне Тясмина (где шесть медвежьих когтей с просверленными круглыми отверстиями являлись уздечными украшениями), гробницы кургана № 2 Люботинского могильника в бассейне Северского Донца (где найден медвежий коготь, оправленный в золотую фольгу и имеющий сквозное отверстие для подвешивания, т. е. амулет), относящегося к концу VII — началу VI вв. до н. э., и в центральной могиле Большого Рыжановского кургана начала III века до н. э. в междуречье Гнилого и Горного Тикича (где четыре когтя располагались с трех сторон скелета знатного скифского воина). По-видимому, медвежьи когти в описанных случаях, как и зубы медведя, волка, а также собачьи и кабаньи клыки, которые довольно обычны в курганах скифского времени, в Днепропетровском лесостепном правобережье Киевщины, в меньшей степени известны в степной зоне Северного Причерноморья, верные и вполне однозначно трактуемые как амулеты-обереги, обладающие магической силой, следует интерпретировать аналогично. Очевидно, когти могучего зверя, каковым является медведь, должны были служить апотропеями, надежной защитой покойного от злых сил.

В нашем же случае, похоже, мы имеем иную, чрезвычайно интересную, а для скифских захоронений необычную ситуацию. Поскольку все пять когтей лежали … компактно, рядом, а точнее, вместе (и это после ограбления захоронения!), мы вправе рассматривать их в качестве остатков *медвежьей лапы* (курсив мой — *В. Г.*).

Эта находка позволяет вспомнить группу бронзовых украшений конской узды — блях в виде «медвежьей лапы», получивших распространение в V в. до н. э., имевших как ряд иных изделий, оформленных в зверином стиле, и декорировавших узду, сакрально-магический характер. Заманчиво предположить, что в скифской среде в качестве амулетов-оберегов могли использоваться медвежьи лапы, послужившие прообразом для создания металлических амулетов-оберегов …» [Ромашко, Скорый, 2009, с. 68—69].

Действительно, в курганных захоронениях V—IV вв. до н. э. в Лесостепной и (реже) в Степной Скифии встречаются бронзовые бляхи конской узды, оформленные, как считают одни исследователи, в виде кисти человеческой руки, а другие — в виде медвежьей лапы. Частично, видимо, правы обе стороны. Ошибиться в интерпретации здесь нетрудно: и медведь и человек имеют по пять пальцев на руке и лапе. А довольно грубая отливка подобных предметов в древности отнюдь не способствует проведению четкого различия. Правда, в нескольких очень редких случаях (при большом увеличении, через лупу) можно разглядеть даже ногти, то есть речь здесь явно идет о кисти человеческой руки. Но чаще всего, такая «рука» выглядит именно как «медвежья лапа». Характерно, что в большинстве случаев, эта «лапа»-«рука» — правая. Подобные находки насчитываются сейчас на территории Лесостепной Скифии уже десятками (наиболее полную сводку см.: [Могилов, 2008, с. 322, рис. 103]). Интересно, что чаще всего окончания «пальцев» подобных «рук» заострены, и напоминают скорее когти медведя, нежели пальцы человеческой руки. О «медвежьей» трактовке таких блях писали А.А. Бобринский [Бобринский, 1905, с. 7] и С.В. Махортых [Махортых, 2006, с. 57—59].

Еще одной областью большой Скифии, ее самой северо-восточной частью является лесостепной Средний Дон, где «медвежья тема» представлена в местной культуре наиболее ярко и широко. В настоящее время в среднедонских курганах скифской эпохи найдено 8 металлических крючков-застежек, узкая (рабочая) часть которых оформлена в виде головы ушастого орлиноголового грифона с длинным изогнутым клювом, а на широкой пластине изображена фигура стоящего в профиль (в правую и левую стороны) с опущенной вниз головой с раскрытой зубастой пастью и большими когтистыми лапами медведя: 6 бронзовых, 1 серебряный и 1 железный с золотой обкладкой. Кроме найденных ранее трех экземпляров (бронзовый и железный с золотом — из Частых Курганов, курган № 11) и бронзовый — из кургана № 1 у с. Русская Тростянка [Гуляев, 1969, с. 112, рис. 1; 2], еще 3 экземпляра найдены недавно в могильнике у сел Терновое и Колбино в Воронежской области (курган № 4 у с. Терновое [Савченко, 2001, с. 62, рис. 7, *26*]; курган № 17 у с. Колбино [Шевченко, 2009, с. 82, рис. 21, *1*]; курган № 1 (9) у с. Колбино из раскопок П.Д. Либерова в 1971 г. [Савченко, 2001а, с. 155, рис. 2, *21*]); одна бронзовая застежка из кургана № 38 у с.Староживотинное в 20 км к северу от г. Воронеж [Медведев, 2001, с. 13, рис. 4, *5*]; бронзовый крючок с медведем из кургана № 6 у хут. Дубовой, в 75 км к югу от Воронежа [Березуцкий, 2006, с. 140, рис. 2, *4*].

Совершенно аналогичные среднедонским бронзовые крючки-застежки с медведями и грифонами обнаружены в кургане у хутора Кащеевка Ростовской области, Нижний Дон (2 экземпляра) [Максименко, 1983, с. 172, рис. 18, *14, 15*]. Очень похожий по стилю бронзовый крючок с медведем случайно найден у с. Бажиган в Ставрополье [Крупнов, 1962, с. 154, рис. 17, *7*]. Еще один бронзовый крючок-застежка с фигурой стоящего в профиль (в левую сторону) медведя случайно найден на городище Красный Курган Хомутовского района Курской области. Предмет поврежден: у него обломан округлый штырь, который должен был заканчиваться изогнутым клювом-крючком в виде головы ушастого орлиноголового грифона. Но фигура лесного хищника, со всеми ха-

рактерными деталями, сохранилась довольно хорошо и полностью соответствует среднедонским образцам подобных «медвежьих» застежек [Шпилев, 2012, с. 169, рис. 3, *4*].

Для среднедонской группы изображений медведя в металле характерны следующие черты: стоящая в профиль (вправо или влево) сгорбленная фигура с опущенной вниз мордой и открытой зубастой пастью, с маленькими круглыми ушами, огромными когтистыми лапами. Плечевые мышцы часто отмечены спиральными завитками. Таких крючков-застежек (бронза, серебро, железо, обтянутое золотой фольгой) на Среднем Дону, как было сказано выше, найдено 8 экземпляров. Но есть и еще одна категория предметов с изображением стоящего «сгорбленно» в профиль медведя с опущенной головой («поза пьющего медведя») со всеми теми стилистическими особенностями, что отмечены и для медвежьих образов на крючках — это серебряные и бронзовые бляхи-нащечники конской узды. В курганных комплексах Среднего Дона конца V — IV вв. до н. э. их известно 13 экземпляров [Савченко, 2009, с. 261].

Следует особо отметить, что блях конской узды с медведями, похожих на среднедонские образцы, в других областях скифо-сибирского мира до сих пор не обнаружено. Точно в такой же манере представлен стоящий влево в профиль медведь на золотой ручке деревянного культового сосуда из кургана № 1 группы Частых Курганов (раскопка ВУАК) [Либеров, 1965, с. 95, табл. 28, *5*]. Есть и еще один медведь, права, явно выпадающий по своим стилистическим особенностям из общей «медвежьей» группы, описанной выше. Речь идет о серебряном конском налобнике в виде круглой скульптурной фигуры медведя, стоящего в профиль на мощных когтистых лапах, и найденного археологами ВУАК в кургане № 8 группы Частые Курганы [Замятнин, 1946, с. 29, рис. 14, *3*]. Если учесть еще четыре бронзовых крючка-застежки с фигурами медведей в среднедонской трактовке деталей — два крючка из кургана № 1 у хутора Кащеевка на Нижнем Дону и один крючок из Бажигана в Ставрополье, а также поврежденный бронзовый крючок с медведем из Курской области — то мы получим 25 металлических предметов с «медвежьим» образом в хорошо узнаваемом местном стиле.

Среди «медвежьих» образов особенно выделяется мотив медведя в «жертвенной позе»: голова в фас, лежащая на двух передних лапах. Именно такое положение — размещение медвежьей головы и его лап на деревянном помосте или на специальной площадке и пышные церемонии вокруг — один из кульминационных моментов «Медвежьего праздника», который практиковался у многих финно-угорских народов Урала и Сибири почти до конца XIX — начала XX вв. [Соколова, 2000, с. 122—127].

Долгое время считалось, что это и есть чисто финно-угорское изобретение, поскольку в конце ананьинской, и особенно в пьяноборскую эпохи подобные изображения (преимущественно в виде бронзовых блях) встречаются особенно часто (см. например Гляденовское костище в Прикамье: [Синицын, 1901]). Две такие бляшки из бронзы известны с территории Ананьинского могильника VI—IV вв. до н. э. [Васильев, 2004, с. 281, рис. 6, *5, 6*].

Поразительно другое: образ медведя в «жертвенной позе» представлен и в Скифии: золотая бляшка из кургана № 402 у с. Журовка, б. Чигиринского уезда, б. Киевской губернии в Приднепровской лесостепи, в комплексе V в. до н. э. [Бобринский, 1905, с. 20, рис. 50]; две бронзовые бляшки конской узды из кургана № 11 у с. Олефирщина на Полтавщине, в междуречье Ворсклыи Псла, и это тоже V в. до н. э. [Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, с. 23, рис. 9, *7, 8*]; и, наконец, две бронзовые бляшки с изображением головы медведя в «жертвенной позе» найдены при случайных обстоятельствах в Крыму (одна — у с. Батальное на Керченском полуострове, другая — в юго-восточной части полуострова) — оба последних предмета, исходя из аналогий, датируются второй половиной V в. до н. э. [Скорый, Зимовец, 2014, с. 115, № 44/340 и № 44/341].

То, что «медвежья тема» в Крыму далеко не случайна, свидетельствует и обилие находок на Крымском полуострове бронзовых украшений конской узды в виде «медвежьих лап» [Скорый, Зимовец, 2014, с. 125—127, № 66—68/362—364 и др.], которыми так богаты скифские погребальные комплексы Приднепровской Лесостепи [Могилов, 2008, с. 322, рис. 103].

Любопытно и другое. В материалах скифского времени из курганов Среднего Дона нет ни одной находки бляшек с изображением медведя в «жертвенной позе», и практически отсутствуют бронзовые «медвежьи лапы». А ведь именно у этой области Скифии существовали наиболее тесные связи (торговые и культурные) с Прикамьем и Приуральем. Однако, в Приднепровской лесостепи и в Крыму такие находки есть, и они отнюдь, не единичны.

Возникает вопрос о путях проникновения в Скифию культурных влияний из финно-угорского мира, тем более, если обратить внимание и на хронологию: бронзовые бляшки с медведями в «жертвенной позе» в Прикамье впервые представлены в широких пределах VI—IV вв. до н. э., а расцвет их приходится на конец IV — III—II и более поздних вв. до н. э. В то же время, скифские находки подобного рода твердо датируются V в. до н. э.

Очевидно, что культ медведя существовал в древности у многих племен и народов Евразии, обитавших в самых разных природно-климатических зонах, но выражался он в разных формах и образах. Учитывая количество металли-

ческих предметов (крючки-застежки и бляхи конской узды) с мотивом медведя в определенной трактовке, можно считать, что в V—IV вв. до н. э. одним из важных локальных центров медвежьего культа был Средний Дон. Предположение на этот счет в самой общей форме было высказано Е.И. Савченко: «На Среднем Дону изображения медведя пользовались большой популярностью. Они встречаются на предметах конского (нащечники) и воинского (поясные крючки) снаряжения … Вполне возможно, что у среднедонского населения существовал своеобразный культ этого животного …» [Савченко, 2009, с. 257]. Совокупность изложенных выше фактов позволяет поставить данное предположение на более твердую почву.

Есть и прямые археологические свидетельства наличие почитания медведя у племен Среднедонской лесостепи, которые хорошо сочетаются с вышеназванными этнографическими данными. Так, в кургане № 36 у с. Колбино на Среднем Дону в коллективном погребении V в. до н. э. обнаружены отрубленные фрагменты верхней и нижней челюсти медведя, включая его клыки и резцы — то есть вся передняя часть морды зверя и его нос [Шевченко, 2009, с. 45—47, рис. 44, *1, 2*].

Поразительно, что на Среднем Дону в V—IV вв. до н. э. бронзовая подвеска конской узды в виде «медвежьей лапы» встречена всего один раз — в кургане № 14 у с. Колбино IV в. до н. э. [Шевченко, 2009] — тогда как в остальных частях Приднепровской лесостепи и, реже, в степной Скифии такие «лапы» обычная находка. Но зато там нет ни одного металлического крючка-застежки с медведем и нащечных блях конской узды в виде стоящего (в профиль) зверя.

Итак, спустя более чем 40 лет после появления моей статьио зооморфных крючках, в которой я связал происхождение мотива медведя с ареалами ананьинской и савроматской культур [Гуляев, 1969, с. 112], мне представляется теперь точка зрения П.Д. Либерова, считавшего медвежьи образы на металлических украшениях конской сбруи и поясных крючках-застежках *среднедонским изобретением* (курсив мой — *В. Г.*), а у ананьинцев и савроматов подобные вещи (кстати, весьма редкие) появляются в результате культурного влияния населения лесостепного Подонья на своих северных и восточных соседей [Либеров, 1976, с. 141].

Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. — СПб., 2012. — 272 с.
Байгушева В.С. Орнитофауна и териофауна Приазовья по материалам археологичеких раскопок // Историко-археологические исследования в Азове на Нижнем Дону в 2005 г. — Азов, 2006. — Вып. 22. — С. 14—16.
Березуцкий В.Д. Курганы скифского времени у хут. Дубовой на Среднем Дону (раскопки 2004 г.) // Археологические памятники Восточной Европы. — Воронеж, 2006. — Вып. 12. — С. 138—147.
Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. — К., 2012. — 752 с.
Бобринский А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии // ИАК. — 1905. — Вып. 14. — С. 1—22.
Васильев С.Н. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. — 2004. — № 11. — С. 257—297.
Великая Скифия. — Запорожье; Киев, 2002. — 258 с.
Гептнер В.Г., Слудский А.А. Млекопитающие СССР. — М., 1972. — Т. II, ч. 2. — 552 с.
Гончарова Л.Ю. Искусство Лесостепного Подонья и Европейской Скифии в IV — начале III вв. до н. э.: черты сходства и различия // Верхнедонской археологический сборник. — Липецк, 2001. — Вып. 2. — С. 36—48.
Гуляев В.И. Зооморфные крючки скифского периода // МИА. — 1969. — № 151. — С. 109—127.
Замятнин С.Н. Скифский могильник «Частые Курганы» под Воронежем // СА. — 1946. — Т. 8. — С. 11—50.
Иванов В.В., Топоров В.Н. Медведь // Мифы народов мира. — М., 1982.— Т. 2. — С. 128—130.
Ильинская В.А. Современное состояние проблемы скифского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. — М., 1976. — С. 9—30.
Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII—IV вв. до н. э.). — СПб., 2006. — 272 с.
Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. — М., 1962. — 520 с.
Кулатова И.Н., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б. Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. — Москва; Полтава, 1993. — 108 с.
Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. — М., 1965. — 112 с. (САИ. — Вып. Д. 1—31).
Либеров П.Д. Локальные особенности звериного стиля среднедонской культуры и отражение связей с внешним миром // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. — М., 1976. — С. 138—147.
Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. — Ростов-на-Дону, 1983. — 224 с.
Махортих С.В. Скіфська вузда Перещепинського могильника // Більске городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень). — К., 2006. — С. 57—76.
Медведев А.П. Раскопки Староживотинного могильника скифского времени // Верхнедонской археологический сборник. — Липецк, 2001. — Вып. 2. — С. 4—14.
Могилов О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. — Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. — 439 с.
Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. — М., 1994. — 210 с.
Пшеничнюк А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н. э. на Южном Урале. — Уфа, 2012. — 280 с.
Ромашко В.А., Скорый С.А. Близнец-2 скифский аристократический курган в Днепропетровском Правобережном Надпорожье. — Днепропетровск, 2009. — 251 с.
Россия. Полное географическое описание нашего отечества. — СПб., 1902. — 423 с.

Савченко Е.И. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону, как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. ДАЭ ИА РАН, 2004—2008 гг. — М., 2009. — С. 221—325.
Савченко Е.И. Могильник скифского времени Терновое I — Колбино I // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. ПАЭ ИА РАН, 1993—2000. — М., 2001. — С. 53—143.
Савченко Е.И. «Забытый» курган из раскопок П.Д. Либерова // РА. — 2001а. — № 4. — С. 153—161.
Скорый С.А., Зимовец Р.В. Скифские древности Крыма. — К., 2014. — 180 с.
Соколова З.П. Культ медведя // Археология, этнография, антропология Евразии. — Новосибирск, 2000. — № 2. — С. 41—62.
Спицын А.А. Гляденовское костище // ЗРАО. — 1901. — Т. XII. — С. 228—269.
Чередніченко М.М., Мурзін В.Ю. Основні результати дослідження Бердянського кургану // Археологія. — 1996. — № 1. — С. 69—78.
Черемисин Д.В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: семантика звериных образов в контексте погребального обряда. — Новосибирск, 2008. — 135 с.
Шевченко А.А. Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. ДАЭ ИА РАН, 2004—2008 гг. — М., 2009. — С. 26—111.
Шпилев А.Г. Зооморфные украшения скифского времени из Курской области // МИАДЛ. — Курск, 2012. — Вып. IV. — С. 147—158.
Яковенко Э.В. Клыки с зооморфными изображениями // СА. — 1969. — № 4. — С. 200—207.

В. І. Гуляєв

МОТИВ ВЕДМЕДЯ У СКІФСЬКОМУ ЗВІРИНОМУ СТИЛІ

Незважаючи на постійну увагу скіфологів до проблем скіфського звіриного стилю, багато питань цієї складної теми поки що не знаходять в спеціальній літературі відповідного вирішення. До кола таких питань належить і мотив ведмедя у мистецтві Скіфії. У статті наводяться всі наявні на даний час факти, які доводять помітне місце бурого хижака в скіфському бестіарії в лісостепових і, меншою мірою), степових областях Східної Європи.

Ключові слова: південь Східної Європи, звіриний стиль, скіфський час.

V. I. Gulyaev

THE MOTIVE OF A BEAR IN THE SCYTHIAN ANIMAL STYLE

This article dedicates to rather rare theme in the Scythian art — the motive of bear. The modern data is proving the existence of the bear cult among the Scythians at the forest-steppe and steppe regions of the Eastern Europe.

Keywords: South of the Eastern Europe, animal style, Scythian time.

Одержано 05.04.2016

УДК: 904.23 (35:395)"6383"

Е. С. Дзнеладзе

ЕГИПЕТСКИЙ ФАЯНС У ПОЗДНИХ СКИФОВ НИЖНЕГО ДНЕПРА

В статье рассматриваются фигурные изделия из египетского фаянса (плакетки и подвески), найденные на позднескифских памятниках Нижнего Днепра. Дается их количественная и типологическая характеристика, сравнение с подобными находками в сарматской среде и у поздних скифов Крыма. Рассмотрены особенности проникновения и бытования этой категории украшений в сарматской и позднескифской культурах.

Ключевые слова: египетский фаянс, плакетки, подвески, поздние скифы, сарматы, Нижний Днепр.

В погребальном инвентаре носителей позднескифской культуры значительным количеством и разнообразием отличаются бусы. Исследователи не раз отмечали их значение и место в уборе [Вязьмитина, 1972; Высотская, 1972; Сымонович, 1961]. Одной из интересных категорий этой группы украшений являются мелкие предметы, трактуемые как амулеты и талисманы. К таким, в частности, относятся изделия из египетского фаянса — фигурные плакетки и подвески.

Производство фаянсовых изделий античного и римского периодов традиционно связывают с Навкратисом, с территориями Сирии и Египта [Алексеева, 1972, с. 3; 1975, с. 27]. Существует также гипотеза о центрах стеклоделия в Северном Причерноморье, откуда могли происходить подражания некоторым типам этих изделий [Островерхов, 1985, с. 97; 2010, с. 69—71]. Из причерноморских памятников различных культур происходит большое количество находок фаянсовых изделий. Подборка Е.М. Алексеевой [Алексеева, 1972; 1975], демонстрирующая динамику бытования этих изделий в античных городах Северного Причерноморья, служит отправной точкой для анализа количества и разнообразия типов этих предметов в памятниках других культур. Список публикаций, посвященных локальным находкам египетского фаянса, происходящих из памятников античного и римского времени, приведен в работе А.Н. Подушкина [Подушкин, 2015, с. 308]. Его можно дополнить несколькими работами последних лет [Бурков, 2013; 2015].

В связи с этим интересно рассмотреть ситуацию с находками изделий из египетского фаянса в материалах позднескифской культуры Нижнего Днепра.

По подсчетам В.И. Мордвинцевой, в Золотобалковском могильнике бусы найдены в 101 погребении, что соответствует 83 % всех погребений с инвентарем [Мордвинцева, 2015, с. 123]. В значительном количестве найдены и бусины из египетского фаянса, в особенности, голубой и зеленоватый бисер и биконические бусины, которые употреблялись для расшивки одежды. В большинстве случаев эти находки происходят из детских погребений [Вязьмитина, 1972, с. 141]. При этом интересной особенностью, отмеченной еще М.И. Вязьмитиной, является полное отсутствие находок здесь фаянсовых плакеток и фигурных подвесок [Вязьмитина, 1972, с. 142].

Разнообразные находки фигурного фаянса происходят из материалов Красномаяцкого могильника [1]. В могиле 6 при расчистке погребения найден скарабей из голубого фаянса со схематическим членением головы и спинки

1. Результаты раскопок Э.А. Сымоновича 1976—1977 гг. и О.А. Гей 1986—1988 гг. не опубликованы; подробные описания находок из раскопок А.В. Симоненко 2011—2015 гг., см.: [Симоненко, Сикоза, Дзнеладзе, 2015].

© Е.С. ДЗНЕЛАДЗЕ, 2016

Рис. 1. Фаянс из погребений Красного Маяка, могилы: *1* — № 6; *2* — № 10; *3* — № 35, погребение 2; *4, 5* — погребение 126, скелет 3

(рис. 1, *1*) [Сымонович, 1976, с. 14]. В могиле 10 найдена фигурка крокодила из египетского фаянса с отбитым хвостиком (рис. 1, *2*) [Сымонович, 1976, с. 17]. В погребении найдено две фибулы: сильнопрофилированная с бусинами на дужке с нижней тетивой II серии, II — первой половины III вв. н. э., повсеместное господство во II в. [Кропотов, 2010, с. 230] и фибула-брошь с шарниром из двух стоек формы 8, датирующаяся в пределах второй-третьей четверти I в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 305]. Фаянсовые пронизи в виде крокодила типа Алексеева 72 датированы в своде второй половиной I в. до н. э. — I в. н. э. [Алексеева, 1975, с. 45]. Вероятное время создания комплекса — третья четверть I — II в. н. э.

В могиле 35 в погребении 2 было найдено 6 скарабеев из голубого фаянса с четким членением головы и спинки (рис. 1, *3*). Судя по инвентарю, погребенный — ребенок (девочка). Среди инвентаря несколько пряслиц, ожерелье из сердоликовых бус, бронзовые браслеты [Сымонович, 1976, с. 29—31]. В погребении найдена шарнирная фибула формы 9 по классификации Э. Рихи середины I — начала II в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 268] и смычковая фибула II — первой половины III вв. н. э. [Кропотов, 2010, с. 170]. Вероятная узкая датировка погребения — первая половина II в. н. э.

При скелетах из могил 73, 74, 76, 78, 83, 96, 103 найдены плакетки в виде скарабеев из голубого фаянса и одна — из красного глухого стекла. Они разных типов — с четким либо схематическим членением головы и спинки, в одном случае — с изображением урея на брюшке. Комплексы со скарабеями датируются в пределах второй половины I — середины II в. н. э. такими хроноиндикаторами, как шарнирная фибула формы 9 [Кропотов, 2010, с. 268], лучковые подвязные фибулы I серии 1 и 2 вариантов [Кропотов, 2010, с. 74, 213], зеркало-подвеска с орнаментированной обратной стороной типа Хазанов IX [Хазанов, 1963, с. 67]. В Кобяковском некрополе зеркало с подобной орнаментацией найдено в погребении I в. н. э. [Косяненко, 2008, с. 111, табл. 15, *7*]. Такое же зеркало происходит из погребения 1 могилы 17 некрополя Битак середины II в. н. э. [Пуздровский, 2007, с. 403].

В нескольких склепах (мог. 73, 96, 103) найдены фаянсовые плакетки иных форм: в виде льва, сдвоенных цилиндриков, мужских гениталий, амфорок. Сопровождающие фибулы (воинские и сильнопрофилированные причерноморские, лучковые подвязные, броши) определяют время сложения комплексов с фаянсом как период не ранее середины I и не позднее середины II в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 74, 130, 213, 268, 310].

В погребении [1] 126 на шее ребенка 3—4 лет найдено ожерелье из амулетов, в составе которого две антропоморфных фаянсовых подвески. Плакетка Бес — из голубого египетского фаянса с хорошо промоделированными всеми частями тела, чертами лица, бородой. Сзади в центре спины — ушко с горизонтальным отверстием. Высота 26 , ширина 19, толщина 10, диаметр отверстия 1,5 мм (рис. 1, *4*). Тип Алексеева 35, I—II вв. н. э. [Алексеева, 1975, с. 38—39]. Плакетка Гарпократ — из бирюзового фаянса. Гарпократа изображен сидя, палец правой руки у рта. Хорошо промоделирована голова с чертами лица, оттопыренными ушами и косой справа, живот, ноги, ягодицы. Сзади — горизонтальное отверстие. Высота 18, ширина 10, толщина 6, диаметр отверстия 1 мм (рис. 1, *5*). Тип Алексеева 30, II в. н. э. [Алексеева, 1975, с. 37]. В погребении найдена краснолаковая чашка с цилиндрическим корпусом, близкая форме 64B группы Восточная сигиллата B, по типологии Дж. Хейза, 75—125 гг. н. э. [Hayes, 1985, p. 64, tab. XIV, *14*].

Таким образом, в погребениях могильника Красный Маяк найдено 41 экземпляр фигурных изделий из египетского фаянса [2]. Они происходят из 11 погребальных сооружений и сопровождали, по меньшей мере, 15 погребенных. В шести случаях погребенные описаны как взрослые, без определения пола, в двух случаях погребенные — женщины, один мужчина 30—40 лет, остальные погребения принадлежат детям разного возраста (пять погребений). Одно погребальное сооружение разрушено, в нем были найдены останки двух взрослых и одного ребенка.

Среди находок 29 скарабеев, один крокодил, один лев, два Гарпократа различной иконографии, один Бес, две подвески в виде гениталий,

1. В 2011 г. Позднескифской археологической экспедицией были возобновлены раскопки могильника Красный Маяк. Нумерация могил была продолжена, однако термины «могила» и «погребение» были заменены на более корректные — «погребение» и «скелет» соответственно.

2. Выражаю благодарность А.В. Симоненко, любезно ознакомившему меня с материалами раскопок 1986—1988 гг.

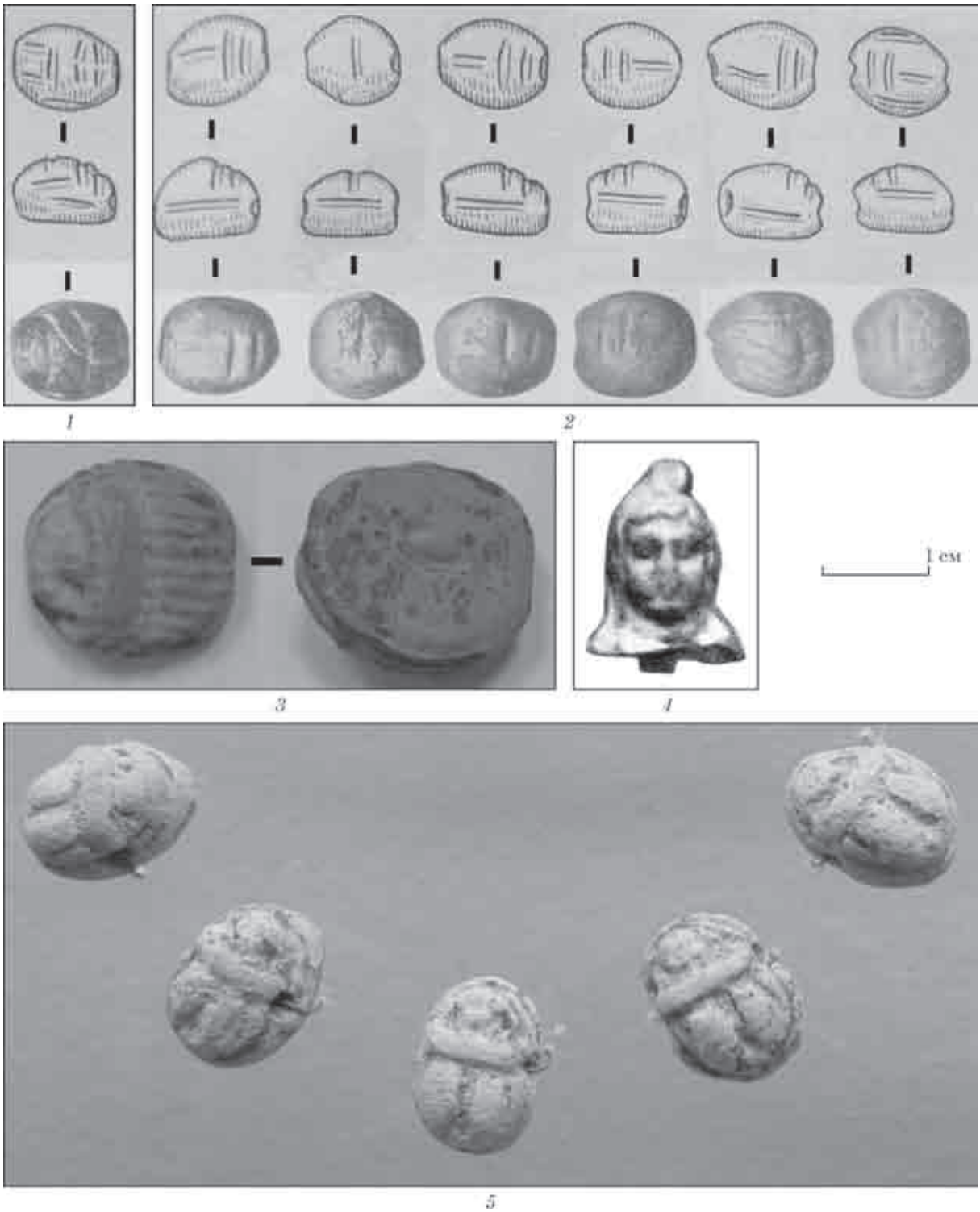


Рис. 2. Фаянс с позднескифских памятников Нижнего Днепра: *1* — Николаевка, могила 150; *2* — Николаевка, могила 151; *3* — Анновка; *4* — Великая Лепетиха; *5* — Любимовка

три подвески в виде сдвоенных цилиндриков, и две амфоровидные подвески. С учетом всех хроноиндикаторов и датировок отдельных типов в своде Е.М. Алексеевой все находки фигурных фаянсовых изделий Красномаяцкого могильника датируются второй половиной I — первой половиной II в. н. э.

В Николаевском могильнике в двух погребальных сооружениях найдены изделия, имитирующие скарабеев из египетского фаянса [Сымонович, 1976, с. 86, 87]. В склепе 150 на шее девочки-подростка среди богатого набора бус была найдена пронизь в виде скарабея из глухого желто-коричневого, с прожилками стекла (рис. 2, *1*). Выпуклую поверхность предмета покрывали бороздки, имитирующие спинку жука. Размеры 10 × 11 мм. Могила датирована I в. н. э. [Сымонович, 1976, с. 86].

В склепе 151 на шее женщины найдены 6 удлиненных полусферических бусин из глухого стекла зеленого, красного и желтого цветов, изображающие скарабеев (рис. 2, *2*). На них были нанесены схематические линии, показывающие места схождения крыльев и выделяющие голову жука. Размеры бусин 11 × 13; 12 × 12 и 10 × 12 мм. По остаткам пряжки [Сымонович, 1971, табл. III, *16, 17*] погребение можно датировать I в. н. э.

Автор раскопок объяснял появление подражаний высокой ценой настоящих изделий из египетского фаянса и считал, что имитации несли ту же семантическую нагрузку, что и подлинные скарабеи — служили амулетами [Сымонович, 1976, с. 87].

Единичные находки фаянсовых плакеток происходят с позднескифских городищ Нижнего Днепра.

На Анновском городище найден крупный скарабей из голубого фаянса с четким членением головы и спинки (длина 20 мм) (рис. 2, *3*) [1] [Гаврилюк, 2013, с. 555, рис. 9.10, *12*]. На обратной стороне имеется знак. Тип Алексеева 50в, преимущественно I в. н. э. [Алексеева, 1975, с. 42].

На городище Великая Лепетиха найдено 6 скарабеев из египетского фаянса, покрытого голубым пигментом, утраченным со временем [Гаврилюк, 2013, с. 545; Антична …, № 505, с. 71]. Скарабеи со схематичным членением головы и спинки. Канал отверстия расположен поперек плакетки (рис. 2, *4*). Точной аналогии в своде Алексеевой нет, скарабеи подобны типу 50а.

При раскопках «зольника» Любимовского городища в 1951 г. был найден фрагмент фаянсовой антропоморфной подвески (рис. 2, *5*) [Дмитров, Зуц, Копилов, 1961, с. 98, рис. 11]. Судя по иконографии, это тип Алексеева 29б. Подвеска выполнена в виде женской фигурки, связанной с «фаллическим культом и идеей оплодотворения», конец I в. до н. э. — II в. н. э. [Алексеева, 1975, с. 36].

Таким образом, на сегодняшней стадии исследования с позднескифских памятников Нижнего Днепра происходит 49 фаянсовых изделий фигурных форм и 7 стеклянных подражаний скарабеям. Они представлены 9 фигурными формами различных типов.

В позднескифских могильниках Крыма, по данным А.А. Стояновой, найдены фаянсовые подвески наиболее популярных в Северном Причерноморье типов. Большинство погребений с фигурными изделиями относится ко второй половине I в. н. э. — II в. н. э., а наибольшая концентрация таких находок зафиксирована в I в. н. э. [Храпунов, Мульд, Стоянова, 2009, с. 16]. К концу II — первой половине III в. н. э. египетский фаянс выходит из употребления в Крыму и в поздних могильниках встречается спорадически [Стоянова, 2004, с. 288; Храпунов, Мульд, Стоянова, 2009, с. 17].

Наиболее многочисленная и разнообразная в типологическом плане группа подвесок из египетского фаянса происходит из детских погребений могильника Опушки [Стоянова, 2012, с. 74, 75]. Здесь найдено 20 экземпляров 10 типов, среди которых найдены такие редкие подвески как медальон с рельефным изображением головы младенца Гора (Гарпократа) и две подвески-гермы различной иконографии [Стоянова, 2012, с. 75]. Также здесь найдены аналогичные нашим плакетки с изображением львов, жуков скарабеев, сдвоенных цилиндриков.

В некрополе Золотое найдено 17 фигурных фаянсовых амулетов и 2 стеклянных подражания скарабеям [Корпусова, 1983, с. 70, 71]. Они происходили из 9 могил и представлены такими формами: скарабеи фаянсовые — 2 экз., скарабеи стеклянные — 2 экз., подвески в виде гениталий — 2 экз., виноградная гроздь — 2 экз., сдвоенные цилиндрики — 2 экз., амфоровидные подвески — 3 экз., львы — 3 экз., Гарпократ — 1 экз., Бес — 1 экз., черепаха — 1 экз.

Необычайной популярностью вещи этого круга пользовались в сарматской среде. Из сарматских памятников только с территории Украины происходит 120 фигурных изделий из египетского фаянса [Дзнеладзе, 2013]. Они найдены в 25 сарматских погребениях. Это скарабеи, львы, черепахи, антропоморфные и амфоровидные подвески, подвески в виде виноградной грозди, сдвоенные цилиндрики, алтарик, кукиши.

Фигурные изделия из египетского фаянса найдены во всех регионах обитания сарматов [Анфимов, 1982; Максименко, 1998; Медведев, 2008; Мошеева, 2010]. Исследователи даже называют их культуросоставляющим признаком среднесарматской культуры [Мошкова, 1989, с. 190; Воронятов, 2011, с. 96]. А.В. Симоненко считает фаянсовые плакетки маркером горизонта «восточной волны» [Симоненко, 2011, с. 116], памятники которого оставлены, по его мнению, носителями среднесарматской культуры Подонья—Поволжья. В Северном Причерноморье такие находки происходят в большинстве своем из основных сарматских погребений с южной ориентацией. Редкие находки скарабеев во впускных погребениях с северной ориентацией (Могильно, Семеновка), оставленных потомками раннесарматского населения, А.В. Симоненко объясняет торговыми или культурными контактами этих людей с кочевниками «восточной волны».

Пик распространения фаянсовых фигурных изделий в сарматской среде приходится на вторую половину I — середину II вв. н. э. К этому времени относится и подавляющее большинство таких находок в памятниках поздних скифов Крыма и Нижнего Днепра. Разнообразие типов и частота встречаемости их у поздних скифов ничуть не уступает сарматам. Большинство на-

1. Выражаю благодарность д. и. н. Н.А. Гаврилюк за предоставленные материалы раскопок и рекомендации при написании этой работы.

ходок происходит из типично позднескифских погребальных сооружений, таких как земляные склепы или катакомбы, и найдены у погребенных в них женщин и детей. Таким образом, нет оснований полагать, что это были сарматы. Не раз высказывалось мнение о том, что различные типы погребальных сооружений позднескифских могильников (катакомбы и подбои) являются скорее имущественным и социальным признаком, нежели этническим [Дашевская, 1984, с. 54, 55; Храпунов, 2004, с. 30]. Находки, рассмотренные в этой работе, подтверждают эту гипотезу. Большинство из них найдено в крупных наборах бус других типов и лишь в отдельных случаях — единично, например, в области шеи в мужских погребениях, что, вероятно, указывает на их апотропеистическое назначение.

Не исключено, что какая-то часть этих изделий попадала к сарматам Северного Причерноморья из античных полисов через поздних скифов Нижнего Днепра. Находки деталей деревянно-каменных якорей последних веков до н. э. и I—II вв. н. э., поднятые у о. Хортица, подтверждают факт судоходства, а также наличия челнов, пригодных для транспортировки грузов по реке [Шаповалов, 1990, с. 153]. Таким образом, бусы, привезенные морем в античные полисы, речными путями распространялись вглубь континента, к торжищам, расположенным не на морском побережье.

Как бы то ни было, именно с сарматами связано проникновение египетского фаянса в отдаленные от античных полисов регионы [Воронятов, 2011; Подушкин, 2015]. К интересным выводам пришел А.Н. Подушкин, изучая вопрос проникновения подобных предметов вглубь Центральной Азии. Находки из египетского фаянса в археологических комплексах катакомб могильников Кылышжар и Культобе арысской культуры Южного Казахстана исследователь связывает с юго-восточной миграцией сарматов на территорию Южного Казахстана, а катакомбы, в инвентаре которых найден фаянс — с присутствием части (ветви) сарматского племенного союза в составе государства Кангюй. Все фаянсовые изделия, происходящие из катакомбных погребений Южного Казахстана, относятся к каратобинскому этапу арысской культуры и датируются I в. до н. э. — III вв. н. э. [Подушкин, 2015, с. 317]. С учетом найденных в этих погребениях хроноиндикаторов (зеркало с короткой ручкой, курильница), более узко они датированы концом I в. до н. э. — серединой II вв. н. э.

К сожалению, невзирая на наличие хроноиндикаторов в позднескифских погребениях с фаянсом, пока не удалось сузить время его бытования точнее, чем до второй половины I — первой половины II в. н. э. Это время наибольшего политического и военного господства сарматов в Северном Причерноморье; время существования «царства Фарзоя / Инисмея» (Аорсии мангупского декрета?), образованного в ходе одной из самых многочисленных и мощных миграций середины I в. н. э.; время выхода алан на историческую арену и начала их войн с Римской империей [Карышковский, 1982, с. 73; 1988, с. 119; Зубар, 2003, с. 25—27; Щукин, 2005, с. 67; Симоненко, Лобай, 2012, с. 129; Симоненко, 1998, с. 161—163]. История сарматов в это время тесно переплетается с поздними скифами, что также возможно отражается, в том числе и в популярности плакеток в позднескифско-сарматской среде. Вероятнее всего, именно с откочевкой какой-то части сарматов из Северного Причерноморья египетский фаянс проникает на восток, вглубь Азии. Жаль, но археологический материал не дает нам ответа на вопрос, как и когда именно в течение этих ста лет наивысшего расцвета сарматской и позднескифской культур происходили эти миграции.

Алексеева Е.М. Предметы из египетского фаянса VI в. до н. э. — IV в. н. э. в Северном Причерноморье // КСИА. — 1972. — Вып. 130. — С. 3—11.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. — М., 1975. — 95 с. (САИ. — Вып. Г 1—12).

Антична колекція Херсонського краєзнавчого музею / Авт.-упорядн. Абікулова М.Й., Лопушинський А.І., Сікоза Д.М. — Херсон, 2015. — 91 с.

Анфимов И.Н. Амулеты из египетского фаянса первых веков н. э. из Прикубанья // Тез. докл. Конференции по археологии Северного Кавказа: XII Крупновские чтения. — М., 1982. — С. 53—54.

Бурков С.Б. Амулеты и талисманы из «египетского» фаянса с территории Ставропольского края // Из истории культуры народов Северного Кавказа. — Ставрополь, 2013. — Вып. 5. — С. 42—52.

Бурков С.Б. Амулеты и талисманы из «египетского фаянса» с территории Дагестана // Stratum plus. — 2015. — № 3. — С. 321—334.

Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-западном Крыму. — К., 1972. — 192 с.

Вязьмитина М.И. Золотобалковский могильник. — К., 1972. — 190 с.

Гаврилюк Н.А. Экономика Степной Скифии VI—III вв. до н. э. — К., 2013. — 712 с.

Дашевская О.Д. О подбойных могилах у поздних скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М., 1984. — С. 53—60.

Дзнеладзе Е.С. Египетский фаянс из сарматского погребения Молочанского могильника // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху: сб. ст. к 60-летию А.Н. Дзиговского. — К., 2013. — С. 176—183.

Дмитров Л.Д., Зуц В.Л., Копилов Ф.Б. Любимівське городище рубежу нашої ери // АП УРСР. — 1961. — Т. X. — С. 78—100.

Зубар В.М. Сармати, населення Таврики і Херсонес у I ст. н. е. // Археологія. — 2003. — № 2. — С. 25—41.

Карышковский П.О. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. — К., 1982. — С. 66—82.

Карышковский П.О. Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. — К., 1988. — 167 с.

Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. — К., 1983. — 184 с.

Косяненко В.М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956—1962 гг.). — Азов, 2008. — 544 с. (Донские древности. — Вып. 9).

Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории. — Азов, 1998. — 304 с. (Донские древности. — Вып. 6).
Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. — М., 2008. — 252 с.
Мордвинцева В.И. Социальная структура населения городища у с. Золотая Балка // Stratum plus. — 2015. — № 4. — С. 115—142.
Мошеева О.Н. Египетский фаянс в сарматских погребениях Нижнего Поволжья // НАВ. — 2010. — № 11. — С. 147—169.
Островерхов А.С. Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии // ВДИ. — 1985. — № 3. — С. 92—108.
Островерхов А.С. Скло доримського часу із Тіри та її околиць // Тира—Белгород—Аккерман (материалы исследований). — Одесса, 2010. — С. 55—76.
Подушкин А.Н. Египетский фаянс в погребениях могильников Кылышжар и Культобе Южного Казахстана // Stratum plus. — 2015. — № 3. — С. 307—320.
Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. — Симферополь, 2007. — 479 с.
Симоненко О.В. Сармати // Давня історія України. — К., 1998. — Т. 2. — С. 154—176.
Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. — СПб., 2011. — 272 с.
Симоненко А.В. Лобай Б.И. Об этнической принадлежности Фарзоя и Инисмея // Золото, конь и человек: Сб. ст. к 60-летию А.В. Симоненко. — К., 2012. — С. 129—138.
Симоненко О.В., Сікоза Д.М., Дзнеладзе О.С. Пізньоскіфський могильник Червоний Маяк. Дослідження 2011—2015 років. — Херсон, 2015. — 156 с.
Стоянова А.А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996—2001 гг.) // БИ. — Симферополь; Керчь, 2004. — Вып. V. — С. 263—320.
Стоянова А.А. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003—2009 гг.). — Симферополь, 2012. — 100 с.
Сымонович Э.А. Египетские вещи в могильнике Неаполя Скифского // СА. — 1961. — № 1. — С. 270—273.
Сымонович Э.А. Отчет Николаевского отряда Института археологии АН СССР о работах на Николаевском могильнике Бериславского района Херсонской обл. в 1971 г. / НА ІА НАН України. — 1971/51.
Сымонович Э.А. Отчет о работах Черняховской экспедиции ИА АН СССР в 1976 году / НА ІА НАН України. — 1976/44.
Сымонович Э.А. Отчет о раскопках Черняховской экспедиции ИА АН СССР на Украине в 1977 г. / НА ІА НАН України. — 1977/114.
Сымонович Э.А. Подражания амулетам из египетского фаянса в Нижнем Поднепровье // КСИА АН СССР. — 1976. — Вып. 145. — С. 86—87.
Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. — 1963. — № 4. — С. 58—72.
Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке. — Симферополь; Керчь, 2004. — 240 с. (БИ. — Вып. VI).
Шаповалов Г.И. О памятниках судоходства на Нижнем Днепре в скифское время // Древности Степного Причерноморья и Крыма. — Запорожье, 1990. — Вып. I. — С. 151—153.
Щукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. — СПб., 2005. — 576 с.

О. С. Дзнеладзе

ЄГИПЕТСЬКИЙ ФАЯНС У ПІЗНІХ СКІФІВ НИЖНЬОГО ДНІПРА

Виробництво фаянсових виробів античного та римського періодів традиційно пов'язують з Навкратісом, територіями Сирії і Єгипту. Існує також гіпотеза про центри склоробства у Північному Причорномор'ї, які могли виробляти імітації деяких типів цих прикрас. З причорноморських пам'яток різних культур походить значна кількість знахідок фаянсових виробів. Добірка К.М. Алексеєвої, яка демонструє динаміку побутування цих виробів в античних містах Північного Причорномор'я, є точкою відліку для аналізу кількості і розмаїття типів цих предметів в пам'ятках інших культур.

На пізньоскіфських пам'ятках Нижнього Дніпра знайдено 49 фаянсових фігурних форм і 7 скляних імітацій скарабеїв. Вони представлені 9 фігурними формами різних типів і походять з могильників Червоний Маяк і Миколаївка та городищ Аннівка, Велика Лепетиха, Любимівка.

Пік поширення фаянсових виробів у пізніх скіфів Нижнього Дніпра припадає на другу половину I — середину II ст. н. е. В цей час єгипетский фаянс також користується попитом у сарматів і у пізніх скіфів Криму. Розмаїття форм і кількість цих речей свідчить, що до сарматів ці вироби могли потрапляти з античних портів через пізніх скіфів. З сарматами пов'язане проникнення єгипетського фаянсу далеко на схід, на терени Азії.

Ключові слова: єгипетський фаянс, плакетки, підвіски, пізні скіфи, сармати, Низовий Дніпро.

O. S. Dzneladze

EGYPTIAN FAIENCE IN THE LATE SCYTHIAN CULTURE OF LOWER DNIEPER AREA

The tradition center of the manufacture of Egyptian faience of Graeco-Roman period was Naukratis. There is a hypothesis on the glassmaking center producing faience in North Pontic Region.

More than 40 figured Egyptian faience objects and the imitations in the Late Scythian cemeteries Chervony Mayak and Mykolaivka and hill-forts Hannivka, Velykaya Lepetykha, Ljubymivka were found. The peak of the use of Egyptian faience by the Late Scythians of Lower Dnieper area could be dated to the second half of 1st — middle of 2nd century AD. In the same time the Crimean Late Scythians and Sarmatians used the figured Egypt faience objects as the amulets. The number and variety of the faience items in the Late Scythian culture shows than this people could supply Sarmatians with faience. The appearance of the Egyptian faience in Central Asia is associated with Sarmatian migrations.

Keywords: Egyptian faience, figured Egypt faience object, pendant, the Late Scythian culture, Sarmatian culture, Lower Dnieper area.

Одержано 12.04.2016

УДК: 903/528.9 (36)"63"

С. Л. Дударев

ЕЩЕ РАЗ О КАВКАЗСКО-ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИХ ИСТОКАХ СКИФСКИХ «АКИНАКОВ»

В статье рассматриваются вопросы формирования комплекса клинкового оружия кочевников скифского времени.

Ключевые слова: акинаки, бимметалические мечи и кинжалы, скифское оружие, раннескифская культура.

В данном докладе автор вновь обращается к вопросу о кавказско-переднеазиатских корнях такого знаменитого вида скифского оружия ближнего боя как «акинаки». В свое время целый ряд ученых пришли ко вполне обоснованному выводу о том, что происхождение «акинаков» связано с бронзово-железными мечами и кинжалами с крестовидной рукоятью IX — первой половины VII в. до н. э. с территории Северного Кавказа и Восточной Европы, которые по-разному именуются специалистами — «кабардино-пятигорские», «северокавказские», «киммерийские» [Черненко, 1988; Шрамко, 1984; Махортых, 1991; Эрлих, 1994; и др.]. Ранее мы уже останавливались на некоторых находках северокавказского оружия, связанных с генезисом скифского оружия. Прежде всего, речь идет о бронзовом кинжале из Ингушетии, найденном в начале 1990-х гг. [Виноградов, Дударев, 2004, с. 287—290; Dudarev, 1996, p. 56—64; Сб. науч. работ С.Л. Дударева, 2011, с. 223—225].

Предмет, с одной стороны, является генетическим продолжением кинжалов т.н. «переднеазиатского» типа [Крупнов, 1960; Техов, 1977; Погребова, 1977; Negahban, 1995, p. 47, 50, 53; Motzenbäker, 1996, Taf. 8, *5*; Picchelauri, 1997, Taf. 67, *1139—1141*], а с другой — одним из предшественников оружия, подобного биметаллическому кинжалу из хутора Бужор (Анапский р-н Краснодарского края), который справедливо назван связующим звеном между биметаллическим оружием «кабардино-пятигорского» типа и скифскими «акинаками» [Новичихин, 1990]. Мы приводили и другие артефакты, которые указывают на кавказско-луристанские истоки акинаков VII—VI вв. до н. э., например, экземпляр из собрания Британского музея [Curtis, Kruszycski, 2002, p. 11, fig. 6], а также на участие в формировании акинаков Северного Кавказа (погребение 36 могильника Кочипэ, г. Майкоп, Адыгея) [Дударев, Ловпаче, 1999, с. 11, рис. 1], предскифских «новочеркасских» кинжалов VIII—VII вв. до н. э. (Зольное, Носачево, Бештау, Пседах) [Иессен, 1954; Тереножкин, 1976; Махортых 1994]. Анализируемые находки свидетельствуют о большой роли населения Кавказа и Передней Азии эпохи поздней бронзы — раннего железа в формировании раннескифского культурного комплекса.

В 2013 г. В.И. Козенкова в новой монографии пришла к выводу о необоснованности нашего отнесения находки из Ингушетии, которую она датирует временем не позднее X в. до н. э., к предшественникам скифских акинаков [Козенкова, 2013, с. 97]. Неясно, что предосудительного видит этот специалист в определении «предшественник» по отношению к указанному артефакту. Речь идет о том, что данный кинжал может быть *одним из промежуточных звеньев в длительной эволюции акинака*.

Примечательно, однако, то, что сама В.И. Козенкова, рассуждая о близости изображения кинжала на стеле VI—V вв. до н. э. из Замни-Юрта (Чечня), сравнивает его с местными раннекобанскими, но далее — с абрисом «этого оружия на ранних стелах…передневосточного могильника Хаккари», находящегося «на востоке территории Турции, близ Луристана». Стелы могильника

© С.Л. ДУДАРЕВ, 2016

Хаккари, как указывает сама же В.И. Козенкова, относятся к концу II тыс. до н. э. [Козенкова, 2013, с. 133—134]. В этом случае, по меньшей мере, хронологическая удаленность стел из переднеазиатского региона от замни-юртовской, почему-то, нисколько не смущает исследователя.

Оценивая находку из Ингушетии, в частности, мы отмечали: «Скорее всего, кинжалы, подобные нашему, как и приводившиеся их параллели с Кавказа и Передней Азии, были порождением историко-культурной среды, в которой шло интенсивное формотворчество талантливых оружейников, создававших множество вариантов кинжалов и мечей (многие из которых так и не дошли до нас), и давших, *в конечном счете*, феномен скифского меча» [Сб. науч. работ С.Л. Дударева, 2011, с. 225]. Очевидно, что труды коллег требуют внимательного и непредвзятого прочтения.

Виноградов В.Б., Дударев С.Л. Об одном предшественнике скифских акинаков // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. — Армавир, 2004. — Вып. 4. — С. 287—290.
Дударев С.Л., Ловпаче Н.Г. Меч-акинак из погребения 36 могильника Кочипэ // Шестые чтения по археологии Средней Кубани (краткое содержание докладов). — Армавир, 1999. — С. 10—12.
Иессен А.А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. — М., 1954. — С. 112—131.
Козенкова В.И. Кобанская культура и окружающий мир: взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде. — М., 2013. — 252 с.
Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. — М., 1960. — 519 с.
Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. — К., 1991. — 131 с.
Махортых С.В. Киммерийцы на Северном Кавказе. — К., 1994. — 94 с.
Погребова М.Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. — М., 1977. — 184 с.
Сборник научных работ С.Л. Дударева: Статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения. — М., 2011. — С. 223—227.
Тереножкин А.И. Киммерийцы. — К., 1976. — 202 с.
Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. — М., 1977. — 238 с.
Черненко Е.В. Военное дело скифов (вооружение, тактика, стратегия): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — К., 1988. — 39 с.
Шрамко Б.А. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. — К., 1984. — С. 22—39.
Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. — М., 1994. — 145 с.
Curtis J., Kruszycski M. Ancient Caucasian and related material in the British Museum // The British Museum Occasional Paper. — London, 2002. — N 121. — 128 p.
Dudarev S.L. New data on the Caucasian genesis of Scythian «akinakes» // Studia Graeca et Latina (Archaeologica). — Praha, 2006. — P. 56—64 (Eirene. — **XLII**).
Motzenbäker I. Sammlung Kossnierska. Die digorishce formenkreis der Kaukasischen bronzezeit. — Berlin, 1996. — 294 S. (Museum für Vor- und Frühgeschichte. Bestandkataloge. — **3**).
Negahban E.O. Weapons from Marlik. Archäologische Mitteilungen aus Iran. — Berlin, 1995. — 121 p. (Ergänzungsband. — **16**).
Picchelauri K. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien. Berlin, 1997. — 87 S. (Archäologie in Eurasien. — **4**).

С. Л. Дударев

ЩЕ РАЗ ПРО КАВКАЗЬКО-ПЕРЕДНЬОАЗІАТСЬКІ ВИТОКИ СКІФСЬКИХ «АКІНАКІВ»

Питання про походження такого знаменитого виду скіфської зброї ближнього бою як так звані мечі (і кинджали) — «акінакі» — є досить актуальним для фахівців, що вивчають скіфську культуру. У даний час цілий ряд вчених прийшли до висновку про те, що походження «акінаків» пов'язане з бронзово-залізними мечами і кинджалами з хрестоподібної рукояттю IX — першої половини VII ст. до н. е. з території Північного Кавказу і Східної Європи, які іменуються в літературі «кабардино-п'ятигорськими», «північнокавказькими» або «кіммерійськими». У статті наводяться маловідомі широкий європейської аудиторії вчених знахідки північнокавказької зброї, які пов'язані з генезисом скіфської зброї. Досліджені знахідки свідчать про велику роль населення Кавказу і Передньої Азії епохи пізньої бронзи — раннього заліза у формуванні ранньоскіфського культурного комплексу.

Ключові слова: акінаки, бімметалеві мечі та кинджали, скіфська зброя, ранньоскіфська культура.

S. L. Dudarev

ONCE AGAIN ON THE CAUCASIAN AND NEAR EASTERN GENESIS OF SCYTHIAN «AKINAKES»

The problem of origin of such famous close-range Scythian weapons as the akinakes swords (and daggers) is important for students of the Scythian culture. Currently, numerous scholars have concluded that the origin of the akinakes is connected to bimetallic (bronze hilt and iron blade) swords and daggers with a cross-shaped hilt, of the 9th — first half of the 7th century BC. in the Northern Caucasus and in Eastern Europe, known under different names, such as «Kabardino-Pyatigorsk», «North-Caucasian», «Cimmerian». This paper deals with the finds of North Caucasian weapons related to the genesis of the Scythian arms, little known to the broader European community of scholars.

The analyzed materials give evidence on the important role played by the inhabitants of the Caucasus and Western Asia at the transition from the Late Bronze to the Early Iron Age, which contributed to the formation of the early Scythian culture.

Keywords: akinakes, bimetallic swords and daggers with a cross-shaped hilt, genesis, Scythian arm, early Scythian culture.

Одержано 27.02.2016

УДК: 904.4(395)"6383"

Р. В. Зимовец

О ЛОКАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ БРОНЗОВЫХ БУТЕРОЛЕЙ В ВИДЕ ГОЛОВЫ ХИЩНОЙ ПТИЦЫ

В статье рассматривается один их характерных элементов художественного оформления скифского вооружения — бронзовые бутероли от ножен мечей и кинжалов, выполненные в виде головы хищной птицы. Стилистические особенности образа, представленного на данных изделиях, позволяют классифицировать их на три типа, имеющих различную локализацию. Выдвигается гипотеза, в соответствии с которой проникновение орлиноголовых бутеролей на территорию Скифии осуществлялось через Крымский полуостров. Здесь же произошло сложение стилистики типа «Репяховатая Могила» и распространение соответствующих изделий на территории Северного Причерноморья и Среднего Поднепровья.

Ключевые слова: скифский звериный стиль, бутероль, голова хищной птицы, грифон, Крым, Кавказ.

В кругу культур скифского облика Восточной Европы довольно широкое распространение получили бронзовые наконечники ножен (бутероли), оформленные в традициях скифского звериного стиля в виде головы хищной птицы, предположительно орла [1]. Они выполнены в форме уплощенного конуса либо цилиндра, передающего условную шею птицы и оканчивающегося головкой с выпуклыми округлыми глазами (слезница отсутствует), сильно загнутым клювом, открытым ртом, переданным сквозным отверстием, в котором, как правило, помещался короткий язык. Моделировка головы птицы — скульптурная, однако ориентированная, преимущественно, на боковой обзор.

Половина указанных наконечников — 12 экземпляров — происходит с территории Северного Кавказа и Закавказья: из могильника Фаскау (4 экз.), Верхне-Кобанского (2 экз.), Нижне-Чегемского (2 экз.), Кливанского (1 экз.), Дванского (1 экз.) [Вольная, 2015, с. 19], Патардзеули (1 экз.), Натсаргора (1 экз.) [Maisuradze, Pirtskhalava, 2013, p. 95, il. I, *1, 2*; II, *6*] [2].

Единичные находки наконечников ножен, схожих с кавказскими, происходят из погребения 2 Репяховатой Могилы в Среднем Поднепровье [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 42, 43, рис. 11, *7*; 12, *2*], с острова Левке (Змеиного) [Островерхов, Охотніков, 2008, с. 32, 33, 57, рис. 6], Фирминиша (Трансильвания) [Степи …, 1989, с. 87, 333, табл. 28, рис. 15, *20*], Владимировского могильника (ЗападноеЗакубанье) [Шишлов, 2008], Майкопа [Іллінська, 1963, с. 36] [3], Старшего Ахмыловского [Чижевский, 2008, с. 45, рис. 33, *7*] и Скородумского могильников [Чижевский,

1. Ряд исследователей определяет этот образ как «языкатый грифон» [Виноградов, 1972, с. 146, Мошинский, 2006, с. 17]. На наш взгляд, для этого нет достаточных оснований, т.к. образ грифона (в том числе и так называемого «скифского») предполагает ряд характерных черт (наличие ушей, реже и в более раннее время — шишковидного выступа на темени) которые в данном случае отсутствуют. При этом раннегреческий мотив протомы грифона, безусловно, повлиял на сложение рассматриваемого образа, о чем будет сказано ниже. В связи с этим, применительно к рассматриваемым изделиям, более точным видится использование понятий «наконечник ножен в виде головы хищной птицы» или «орлиноголовая бутероль».

© Р.В. ЗИМОВЕЦ, 2016

2. В статье В. Маисурадзе и М. Пирцхалава также содержится информация о нескольких неопубликованных наконечниках из могильника Брили, которые мы пока не можем включить в сводку [Maisuradze, Pirtskhalava, 2013, p. 96].

3. Данная бутероль была ошибочно отнесена В.А. Ильинской к разряду наверший.

Рис. 1. Бутероли из Юго-Восточного Крыма: *1* — гоный массив Агармыш; *2* — уроч. Алан-Тепе в окрестностях Старого Крыма; *3* — горный массив Кубалач; *4* — с. Александровка Белогорского р-на [Скорый, Зимовец, 2014, с. 39—41]

2008, с. 118, 125, рис. 33, *7*; Мингалев, 2007, рис. 3, *4*] (Волго-Камский регион).

В 2014 г. были опубликованы еще 4 окончания ножен, оформленные в виде головы хищной птицы, происходящие с территории Юго-Восточного Крыма [Скорый, Зимовец, 2014, с. 39—42]. Все они относятся к категории случайных находок и происходят: с горного массива Агармыш (1 экз.), горного массива Кубалач (1 экз.), уроч. Алан-Тепе (окрестности Старого Крыма) (1 экз.), с. Александровка Белогорского района (1 экз.) (рис. 1).

Депаспортизированной являеся бутероль, хранящаяся в экспозиции Харьковского исторического музея (инв. № Арх-32/35) и входящая в состав так называемого «Харьковского клада» — собрания разновременных предметов, очевидно из сожженной археологической выставки 1942 г. [1] (рис. 2).

Рис. 2. Бутероль из собрания Харьковского исторического музея. Фото С.А. Скорого

Таким образом, на сегодняшний день известны 24 бронзовые бутероли, выполненные в виде головы хищной птицы. Все они морфологически сходны, и представляют собой уплощенные втулки конусовидной или цилиндрической формы, окончание которых выполнены в виде скульптурной головки хищной птицы. А.П. Мошинский причислил бутероли из Фаскау, Кобанского и Дванского могильников к особому типу, в отличие от бутеролей в форме свернувшегося хищного зверя [Мошинский, 2006, с. 17]. Принимая общую дифференциацию бутеролей на орлиноголовые и в виде свернувшегося хищника необходимо отметить, что первые отличаются друг от друга рядом стилистических особенностей, связанных с а) общими пропорциями изделий и б) оформлением головы. По этим признакам достаточно явно выделяются 3 типа, которые мы определили как 1-й Кавказский (Дигорско-Чегемский), 2-й Кавказский (Кобанский) и тип «Репяховатая Могила».

На различие двух типов кавказских бутеролей обратила внимание Г.Н. Вольная, которая составила и наиболее полный их свод, приведя аналогии с территории Восточной Европы [Вольная, 2015]. К первому типу относятся, в первую очередь, 5 наконечников, происходящих из Нижне-Чегемского могильника (2 экз. из погр. № 2 и 7) и могильника Фаскау (3 экз.). Для него характерна коническая втулка и округленное изображение головы, где сильно-загнутый клюв сливается с подклювьем, образуя кольцо. В раскрытом клюве помещен как правило треугольный, слегка выгнутый язык. Глаз небольшой, круглый, выпуклый. В целом, изображения выполнены очень условно, детализация клюва и подклювья отсутствует. К данному типу примыкает и наконечник ножен, происхо-

1. Информация любезно предоставлена Л.И. Бабенко. В инвентарной книге музея бутероль определена как «втульчатое навершие со стилизованным изображением головы орла».

Рис. 3. Бутероли 1-го Кавказского типа и их производные: *1, 2* — Нижне-Чегемский могильник; *3—5* — могильник Фаскау; *6* — Кубалач; *7* — Старший Ахмыловский могильник; *8* — Александровка; *9* — Скородумский могильник (по: [Вольная, 2015, с. 20, 25])

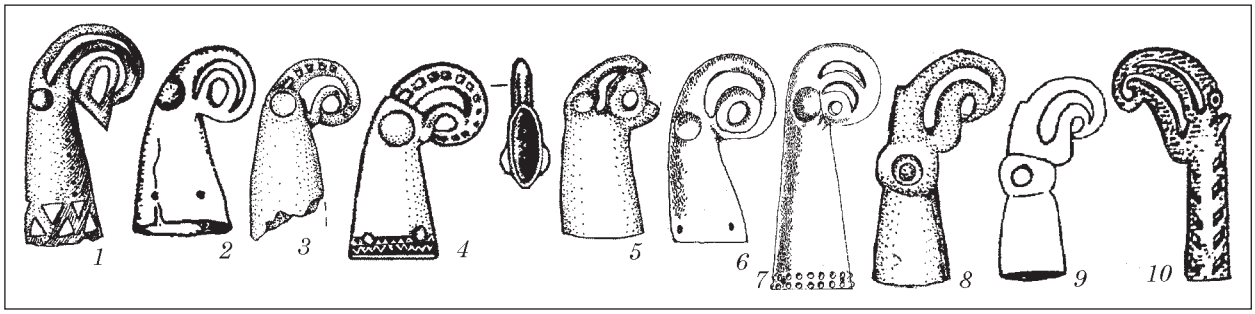


Рис. 4. Бутероли 2-го Кавказского типа и их производные: *1, 3* — Верхне-Кобанский могильник; *2* — Дванский могильник; *4* — Кливанский могильник; *5* — могильник Фаскау; *6* — могильник Натсаргора; *7* — Патардзеули; *8* — Владимировский могильник; *9* — Майкоп; *10* — Фирминиш (по: [Іллінська, 1963; Maisuradze, Pirtskhalava, 2013; Вольная, 2015])

дящий с горного массива Кубалач (Белогорский район, Крым). Однако, в отличие от кавказских аналогов, у него достаточно выразительно выделен широкий клюв, который не сливается с подклювьем, а упирается в него, немного выступая острым окончанием за подклювье. Язык моделирован прутком, а не треугольником. В качестве производных от данного типа изображений также можно рассматривать еще 3 бутероли. Это наконечник ножен из Александровки (Крым), выполненный в крайне условной и схематичной манере. Широкий закрученный клюв образует кольцо неправильной формы и соответствующее отверстие рта, подклювье не выражено, язык отсутствует. И два наконечника ножен из Волго-Камского региона: из Старшего Ахмыловского (погр. № 336) и Скородумского могильников. Последний является наиболее отдаленным аналогом данной группы, характеризуясь крайне условным изображением головы, очень вытянутой конусовидной втулкой, дополнительным изображением хищного зверя на согнутых лапах и с повернутой назад головой, помещенным на «шее», что не характерно для рассматриваемых нами бутеролей (рис. 3).

Второй тип представлен кавказскими наконечниками из Кобанского могильника (2 экз.), а также из Фаскау, Кливанского, Дванского (погр. № 4) могильников (по 1 экз.), из населенного пункта Патардзеули (1 экз.) и из разрушенного погребения 495 у Натсаргоры (1 экз.). Для него характерно изображение сильно загнутого спиралевидного клюва из двух или трех полос и полукольцевого языка, конец которого соединен с клювом. В некоторых случаях (Кобанский, Кливанский могильники) две полосы клюва соединены между собой ритмичными полосками, благодаря чему изображение получает дополнительную ажурность. Также на некоторых наконечниках (Кобанский, Кливанский могильники) основание конуса украшено двумя рядами треугольников или же двумя рядами выпуклых точек (Патардзеули). Ко второму типу кавказских наконечников примыкают три бутероли, найденные в Западном Закубанье (Майкоп, Владимировский могильник) и Трансильвании (Фирминиш). Их форма, в целом, повторяет очертания кавказских наконечников, клюв которых передан двумя или трема полосами, но при этом для всех трех изделий характерна важная особенность — вытянутая форма клюва. У кубанских бутеролей также выражена роговица клюва, что не характерно для остальных изделий. Подклювье сливается с S-образным языком. У Владимировского наконечника ножен глаз — концентрический, а у бутероли из Фирминиша он чрезвычайно мал, что не совсем характерно для скифского анималистического искусства (рис. 4).

Оба рассмотренных кавказских типа бутеролей роднит, в первую очередь, округлый характер головы хищной птицы, переданный

кольцевидным или спиралевидным клювом, образующим одно целое с условно выраженным подклювьем; при этом клюв значительно смещен вниз по отношению к голове и шее. Также необходимо выделить отчетливо конусовидную форму втулки — условной шеи и сложную форму языка (треугольный, выгнутый). Первый тип, по мнению Г.Н. Вольной, является стилистически более однородным и поэтому, вероятно, более ранним. Второй тип испытал бо́льшее воздействие кобанского искусства, для которого характерна орнаментация и ажурность [Вольная, 2002, с. 48; 2015, с. 22]. Добавим к этому, что второй тип имеет больше вариаций: клюв передан в основном двумя, но иногда и тремя полосами (Верхне-Кобанский, Патардзеули), в основном он имеет круглую форму, но иногда и округло-вытянутую (Майкоп, Владимировский могильник, Фирминиш), некоторые изделия дополнительно орнаментированы (Верхне-Кобанский, Кливанский, Патардзеули, Фирминиш). Это свидетельствует о популярности данного типа, его изготовлении в различных мастерских, а также, возможно, об относительно более долгом периоде его бытования.

От указанных кавказских типов отличается стилистика образа на бронзовой бутероли, происходящей из впускного погребения Репяховатой Могилы. Несмотря на морфологическое сходство с кавказскими образцами, она выделяется рядом существенных характеристик. Во-первых, клюв находится в одной плоскости с условной головой и шеей, лишь слегка выступая за ее верхний и нижний края, в отличие от кавказских аналогов, клюв и подклювье которых смещены вниз по отношению как к голове, так и к шее. Также необходимо обратить внимание на цилиндрическую, а не коническую форму втулки — условной шеи, которая плавно переходит в головку птицы. Во-вторых, клюв трактован как полтора завитка, которые имеют вытянутую вперед форму. Благодаря такому приему спираль клюва получает своеобразную трактовку: она оказывается приплюснутой и вытянутой. При этом верхняя часть клюва очень массивна, а подклювье, как таковое, отсутствует, его полностью заменяет завиток клюва. В-третьих, вследствие удлиненных пропорций клюва открытый рот имеет форму не кольца, а удлиненного овала. В-четвертых, язык птицы — короткий, без изгиба, моделированный прутком, не сильно заостренный. Он идет практически параллельно нижней части клюва [1]. В-пятых, в отличие от многих экземпляров кавказских бутеролей и их аналогов, глаз птицы очень большой, трактован округлой полушаровидной выпуклостью. Также как и у двух кавказских типов, восковица не обозначена, что характерно для раннескифских изображений головы хищной птицы [Ильинская, 1965, с. 103]. Плавный переход от шеи к голове, большой удлиненный клюв, подпрямоугольная форма изделия в целом придают образу, изображенному на бутероли из Репяховатой Могилы массивность и композиционную уравновешенность.

А.П. Мошинский, определяет бутероль из впускного погребения Репяховатой Могилы как «реплику кавказских наконечников» [Мошинский, 2006, с. 17]. К его мнению присоединяется и Г.Н. Вольная, рассматривая в качестве прототипов данной бутероли кавказские наконечники ножен первого типа [Вольная, 2015, с. 25, 27 рис. 3, *1*]. Возможно, на мысль о «кавказской реплике» исследователей натолкнул единичный характер находки. Вместе с тем, крайне близкая, с точки зрения стиля, бутероль происходит с острова Левке (Змеиного) [2] [Островерхов, Охотнiков, 2008, с. 32, 33]. К этой же серии примыкает и бутероль из собрания Харьковского исторического музея. А находки еще двух аналогичных бутеролей в Юго-Восточном Крыму заставляют поставить вопрос об оригинальном типе наконечников ножен, отличном от кавказских типов 1 и 2. То есть речь идет не о простом единичном копировании с привнесением авторской трактовки, а о серии изделий, хотя и схожих с кавказскими, но имеющих оригинальные изобразительные черты и характеризующихся стилистической однородностью, одним из подтверждений которой служит отсутствие производных изображений. Этому типу присущи все перечисленные выше особенности бутероли из Репяховатой Могилы: подпрямоугольная цилиндрическая втулка, создающая эффект массивной шеи, вытянутая форма мощного, закрученного в полтора завитка клюва, лишь немного выступающего за верхнюю и нижнюю границы головы и шеи, вытянутая овальная форма рта, короткий, не сильно заостренный язык, большой округлый глаз. Учитывая, что Репяховатая Могила является единственным комплексом, позволяющим определить общий археологический контекст и датировку, мы будем называть выделенный тип по данному месту находки (рис. 5) (таблица).

Впервые на стилистическое своеобразие бутероли из Репяховатой Могилы указали Ильинская и Тереножкин, определив ее как «скифский вариант» орлиноголовых бутеролей [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 46]. На стилистическую разницу между бутеролями с острова Левке и Репяховатой Могилы, с одной стороны и кавказскими бутеролями, с другой

1. У данного экземпляра язык был обломан еще в древности. О его форме можно судить по оставшемуся основанию, а также по другим сходным экземплярам.

2. К сожалению, А.П. Мошинский и Г.Н. Вольная не упоминают наконечник ножен с острова Левке (Змеиного), хотя именно он наиболее близок бутероли из Репяховатой могилы.

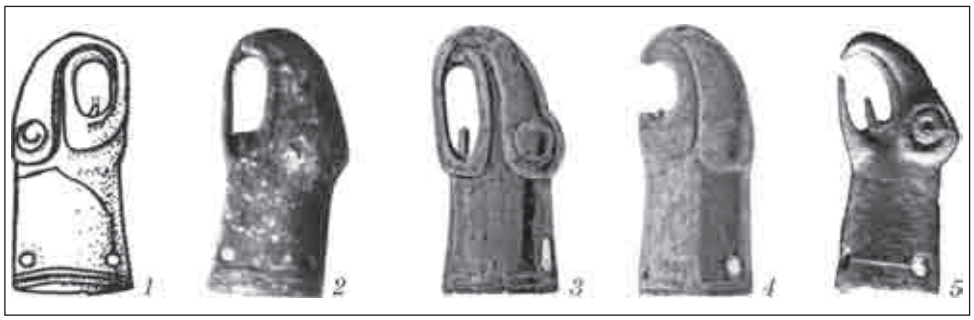


Рис. 5. Бутероли типа «Репяховатая Могила»: *1* — Репяховатая Могила; *2* — остров Левке; *3* — Агармыш; *4* — Алан-Тепе (Старый Крым); *5* — собрание ХИМ (по: [Иллинская и др., 1980, с. 42, рис. 11, *7*])

Типы бутеролей в виде головы хищной птицы

Место находки	Регион	Тип
Фаскау	Кавказ	1-й Кавказский (Дигорско-Чегемский)
Там же	Там же	
» »	» »	
Нижний Чегем	» »	
Там же	» »	
Кубалач	Крым	Производные от типа
Александровка	Там же	
Старший Ахмыловский	Волго-Кама	
Скородумский	Там же	
Кобан	Кавказ	2-й Кавказский (Кобанский)
Кобан	Там же	
Фаскау	» »	
Дванский	» »	
Кливанский	» »	
Натсаргора	» »	
Патардзеули	» »	
Владимировский	Кубань	Производные от типа
Майкоп	Там же	
Фирминиш	Трансильвания	
Репяховатая Могила	Правобережная Лесостепь	Репяховатая Могила
Остров Левке (Змеиный)	Северное Причерноморье	
Фонды ХИМ	Там же (?)	
Агармыш	Крым	
Старый Крым	Там же	

указал и А.М. Новичихин. Он связал последние, по его мнению, более стилизованные, с древностями кобанской культуры, а первые — с менее стилизованными бутеролями «скифского происхождения» [Новичихин, 2006, с. 51]. Важно подчеркнуть, что, при явных отличиях, все бронзовые орлиноголовые бутероли обладают существенным морфологическим сходством, а кавказские наконечники, скорее всего, также использовались скифами. Видимо, тут корректнее говорить об определенной локализации наконечников типа «Репяховатая Могила» на территории собственно Скифии, о чем речь пойдет далее.

Между пятью бутеролями рассматриваемой серии имеются определенные отличия, главным из которых является расположение и форма глаза. Так, у наконечников ножен из Репяховатой Могилы и района Старого Крыма крупный выпуклый глаз не выступает над поверхностью головы (у бутероли из окрестностей Старого Крыма он даже имеет слегка вытянутую вдоль клюва, приплюснутую форму). У наконечников с острова Левке, Агармыша и Харьковского исторического музея наоборот, круглый глаз слегка выступает над поверхностью головы, образуя небольшой полукруг. Глаз бутероли из Харьковского исторического музея — единственный в данной серии — трактован концентрически с выделенной точкой зрачка. Голова птицы на данной бутероли также в большей степени выступает за границы

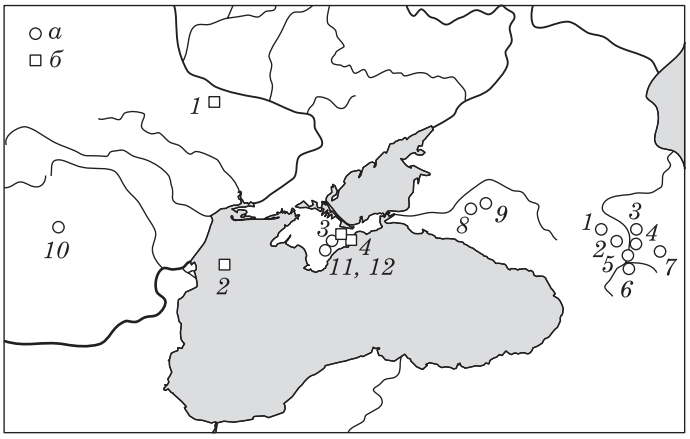


Рис. 6. Карта распространения орлиноголовых бутеролей: *а — бутероли 1-го и 2-го Кавказского типов*: *1* — Нижний Чегем; *2* — Фаскау; *3* — Кобан; *4* — Кливана; *5* — Двани; *6* — Натсаргора; *7* — Патардзеули; *8* — Майкоп; *9* — Владимировская; *10* — Фирминиш; *11* — Кубалач; *12* — Александровка; *б — бутероли типа «Репяховатая Могила»*: *1* — Репяховатая Могила; *2* — остров Левке (Змеиный); *3* — Агармыш; *4* — Алан-Тепе (Старый Крым)

шеи-втулки, чем у других экземпляров типа. Однако эти особенности не являются существенными, и не нарушают общее стилистическое единство типа.

Нанесение на карту мест находок бронзовых наконечников с окончаниями в виде головы хищной птицы (рис. 6) позволяет сделать определенные выводы относительно их локализации. Во-первых, бутероли 1-го Кавказского типа имеют четкую локализацию на территории Северного Кавказа. Их производные встречены в Крыму (2 экз.) и Волго-Камском регионе (2 экз.). Бутероли 2-го Кавказского типа имеют более обширную кавказскую географию (Предкавказье, Северный Кавказ, Закавказье), однако за пределами региона известна лишь одна, довольно удаленная аналогия (Фирминиш) [1].

Во-вторых, находки бутеролей типа «Репяховатая Могила» характерны лишь для Северного Причерноморья и Среднего Поднепровья, в то время как на Кавказе они пока не встречены. Таким образом, можно говорить о серии бутеролей из пяти экземпляров, характерной только для территории классической Скифии. Здесь они являются преобладающими, а это уже позволяет говорить о локальных особенностях зооморфного оформления окончания ножен на территории Скифии.

В-третьих, Крым является второй после Кавказа территорией, на которой мы встречаем концентрацию бутеролей (4 экз.) и пока единственной зоной, где зафиксированы и 1-й Кавказский тип и тип «Репяховатая Могила».

Выделение отдельного типа архаических скифских наконечников ножен, имеющих достаточно определенную локализацию позволяет поставить вопрос о его генезисе и, в частности, о соотношении с описанными выше кавказскими бутеролями. Для ответов на эти вопросы, во-первых сопоставим хронологию различных типов орлиноголовых наконечников ножен, во-вторых, рассмотрим вопрос о происхождении и генезисе образа, представленного на них.

Хронология. А.П. Мошинский датирует бутероли из могильника Фаскау (4 экз.), а также сходные наконечники ножен из Кобанского и Дванского могильников «раннескифским временем», т. е. «эпохой, заканчивающейся завершением походов скифов через Кавказ» [Мошинский, 2006, с. 18], хотя в своей сводной таблице позднекобанских материалов из Дигории помещает их в более широкий диапазон VII—VI вв. до н. э. [Мошинский, 2006, с. 202, рис. 43]. Сложности датировки бутеролей из Фаскау связаны с тем, что данный памятник был полностью разрушен местными жителями еще в конце XIX в., а предметы из этого могильника вошли в известное собрание С.П. Уваровой уже в депаспортизированном виде [Мошинский, 2006, с. 202, рис. 43].

Автор статьи, посвященной раскопкам Дванского могильника датирует его VII—VI вв. до н. э. или, более точно, рубежом VII—VI вв. до н. э. [Макалатия, 1949, с. 240]. Интересен тот факт, что орлиноголовая бутероль была обнаружена в погребении 4, не содержащем оружия. Однако в погребении 2 обнуржен акинак с бабочковидным перекрестием, брусковидным навершием и ручкой, образованной тремя валиками-утолщениями. Такие кинжалы датируются, по аналогиям, второй половиной VII — VI вв. до н. э. [Скорый, Зимовец, 2015, с. 30]. Эту же датировку подтверждают и втульчатые трехгранные и трехлопастные наконечники стрел с шипом. Двулопастной наконечник стрелы с лавролистной головкой и шипом из погребения 11 относится, самое позднее, к началу VI в. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 17].

По характерному железному изогнутому ножу, бутероль из Натсаргоры датирована второй половиной VII — VI вв. до н. э., хотя существует и более ранняя датировка: VIII—VII вв. до н. э. [Maisuradze, Pirtskhalava, 2013, p. 100]. Учитывая сходство бутеролей из Натсаргоры, Двани и Кобана В. Маисурадзе и М. Пирцхалава считают возможным относить все указанные изделия к периоду второй половины VII — VI вв. до н. э.[Maisuradze, Pirtskhalava, 2013, p. 100].

По современным исследованиям впускное погребение Репяховатой Могилы датировано

1. С.А. Скорый причисляет меч из Фирминиша к кругу скифо-фракийских изделий, подчеркивая, что на территории Скифии элементы декора подобного рода не известны [Скорый, 1990, с. 37]. Скорее всего, здесь мы сталкиваемся с фракийской трактовкой кавказского образа.

второй половиной VII — рубежом VII—VI вв. до н. э. [Скорый, 2003, с. 36].

По сопутствующему материалу Нижне-Чегемского и Старшего Ахмыловского могильников В.Б. Виноградов относит бытование орлиноголовых бутеролей «временем, приближающимся к середине VI в. до н. э.» [Виноградов, 1972, с. 145].

К VI в. до н. э. относится и наконечник ножен из Владимировского могильника [Шишлов и др., 2008, с. 876, 877]. Меч из Фирминиша, ножны которого украшены бутеролью, также датируется VI в. до н. э. [Скорый, 1990, с. 37]. Бутероль из Кливанского могильника датируется В.И. Козенковой V в. до н. э. по наконечникам стрел из соседних погребений [Козенкова, 2007, с. 267, 268], что выпадает из общего контекста датировок, ограничивающихся VI в. до н. э.

А.Р. Канторович полагает, что одним из основных опорных хронологических индикаторов для всех бутеролей, объединяемых им в особый тип изображений головы хищной птицы («Роменско-верхнекобанский»), является изделие из впускного погребения Репяховатой Могилы [Канторович, 2015, с. 666—668]. Хронологические рамки этого типа он определяет рубежом VII—VI вв. до н. э. — началом VI в. до н. э. [Канторович, 2015, с. 668]. Подытоживая хронологию орлиноголовых бутеролей, Г.Н. Вольная выделяет два диапазона: широкий — VII — начало V вв. до н. э. и узкий — середина VI — начало V вв. до н. э. [Вольная, 2015, с. 28]. Отнесение данных наконечников ножен, в целом, к периоду скифской архаики является общепризнанным, однако необходимо согласиться с А.Р. Канторовичем в том, что обоснованная датировка дает более узкий и заниженный период — рубеж VII—VI вв. до н. э. — начало или первая половина VI в. до н. э. При этом основания именно для хронологического выделения отдельных типов пока отсутствуют. Датировка Репяховатой Могилы, в данном случае, является одной из опорных, и не позволяет охарактеризовать данный тип бутеролей как хронологически более поздний, свидетельствуя в пользу одновременности рассматриваемых типов.

Генезис мотива головы хищной птицы, представленного на бутеролях. Несмотря на синхронность орлинголовых бутеролей с территории Кавказа и Скифии, к настоящему времени в археологии сформировалась устойчивая тенденция считать прародиной этих изделий именно Кавказ. Это связано, прежде всего, с интерпретацией ряда находок предскифского времени, происходящих с этой территории, а также со стилистической связью, которую удалось установить между отдельными предметами раннескифского времени и орлиноголовыми бутеролями.

Так, В.Б. Виноградов рассматривает в качестве прототипа орлиноголовых наконечников ножен скифского времени бутероль из Жемталинского клада, датированного VIII в. до н. э. [Виноградов, 1972, с. 146]. По его мнению, «сама мысль использовать изображение головы орлиного грифона для декора наконечников ножен могла быть подсказана местными кобанскими условиями» [Виноградов, 1972, с. 146]. С этим мнением солидаризируются А.П. Мошинский и Е.В. Переводчикова, также рассматривающие бутероль из Жемталинского клада как прототип орлиноголовых наконечников ножен скифского времени [Мошинский, Переводчикова, 2004, с. 5, 6]. Дополнительные аргументы в пользу Жемталинской бутероли как прототипа скифских приводят В. Маисурадзе и М. Пирцхалава. Они обращают внимание на сходство орнаментации рассматриваемого наконечника (узкие противонаправленные ажурные треугольники) с бутеролью из Верхне-Кобанского могильника, также украшенной по краю аналогичным орнаментом [Maisuradze, Pirtskhalava, 2013, p. 103, 104].

Другой линии аргументации придерживается Г.Н. Вольная. По ее мнению, зооморфную деталь из Жемталинского клада нельзя считать прототипом орлиноголовых бутеролей скифского времени. Во-первых, нет полной уверенности в том, что она является бутеролью (возможно, это навершие). Во-вторых, стилистически она существенно отличается от наконечников ножен скифского времени, и едва ли может быть идентифицирована как прототип морфологически однородного изображения скифской головы хищной птицы. Анализируя бутероли первого кавказского типа, Г.Н. Вольная отмечает сходство изображенной на них условной головы хищной птицы с головами грифонов, представленных на раннескифских навершиях, происходящих из к. 8 могильника Новозаведенного-II, к. 3/Ш Келермесского могильника, к. 1 Ульского могильника, к. 1 у хут. Говердовского, которые, в свою очередь, отсылают нас к протомам грифонов, изображенных на бронзовых атташах греческих котлов VIII—VII вв. до н. э. [Канторович, 2010, с. 202]. Сходство иконографии проявляется в округлых чертах головы, а также в массивном раскрытом клюве, в котором размещен длинный язык (последняя деталь нехарактерна для собственно скифских изображений головы хищной птицы). Отсюда обоснованный вывод Г.Н. Вольной о влиянии иконографии грифоноголовых наверший на сложение образа, представленного на кавказских бутеролях. Особенно явно это влияние прослеживается между образом грифона из 1-го Ульского кургана и бутеролями Нижне-Чегемского могильника (серповидность надклювья, угловатость подклювья), которые Г.Н. Вольная считает наиболее архаичными [Вольная, 2015, с. 24—26]. При этом в Нижне-Чегемских бутеролях, впрочем, как и во всех остальных, черты греческого грифона подверглись существенной

переработке: здесь отсутствует шишковидный выступ на темени (рудиментарный гребень — важнейший диагностический признак ранних изображений грифонов), а также уши; голова в целом лишается мелких деталей и объемности, язык схематизируется, иногда превращаясь в треугольный. Вывод о влиянии иконографии греческого грифона на образ головы хищной птицы, представленной на бутеролях, подтверждается и хронологией: упомянутые комплексы датируются серединой VII — началом VI вв. до н. э.

Основная причина схематизации греческой протомы грифона в скифском искусстве — непонимание скифскими мастерами семантической нагрузки данного образа и его контаминация с уже существовавшим в предскифское и раннескифское время образом хищной птицы [Канторович, 2010, с. 204, 205]. Согласно схеме, предложенной В.Р. Эрлихом и А.Р. Канторовичем, образ головы хищной птицы в Предкавказье и на Северном Кавказе проходит несколько последовательных этапов развития [Эрлих, 1990, с. 249, 250, Канторович, 2010, с. 205.]. Самым ранним из них можно считать появление птицеголовых топориков-скипетров (комплекс у Кисловодской мебельной фабрики и могильник Фарс), датируемых VIII — первой половиной VII вв. до н. э. [Эрлих, 1990, с. 247]. По стилистике указанным скипетрам близки раннескифские уздечные пронизи, выполненные в виде головки хищной птицы с отверстиями вместо глаз. Они обнаружены на Северном Кавказе [Эрлих, 1990, с. 249], в Украинской Лесостепи [Могилов, 2008, с. 69, 350] а также в Крыму [Скорый, Зимовец, 2014, с. 70] и относятся к комплексам второй половины VII — VI вв. до н. э. Принципиальное значение для формирования образа скифского грифона, по мнению А.Р. Канторовича, имело заимствование образа орлиноголового грифона в греческом искусстве. Существует безусловная стилистическая связь между образцами протом грифонов на греческих атташах и навершиями Новозаведенного-II, Келермесского, 1-го Ульского и 1-го Говердовского комплексов [Канторович, 2010, с. 203]. Во-первых, сам образ протомы грифона формируется в греческом искусстве, которое таким образом перерабатывает образ переднеазиатского полнофигурного грифона. Во-вторых, у скифских грифонов мы встречаем ряд характерных черт грифона греческого, в первую очередь, раскрытый клюв, изогнутый язык, наличие торчащих ушей и, иногда, шишковидного выступа — рудиментарного гребня. Схематизация этого образа в скифском искусстве приводит, сначала, к утрате шишковидного выступа, а затем и торчащих ушей. Правда, последний элемент все таки приживается в скифском искусстве, и находит свое воплощение в популярном образе скифского «ушастого грифона» [Канторович, 2010, с. 218]. Но произошло это позднее, в V—IV вв. до н. э.

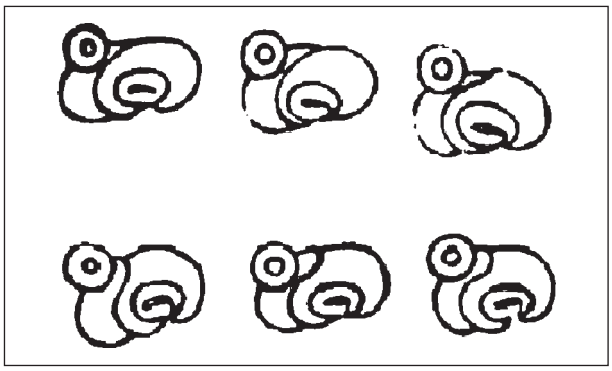


Рис. 7. Изображение голов хищных птиц на серебряном блюде из Зивие (по: [Руденко, 1961, рис. 32])

Влияние на иконографию скифских бутеролей образа орлиноголового грифона, запечатленного на навершиях из Предкавказья (а через них — протомы греческого грифона) представляется весьма явным. Но какое место в генезисе орлиноголовых бутеролей занимают наконечники типа «Репяховатая Могила»? Для ответа на этот вопрос необходимо остановиться на характерных чертах собственно раннескифского изображения головы хищной птицы.

Еще М.Н. Погребова обращала внимание на отличие скифского архаического образа хищной птицы от греческого грифона, указывая на то, что он представляет собой «самобытное явление, уходящее корнями в далекое прошлое» [Погребова, 1948, с. 67]. «То, что обычно принято называть «скифским грифоном», в большинстве случаев оказывается просто головой хищной птицы. Схема ее в виде большого выпуклого круглого глаза и загнутого книзу сомкнутого клюва с резко обозначенной роговицей чрезвычайно распространена в скифском быту» [Погребова, 1948, с. 66, 67]. Этот образ изначально был стилистически близок греческому орлиноголовому грифону, а потому, впоследствии, был практически отождествлен с ним [Погребова, 1948, с. 67], что, тем не менее, не исключало своеобразия развития собственно скифской иконографии головы хищной птицы.

Если посмотреть на изображения головы хищной птицы на предметах «скифского пласта» Зивие (серебряное блюдо с золотыми аппликациями, фрагменты золотых диадем), относящихся к VII в. до н. э. [1], то уже здесь мы увидим основные диагностирующие черты скифской иконографии этого образа: большой круглый глаз, практически заменяющий собой голову, массивный вытянутый и затем резко загнутый (но не закрученный) клюв, сомкнутый, но в тоже время как бы приоткрытый рот, переданный замкнутым овалом или схожей с овалом фигурой (рис. 7). Как отмечали М.И. Погребо-

1. Относительно датировки памятника см.: [Алексеев, 2003, с. 102; Lebedynsky, 2010, p. 76].

ва и Д.С. Раевский, наибольшая «собственно скифская» модификация данного образа, по сравнению с Зивие, заключалась в том, что клюв не просто резко загибался, но уже закручивался, иногда в многовитковую спираль [Погребова, Раевский, 1992, с. 126].

Если посмотреть на бутероли типа «Репяховатая Могила» в перспективе указанных особенностей раннескифской иконографии головы хищной птицы, то мы увидим сочетание двух интересных стилистических особенностей. С одной стороны, клюв птицы передан спиралевидным завитком («собственно скифская» трактовка головы хищной птицы). Но этот спиралевидный клюв вписан здесь в подпрямоугольную, вытянутую форму головы, вследствие чего он также становится вытянутым, а спираль — необычно приплюснутой, овальной. По своим общим пропорциям и виду бутероли типа «Репяховатая Могила» напоминают ранние образцы головок хищных птиц, ведущих свое происхождение от «скифского пласта» Зивие. Видимо здесь имело место стремление мастера вписать стилистическую новацию — спиралевидный клюв — в более архаичную схему птичьей головки, в результате чего и появилось столь оригинальное изображение. От раннегреческой протомы грифона здесь остается лишь раскрытый клюв, переданный овалом и относительно невыразительный язык.

Следует отметить, что подобные вытянутые пропорции головы, иногда в сочетании со спиралевидно закрученным клювом характерны для целого ряда ранних изделий, выполненных в скифском зверином стиле и происходящих как с территории Кавказа, так и, собственно, Скифии. К их числу относятся, прежде всего, клювовидные пронизи: обтянутые золотой фольгой пряжки-пронизи из к. 2—4/Ш Келермеса [Галанина, 1997, кат. 87,88, табл. 5, *87*], а также из Лесостепного Левобережья и Нижнего Поднепровья, где они преобладают: Захарейковой Могилы [Могилов, 2006, рис. 129, *39*], Аксютинец [Могилов, 2006, рис. 129, *28*], курганов Роменского уезда [Могилов, 2006, рис. 129, *31—36*], Ярмолинцов [Могилов, 2006, рис. 129, *29*]. К аналогичным по стилистике головкам можно отнести известное костяное налучье из кургана 3 (погребение 5) у с. Нижние Серогозы (Нижнее Поднепровье) [Артамонов, 1968, рис. 6]. Все указанные изображения датированы серединой VII — третьей четвертью VI вв. до н. э. [Канторович, 2015, с. 645]. Близкие по стилистике исполнения головки хищной птицы мы находим на бронзовой бляшке в форме солнечного колеса из кургана 83 Уйгаракского могильника, также относящейся к раннескифскому времени [Вишневская, Итина, 1971, рис. 7, *11*]. Удлиненные пропорции головы птицы со спиралевидно закрученным клювом, находящимся на одной плоскости с шеей, мы наблюдаем и на известном костяном псалии из кургана 2 у с. Жаботин, который датирован серединой — второй половиной VII в. до н. э. [Вязьмитина, 1963, рис. 5, *1*; Канторович, 2015, с. 680]. Головки хищной птицы с удлиненным клювом, находящимся на одной плоскости с головой мы встречаем на трехдырчатых псалиях из курганов Роменского уезда, датируемых второй половиной VII — VI вв. до н. э. [Могилов, 2008, рис. 57, *12, 13*]. У всех этих изображений клюв, как правило, лежит на одной плоскости с головой, благодаря чему для всего изображения характерна подпрямоугольная форма. Очевидно, что здесь мы имеем дело с архаичной стилистикой изображения, сочетающей в себе линию развития, идущую от изображения голов хищных птиц на изделиях «скифского пласта» Зивие.

Место бутеролей типа «Репяховатая Могила» среди орлиноголовых бутеролей раннескифского времени. С учетом известной на сегодня географии распространения, а также особенностей стилистики бутероли типа «Репяховатая Могила» можно отнести к локальной версии орлиноголовых бутеролей, характерной для территории Скифии. На своеобразие стилистики типа повлияли два фактора, характерных для раннескифского звериного стиля. Во-первых, это раннескифская новация — закрученный, спиралевидный клюв. Во-вторых, стремление объединить эту новацию с ранними образцами иконографии головы хищной птицы, ведущими свое происхождение от изображений головок хищных птиц «скифского пласта» Зивие. Для последних характерна подпрямоугольная форма всего изображения, выравнивание клюва по нижней части условной головы или шеи, удлиненные пропорции клюва и головы в целом. В результате такого синтеза сформировалась оригинальная форма, в которой спиралевидный клюв оказался встроенным в более архаичную схему и, в результате, получил массивную вытянутую сплюснутую форму.

Как соотносятся бутероли типа «Репяховатая Могила» с кавказскими окончаниями ножен? Необходимо отметить три важные особенности бутеролей типа «Репяховатая Могила». Во-первых, все они выполнены в гомогенной стилистике, и сочетают в себе основные элементы изображения головы хищной птицы, характерные для раннескифского искусства рубежа VII—VI вв. до н. э. Не будет преувеличением сказать, что они в большей степени соответствуют канонам скифского звериного стиля, чем изображения первого кавказского типа. Во-вторых, изображение головы на этих бутеролях более детализировано, чем на бутеролях первого кавказского типа. В-третьих, имеющиеся в нашем распоряжении хронологические данные говорят об относительной одновременности всех трех типов бутеролей. Приведенные особенности указывают на архаичный и самостоятельный характер стилистики бутеролей типа «Репяховатая Могила».

Тем не менее, существует ряд весомых аргументов, свидетельствующих в пользу территории Кавказа как прародины орлиноголовых бутеролей. Во-первых, очевидная большая концентрация орлиноголовых бутеролей в кавказских комплексах. Во-вторых, и это самое главное, наличие в Предкавказье изображений, опосредующих раннескифский мотив хищной птицы и иконографию греческого грифона, в первую очередь, упрощенных изображений протомы грифона на навершиях. Это опосредование стало необходимым условием формирования образа хищной птицы с раскрытым ртом и языком. В-третьих, в пользу кавказского происхождения орлиноголовых бутеролей свидетельствует и наличие в этом регионе в доскифское время (X—IX вв. до н. э.) значительного количества наконечников ножен «весловидной формы». Несмотря на то, что аналогичные бутероли были встречены также в Среднем Поднепровье (Суботовское городище; с. Гулы) и Подунавье (могильник Брно-Обжаны), на Кавказе их количество значительно больше (Герменчик, Баксан, Сержень-Юрт, Эчкиваш, Клин-Яр III, Псекупс) [Козенкова, 2013, с. 93, 94, рис. 46—48]. Весомым остается и аргумент бутероли из Жемталинского клада доскифского времени.

Скорее всего, именно на Кавказе архаичный скифский мотив головы хищной птицы, будучи опосредован образом раннегреческого грифона, нашел воплощение в бронзовых окончаниях кинжальных ножен. 1-й Кавказский тип бутеролей является, видимо, непосредственным подражанием изображениям на навершиях. Их клюв моделирован кольцом, спиралевидность, как таковая, еще отсутствует, подклювье передано очень схематично. Крайняя условность этих изображений, отсутствие детализации, наводит на мысль о том, что данные изделия изготавливали местные, кавказские мастера, не только явно упрощавшие сложный для них образ протомы раннегреческого грифона, но и не в полной мере понимавшие скифскую стилистику головы хищной птицы, о чем свидетельствует маленький глаз и невыразительный клюв.

Но примерно в это же время (конец VII — начало VI вв. до н. э.) возникают и две другие линии развития образа орлиноголовых бутеролей. Их главной особенностью является наличие скифской новации — спиралевидного завитка. Но если в случае 2-го Кавказского типа это развитие было опосредовано влиянием кобанского искусства с присущей ему ажурностью и орнаментальностью, в случае бутеролей типа «Репяховатая Могила» решающее значение имело влияние раннескифского образа головы хищной птицы.

Вероятно, именно с территории Кавказа орлиноголовые бутероли проникают в Крым, где претерпевают стилистические изменения, приобретая более вытянутые пропорции клюва, специфический овал рта, упрощенный прямой язык и подчеркнуто увеличенный глаз. Отдельные черты протомы греческого грифона (раскрытый клюв, язык) полностью инкорпорируются в традиционную скифскую иконографию головы хищной птицы, сочетающую в себе архаичные, идущие от скифского пласта Зивие черты (большой глаз, массивный удлиненный клюв), а также скифскую новацию — спирально закрученный клюв. Благодаря такой инкорпорации бутероли типа «Репяховатая Могила» получили более традиционный для скифского искусства, вид. Судя по стилистике и проработанности образа, мастера, изготовлявшие эти бутероли, были в большей степени знакомы с канонами раннескифского звериного стиля, нежели мастера Дигории, изготавливавшие первый кавказский тип. С территории Крыма бутероли типа «Репяховатая Могила» проникли в Северное Причерноморье и Среднее Поднепровье.

Гипотеза, в соответствии с которой Крым может рассматриваться как очаг призводства бутеролей типа «Репяховатая Могила» подтверждается следующими аргументами. Во-первых, Крым является второй, после Кавказа, территорией концентрации орлиноголовых бутеролей (4 экземпляра). На остальных территориях известны лишь единичные экземпляры. В Крыму присутствуют два типа бутеролей — как производных от 1-го Кавказского (2 экз.), так и типа «Репяховатая Могила» (2 экз.), что говорит о знакомстве местных мастеров с особенностями кавказской стилистики, но, в то же время, и о стилистических новациях, фиксируемых на данной территории.

Во-вторых, обращает на себя внимание бутероль с Кубалача. В целом, отвечая схеме бутеролей 1-го Кавказского типа, она обладает двумя особенностями, характерными для типа «Репяховатая Могила»: массивным, четко выраженным клювом, прямым языком. Скорее всего, здесь мы имеем дело с неким переходным типом, когда Дигорско-Чегемской схеме придаются новые черты, в большей степени соответствующие иконографии скифской хищной птицы.

В-третьих, косвенное подтверждение местного производства крымских изделий дает и металлографический анализ, проведенный Т.Ю. Гошко (см. приложение). Так, из четырех крымских бутеролей одна (из урочища Алан-Тепе, в окрестностях Старого Крыма) произведена из сложного оловянисто-свинцовисто-мышьяковистого сплава на медной основе, характерного для Северного Кавказа [Барцева, 1981, с. 89,91]. Три остальные бутероли изготовлены из сплавов оловянистой бронзы с повышенным содержанием свинца и оловянисто-свинцовой бронзы, более характерных для изделий, происходящих с Левобережной

Украины [Барцева, 1981, с. 89—90]. Вопрос о возможном крымском производстве некоторых скифских предметов вооружения, а также предметов в зверином стиле был поставлен совсем недавно, в связи с находками полуфабрикатов и бракованных изделий [Скорый, Зимовец, 2014, с. 47, 48, 163]. Что касается возможной местной (крымской) специфики сплавов, а также источников сырья для них, то эти вопросы еще ждут своей постановки. Поэтому на данном, пока начальном этапе исследования цветной металлообработки раннего железного века Крыма можно лишь констатировать, что бутероль из Алан-Тепе была изготовлена по северо-кавказской рецептуре и, скорее всего, из северо-кавказского сырья. Три остальные бутероли были произведены по другой рецептуре, из сплавов с бо́льшим содержанием меди и отсутствием либо небольшим содержанием мышьяка. И это изменение мы фиксируем именно на территории Крыма, что позволяет сделать предположение о начале местного производства орлиноголовых бутеролей [1].

Предложенная реконструкция генезиса и путей распространения орлиноголовых бутеролей хорошо согласуется с известной концепцией волнового проникновения скифов на территорию Северного Причерноморья, в соответствии с которой вторая волна кочевников хлынула на территорию Скифии именно с Кавказа, после окончания переднеазиатских походов [Скорый, 2003, с. 73—86]. С этой волной необходимо связывать и проникновение орлиноголовых бутеролей в Крым [2], а также начало местного производства бутеролей типа «Репяховатая Могила». Вероятно, данное проникновение произошло очень быстро в течение одного — двух поколений, о чем свидетельствует относительная синхронность бутеролей всех трех типов. Во второй половине VI в. до н. э. данная деталь вооружения выходит из употребления, что синхронизируется со сменой всего архаического вещевого комплекса классическим [Алексеев, 2003, с. 171].

1. На основании наличия на территории Ольвийского полиса мастерских, специализирующихся на изготовлении предметов в скифском зверином стиле А.С. Островерхов и С.Б. Охотников отнесли орлиноголовую бутероль с о-ва Левке к кругу продукции ольвийского производства [Островерхов, Охотніков, 2008, с. 33]. Эту возможность исключать нельзя, однако пока она выглядит слишком умозрительной: ни одной бутероли (а тем более, свидетельств ее изготовления) на территории Ольвийского полиса и хоры пока не обнаружено.

2. Проникновение скифов с Кавказа в Крым как часть Северопричерноморской степи хорошо документируется целым рядом аналогий, существующих между предметами вооружения и конского снаряжения раннескифского времени, происходящих с территории Северного Кавказа и Крыма [Скорый, Зимовец, 2014, с. 19, 22, 70—72, 79].

ВЫВОДЫ

1. Принимая во внимание находки орлиноголовых окончаний ножен, сделанные в последние годы на Агармыше, Кубалаче, в долине Старого Крыма и в районе Александровки Крым необходимо рассматривать как второй после Кавказа регион их концентрации. За пределами указанных регионов известны лишь единичные находки подобных бутеролей.

2. В свете крымских находок становится оправданным выделение отдельного типа орлиноголовых бутеролей, который, вслед за наиболее известным и хорошо датируемым памятником мы определили как тип «Репяховатая Могила». Изображения данного типа обладают рядом особенностей и гомогенной стилистикой, сочетающей спирально закрученный клюв и удлиненные пропорции головы. Она более близка традиционным скифским изображениям голов хищных птиц, нежели стилистика бутеролей первого кавказского типа.

3. Принимая во внимание тот факт, что бутероли типа «Ряпяховатая Могила» пока встречены только на территории Скифии и неизвестны на территории Кавказа, а также самостоятельный раннескифский характер трактовки головы хищной птицы, есть основания рассматривать тип «Репяховатая Могила» как локальный для территории Степной и Лесостепной Скифии.

4. Бо́льшая концентрация орлиноголовых бутеролей на территории Кавказа, а также явное влияние на эти изделия скифской трактовки раннегреческого орлиноголового грифона, воплощенной в известных навершиях с территории Предкавказья свидетельствуют в пользу кавказской прародины этих изделий. Хотя подтвержденная датировка отдельных бутеролей разных типов заставляет сделать вывод об их относительной синхронности.

5. Пока Крым является единственной территорией, на которой встречены как кавказские бутероли первого типа, так и наконечники ножен типа «Репяховатая Могила». Представляется вероятным проникновение на полуостров орлиноголовых наконечников первого кавказского типа с территории Кавказа, а также их стилистическая интерпретация и производство в Крыму на основе более традиционного для скифского искусства изображения головы хищной птицы.

Этот факт, наряду с другими крымскими экземплярами архаичных элементов скифской триады, находящих многочисленные аналогии на широких пространствах Лесостепи, Степи и Кавказа, свидетельствует о важном значении Крыма, в особенности его Юго-Восточной части, как контактной зоны уже в раннескифское время.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. — СПБ., 2003. — 416 с.
Артамонов М.И. Происхождение скифского искусства // СА. — 1968. — № 4. — С. 27—46.

Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное днепровское Левобережье. — М., 1981. — 127 с.
Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII—IV века до нашей эры). — Грозный, 1972. — 389 с.
Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья // МИА. — 1971. — Вып. 177. — С. 197—208.
Вольная Г.Н. Наконечники ножен с изображением головы птицы из памятников раннего железного века Центрального Кавказа и их аналогии в скифо-сибирском зверином стиле // РА. — 2015. — № 1. — С. 19—31.
Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н. э. (на материале скифо-сибирского звериного стиля). — Владикавказ, 2002. — 145 с.
Вязьмитина М.И. Ранние памятники скифского звериного стиля // СА. — 1963. — № 2. — С. 158—170.
Іллінська В.А. Про скіфські навершники // Археологія. — 1963. — Т. XV. — С. 33—60.
Ильинская В.А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. — 1965. — № 1. — С. 86 — 108.
Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII—IV вв. до н. э. — К., 1983. — 380 с.
Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. — К., 1980. — С. 31—64.
Канторович А.Р. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: Дис. … д-ра ист. наук. — М., 2015. — 1724 с.
Канторович А.Р. Истоки и вариации образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле VII—VI вв. до н. э. // Археологический альманах. — 2010. — № 21. — С. 189—224.
Канторович А.Р. К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках звериного стиля степной Скифии // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. — М., 1997. — С. 97—114 (МИА России. — Т. 1).
Козенкова В.И. Кобанская культура и окружающий мир. — М., 2013. — 252 с.
Мингалев В.В. Зооморфные изображения на оружии и деталях конской збруи ананьинской эпохи (X—II вв. до н. э.) // Арт: литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал Республики Коми. — 2007. — № 4. — С. 80—87.
Могилов О.Д. Спорядженя коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. — Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. — 439 с.
Макалатия С.И. Раскопки Дванского могильника // СА. — 1949. — Т. XI. — С. 225—240.
Мелюкова А.И. Вооружение скифов. — М., 1964. — 90 с. (САИ. — Вып. Д 1—4).
Мошинский А.П. Древности Горной Дигории VII—IV вв. до н. э. — М., 2006. — 206 с.
Мошинский А.П., Переводчикова Е.В. Скифский звериный стиль в кобанских могильниках Дигории // БИ. — Симферополь; Керчь, 2004. — Вып. VII. — С. 5 — 26.
Новичихин А.М. Наследие Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. — Анапа, 2006. — 220 с.
Островерхов А.С., Охотніков С.Б. Острів Ахілла у гостинному морі // Надчорномор'я: студії з історії та археології (з IX ст. до н. е. по XIX ст. н. е.). — К., 2008. — Вип. 1. — С. 26—59.
Островерхов А.С., Охотников С.Б. О некоторых мотивах звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // ВДИ. — 1989. — № 2. — С. 50—67.
Охотников С.Б., Островерхов А.С. Остров Левке // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. — Одесса, 2013. —С. 523—542.
Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. — М., 1992. — 260 с.
Погребова М.Н. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. — 1948. — Т. XXII. — С. 62—67.
Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н. э.). — М., 1961. — 68 с.
Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). — К., 2003. — 161 с.
Скорый С.А. К вопросу о скифских походах в лужицкие земли // СА. — 1990. — № 1. — С. 34 — 41.
Скорый С.А., Зимовец Р.В. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. — К., 2014. — 180 с.
Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989. — 464 с.
Шишлов А.В., Федоренко Н.В., Колпакова А.В., Кононенко А.П. Новый памятник скифского времени близ Новороссийска // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. — Ставрополь, 2008. — Вып. VIII. — С. 876 — 877.
Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового — раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). — Казань, 2008. — 172 с.
Эрлих В.Р. К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского времени // СА. — 1990. — № 1. — С. 247—250.
Lebedynsky I. Les Scythes. — Paris, 2010. — 310 p.
Maisuradze V., Pirtskhalava M. Bouterolle from the village of Patardzeuli (Kakheti, Eastern Georgia) // Ancient Civilazation from Scythia to Siberia. — 2013. — V. 19, **1**. — P. 95—104.

Р. В. Зимовець

ПРО ЛОКАЛЬНІ ОСОБЛИВОСТІ БРОНЗОВИХ БУТЕРОЛЕЙ У ВИГЛЯДІ ГОЛОВИ ХИЖОГО ПТАХА

У статті розглянуто один з характерних елементів художнього оформлення скіфського озброєння — бронзові бутеролі від піхов для мечів та кинджалів у вигляді голови хижої птиці (орла). За останні кілька років кількість бутеролей, введених у науковий обіг зросла за рахунок нових знахідок у Криму та на Кавказі. Всього враховано 24 вироби, що походять з території Північного Кавказу, Закавказзя, Кубані, Криму, Північного Причорномор'я, Середнього Подніпровья, Трансильванії, Волго-Камського регіону. Картографування місць знахідок дозволяє виявити два основних вогнища концентрації орлиноголових бутеролей: Кавказ та Крим. На інших територіях знахідки бутеролей у вигляді голови хижої птиці мають одиничний характер.

Стилістичні особливості образу, представленого на даних виробах, дозволяють класифікувати їх на три типи: 1-й Кавказький (Дигорсько-Чегемський), 2-й Кавказький (Кобанський) та тип «Реп'яхувата Могила». Якщо бутеролі кавказьких типів зустрічаються, переважно, на території Північного Кавказу, Кубані та Закавказзя бутеролі типу «Реп'яхувата Могила» мають локалізацію на території Північного Причорномор'я (включно з Кримом) та Середнього Подніпровья, тобто на території власне Скіфії. Хронологічний аналіз

орлиноголових бутеролей вказує на синхронність існування різних їх типів в межах кінця VII — VI ст. до н. е. й не дозволяє чітко зафіксувати хронологічну пріоритетність якогось з типів. Стилістичний аналіз та загальна кількість знахідок свідчать на користь Кавказу як прабатьківщини даних виробів. На цій території відбувся синтез ранньоскіфського образу голови хижої птиці та ранньогрецької протоми грифона, внаслідок чого з'явилося своєрідне зображення голови хижої птиці з відкритим ротом та язиком.

У статті висунуто гіпотезу, відповідно до якої проникнення орлиноголових бутеролей з Кавказу на територію Скіфії відбувалося через Кримський півострів. На цій же території відбулося формування стилістики типу «Реп'яхувата Могила» та розповсюдження відповідних виробів на інші території Північного Причорномор'я та Середнього Подніпровья.

Ключові слова: скіфський звіриний стиль, бутероль, голова хижої птиці, грифон, Крим, Кавказ.

R. V. Zymovets

ABOUT LOCAL FEATURES OF THE BRONZE BOUTEROLLES IN A SHAPE OF PREDATORY BIRD'S HEAD

One of the characteristic of Scythian armor decoration — bronze ends of the sheaths for swords and daggers in a shape of predatory bird's head (eagle's head) is on the focus of current article. Quantity of bronze bouterolles increase in recent years due to new findings in Crimea and Caucasus. Generally 24 ends of the sheaths from Nord Caucasus, Transcaucasia, Cuban', Crimea, Northern Black Sea Cost, Middle Dnieper Region, Transylvania and Volga-Kama Region are accounted. Mapping of places of findings reveals two main hearths of bouterolles concentration: Caucasus and Crimea. In other areas only isolated findings met.

Stylistic features of different ends of the sheaths allow distinguish 3 main types: 1st Caucasian, 2nd Caucasian and «Repyahovata Mohyla» type. Caucasian types met generally in North Caucasus and Transcaucasia. «Repyahovata Mohyla» bouterolles are localized on the areas of Northern Black Sea Cost (including Crimea) and Middle Dnieper Region, i.e. on the areas of classic Scythia. Chronological analysis shows synchrony of existence of different types of ends of the sheaths within the boundaries of the end of 7th—6th centuries BC. and doesn't allow to allocate priority some of them. Stylistic analysis and quantity of findings reveal Caucasus as ancestral home of such kind of articles. The synthesis of early Scythians image of predatory bird's head and early Greek griffin's protomai produced the specific bird's head image on ends of the sheaths on the Caucasus area.

Author argues that Crimea was the territory through which the bird's head ends of the sheaths penetrate on the Northern Black Sea Cost and Middle Dnieper Region, i. e. on the areas of classic Scythia. «Repyahovata Mohyla» type was formed and produced in Crimean peninsula and could be considered as local for Northern Black Sea Cost and Middle Dnieper Region.

Keywords: Scythian animal style, bouterolle, head of predator bird, griffin, Crimea, Caucasus.

Одержано 20.03.2016

ПРИЛОЖЕНИЕ

Т. Ю. Гошко

РЕНТГЕНОФЛУОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ БУТЕРОЛЕЙ, ОБНАРУЖЕННЫХ В КРЫМУ

1. С горного массива Агармыш близ Старого Крыма [Скорый, Зимовец, 2014, № 31]. *Анализ 1301.* Оловянистая бронза с повышенным содержанием свинца.

2. Из с. Александровка Белогорского р-на [Скорый, Зимовец, 2014, № 33]. *Анализ 1303.* Оловянистая бронза с повышенным содержанием свинца.

3. Найденная между сс. Сенное и Некрасово Белогорского р-на [Скорый, Зимовец, 2014, № 34]. *Анализ 1304.* Оловянисто-свинцовая бронза.

По результатам исследования Т.Б. Барцевой, сплавы, зафикисрованные при изучении бутеролей под № 31, 33, 34, характерны для изделий скифского периода на Левобережье Украины [Барцева, 1981, с. 89—90].

4. Обнаруженная в уроч. Алан-Тепе, в 3,5 км к югу от Старого Крыма [Скорый, Зимовец, 2014, № 32]. *Анализ 1302.* Сложный оловянисто-свинцовисто-мышьяковистый сплав на медной основе.

АМд, № 31			АМд, № 32			АМд, № 33			АМд, № 34		
26	Fe	0,819	26	Fe	3,934	26	Fe	1,429	26	Fe	1,979
27	Co	0,049	29	Cu	35,27	29	Cu	81,15	29	Cu	55,68
29	Cu	57,77	30	Zn	0,438	30	Zn	1,207	47	Ag	0,034
33	As	0,179	33	As	1,223	47	Ag	0,052	50	Sn	39,41
47	Ag	0,116	47	Ag	0,125	50	Sn	15,59	57	La	0,213
50	Sn	40,02	50	Sn	57,71	82	Pb	0,579	82	Pb	2,681
57	La	0,185	82	Pb	1,28	57	La	следы	—	—	—
82	Pb	0,855	83	Bi	0,011	—					
83	Bi	следы	57	La	следы						

Такие сплавы известны в среде восточных культур и Северного Кавказа (добавка мышьяка) [Барцева, 1981, с. 89, 91].

Анализ проведен на подполированной поверхности изделий, которая покрыта толстым слоем патины, чем можно объяснить высокие содержания железа (попадание из грунта) и олова. Появление цинка (1,207 %) в анализе 1303 объяснить сложно. Возможно, он попал из руды, так как в скифское время латуни еще не известны.

Барцева Т.Б. Цветная металлобработка скифского времени. — М., 1981. — 128 с.

Скорый С.А., Зимовец Р.В. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. — К., 2014. — 180 с.

© Т.Ю. ГОШКО, 2016

УДК: [904.25:7.03](395)"6383"

А. Р. Канторович

ОБРАЗ «ЛОСЕКОЗЛА» В СКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ В СВЕТЕ НОВЫХ НАХОДОК НА ТЕРРИТОРИИ СТАВРОПОЛЬЯ И ПРИКУБАНЬЯ

Статья посвящена рассмотрению образа «лосекозла», распространенного в скифском искусстве звериного стиля.

Ключевые слова: скифский звериный стиль, классификация, типология, синтетические образы, «лосекозел».

Выдающийся археолог Борис Николаевич Мозолевский уделял в своем научном творчестве значительное внимание феномену скифского звериного стиля. Данная статья посвящена одному из весьма специфичных образов этого художественного направления, идентифицированному нами ранее как особый мотив, который было предложено обозначать условным термином «лосекозел» [Канторович, 1995, с. 45—55]. Проанализировав традиционное размежевание в образно-видовой идентификации данного персонажа (большинство исследователей считали его лосем, меньшинство — горным козлом; см. обзор мнений: [Канторович, 1995, с. 45—47]), я пришел к выводу, что перед нами специфический образ некоего обобщенного копытного, сочетающего в себе видовые черты лося и горного козла, что соответственно могло расширять и семантико-прагматическую роль данного персонажа.

К началу 2014 г., по моим подсчетам, насчитывалось 16 опубликованных оригинальных изображений «лосекозла» (без учета копий), оформляющих в основном золотые нашивные бляшки одежды, гораздо реже — обивки деревянных чаш и ритонов и бронзовые уздечные бляхи.

Но на начало 2016 г. известно уже 20 оригинальных изображений этого персонажа (рис. 1) [1]. Этот прирост связан с четырьмя оригинальными изображениями, оформляющими золотые нашивные бляшки. Одно из этих изображений происходит из наших недавних раскопок скифского курганного могильника Новозаведенное-III в Георгиевском р-не Ставропольского края (работы 2015 г. Ставропольской экспедиции кафедры археологии МГУ им. М.В. Ломоносова, раскопки велись под руководством А.Р. Канторовича и В.Е. Маслова) (рис. 1, *17*; 2). Еще как минимум три изображения относятся к территории Прикубанья: это недавно опубликованные материалы из грабительских раскопок в Краснодарском крае, конфискованные и переданные в Краснодарский музей им. Е.Д. Фелицына [Пьянков, Хачатурова, Юрченко, 2014, с. 25, 27; Золото …, 2015, с. 66, 67]; далее я буду их условно называть «Краснодарскими изображениями» (рис. 84, *18—20*).

В итоге можно констатировать, что изображения «лосекозла» происходят в основном с территории Прикубанья — из зоны скифо-меотского звериного стиля (14 оригинальных изображений из следующих комплексов и местонахождений: Малые Семибратние курганы; Уляпский могильник, ритуальные комплексы курганов 1, 4, 5, а также погребение 44 под насыпью кургана 4; Фанагория; курган 19 у станицы Некрасовской; покупка в Майкопе; аул Тауйхабль, случайная находка; «Майкопский клад»; «Краснодарские изображения»). Кроме того, изображения «лосекозла» извест-

1. Конкретные местонахождения предметов с изображениями каждого типа и источники иллюстраций указаны в подписях к рисункам. Порядковые номера изображений «лосекозла» в тексте статьи соответствуют номерам изображений на рис. 1, 3 и 4. Масштаб разный.

© А.Р. КАНТОРОВИЧ, 2016

Рис. 1. Образ «лосекозла» в восточноевропейском скифском зверином стиле: *1, 2* — Нимфейский некрополь, курган 17, гробница 8 (по: [Артамонов, 1966, табл. 102, 105]); *3* — IV Испанова могила (по: [Мозолевский, 1980, с. 147—149, рис. 83, *12, 13*]); *4* — Солоха, боковое погребение (по: [Манцевич, 1987, с. 63—64, кат. 39]); *5* — Корнеевка, курган 2, погребение 3 (по: [Грибкова, Полидович 2013, рис. 2, *9*]); *6* — Малые Семибратние курганы (по: [Borovka, 1928, tabl. 3H]); *7* — покупка в Майкопе (по: [Borovka, 1928, tabl. 3C]); *8* — курган 19 у станицы Некрасовской, раскопки В.Л. Беренштама в 1879 г. (по: [Эрлих, 2009, рис. 7]); *9* — Тауйхабль (по: [Канторович, Эрлих, 2006, кат. № 77]); *10* — Уляпский могильник, курган 5, ритуальная площадка (по: [Лесков и др., 2013, рис. 49, *25*]); *11* — Уляпский могильник, курган 4, ритуальный комплекс 1 (по: [Шедевры..., 1987, кат. 70, рис. 37]); *12* — Уляпский могильник, курган 1, ритуальная площадка (по: [Шедевры …, 1987, кат. 75, рис. 37]); *13* — Уляпский могильник, курган 4, погребение 44 (по: [Лесков и др., 2005, рис. 34, *3*]); *14* — Фанагория (по: [Древности …, 1854, табл. XXII, *17*]); *15, 16* — «Майкопский клад» (по: [Leskov, 2008, cat. 163, 164]); *17* — погребение 1 кургана 4 могильника Новозаведенное-III, раскопки А.Р. Канторовича и В.Е. Маслова в 2015 г.; *18—20* — Краснодарский край, случайные находки (по: [Пьянков, Хачатурова, Юрченко, 2014, фото на с. 25, 27]); *A* — Аджигиол (по: [Berciu, 1969, fig. 11])

ны в Нижнем Поднепровье (3 оригинальных изображения: IV Испанова могила; Солоха, боковое погребение; Корнеевка, курган 2, погребение 3), в Крыму (2 оригинальных изображения из Нимфейского некрополя, курган 17, гробница 8) и на Ставрополье (1 изображение из могильника Новозаведенное-III, курган 4, погребение 1) (рис. 1).

Следует упомянуть также упрощенную реплику во фракийском искусстве (в Добрудже: Аджигиол, золотые нашивные бляшки), в которой, в принципе, черты скифского звериного стиля практически утрачены.

С учетом копий, количество предметов, несущих изображение «лосекозла», не считая аджигиольских, достигает не менее 120 еди-

ниц [1]; четверть из этих предметов — 31 экземпляр (представляющий лишь одно оригинальное изображение) — происходит из кургана Солоха (рис. 1, *4*). В подавляющем большинстве, как уже говорилось, это золотые нашивные бляшки костюма (рис. 1, *1, 2, 4—8, 10—14, 17—20*). Кроме того, это золотые обивки деревянных чаш и ритонов (рис. 1, *3, 15, 16*) и бронзовая уздечная бляха (рис. 1, *9*).

Как мы видим, прирост материала за двадцать лет в целом не изменил локализацию данного мотива в пределах скифской археологической культуры и соответствующего ей восточноевропейского локального варианта скифо-сибирского звериного стиля. При этом образ «лосекозла» представлен в пределах северопричерноморской степи, Восточного Крыма, Прикубанья и Ставрополья; в лесостепную зону он не заходит (рис. 3). Все более выявляется доминирование Прикубанья в разработке этого мотива, а наша находка в Новозаведенном, маркирующая на сегодняшний день крайнюю восточную точку распространения темы «лосекозла», позволяет теперь говорить о расширении границ ее разработки вплоть до Центрального Предкавказья.

Морфологический анализ изображений. Единство сюжетики и сходство в трактовке анатомических деталей позволяют относить изображения «лосекозла» к единому морфологическому типу. Все они выполнены в одностороннем высоком рельефе, в строго профильном ракурсе. Композиция имеет два варианта общего абриса: она вписывается в овал/полуовал (рис. 1, *1, 2, 4, 5, 9, 13, 14*), либо в прямоугольник (рис. 1, *3, 6—8, 10—12, 15—20*), что в двух случаях подчеркнуто оставленным пустым пространством обивки чаши (рис. 1, *3*) или бляшки (рис. 1, *18*); в остальных случаях фигура полностью заполняет украшаемый предмет.

«Лосекозлы», как правило, ориентированы туловищем вправо от зрителя (за тремя исключениями, к которым относятся тауйхабльское, новозаведенское и одно из «Краснодарских изображений» — рис. 1, *9, 17, 19*; вправо ориентирован и «лосекозел» из Аджигиола — рис. 1, *А*), неизменно с повернутой назад головой. Ноги животного подогнуты, нижние части их непосредственно прилегают к туловищу, либо

Рис. 2. Бляшка (золото) с изображением «лосекозла» из погребения 1 кургана 4 могильника Новозаведенное-III, раскопки А.Р. Канторовича и В.Е. Маслова в 2015 г. (фото автора, прорисовка А.С. Дементьевой)

с небольшим нахлестом (рис. 1, *1, 2, 6, 7, 9, 10, 12, 20*) — ближе к Келермесско-кульобскому композиционному канону «летящего», или «классического скифского» оленя (см. об этом каноне: Канторович, 1996, с. 46—59]), — либо на одной линии (рис. 1, *3—5, 8, 11, 13—19*), по композиционной схеме «спокойно лежащих» оленей Завадско-акмечетского типа (см.: [Канторович, 1996, с. 46—59]). Повернутая назад голова животного чаще горизонтальна или опущена наискось, во всяком случае, покоится на спине или упирается в нее носовой частью (рис. 1, *1, 2, 6—13, 15—20*), значительно реже вертикально опущена, отчасти перекрывая плечевую зону (рис. 1, *3—5, 14*). Ухо неизменно находится на одной линии с мордой, ось симметрии всей композиции чаще всего проходит через глаз.

Ряд изображений трактован достаточно четко (рис. 1, *1—5, 15—19*), ряд — схематично (рис. 1, *6—14, 20*). Морда животного чаще лосевидная: тупая, горбатая, с нависающей верхней губой (рис. 1, *1, 2, 6—9, 11, 12, 14—19*), но может быть и узкой, более похожей на оленью или козлиную (рис. 1, *3—5, 10, 13, 20*). Глаз овальный или округлый, моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы, канал слезницы может быть показан в соединении с впадиной глазницы (рис. 1, *1—5, 17—19*), но часто никак не выделяется (рис. 1, *6—9, 10—16, 20*). Ухо короткое, овальное или овально-подтреугольное, с впадиной раковины; в одном из «Краснодарских изображений» (рис. 1, *19*) оно уподоблено подошве конского копыта. Рот закрыт или чуть приоткрыт, края рта обозначены рельефными полосками. Ноздря чаще не обозначена, но может и акцентироваться (рис. 1, *1—5, 17, 19*); в солохском, корнеевском, новозаведенском и одном из «Краснодарских» изображений пасть и ноздря образуют в сочетании лотосовидную фигуру — более четкую в северопричерноморских

1. Показателен прирост публикуемого материала: к 1994 г., на момент идентификации и первичного анализа образа «лосекозла», количество оригинальных изображений этого персонажа составляло 13 единиц [Канторович, 1995, с. 45]. С учетом копий тогда насчитывалось 80 экземпляров изделий с этим мотивом; при этом необходимо исправить допущенную автором опечатку в публикации 1995 г.: количество копий «лосекозла» в комплексе Испановой могилы в реальности 4, а не 5, как было мною указано, соответственно и общее количество предметов с «лосекозлом» на тот момент было равно 80, а не 81 [Канторович, 1995, с. 45, 48].

Рис. 3. Картография образа «лосекозла» (**здесь и на рис. 4**: номера на карте соответствуют нумерации в тексте и на рис. 1)

изображениях (рис. 1, *4, 5*), менее внятную — в северокавказских (рис. 1, *17, 19*).

Рог дуговидный или изломанный под тупым углом, опирается окончанием-изгибом на круп. Исключение составляет одно из нимфейских изображений (рис. 1, *2*), в котором рог не показан, но, судя по наличию закраин бляшки над мордой животного, он мог быть запланирован, однако при штамповке или тиснении мог отвалиться, или же для него не хватило золотого листа. Рог, как правило, гладкий (лишь в новозаведенском и в одном из «Краснодарских» изображений он зарифлен, как козлиный — рис. 1, *17, 19*), а на конце обычно превращен в четко (рис. 1, *1—3, 6, 7, 11, 15, 16, 18, 19*) или невнятно (рис. 1, *4, 5, 8, 10, 12—14, 17, 20*) выраженную птичью головку с волютообразным клювом; в основании этой головки в одном из нимфейских, в корнеевском, в малосемибратненском и в некоторых уляпских изображениях (рис. 1, *1, 5, 6, 11, 12*) помещен дополнительный клюв, относящийся к тому же птичьему глазу; в тауйхабльском изображении птичья головка заменена обычным завитком (рис. 1, *9*).

Голова рельефно переходит в шею, в одном случае дополнительно отделяется от шеи шерстной складкой, маркированной крупным рифлением (рис. 1, *19*). Шея мощная, дуговидно изогнутая, в ряде случаев посередине шеи проходит ребро плоскостей, обозначающих мускулы (рис. 1, *1—3, 9, 11, 15, 16, 17*). В двух случаях вдоль ее заднего края проходит рельефная рифленая полоса, очевидно, обозначающая шерстную складку (рис. 1, *4, 5*). Лопатка акцентирована выпуклостью, иногда с дополнительным рельефным выделением плечевого сустава во впадине-выемке собственно лопатки (рис. 1, *3—5, 18, 19*), а в новозаведенском изображении (рис. 1, *17*; 2) эти две детали образуют дополнительный зооморфный элемент: четкий глаз с выпуклостью зеницы в рельефном кольце глазницы. Туловище короткое компактное, бедренная часть выделена выпуклостью. Хвост короткий слабозаметный, опущен. На нижних частях ног двойными линиями показаны мускулы. Копыта преувеличены и схематичны.

Иконографическая динамика и хронология образа «лосекозла». По-прежнему можно дифференцировать две линии в иконографической динамике этого образа (рис. 4). В предшествующей работе [Канторович, 1995, с. 47—51] они были обозначены как крымско-причерноморский и крымско-прикубанский векторы (крымские изображения из Нимфея расценивались как изначальные в этих цепочках). С учетом новых находок и публикаций, видимо, нужно теперь говорить об основной иконографической тенденции — прикубанской и дополнительной — северопричерноморской (по сути — нижнеднепровской).

Прикубанский вектор с точки зрения логики иконографической динамики в качестве исходной точки имеет высококачественные и детальные изображения из Нимфея (рис. 4, *1, 2*) и Майкопского клада (рис. 4, *15, 16*), стадиально вторичными являются более стилизованные и более схематичные изображения из Малых Семибратних курганов (рис. 4, *6*), Майкопа (рис. 4, *7*), Фанагории (рис. 4, *14*), Уляпского могильника (рис. 4, *10—13*), Некрасовской (рис. 4, *8*), а также два изображения из «Краснодарских» (рис. 4, *18, 19*). Эволюционный ряд замыкают крайне уп-

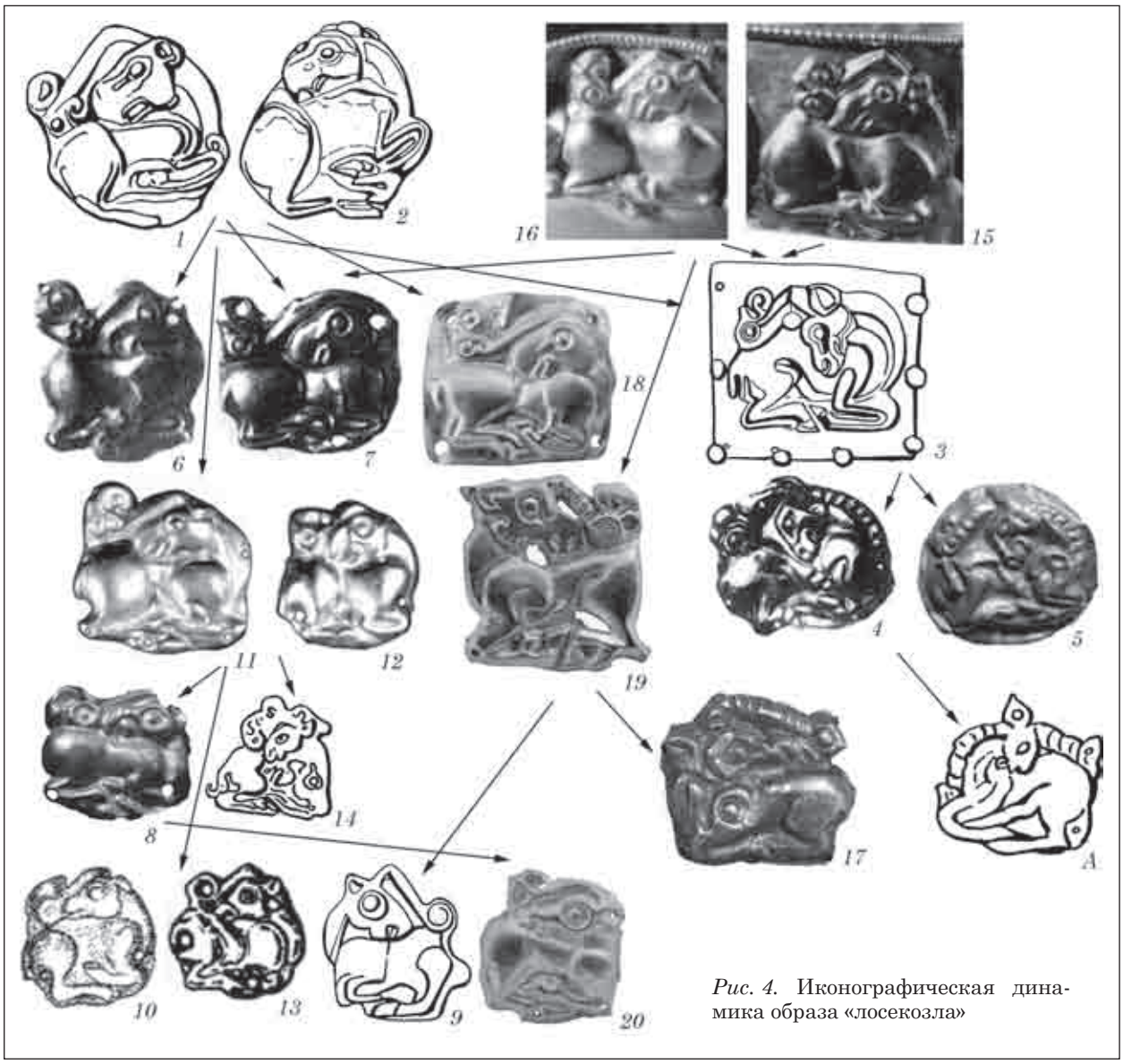


Рис. 4. Иконографическая динамика образа «лосекозла»

рощенные изображения — из Тауйхабля и еще одно из «Краснодарских» (рис. 4, *9, 20*).

Фигура «лосекозла» из Ставрополья (Новозаведенное-III) по морфологическим признакам (прямоугольный абрис, горизонтальная позиция головы, лосиные черты в трактовке морды) относится скорее к прикубанскому иконографическому направлению и находится примерно в середине соответствующего эволюционного ряда.

Северопричерноморская цепочка составлена всего лишь тремя оригинальными изображениями. Видимо, она вторична по отношению к прикубанской: в качестве общей исходной точки для прикубанского и нижнеднепровского векторов могут рассматриваться все те же высококачественные изображения круга Нимфея и Майкопского клада (рис. 4, *1, 2, 15, 16*), на основе которых северопричерноморская школа сначала продуцирует изображения из Испановой могилы (рис. 4, *3*), на следующем этапе — из Солохи (рис. 4, *4*) и Корнеевки (рис. 4, *5*), с искажающим копированием в Аджигиоле (рис. 4, *А*).

Симптоматично, что большинство «лосекозлов» основного — прикубанского — вектора (не считая наиболее схематичных) имеют лосиную голову, тогда как все «лосекозлы» нижнеднепровского вектора наделены козлиной головой.

Реконструируемую иконографическую динамику подтверждает хронология образа «лосекозла», основу которой составляют объективно датируемые изображения: нимфейские (475—425 гг. до н. э.) [1], из Корнеевки (последняя четверть — конец V в. до н. э.) [2], солохское

1. Нимфейский могильник по античному импорту и иным показателям датирован в целом в рамках 475—425 гг. до н. э. [Алексеев, 1991, с. 50, 51; рис. 2, 20; Алексеев, 2003, с. 296].

2. Корнеевский комплекс датирован по гераклейским амфорам с клеймами и с учетом хронологии последнего впускного погребения из того же кургана (погребение 3) [Бидзиля, Полин, 2012, с. 514].

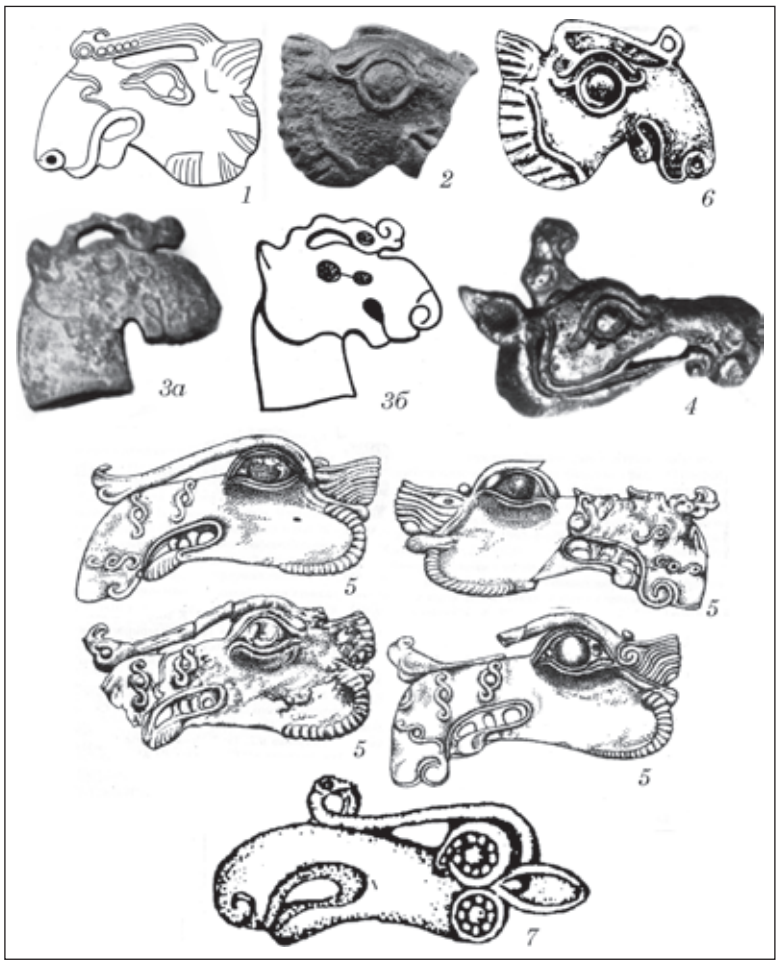


Рис. 5. Мотив однорогого лося в скифской археологической культуре и на сопредельных территориях: *1* — Нимфейский некрополь, гробница VI (грабительские раскопки 1868 г., хранение Ашмолен-музея Оксфордского университета) (по: [Ashmolean …, 1951, pl. XXXIX, *A*]); *2* — Никоний, случайная находка, бронзовая уздечная бляха (по: [Бруяко, Островерхов, 2010, рис. 1, *1*; фото 2]); *3* — Малые Семибратние курганы (по: [Власова, с. 214, рис. 37]); *4* — «Майкопский клад» (по: [Leskov, 2008, p. 122, 123, cat. 156]); *5* — из разрушенного погребения на р. Ворскла (по: [Ролле, Черненко, Махортых, 2004, с. 71, 72, рис. 1; Ролле, Махортих, Черненко, 2006, рис. 1, *1—4*]); *6* — городище Аргамум в Добрудже (по: [Simion, 2003, p. 236; fig. 12, *c*]); *7* — погребение у с. Хошеутово в Нижнем Поволжье (по: [Дворниченко, Очир-Горяева, 1997, с. 108, 109, рис. 1, *10—12*]); *1* — изображение на бронзовом нагрудном украшении пластинчатого панциря; *2—7* — изображения на бронзовых уздечных бляхах

(400—375 гг. до н. э.) [1]; далее идут уляпские изображения первой половины IV в. до н. э. — из ритуального комплекса кургана 5 [2], из ритуального комплекса кургана 4 [3], из погребения 44 кургана 4 [4], из ритуального комплекса кургана 1 [5].

Что касается изображения из погребения 1 кургана 4 могильника Новозаведенное-III, terminus post quem для соответствующего комплекса определяет краснофигурный арибаллический лекиф с изображением крылатой богини (Ники или Эос), датируемый последней третью V в. до н. э. [6] Этому, как мы видели, не противоречит позиция новозаведенского «лосекозла» в общем иконографическом ряду.

Таким образом, существование образа «лосекозла» определяется в границах второй четверти V — первой половины IV в. до н. э.

Вероятные истоки образа «лосекозла» были обозначены мною в предыдущей статье [Канторович, 1995, с. 51—53]. Накопление материала не изменило эту концепцию. Мотив «лосекозла» изначально не может считаться

1. По чернолаковому килику комплекс бокового погребения Солохи датируется 400—375 гг. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 261, 296].
2. «В рамках первой половины IV в. до н. э. следует датировать курган 5, в котором обнаружены фасосские амфоры биконической формы, имеющие клейма. В то же время, по имеющемуся клеймению не исключается и незначительное попадание в этот курган и амфор начала третьей четверти IV в. до н. э. [Ксенофонтова, 2010, с. 139]. Этот «храмовый» комплекс мог использоваться в течение продолжительного периода» [Лесков и др., 2013, с. 56].
3. Комплекс датирован по античным импортам [Лесков и др., 2013, с. 33].
4. Комплекс датирован по античному импорту: чернолаковый скифос второй половины — конца V в. до н. э. и по краснофигурному и чернофигурному киликам начала — первой половины IV в. до н. э. [Лесков и др., 2005, с. 76].
5. Комплекс датирован в крайних пределах первой половины IV в. до н. э. [Лесков и др., 2013, с. 23], с тяготением к первой трети IV в. до н. э. — по совокупной дате амфор — Менды (первая треть IV в.) и Синопы (рубежа первой / второй четвертей IV в.) [Ксенофонтова, 2010, с. 138, 139, 142—144, кат. 9—12, 21].
6. Согласно любезной консультации О.В. Тугушевой, морфологически данный сосуд близок к классу XIII B по классификации В. Рудольфа, который относят к последней трети V в. до н. э. К этому периоду относятся обнаруживающие сходство с нашей находкой арибаллические лекифы с летящей Никой из некрополя Керкинитиды [Вдовиченко, 2003. кат. 100] и с изображением сфинкса из курганов у с. Грищенцы в правобережном Приднепровье [Онайко, 1966а, кат. 185, табл. XII, 5], датируемые последней четвертью — концом V в. до н. э. [Вдовиченко, 2003, с. 19].

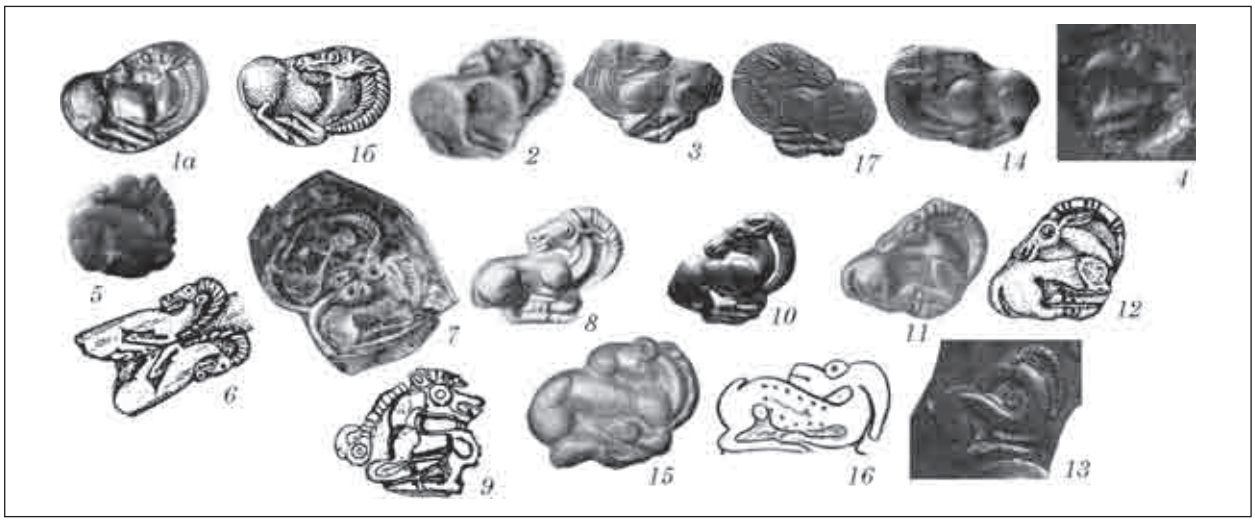


Рис. 6. Мотив лежащего горного козла с повернутой назад головой в восточноевропейском скифском зверином стиле: *1* — Бобрица, курган 35, раскопки Зноско-Боровского (фото по: [L'Or …, 1993, p. 72; cat. 39]; рис. по: [Мелюкова, 1989, табл. 39, *21*]); *2* — курганы Роменского уезда, раскопки Мазараки после 1886 г. (по: [Бобринский, 1901, с. 71; табл. XII, *3*]); *3* — Жаботин, курган 1 (1897—1898 гг.) (по: [Древности …, 1900, табл. LXI, *470*]); *4* — Герасимовка, к. 1 (по: [Самоквасов, 1908, табл. XLV, *№ 1722*]); *5* — Старшая могила (по: [Самоквасов, 1908, *№ 1429*]); *6* — Западное Бельское городище (по: [Шрамко, 1995, рис. 1, *25*]); *7* — Курган у хут. Шумейко, Роменский уезд (по: [Древности …, 1900, с. 8, табл. XLV, *№ 461*]; *8* — Витова могила (по: [Граков, 1971, табл. XX, *4*]); *9* — с. Долинное, курган 2, погребение 3 (курган Кулаковского) (рис. А.Р. Канторовича по: [ГЭ, 1895, 10/2]); *10* — Ульский курган 1, раскопки 1909 г. (по: [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, tabl. 21]); *11* — Ульский курган 2, раскопки 1909 г. (по: [Онайко, 1966б, рис. 2, *3*]); *12* — Ульский курган 1, раскопки 2007 г. (возможно — доследованный Ульский курган 2 1909 г.; по: [Эрлих, 2010, рис. 10, *6*]); *13* — Ульский курган 2, раскопки 1909 г. (по: [ОАК за 1909—1910, с. 151; рис. 216]); *14* — с. Коцюбинчики, курган I (по: [Бандрівський, 2010, рис. 6]); *15* — Нартанский могильник, курган 18 (по: [Батчаев, 1985, табл. 45, *37*]); *16* — Нартанский могильник, курган 6 (по: [Батчаев, 1985, табл. 21, *23*]); *17* — Гладковщина, курган 449 (по: [Галанина, 1977, табл. 21, *3*])

простой репликой хорошо разработанного в скифском зверином стиле сюжета «лежащий горный козел с повернутой назад головой» — в силу того, что у большинства «лосекозлов», как мы видели, голова не козлиная, а лосиная. Эту видовую черту, как и иную направленность рога (в сравнении с сюжетом «лежащий козел с повернутой назад головой»), следует возводить к бытующему в рамках V в. до н. э. мотиву головы лося с единственным рогом, облегающим морду и завершающимся (как правило) птичьей головкой (рис. 5).

Мотив однорогого лося, как и «лосекозла», представлен исключительно в европейской зоне скифо-сибирского мира [1]. В основном это ареал скифской археологической культуры — Нижнее Поднестровье (Никоний), Среднее Поднепровье (разрушенное погребение на р. Ворскле), Прикубанье (Малые Семибратние курганы и «Майкопский клад»), Крым (Нимфей, т. е. тот же могильник, из которого происходят одни из самых ранних изображений «лосекозла») (рис. 5, *1—5*). Известен однорогий лось и на территориях, сопредельных скифской археологической культуре — в Нижнем Поволжье (Хошеутово) и в Добрудже (Аргамум) (рис. 5, *6, 7*) (см. подробнее о данном морфологическом типе и о его хронологии: [Канторович, 2013, с. 448—451].

В свою очередь, мотив однорогого лося квалифицируется как боковое ответвление традиции полнофигурного / редуцированного воспроизведения лося в скифском зверином стиле V в. до н. э., т. е. как модификация трактовки лося с двумя симметрично разложенными рогами, образующими «корону» (рис. 7, *1, 3, 4*).

Вместе с тем по-прежнему можно усматривать и определенное влияние образа горного козла и, прежде всего, сюжета «лежащий козел с повернутой назад головой» на формирование и развитие темы «лосекозла» (что отразилось в соответствующей трактовке головы нижнеднепровских «лосекозлов», а также в рифлении рога новозаведенского и одного из «Краснодарских» персонажей).

Как известно, нормальное положение рога горного козла в сюжете его возлежания с повернутой назад головой предполагает огибание шеи и лопатки. Соответствующие изображения формируют в восточноевропейском скифском

1. Как уже было нами показано [Канторович, Эрлих, 2006, с. 69], в азиатской части «скифского мира» имеется параллель данному приему инвертирования рога, однако аналогичные сходные алтайско-тувинские и тасмолинское изображения являются редукцией таких южносибирско-восточноказахстанских изображений оленя с полным воспроизведением рогов, как фигуры на аржанском камне и бухтарминском зеркале [Бородаев, 1998, с. 66; рис. 8] — т. е. имеем дело с конвергентным параллельным развитием.

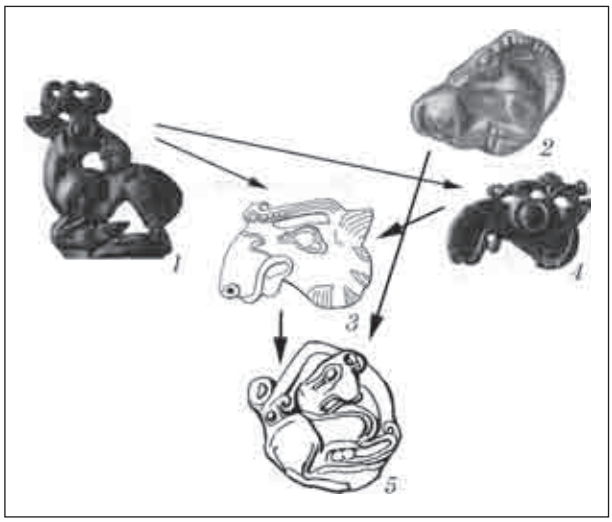


Рис. 7. Схема формирования образа «лосекозла»: *1* — курганы Г у с. Журовка (по: [Borovka, 1928, pl. 4B]); *2* — Ульский курган 2, раскопки 1909 г. (по: [Онайко, 1966б, рис. 2, *3*]); *3* — Нимфейский некрополь, гробница VI (грабительские раскопки 1868 г., хранение Ашмолен-музея Оксфордского университета; по: [Ashmolean …, 1951, pl. XXXIX, *A*]); *4* — Малые Семибратние курганы (по: [Borovka, 1928, pl. 5B]); *5* — Нимфейский некрополь, курган 17, гробница 8 (по: [Артамонов, 1966, табл. 102])

зверином стиле единый морфологический тип, датируемый в рамках второй половины VII — первой половины V в. до н. э. (рис. 6).

Этот тип (можно называть его Бобрицко-ульский) объединяет 17 оригинальных изображений (не считая копий) [1], происходящих в основном с территории Среднего Поднепровья и Среднего Поднестровья (рис. 6, *1—8, 14, 17*), из Прикубанья — из Ульских курганов (рис. 6, *10—13*), а также с территории Центрального Предкавказья (рис. 6, *15, 16*) и Крыма (рис. 6, *9*). Это фигуры, оформляющие или украшающие разнообразные предметы: преимущественно золотые бляшки (рис. 6, *1, 3, 9, 10—12, 14, 17*), а также золотые пластины-аппликации горита (рис. 6, *8*), золотую обкладку ножен меча (рис. 6, *7*), бронзовое навершие (рис. 6, *13*), бронзовую уздечную бляху (рис. 6, *9*), костяные пряжки-распределители ремней (рис. 6, *5*), бляшки центральной ручки бронзовых зеркал (рис. 6, *2, 4, 11, 15*), костяную пластину (рис. 6, *6*), костяное навершие (рис. 6, *16*) [2].

Это широко распространенный в эпоху «скифской архаики» VII—VI вв. до н. э. сюжетно-стилистический тип, возникший под влиянием переднеазиатской традиции. Ближайшие аналогии происходят с той же территории скифского звериного стиля, при этом они выполнены во вполне переднеазиатской манере: это фигуры козлов на золотом перекрестье меча Мельгуновского кургана [Придик, 1911, табл. I, II], а также на обушке и на проушине Келермесской секиры из кургана 1/Ш [Галанина, 1997, кат. 6. табл. 10]. Как показано П.Амандри, сюжет горного козла, лежащего с повернутой назад головой, имеет композиционные истоки в переднеазиатской традиции, инициировавшей также подражания в греческом искусстве геометрического стиля [Amandry, 1965, pl. XXIX, *1, 2, 5*; XXX, *1—7*; ср.: Зуев, 1993, с. 43]. Не случайно некоторые изображения бобрицко-ульского типа образуют геральдические композиции (рис. 6, *6, 7*), в которых аналогичные козлы часто показаны в передневосточном искусстве.

Хронология Бобрицко-ульского типа основана в первую очередь на объективных датировках изображений из Ульских курганов 1 и 2 раскопок 1909 г. (вторая половина VI в. до н. э.) [3] и гладковщинского кургана 449 (вторая половина VI в. до н. э.) [4]. Аналогии с мельгуновским и келермесскими [5] изображениями козлов заставляют устанавливать нижнюю дату изучаемого типа соответственно второй половиной VII в. до н. э. Дата кургана Старшая могила определена А.Ю. Алексеевым с учетом наличия архаичных ритуальных ножей и по другим основаниям в рамках второй половины VII в. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 53, 295]. Хронология зеркал с центральной ручкой

1. Как известно, жаботинское изображение трактовали как лошадиное В.В. Хвойка [Древности …, 1900, приложение, с. 6] и В.А. Ильинская [Ильинская, 1975, с. 19]; Л.К. Галанина аналогично интерпретировала близкое жаботинскому гладковщинское изображение [Галанина, 1977, с. 38]. Действительно, рога этих козлов напоминают лошадиную гриву, а их морда сходна с конской, однако все же «грива» не совсем естественно облегает шею вплоть до ноги, а в гладковщинском изображении «грива», помимо того, разделена надвое продольным желобком, как в безусловно козлином изображении из Бобрицы, и четко сужается к концу, как и у бобрицкого козла (рис. 6, *1*). В остальном жаботинское и гладковщинское изображения морфологически полностью вписываются в иконографию данного типа горных козлов. Поэтому, признавая «пограничность» данных изображений, в особенности жаботинского и гладковщинского, я предпочитаю рассматривать их в рамках образа горного козла.

2. Возможно, к данному типу относится композиционно сходное (но более схематичное по трактовке) прикубанское изображение на золотой пластине неизвестного назначения из к. 25 у ст. Усть-Лабинской; оно трактовано как фигура лошади [ОАК за 1903, с. 69, рис. 127]. Недостаточное качество публикации и отсутствие визуального знакомства с этим предметом не позволяют мне включать данное изображение в изучаемый тип.

3. По В.Р. Эрлиху, данные комплексы относятся ко второму хронологическому горизонту Ульских курганов (по малоазийскому импорту (бронзовая ручка в виде оленя), по морфологии узды, по отсутствию родосско-ионийской керамики и классической античной керамики) [Эрлих, 2010, с. 117—188, 125].

4. По ионийскому килику [Онайко, 1966а, с. 60; Галанина, 1977, с. 38].

5. Л.К. Галанина по объективным показателям датировала позднюю группу Келермесских курганов (курганы Шульца) в пределах второй половины VII в. до н. э. [Галанина, 1997, с. 190, 192].

с бляшкой на столбиках, являющихся одним из надежных маркеров эпохи «скифской архаики» [Кузнецова, 2002, с. 43, 62; Алексеев, 2003, с. 46—47] не позволяет датировать представленные на этих бляшках изображения позднее VI в. до н. э. Относительно ранним является и усть-лабинское изображение, комплекс которого в рамках типологии и хронологии наконечников стрел по В.Г. Петренко входит во вторую хронологическую группу вместе с Келермесскими курганами 3/III и 4/III [Петренко, 1990, с. 72]. Наконец, изображение козла — элемент трансформации лопатки свернувшегося хищника на бляхе из кургана Кулаковского, можно датировать в совокупном интервале близких ему изображений свернувшегося хищника и объективно датируемых изображений свернувшегося хищника на бляхах из Пантикапея [1] и Протопоповки [2], т. е. в рамках конца VI — первой половины V в. до н. э.

Остальные изображения Бобрицко-ульского типа, должны датироваться в пределах, задаваемых вышеперечисленными изображениями, в силу морфологического сходства. Таким образом, предельные рамки Бобрицко-ульского типа: вторая половина VII — первая половина V в. до н. э.

Видимо, именно эта мощная иконографическая струя, иссякшая к середине V в. до н. э., стала в своем завершении одним из импульсов к появлению мотива «лосекозла», что предусматривало инвертирование рога горного козла при повороте головы во второй четверти — середине V в. до н. э. под влиянием уже появившегося тогда мотива однорогого лося (рис. 7, *1—5*).

Выводы. Новые находки изображений «лосекозла» подтверждают специфичность этого образа в системе скифского бестиария, а также доминирование Прикубанья в разработке данного образа (не исключено, что на базе скифо-меотской традиции, по крайней мере, при ее учете, были созданы и нимфейские изображения). Что же касается наличия изображения «лосекозла» в могильнике Новозаведенное-III, это свидетельство присутствия скифского звериного стиля в данном микрорегионе не только в эпоху «скифской архаики» VII—VI вв. до н. э. [3], но и в эпоху «скифской классики» V—IV вв. до н. э. В комплексе с иными материалами могильника Новозаведенное-III и с учетом преемственности погребальной традиции можно говорить о продолжении временного или постоянного пребывания исторических скифов в данном регионе в эпоху «скифской классики» и об их активных контактах с Прикубаньем (откуда и была, несомненно, заимствована весьма специфичная тема «лосекозла»), подтверждаемых находкой меча синдо-меотского типа в раскопанном нами в 2015 г. соседнем кургане (№ 2) могильника Новозаведенное-III.

Вероятнее всего, «лосекозел» изначально представлял собой искаженное отображение реального лося или горного козла мастерами, плохо знакомыми с непосредственными природными прототипами. Но со временем эта «побочная ветвь» стала особой образно-сюжетной линией, параллельной хорошо разработанным в скифском зверином стиле иконографическим линиям лося и горного козла. В результате данный мотив более чем на столетие закрепился в скифском и скифо-меотском зверином стиле, вне прямой связи с какими-либо природными прототипами.

Сочетание видовых черт и особенностей лося и горного козла, вероятно, в представлении древних мастеров, расширяло семантическую роль результирующего персонажа. Возможно и иное объяснение: «лосекозел», в соответствии с тогдашними представлениями, отражает скифскую и скифо-меотскую «народную классификацию» реального и воображаемого животного мира [4], продуктом которой также являются, помимо «лосекозла», такие пограничные и синтетические образы [Канторович, 2004; 2015], как оленелось, оленекозел, лосептица, бараноптица, грифоно-гиппокамп и т. д.

1. Пантикапей, квадрат 29, штык 1, ритуальное захоронение коня, бронзовые уздечные бляхи, 3 экз. Комплекс датируется по контексту культурного слоя концом VI — первой четвертью V вв. до н. э. [Толстиков, 2011, с. 365—368; рис. 2].

2. Протопоповка, курган 5, бронзовая уздечная бляха. Комплекс датируется второй четвертью V в. до н. э. по пухлогорлой хиосской амфоре [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 72, рис. 56, 4—5].

3. Из близлежащего аристократического курганного могильника Новозаведенное-II происходит более 80 предметов, оформленных в скифском зверином стиле [Петренко, Маслов, Канторович, 2009, с. 232].

4. Об опыте «народных классификаций» растений, животных, почв и т. д. см.: [Розова, 1986, с. 178—180].

Алексеев А.Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н. э. // АСГЭ. — 1991. — Вып. 31. — С. 43—56.

Алексеев А.Ю. Хронография Евро пейской Скифии VII—IV веков до н. э. — СПб., 2003. — 416 с.

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. — Прага; Ленинград, 1966. — 306 с.

Бандрівський М.С. Образотворчі традиції на заході Українського Лісостепу у VII — напочатку VI ст. до нар. Хр.: витоки і причини трансформації // Изобразительное искусство в археологическом наследии. — Донецк, 2010. — С. 145—177 (Археологический альманах. — № 21).

Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант). — К., 2000. — 236 с.

Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. — Нальчик, 1985. — Вып. II. — С. 7—115.

Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. — К., 2012. — 752 с.

Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. — СПб.,

1894. — Т. 2: Дневники раскопок 1887—1889 гг. — 233 с.
Бородаев В.В. Вакулихинский клад (комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха-I) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. — Барнаул, 1998. — С. 56 — 73.
Бруяко И.В., Островерхов А.С. Новые памятники звериного стиля из Нижнего Поднестровья // Зап. отдела нумизматики и торевтики Одесского археол. музея. — Одесса, 2010. — **I**. — С. 113—121.
Вдовиченко И.И. Античные расписные вазы из крымских музеев. Каталог коллекций. — Симферополь, 2003. — 128 с.
Власова Е.В. Древности эллинские и местные // Античное наследие Кубани. — М., 2010. — Т. 3. — С. 198—262.
Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга). — М., 1977. — 68 с. (САИ. — Вып. Д 1—33).
Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. — М., 1997. — Т. 1. — 270 с.
Грибкова А.А., Полидович Ю.Б. Фигурка быка скифского времени из собрания Б.И. и В.Н. Ханенко // Археологический альманах. — Донецк, 2013. — С. 259—277.
Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А. Хошеутовский комплекс уздечных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге // Донские древности. — 1997. — Вып. 5. — С. 99—115.
Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа. — СПб., 1854. — Т. I. — 458 с.; Т. II. — 350 с.; Т. III. — 98 л. илл.
Древности Приднепровья. — К., 1900. — Вып. III. — 62 с.
Золото потомков Геракла. Народы Прикубанья VI в. до н. э. — III в. н. э. / Автор-сост. Е.А. Хачатурова. — Краснодар., 2015. — 67 с.
Зуев В.Ю. Изучение жаботинских гравировок и проблема развития звериного стиля в европейской Скифии на рубеже VII—VI вв. до Р. Хр. // Петербургский археологический вестник. — 1993. — Вып. 6. — С. 38—52.
Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н. э.). — К., 1975. — 223 с.
Канторович А.Р. Один из образов копытного животного в искусстве скифского звериного стиля // РА. — 1995. — № 4. — С. 45—55.
Канторович А.Р. «Летящие» и лежащие олени в искусстве звериного стиля степной Скифии // Историко-археологический альманах. — Армавир; Москва, 1996. — № 2. — С. 46—59.
Канторович А.Р. «Пограничные» образы в искусстве скифского звериного стиля // ССПК. — Запоріжжя, 2004. — Т.XI. — С. 109—111.
Канторович А.Р. Изображения лося в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология // Scripta antiqua: Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. **3**: К 70-летию Э.В. Ртвеладзе. — М., 2013. — С. 423—480.
Канторович А.Р. Образы синкретических существ в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология, иконографическая динамика // Исторические исследования. — 2015. — № 3. — С. 113—218.
Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи (VIII—III века до н. э.). — М, 2006. — 232 с.
Ксенофонтова И.В. Остродонные амфоры Уляпского могильника из собрания ГМВ // Материальная культура Востока. — М., 2010. — Вып. 5. — С. 138—148.
Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI—III века до н. э. — М.. — 2002. — Т. I. — 352 с.
Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья в середине VI — начале III вв. до н. э.: Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. — М., 2005. — 192 с.
Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья в середине VI — начале III вв. до н. э.: Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. — М., 2013. — 183 с.
Мелюкова А.И. Скифское искусство звериного стиля // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989. — С. 100 — 104 (Археология СССР).
Мозолевский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972—1975 гг.). // Скифия и Кавказ. — К., 1980. — С. 70—154.
ОАК за 1909—1910 гг. — СПб., 1913.
Онайко Н.А. Античный импорт в Поднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. — М., 1966а. — 71 с. (САИ. — Д 1—27).
Онайко Н.А. О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье // Культура античного мира. — М.. — 1966б. — С. 159—176.
Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Некоторые итоги исследования раннескифского могильника Новозаведенное-II в 1991—2003 гг. // АО 1991—2004; Европейская Россия. — М., 2009. — С. 225—234.
Петренко В.Г. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии. — М., 1990. — С. 60—81.
Придик Е.М. Мельгуновский клад 1763 г. — СПб., 1911. — 24 с. (МАР. — № 31).
Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., Юрченко Т.В. Возвращенные сокровища Кубани. — Краснодар, 2014. — 152 с.
Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. — Новосибирск, 1986. — 224 с.
Ролле Р., Черненко Е.В., Махортых С.В. Комплекс уздечных принадлежностей середины I тыс. до н. э. из бассейна Ворсклы // Від Кіммерії до Сарматії: 60 років Відділу скіфо-сарматськоі археології ІА НАНУ: Матеріали Міжнар. наук. конф. — К., 2004. — С. 71—72.
Ролле Р., Махортих С.В., Черненко Е.В., Комплекс кінского спорядження середини I тис. до н. е. з басейну Ворскли // Більске городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень). — К., 2006. — С. 101—104.
Самоквасов Д.Я. Альбом фотографий планшетов к изданию «Могилы Русской земли» 1908 г.) / Хранение библиотеки кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
Толстиков В.П. Конское захоронение на верхнем плато акрополя Пантикапея // Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и среднвековья. Взаимовлияние культур. — Керчь, 2011. — Вып. XII. — С. 365—368.
Шедевры древнего искусства Кубани. — М, 1987. — 190 с.
Шрамко И.Б. Раскопки на Западном укреплении Бельского городища в 1994 г. // Древности. — Харьков, 1995. — С. 174—175.

Эрлих В.Р. Курганы из окрестностей станицы Некрасовской: новое обращение к старым материалам // Пятая Кубанская археол. конф.: Материалы. — Краснодар, 2009. — С. 456—460.
Эрлих В.Р. Раскопки кургана Ульской группы в 2007 г. // Материальная культура Востока. — М., 2010. — Вып. 5. — С. 117—138.
Amandry P. Un motif scythe en Iran eten Grece // Journal of Near Eastern Studies. — 1965. — V. XXIV, **3**. — P. 149—160.
Ashmolean museum. Department of antiquities. A summary guide to the collections. — Oxford, 1951. — 86 p.
Berciu D. Arta Traco-Getica. — Bucuresti, 1969. — 234 p.
Borovka G. Scythian Art. — London, 1928. — 185 p.
Leskov A.M. The Maikop Treasure. — Philadelphia, 2008. — 304 p.
L'Or des Steppes. — Toulouse, 1993. — 159 p.
Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. The legacy of the Scythian world: mid — 7th to 3rd century BC. — Leningrad; Oxford, 1986. — 183 p.
Simion G. Culturi antice in zona gurilor Dunarii. Preistorie si protoistorie. — Cluj-Napoca, 2003. — Vol. I. — 408 p. (Biblioteca Istro-Pontica. Seria Arheologie).

А. Р. Канторович

ОБРАЗ «ЛОСЕКОЗЛА» У СКІФСЬКОМУ ЗВІРИНОМУ СТИЛІ В СВІТЛІ НОВИХ ЗНАХІДОК НА ТЕРИТОРІЇ СТАВРОПІЛЛЯ І ПРИКУБАННЯ

Статтю присвячено синтетичному образу скіфського звіриного стилю — мотиву «лосекозла», раніше ідентифікованого автором у статті 1995 р. і розглядається нині на тлі нових знахідок. З урахуванням приросту матеріалу автором виявлено, систематизовано та описано 20 оригінальних зображень цього персонажа (всього близько 120, враховуючи копії, в основному це золоті бляшки від костюма), що датуються в цілому в рамках другої чверті V — першої половини IV ст. до н. е. і поширених в межах Нижнього Подніпров'я, Східного Криму, Прикубання та Ставропілля. Морфологічний аналіз зображень дозволяє диференціювати дві лінії в іконографічної динаміці образу: прикубанську (основну) та північнопричорноморську, або нижньодніпровську.

Образ «лосекозла», з одного боку, має витоки в існуючому в рамках V ст. до н. е. мотиві голови лося з єдиним рогом, що облягає морду і завершується пташиної голівкою; з іншого боку, на його виникнення міг також вплинути популярний в скіфському звіриному стилі другої половини VII — першої половини V ст. до н. е. сюжет «лежачий гірський козел з повернутою назад головою» (за умови інвертування роги гірського козла під впливом вищевказаного мотиву однорогого лося). В результаті мотив «лосекозла» більш ніж на сторіччя закріпився і розвивався в скіфському і скіфо-меотському звіриному стилі, без прямого зв'язку з будь-якими природними прототипами.

Поєднання видових рис і особливостей лося та гірського козла, ймовірно, в уявленні давніх майстрів, розширювало семантичну роль результуючого персонажа. Можливо й інше пояснення: «лосекозел» відображає скіфську і скіфо-меотську «народну класифікацію» реального і уявного тваринного світу.

Ключові слова: скіфський звіриний стиль, класифікація, типологія, синтетичні образи, «лосекозел».

A. R. Kantorovich

THE IMAGE OF AN «ELK-GOAT» IN THE SCYTHIAN ANIMAL STYLE IN THE CONTEXT OF NEW FINDINGS IN THE TERRITORY OF THE STAVROPOL REGION AND THE KUBAN BASIN

The article is devoted to the analysis of a synthetic image of the Scythian animal style — «elk-goat» motif previously identified by the author in his article of 1995 and now considered on the background of new findings. Given the rate of archaeological data the author identified, systematized and described 20 original images of the character (circa 120 while counting copies, mostly gold costume plaques). They are dated in total within the framework of the second quarter of 5th — the first half of the 6th centuries BC. They are located within the the Lower Dnieper, Eastern Crimea, Kuban region and Stavropol region. Morphological analysis of the images enables to differentiate the two lines in the iconographical dynamics: the Kuban line (basic tendency) and the Northern Black Sea, or the Lower Dnieper line.

On the one hand the image of «elk-goat» is rooted in certain motif (existing during the V century BC) of an elk's head with a single horn, circumflexing muzzle and enading by a bird head. On the other hand, the emergence of the «elk-goat» could be also influenced by the subject of lying mountain goat with his head turned back — rather popular in the Scythian animal style of the second half of the 7th — first half of the 5th century BC (on condition of inverting the horn of a mountain goat under the influence of the above mentioned one-horned elk motif). As a result, the image of the «elk-goat» more than for a century was fixed and developed in Scythian and Scythian-Meotian animal style with no direct link with any natural prototypes.

The combination of biological features of elk and mountain goat, probably (in the conception of ancient masters) could expand semantic role of the resulting character. But we can also offer different explanation: the «elk-goat» reflects the Scythian and Scythian-Meotian «folk classification» of real and imaginary animal world.

Keywords: Scythian animal style, classification, typology, synthetic images, «elk-goat».

Одержано 02.04.2016

УДК: 904.22(477.4)"6377/6383"

В. І. Клочко

ПРО ВТУЛЬЧАСТІ СОКИРИ-КЕЛЬТИ ЧОРНОЛІСЬКОЇ КУЛЬТУРИ

У статті визначено типи бронзових втульчастих сокир-кельтів, що характерні для ранього і пізнього етапі чорноліської культури.

Ключові слова: втульчасті сокири-кельти, чорноліська культура, доба пізньої бронзи, доба ранього заліза.

У 2012 р. на городищі чорноліської культури біля м. Шаргород Вінницької обл. був знайдений скарб (рис. 1). До його складу входили бронзові шпилька з великою спіральною голівкою (довжина 21,8, діаметр голівки 7,5 см), бляхи різного діаметру (діаметр великих блях 10,5, менших — 7; 4; 3; 2,4; 1,5; 1 см), лунниця (довжина 6 см), овальні пластинцасті браслети орнаментовані спіралями (діаметри 13 × 7,5; 12,5 × 8,5; 11,5 × 8,5, ширина 2; 1,5; 1 см), кельт лужицького типу (довжина 10,5; ширина леза 3,5; діаметр втулки 2 см) та залізний наконечник дротику (довжина 11; діаметр втулки 2 см) (рис. 2) [1].

Більшість речей скарбу належить до періоду Гальштат А, а присутність у скарбі залізного вістря не повинно дивувати — у разташованому неподалік Гордіївському могильнику найстарші залізні речі знайдені у похованнях, зарахованих до періоду BzD—HaA1 і датованих 1300—1200 рр. до н. е. [Березанська, Клочко, 2011, с. 69]. Загалом же аналіз керамічних матеріалів городища та металевих речей скарбу дозволяє віднести їх до раннього етапу Чорноліської культури і датувати періодом HaA1 в системі Пауля Рейнеке, 1200—1100 рр. до н. е.

1. Скарб зберігається у колекції А.В. Козименка у м. Київ. Дуже вдячний власнику за можливість опублікувати речі з колекції.

© В.І. КЛОЧКО, 2016

Кельт з Шаргородського скарбу є касичним образчиком кельтів лужицького типу, характерних для північно-західної части європейсько культурного кола полів поховальних урн доби пізньої бронзи. Мені вже доводилось писати про знахідки кельтів лужицького типу на Україні [Klochko, 2001, p. 266, fig. 104, *7—10*; Клочко, 2006, рис. 99, *7—10*] і, навіть, пов'язувати їх з теорією «лужицької експансії» [Клочко, 1992; Klochko, 1993]. Проте, тоді в моєму розпорядженні були лише випадкові знахідки, а уламок кельта з Медведівського скарбу є недостатньо диігностичним.

Шаргородську знахідку доповнюють половинки бронзових ливарних форм для виготовлення кельтів лужицького типу з с. Жерденівка Гайсинського р-ну Вінницької обл. (рис. 3, *1*) та с. Писарівка Старокостянтинівського р-ну Хмельницької обл. (рис. 3, *2*). Вони свідчать про те, що лужицькі кельти не завозили туди зда-

Рис. 1. Шаргородський скарб на місті знахідки

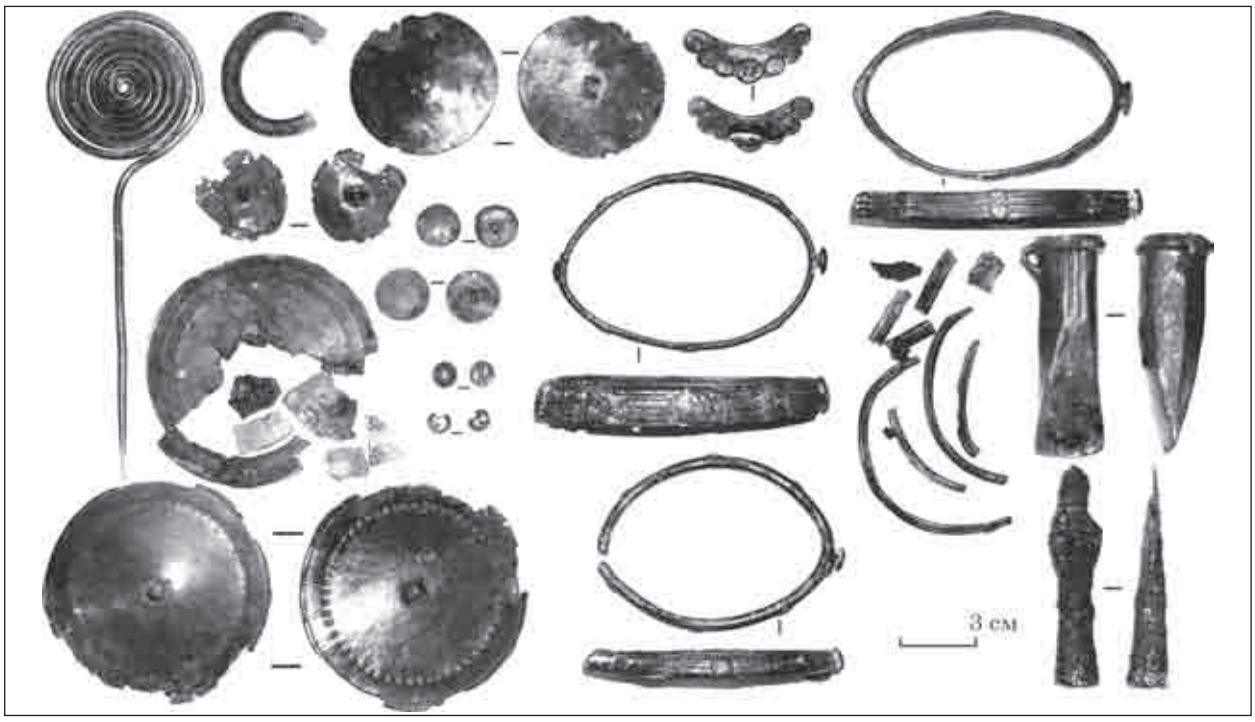


Рис. 2. Шаргородський скарб

леку, а виготовляли на місці, зокрема на Поділлі, очевидно з місцевої сировини, виплавленої з дністровських мідяних пісковіків [Kloczko, Manichev, Kompanec, Kovalchuk, 2003].

Металеві (мідні та бронзові) ливарні форми відомі у багатьох культурах доби пізньої бронзи Європи, зокрема і ливарні форми для кельтів лужицького типу. Різні варіанти оформлення верхньої частини втулок залежали від конструкції сердечника для втулки і через те в одній і тій же формі можна було відлити різні варіанти кельтів цього типу, в тому числі й так звані нордійські — з високою воронкоподібною втулкою. Цікаво, що такі «нордійські» кельти також знайдені на території України, наприклад, скарб з Полтавської обл. (рис. 3, *3*).

Отже, з раннім етапом чорноліської культури, датованим 1200 — 1100 рр. до н. е., пов'язують кельти лужицького типу. Вони знайдені від Західного Бугу на заході до Лівобережжя Дніпра на сході.

З пізнім етапом чорноліської культури пов'язують кельти «чорнолісь-

Рис. 3. Ливарна форма з с. Жерденівка Гайсинського р-ну Вінницької обл. (*1*); ливарна форма з с. Писарівка Старокостянтинівського р-ну Хмельницької обл. (*2*); скарб з Полтавської обл. (*3*)

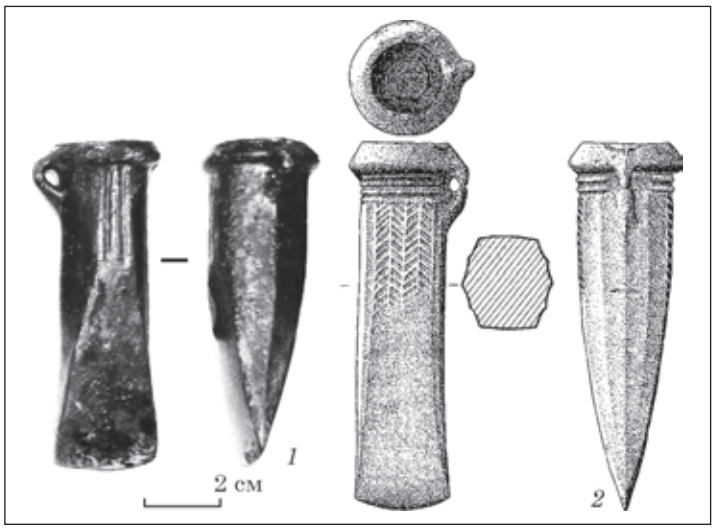


Рис. 4. Модулі чорноліських кельтів: *1* — раньочорноліський, Шаргородський скарб; *2* — пізньочорноліський, Суботівський скарб 1955 р.

кого» варіанту, що відрізняються від класичних лужицьких «ялинковим» орнаментом. Прикладом чорноліського варіанту можна назвати кельт з Суботівського скарбу 1955 р., розкоп IV (рис. 4, *2*). Усі скарби, знайдені на Суботівському городищі, належать до заключного етапу існування городища, який ми датували на підставі радіовуглицевих дат 834—820 ВС, часом чорногорівської експансії [Klochko, Kovaliukh, Skripkin, Motzenbecker, 1998; Klochko, 2001, p. 326; Клочко, 2006, с. 280—289].

Таким чином, кельт з Шаргородського скарбу запропоновано як модуль ранньочорноліських кельтів (рис. 4, *1*), а кельт з Суботівського скарбу 1955 р., як модуль пізньочорноліських кельтів (рис. 4, *2*).

Березанська С.С., Клочко В.І. Гордіївський могильник // Гордіївський могильник. — Вінниця, 2011. — С. 7—113.
Клочко В.И. Восточная граница (на Левобережной Украине) влияний круга лужицкой культуры // Ziemie Polskie we wczesnej epoce żelaza i ih powizania z innymi terenami. — Rzesyw, 1992. — С. 183—188.
Клочко В.І. Озброєння та військова справа давнього населення України. — К., 2006. — 337 с.
Klochko V.I. Weapons of the tribes the Northern Pontic zone in the 16th—10th centuries BC. — Poznań, 1993. — 137 p. (Baltic-Pontic Studies. — Vol. 1).
Klochko V.I., Kovaliukh N.N., Skripkin V.V., Motzenbecker I. The Chronology of the Subotiv Settlement // Radiocarbon. — 1998. — **40** (**2**). — P. 667—673.
Klochko V.I. Weaponry of Societies of the Northern Pontic culture circle: 5000—700 BC. — Poznań, 2001. — 376 p. (Baltic-Pontic Studies. — Vol. 10).
Kloczko W.I., Manichev V.I., Kompanec G.S., Kovalchuk M.S. Wychodnie rud miedzi na terenie Ukrainy zachodniej jako baza surowcowa metalurgii kolorowej w okresie funkcjonowania kultury trypolskiej // Folia Praehistorica Posnaniensia. — Poznań, 2003. — **X/XI**. — S. 47—78.

В. І. Клочко

О ВТУЛЬЧАТЫХ ТОПОРАХ-КЕЛЬТАХ ЧЕРНОЛЕССКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье определяются типы бронзовых втульчатых топоров-кельтов, характерных для раннего и позднего этапов чернолесской культуры Украины.

Ключевые слова: втульчатые топоры-кельты, чернолесская культура, поздний бронзовый век, ранний железный век.

V. I. Klochko

ON SOCKETED AXES — CELTS OF THE CHORNYI LIS CULTURE

The article defines the types of bronze bush axes — celts, characteristic of the early and late stages of the Chornyi Lis («Black Forest») culture of Ukraine.

Keywords: socketed axes, celts, Chornyi Lis culture, Late Bronze Age, Early Iron Age.

Одержано 14.03.2016

УДК: 904.24/25(395)"6383"

Л. С. Клочко

ДЕКОРАТИВНІ ЕЛЕМЕНТИ ЖІНОЧОГО ВБРАННЯ НА ЗЕМЛЯХ ПРАВОБЕРЕЖНОЇ СКІФІЇ

У статті йдеться про особливості костюмних комплексів, матеріали для вивчення яких знайдено на території Лісостепового Правобережжя. Жіноче вбрання вирізняли такі елементи як цвяхоподібні сережки, шпильки, прикраси з самоцвітів. Ці декоративні засоби оформлення костюмів були етнолокальними ознаками костюмів місцевого населення з регіону скіфів-орачів.

Ключові слова: костюмні комплекси, етнолокальні ознаки, декоративні елементи.

Майже 200 років тому археологи звернулися до вивчення костюма. Науковці визначили, що цій категорії культури притаманні такі риси, як історичність і значний інформаційний потенціал. Адже вбрання тієї чи іншої спільноти відбиває технічні та технологічні досягнення, зв'язки, соціальні відносини, вірування, звичаї, моральні норми, художні традиції, тобто містять відомості про матеріальну та духовну сферу буття суспільства і окремої людини.

У ході опрацювання матеріалів, за якими можна скласти уявлення про вбрання, спеціалісти виробили низку методів дослідження. Насамперед, це комплексний та компаративний аналіз археологічних та писемних пам'яток. Зазначені способи вивчення джерел дозволяють накреслити пунктирні лінії, за якими можна реконструювати костюмний комплекс або його складові. Слід наголосити, що реконструкція — не тільки результат, але також і метод вивчення костюма, адже в деяких аспектах вона відповідає такому поняттю, як моделювання (макетування): перенесення характеристик одного об'єкта на інший з метою визначення його особливостей та перевірки достовірності гіпотез. Важливе значення у відтворенні костюмів праісторичних народів мають і досягнення етнології: дослідники стародавнього костюма користуються понятійним апаратом, спираються на деякі теоретичні засади, залучають спостереження етнографів та етнографічні колекції.

Значна кількість розвідок присвячена скіфському костюму. База для дослідження теми включає не тільки археологічні, але й писемні пам'ятки. Археологічні матеріали складають великі групи: рештки вовняних, лляних, конопляних та навіть шовкових тканин, а також повсті, шкіри; золоті, срібні, бронзові декоративні елементи — аплікації для оформлення головних уборів, одягу, взуття, зафіксовані в могилах in situ; ювелірні вироби — особисті прикраси та витвори торевтики, на яких подано зображення костюма. Все це, а також твори античних істориків, мандрівників, письменників становить основу для реконструкції костюмів та визначення особливостей їх функціонування.

В центрі уваги фахівців найчастіше опиняється вбрання власне скіфів, тобто, прибульців — номадів, хоча й костюми населення Лісостепової Скіфії також ставали темою дослідження. Так, одяг та прикраси мешканців Правобережжя Середнього Придніпров'я розглядала В.Г. Петренко. Вона зібрала відомості про рештки текстилю, золоті аплікації з поховань V—III ст. до н. е, але не запропонувала реконструкцій костюмних комплексів або окремих елементів [Петренко,1964, с. 28—35]. Слід також назвати статті В.А. Іллінської, Т.В. Мірошиної, Л.С. Клочко, у яких представлено інтерпретацію змісту зооморфних образів — деталей оформлення уборів, варіанти реконструкцій різних компонентів костюмів [Іллінська, 1971, с. 73—79; Мірошина, 1977, с. 77—94; Клочко, 2008, с. 23—42].

© Л.С. КЛОЧКО, 2016

Рис. 1. Реконструкція костюма скіф'янки за матеріалами дослідження Великого Рижанівського кургану (Черкаська обл.; IV ст. до н. е.)

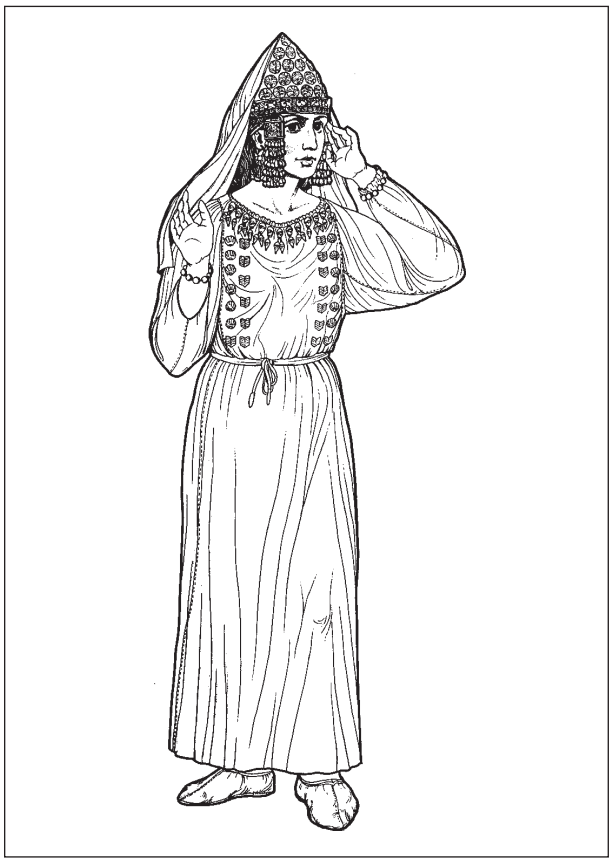


Рис. 2. Костюм скіф'янки за знахідками в кургані поблизу с. Новоселки (Черкаська обл.; IV ст. до н. е.)

Для вивчення вбрання населення Правобережної Скіфії дослідники залучають здебільшого декоративні засоби: пластинки-аплікації, сережки, різноманітні нашийні та наручні оздоби — тобто, знімні (накладні) прикраси. Застосування методики реконструкції костюмів за археологічними матеріалами дало результати: було відтворено архаїчні головні убори (курган № 100 поблизу с. Синявка, № 35 поблизу с. Бобриця, Переп'ятиха) [Клочко, 2012, с. 223—232], а також костюми IV ст. до н. е. з курганів № 4 поблизу с. Новоселки та Великому Рижанівському [Клочко, 2008, с. 23—42; 1992, с. 99; 1998, с. 139—151] (рис. 1; 2).

Особливості костюмів скіф'янок відбивають декоративні елементи, зокрема, комбінації знімних прикрас. Деякі оздоби є знаками етнолокальної своєрідності вбрання. Його дослідження дозволяє відтворити комплекти чи набори прикрас, притаманних жителям регіону, визначити їх характеристики у контексті історії костюма населення Скіфії.

Як відомо, корені культури населення Правобережного Лісостепу слід шукати у колі білогрудівсько-чорноліських пам'яток [Ильинская, Тереножкин 1983, с. 283]. Аксіомою є спостереження дослідників: форми повсякденного одягу завжди пристосовані до кліматичних умов і відповідають вимогам господарської діяльності, тому впродовж довгого часу зберігають риси локальної своєрідності. За висновками етнографів «крій одягу та інші його характеристики в цілому формуються не в рамках народу, а в межах регіону» [Лобачева, 1989, с. 35]. Парадне вбрання вирізняється переважанням знакових функцій над утилітарними. Аналіз археологічних залишків одягу, взуття, декору дає можливість розкрити символіку окремих елементів, загальний характер костюма за простими опозиціями: чоловічий — жіночий; повсякденний — парадний; бідний — багатий, а також виявити більш глибинні явища буття етносу, втілені в убраннях. Костюми мешканців Скіфії були різними, а відмінності відбивають, насамперед, етнічну неоднорідність населення.

С.С. Бессонова, досліджуючи економічний та культурний розвиток у Лісостепових регіонах Скіфії, зазначила, що у VII — на початку VI ст. до н. е. скіфи-номади прийшли до регіону компактного проживання нескіфських племен, і в середовищі останніх відмічаємо «прояви культури скіфського типу» [Бессонова, 1999, с. 149]. У декоруванні одягу перевагу надають таким засобам як аплікації. Хоча їх застосовували і «чорнолісці», але цей спосіб декору, мабуть, не домінував, а був одним з прийомів оздоблення [Клочко, 2001, с. 30]. Жінки — мешканки Лі-

состепового Правобережжя використовували золоті аплікації, на яких представлено образи у звіриному стилі — олень, кінь (гірський козел) (с. Синявка, Бобриця), а також — запозичені з мистецтва Передньої Азії — грифон (с. Переп'ятиха) (рис. 3, *1—3*). Але й геометричні мотиви, властиві для орнаментів місцевих землеробів, зберігають зміст і декоративне значення. Йдеться про трикутники з концентричних кілець та фігурні пластинки, вирізані за контуром, утвореним зображенням трьох кіл (рис. 3, *4, 5*). За спостереженнями М.Н. Дараган, аналогії таким виробам зафіксовані в південногальштатській групі Dolenjska. Саме як прикраси головного убору трикутники зі з'єднаних кілець знайдено на території Центральної та Південної Європи [Дараган, 2011, с. 607].

Пластинки-аплікації деяких типів виготовляли, імовірно, місцеві майстри (тобто, з регіону Правобережного Лісостепу), маючи за зразок, крім «пірамідок з трьох кружалець», твори у скіфському звіриному стилі. Наприклад, аналіз зображень гірського козла (чи коня) доводить, що витвори було виконано особою, яка «не розуміла декоративного значення деяких елементів», а тому їх відтворення відрізняється від «першоджерела» [Виногродська, 2000, с. 17—23]. Місцеві майстри з позицій власного естетичного досвіду інтерпретували образ оленя. Це добре видно, якщо порівняти манеру відтворення тварини у VII—VI і в V—IV ст. до н. е. [Грибкова, 2014, с. 103, 107].

У цих же (тобто, місцевих) майстернях були зроблені знімні прикраси, притаманні вбранню населення Лісостепового Правобережжя. Йдеться, насамперед, про сережки деяких типів, а також намисто з напівкоштовного каміння та шпильки — елементи костюмів, які мали значення етнолокального індикатора. Походження названих прикрас пов'язано з матеріальною культурою племен передскіфського часу у Середньому Подніпров'ї, Центральної та Північно-Західної Європи.

Сережки. За доби скіфської архаїки на землях Дніпровського Правобережжя та Західного Поділля були поширені так звані цвяхоподібні сережки (чи завушниці) — вироби, що нагадують перекручений у формі S або дугоподібно зігнутий гвіздок з пласкою чи опуклою шляпкою. Польські археологи аналізували аналогічні сережки, знайдені серед пам'яток лужицької культури. Походження завушниць — питання, яке в тому чи іншому контексті висвітлювали Т. Сулимірський, К. Москва, М. Душек, М. Пардуц, А.І. Мелюкова [Sulimirski, 1936; Moskwa, 1963, s. 253—259]. Висновки науковців збігаються: гвіздкові підвіски виникли під впливом скіфських зразків, а деякі екземпляри є імпортованими зі Скіфії [Bukowski, 1960, p. 70—72]. В.Г. Петренко виділила 5 типів цвяхоподібних сережок, але висновки про їх походження досить суперечливі. В.Г. Петренко розглянула

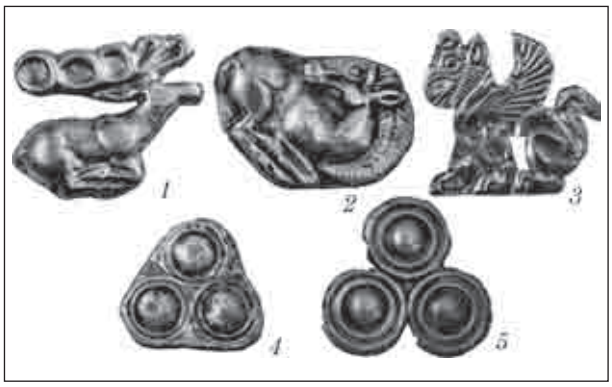


Рис. 3. Пластинки — аплікації — оздоби архаїчних головних уборів з курганів Лісостепового Правобережжя (VII—VI ст. до н. е): *1, 4* — з кургану 100 («Могила Тернівка») поблизу с. Синявка Черкаської обл.; *2, 5* — з кургану 35 поблизу с. Бобриця Черкаської обл.; *3* — із зображенням грифона (курган Переп'ятиха)

різні гіпотези стосовно сережок 1 та 2-го типів [Петренко, 1978, с. 21—26]. З одного боку, автор не заперечує можливості того, що скіфські моделі є переробкою грецьких «завушниць». Хоча певні сумніви спонукали її до застереження: «… Якщо грецькі сережки VIII ст. до н. е. й були початковою формою цвяхоподібних сережок, то в VI ст. до н. е. останні, без сумніву, стали частиною місцевого лісостепового комплексу» [Петренко, 1978, с. 26]. Крім того, на думку В.Г. Петренко, сережки з круглого у перерізі стрижня, кінці якого розклепані у вигляді головки цвяха (3-й тип), є однією з гілок розвитку 1-го типу, що не дістала поширення. Але нижче в тексті дослідниця зіставляє сережки 3-го типу з підвісками, спірально вигнутими з відрізка стрижня, на одному кінці якого — пласка шляпка, а на іншому — конічна шишечка, знайденими на території Трансільванії, Угорщини, Південної Словаччини [Мелюкова, 1979, с. 104, рис. 34, *17, 18*]. Відзначивши подібність загального абрису та деталей, В.Г. Петренко висловила припущення про вплив північно-фракійських прикрас на формування скіфських цвяхоподібних [Петренко, 1978, с. 26]. Ця думка викликає заперечення, насамперед тому, що названі фракійські оздоби зроблено не раніше VI ст. до н. е., а схожі на них скіфські, як свідчать матеріали з к. Переп'ятиха, були елементами костюма вже в середині VII ст. до н. е. [Скорий, 1990, с. 34—36].

Цвяхоподібні сережки з території Скіфії складають одну групу, до якої належать кілька типів прикрас, що розрізняються загальним абрисом та технологією виготовлення. До архетипу належать сережки з круглого у перерізі дроту, кінці якого оформлено маленькими щитками, тобто, тип III за класифікацією В.Г. Петренко, IIb — К. Москви, IIc — З. Буковського [Петренко, 1978, табл. 16, *48—59*]. На мій погляд, ці оздоби є модифікацією сережок, які з'явилися в пам'ятках передлужицької культури у другій половині II тис. до н. е. Про

Рис. 4. Цвяхоподібні сережки (VII—VI ст. до н. е.): *1* — з двома щитками, курган 1 поблизу с. Трипілля Київської обл.; *2, 3* — з двома круглими напівсферичними щитками та петлеподібною дужкою, курган 100 («Могила Тернівка») поблизу с. Синявка Черкаської обл.; *4* — з двома круглими напівсферичними щитками різного розміру та петлеподібною дужкою із круглого у перетині дроту, курган Реп'яхувата Могила, поховання 1 поблизу с. Матусів Черкаської обл.; *5* — з напівсферичним щитком та петлеподібною дужкою, курган 447 поблизу с. Журавка Черкаської обл.; *6* — з конусоподібним щитком і тоненькою дротяною дужкою, вигнутою у формі гачка, курган 447 поблизу с. Журавка Черкаської обл.

це свідчать матеріали з поховання на території Польщі (Куяви, Круща Подлотова), яке має абсолютну дату 1263 р. до н. е. Йдеться про підвіски з бронзового, круглого у перетині стрижня, вигнутого у вигляді підкови, розклепані кінці якої знаходяться у різних площинах (діаметр щитка — 8, стрижня — 2, висота — 14 мм) [Klocko, Czebreszuk, 1997]. Це один з аргументів на користь версії про західне походження цвяхоподібних сережок.

Отже, початковою формою гвіздкових сережок були моделі, зроблені зі стрижня (товщиною 2—3 мм) з потовщеним (цвяхоподібним, напівсферичним, біконічним — відповідно до завершення шпильки) одним кінцем та загостреним другим, а також з пласкими щитками чи потовщеннями з двох боків. Оформлення кінців (потовщення) майстри здійснювали, розклепуючи стрижень.

Пізніше з'явилися похідні зразки різних типів. Один з них — сережки з напівсферичним щитком та спірально вигнутою дужкою, розклепаною на кінці. Таких прикрас знайдено найбільше [Петренко, 1978, с. 15—20, 22—41, 46]. Ще один тип — сережки з двома щитками (різними за розмірами), з'єднаними дужкою [Петренко, 1978, табл. 16, *1—7, 10—13*]. Обидва типи набули поширення в VI ст. до н. е., а пізніше з'явилися варіанти цих прикрас. Їх здебільшого відливали у кам'яних формах, доробляючи деталі куванням. Деякі екземпляри виготовляли з двох або трьох елементів — тобто, окремо вигинали стрижень, до кінців якого припаювали одну або дві напівсферичні шляпки (однакові за розмірами або різні). Загальна форма цих оздоб знайшла продовження в прикрасах з конусоподібними щитками різного розміру на одному чи на двох кінцях дужки [Петренко,1978, табл. 17, *14—20*].

Ще один тип складають сережки з великими пласкими чи ледь опуклими щитками (25—33 мм), до яких приєднано коротку дротяну дужку, зігнуту у вигляді петлі [Петренко, 1978, табл. 17, *8—12*]. Моделі, що належать до названих типів, є місцевими розробками цвяхоподібних підвісок. Їх виготовляли на рубежі VI—V ст. до н. е. на території всього Лісостепу (рис. 4, *1—3*).

Цвяхоподібні підвіски (чи сережки) є характерними елементами жіночого костюма, і лише в окремих випадках оздоби включали (по одному екземпляру) до вбрання чоловіків. У них сережки, імовірно, відігравали роль оберега, знака локальної своєрідності убрання, соціальної належності. Наприклад, в кургані 1 поблизу с. Трипілля (Київської обл.) знайдено золоту оздобу з невеличкими опуклими щитками на обох кінцях спірально зігнутого стрижня [Ханенко Б., Ханенко В., 1889, табл. XXIX, *423*; Петренко, 1978, с. 26, табл. 16, *54*]. Схожа бронзова сережка була єдиною прикрасою хлопчика-слуги у похованні 2 в кургані Реп'яхувата Могила (с. Матусів, Черкаська обл.) [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 239].

Цвяхоподібні сережки у I тис. до н. е. набули поширення на великій території Європи — зокрема, в Польщі (серед пам'яток лужицької культури), а окремі оздоби знайдено в Данії. Але найбільше таких сережок виготовляли для жінок з племен Лісостепової Скіфії, переважно — Дніпровського Правобережжя та Західного Поділля. Можливо, звідси прикраси цієї групи потрапили і до Лівобережного Лісостепу, а також в області підгірцевської, милоградської та юхнівської культури.

Напівкоштовне каміння. Ще одна особливість костюмних комплексів регіону — намисто з напівкоштовного каміння. Разки бурштину, гірського кришталю, сердоліку в VII—VI ст. до н. е. були нашийними та наручними (браслети-перев'язки) прикрасами жіночих і подекуди дитячих костюмів [Петренко, 1967, с. 34]. Найчастіше матеріалом декору вбрання був бурштин. Його використання — традиція, корені якої сягають доби бронзи. Про це свідчать знахідки в пам'ятках середньодніпровської, тшинецької, комаровської культур [Артеменко, 1961, с. 54—55; Клочко В., 2008, с. 217].

Найбільш яскраві комплекси зафіксовано в кургані 100 поблизу с. Синявка та № 35 поблизу с. Бобриця (Черкаська обл.). Ці поховання вирізняють золотий декор головних уборів, цвяхоподібні сережки та шпильки, а також нашийні прикраси з напівкоштовного каміння та склоподібної маси. Так, у кургані 100 знайдено намисто із сердоліку, агату і скла (26 екз.), а також бурштину — 84 намистини у формі октаедра складали разок [Бобринский, 1887, табл. XVII, *10*] (рис. 5, *1*). У кургані 35 у костюмі однієї з небіжчиць було дві низки намиста: верхня — 32 штуки топазів, сердоліків, агатів, гірського

Рис. 5. Нашийні прикраси з намиста з бурштином (VII—V ст. до н. е.): *1* — низки з кургану 100 («Могила Тернівка») поблизу с. Синявка Черкаської обл.; *2* — з самоцвітів з кургану 35 поблизу с. Бобриця Черкаської обл.; *3* — курган 40 поблизу с. Гуляй Город Черкаської обл.; *4* — низка з костюмного комплексу з кургану 330 поблизу с. Гуляй Город Черкаської обл.; *5* — курган 432 поблизу с. Журавка Черкаської обл.; *6* — низка з колекції О. Бобринського (Канівський р-н Черкаської обл.)

кришталю і хризоліту; нижня — 40 екземплярів різнокольорового каміння, серед яких — 2 великих бурштинових намистини (у формі неправильної зрізаної пірамідки) [Бобринский, 1887, табл. XVIII; 1894, табл. XXI, *1*]. У могилі поховали ще одну жінку, убір якої прикрашали бронзові цвяхоподібні сережки та шпильки. Біля лівої руки покійниці поклали блюдо, під нього — довгу низку, яка включала, крім чорного та білого намиста зі склоподібної маси, ще 125 бурштинових кулястих дрібних намистин [Бобринский, 1887, табл. XVIII, *7*; 1894, табл. XXI, *1*] (рис. 5, *2*). Зі звітної документації відомо, що бурштинові вироби були серед знахідок у кургані Переп'ятиха. Йдеться про бурштинові намистини та фрагмент пластинки, яку, можливо, використовували як вставку [Скорий, 1990, с. 34, рис. 5, *18*]. Цей курган є «усипальницею одного з могутніх скіфських вождів», похованого з супровідними особами, серед яких були скіфи-іранці та представники місцевих племен [Скорий, 1990, с. 94].

Бурштинові прикраси були також у костюмах жінок, які не належали до аристократичних кіл, хоча мали золоті оздоби (курган 25 поблизу с. Казаровка, Медвин, розкопки 1906 р.) [Ковпаненко, 1981, с. 26, 47, 119].

З часів скіфської архаїки до нас дійшли рештки начільної стрічки у кургані Реп'яхувата Могила [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1979, с. 35]. У звіті зазначено, що на лобі небіжчиці, мабуть, була пов'язка, від якої залишилися два ряди намистин: 39 циліндричних блакитних з непрозорого скла та 32 кулястих з бурштину (розміри 0,4—0,7 см). Ці прикраси (намистини) невеличкі, а якщо їх нашити на текстильній смужці у два ряди зверху та знизу, то вистачить, щоб оздобити частину убору від скроні до скроні. Стрічка, мабуть, була вузенькою (3—5 см), адже разки намиста, прикріплені на великій площині, втратять декоративний ефект. Комплекс головного убору жінки складали також золоті сережки з напівсферичними щитками та дві бронзові цвяхоподібні шпильки.

Бурштинові намистини, з яких складали нашийні та наручні прикраси, знайдено серед декоративних деталей костюмів у похованнях жі-

нок на річці Тясмині — поблизу с. Гуляй Город (кургани 33, 38, 40, 330). Вбрання жінки, похованої в кургані № 33, прикрашали сердолікові (кулясті), гешировi, бурштинові намистини. Останні вирізняються кількістю (вони складають більшість у низці), а також різноманітністю форм та забарвленням. Вбрання небіжчиці доповнювали 2 бронзові браслети (на кожній руці), а серед супровідних предметів особливо цікавим є кам'яне блюдо [Ильинская, 1975, с. 14]. На думку В.А. Іллінської, такі предмети використовували для приготування косметики. Але Б.А. Шрамко вважає переконливими аргументи Б.Н. Гракова та К.Ф. Смірнова, на користь визначення блюд як переносних вівтариків [Шрамко, 1987, с. 102].

Необроблені уламки бурштину (три екземпляри) є складовою низки оздоб у костюмі жінки, похованої у кургані 38. Серед речей небіжчиці бачимо кам'яне блюдо, на якому збереглися шматочки фарби — червоної та жовтої [Ильинская, 1975, с. 15].

Набір намистин походить з кургану 40, у якому поховали три небіжчики [Ильинская, 1975, с. 15]. Жінці належала коротенька низочка з різнокольорових камінців: сердоліку, рожевого і коричневого халцедону, склоподібної маси та бурштину.

У костюмі небіжчиці з кургану 330 була низка намистин зі склоподібної маси, фаянсу, бурштину, а також — мушель, кісточок плодів [Ильинская, 1975, с. 17]. Бурштинові елементи — 3 непрозорі бусини світло-коричневого кольору, мабуть, складали центр нашийної оздоби. Особливо це припущення є логічним для великої намистини, форму якої в плані можна визначити як прямокутна трапеція (нижня і верхня основи 28 і 16, бічні сторони 20 і 2, товщина 7 мм). Отвір у намистині зроблено по діагоналі, мабуть, спеціально, щоб «спрямувати» донизу її трикутний (клиноподібний) край. Інші намистини вирізняються також пірамідальним абрисом. До такої схеми розміщення, можливо, спонукала символіка нашийної оздоби; серед її елементів — вістря стріли, що підкреслює значення всієї низки як оберега (рис. 5, *3*). Таку ж функцію мали і залізні браслети на кожній руці, і дві залізні шпильки, перехрещенні на грудях жінки.

Бурштин та інші самоцвіти були оздобами жінок, поховання яких дослідили поблизу сіл Жаботин (к. № 524) та Журавка (к. № 406, 407, 432, 447) [Ильинская, 1975, с. 20, 22, 24—26].

Серед супровідних речей майже у всіх комплексах (крім пограбованого кургану 432) увагу привертають кам'яні блюда. А характерні деталі вбрання небіжчиць шпильки: бронзові, срібні, залізні, як правило по дві, крім курганів 407 (Журавка) та 524 (Жаботин) — тут знайдено по одному стрижню. У костюмі жінки, похованої у к. 407, оздоби головного убору — золоті пластинки у формі трикутників з кружалець та із зображенням фігурки оленя. Крім того, у костюмі були бронзові цвяхоподібні сережки, дротяний браслет, разки намиста зі склоподібної маси, бурштину, скла та скляного бісеру [Ильинская, 1975, с. 24]. У кургані 432 збереглись тільки деякі декоративні вироби, зокрема — низка намиста. До її складу включено фаянсові, кістяні, бурштинові намистини [Ильинская, 1975, с. 25].

Найбільш багатим слід визнати поховання в кургані 447. Убрання жінки включало золоті декоративні елементи: дві цвяхоподібні сережки, пластинки різної форми, мабуть, прикраси головного убору (50 штук напівсфер та 50 трикутників), рубчасте намисто (13 екземплярів), а також низку з самоцвітів (26 намистин) — гірського кришталю, сердоліку, склоподібної маси, бурштину [Ильинская, 1975, с. 26]

Карта місцезнаходжень бурштину-сукциніту — викопної смоли з сосни показує кілька областей. Найбільше поширення (у геологічному плані) має балтійський сукциніт. Такий же за складом самоцвіт є і на території Україн (поблизу Києва, Харкова, на Волині) [Сребродольский, 1988, с. 11]. Породи, які містять бурштин, залягають на різній глибині; чим далі від Балтійського моря, тим вона більша. Тому саме на узбережжі Балтійського моря від острова Рюгена до Західної Двіни здавна видобували бурштин. Велике Клесовське родовище (на Волині) почали розробляти відносно недавно, бо сукциніт тут знаходиться досить глибоко. Отже, мабуть, саме балтійський бурштин мав попит у різних регіонах Європи, зокрема, у Середземномор'ї. Спеціалісти кажуть про кілька напрямків вивезення цих самоцвітів з районів видобування. Транспортування здійснювали річками, які зв'язували басейни Балтійського моря з Причорномор'ям та Середземномор'ям. Один з «бурштинових шляхів» склався на початку II тис. до н. е., а, можливо, ще у III тис. до н. е. Основною артерією, завдяки якій балтійський бурштин потрапляв до Середземномор'я, зокрема, Малої Азії, ймовірно, був Південний Буг («Буг-Бог») [Клочко В. 2008, с. 247].

Аналіз разків намиста показує, що для створення їх елементів (намистин) підбирали природні шматки сировини (бурштину). «Підправивши» їх, одержували різноманітні за формою вироби. Щоб зробити отвір, використовували розпечений стрижень із вістрям. Ці операції обробки бурштинової «гальки» є загальними, вони були притаманні майстрам у різних регіонах. Взагалі, виготовлення бурштинових виробів не включає складних у технологічному плані прийомів — фактор, який сприяв поширенню декоративного матеріалу. В низках намиста переважали біконічні, пірамідальні, дископодібні, циліндричні намистини, а також у формі октаедра (к. № 100 поблизу с. Синявка). На прикрасах добре видно сліди обробки сировини: різні абриси «заготовок» диктували ювеліру форму, розміщення граней. Можливо,

створення намистин з гранями — характерна ознака роботи місцевих майстрів. Вони здебільшого використовуючи сировину, яка надходила з районів Балтійського узбережжя, а також з інших регіонів [Klochko, 2009, p. 417—437].

Таке припущення виникло при порівнянні «намистин із огранкою» зі знайденими на землях, де здавна народилася традиція видобутку і використання бурштину, тобто близько від родовищ на Балтиці. Деякі форми схожі: біконічні, пірамідальні, дископодібні, циліндричні — такі намистини складають разки, знайдені на території Польщі та Німеччини, як пише відомий польський дослідник З. Буковський [Bukowski, 2002, ryc. 55; 59; 64; 65]. Але в його монографії нема згадок про такі складні фігури, як, наприклад, октаедр. Цікаво, що в середовищі племен Західної Європи за доби бронзи частіше робили прикраси з бурштину складних геометричних форм, а пізніше, як свідчать археологічні пам'ятки, превалюють варіанти кулястого намиста та зрізано-конічні вироби [Bukowski, 2002, s. 88; ryc. 61—63, 73].

Осередки «бурштинової моди» на просторах, які традиційно пов'язують зі скіфською культурою, існували впродовж VII—V ст. до н. е. У вбранні жінок з населення Лісостепового Дніпровського Правобережжя намисто у поєднанні із золотими оздобами підкреслювало високий суспільний статус власниці, було знаком її виділення у соціальній групі, до якої належала.

Рис. 6. Шпильки з костюмних комплексів Лісостепового Правобережжя (VII—V ст. до н. е.): *1* — цвяхоподібні, з пам'яток Дніпровського Правобережжя; *2* — варіанти оформлення цвяхоподібних шпильок: грибоподібні, конічні, біконічні голівки; *3* — з петлеподібними навершниками (Канівський повіт; с. Пекарі, колекція Кундеревича; з околиць Ржищева); *4* — посохоподібні; *5* — реконструкція зачіски, створеної із застосуванням двострижневих шпильок (автор З. Васіна); *6* — зі спіралеподібним навершям; курган 136 Тенетинківського могильника «А»; к. 1 поблизу с. Раковкат; Жаботин, поселення; Пастирське городище; к. 3, Братишов

Шпильки. Ще один етнолокальний знак, властивий костюмним комплексам Лісостепової Скіфії впродовж всього скіфського часу — шпильки [Петренко, 1978, с. 7—20; Клочко, 2007, с. 28—41]. Вони були індикатором поширення наплічного драпірувального одягу: плащів, накидок, а також головних уборів — покривал. Крім того, можливо, з допомогою шпильок жінки формували зачіски [Клочко, 2007, с. 34].

У Дніпровському Правобережжі за підрахунками В.Г. Петренко знайдено половину від усієї кількості шпильок, що були у вжитку в Скіфії. В.Г. Петренко виділила 30 типів, зазначивши, що початкові форми слід шукати у культурах доби бронзи Центральної та Південної Європи [Петренко, 1978, с. 20]. На основі зразків із цих регіонів, а також під впливом грецьких та фракійських художніх традицій у VII—VI ст. до н. е. було створено нові типи шпильок відповідно до практичних потреб та естетичних уподобань мешканців лісостепових областей. Шпильки робили з бронзи, срібла та золота, застосовую-

чи лиття у кам'яній формі, кування, подеколи поєднуючи ці технічні прийоми. Утилітарне призначення предметів не виключає їх знакових функцій. Окрім того, що шпильки вказували на належність до певної етнолокальної групи населення, існувала ще функція соціальна. Вона відбилася у матеріалах, з яких виготовляли шпильки, та їх оформленні.

Всі предмети з категорії «шпильки» можна розподілити на два відділи: вироби з цвяхоподібними та фігурними головками (чи верхівками). Що стосується перших, то вони є найчисленнішою групою прикрас, можливо, через відносно нескладну технологію виробництва. Такі вироби почали використовувати як застібки для одягу ще у II тис. до н. е. В комарівській, тшинецькій, передлужицькій, чорноліській культурах бачимо різні модифікації шпильок-«гвіздків». У скіфський час вони стали ознакою вбрання мешканок Лісостепових регіонів.

Найбільш поширеними в областях Дніпровського Лісостепового Правобережжя були шпильки зі стрижнем, оздобленим „рубчиками", який завершує пласка шляпка (рис. 6, *1*). Ймовірно, предмети виготовляли у місцевих майстернях, де встановлювали певні стандарти, які змінювалися відповідно до вимог замовника. Шпильки зазначеного типу відливали у роз'ємній формі, а потім доробляли гострим інструментом. Знайдено прикраси довжиною від 5 до 13 см, (діаметр шляпки 0,5—1,5 см), хоча є й довші — 24,5 см (діаметр верхівки 2,4 см). Схожими є вироби також з пласкою шляпкою, але з гладеньким стрижнем довжиною 9—18 см (діаметр головки 0,5—1,2 см) [Клочко, 2007, с. 30].

На цій самій території виготовляли шпильки з грибоподібною верхівкою та гладеньким стрижнем, а також декорованим рубчастими виступами (довжина 11—15,5, діаметр головки 0,4—1,2 см) (рис. 6, *2*). З центрів виробництва предмети потрапляли в інші райони: Побужжя, Західне та Східне Поділля, Поворскля, тощо. Слід відзначити шпильки з біконічним і конічним навершям, прикрашені рельєфними рубчиками на стрижні або гладенькі. Довжина їх від 8 до 14, діаметр головки 0,5—1 см [Клочко, 2007, с. 30].

Як вже зазначено, шпильки-«гвіздки» були деталями головних уборів та плечового вбрання. Це зафіксовано, наприклад, в курганах VII—VI ст. до н. е.: Переп'ятиха, № 100 поблизу с. Синявка, Репяхувата Могила тощо [Ильинская, 1983, с. 239]. Цікаво, що цвяхоподібні застібки для одягу застосовували навіть наприкінці IV ст. до н. е, як про це свідчать залишки вбрання жінки у похованні Великого Рижанівського кургану [Клочко, 1998, с. 145].

Упродовж VII—V ст. до н. е. у вжитку населення Лісостепових регіонів були шпильки і з фігурною верхівкою. Йдеться про стрижні, завершення яких має вигляд петлі — округлої або овальної — з відігнутим назовні кінцем. Такі шпильки з'явилися у мешканців «скіфських» територій Побужжя та Дніпровського Правобережжя [Клочко, 2007, с. 30]. Заготовками для виробів були круглі в перетині стрижні (переважно бронзові чи залізні); частину їх розклепували, перетворюючи на прямокутну смужку, з якої вигинали верхівку S-подібного абрису. З усіх знахідок вирізняється шпилька, кругла головка якої доповнена дротяним кільцем з роз'ємними кінцями (розміри 13 × 18 мм) (рис. 6, *3*).

За схожою технологією виготовляли виріб з великою голівкою (круглою чи овальною). Вона утворена з частини стрижня, також розклепаного до прямокутної у перетині смужки. Сплощений кінець стрижня спірально закручений [Ильинская, 1983, с. 233]. Довжина стрижня виробів 9,7—14, розміри навершя 2,1 × 2,1; 3,7 × 2,8 см [Петренко 1978, табл. 12, *1—5*].

Ширше застосовували екземпляри іншого типу — з маленькими верхівками. Їх робили в такий самий спосіб, тобто з круглого дроту, частину якого розклепували і загортали в маленьку спіраль. Цікаво, що в різних областях Скіфії, навіть степовій, були у використанні такі прикраси, але переважають вони, як і інші типи, в Дніпровському Правобережжі, а також в басейні Ворскли [Петренко, 1978, табл. 12, *14—28*].

У V ст. до н. е. жінки, які мешкали на землях Правобережного Лісостепу, носили «двострижневі шпильки», виготовлені з круглого в перетині дроту (1—2 мм завтовшки), розклепаного посередині. Заготовку виробу вигинали за певним шаблоном так, щоб вона набула вигляду двох паралельних стрижнів, з'єднаних увігнутою дужкою. Аналогії таким шпилькам є серед пам'яток іллірійських племен [Петренко, 1978, с. 19]. Довжина більшості шпильок 10—11 см, хоча є екземпляр короткий (до 6,7), а також довгий (13,5 см), завтовшки 4 мм. Прикраси, що походять з с. Грищенці Черкаської обл., зроблено з відрізка дроту (діаметром 4 мм), звуженого на кінцях. Одна із знахідок вирізняється тим, що стрижні внизу розведені на два боки [Петренко, 1978, табл. 14, *3*]. На думку дослідників, шпильками цього типу скріплювали не одяг, а жіночі зачіски. Ця думка виникла через подібність описаних виробів і сучасних шпильок для волосся. Тобто, вироби з увігнутою верхньою частиною, можливо, засвідчують появу нової зачіски [Клочко, 2007, с. 34] (рис. 6, *4*).

Серед шпильок є помітними бронзові вироби з фігурною верхівкою, утвореною багатовитковою пласкою спіраллю. Знахідки трапилися в Західно-Подільському та Києво-Черкаському регіонах (рис. 6, *5*). Аналогії прикрасам — серед матеріалів тшинецької, комарівської, висоцької, лужицької культур [Крушельницька, 1985, с. 68, 76, 82].

Ці та інші знімні прикраси окреслюють костюмні комплекси населення регіону. В архаїчний час набори знімних декоративних засобів включають такі категорії: 1) цвяхоподібні сережки, шийно-нагрудні прикраси: разки на-

миста із самоцвітів, бурштину, зрідка золотих пронизок, шпильки (Синявка, курган 100; Бобриця, № 35; Журавка, № 407, 447; Реп'яхувата Могила); 2) сережки, наручні прикраси: браслети з металу та намистин (перев'язки), шпильки (Гуляй-город, к. № 33, 330). Характерною ознакою вбрання цього часу є композиційне та змістовне поєднання різних за походженням мотивів та образів в оздобленні головних уборів та одягу: геометричні візерунки та витвори у скіфському звіриному стилі.

На рубежі V—IV ст. до н. е. лісостепові території, мабуть, стали повністю залежними від кочовиків степу [Бессонова, 1999, с. 149]. На землях Скіфії склалося елліно-скіфське мистецтво, і в костюмах найбільш яскраво відбилася взаємодія місцевих, «іранських» (тобто, власне скіфських) та еллінських елементів. Вплив скіфського степового костюма проявлявся по-різному: наприклад, із Західного Поділля походить найменше прикрас греко-скіфського стилю, а з регіону Дніпровського Правобережжя — найбільше. Про зміни принципів декоративного мистецтва на цій території свідчать і кераміка, і прикраси. У костюмах жінок спостерігаємо появу нових оздоб, походження яких пов'язано з еллінською культурою. Йдеться, зокрема, про сережки, які у зарубіжній літературі називають «човникоподібні», «кораблики», «місяцеподібні». Такі визначення відбивають уявлення про витоки форми: її походження пов'язане з художнім образом човна-місяця, тобто, місяця, оберненого ріжками догори. Про походження форми, її модифікацію, семантику писали різні автори. Поширення таких сережок у Скіфії припадає на V—IV ст. до н. е. Найбільш ранні екземпляри (V ст. до н. е.) знайдено саме на землях Лісостепового Правобережжя (кургани № 383 поблизу с. Грушківка Черкаської обл., № 6 поблизу с. Лукаші Київської обл.) (рис. 7, *1—3*). «Кораблики» подібні за загальними контурами, оформленням «ріжок», але розрізняються деталями декору корпуса. Як зазначала В.Г. Петренко, це характерно для всіх оздоб цієї групи (тобто, сережок-корабликів): «вони не стали масовою продукцією, призначеною для ринку, а лишались індивідуальними витворами». Крім виробів, появу яких традиційно пов'язують зі скіфською чи степовою модою, на цих землях (тобто, в Лісостеповому Правобережжі) мали поширення предмети, виконані з урахуванням місцевих мистецьких традицій. Як уже було зазначено, в Середньому Придніпров'ї працювали майстерні, в яких виконували замовлення місцевого населення. Ювеліри робили оздоби за зразками, які вважали «престижними» представники місцевої еліти. Йдеться, наприклад, про сережки, форма корпуса яких нагадує стилізоване зображення водоплавного птаха (рис. 7, *4*). Такі прикраси з'явилися у IV ст. до н. е., мабуть, під впливом моделей «корабликів» [Петренко, 1978, с. 29, 31].

У зазначених майстернях ювеліри створювали і цілком оригінальні вироби, що є яскравим свідченням зміни смаків населення Правобережжя. Особливо цікавими в цьому плані є матеріали з поховання в кургані 4 поблизу с. Новосілки Черкаської обл. [Bydlowsky, 1904, s. 42] (рис. 1). У костюмі жінки спостерігаємо поєднання декоративних елементів різного стилю. Особливо привертають увагу скроневі підвіски — унікальні багатодетальні прикраси, які прикріпляли до начільної пов'язки (рис. 7, *5*). Основна деталь кожної підвіски — пластина складної конфігурації: три сторони (бічні та нижня) утворюють прямокутник з хвилястим верхнім краєм. Знизу пластина оформлена каскадом маленьких овальних та трапецієподібних привісок, розміщених у 6 рядів на коротких ланцюжках. На прямокутному полі у рамці з невеличких відтиснутих квадратиків — рельєфне зображення сцени битви людини з грифоном. Персонажі показані у профіль. Особливо виділено грифона: голова з круглим оком і хижо вигнутим дзьобом, довга шия з гребенем, великі крила підкреслені паралельними рельєфними смугами. Підім'ятий чудовиськом, на спині лежить чоловік. Кількома штрихами змальовано його одяг, характерний для скіфів, зокрема, куртку з видовженими полами. Сюжет, можливо, передає уявлення про одвічну боротьбу добра і зла, життя і смерті, втілене у битві героя з фантастичною істотою, перемога над якою символізує утвердження буття через подолання смерті. Так можна узагальнити зміст сцен «протистояння», характерних для

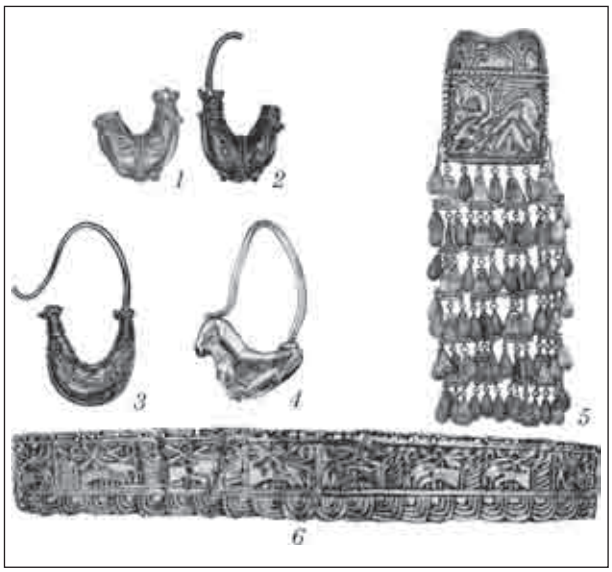


Рис. 7. Декоративні елементи із костюмних комплексів на землях скіфів-орачів (V—IV ст. до н. е.): *1, 2* — сережки типу «кораблик» з кургану 6 поблизу с. Лукаші Баришівського р-ну Київської обл.; *3* — сережка-кораблик з кургану 383 поблизу с. Грушківка Черкаської обл.; *4* — сережка зі стилізованим зображенням водоплавного птаха; *5* — скронева підвіска — багатодетальна прикраса, основна деталь якої пластина складної конфігурації, оформлена знизу каскадом маленьких привісок; *6* — золота довга пластина, так звана метопіда — прикраса налобної стрічки (*4—6* — курган 4 поблизу с. Новоселки Черкаської обл.)

Рис. 8. Золоті пластинки — прикраси головних уборів та одягу — з курганів Лісостепового Правобережжя (V—IV ст. до н. е.): *1, 3—6* — елементи декору костюма скіф'янки з кургану 4 поблизу с. Новоселки Черкаської обл.; *2* — з рельєфним зображенням сфінкса з подвійним тулубом з кургану 2, уроч. Галущине поблизу с. Пастирське Черкаської обл.

індоєвропейських народів. Ідею відродження уособлюють і пагони рослин, вміщені у верхній (фігурній) частині основної деталі підвісок — по два на кожній пластинці (зображення рослин за абрисом схожі на крин). У передачі мотивів і образів — відображення своєрідності художнього стилю, який вирізняє вироби місцевих майстрів. Серед їхніх витворів і оздоба начільної стрічки скіф'янки — золота видовжена прямокутна смужка (довжина 24, ширина 2,5 см), так звана «метопіда». Поверхня смужки традиційно розділена на дві частини. Верхній фриз — ритмічний ряд стилізованих зображень лосиних голів, обернених вліво. Художник відтворив видові ознаки тварини: характерні контури рогів, горбоносу морду. Це унікальний орнамент, створений з дотриманням принципів звіриного стилю. Нижній ярус на стрічці — традиційна смуга з овів та напівовів, нанесених трьома тоненькими рельєфними лініями.

Унікальні орнаменти і сюжети на золотих накладках вирізняють декоративні елементи з усіх прикрас костюмів. Крім описаних виробів, увагу привертають пластинки із зображенням стилізованої пальметки (?), а також так званого «здвоєного» сфінкса (його тулуб передано в дзеркальній симетрії відносно голови). Цей образ (здвоєного сфінкса) надзвичайно цікавий і вимагає окремого аналізу, але слід підкреслити, що мотив набув поширення у Правобережній Скіфії впродовж IV ст. до н. е., на відміну від інших варіантів відображення образу сфінкса (наприклад, аналогії образу, представленому на лекіфі з Фанагорії, на сережках із Трибратнього кургану тощо), які ми бачимо серед пам'яток Степової Скіфії, а на землях Правобережжя їх майже нема (рис. 8, *1—4*).

Під впливом власне скіфських (тобто, притаманних прибулим кочовикам) художніх традицій золоті пластинки-накладки стали основним видом оздоблення головних уборів, одягу, тощо. Коштовні прикраси із зооморфними мотивами були «знаками престижу», які виділяли тільки костюми представників аристократичних кіл, але декоративні елементи показують зміну «смаків» усього населення. Форми головних уборів, на яких прикріплювали аплікації, були властиві місцевому населенню, хоча пізніше з'явилися різні їх модифікації, пов'язані з еллінськими впливами (рис. 2). За такою ж схемою змінився одяг: згодом він набув рис вбрання скіф'янок-степовичок. Але жінки з Правобережного Лісостепу завжди носили пояс, незмінним аксесуаром їхнього вбрання були шпильки, які свідчать про використання плащів.

Поява кочовиків на землях Східної Європи спричинилася до утворення двох областей, мешканці яких носили різний одяг: 1) Лісостепова зона з населенням осілих землеробів, де пріоритетними були поєднання зшитого рукавного (глухого і розпашного) одягу та незшитих (драпірувальних) форм; у жіночому і чоловічому вбранні обов'язковим є пояс; 2) степові регіони, де кочовики не носили драпірувального одягу, а пояс — неодмінна деталь тільки чоловічого костюма.

Артеменко И.И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. — М., 1961. — 180 с.

Бессонова С.С. Калачиковидные серьги и греко-варварские контакты VII—IV вв. до н. э. // БИ. — Симферополь; Керчь, 2007. — Вып. XVI. — С. 3—26.

Бессонова С.С. Український Лісостеп скіфського часу. Історико-географічна ситуація // Археологія. — 1999. — № 1. — С. 148—160.

Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. — К., 1983. — 140 с.

Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. — СПб., 1887. — Т. I. — 172 с.

Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. — СПб., 1894. — Т. II. — 225 с.

Виногродська Я.О. До інтерпретації зображень на бляшках скіфського архаїчного головного убору. // Музейні читання: Матеріали наук. конф. — (Київ, 24 грудня 1999 р.). — К., 2000. — С. 17—23.

Грибкова А.А. Олень раннескифского времени на пластинах-аппликациях из скифских курганов Украинской Лесостепи // Музейні читання: Матеріали наук. конф. «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки» (Київ, 18—20 листопада 2013 р.). — К., 2014. — С. 101—108.

Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. — К., 2011. — 830 с.

Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р.Тясмин. — К., 1975. — 222 с.

Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусова. // Скифия и Кавказ. — К., 1979 — С. 27—38.

Іллінська В.А. Золоті прикраси скіфського архаїчного убору // Археологія. — 1971. — Вип. 4. — С. 73—79.

Клочко В.І. Торговельний шлях Буг-Бог // Na pograniczu światów. Studia z pradziejów międzymorza

bałtycko-pontyjskiego ofiarowane Profesorowi Aleksandrowi Kośko w 60. rocznicę urodzin. — Poznań, 2008. — С. 239—249.
Клочко Л.С. Плечовий одяг скіф'янок // Археологія. — 1992. — № 3. — С. 95—106.
Клочко Л.С. Реконструкция костюма женщины из боковой могилы Большого Рыжановского кургана // MiSROA. — 1998. — Т. XIX. — С. 139—151.
Клочко Л.С. Шпильки у вбранні населення Скіфії // Музейні читання: Матеріали наук. конф. «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки» (Київ, 11—13 грудня 2006 р.). — К., 2007. — С. 28—41.
Клочко Л.С. Жіночі головні убори племен Скіфії за часів архаїки // Музейні читання: Матеріали наук. конф. «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки» (Київ, 12—14 листопада 2007 р.). — К., 2008. — С. 23—42.
Клочко Л.С. Костюми племен Скіфії в контексті зв'язків із населенням Європи. // Na pograniczu światów. Studia z pradziejów międzymorza bałtycko-pontyjskiego ofiarowane Profesorowi Aleksandrowi Kośko w 60. rocznicę urodzin. — Poznań, 2008. — С. 217—238.
Клочко Л.С. Уборы скифских жриц // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa: J. Chochorowski Dedicatae. — Kraków, 2012. — С. 223—232.
Клочко Л.С., Васіна З.О. Жіночий костюм населення Лісостепового Правобережжя у скіфський час (Києво-Черкаський регіон) // Сучасні проблеми археології. — К., 2002. — С. 92—94.
Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. — К., 1981. — 183 с.
Крушельницька Л.І. Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи. — К., 1985. — 221 с.
Лобачева Н.П. О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. — М., 1989. — С. 5—38.
Мирошина Т.В. Об одном типе скифских головных уборов // СА. — 1977. — № 3. — С. 79—94.
Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. — М., 1964. — 180 с.
Петренко В.Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. — М., 1978. — 144 с.
Скорий С.А. Курган Переп'ятиха (до етнокультурної історії Дніпровського Лісостепового Правобережжя). — К., 1990. — 124 с.
Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. Древности Приднепровья. — К., 1889. — Вып. II. — 174 с.
Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — К., 1987. — 182 с.
Berezanskaja S., Klochko V. Das Graberfeld von Hordeevka. — Berlin, 1998 — 172 S.
Bukowski Z. Znaleziska bursztynu w zespolach z epoki brazu I z wczesnej epoki zelaza z dorzecza Odry oraz Wisly. — Warszawa, 2002. — 158 s.
Bukowski Z. Several problems concerning contracts of Lusation culture with scythians // Archaeologia Polona/ — Warszawa, 1960. — T. III. — S. 68—78.
Bydlowski A. Mogily w Nowosiolce // Swiatowit. — Warszawa, 1904. — T. V. — S. 52—63.
Klocko L., Czebreszuk J. Ein Beitrag zur Erforschung des Characters der Kulturbeziehungen zwischen den Gemeinschaften Kujawiens und Schwarzmeersteppen. Krusza Podlotowa, Wojewodschaft Bydgoszcz, Fundstelle 8 // Rola Odry i Laby w przemianach kulturowych epoki brazu i epoki zelaza, Wroclaw — Gliwice, 1997, S. 91—101.
Klochko L. Amber in garments of populations of Scythia (Ways and Forms of Reception) // Routes between the seas: Baltik—Boh—Bug—Pont from the 3rd to the middle of the 1st millennium BC. — Poznań, 2009 — P. 417—437 (BPS. — **14**).
Moskwa K. Kolczyki gwozdoiowate z cmentarrzyska kultury luzyckiej odkrytego w Trzesowce pow. Kolbuszowa // Munera archeologika Josepho Kostrzewski. — Poznań, 1963. — S. 253—259.
Sulemirski T. Scytowe na zachodniem Podolu. — Lwow, 1936. — 136 s.

Л. С. Клочко

ДЕКОРАТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЖЕНСКОГО УБОРА НА ЗЕМЛЯХ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ СКИФИИ

В статье рассмотрены особенности костюмных комплексов, материалы для изучения которых найдены на территории Лесотепного Правобережья. Женский убор отличался такими элементами как гвоздиковидные сережки, шпильки, украшения из самоцветов. Эти декоративные элементы оформления костюмов были этнолокальными признаками костюмов местного населения из региона скифов-пахарей.

Ключевые слова: костюмные комплексы, этнолокальные признаки, декоративные элементы.

L. I. Klochko

DECORATIVE ELEMENTS OF WOMEN'S CLOTHING IN THE RIGHT-BANK SCYTHIA LANDS

Scythian population's dress comprises a variety of ethnographic features preserved almost throughout the entire Scythian period. This can be seen in various categories of decoration complexes. Ethno-local markers of women's garments in the Forest-Steppe Right-Bank area included nail-like earrings, necklaces of gems (mostly, of amber), and pins. The origin of these ornaments is linked with the material culture of pre-Scythian tribes in the Middle Dnieper area, Central and North-Western Europe, due to genetic linkages between the archaeological cultures of those regions and the Right-bank Forest-Steppe, which date back to the Bronze Age. In 5000—4000 BC, the Scythian lands were home to the Hellenic — Scythian art; therefore, the costumes most clearly reflect signs of interaction between the local, as well as «Iranian» (that is, in fact, Scythian) and Hellenic elements. The means of costume decoration indicate changes in the principles of the Ploughmen Scythians' decorative art. Women's costumes demonstrate the emergence of new ornaments, whose origin is linked to the Hellenic culture. Meanwhile, there were workshops in the Middle Dnieper area, in which jewelers made ornaments based on samples of the Hellenic decorations but taking into account with local artistic traditions, and in addition, created completely original items.

Keywords: costume complexes, ethno-local markers, decorative elements.

Одержано 05.02.2016

УДК: 904.4(477.54)"6383"

О. О. Крютченко

ЗАХИСНІ СПОРУДИ ЦИРКУНІВСЬКОГО ГОРОДИЩА

Статтю присвячено дослідженню оборонних споруд Циркунівського городища скіфського часу. Отримані результати дозволяють уточнити дату заснування городища та простежити динаміку його розвитку.

Ключові слова: Лісостеп, скіфська культура, фортифікація городища, захисні споруди, Циркунівське городище.

Дослідження фортифікації дозволяє вирішити низку питань, пов'язаних не тільки з технікою будівництва укріплень, але й розвитком укріплених пам'яток як поселенських структур. Традиційно вважаться, що всі укріплення одного окремо взятого городища скіфського часу будувалися одночасно, а не були результатом розвитку поселення, у наслідку збільшення кількості населення чи зміни його економічного або політичного статусу.

Розкопки останніх років (2005, 2007—2015 рр.) та детальний розгляд матеріалів Циркунівського городища дозволили простежити динаміку розвитку пам'ятки, встановити наявність технічних розбіжностей у будівництві захисних споруд, виявити деякі інженерні особливості їх конструкцій. Отримана інформація дозволяє нам окреслити основні хронологічні етапи розвитку городища, з метою подальшого його розгляду у загальному контексті фортифікаційного будівництва племен Дніпровського Лісостепового Лівобережжя.

Циркунівське городище займає вузький мис правого корінного берега р. Харків, що поступово звужується із півночі на південь, із заходу та сходу до нього підходять глибокі яри (рис. 1). Городище складається з головного двору та двох передгородь. Головний двір городища має площу близько 12500 м^2, перше передгороддя примикає до головного двору, його площа складає близько 13900 м^2, друге передграддя, що примикає до першого з півночі, має площу близько 1000 м^2 [Шрамко, 1956, с. 101, 102]. Таким чином, простежуються три лінії оборони. Перша лінія, орієнтована у бік поля, проходить посередині городища представлена валом та ровом. Друга відрізає городищенський мис з напільної сторони і представлена великим валом та ровом та додатково посилена невеликим валом та ровом, що проходять по дузі на відстані 50 м від основної лінії. Ще одна лінія прикриває південний край городища, зі сторони ріки і перерізана двома валами та ровам. Природні схили ярів додатково укріплені ескарпами, що у нижній частині переходять у рови або горизонтальні майданчики; у верхній частині на деяких ділянках простежуються вали.

За своєю конфігурацією це — типове контурне городище, цілком підпорядковане рельєфу. А.О. Моруженко віднесла пам'ятку до IX типу 1 класу [Моруженко, 1985, с. 165, 166], в який входять укріплені поселення, що мають два та більше передгороддя, вся територія яких оточена валами та ровами. На сьогодні городище вкрите листвяним лісом порослим густим чагарником.

Історію дослідження пам'ятки детально виклав К.Ю. Пеляшенко [Пеляшенко, 2014, с. 37—39], тому надалі сконцентруємо увагу на дослідження саме захисних споруд. Зазначимо лише, що городище було виявлено у 1925 р. М.К. Фуксом та О.О. Потаповим [Фукс, 1931, с. 101—103]. Дослідники навели детальний топографічний опис пам'ятки, та характеристика лінії укріплень, надали орієнтовні площі головного двору та передгороддя, згодом дані

© О.О. КРЮТЧЕНКО, 2016

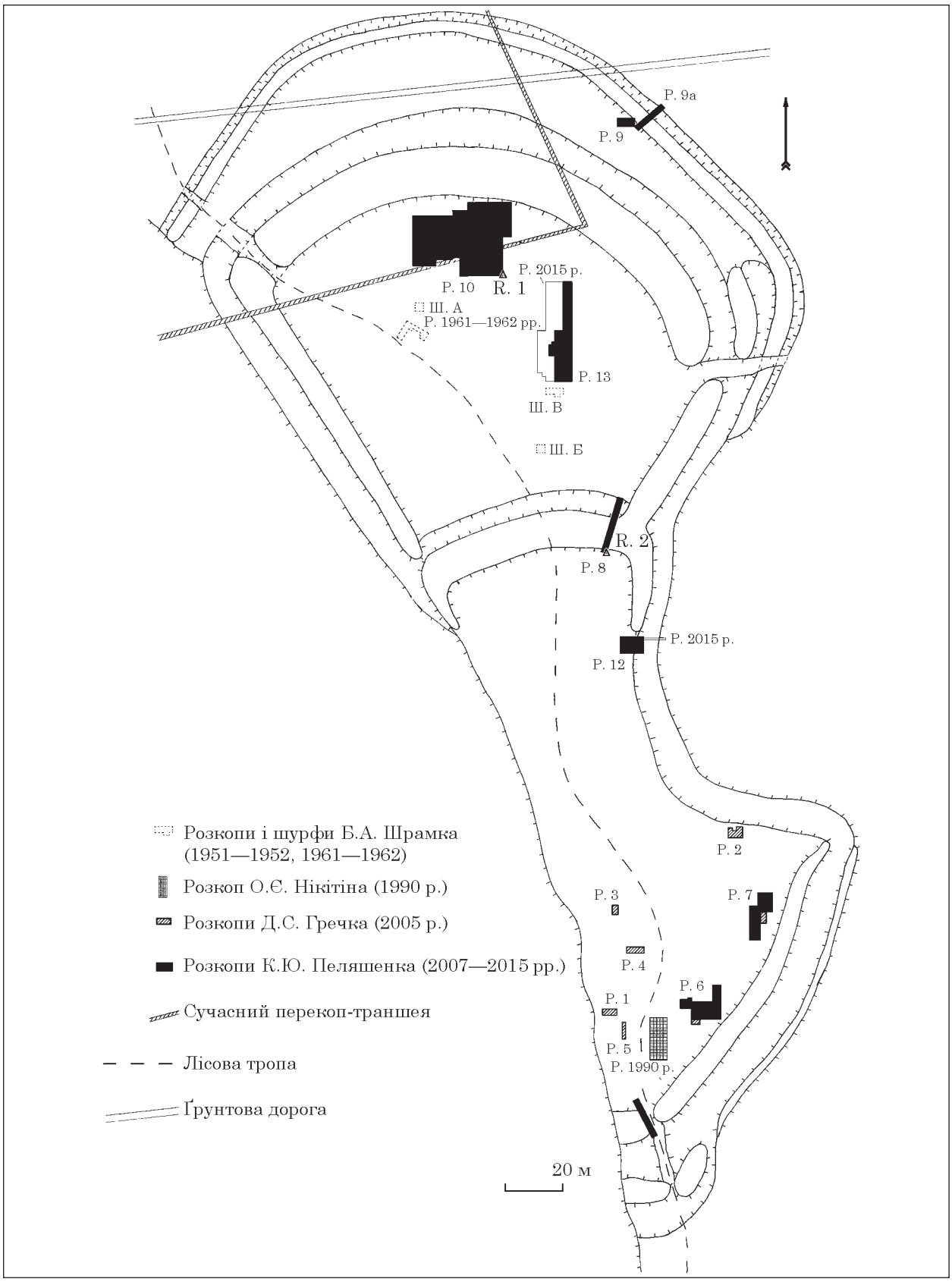


Рис. 1. Загальний план Циркунівського городища (за К.Ю. Пеляшенком)

були уточнені Б.А. Шрамком [Шрамко, 1953, с. 37—42].

Вперше, шляхом розкопок, оборонні споруди на городищі були досліджені у 2005 р. Сіверськодонецькою експедицією Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна під керівництвом Д.С. Гречка. Була проведена підчистка валу першого передграддя біля

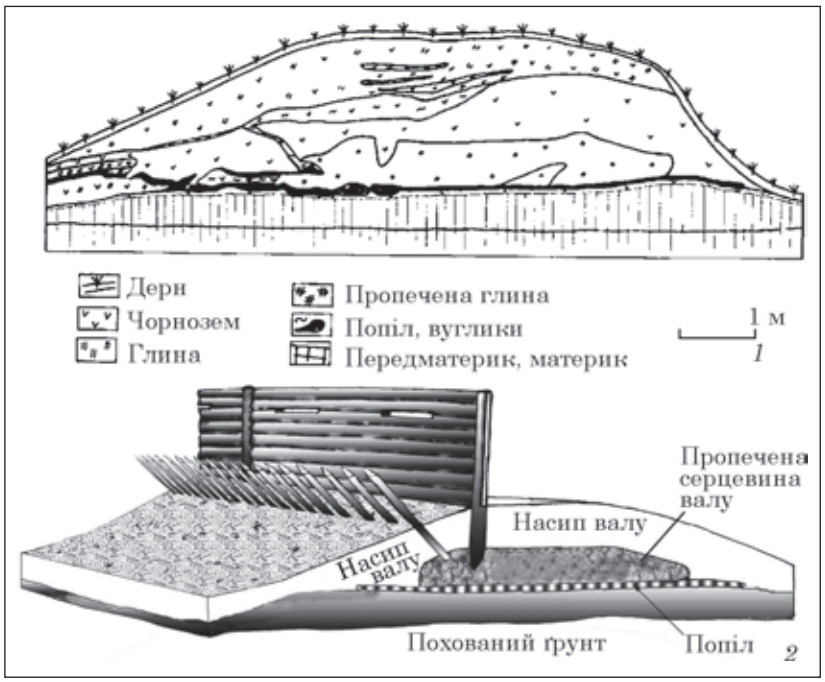


Рис. 2. Вал першого передгаддя (за Д.С. Гречком та Г.Є. Свистуном): *1* — профіль валу; *2* — реконструкція

північного виїзду з території городища (рис. 2) [Гречко, 2005, с. 14—20].

Підчистка валу показала, що на рівні древнього горизонту була спалена велика кількість деревини, що включала й досить великі колоди діаметром до 0.4 м. В результаті утворився потужний шар попелу і дерев'яного вугілля, який досягав 6—8 см в товщину. Шар попелу мав, як мінімум, на два метра більшу довжину, ніж цього вимагала технологічна необхідність для обпалу серцевини валу. Серцевина вала складалась з глини з невеликою домішкою піску, потужністю 0,6—0,7 м, і довжиною по лінії розрізу насипу 5,2 м. В пропеченій серцевині була зафіксована стовпова яма з загостреним дном, що була заглиблена в серцевину на 40 см. Найбільший її діаметр в верхній частині склав 30 см. Поблизу цієї стовбової ямки слідів інших стовбових ям не виявлено, що свідчить про відсутність частоколу. З зовнішньої сторони валу, на відстані приблизно 1 м в серцевину вала врізалась нахилена в сторону фронту під кутом 50° вузька яма, яка була помітна і в шарі, перекриваючому пропечену серцевину. В найкраще збереженій частині її діаметр складав близько 8 см. Ці частини конструкції, за думкою автора розкопок, відносяться до першого будівельного періоду.

Другий будівельний період характеризувався тим, що поверхня старого валу була частково вирівняна. Нижня частина досипки складалась з чорнозему з значною кількістю домішків вугілля. Очевидно, що ґрунт взяли при поглиблені рову. Характер поверхневого заповнення рову може свідчити про вірогідне спалення оборонних конструкцій перед поновленням насипу та рову [Гречко, Свистун, 2006, с. 27—29; Крютченко, 2013, с. 157]. Слідів дерев'яних конструкцій другого будівельного періоду не зафіксовано, однак про наявність таких свідчить поглиблення на поверхні вала і прошарок чорнозему в насипу другого періоду.

З 2007 р. на городищі проводяться щорічні дослідження під керівництвом К.Ю. Пеляшенка, по двох основних напрямках — дослідження оборонних споруд та дослідження основної площі городища.

З метою більш детального вивчення оборонних споруд Циркунівського городища було вирішено провести розтин лінії укріплень рів — вал, що розділяє перший і другий двір (рис. 1). Хоча зусиллями попередніх дослідників було здійснено зйомку профілів [Шрамко, 1952, с. 38, 39] та розріз вала другого двору [Гречко, 2006, с. 15, 16]. Питання про функціональне призначення внутрішніх укріплень досі залишалось невирішеним. Невідомою нам була й картина зміни різноманітних стратиграфічних горизонтів, пов'язаних з періодами зведення, функціонування та загибелі оборонних споруд. Згідно зазначеної мети для дослідження була обрана північно-західна частина оборонних споруд першого двору [Пеляшенко, Крютченко, 2009, с. 228—230].

Розкоп, закладений у північно-східній частині «Першого двору» траншеєю 20 × 2 м, орієнтованою перпендикулярно лінії укріплень. За візуальним обстеженням на обраній ділянці вал є насипом заввишки не більше 1 м, глибина рову складала 2,3 м від найвищої точки валу. Усі заміри проведено від центрального репера, встановленого у верхній частині валу.

Стратиграфія в обох стінках траншеї розкопу не ідентична, найцікавіша стратиграфія валу виявлена по розрізу кв. 6—20/А, де потужність і характер прошарків у лінії кв. А та Б не однакові. Тому у тексті характер і потужність нашарувань надано з урахуванням стратиграфічних спостережень розрізу за обома лініями (рис. 3, *А, Б*).

Земляний вал на цій ділянці має складну структуру та складається з низки шарів та прошарків землі та глини. Сучасна висота вала від рівня давнього похованого ґрунту становить 1,3 м. Стратиграфія розрізу дозволяє простежити декілька періодів в будуванні оборонних споруд городища. Вал простежено у кв. 6—13/А—Б.

Спершу вал на цій ділянці будували на необжитій території, що не тільки не мала за-

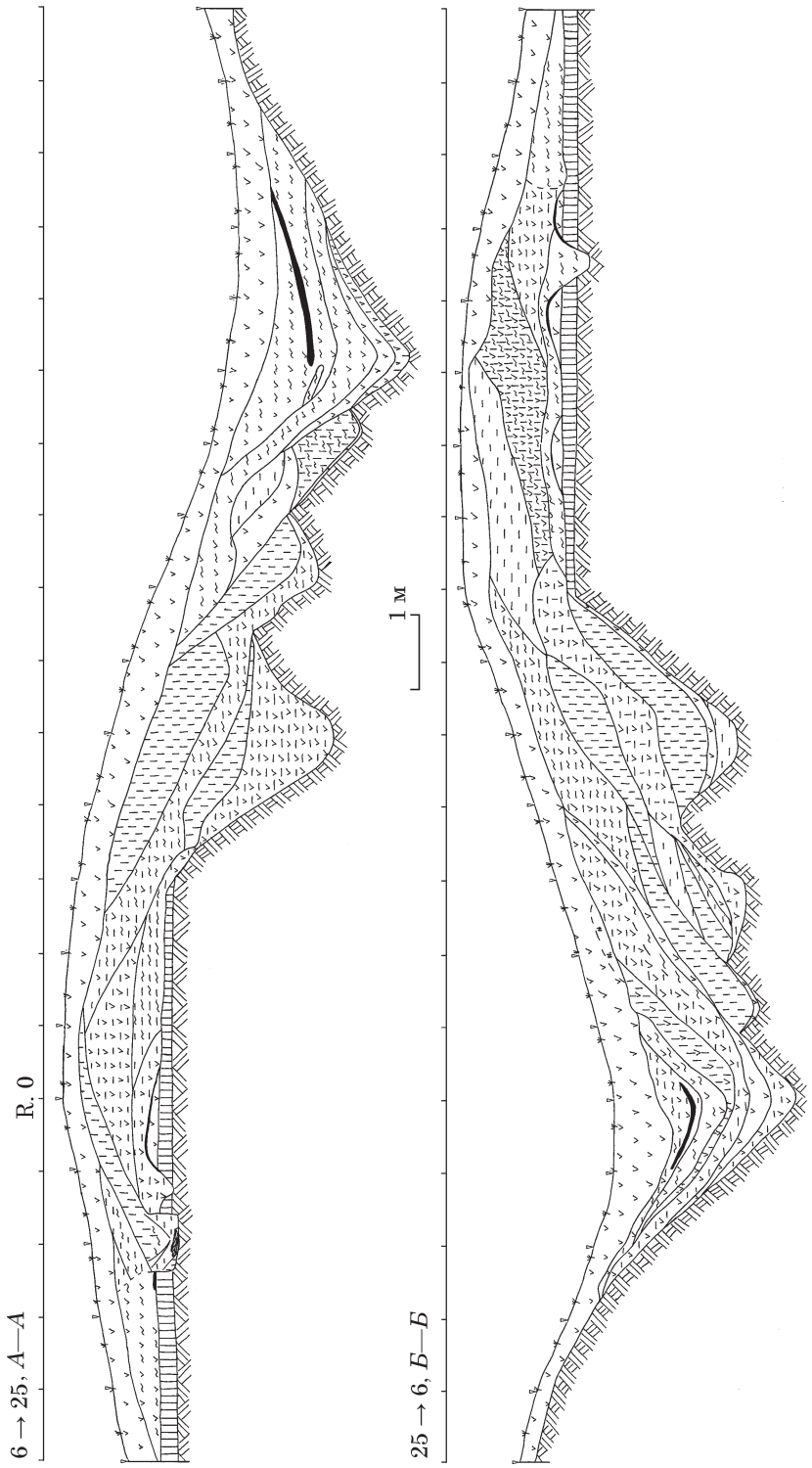


Рис. 3. Профілі оборонної лінії Першого двору (за К.Ю. Пеляшенком та О.О. Крютченком)

лишків культурного шару, а й була вкрита рослинністю, яка була спалена перед початком робіт. Про це свідчить прошарок залишків вугілля (товщиною 0,03—0,04 м), що лежить на давньому похованому ґрунті. Товщина похованого ґрунту у середньому складає від 0,20, і до 0,10 м, у ймовірному місцезнаходженні берми (кв. 12—13). Похований ґрунт поступово переходив у материкову глину.

Після випалу рослинності давніми будівельниками на рівні похованого ґрунту була вирита невеличка канавка, з метою фіксації в ній стовпів або інших деталей конструкції валу. Канавка перерізала похований ґрунт та заглиблювалась у материковий ґрунт на глибину 0,18—0,20 м, дно її було рівним, та трохи закруглювалось ближче до стін. Залишків деревини не було зафіксовано. Це мабуть спричинено тим, що після нового будівельного періоду вона була розібрана. Ширина канавки складала 0,25 на дні, а в верхній частині 0,55 м.

Потім будівельники приступили до возведення рову. Першочергово був зрізаний верхній пласт до глини, залишки якого були поміщені у простір між стіною та бермою (кв. 9—11). Цей прошарок глини бурого кольору та чорнозему чітко простежується у вигляді пласту мішаного ґрунту, що сходить плавним схилом в бік рву, у середньому 0,35 м завтовшки. Зверху перекритий бурим глиняним насипом з домішками золи та чорнозему, теж вийнятим з рову (суцільний об'єм цих прошарків дорівнює імовірному об'єму рову): довжина 4,20, максимальна ширина 0,65 м. Цей прошарок теж плавно сходить в бік рову. Цікавою виявилась конструкція рову, його глибина від рівня сучасної денної поверхні (від кв. 15/А) склала 3,10 м, на дні знаходився невеличкий майданчик шириною 0,40 м. Дальній край рову був зрізаний наступним будівельним періодом, тому його первинну ширину у верхній частині ми можемо встановити лише приблизно.

Потім на городищі наступив досить довготривалий мирний період, рів замулився, товщина лінзовидних затіків глини та чорнозему сягнула 1,20 м. Поряд з первинною дерев'яною конструкцією валу з внутрішньої сторони була вирита господарча яма. Діаметр дослідженої частини ями складає 0,80 м, глибина ями від рівня сучасної денної поверхні — 1,20 м. Стінки ями вертикальні. Яма мала округлу в плані форму. Профіль її чітко простежується в розрізі по лінії квадратів 8—9/А. Заповнення ями складається з нашарувань глини жовтого та бурого кольору. Зверху вона перекрита шаром жовтої глини з домішками золи.

Наявність ями вкрай неприпустимо у воєнний час. Золистий культурний шар впритул підійшов до оборонних споруд. На дні ями під пластами глиняної засипки були зафіксовані уламки ліпного посуду, щонайменш від 3—4 посудин, пастова бусина підквадратної форми, глиняна чашечка та глиняне прясло.

Рів другого будівельного періоду перерізав зовнішній край першого рову та напевно він теж мав підтрикутну форму. Його східна частина була пошкоджена земельними роботами третього будівельного періоду. Глибина другого рову від рівня сучасної денної поверхні (від кв. 18/Б) склала 2,1 м. Одна частина ґрунту з нього була використана частково на досипку вала (лінза перевідкладеної глини бурого кольору фіксується у кв. 11—14/Б, та має товщину до 0,65 м), інша склала частину нового бойового майданчика (шар глини бурого кольору та чорнозему товщиною до 0,60 м, що перекриває рів першого будівельного періоду — зафіксований у кв. 14—16/Б). З часом вал, основу якого тепер складала суміш різних ґрунтів, оплив. На дні рову другого будівельного періоду простежується прошарок мішаної глини бурого та жовтого кольору шириною до 0,40 м. Частина замулення була вичищена але не по всій глибині, до дна попереднього рову не дійшли десь 0,20 м. Потім рів знову замулився. З цим пов'язується початок третього будівельного періоду.

Рів третього будівельного періоду був зведений на невеликій відстані від попереднього та перерізав його. Він був заглиблений в ґрунт на 2,25 м від рівня сучасної денної поверхні (від кв. 20/А). Про його форму щось конкретне сказати важко, адже його верхній контур майже повністю зруйнований наступним будівельним періодом. Землю вийняту з нього використали на посилення бойового схилу — лінза жовтої глини ширина якої складає до 0,65 м, зафіксована у кв. 14—16/А. На його дні зафіксований лінзовидний затік чорного кольору ширина якого не перебільшує 0,05 м. Заповнення рову складається з пласту глини жовтого кольору, що має характер затіку.

Рів останнього четвертого будівельного періоду, був заглиблений у ґрунт на 2,5 м від рівня сучасної денної поверхні (від кв. 21) та фіксується у кв. 19—25/А-Б, його ширина складала 5 м. Він теж мав у плані підтрикутну форму. Викид з нього був використаний на подовження та планування бойового майданчика. Фіксується він у вигляді глини бурого кольору з домішками золи та чорнозему потужністю до 0,90 м — у кв. 14—17/Б. Заповнення рову досить добре насичене різноманітними знахідками. Потужність цих нашарувань сягає 2,10 м. На дні знаходився прошарок глини бурого кольору з домішками чорнозему потужністю до 0,35 см. Зверху його перекривав шар чорнозему потужністю до 0,30 м. Що в свою чергу був перекритий пластом бурої глини з домішками чорнозему. Всі затіки мали лінзовидну форму. Зверху їх перекривав пласт чорнозему та золи з прошарками вугілля добре насичений матеріальними залишками його ширина склала до 0,90 м.

Верхній гумусовий прошарок фіксується по всій довжині траншеї, він був досить добре насичений знахідками, його товщина сягала від 0,20 до 0,80 м [Пеляшенко, Крютченко, 2009].

РОЗКОПКИ ЗАХИСНИХ СПОРУД ТРЕТЬОГО ДВОРУ

Розкоп 9а (його південно-західний кут спільний з південно-східним кутом розкопу 9) закладений однією траншеєю (12 × 2 м) перпендикулярно валу та рову третьої оборонної лінії городища (рис. 4). За центральний репер вибрано найвищу точку валу (між кв. 8—9/А).

Найбільша висота валу становила 0,95 м, глибина рову від рівня сучасної денної поверхні 1,20 м. Вал мав один будівельний період. Біля підніжжя валу та під його насипом не фіксується чорноземного ґрунту, який, імовірно, було знято перед спорудженням оборонної лінії, він зберігся лише частково. Замість нього над материковою глиною було насипано чорноземний ґрунт у якому зустрінуті незначні шматки вуглеців та глиняної обмазки (потужність прошарку до 0,50 м). Над ним фіксується прошарок глинистого ґрунту (до 0,30 м) та шар щільного чорнозему з білими прошарками (до 0,35 м) (у ньому ж на глибині 0,50 м від рівня сучасної денної поверхні знайдено 20 фрагментів стінок ліпного посуду). Перекриває насип однорідний шар чорнозему потужністю 0,20—0,30 м. Жодних слідів дерев'яних конструкцій валу не виявлено. У рові, що мав підовальну форму встановлена наступна стратиграфія: від 0 до 0,80 м — шар чорноземного ґрунту у якому виявлений фрагмент вінця ліпного посуду прикрашеного пальцевими вдавленнями та наскрізними проколами, залізний предмет у вигляді різця, та глиняне прясло біконічної форми; від 0,80 до 1,10 м — шар глинисто-чорноземного затьочного ґрунту, від 1,10 до 1,20 м — щільний глиняний затік, перед округлим дном рову [Пеляшенко, 2010].

ДОСЛІДЖЕННЯ ОБОРОННИХ СПОРУД БІЛЯ ПІВДЕННОГО ВХОДУ

Розкоп 11. Для отримання інформації про стратиграфію земляних споруд (валу) південної лінії оборони городища, закладено розкоп 11. Ділянка, що підлягала дослідженню розташована безпосередньо біля південного входу до Першого двору (рис. 1). На наш час тут проходить грунтова дорога, яка, вірогідно, частково зруйнувала автентичний вигляд, підрізка грунту фіксується візуально. Розкоп закладений одразу на захід від входу, у тому місці де земляний вал плавно сходить до рівня дороги. Траншея розмірами 15 × 2 м орієнтована перпендикулярно лінії укріплень, по лінії північний захід—південний схід (рис. 5).

У кв. 1—10 здійснювалась підчистка насипу валу по лінії А, яка робилась поетапно з контрольними зачистками. У кв. 10—15 дослідження велось траншеєю. Під час розкопок рову, виявленого під насипом валу, також робились контрольні зачистки.

Характеристика стратиграфії у тексті подається з урахуванням хронологічної послідовності зведення оборонних конструкцій, починаючи з нижніх пластів. Всі глибини подані від центральної реперної точки (між кв. 8 та 9/А). Під ґрунтовим насипом валу, у кв. 10—15/А—Б зафіксовано рів, що мав два будівельні періоди. Рів першого періоду був трапецеподібним у перетині, його глибина 3,65—3,95 м, рівень дна понижується у південно-східному напрямку. Його перерізає рів другого будівельного періоду, що мав підтрикутну у перетині форму. При його будівництві було перерізано потужний шар чорноземно-глинистого твердого (затьочного) ґрунту, потужністю від 0,70 у кв. 13/А—Б до 2,0 м у кв. 14/А—Б. Глибина другого рову дещо більша аніж першого та дорівнює 4,20 м від центрального репера розкопу.

Заповнення рову другого будівельного періоду: від дна до глибини 4,0 м шар затьочного глинистого ґрунту, який лінзою дещо захо-

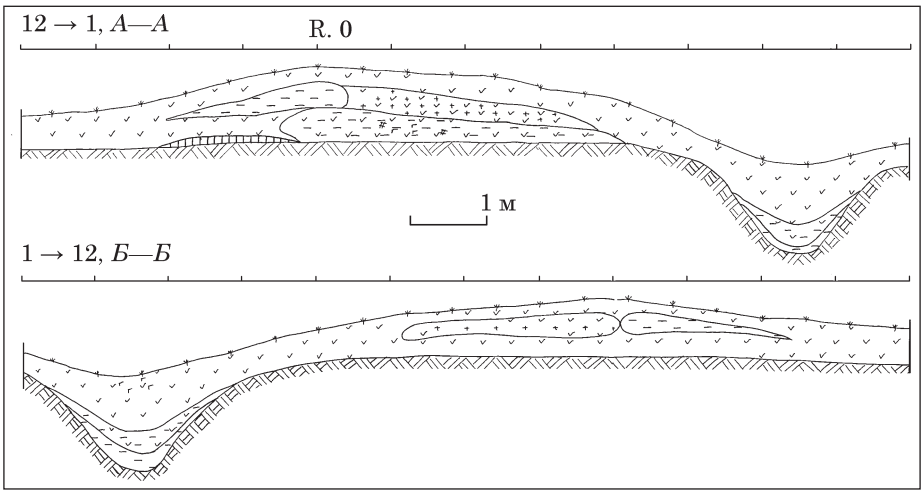


Рис. 4. Профілі оборонної лінії Третього двору (за К.Ю. Пеляшенком)

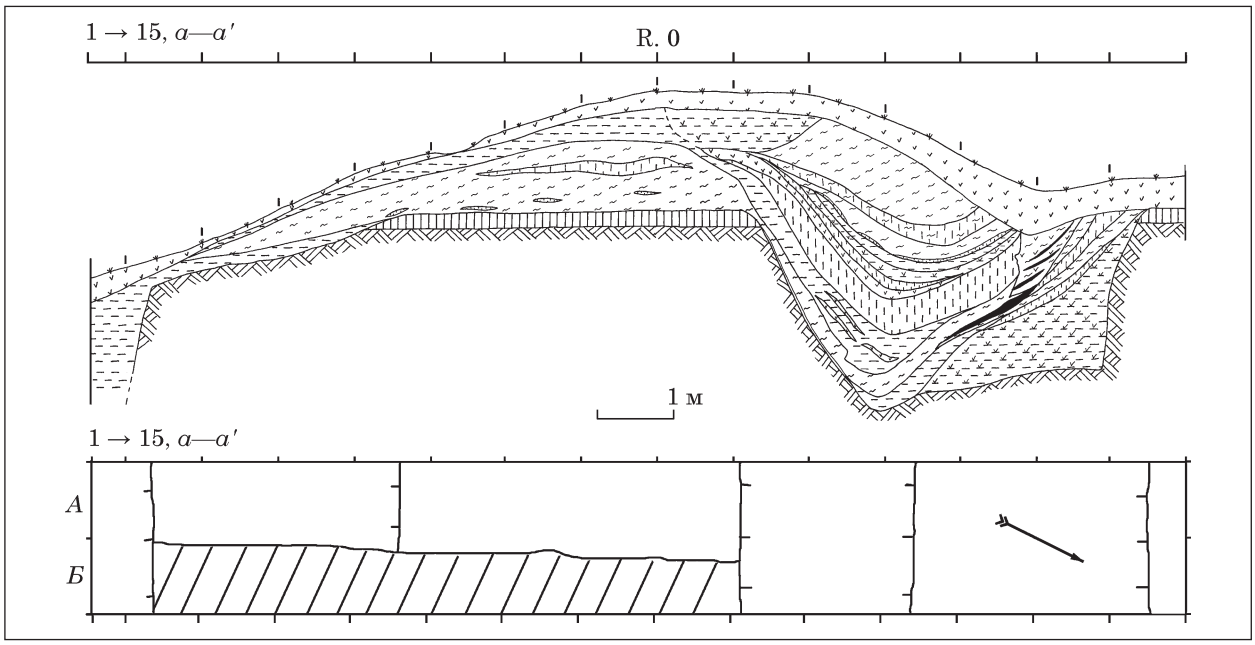


Рис. 5. План і профіль розкопу Південної оборонної лінії (за К.Ю. Пеляшенком)

дить на зовнішній ескарп. По стінці ескарпу фіксується тонкий прошарок деревного тліну товщиною до 0,02 м; ці прошарки перекриває шар золистого грунту насиченого побутовими та будівельними залишками (фрагменти ліпного посуду, кістки тварин, глиняна обмазка, шматки каміння), потужність зольної лінзи від 0,05 до 0,30 м. Цей шар нерозривно пов'язаний з основною насипкою валу. Перекриває його лінза перевідкладеної глини бурих відтінків потужністю до 0,60 м (у ній фіксуються тонкі прошарки чорнозему), що також плавно переходить у основний насип валу. Над нею — шар перевідкладеної глини жовтого кольору потужністю до 0,45 м. Вище, з глибини 2,70 м, у заповнені рову фіксуються менші лінзоподібні прошарки: чорнозем (потужність до 0,15 м), глина жовтого кольору (потужність до 0,15 м), чорноземно-глинистий ґрунт (потужність до 0,20 м), глина бурих відтінків (потужність до 0,15 м), шар золистого ґрунту (потужність до 0,30 м), чорноземно-золистий ґрунт (потужність до 0,25 м). Над цими прошарками фіксується потужний зольний шар — до 0,80 м товщиною. Його перекриває верхній шар гумусного чорнозему — 0,30—0,60 м. Матеріальні залишки зафіксовані лише у зольних шарах, їх походження пов'язано з більш раннім культурним шаром, що було використано для спорудження укріплення.

У кв. 5—10/А насип валу фіксується на рівні давнього похованого ґрунту, потужність якого складає 0,20 м. Найбільша висота насипу від цього рівня 1,55 м. У кв. 2—5/А похований ґрунт та материкова глина підрізані, незначний ухил у південно-східному напрямку переходить у ескарп рову останнього будівельного періоду, що починається з кв. 2/А.

Стратиграфія насипу валу. Одразу на давньому похованому ґрунті фіксується потужний шар золи насиченої матеріальними культурними залишками (як відмічалось вище — культурний шар, використаний для спорудження укріплень), який у кв. 10/А—Б плавно спадає у рів. Найбільша потужність його 0,90 м. У цьому шарі на глибині від 0,85 до 1,10 м фіксується лінза жовтої глини потужністю до 0,20 м, також є невеликі лінзоподібні прошарки товщиною до 0,05 м на різних глибинах. Шар золи перекриває глинистий ґрунт бурих відтінків без матеріальних залишків, що також плавно переходить у лінзу заповнення рову. Також, як у кв. 10—15/А, перекриває насип валу гумусний чорнозем потужністю 0,10 — 0,25 м, який, скоріш за все, утворився в результаті природної взаємодії з лісовою рослинністю.

У кв. 13—14/А зафіксовано більш пізнє порушення ґрунту — яма, що має підтрикутну у перетині форму, шириною до 0,70 м, стінки якої звужуються до дна. Глибина її 2,70 м від репера. Заповнення — чорноземно-золистий ґрунт з прошарками згорілої деревини. На дні ями виявлено розвал ліпного профільованого горщика прикрашеного косими насічками по краю та наскрізними проколами [Пеляшенко, 2011].

В подальшому планується продовжити лінію розрізу у південно-східному напрямку, з метою дослідження стратиграфії рову останнього будівельного періоду, який не вдалось здійснити у поточному році через брак часу.

Дослідження оборонних споруд зі сторони східного яру на території Першого двору

У 2015 р. з метою встановлення наявності або відсутності слідів від будь-яких дерев'яних конструкцій по краю городища, в північно-схід-

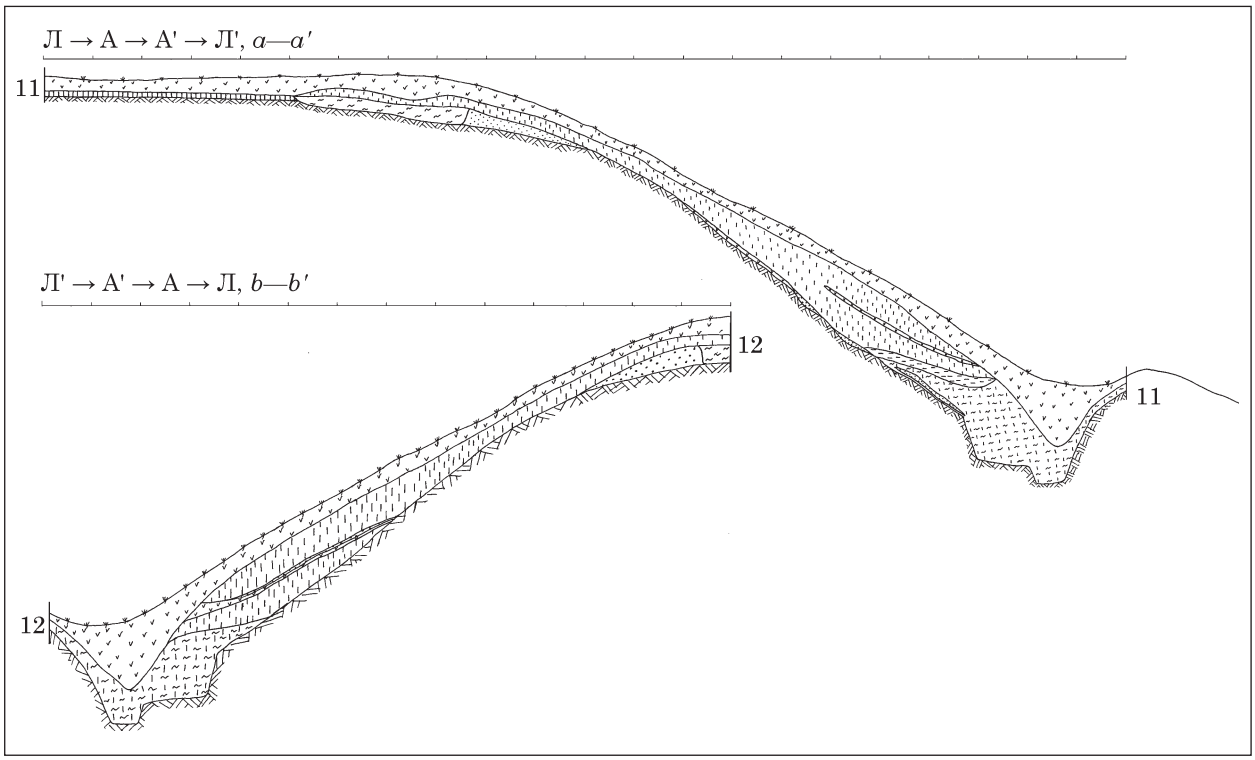


Рис. 6. Профіль розкопу Східного ескарпованого схилу (за К.Ю. Пеляшенком)

ній частині Першого двору було закладено розкоп 12, східний край якого заходив на початок схилу ескарпу (рис. 6). Стратиграфічний розріз північної та південної стінки розкопу дозволив встановити, що в цій частині городища відсутні дерево-земляні укріплення, а замість цього було простежено підрізання суглинку по краю городища. Щоб отримати повну картину фортифікації в тій частині городища де земляні вали візуально не фіксуються і край житлового майданчика одразу переходить у ескарпований схил в 2015 р. було вирішено здійснити розріз ескарпу. Траншея шириною 1 м та довжиною 14 м (28 м^2), орієнтована по лінії схід-захід, була продовженням розкопу 2011 р. (зі збереженням загальної квадратної сітки).

В північно-східній частині Першого двору встановлено репер (R2), у вигляді зацементованого армованого дроту. Його встановлено у південному куту розкопу 8 (кв. 6/Б). Зроблена азимутна прив'язка від репера R2 до північно-західного кута розкопу (кв. 11/Л): азимут 170°, відстань 29,5 м (рис. 1)

Стратиграфія розрізу дозволила скорегувати наші попередні висновки стосовно фортифікаційних споруд досліджуваної ділянки. Починаючи від кв. Е і далі на схід у розкопі фіксується пониження рельєфу, що утворено підрізкою ґрунту, оскільки в цій частині не фіксується перехідний суглинковий шар. Таким чином утворився котлован, глибиною до 0,90 м від сучасної денної поверхні, який був заповнений м'яким шаром золи, насиченої артефактами (переважно фрагменти ліпного посуду, кістки тварин, каміння, фрагмент ніжки амфори). У кв. В шар золи різко закінчується і далі фіксується заповнення перевідкладеним піском жовтого кольору без будь-яких матеріальних залишків. Цей шар лінзою зменшувався до схилу ескарпу. Хоча слідів дерев'яних конструкцій зафіксовано не було, різкий перехід насиченого культурними залишками шару золи у чистий пісок вказує на наявність загорожі, вірогідно дерев'яної стіни. Заповнення виїмки на краю городищенського майданчика було перекрито шаром глини потужністю до 0,20 м, без матеріальних залишків, який в свою чергу був перекритий чорноземом потужністю до 0,40 м, у якому вже були присутні артефакти. Вищеописана підрізка ґрунту плавно переходить у ескарпований схил. Розріз ескарпу показав, що кут ухилу давньої поверхні складає від 30° у верхній частині до 40° в нижній, в той час як ухил сучасної поверхні менший: відповідно від 20 до 30°. Давній горизонт ескарпу вкриває шар перевідкладеного ґрунту, потужність якого збільшується у бік рову від 0,50 до 1,80 м. В нижній частині цей шар представляє собою глину з поодинокими вкрапленнями вуглинок, в якій трапляються тонкі лінзоподібні прошарки чорнозему та піску. Верхня частина засипки ескарпу — чорноземний ґрунт. Матеріальні залишки цих нашарувань дуже рідкісні: поодинокі фрагменти стінок ліпного посуду, мініатюрна ліпна посудинка, кварцитовий абразив та шматочки необробленого пісковику. Сучасний профіль рову, що було збудовано в кінці ескарпу також не відповідає реаліям скіфського

часу. На сьогодні він майже повністю знівельований і на деяких ділянках виглядає взагалі як горизонтально рівний майданчик. В скіфський час рів був трапецієподібний у перетині з поглибленням у східній частині. Ширина рову у нижній частині 1,80 м, кут нахилу ескарпу рову — 70°, контрескарпу — 60°. Глибина його від сучасної денної поверхні до 2,10 м. Рів виявився майже повністю заповнений щільним твердим ґрунтом, що скоріш за все утворився внаслідок затікання. Нижня частина заповнення рову — глинистий ґрунт з сірим відтінком (глина з золою). У верхній частині рів заповнено чорноземом. В заповненні рову виявлено також поодинокі артефакти: фрагменти стінок ліпного посуду, шматки необробленого пісковику та залізне шило [Пеляшенко, 2016].

Отже, розріз ескарпу дозволив отримати інформацію, яка дещо змінює наші уявлення про фортифікацію окремих частин Циркунівського городища. По-перше, це профіль давньої поверхні, що значно відрізняється від сучасної. Кут нахилу ескарпу у давнину був більшим ніж той, що фіксується на сучасній поверхні і складав до 40°, цей схил переходив у більш крутий ескарп трапецієподібного рову з кутом нахилу 70°. Перепад висот між дном рову на краєм житлового майданчика городища складає 8 м. По-друге, це великий об'єм ґрунту, що утворився на давній поверхні ескарпу та рову. За нашими підрахунками в результаті дослідження траншеї шириною 1 м було вибрано близько 14 м^3. перевідкладеного чорнозему, глинистого ґрунту з прошарками чорнозему, піску і домішками золи. За стратиграфічними спостереженнями ця маса сповзала зверху, однак вважати цей ґрунт культурним шаром, що утворився внаслідок життєдіяльності на городищі немає підстав. В цьому шарі майже немає артефактів, лише поодинокі фрагменти стінок ліпного посуду та кісток тварин, уламки необробленого пісковику. З особових знахідок лише мініатюрна ліпна посудинка та залізне шило, що виявлено у засипці рову. Отримані данні дозволяють стверджувати, що край мису східної частини Першого двору городища окрім ескарпу був укріплений валом, ґрунт для якого було отримано в результаті спорудження рову та підрізки схилу мису. З часом цей вал повністю сповз вниз і на сьогодні візуально не фіксується на поверхні. Підтвердженням наявності земляного валу може бути заповнення неглибокого котловану на краю житлового майданчика, який з внутрішньої сторони був заповнений золою, а з зовнішньої жовтим піском [1], з різким розмежуванням цих шарів. Різкий перехід, свідчить про наявність дерев'яної конструкції, яка, вірогідно, була встановлена по центру валу. До того ж, навіть, з біглого вивчення креслення розрізу можна констатувати, що за відсутності валу, давня поверхня ескарпу і рів не проглядаються з рівної поверхні краю мису, що не відповідає стратегії оборони, робить неможливим ідентифікацію ворога у найближчій зоні. Для того щоб схил мису можна було візуально контролювати необхідний вал висотою приблизно 2—3 м. Така висота створювала і більш вигідні умови для збільшення сектору спостереження в різні сторони.

Спираючись на дані стратиграфічних розрізів і загальної планиграфії, виділено два великих періоди в розвитку городища, а також слідки дій, пов'язані з перебудовами та експлуатацією на вже існуючих укріпленнях.

Перший етап: зведення на пам'ятнику оборонних споруд. Невелика частина мису була огороджена з півночі земляним валом та ровом. Дослідженими у розкоп № 8. Розріз укріплень показав наявність чотирьох будівельних періодів, кожен з яких становив основу для наступного. Для спорудження валу частина ґрунту бралася з рову, частина — з внутрішнього майданчика, про що свідчить наявність предвалової виїмки, шириною до 3—4 м. Час споруди перших укріплень визначений по золистому [Пеляшенко, Крютченко, 2009, с. 19] заповненню виїмки, в якій виявлені матеріали другої половини VI — початку V ст. до н. е. Більш ранніх шарів на городищі не зафіксовано. Крім того, в стратиграфічних розрізах фіксуються неодноразові сліди перенесення ровів і збільшення бойового майданчика внаслідок досипання вала.

Крім цього до укріплень першого етапу можна віднести рів зафіксований під південним валом у розкопі 10. Тут також простежується два будівельні періоди. Схожу ситуацію ми спостерігаємо на Люботинському городищі, де рів трапецивидної форми згодом був замінений на підтрикутний. Цілком імовірно, що форма рову в певній мірі залежала від об'єму та конструктивних особливостей будови валу. Поруч із ровом існував вал, що в подальшому, при перебудові цієї лінії укріплень, був знівельований. Його сліди фіксуються у закиді рову другого будівельного періоду та основі перекриваючого їх валу.

Загальна «житлова» площа «першого городища» становила 1,1 га.

Другий етап: капітальна перебудова городища і збільшення його розмірів. Споруди першого будівельного періоду були частково знівельовані: рів, що відокремлює південну частину мису, засипаний і на його місці зведений вал, основу якого, здебільшого, склав золистий культурний шар попереднього хронологічного етапу. У північній частині рів останнього, четвертого періоду, засипався ґрунтом, насиченим побутовими залишками кінця

1. Материкова стінка і дно рову були піщаними, тому вважаємо що перевікладений пісок, який фіксується у котловані і невиразні прошарки у засипці ескарпу утворились під час спорудження рову.

V — IV ст. до н. е. Майданчик городища був збільшений більш ніж удвічі — до 2,3 га, нові дерево-земляні споруди було зведено на 100 м на північ від попередніх і вже мали кільцеву систему. Була штучно збільшена крутизна мисових схилів до яру. Це простежено у розкопі 12 — розріз ескарпу дозволив прослідкувати кут нахилу штучно створеного схилу городища, профіль рову, а також встановити, що по східному краю городища був споруджений земляний вал, який внаслідок природних процесів сповз вниз.

Крім основної лінії укріплень, з напільного боку побудовані додаткові вал і рів невеликих розмірів, які проходили в 40 м від основного валу і на кінцях з'єднувалися з ним, утворюючи невеликий двір, в межах якого відсутній культурний шар. Південний і північний входи до городища захищені додатковою системою валів і ровів. Матеріали, виявлені в північній частині пам'ятника, датуються в межах кінця V — IV ст. до н. е., що дозволяє віднести час другого будівельного періоду не раніше кінця V ст. до н. е. [Пеляшенко, Крютченко, 2009, с. 19].

Таким чином, в історії Циркунівського городища простежено два основних фортифікаційних етапи: початковий представлений зведенням перших укріплень, періодичною їх реконструкцією і вдосконаленням; споруди другого періоду пов'язані з необхідністю розширення житлового майданчика укріплення, і, мабуть, з посиленою військовою загрозою, що змусило місцеве населення спорудити більш масштабні фортифікаційні конструкції.

Гречко Д.С. Отчет об исследовании памятников скифского времени у с. Протопоповка и Циркуны на Харьковщине в 2005 году / НА ІА НАН України. — 2005/05.
Гречко Д.С. Исследования памятников скифского времени у сел Протопопов- ка и Циркуны на Харьковщине // АДУ 2004— 2005 рр. — Київ; Запоріжжя, 2006. — С. 146—150.
Гречко Д.С. Свистун Г.Є. Деякі питання вивчення лісостепових городищ скіфського часу на Сіверському Дінці // Археологія. — 2006. — № 4. — С. 18—29.
Крютченко А.А. К вопросу о преднамеренном обжиге валов лесостепных городищ скифского времени // Древности 2013. — Харьков, 2013. — Вып. 12. — С. 155—162.
Моруженко А.А. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII—III вв. до н. э. // СА. — 1985. — № 1. — С. 160—178.
Пеляшенко К.Ю. Історія дослідження Циркунівського городища // Наука і освіта у краєзнавчому вимірі: Матеріали XXXII Міжнар. краєзнав. конф. молодих учених; Секція «Археологія та краєзнавство». — К., 2014. — С. 37—39.
Пеляшенко К.Ю. Звіт про дослідження Циркунівського городища та його круги, у Харківському районі Харківської області в 2009 р. // НА ІА НАН України. — 2009/231.
Пеляшенко К.Ю. Звіт про дослідження Циркунівського городища та його круги, у Харківському районі Харківської області в 2010 р. / НА ІА НАН України. — 2010/[б. н.].
Пеляшенко К.Ю. Звіт про дослідження Циркунівського городища та його круги, у Харківському районі Харківської області в 2011 р. / НА ІА НАН України. — 2011/145.
Пеляшенко К.Ю. Звіт про дослідження Циркунівського городища та його круги, у Харківському районі Харківської області в 2015 р. / НА ІА НАН України. — 2015/[б. н.].
Пеляшенко К.Ю., Крютченко О.О. Дослідження на городищі скіфського часу біля с. Циркуни на Харківщині у 2008 р. // АДУ 2008 р. — К., 2009. — С. 228—230.
Пеляшенко К.Ю., Крютченко О.О. Звіт про дослідження Циркунівського городища та його круги, у Харківському районі Харківської області в 2008 р. / НА ІА НАН України. — 2008/58.
Фукс М. Про городища скитської доби на Харківщині // Записки ВУАК. — 1930. — Т. 1. — С. 91—112.
Шрамко Б.А. Курган и городище у с. Циркуны // КСИИМК. —1956. — Вып. 63. — С. 101—106.
Шрамко Б.А. Отчет об археологических исследованиях Харьковского государственного университета им. А.М. Горького в 1952 г. / НА ІА НАН України. — 1952/24.

А. А. Крютченко

ЗАЩИТНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЦИРКУНОВСКОГО ГОРОДИЩА

Статья посвящена исследованию оборонительных сооружений Циркуновский городища скифского времени. Полученные результаты позволяют уточнить дату основания городища и проследить динамику его развития.

Ключевые слова: Лесостепь, скифская культура, фортификация городища, защитные сооружения, Циркуновский городище.

A. O. Kriutchenko

THE FORTIFICATION OF THE SCYTHICAN TIME ON THETSYRKUNY HILL-FORT

The paper presents the results of excavations of fortification at the Scythican time hill-fort near Tsyrkuny village of Kharkiv Oblast. Obtained results allow the authors to propose a new date of the hill-fort foundation and to trace the dynamics of its development.

Keywords: Forest steppe, the Scythian culture, fortification, the hill-fort, the settlement, Tsyrkuny hill-fort.

Одержано 29.03.2016

УДК: 904'13(4-11)"6377/6383"

О. Г. Левицкий, М. Т. Кашуба

«ГАЛЬШТАТТИЗАЦИЯ» КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНА: МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ИЛИ КУЛЬТУРНЫЕ ВЛИЯНИЯ

Статья посвящена проблеме «гальштаттизации» Карпато-Днестровского региона. Ее начало в конце эпохи бронзы связано с развитием здесь двух больших культурных комплексов с каннелированной керамикой Гава-Голиграды-Грэничешть и Кишинэу-Корлэтень. Не отрицая процессов культурной трансформации, исследователи придерживаются разных взглядов на их характер. Одни полагают, что имело место непосредственное инокультурное «вмешательство», другие считают «гальштаттизацию» проявлением моды на специфическую чернолощеную гальштаттскую керамику. В статье авторы рассматривают развитие культуры Кишинэу-Корлэтень. Учитывая радикальный характер перемен, когда культура Ноуа прекратила свое существование, а также появление новшеств в разных сферах материальной и духовной культуры (приемы домостроительства, погребальная обрядность, керамическое производство), авторы полагают, что имело место продвижение на восток носителетей культурных традиций Кручень-Белегиш II. Для подтверждения своих взглядов авторы привлекают 43 бронзовых предмета западного происхождения, известные в ареале культуры Кишинэу-Корлэтень Восточно-карпатского региона. Отобраны изделия периодов BzD—HaA1 или XIII—XII вв. до н. э. Проведенное исследование показало, что все рассмотренные бронзовые предметы имели хождение у населения Среднего Подунавья, в том числе, носителей культуры Кручень-Белегиш II и пост-Белегишских культурных образований в конце эпохи бронзы. Состав металлокомплекса культуры Кишинэу-Корлэтень отражает ее основу и имеет в целом центрально-европейское происхождение, включая среднедунайские и внутрикарпатские изделия. Особенности металлокомплекса, как и прослеживаемое единство восточно-карпатской и среднедунайской культур с каннелированной керамикой в керамическом производстве и погребальном обряде, труднообъяснимы вне зависимости от продвижения первой волны раннегальштаттского населения. Эти данные позволят рассматривать «гальштаттизацию» Восточно-карпатского региона не как моду на отдельные категории бытовых изделий, но результат миграции из областей Среднего Подунавья. Продвижение носителей культуры Кручень-Белегиш II и пост-Белегишских культурных образований в восточном направлении создало среду для формирования в Восточно-карпатских землях культуры Кишинэу-Корлэтень.

Ключевые слова: Юго-Восточная Европа, Карпато-Поднестровье, поздний бронзовый век, ранний железный век, культура Кишинэу-Корлэтень, бронзовые изделия, хроноиндикаторы, хронология.

© О.Г. ЛЕВИЦКИЙ, М.Т. КАШУБА, 2016

ВВЕДЕНИЕ

Преобразования, охватившие культурно-историческое развитие Юго-Восточной Европы в конце бронзового века, глубоко затронули Восточно-карпатский (Карпато-Днестровский) регион, где перемены носили радикальный характер. Сложение и консолидация в последней четверти II тыс. до н. э. первых раннегальштаттских культур Ґава (Gáva) и Кручень-Белегиш II (Cruceni-Belegiš II) в западной части Карпато-Дунайского региона и «гальштаттизация всего Карпато-Балканского пространства» или/и «контратака Карпатского блока» в северо-восточном и восточном направлениях — привели к смене в Карпато-Днестровских землях предшествующей культуры Ноуа (Noua) культурами раннего гальштатта [Мелюкова, 1961, с. 35 сл.; Лапушнян, 1979, с. 27 сл.; Смирнова, 1990а, с. 20 сл.; László, 1994, p. 105 ş. u.; Leviţki, 1994a, p. 51 ş. u.; 2010, p. 333 ş. u.; Левицкий, Кашуба, 2014; Leviţki, Kaşuba, 2015].

Как показано в работах многих специалистов, в том числе авторов этой статьи [Leviţki, 2003, p. 9, 15, fig. 1; Kaşuba, Leviţki, 2010, p. 316—324], речь идет о продвижении к востоку—северо-востоку

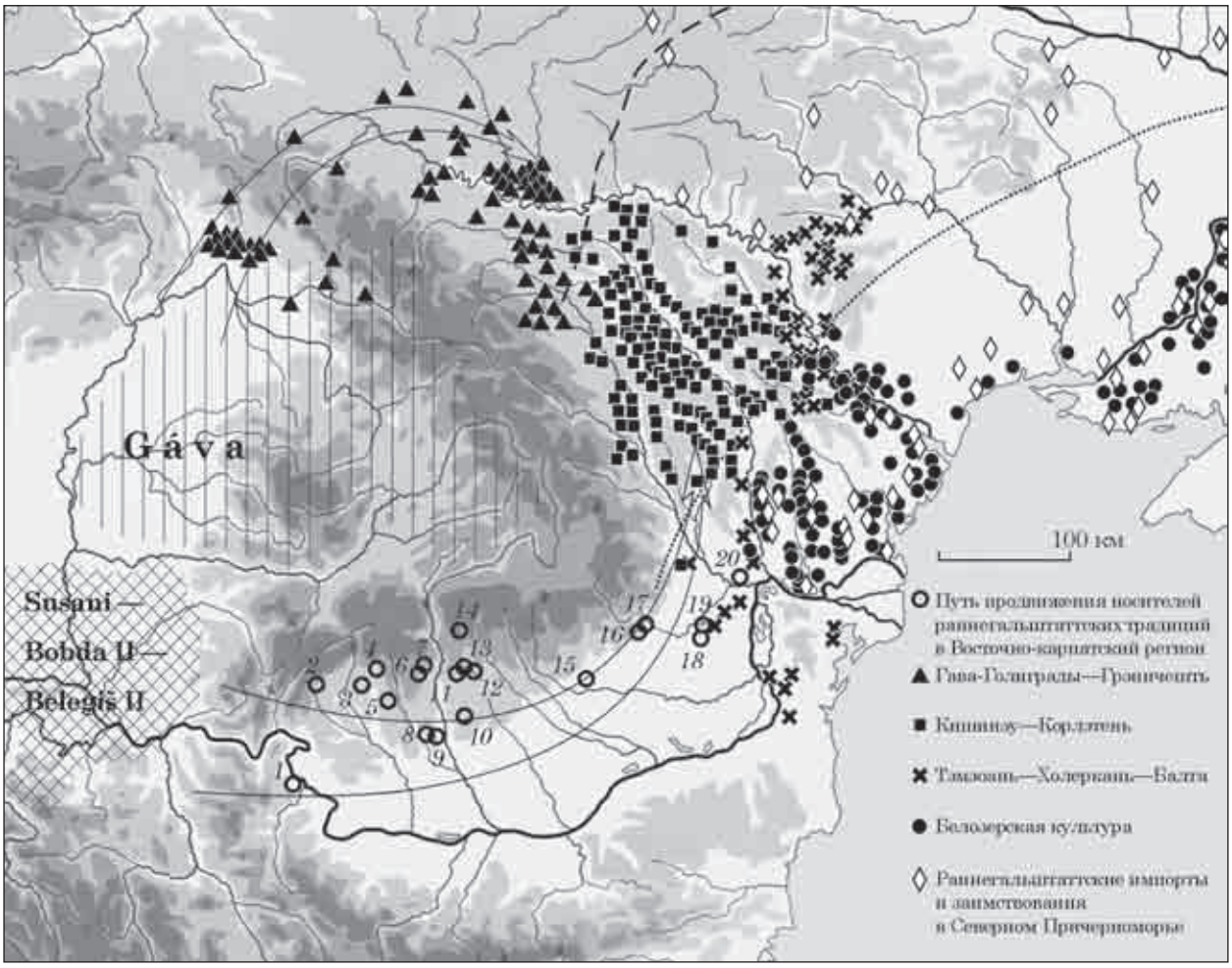


Рис. 1. Предполагаемый путь продвижения носителей традиций раннегальштаттского культурного комплекса Кручень-Белегиш II из Среднего Подунавья в Восточно-карпатский регион (периоды BzD—HaAl, XIII—XII вв. до н. э.): *1* — Островул Маре (Ostrovul Mare); *2* — Кэлугэрень (Călugăreni); *3* — Горж (Gorj); *4* — Груй (Grui); *5* — Соку (Socu); *6* — Матеешть (Mateeşti); *7* — Слэтиоара (Slătioara); *8* — Кэзэнешть (Căzăneşti); *9* — Бэлчешть (Bălceşti); *10* — Прундень (Prundeni); *11* — Бэрсешть (Bârseşti); *12* — Рыурень (Râureni); *13* — Окнеле Марь (Ocnele Mari); *14* — Берзой (Berzoi); *15* — Валя Войевозилор (Valea Voievozilor); *16* — Дражна де Жос (Drajna de Jos); *17* — Кэтуну (Cătunu); *18* — Сэрата Монтеору (Sărata Monteoru); *19* — Кэрломэнешть (Cârlomăneşti); *20* — Кындешть (Cândeşti-*Coasta Banului*); основа карты — [Kaşuba, Levițki, 2010]

носителей нескольких культурных образований. Через северные карпатские перевалы или в обход Карпат с юга, они достигли Прикарпатской восточной территории вплоть до Днестра. Вследствие этого здесь сформировались 3 раннегальштаттские культуры или культурные комплексы (рис. 1). Два из них характеризуются керамикой с каннелюрами — это Гава-Голиграды-Грэничешть (Gáva-Holigrady-Grăniceşti) [Smirnova, 1974; Смирнова, 1976; Малеев, 1981; Крушельницкая, Малеев, 1990, с. 123 сл.; László, 1976; 1980; 1989; 1994; и др.] [1] и Кишинэу-Корлэтень (Chişinău-Corlăteni) [Мелюкова, 1961; Лапушнян, 1979; Смирнова, 1990a; László, 1994; Levițki, 1994a; 1994b], а для третьего комплекса характерна прочерченная керамика — это Тэмэоань-Холеркань-Балта (Tămăoani-Holercani-Balta) [László, 1986; Levițki, 1994b; 1994c; Nicic, 2008].

Положения, что раннегальштаттские культуры Гава (Гава-Голиграды) в Верхнем и Среднем Потисье и Белегиш II (Кручень II—Белегиш II) в Среднем Подунавье образовались в течение XIII в. до н. э. на основе местных культур позднего бронзового века при инфильтрации элементов центрально-европейского характера, поддерживают в настоящее время преобладающее большинство исследователей, изучающих ранний железный век Карпато-Балканского региона (см.: [Левицкий, Кашуба, 2014], там же библиография).

Однако сам процесс «гальштаттизации» на территориях к востоку от р. Олт, в том числе в Восточно-карпатском регионе, интерпретируется специалистами по-разному.

1. Отметим, что совсем недавно появилась работа М. Бандривского, в которой ее автор развивает свои взгляды на культурно-историческое развитие Прикарпатья и Западной Подолии в позднем бронзовом веке, затрагивая, в частности, развитие и хронологию культуры Гава по эту сторону Карпат (см.: [Бандрівський, 2014; 2015]). Однако ее рассмотрение не входит в задачи нашего исследования.

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОЦЕССОВ «ГАЛЬШТАТТИЗАЦИИ» ЮГО-ВОСТОЧНЫХ И ВОСТОЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ КАРПАТО-ПОДУНАВЬЯ

Рассмотрим ситуацию на примере культурного комплекса Кручень-Белегиш II и, соответственно, культуры Кишинэу-Корлэтень в Восточно-карпатском регионе.

Одни исследователи становление культуры Кишинэу-Корлэтень связывают с прямым участием племен типа Белегиш II (Бобда II-Сусань-Белегиш II), которые еще в период HaA1 появились в Восточно-карпатском регионе, что окончательно прервало здесь развитие культуры Ноуа. Предположительно, путь их продвижения проходил по территории, прилегающей к левому берегу Дуная, т. е. через Олтению и Мунтению [László, 1976, p. 94; Iconomu, 1977, p. 228; Мелюкова, 1979, с. 14; 1984, с. 225; Leahu, 1983, p. 193 ş. u.; 1997, p. 336, 337; Смирнова, 1990а, с. 31; 1991, с. 213; Levițki, 1994a, p. 152, 153, 157; 2010, p. 335, 336].

Другие ученые, напротив, рассматривают появление культуры Кишинэу-Корлэтень как результат распространения с запада на восток внутри Карпато-Дунайского региона гальштаттской каннелированной керамики из Баната и соседних территорий. По берегам Дуная и далее к северо-востоку от него эта керамика достигла лесостепной зоны Карпато-Днестровских земель. Речь идет об изменении моды в керамическом производстве, что не предполагает непосредственное инокультурное «вмешательство» [Gumă, 1993, p. 176; László, 1994, p. 157, 158; Lazăr, 2005, p. 58; Davidescu, Vulpe, 2010, p. 64].

На современном уровне исследований только для Олтении и Мунтении можно полагать, что «гальштаттизация» здесь явилась результатом усвоения моды на керамику, типичную для поздней фазы культуры Кручень-Белегиш, (или группы Тикваниул Маре-Карабурма III (Ticvaniul Mare-Caraburma III)). В *Олтении* западные влияния наложились на местный культурный фонд, представленный Гырла Маре (Gârla Mare) на Олтенской Равнине и Вербичоара IV—V (Verbicioara IV—V) в холмистой Прикарпатской зоне. Это привело к образованию здесь нескольких культурных групп XIII—XII вв. до н. э. — Бистрица-Ишэлница (Bistrița-Ișalnița) и Говора (Govora). В то же время в прикарпатской зоне *Мунтении* западные влияния наслоились на местную культурную среду Тей V (Tei V), что привело к появлению раннегальштаттского горизонта на северо-востоке Мунтении [Chicideanu, 1999—2001, p. 197 ş. u.; Lazăr, 2005, p. 33 ş. u., Petre-Govora, 1983, p. 85 ş. u.; László, 2001, p. 317—318; и др.].

Иная ситуация складывалась в Восточно-карпатском регионе, где в конце эпохи бронзы произошла радикальная культурная трансформация: развитие культуры Ноуа было прервано появлением раннегальштаттского комплекса с каннелированной керамикой. Облик этого последнего свидетельствует против эволюционного развития, т. е. не было преобразования местного культурного фонда финала эпохи бронзы в «гальштаттский стиль». Эти данные с достаточной долей вероятности позволяют думать, что культура Кишинэу-Корлэтень была сформирована вследствие продвижения в этот регион населения, несущего традиции культуры Кручень-Белегиш II из Среднего Подунавья (см.: [Nestor, 1970, p. 17, 18; Morintz, 1977, p. 1465 ş. u.; Levițki, 2010, p. 333—337; Левицкий, Кашуба, 2014, Levițki, Kaşuba, 2015]). Особенно выразительно в комплексах с каннелированной керамикой Восточно-карпатского региона, в частности, в культуре Кишинэу-Корлэтень идентифицируются элементы типа Кручень-Белегиш II, Сусань, Бобда II, Тикваниул Маре-Карабурма III, Хинова-Мала Врбица (Hinova-Mala Vrbița) [László, 1976, p. 89—98; 1980, p. 181—187; 1994, p. 125—128; 2001, p. 320; Смирнова, 1985, с. 46, 47; 1990а, с. 20 сл.; 1990б, с. 17—19; 1991, с. 211 сл.; Левицкий, 1990, с. 21—22; Levițki, 1994a, p. 152—154; и др.].

Согласно мнению большинства исследователей культура Кручень-Белегиш сложилась в конце среднего этапа эпохи бронзы на территории Срема, сербского и румынского Баната и, отчасти, Бачке. Она появилась как результат культурного синтеза, при котором на предшествующую культуру Ватин (Vatin (Vatina)) наложились элементы задунайских / панонних групп с инкрустированной керамикой Серемле (Szeremle) и Литценкерамик (Litzenkeramik) (типа Гумтрансдорф-Драссбург (Gumtransdorf-Drassburg)), а также некоторых влияний со стороны центрально-европейской культуры курганных погребений (Hügelgräberkultur). Появление самых ранних элементов культуры Кручень-Белегиш датируется еще Райнеке BzB (скорее, BzB2), в целом хронологические рамки культуры устанавливаются в пределах Райнеке BzC—BzD, а верхняя хронологическая граница приходится на конец BzD / начало HaA или первую половину XII в. до н. э. [Horedt, 1967, p. 147, 148; Radu, 1973, p. 506, 507; Todorović, 1977, p. 155; Morintz, 1978, p. 45; Vinski-Gaspariiti, 1983, p. 484; Беньковски-Пивоварова, 1992, с. 341—345; Gumă, 1997, p. 53—57; Gogâltan, 1998, p. 184; Szentmiklosi, 2006, p. 231—234; Тасић, 1983, с. 88, 95—98; 2001, с. 313 сл.; и др.]. Вопросы сложения, периодизации и хронологии культуры Кручень-Белегиш, характеристики этапов I и II ее эволюции в Среднем Подунавье, а также общие элементы и родство культур с каннелированной керамикой Среднего Подунавья и Восточно-карпатского региона были детально рассмотрены в некоторых наших последних работах (см.: [Левицкий, Кашуба, 2014, Levițki, Kaşuba, 2015]).

В контексте данного исследования еще раз подчеркнем, что появление специфичных параметров для второго этапа культуры (Кручень-Белегиш II), начинается в период BzC (BzC2). Это совпало с изменением культурно-исторической ситуации в Среднем Подунавье, вызванным продвижением в регион элементов / носителей центрально-европейской культуры курганных погребений [Horedt, 1967, p. 137; Тасић, 1983, с. 100; Gumă, 1997, p. 54; Todorović, 1977, с. 144—146, 155—156; Hänsel, Medović, 1991, S. 65, Abb. 4]. Важно отметить, что процесс ясно фиксируется центрально-европейскими категориями бронзовых изделий (украшения, детали одежды, предметы вооружения и орудия труда), имевших хождение в периоды BzD—HaAl (XIII—XII вв. до н. э.) в Среднем Подунавье, Верхнем Потисье и Карпатском бассейне.

Современное состояние источников по раннегальштаттским культурным образованиям Карпато-Дунайского региона, включая Восточно-карпатские земли, как и последние разработки А. Ласло и О.Г. Левицкого, позволяют предположить, что путь продвижения носителей традиций культурного комплекса Кручень-Белегиш II на восток маркирован известными раннегальштаттскими памятниками с каннелированной керамикой на промежуточных территориях. Речь идет о памятниках в северных районах Олтении (Кэлугэрень (Călugăreni), Рыурень (Râureni), Брезой (Brezoi), Окнеле Марь (Ocnele Mari), Кэзэнешть (Căzăneşti), Бырсешть (Bârseşti) и др. (см.: [Petre-Govora, 1983, p. 85—95; Lazăr, 2005]) и Мунтении (Кэтунул (Cătunul), Сэрата Монтеору (Sărata Monteoru), Кырломэнешть (Cârlomăneşti)) [László, 2001, p. 318]. В этом ключе важный источник представляют клады бронзовых предметов с изделиями, распространенными в Среднем Подунавье в периоды BzD—HaAl (Соку (Socu), Сакоць (Sacoți), Дражна де Жос (Drajna de Jos); см.: [Petrescu-Dîmbovița, 1977, p. 78, 79, 120, pl. 90, *12*; 92, *5*; 281, *6, 7, 16*; 282, *1*; 284, *4*]), а также случайные находки бронзовых предметов вооружения: мечи центрально-европейских типов типа Ройтлинген/Reutlingen (Островул Маре (Ostrovul Mare), Груй (Grui), Бэлчешть (Bălceşti), Матеешть (Mateeşti), Прундень (Prundeni), Валя Войевозилор (Valea Voievozilor); см.: [Bader, 1991; Călătoiu, 2002, p. 36 ş. u.; Lazăr, 2005, p. 76, 93, 99, 103, 107]) и кинжал типа Пескьера (Peschiera) из холмистой части жудеца Горж (Gorj) [Berciu, 1939, p. 287, fig. 171]. Подчеркнем, что поселение Кындешть (Cândeşti-*Coasta Banului*) из прикарпатской Вранчи [Florescu, Florescu, 1983, p. 112 ş. u.; 1990, p. 49 ş. u.] является связующим звеном между среднедунайскими местонахождениями и массивом памятников культуры Кишинэу-Корлэтень Восточно-Карпатских земель (рис. 1).

БРОНЗОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ ВОСТОЧНО-КАРПАТСКОГО РЕГИОНА ПЕРИОДОВ BzD—HaA1 (XIII—XII вв. до н. э.)

Возвращаясь к вопросу о том, как могла проходить «гальштаттизация» Карпато-Днестровского региона вследствие чего образовалась культура Кишинэу-Корлэтень, обратимся к важной категории источников — бронзовым изделиям.

Рассмотрим те типы украшений и деталей одежды, предметов вооружения и орудий труда, которые были в обиходе у носителей обоих культурных образований на раннем их этапе: среднедунайской культуры с каннелированной керамикой Кручень-Белегиш II и культуры Кишинэу-Корлэтень Восточно-карпатского региона (ср.: [Смирнова, 1990а, с. 20 сл.; Levițki, 1994а, p. 154; Дергачев, 1997, с. 38—42; 2010, с. 98—110]).

Известно, что эта категория археологического материала относится к продукции массового специализированного производства, имевшей широкое хождение в пределах Центральной Европы.

Как правило, она не считается равнозначной таким важным этнографическим признакам, как керамика, сделанная в домашних условиях; поселениям с землянками с разнообразными отопительными сооружениями; погребальной обрядности и обычаям [Смирнова, 1976, с. 24—26; и др.]. Однако считаем возможным привлечь и этот источник для решения поставленной задачи. В пользу этого свидетельствуют контексты находок: в обоих ареалах — в Среднем Подунавье и Карпато-Днестровском регионе — бронзовые изделия одинаковых типов найдены как в поселенческих комплексах с каннелированной керамикой, так и в урновых погребениях с кремациями на грунтовых могильниках.

В Карпато-Днестровском регионе имеется целая серия бронзовых предметов центрально-европейского происхождения среднего—позднего периодов эпохи бронзы (культуры курганных погребений (Hügelgräberkultur) и полей погребальных урн (Urnenfelderkultur)), которые в периоды BzD—HaA1 (XIII—XII вв. до н. э.) также имели хождение в Среднем Подунавье, Верхнем Потисье и внутри Карпатской котловины. Согласно преобладающему в специальной литературе мнению это свидетельствует о начальной фазе «*контратаки карпатского блока*» и «*гальштаттизации*» этого региона, а также о ранней датировке начала культуры Кишинэу-Корлэтень [Petrescu-Dîmbovița, 1971, p. 180; 1984, p. 191, 192; Iconomu, 1977, p. 213 ş. u.; Vulpe, Căpitanu, 1989, p. 69 ş. u.; 1995, p. 237 ş. u.; László, 1994, p. 139, nota 361; и др.].

МЕТАЛЛОКОМПЛЕКС КУЛЬТУРЫ КИШИНЭУ-КОРЛЭТЕНЬ ВОСТОЧНО-КАРПАТСКОГО РЕГИОНА

Бронзовые изделия из Карпато-Поднестровья, бывшие в обиходе у носителей обеих культур (Кишинэу-Корлэтень и Кручень-Белегиш II), относятся к сериям кладов Уриу-Домэнешть (Uriu-Domăneşti) (BzD) — Чинку-Сусень (Cincu-Suseni) (HaA1) Карпатской котловины. Соответственно, они синхронны с поздним этапом культуры Кручень-Белегиш (Кручень-Белегиш II) и пост-Кручень-Белегишскими культурными группами переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку. Учет имеющихся разработок по металлургии бронзы Центральной и Юго-Восточной Европы в среднем—позднем периодах эпохи бронзы — раннем железном веке [Junghans et al., 1968; Patek, 1968; Vinski-Gasparini, 1973; Bóna, 1975; Rihovsky, 1979; 1983; Novotna, 1980; Gedl, 1983; Furmánek, 1973; Furmánek et al., 1999; Kemenczei, 1984; Moszolics, 1985; Essen, 1985; Blajer, 1999; 2001; Kytlicova, 2007; Pančiková, 2008; Tasič, 1992; Kobal', 2000; Alexandrescu, 1966; Bader, 1983; 1991; Petrescu-Dîmboviţa, 1977; 1978; Дергачев, 1975; 1997; Dergačev, 2002; Дергачев, Бочкарев, 2002; Dergačev, Bočkarev, 2006; и др.] показывает, что интересующие нас бронзовые предметы датируются периодами BzD—HaAl (XIII—XII вв. до н. э.). Более детально этот вопрос рассматривается в специальном исследовании одного из авторов настоящей работы [Levitski, 2016].

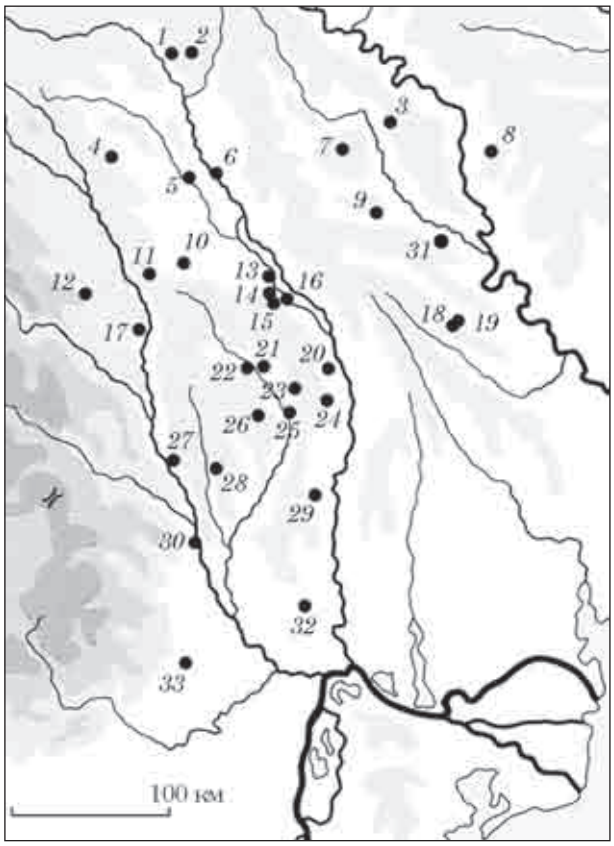


Рис. 2. Местонахождения бронзовых предметов центрально-европейского (в том числе дунайского и карпатского) происхождения периодов BzD—HaAl (XIII—XII вв. до н. э.) в Восточно-карпатском регионе: *1* — Тецкань (Teţcani); *2* — Тринка (Trinca-*Izvorul lui Luca*); *3* — Гура Каменчий (Gura Camencii); *4* — Стынчешть (Stânceşti-*Bobeuca*); *5* — Жижиа (Jijia); *6* — Илишень (Ilişeni); *7* — Хечюл Ноу (Heciul Nou); *8* — Рыбница (Râbniţa); *9* — Мындрешть (Mândreşti); *10* — Улми Литень (Ulmi Liteni); *11* — Ружиноаса (Ruginoasa); *12* — Тырпешть (Târpeşti-*Rîpa lui Bodai*); *13* — Доробанц (Dorobanţ-*La lutărie*); *14* — Яшь (Iaşi-*În lungul vântului*); *15* — Бучюм (Bucium); *16* — Томешть (Tomeşti); *17* — Пояна Дулчешть (Poiana Dulceşti-*Silişte*); *18* — Дурлешть (Durleşti); *19* — Буюканий Векь (Buiucanii Vechi); *20* — Бунешть (Buneşti); *21* — Ратешул Кузей (Rateşul Cuzei-*La Chiuă*); *22* — Негрешть (Negreşti); *23* — Вэлень (Văleni); *24* — Тэтэрень (Tătărăni); *25* — Васлуй (Vaslui-*Curţile Domneşti*); *26* — Пойенешть (Poieneşti); *27* — Гиошень (Gioşeni); *28* — Цигэнешть (Ţigăneşti); *29* — Хорга (Horga); *30* — Ружинешть (Rugineşti-*Gorgana*); *31* — Пэдуря Фурсень (Pădurea Furceni); *32* — Бэлень (Băleni); *33* — Кындешть (Cândeşti-*Coasta Banului*)

Привлеченные все без исключения *категории бронз* представляют собой первые или самые ранние «гальштаттские инфильтрации» центрально-европейского, среднедунайского, трансильванского и / или венгерского происхождения, известные в Восточно-карпатском регионе в кладах, на поселениях, в могильниках или как случайные находки (рис. 2). Эти артефакты рассматриваются в качестве элементов снаряжения и экипировки (личные украшения или детали одежды, предметы вооружения) тех мобильных пастухов и земледельцев с западной окраины карпато-балканского блока, которые организовали экспансию на восток, ассимилируя на своем пути все группы, сформировавшиеся в период «финальной бронзы» (Ноуа-Сабатиновка, южная группа Нижнего Подунавья), и создали новое, большое и мобильное формирование *карпато-балканского раннего гальштатта* [Nestor, 1970, p. 27, 28; см. Kaşuba, Levitki, 2010, p. 316 ş. u.].

КАТЕГОРИИ И ТИПЫ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ЗАПАДНОГО (ЦЕНТРАЛЬНО-ЕВРОПЕЙСКОГО, В ТОМ ЧИСЛЕ ДУНАЙСКОГО И КАРПАТСКОГО) ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В ареале культуры Кишинэу-Корлэтень Восточно-карпатского региона известны 43 бронзовых предмета центрально-европейского происхождения периодов BzD—HaAl (XIII—XII вв. до н. э.). Среди них к украшениям и деталям одежды относятся 14 изделий, к предметам вооружения — 13 (в том числе одна литейная форма), к орудиям труда — 16. В работе использованы только изделия центрально-европейского происхождения, найденные на

поселенческих и погребальных комплексах культуры Кишинэу-Корлэтень, облик которых достоверно указывает на их ранний возраст; а также на многослойных поселениях, где слои с каннелированной керамикой Кишинэу-Корлэтень перекрывают слои предшествующей культуры Hoya, но не разделены стратиграфически; входят в состав кладов, отнесенных к периодам BzD—HaAl, и единичные случайные находки того же времени.

По условиям находок вырисовывается следующая картина: 16 предметов — в слоях поселений и 1 (один) — в погребальном комплексе (погр. 9 могильника Васлуй (Vaslui-*Curţile Domneşti*)) культуры Кишинэу-Корлэтень; 5 — на многослойных поселениях, где слои с каннелированной керамикой Кишинэу-Корлэтень перекрывают слои предшествующей культуры Hoya, но не разделены стратиграфически; 10 — в кладах, один из которых найден на поселении культуры Кишинэу-Корлэтень; 11 — случайные находки. *Украшения* происходят только из поселений, исключение составляет булавка из одного погребения; *детали одежды* — из слоя многослойных поселений (1) и кладов (2); *предметы вооружения* — из слоев поселений культуры Кишинэу-Корлэтень и многослойных поселений (5), кладов (3) и найдены случайно (5); *орудия труда* — из слоев поселений (5), кладов (5) и найдены случайно (6).

Исходя из условий обнаружения, согласно В.С. Бочкареву, металлические изделия как источник неравноценны и представляют специфическую информацию. Так, находки на поселениях и в погребениях могут привлекаться для культурной атрибуции типов металлических изделий, хронологии, а также определения функционального назначения. Клады наиболее полно отражают сферу накопления и распределения продукции и сырья. Единичные случайные находки позволяют судить о степени употребляемости определенного типа той или иной категории [Бочкарев, 1975, с. 3, 4].

Имеющиеся бронзовые предметы, согласно контекстам обнаружения (поселенческие и погребальные памятники), степени употребляемости и хронологическому диапазону хождения, представляют собой *информативный источник* для раскрытия задач нашего исследования.

Рассмотрим категории бронзовых предметов западного происхождения, бывшие в употреблении в Карпато-Днестровских землях в периоды BzD—HaAl (XIII—XII вв. до н. э.), с точки зрения их типологии — типы / варианты со специфическими характеристиками.

Украшения представлены булавками разных типов и браслетами.

Булавки количественно преобладают. В зависимости от оформления головки и верхней части стержня они подразделяются на несколько типов и вариантов:

- *булавки с дисковидной головкой*, одна из них с одним утолщением в верхней части стержня, орнаментированная горизонтальными паралельными насечками в верхней части стержня и вертикальными — по выпуклой части утолщения (тип Scheibenkopf-Petschaftskopfnadel) — Пояна Дулчешть (Poiana Dulceşti-*Silişte*) (рис. 3, *1, 2*) [Ursachi, 1968, fig. 29, *1, 6*; Bichir, 1973, fig. 2, *1,2*], ср.: [Hänsel, 1976, Taf. 42, *9*], Вэлень (Văleni-*La Moară*) [Florescu, 1991, fig. 102, *A/9*];
- *гвоздевидные булавки* со слегка выпуклой головкой (рис. 3, *5*);
- *булавки с витым в верхней части стержнем* (рис. 3, *3*);
- *булавки с уплощенной головкой и утолщенным в верхней части стержнем (Nadeln mit abschliessender Verdickung)*, орнаментированные косыми насечками, расположенными поясами, ограниченными горизонтальными линиями, ниже которых имеются два небольших неорнаментированных утолщения — Тырпешть (Târpeşti-*Ropa lui Bodai*) (рис. 3, *4* — [Marinescu-Bolcu, 1981, fig. 4, *1—3*]);
- *булавки с биконической головкой* (Nadeln mit *Doppelkonischen Kopf)* с прочерченным орнаментом из горизонтальных линий на головке и верхней части стержня — погр. 9 могильника Васлуй (Vaslui-*Curţile Domneşti*) (рис. 3, *7*) [Andronic, 1981—1982, fig. 5, *6*], Хорга (Horga) [Udrescu, 1973—1974, p. 24, nr. 113b, fig. 8, *5*; Coman, 1980, p. 131, nr. XXVIII, *24*; fig. 123, *9*]; или с прочерченными горизонтальными линиями на головке, а в верхней части стержня поясками линий под углом друг к другу, ограниченых горизонтальными линиями — на поселении Тринка (Trinca-*Izvorul lui Luca*) (рис. 3, *6*) [Levițki et al., 2003, fig. 4, *2*];
- *булавки с конической головкой* — на поселении Тринка (Trinca-*Izvorul lui Luca*) (рис. 3, *11*) [Levițki et al., 2003, fig. 4, *6*].

Браслеты представлены одним экземпляром с утонченными несомкнутыми концами, имеющим слегка овальное сечение (рис. 3, *8*). Браслет орнаментирован группами из пяти перпендикулярно расположенных прочерченных линий, между которыми имеются небольшие неорнаментированные сегменты — Тринка (Trinca-*Izvorul lui Luca*) [Levițki et al., 2003, fig. 3, *7*].

К *деталям одежды* относятся фрагменты фибулы и поясов.

Фибулы известны в одном экземпляре (фрагментированная — рис. 3, *9*) с многослойного поселения (Hoya-Гальштатт) Ратешул Кузей (Rateşul Cuzei) [Buzdugan, 1979, fig. 7, *3*], представляющий тип *Пескьера (Peschiera)* или *тип VBF I.1.A* (ср.: [Kašuba, 2008, S. 205, 224, Abb. 12]).

Пояса представлены пластиной с крюком — из клада Томешть (Tomeşti) [Palade, 1976, p. 233, 238, 243—244, fig. 2, *2*; 3a, *4*] и несколь-

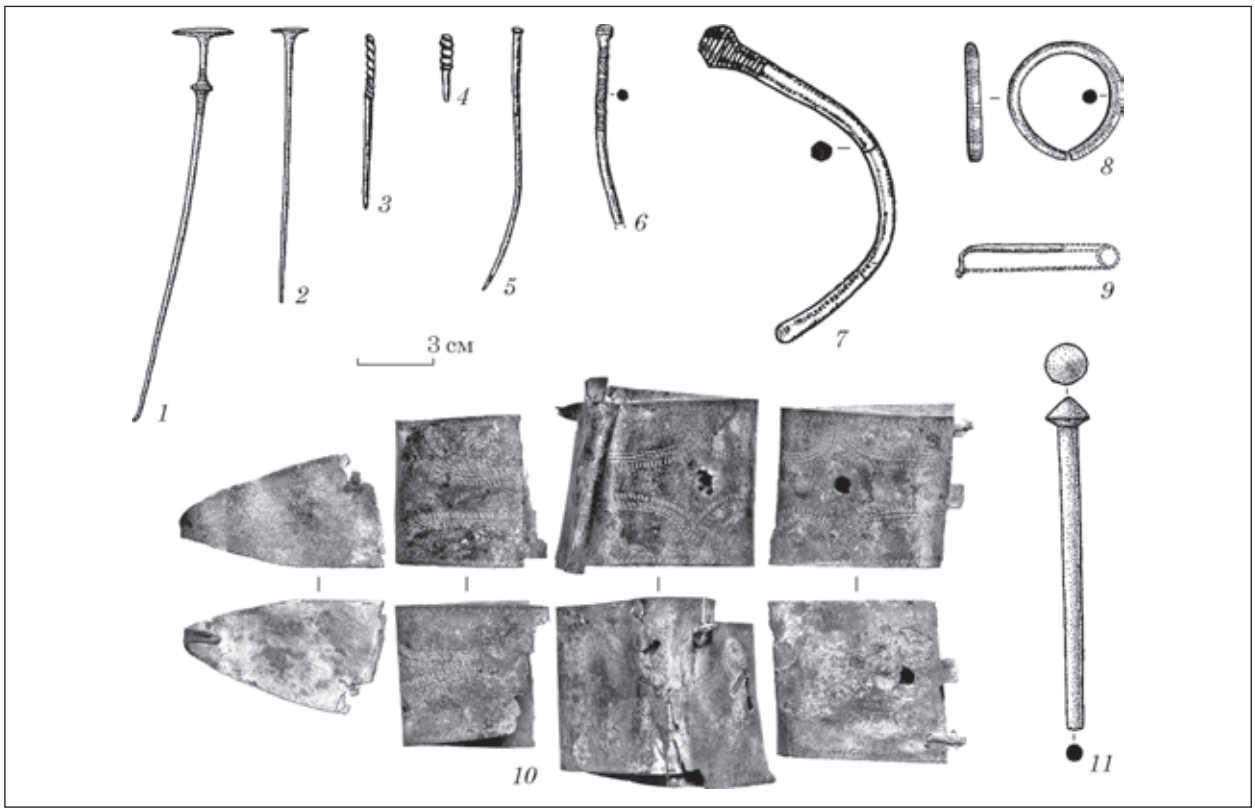


Рис. 3. Бронзовые украшения и детали одежды центрально-европейского (в том числе дунайского и карпатского) происхождения в ареале культуры Кишинэу-Корлэтень Восточно-карпатского региона: *1, 2* — Пояна Дулчешть (Poiana Dulceşti-*Silişte*); *3—5* — Тырпешть (Târpeşti-*Rîpa lui Bodai*); *6, 8, 11* — Тринка (Trinca-*Izvorul lui Luca*); *7* — Васлуй (Vaslui-*Curţile Domneşti*); *9* — Ратешул Кузей (Rateşul Cuzei); 10 — клад Каменный Рот (Гура Каменчий); (по: *1—2* — Ursachi, 1968; Bichir, 1973; Hänsel, 1976; *3—5* — Marinescu-Bâlcu, 1981; *6, 8, 11* — Levițki et al., 2003; *7* — Andronic, 1981—1982; *9* — Buzdugan, 1979; *10* — Клочко, Козыменко, 2011)

кими фрагментами от орнаментированного насечками пояса, один из них с крюком — клад Каменный Рот (Гура Каменчий) (рис. 3, *10*) [Клочко, Козыменко, 2011, с. 65, 66, 164, ил. 99; 100].

Предметы вооружения представлены мечами, кинжалом и наконечниками стрел, в том числе одной литейной формой.

Мечи, как в фрагментированном состоянии, так и целые экземпляры, относятся к *типу цельнолитых с «язычковой» рукояткой* (тип Griffzungenschwerter), двулезвийным клинком с параллельными лезвиями и продольным ребром, представляющие несколько вариантов типов Sprockoff Ib и Sprockoff IIa — *Ройтлинген (Reutlingen), Ненцинген (Nenzingen)* [Alexandrescu, 1966; Bader 1991]. Происходят из кладов Илишень (Ilişeni) (рис. 5, *4, 12*) [Foit, 1964, p. 461—469, fig. 3, *7, 8*; Petrescu-Dîmboviţa, 1964, p. 255, 256], Жижия (Jijia) [Păunescu, Şadurschi, 1983, p. 231, fig. 19, *1*], возможно, Мындрешть (Mândreşti) [Дергачев, 1975, с. 13, рис. 3, *21*; Dergačev, 2002, Taf. 37, *9*] и Гиошень (Gioşeni) [Vulpe, Căpitanu, 1989, 71, 74, fig. 5, *1, 6*; 1995, 239, Abb. 3, *2, 4*]. Они также известны по случайным находкам в Запрутской Молдове — Бучюм (Bucium) [Petrescu-Dîmboviţa, 1953, p. 463, fig. 12] и Пойенешть (Poieneşti) [Petrescu-Dîmboviţa, 1953, p. 465, 472, 473, fig. 13] (рис. 4, *5, 8*).

Кинжал относится к *типу цельнолитых с «язычковой» рукояткой* с двулезвийным, треугольным клинком и продольным ребром (рис. 4, *4*); найден на поселении Тринка (Trinca-*Izvorul lui Luca*) [Levițki et al., 2003, p. 177, fig. 2].

Наконечники стрел — представлены несколькими экземплярами. Это двухлопастные черешковые наконечники с короткой перпендикулярной перекладиной на конце. Найдены на поселениях Кындешть (Cândeşti) [Florescu, Florescu, 1990, p. 61, fig. 16, *6*] и Буюканий Векь (Buiucanii Vechi) (рис. 4, *1*) [Агульников, Ткачук, 1990, p. 105—107, fig. 1, *2*]; 2 случайные находки: в Пэдуря Фурчень (Pădurea Furceni) (информация от С.М. Агульникова) и из района Рыбница(Râbnița) на Левобережье Днестра (рис. 4, *2*); а также одна литейная форма, найденная рядом с гетским городищем Дурлешть (Durleşti) (рис. 4, *3*; [Levițki, 2010, с. 347], информация от С.М. Агульникова).

Орудия труда включают серпы с кнопкой, серпы с рукояткой и безушковые кельты. Традиционно кельты причисляют к орудиям труда, хотя не исключено многофункциональное их использование, например, в качестве оружия.

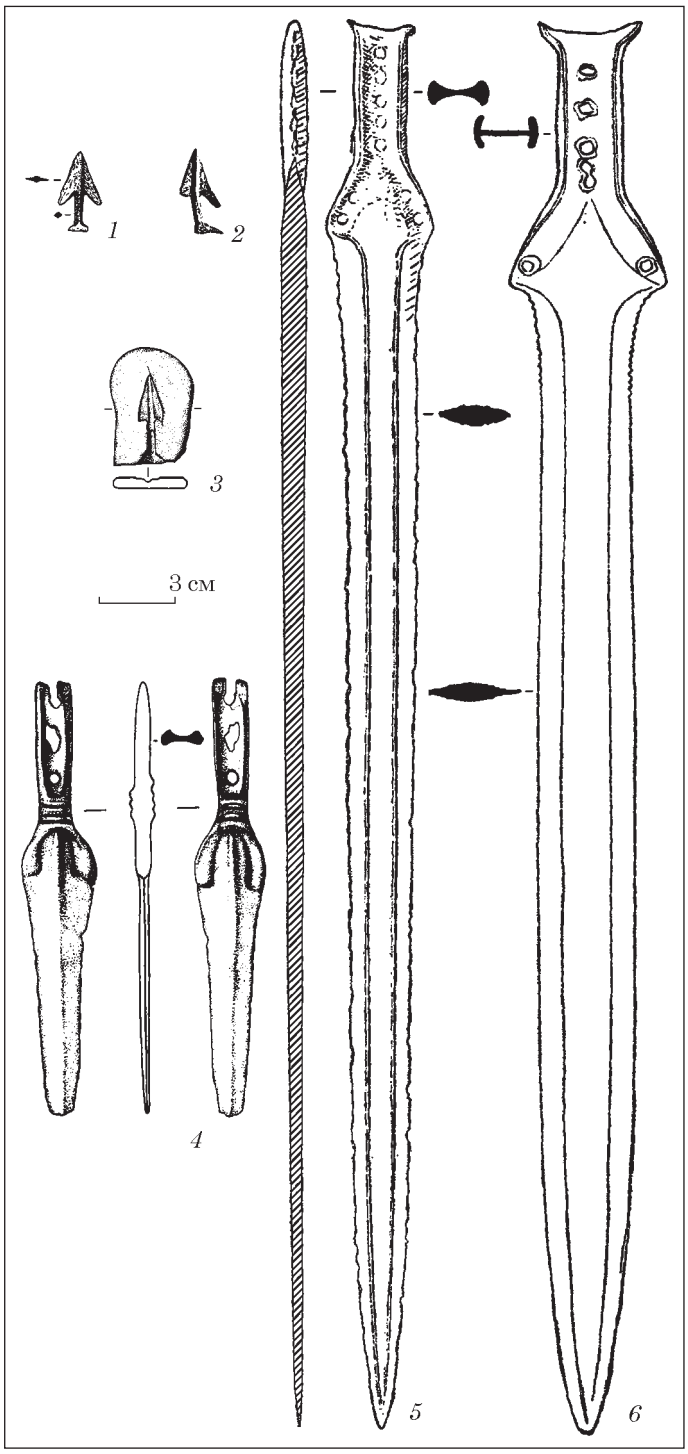


Рис. 4. Бронзовые предметы вооружения центрально-европейского (в том числе дунайского и карпатского) происхождения в ареале культуры Кишинэу-Корлэтень Восточно-карпатского региона: *1* — Буюканий Векь (Buiucanii Vechi); *2* — Рыбница (Râbnița); *3* — Дурлешть (Durleşti); *4* — Тринка (Trinca-*Izvorul lui Luca*); *5* — Бучюм (Bucium); *6* — Пойенешть (Poieneşti) (по: *1* — Агульников, Ткачук, 1990; *2* — https://reibert.info/threads/pomogite-opredelit-nakonechnik.657662/; *3* — Levițki, 2010; *4* — Levițki et al., 2003; *5, 6* — Petrescu-Dîmbovița, 1953)

Серпы с кнопкой (тип Косидер (Koszider)) — это небольшие дуговидные серпы с простой ручкой и кнопковидным выступом ней [Дергачев, 1997, с. 35]. Они имеются в составах кладов Томешть (Tomeşti) [Palade, 1976, p. 235—245; Petrescu-Dîmbovița, 1977, p. 77, pl. 86, *6*] и Илишень (Ilişeni) (рис. 5, *2, 3*) [Foit, 1964, p. 462, fig. 1, *1—3*], а также известны по единичным случайным находкам: Доробанцу (Dorobanțu-*La Lutărie (La iezătură lângă sat)*) [Florescu, 1991, p. 61, fig. 99, *3*], Яшь (Iaşi-*În Lungul Vântului («Ceairul lui Peretz»)*) (рис. 5, *7*) [Petrescu-Dîmbovița, 1953, p. 14, fig. 6], Стынчешть (Stânceşti-*Bobeuca*) [Şadurschi, 1989, p. 171, fig. 6, *3*], Ружинешть (Rugineşti-*Gorgana*) (рис. 5, *10, 11*) [Petrescu-Dîmbovița, 1978, S. 15, Taf. 278, *73, 74*].

Серпы с рукояткой (тип Печ (Pecs)) характеризуются дуговидно-закругленной формой с простой ручкой, обычно с тремя и более рельефными валиками на ручке [Дергачев, 1997, с. 40]. Они известны в кладах Гиошень (Gioşeni) (рис. 5, *3*) [Vulpe, Căpitanu, 1989, p. 71, fig. 4, *1*], Тэтэрэнь (Tătărăni) (рис. 5, *9*) [Iconomu, 1977, p. 215, fig. 15; 16], Мындрешть (Mândreşti) (рис. 5, *6*) [Дергачев, 1975, с. 13, рис. 3, *20*], Илишень (Ilişeni) [Foit, 1964, 463, fig. 1, *8*], также имеется случайная находка в Гырбовэц (Gârbovăț-*Zahareasca*) [Petrescu-Dîmbovița, 1978, S. 43, Taf. 282, *1109*].

Безушковые кельты типа Петерд (Peterd) — это крупные кельты с массивным ободком по краю втулки, расширяющимся дуговидным лезвием с V-образным орнаментом на фасках [Дергачев, 1997, с. 39]. Они представлены в кладе Мындрешть (Mândreşti) (рис. 5, *5*) [Дергачев, 1975, с. 11—13, рис. 3, *17*] и случайной находкой Бунешть (Buneşti-*Dealu lui Bob*) (рис. 5, *1*) [Petrescu-Dîmbovița, 1953, p. 465; 1964, p. 260, fig. 6, *4*; Coman, 1980, p. 89].

БРОНЗОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В КУЛЬТУРАХ / КУЛЬТУРНЫХ ГРУППАХ СРЕДНЕГО ПОДУНАВЬЯ

В настоящей работе при рассмотрении происхождения бронзовых изделий сконцентрируемся на культурной среде и времени их появления в Центральной и Юго-Восточной Европе, а также дальнейшем распространении на поселениях и в погребальных памятниках, кладах и случайных находках, относящихся к культурам / культурным группам Среднего Подунавья финала эпохи бронзы и перехода к раннему железному веку.

Интересующие нас украшения, детали одежды, предметы вооружения и типы орудий труда, имеют центрально-европейской проис-

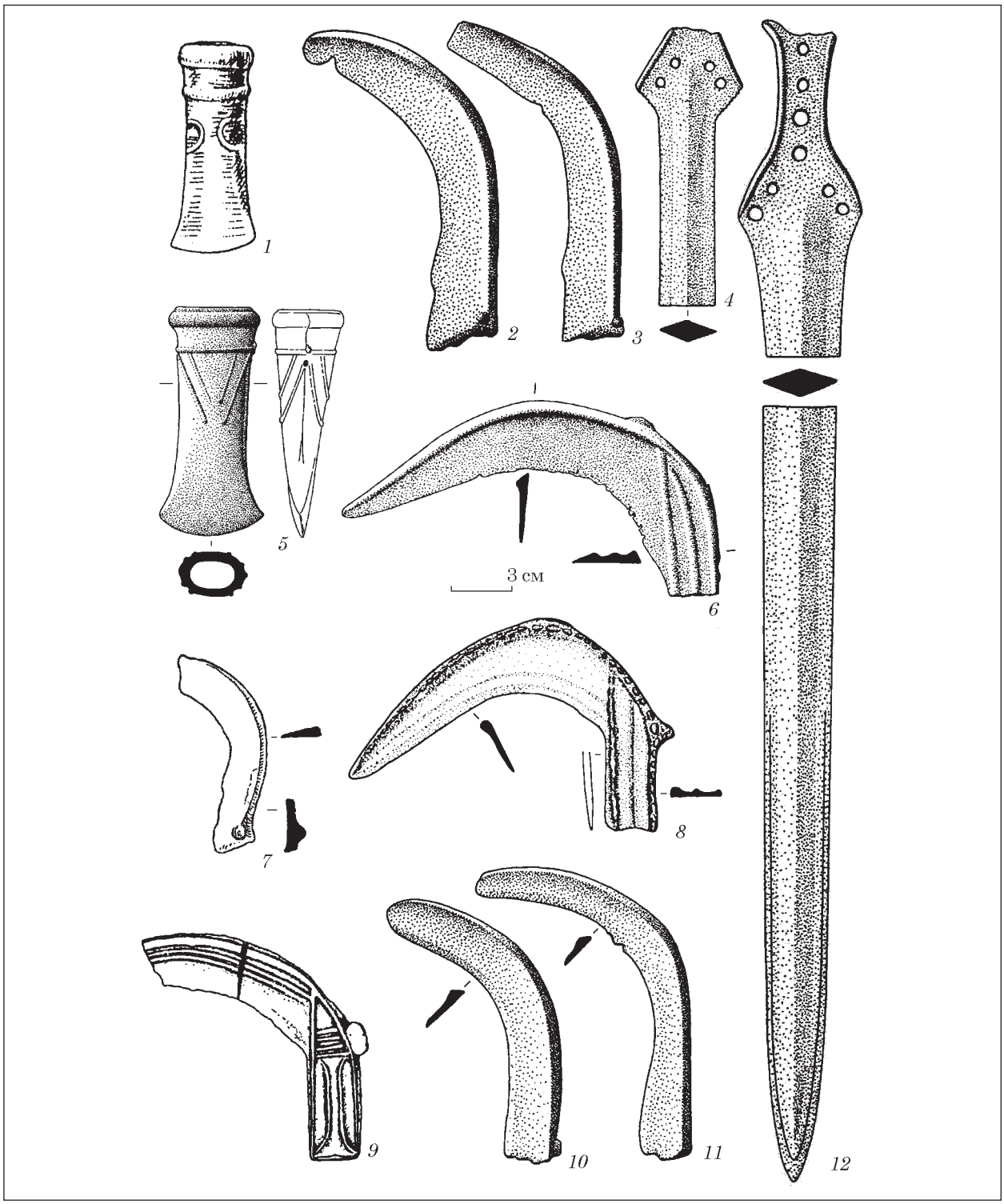


Рис. 5. Бронзовые предметы вооружения и орудия труда центрально-европейского (в том числе дунайского и карпатского) происхождения в ареале культуры Кишинэу-Корлэтень Восточно-карпатского региона: *1* — Бунешть (Buneşti-*Dealu lui Bob*); *2—4, 12* — Илишень (Ilişeni); *5, 6* — Мындрешть (Mândreşti); *7* — Гырбовэц (Gârbovăţ-*Zahareasca*); *8* — Гиошень (Gioşeni); *9* — Тэтэрэнь (Tătărăni); *10, 11* — Ружинешть (Rugineşti-*Gorgana*) (по: *1* — Petrescu-Dîmboviţa, 1953; 1964; Coman, 1980; *2—4, 12* — Foit, 1964; Petrescu-Dîmboviţa, 1964; *5, 6* — Дергачев, 1975; *7* — Petrescu-Dîmboviţa, 1953; *8* — Vulpe, Căpitanu, 1989; *9* — Iconomu, 1977; *10, 11* — Petrescu-Dîmboviţa, 1978)

хождение. Они были выработаны в среднем бронзовом веке и связаны, в основном, с носителями культуры курганных погребений (Hügelgräberkultur) [Furmánek, 1973; 1977; Pančiková, 2008; Rihovsky, 1979; 1983; Kytlicova, 2007; Blajer, 1999; 2001; Дергачев, 1997; Дергачев, Бочкарев, 2002]. Далее одновременно с продвижением населения в восточном и юго-

восточном направлениях эти бронзовые изделия распространяются в верховьях Тисы, в Центральной Трансильвании, Среднем Подунавье и Восточном Прикарпатье [Patek, 1968; Kemenczei, 1984, p. 87; Дергачев, 1997, с. 38, 39; Kobal', 2000, S. 99; Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 285, 290].

Относительно *украшений* отметим, что булавки типов, которые с аналогичной орнаментацией известны в Карпато-Днестровском регионе, засвидетельствованы в Среднем Подунавье в погребальных и поселенческих комплексах, как случайные находки или в кладах.

Булавки *с дисковидной головкой* (включая экземпляры с утолщением в верхней части стержня) и *гвоздевидные булавки* известны в среде культуры курганных погребений: Салка I (Salka I) (Чехия) [Točik, 1964, Abb. 6, *1, 2*], Кестей (Keszthely) (Венгрия) [Кеменцей, 1986, рис. 16, *30*] и эпизодически — в кладах: Смоленице (Smolenice) (Словакия) [Furmánek, et al. 1999, Abb. 25, *11*] и Великие Лучки в Закарпатской области Украины [Kobal', 2000, S. 99, Taf. 30, *23, 29*]. Они намного чаще встречаются в комплексах культуры полей погребальных урн: позднего бронзового века, например, Велатице (Velatice) — Чака (Čaka) — Хотин (Hotin) в Словакии [Rihovsky, 1961, obr. 13, *1, 6*; 15, *1, 5*; Furmánek, et al., 1999, Abb. 34, *11, 15*], а также финала эпохи бронзы — раннем гальштатте Пилинь (Piliny), Беркес (Berkesz), Киятице (Kyjatice), Ґава (Gáva) в северо-восточной Венгрии [Kemenczei, 1984, Taf. XV, *9, 20, 25*; XXX, *2*; XXXVI, *3*; LI, *16*; C, *29*; CXVIIa, *30*; CLXXXVIII, *21*; CCXXIV, *10*], что соответствует горизонтам кладов бронз Араньос (Aranyos), Курд (Kurd) и Гьермей (Gyermely) (B.Va, B.Vb, B.Vc) [Moszolics, 1985, S. 66, 67, Taf. 2, *9*; 35, *9, 10*; 164, *11*; 260, *11*] и культурной группе Игрица/Igriţa [Emödi, 1980, p. 264, fig. 5, *10*; 11, *67*; Chidioşan, Emödi, 1982, p. 80—82, fig. 8, *1, 2, 5*; 1983, 23, fig. 9, *5*; Ignat, 1985, p. 10, pl. XII, *4*].

Аналогичные булавки характерны и для памятников культуры погребальных урн северной Хорватии (Вировитица (Virovitica), Сатнита (Satnita), Сотин (Sotin)) (см.: [Vinski-Gasparini, 1973, fig. 10, *10*; 66, *22*; 100, *10*; sl. 1, *16, 17*; Perkic, Ložnjak Dizdar, 2005, p. 68, 69, табл. 6, *107*]), для культуры Белегиш II в Восточной Славонии (Велико Набре (Veliko Nabre), Бродски Варош (Brodski Varoš), Сарваш-Градац (Sarvaš-Gradac)) (см.: [Vinski-Gasparini, 1973, fig. 44, *16*; 52, *40*; Forenbaher, 1994, tab. 2, *7*]), Сирмии (Парачин (Paračin), Яково (Jakovo-*Ekonomia Sava*), Сурчин (Surcin)) (см.: [Гарашанин, 1958, табл. IV, гр. 4; Тасић, 1962, табл. II, *13*; Vinski-Gasparini, 1973, fig. 4, *13, 14*]) и Баната (Идош (Idoš-*Gradište*), Хетина (Hetina)) (см.: [Bukvić, 2000, p. 85, 86, tab. 48, *5*]), как и для конца эпохи бронзы северо-западной Болгарии [Черных, 1978, 243, табл. 66, *13*].

Булавки *с витой верхней частью* стержня в Среднем Подунавье встречаются в комплексах различных культурных образований позднего бронзового века: культуре Пилинь (булавка с завернутой головкой — погр. 18/68 могильника Шафариково (Šafarikovo)) (см.: [Furmánek, 1977, Taf. III, *7*]); культуре полей погребальных урн северной Хорватии, фаза I, BzC1—BzD (орнаментированная булавка с круглой головкой) (см.: [Vinski-Gasparini, 1973, sl. 1, *13*]) и Кручень-Белегиш (булавка с биконической головкой — погр. 220 могильника Карабурма (Karaburma), фаза II, BzC1—BzD) (см.: [Todorović, 1977, p. 62—63, 144—146, tab. XXIV, *3*]); булавка с утолщением и фрагмент витого стержня в погр. 84 и 101 могильника Кручень (Cruceni), фаза II, BzC1—BzD) (см.: [Radu, 1973, p. 508, 518, pl. 3, *6*; 9, *5*]).

Булавки *с утолщенной верхней частью стержня* в Карпато-Дунайском регионе появляются уже в поздний период эпохи бронзы (BzD). Они известны на поселении Красна (Crasna) поздней фазы культуры Отомань (Otomani) [Lakó, 1987, p. 78, pl. II, *5*], пещере Избындиш (Izbândiş) культурной группы Игрица (Igriţa) [Chidioşan, Emödi, 1983, p. 23, fig. 9, *7, 8*], в кладах Доштат (Doştat) и Корнуцел (Cornuţel) серии Уриу-Домэнешть (Uriu-Domăneşti) (BzD) [Petrescu-Dîmboviţa, 1977, pl. 46, *26, 55*; Stratan, 1964, fig. 3, *4*; Boroffka, 1994, S. 9]. Однако самое широкое распространение они получают в период HaA1: в Трансильвании (на поселении Уйоара де Жос (Uioara de Jos-*Grui*) (см.: [Ciugudean, 1994, p. 27, 35, fig. 2, *9*] в кладах серии Чинку-Сусень (Cincu-Suseni): Дипша (Dipşa), Гуштерица II (Guşteriţa II), Уйоара де Сус (Uioara de Sus) — см.: [Petrescu-Dîmboviţa 1977, pl. 140, *11*; 160, *11, 12*; 268, *36—41, 47, 48*]); Банате (могильники Тикваниул Маре) (см.: [Gumă, 1993, pl. XXV, *4d, 5f*]; и Войловица-Рафинерия II (Voilovica-Rafineria II) — см.: [Bukvić, 2000, p. 83, tab. 15, *6*; 28, *5*]); Восточной Словении (на поселениях культуры Белегиш II Вычедол (Vucedol-*Streim*), Осийк (Osijek-*Retflva*), Сарваш (Sarvaš), Сотин (Sotin), Ловас (Lovas)) (см.: [Forenbaher, 1994, p. 52—53, fig. 8, *3*, tab. 2; Šimić, 1994, p. 199, pl. 6, *2*]); а также в Сирмии — поселение Яково (Jakovo-*Ekonomia Sava*) (см.: [Тасић, 1962, табл. IV, *2*]); клады горизонта II (1230—1100 г. до н. э.), по К. Вински-Гаспарини: Дони-Петровци (Donji Petrovci) [Поповић, 1994b, табл. XXIII, *2*], Добринци (Dobrinci) [Поповић, 1994b, табл. XVIII, *2*], Нове Бингула (Nove Bingula) [Поповић, 1975a, табл. XXXV, *6*], Шимановци (Šimanovci) [Поповић, 1975a, табл. XCIV, *3*], Привина Глава (Privina Glava) [Гарашанин, 1975, т. LXVII, *15*].

Булавки *с биконической или с конической головкой* в Среднем Подунавье, характерны для культуры Пилинь (Piliny) в Словакии [Novotna, 2000, S. 134, 135, Taf. 40, *866, 867*] и Северо Восточной Венгрии [Kemenczei, 1984,

Taf. VI, *19*; XV, *17*], а также лужицкой культуры в Словакии [Furmánek et al., 1999, Taf. 39, *3, 4*]. В Трансильвании они входят в состав кладов серии Чинку-Сусень (Cincu-Suseni) (HaA1): Шпэлнака II (Şpălnaca II) и Тэшад (Tăşad) [Petrescu-Dîmboviţa, 1977, p. 112, pl. 210, *17, 18*; 213, *5*], а в Хорватии — в клады горизонта II (1230—1100 гг. до н. э.) культуры полей погребальных урн [Vinski-Gasparini, 1973, табл. 52, *30, 31*].

Булавки *с конической головкой* в Юго-Восточной Европе известны еще в раннем бронзовом веке [Junghans et al., 1968, Taf. 28, *8636*, 37, *13237*], однако наибольшее распространение они получают в среднем и позднем периодах эпохи бронзы (погребальные комплексы культуры Ватьа III (Vatya III) [Bona, 1975, Taf. 47, *1, 8, 9*; 48, *1—3*] и ранней культуре полей погребальных урн Среднего Подунавья (BzD—HaA1) [Furmánek, 1973, Taf. 5, *11*; 18, *2*; 42, *7*; Patek, 1968, Taf. XLVII, *1*; LI, *6*; LVI], а также в начале гальштаттского периода [Kemenczei, 1984, Taf. LXXXIII, *22*; LXXXV, *24*; LXXXVII, *28*]. В Трансильвании самое раннее появление таких булавок удостоверено в комплексах периодов BzD—HaA1: клад Аркуш (Arcuş) серии Уриу-Домэнешть [Petrescu-Dîmboviţa, 1977, p. 51, pl. 22, *1*], поселения Уйоара де Жос (Uioara de Jos) [Ciugudean, 1994, p. 27, fig. 2, *10*] и клад Брыглез/Brâglez серии Чинку-Сусень (HaA1) [Bejinariu, 2007, p. 53, 54, 63, pl. XIX, *121*]. Далее они продолжают свое существование в последующие периоды [Ciugudean, 2010, pl. XVIII, *15*; Székely, 1966, fig. VII, *5*], например, находки на городище Теляк (Teleac) [Vasiliev et al., 1991, p. 64, fig. 18, *1—4*].

Браслеты типа найденного на поселении Тринка в Карпато-Дунайском регионе были распространены, преимущественно, в позднем бронзовом веке и начале гальштаттского периода. В северо-восточной Венгрии они известны в погребальных комплексах культуры Пилинь (Piliny) и Барка (Barca) [Kemenczei, 1984, Taf. V, 1*4*; XXXV, *4*]. В Трансильвании большая часть таких браслетов происходит из кладов серий Уриу-Домэнешть [Petrescu-Dîmboviţa, 1977, pl. 29, *12, 13*; 32, *10—10a*; 34, *4—4a*; 40, *3*; 45, *8*; 84, *16*], Чинку-Сусень [Dîmboviţa, 1977, pl. 119, *3, 4*; 183, *7*] и в единичных случаях они известны на поселениях (Отомань (Otomani-*Cetatea de pământ*)) (см.: [Bader, 1978, p. 101, pl. LXXXVIII, *10*]). В Банате упомянем клады: серии Чинку-Сусень-Брыглез (см.: [Gumă, 1983, pl. XXVI, *8*]) и Донья Петровци (Donja Petrovci) [Поповић, 1994, с. 30, табл. XXII, *8*] горизонта II (BzD—HaA1), по К. Висски-Гаспарини, и возможно, погр. 148 могильника Карабурма [Todorović, 1977, с. 36—38].

Детали одежды — фибула *типа Пескьера* в Карпато-Дунайском регионе имеет аналогии в кладе Сакоць (Sacoţi) в прикарпатской части Олтении, датированного периодом HaA1 или XII в. до н. э. [Petrescu-Dîmboviţa, 1977, p. 120, pl. 281, *16*].

Орнаментированные пояса известны, начиная с конца среднего периода эпохи бронзы — поселение Отомань (Otomani-*Cetatea de pământ*) [Bader, 1978, p. 99, pl. LXXXVIII, *8*]. Единичные экземпляры имеются в кладах периода BzD — Чехэлуц I (Cehăluţ I) в Трансильвании [Petrescu-Dîmboviţa, 1977, p. 54, pl. 32, *1, 2*], Медвежье и округ Ужгород в Транскарпатской территории Украины [Bernjakovič, 1960, S. 343, Taf. XVII, *1, 4*; Балагури, 2001, с. 263, рис. 81, *31*]. В месте с тем, наибольшее распространение бронзовые пояса получают исключительно в период HaA1, когда они засвидетельствованы на территории Австрии, Чехии, Словакии, Венгрии, Хорватии, Сербии, Румынии и Украины. Как и в Восточно-карпатского регионе, на этой обширной территории пояса, в основном, известны в кладах сериий Курд (HaA1) [Moszolics, 1985, S. 59—60, Taf. 92, *12—17, 20, 30*; 106, *20, 21*; 114, *1*; 192, *29*; 207, *1, 2*; 241, *10*; Kemenczei, 1984, Abb. 25; Taf. LXIIIa, *8a, 8b*; CLXXV, *49*; CLXXXVIII, *11, 12*; CCa, *11*] и Чинку-Сусень (HaA1), сконцентрированных в Трансильвании, Кришане и Банате [Petrescu-Dîmboviţa, 1977, pl. 108; 115, *13*; 126, *26—37*; 140, *19*; 158, *20*; 159, *1—3*; 171; 172; 181, *2*; 192, *7—13*; 202, *18—24*; 203; 204; 255—257; 267, *1—3*; Emödi, 1980, fig. 9, *46*; Chidioşan, Emödi, 1981, fig. 3; Bozu, 1982, pl. VIII; IX; Bejenariu, 2007, p. 49—51, pl. XVIII, *100—110*]. В северной Хорватии они характерны для горизонта II культуры полей погребальных урн (1230—1100 гг. до н. э.) [Vinski-Gasparini, 1973, sl. 3, *17*; tab. 29, *21, 22*; 44, *1—4*; 48, *30*; 55, *2—23*; 57, *1—5*; 66, *37—40*; 69, *13—15*; 79, *18—20*; 83, *17*; 86, *7, 17*].

Что касается *предметов вооружения* подчеркнем, что *мечи с «язычковидной» рукояткой* в XIII—XII вв. до н. э. были широко распространены в Центральной и Юго-Восточной Европе, а большая их концентрация соответствует Карпатскому бассейну, включая Среднее Подунавье [Tasič, 1992, с. 18—19, catalog 33—35]. Это мечи Sprockoff Ib и Sprockoff IIa (типы Ройтлинген и Ненцинген), датированные периодами BzD—HaA1 [Bader, 1991, S. 85, 99, 100, 105].

Кинжалы типа экземпляра с поселения Тринка имеют аналогии в среде культуры Пилинь, соответственно, горизонты кладов Араньос и Курд, датированные периодами BzD-HaA1 [Kemenczei, 1984, S. 119, Taf. LI, *4*; Mozso1ics, 1985, S. 97, 104, 105, Taf. 2, *8*; 18, *5*; Bader, 1991, S. 56, 57, Taf. 8, *31, 32*], а также культуры полей погребальных урн Среднего Подунавья [Patek, 1968, Taf. XXXV, *5*].

Двухлопастные наконечники стрел (черешковые или втульчатые), которые в Центральной и Западной Европе появились еще в среднем бронзовом веке в среде культуры курганных погребений (BzB—BzC), остава-

лись в употреблении и у населения культуры полей погребальных урн позднего бронзового века [Furmánek, 1973; 1977; Blajer, 1999; 2001; Pančiková, 2008]. В комплексах этих культур Словакии имеются как литейные формы [Furmánek, 1973, obr. 44, *23*; 46, *16*], так и готовые изделия [Furmánek, 1973, obr. 6, *3*; 8, *3*; 12, *1, 2, 4;* 33, *3, 5, 9, 10*; 42, *9*; 44, *18*; 46, *7*]. Наконечники типа найденного на поселении Буюканий Векь в Среднем Подунавье находят прямые аналогии в кладах Тальа (Tallya) горизонта Курд [Moszolics, 1985, Taf. 162, *14*] и Надьхалас (Nagyhalasz) первого этапа развития металлургии культуры Гава в Венгрии [Кеменцей, 1986, с. 125, рис. 44, *11*]. Литейные формы с негативами, как и на форме из Дурлешть, известны на поселении культуры Пилинь Хорне Плахтинце(Horne Plachtince) в Словакии [Furmánek, 1977, S. 257, Taf. XX, *2*; Pančiková, 2008, p. 133, obr. 3, *6*], а готовые наконечники — на памятниках Горжево (Gorzewo) и Вилбарк (Wielbark) в Польше [Blajer, 1999, tab. 40, *2—4*; 189, *6*]. В бассейне Среднего Дуная двухлопастные наконечники стрел представлены в кладах серии Чинку-Сусень (HaA1) Шпэлнака II (Şpălnaca II) и Молдова Веке (Moldova Veche) в Трансильвании [Petrescu-Dîmboviţa, 1977, pl. 165, *5*; 202, *12, 13*], а также, на городище Сынтана (Sântana-*Cetatea Veche*) в бассейне р. Муреш периодов BzD—HaA1 [Gogâltan, Sava, 2010, p. 43, fig. 40; Gogâltan et al., 2013, p. 38, pl. 10, *3a, 3b*].

Орудия труда — серпы с кнопкой (*тип Косидер), серпы с рукояткой* (*тип Печ) и безушковые кельты (тип Петерд)* имели широкий хронологический и пространственные диапазоны.

Серпы с кнопкой (тип Косидер), появившиеся в придунайских областях Венгрии начиная с периода HaA1, проникают в юго-восточную Трансильванию и бассейн Верхнего Днестра, но в меньшей степени — в Среднее Подунавье и Восточно-карпатский регион [Дергачев, 1997, с. 150]. Они известны в ареалах культур Гава-Голиграды-Грэничешть, Белегиш II—Бобда II, Кишинэу-Корлэтень и, эпизодически, в Днепровском бассейне — в среде культур Белозерка и Белогрудовка [Дергачев, Бочкарев, 2002, карта 33].

Серпы с рукояткой (*тип Печ)* широко распространяются в период HaA1, когда они в массовом количестве производятся в центрах бронзового производства культур Белегиш I—II — Бобда II, Киятице (Kyjatice) и во всем ареале культуры Гава [Дергачев, Бочкарев, 2002, карта 34].

Безушковые кельты (тип Петерд), орнаментированные в стиле буквы «V» на фасках, в основном локализируются на юго-восточной периферии культуры полей погребальных урн, где она соприкасается с ареалом культуры Белегиш I—II — Кручень I — Бобда II.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все привлеченные в этом исследовании бронзовые предметы, найденные в культуре Кишинэу-Корлэтень Восточно-карпатского региона, имели хождение у населения Среднего Подунавья, в том числе, носителей культуры Кручень-Белегиш II и пост-Белегишских культурных образований в конце эпохи бронзы. Проделанный анализ показал, что *состав металлокомплекса культуры Кишинэу-Корлэтень* является отражением ее основы. В целом, он имеет центрально-европейское происхождение, включая среднедунайское и внутрикарпатское. Особенности металлокомплекса, как и прослеживаемое единство восточно-карпатской и среднедунайской культур с каннелированной керамикой в керамическом производстве и погребальном обряде, труднообъяснимы вне зависимости от продвижения первой волны раннегальштаттского населения. Эти данные позволят рассматривать «гальштаттизацию» Восточно-карпатского региона не в качестве «моды» на отдельные категории бытовых изделий, но *результат миграции*, т. е. непосредственное инокультурное «вмешательство» из областей Среднего Подунавья. Продвижение носителей культуры Кручень-Белегиш II и пост-Белегишских культурных образований в восточном направлении создало среду для формирования в Восточно-карпатских землях культуры Кишинэу-Корлэтень.

Агульников С., Ткачук М. Находки раннего железного века с пос. Старые Боюканы // Археологические исследования молодых ученых Молдавии. — Кишинев, 1990. — С. 105—107.

Балагури Э. Население Верхнего Потисья в эпоху бронзы. — Ужгород, 2001. — 392 с.

Бандрівський М. Культурно-історичні процеси на Прикарпатті і Західному Поділлі в пізній період епохи бронзи — на початкудоби раннього заліза. — Львів, 2014. — 576 с.

Бандрівський М. Культурно-історичні процеси на Прикарпатті і Західному Поділлі в пізній період епохи бронзи — на початкудоби раннього заліза: Автореф. дис. … докт. іст. наук. — Львів, 2015. — 38 с.

Бочкарев В.С. Металлические изделия эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья (вопросы методики исследования и исторической интерпретации): Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Л., 1975. — 19 с.

Гарашанин Д. Ка проблему поља са урнама у Србији // Зборник радова Народног музеја у Београду. — Београд, 1958. — **I**. — С. 297—309.

Гарашанин Д. Остава из Привине Главе // Праисторијске оставе у Србији и Војводини. — Београд, 1975. — **I**. — С. 43—52.

Дергачев В.А. Бронзовые предметы XIII—VIII вв. до н. э. из Днестровско-Прутского междуречья. — Кишинев, 1975. — 94 с.

Дергачев В.А. Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Дануб-ио-Нордпонтийского региона. — Кишинэу, 1997. — 104 с.

Дергачев В.А. Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. — Вып. 1: Одноушковые кельты с арковидными фасками. — Кишинэу, 2010. — 180 с.
Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. — Кишинев, 2002. — 346 с.
Кеменцеи Т. Культура курганных погребений // Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н. э. — I тысячелетие н. э. — М., 1986. — С. 37—51.
Клочко В.И., Козыменко А.В. Наш недавний бронзовый век. — К., 2011. — 200 с.
Крушельницкая Л.И., Малеев Ю.Н. Племена культуры фракийского Гальштата (Гава-Голиграды) // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. — К., 1990. — С. 123—135.
Лапушнян В.Л. Ранние фракийцы X — начала IV в. до н. э. в лесостепной Молдавии. — Кишинев, 1979. — 140 с.
Левицкий О.Г. Культура Днестровско-Сиретского междуречья на рубеже II—I тыс. до н. э. (памятники каннелированного гальштата типа Кишинев-Корлэтень): Автореф. дис. … канд. ист. наук. — Л., 1990. — 24 с.
Левицкий О.Г., Кашуба М.Т. Финал эпохи бронзы в Карпато-Подунавье: культурно-исторический ландшафт и его восточные (северо-причерноморские) рубежи // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Пам. В.М. Массона (03.05.1929 — 19.02.2010). — СПб., 2014. — С. 240—270 (Тр. ИИМК РАН. — **XLII**).
Малеев Ю.Н. История племен Западной Подолии и Прикарпатья в конце бронзового — начале железного веков: Автореф. дис. … канд. ист. наук. — К., 1981. — 25 с.
Мелюкова А.И. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии // Памятники эпохи бронзы и железа в Северном Причерноморье. — М., 1961. — С. 5—52 (МИА. — **96**).
Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. — М., 1979. — 233 с.
Мелюкова А.И. Археологические данные о фракийцах на территории СССР в I тысячелетии до н. э. // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья (лингвистика, история, археология). — М., 1984. — С. 224—234.
Поповић Д. Остава из Нове Бигуле // Праисторијске оставе у Србији и Војводини. — Београд, 1975a. — **I**. — С. 34—43.
Поповић Д. Остава из Шимановаца // Праисторијске оставе у Србији и Војводини. — Београд, 1975b. — **I**. — С. 43—52.
Поповић Д. Остава из Добринаца // Праисторијске оставе у Србији и Војводини. — Београд, 1994a. — **II**. — С. 8—25.
Поповић Д. Остава из Доњих Петроваца // Праисторијске оставе у Србији и Војводини. — Београд, 1994b. — **II**. — С. 25—35.
Смирнова Г.И. Поселение Магала — памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII — середина VII в. до н. э.) // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. — М., 1969. — С. 7—34 (МИА. — **150**).
Смирнова Г.И. Гавско-Голиградский круг памятников Восточно-Карпатского бассейна // АСГЭ. — 1976. — **17**. — С. 18—34.
Смирнова Г.И. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // СА. — 1985. — № 4. — С. 33—53.
Смирнова Г.И. Памятники типа Кишинев-Корлэтень в Днестровско-Сиретском междуречье и группа Белегиш в югославском Подунавье // АСГЭ. — 1990a. — **30**. — С. 20—33.
Смирнова Г.И. Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II — первой половине I тысячелетий до н. э.: Дис. … докт. ист. наук в форме науч. доклада. — К., 1990б. — 40 с.
Смирнова Г.И. Культурно-исторические взаимодействия Днестровско-Сиретского междуречья и Балканского Подунавья на рубеже II—I тыс. до н. э. // Terra Antiqua Balcanica. — Sofia, 1991. — **VI**. — С. 211—217.
Тасић Н. Насеље културе поља са урнама у источном делу Срема // Рад војвођанских музеја. — Нови Сад, 1962. — **11**. — С. 127—144.
Тасић Н. Југословенско Подунавље од индоевропске ceобе до продора скита. — Нови Сад; Београд, 1983. — 167 с.
Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. — София, 1978. — 387 с.
Alexandrescu A.D. Die Bronzeschwerter aus Rumänien // Dacia (NS). — 1966. — **X**. — P. 117—189.
Andronic Al. Descoperirile traco-geto-dacice de la Vaslui // CI (NS). — 1981—1982. — **XII—XIII**. — P. 117—126.
Bader T. Evoluția fibulelor pe teritoriul României de la sfârşitul epocii bronzului până în perioada Hallstattului târziu // Thraco-Dacica. — 1983. — **IV**, **1—2**. — P. 12—22.
Bader T. Epoca bronzului în nord-vestul Transilvaniei. — Bucureşti, 1978. — 151 p.
Bader T. Die Schwerter in Rumänien. — Stuttgart, 1991. — 202 S. (PBF. — **IV**, **8**).
Bejinariu I. Depozitul de bronzuri de la Brâglez (comuna Surduc, judeţul Sălaj). — Cluj Napoca, 2007. — 133 p.
Benkovsky-Pivovarova Z. Zum Beginn der Belegis-Kultur // Hommage a Nikola Tasić a l´occasion des ses soixante ans. — Belgrade, 1992. — S. 341—349 (Balcanica. — **XXIII**).
Berciu D. Arheologia preistorică a Olteniei. — Craiova, 1939. — 241 p.
Bernjakovič K. Bronzezeitliche Hortfunde vom rechten Ufergebiet des oberen Theisstales (Karpatoukraine USSR) // SlA. — 1960. — **VIII**, **2**. — S. 325—392.
Bichir Gh. Şantierul arheologic Poiana-Dulceşti, jud. Neamţ // MCA. — 1973. — **X**. — P. 97—105.
Blajer W. Skarby ze starszei i środkowej epoki brazu na ziemiach polskich. — Kraków, 1999. — 475 s.
Blajer W. Skarby przedmiótow metalowych z epoki brazu i wczesnej epoki zelaza na ziemiach polskich. — Kraków, 2001. — 427 s.
Byna I. Die Mittlere Bronzezeit Ungarns und ihre Südöstlichen Beziehungen. — Budapest, 1975. — 317 S.
Boroffka N. Probleme der jungbronzezeitlichen Keramik in Ostungarn und Westrumänien // The early Hallstatt period (1200—700 B.C.) in South-Eastern Europe. — Alba Iulia, 1994. — S. 7—23.
Bozu O. Depozitul de bronzuri de la Fizeş (judeţul Caraş-Severin) // StComC, Etnografie-istorie. — 1982. — **IV**. — P. 137—154.
Bukvić Lj. Kanelovana keramika Gava komplekca u Banatu. — Novi Sad, 2000. — 247 s.
Buzdugan C. Cercetările arheologice de la Rateşu Cuzei, jud. Vaslui // CArh. — 1979. — **III**. — P. 59—75.
Călătoiu Gh. Prima epocă a fierului în nordul Olteniei (Traco-geţii din nordul Olteniei în secolele XII—IV a. Chr.). — Târgu Jiu; Gorj, 2002. — 207 p.

Ciugudean H. The Hallstatt A period in central Transylvania // The early Hallstatt period (1200—700 BC.) in south-eastern Europe. — Alba Iulia, 1994. — P. 25—40.
Ciugudean H. The Late Bronze Age in Transylvania (With Primary focus on the central and Southern areas) // Satu Mare — Studii şi Comunicări. — 2010. — **XXVI/1**. — P. 157—202.
Chidioşan N., Emödi I. Grupul cultural Igriţa de la sfîrşitul epocii bronzului // Crisia. — 1982. — **XII**. — P. 61—85.
Coman Gh. Statornicie, continuitate. Repertoriul arheologic al judeţului Vaslui. — Bucureşti, 1980. — 286 p.
Davidescu M., Vulpe A. The Urnenfield in Hinova, Mehedinţi county (Roumania) // Dacia (NS). — 2010. — **LIV**. — P. 43—95.
Dergačev V. Die äneolithischen und bronzezeitlischen Metallfunde aus Moldavien. — Stuttgart, 2002. — 251 S. (PBF. — **XX**, **9**).
Dergačev V., Bočkarev V. Secerile de metal din epoca bronzului târziu din Europa de Est. — Iaşi, 2006. — 425 p.
Emödi I. Necropola de la sfîrşitul epocii bronzului din peştera Igriţa // SCIVA. — 1980. — **31**, **2**. — P. 229—273.
Essen R. Die Nadeln in Polen II (Mittlere Bronzezeit). — München, 1985. — 86 S. (PBF. — **XIII**, **9**).
Florescu A. Contribuţii la cunoaşterea culturii Noua // AM. — 1964. — **II—III**. — P. 143—216.
Florescu A. Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România. Aşezări şi necropole. — Călăraşi, 1991. — 170 p. (CCDJ. — **IX**).
Florescu M., Florescu A. Cercetările arheologice de la Cîndeşti-Coasta Banului com. Dumbrăveni (jud. Vrancea), în perioada 1976—1980 (necropola aparţinînd purtătorilor culturii Monteru, aşezarea de la sfîrşitul epocii bronzului — cultura Noua şi resturi de locuire hallstattine) // MCA, a XV-a sesiune anuală de rapoarte. — Bucureşti, 1983. — P. 112—123.
Florescu M., Florescu A. Unele observaţii cu privire la geneza culturii Noua în zonele de Curbura ale Carpaţilor Răsăriteni // AM. — 1990. — **XIII**. — P. 49—102.
Foit Gr. Depozitul de obiecte de bronz de la Ilişeni // AM. — 1964. — **II—III**. — P. 461—474.
Forenbaher S. The «Belegiš II» group in eastern Slavonia // The early Hallstatt period (1200—700 BC.) in South-Eastern Europe. — Alba Iulia, 1994. — P. 49—62.
Furmánek V. Bronzova industrie stredodunajskë Mohylovë kulture na Moravë // SlA. — 1973. — **XXI**, **1**. — P. 25—145.
Furmánek V. Pilinyer Kultur // SlA. — 1977. — **XXV**, **2**. — P. 251—270.
Furmánek V., Velaicik L., Vladar J. Die Bronzezeit im Slowakischen Raum. — 1999. — 203 S. (PAS. — **XV**).
Gedl M. Die Dolche und Stabdolche in Polen. — München, 1980. — 74 S. (PBF. — **VI**, **4**).
Gedl M. Die Nadeln in Polen I (Frühe und ältere Bronzezeit). — München, 1983. — 130 S. (PBF. — **XIII**, **7**).
Gogâltan F. The Cruceni-Belegis Cemetery of Livezile (Tolvădia), Commune Bahloc, District Timiş (Romania) // The Thracian World and the Crossroads of civilizations: Proceedings of the Seventh International Congress of Thracology. — Bucharest, 1998. — **II**. — P. 181—205.
Gogâltan F., Sava V. Sântana Cetatea Veche. — Arad, 2010. — 99 p.
Gogâltan F., Sava V., Mercea L. Sântana «Cetatea Veche». Metal and power // Ziridava. — 2013. — **27**. — P. 21—72.
Gumă M. Civilizaţia primei epoci a fierului în sud-vestul României. — Bucureşti, 1993. — 311 p. (BThr. — **III**).
Gumă M. The end of the Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age in south-western Romania, western Serbia and north-western Bulgaria. A short review // Thraco-Dacica. — 1995. — **XVI**, **1—2**. — P. 99—137.
Hänsel B. Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der Ällteren Hallstattzeit an der Unteren Donau. — Bonn, 1976. — T. I—II. — 216 S.
Hänsel B., Medović P. Vorbericht über die iugoslawisch-deutschen Ausgrabungen in der Siedlung von Feudvar bei Mošorin (Gem. Titel, Vojvodina) von 1986—1990 // Bericht RGK. — 1991. — **72**. — S. 45—204.
Horedt K. Problemele ceramicii din perioada bronzului evoluat în Transilvania // StComSibiu. — 1967. — **13**. — P. 137—153.
Iconomu C. Depozitul de bronzuri de la Tătărăni (comuna Dăneşti, jud. Vaslui) // CI. — 1977. — **VIII**. — P. 213—229.
Ignat D. Aşezarea de la sfârşitul epocii bronzului de la Suplacu de Barcău (Jud. Bihor) // Crisia. — 1984. — **XIV**. — P. 9—26.
Junghans S., Sangmester E., Schröder M. Kupfer and Bronze in der Frühen Metallzeit Europas. Die Materialgruppen beim Stand von 12000 Analysen. — Berlin, 1968. — 161 S.
Kašuba M. Die ältesten Fibeln im Nordpontus. Versuch einer Typologie der einfachen Violinbogenfibeln im Südlichen Mittel-, Süd- und Südosteuropa // Eurasia Antiqua. — 2008. — **14**. — S. 193—231.
Kaşuba M., Leviţki O. Primă epocă a fierului (sec. XII—VIII/VII î. Hr.). Începuturile relaţiilor de clasă. Consideraţii generale // Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică (până în sec. V). — Chişinău, 2010. — P. 313—324.
Kemenczei T. Die Spätbronzezeit Nordostungarns. — Budapest, 1984. — 208 S.
Kytlicova O. Jungbronzezeitliche Hortfunde in Böhmen. — Stuttgart, 2007. — 370 S. (PBF. — **XX**, **12**).
Kobal' I.V. Bronzezeitlichen Depotfunde aus Transkarpatien (Ukraine). — Stuttgart, 2000. — 117 S. (PBF. — **XX**, **4**).
Lakó E. Piese de bronz din aşezarea de ultură Otomani de la Crasna (jud. Sălaj) // Acta Muzei Porolissensis. — 1987. — 11. — P. 77—81.
László A. Începuturile primei vârste a fierlui pe teritoriul Moldovei. Unele rezultate şi probleme // CI. — 1976. — **VII**. — P. 57—75.
László A. Grupul Tămăoani. Asupra «orizontului» hallstattian timpuriu cu ceramica incizată din sudul Moldovei // MemAnt. — 1986. — **XII—XIV**, 1980—1982. — P. 65—91.
László A. Les groupes régionaux anciens du Hallstatt a l'est des Carpates. La Moldavie aux XIIe—VIIe siècles av. n. è. // La civilisation de Hallstatt. — Liège, 1989. — P. 111—129 (ERAUL. — **36**).
László A. Începuturile epocii fierului la Est de Carpaţi. — Bucureşti, 1994. — 220 p. (BThr. — **VI**).
László A. Prima epocă a fierului // Istoria românilor. — Vol. I: Moştenirea timpurilor îndepărtate. — Bucureşti, 2001. — P. 294—353.
Lazăr S. Cultura Vârtop în Oltenia. — Craiova, 2005. — 134 p.
Leahu V. Tracii carpato-dunăreni în marile migraţii egeene // CArh. — 1983. — **VI**. — P. 175—204.
Leahu V. Depozitul de obiecte din bronz descoperit la Arsura // CCDJ. — 1997. — **XV**. — P. 325—352.
Leviţki O. Cultura Hallstattului canelat la Răsărit de Carpaţi. — Bucureşti, 1994a. — 176 p. (BThr. — **VII**).

Leviţki O. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul Pruto-Nistrean al complexului Hallştattian timpuriu cu ceramica incizată // Relations Thraco-Illyro-Helleniques. — Bucureşti, 1994b. — P. 219—256.
Leviţki O. Culturi din epoca Hallştattului timpuriu şi mijlociu // Thraco-Dacica. — 1994c. — **XV**, **1—2**. — P. 159—214.
Leviţki O. Lumea tracică şi masivul culturalnord-pontic în perioada hallstattiană timpurie (secolele XII—X î. e. n.). — Bucureşti, 2003. — 335 p. (BThr. — **XL**).
Leviţki O. Primă epocă a fierului (sec. XII—VIII/VII î. Hr.). Începuturile relaţiilor de clasă. Cultura Chişinău-Corlăteni. Cultura Tămăoani-Holercani-Hansca // Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică (până în sec. V). — Chişinău, 2010. — P. 333—357.
Levitski O. Study on the lower chronological limit of Chişinău-Corlăteni grooved ware Hallstatt culture from East Carpathian regions. In: Human, culture and society from the Copper Age until the Early Iron Age in Northern Eurasia (Contributions in honour to the 60th anniversary of Eugen Sava), Chişinău, 2016 (in print).
Leviţki O., Uşurelu E., Coban Gh. Piese de metal din aşezarea Trinca — Izvorul lui Luca // Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic. — Chişinău, 2003. — P. 171—182.
Leviţki O., Kaşuba M. Două culturi hallstattiene timpurii cu ceramică canelată din regiunea est-carpatică: trăsături generale şi locale // Orbis Praehistoriae. Mircea Petrescu-Dîmboviţa — in memoriam. — Iaşi, 2015. — P. 579—614 (Honoraria. — **11**).
Marinescu-Bâlcu S. Cîteva elemente de cultură Noua şi hallstattiene descoperite în Moldova centrală // Thraco-Dacica. — 1981. — **II**. — P. 147—159.
Morintz S. Probleme pivind originea tracilor în lumina cercetărilor arheologice // Revista de Istorie. — Bucureşti, 1977. — **XXX**, **8**. — P. 1465—1488.
Morintz S. Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpurii (I). Epoca bronzului în spaţiul carpato-balcanic. — Bucureşti, 1978. — 216 p.
Moszolics A. Bronzefunde aus Ungarn. — Budapest, 1985. — 235 S.
Motzoi-Chicideanu I. Ein Neuer Fund vom Beginn der Hallstattzeit aus der Kleinen Walachei // Dacia (NS). — 1999—2001. — **XLIII—XLV**. — S. 197—229.
Nestor I. Epoca aramei şi a bronzului // Istoria poporului român. — Bucureşti 1970. — P. 22—28.
Nicic A. Interferenţe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la finele mil. II — începutul mil. I a. Chr. — Chişinău, 2008. — 174 p.
Novotna M. Die Nadeln in der Slowakei. — München, 1980. — 203 S. (PBF. — **XIII**, **6**).
Palade V. Depozit de obiecte din epoca bronzului de la Tomeşti, comuna Pogana (judeţul Vaslui) // SCIVA. — 1976. — **27**, **2**. — P. 233—245.
Pančiková S. Metalurgia v obdobi popolnicovych poli na Slovensku // Pamatky Archeologicka. — 2008. — **XCIX**. — P. 93—160.
Patek E. Die Urnenfelderkultur in Transdanubien. — Budapest, 1968. — 173 S.
Păunescu A., Şadurschi P. Repertoriul arheologic al României. Judeţul Botoşani. I. Comuna Albeşti // Hierasus. — 1983. — **V**. — P. 221—269.
Perkić D., Ložnjak D. Kasnobrončanodobna ostava Siča/Lučica // Opvscvla Archæologica. — Zagreb, 2005. — **29**. — P. 41—120.
Petre-Govora Gh.I. Un orizont hallstattian timpuriu în nord-estul Olteniei // Thraco-Dacica. — 1983. — **IV**. — P. 89—95.
Petre-Govora Gh.I. O preistorie a nord-estului Olteniei. — Rm. Vâlcea, 1995. — 90 p.
Petrescu-Dîmboviţa M. Contribuţii la problema sfîrşitului epocii bronzului şi începutul epocii fierului în Moldova // SCIV. — 1953. — **IV**, **3—4**. — P. 443—481.
Petrescu-Dîmboviţa M. Date noi relativ la descoperirile de obiecte de bronz de la sfârşitul epocii bronzului şi începutul Hallstattului din Moldova // AM. — 1964. — **II—III**. — P. 251—272.
Petrescu-Dîmboviţa M. Quelques considérations concernant la fin de l'âge du bronze et le debut du Hallstatt dans l'espace carpatho-balkanique // Studia Balcanica. — Sofia, 1971. — **V**. — P. 107—117.
Petrescu-Dîmboviţa M. Depozitele de bronzuri din România. — Bucureşti, 1977. — 169 p.
Petrescu-Dîmboviţa M. Die Sicheln in Rumänien. — München, 1978. — 189 S. (PBF. — **XVIII**, **1**).
Radu O. Cu privire la necropola de la Cruceni (jud. Timiş) // SCIV. — 1973. — **24**, **3**. — P. 503—520.
Rihovsky I. Počatok Velatickë kultury na Moravë // SlA. — 1961. — **IX**, **1—2**. — S. 107—154.
Rihovsky I. Die Nadeln in Mahren und im Ostalpengebiet. — München, 1979. — 251 S. (PBF. — **XIII**, **5**).
Rihovsky I. Die Nadeln in Westungarn. — München, 1983. — 61 S. (PBF. — **XIII**, **10**).
Sava V., Hurezan G.P., Mărginean F. Late Bronze Age Metal Artefacts Discovered in Şagu, Site «A1_1» Arad-Timişoara Highway (km 0+19.900 — 0+20.620) // Ziridava Studia Arhaeologica. — 2012. — **26/1**. — P. 83—107.
Şadurschi P. Piese metalice din epoca bronzului descoperite pe teritoriul judeţului Botoşani // Hierasus. — Botoşani, 1989. — **VII—VIII**. — P. 157—182.
Šimić I. Early Hallstatt horizon in north-eastern Slavonia // The early Hallstatt period (1200—700 BC.) in South-Eastern Europe. — Alba Iulia, 1994. — P. 197—218.
Stratan I. O nouă descoperire hallstattiană din Banat // SCIV. — 1964. — **15**, **4**. — P. 523—528.
Smirnova G.I. Complexele de tip Gava-Holigrady — o comunitate cultural-istorică // SCIVA. — 1974. — **25**, **3**. — P. 359—380.
Székely Z. Aşezări din prima vârstă a fierului în sud-estul Transilvaniei. — Sf. Gheorghe, 1966. — 4 p.
Szentmiklosi A. The relations of the Cruceni-Belegis culture with the Zuto Brdo-Gârla Mare culture // Analele Banatului, SN: Arheologie — Istorie. 2006. — **XIV**, **1**. — P. 229—256.
Tasič N. Metal bronzanog doba // Praistorijski metal Pomoravlja. — Beograd, 1992. — P. 17—21.
Tasić N. The problem of the Belegiš (Belegiš-Cruceni, Belegiš-Bobda) culture. Genesis, duration, and periodization // Festschrift für Gheorghe Lazarovici. Zum 60. Geburtstag. — Timişoara, 2001. — P. 311—321.
Točik A. Die Gräberfelder der Karpatenlandischen Hügelgraberkultur. — Pragae, 1964. — 65 S.
Todorović I. Prajstorijska Karaburma II. Nekropola bronzanog doba. — Beograd, 1977. — 162 p.
Udrescu T. Descoperiri arheologice în jumătatea de sud a Moldovei cu privire la cultura Noua // Carpica. — Bacău, 1973—1974. — **VI**. — P. 17—42.
Ursachi M. Depozitul de obiecte de bronz de la Ruginoasa // Carpica. — Bacău, 1968a. — **I**. — P. 27—34.
Ursachi M. Cercetări arheologice efectuate de Muzeul de Istorie din Roman // Carpica. — Bacău, 1968b. — **I**. — P. 111—188.
Ursachi M. Săpăturile arheologice de la Văleni (jud. Neamţ) // MCA. — 1970. — **IX**. — P. 265—270.
Vasiliev V., Aldea I.Al., Ciugudean H. Civilizaţia dacică timpurie în aria intracarpatică a României. Contribuţii

arheologice: aşezarea fortificată de la Teleac. — Cluj-Napoca, 1991. — 196 p.
Vinski-Gasparini K. Kultura polja sa sarama u sjevernoj Hrvatskoj. — Zadar, 1973. — 230 p.
Vulpe A., Căpitanu V. Depozitul de bronzuri de Gioseni // Carpica. — Bacău, 1989. — **XX**. — P. 69—81.
Vulpe A., Căpitanu V. Der Hortfund von Gioseni, Kr. Bacüu, in der Moldau // Bronzefunde aus Rumänien. — Berlin, 1995. — **I**. — S. 237—244 (PAS. — **10**).

О. Г. Левицький, М. Т. Кашуба

«ГАЛЬШТАТИЗАЦІЯ» КАРПАТО-ДНІСТРОВСЬКОГО РЕГІОНУ: МІГРАЦІЯ НАСЕЛЕННЯ ЧИ КУЛЬТУРНІ ВПЛИВИ

Статтю присвячено проблемі «гальштаттізації» Карпато-Дністровського регіону. Її початок наприкінці доби бронзи пов'язано з розвитком тут двох великих культурних комплексів з каннельованою керамікою Гава-Голігради-Гренічешть і Кишинеу-Корлетень. Не заперечуючи процесів культурної трансформації, дослідники дотримуються різних поглядів на їх характер. Одні вважають, що мало місце безпосереднє інокультурне «втручання», інші вважають «гальштаттізацію» проявом моди на специфічну чорнолисковану гальштаттську кераміку. У статті автори розглядають розвиток культури Кишинеу-Корлетень. З огляду на радикальний характер змін, коли культура Ноуа припинила своє існування, а також поява нововведень в різних сферах матеріальної і духовної культури (прийоми домобудівництва, поховальна обрядовість, керамічне виробництво), автори вважають, що мало місце просування на схід носіїв культурних традицій Кручені-Белегіш II. Для підтвердження своїх поглядів автори наводять 43 бронзових предмета західного походження, відомі в ареалі культури Кишинеу-Корлетень Східно-Карпатського регіону. Відібрано вироби періодів BzD—HaA1 або XIII—XII ст. до н. е. Проведене дослідження показало, що всі розглянуті бронзові предмети були в обігу у населення Середнього Подунав'я, в тому числі, носіїв культури Кручені-Белегіш II і пост-Белегішскіх культурних утворень наприкінці доби бронзи. Склад металокомплексу культури Кишинеу-Корлетень відображає її основу і має в цілому центрально-європейське походження, включаючи Середньодунайську і внутрішньокарпатські вироби. Особливості металокомплексу, як і єдність східнокарпатської та Середньодунайської культур з каннелированной керамікою, що простежується в керамічному виробництві та поховальному обряді, важко пояснювані незалежно від просування першої хвилі раннегальштаттского населення. Ці дані дозволять розглядати «гальштаттізацію» Східно-Карпатського регіону не як моду на окремі категорії побутових виробів, а як результат міграції з областей Середнього Подунав'я. Просування носіїв культури Кручені-Белегіш II і пост-Белегішскіх культурних утворень в східному напрямку створило середовище для формування в Східно-карпатських землях культури Кишинеу-Корлетень.

Ключові слова: Південно-Східна Європа, Карпато-Подністров'ї, доба пізньої бронзи, ранній залізний вік, культура Кишинеу-Корлетень, бронзові вироби, хроноіндікатори, хронологія.

O. G. Levitski, M. T. Kashuba

«HALLSTATTISATION» OF THE CARPATHIAN-DNIESTER REGION: MIGRATION OR CULTURAL INFLUENCES

The article covers the «Hallstattisation» of the Carpathian-Dniester region. Its beginning in the Late Bronze Age associated with the development here of two large cultural complexes with fluted ceramics Gáva-Holigrady-Grăniceşti and Chişinău-Corlăteni. Not denying cultural transformation processes, researchers have different views on their character. Some believe that there was an intercultural «interference»; others consider «Hallstattisation» to have been a kind of fashion for specific black-polished Hallstattian ceramics. The authors focused on the development of the Chişinău-Corlăteni culture. Taking into account radical type of changes, when the Noua culture ceased to exist, as well as the emergence of innovations in different spheres of material and spiritual culture (building techniques, burial rites, and ceramic production), authors believe that the bearers of the Cruceni-Belegiš II cultural traditions might have moved to the east. To confirm their views authors involve 43 bronze objects of western origin, known in the area of the Chişinău-Corlăteni culture of the East Carpathian region. Objects periods BzD—HaA1 or 13th—12th centuries BC were selected. The study showed that all the bronze objects in question were in use among the population of the Middle Danube region, including bearers of the Cruceni-Belegiš II culture and Post-Belegiš cultural formations in the Late Bronze Age. The composition of the Chişinău-Corlăteni culture metal complex reflects its foundation and is generally of Central-European origin, including the Middle Danube and Inter-Carpathian products. The features of the metal complex, as well as the traceable unity of the Eastern Carpathian and Middle Danube cultures with fluted ceramics in ceramic industry and funeral rite, are difficult to explain regardless of the movement of the first wave of the Early Hallstattian population. These data will make it possible to consider the East Carpathian region «Hallstattisation» not to have been the fashion for certain categories of consumer goods, but the result of migration from the Middle Danube regions. The movement of the Cruceni-Belegiš II culture bearers and Post-Belegiš cultural formations eastward created an environment for the formation of the Chişinău-Corlăteni culture in the East Carpathian region.

Keywords: South-Eastern Europe, Carpathian-Dniester Region, Late Bronze Age, Early Iron Age, Chişinău-Corlăteni culture, bronze objects, chronological indicators, chronology.

Одержано 18.03.2016

УДК: 904.1(091)"6383"

С. В. Махортых

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ХРОНОЛОГИИ РАННЕСКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена историографическому обзору некоторых наиболее важных работ последних 20 лет, в которых рассматривается хронология памятников раннескифской культуры на юге Восточной Европы.

Ключевые слова: юг Восточной Европы, древний Восток, раннескифская культура, хронология и периодизация.

Изучение хронологии раннескифских древностей юга Восточной Европы относится к числу актуальных задач современного скифоведения. Вместе с тем, в этой области научного знания остается еще много нерешенных вопросов. Особенно это касается обоснования выделения, а также анализа конкретного содержания различных этапов раннескифской культуры.

Предлагаемая статья посвящена обзору наиболее заметных, с моей точки зрения, разработок, опубликованных за последние два десятилетия и посвященных рассмотрению хронологии памятников раннескифской культуры на юге Восточной Европы.

Этот историографический экскурс необходимо начать со статьи И.Н. Медведской [Медведская, 1992, с. 86 — 105], а также откликов, появившихся на эту работу, вызвавших оживленное обсуждение на страницах журнала «Российская археология» в 1992—1994 гг. Развернувшаяся дискуссия была посвящена актуальным проблемам раннескифской истории и культуры, среди которых вопросы хронологии памятников скифской архаики имели приоритетный характер.

Смысл предлагаемой работы, по мнению И.Н. Медведской, заключается в привлечении древневосточных материалов для уточнения хронологии раннескифской культуры (далее — РСК) через выявление набора инвентаря, адекватного выделяемым этапам РСК в ближневосточных комплексах и обнаружение связанных с этими комплексами абсолютных хронологических реперов как археологических, так и исторических [Медведская, 1992, с. 86, 87].

По мнению Д.С. Раевского, на практике предложенная логическая схема автором не выдержана. С одной стороны, согласно И.Н. Медведской скифские материалы, найденные на территории Ирана и Турции, показывают, что РСК представлена там своим вторым этапом. С другой же стороны, исходя из мнения, что культура номадов (и киммерийцев, и скифов) была единой, без заметных отличий, исследовательница видит в восточных свидетельствах о пребывании киммерийцев в Передней Азии уже около 720 г. до н. э. доказательство существования скифской культуры, ее I этапа, в последней трети VIII в. до н. э. Таким образом, относительная и абсолютная хронология ближневосточных комплексов скифского облика и толкование вопроса о времени проникновения номадов на территорию древнего Востока в статье И.Н. Медведской, оказываются между собой практически не связанными. И далее, «построение хронологической шкалы, чтобы быть вполне корректным, должно быть совершенно свободно от априорного предпочтения какого-либо из существующих альтернативных толкований тех моментов, само осмысление которых зависит от результатов предпринимаемого хронологического анализа и может явиться лишь его следствием» [Раевский, 1992, с. 80, 81].

Близкой точки зрения придерживается и М.Н. Погребова, отмечающая, что при датировке скифских археологических комплексов, найденных на территории Передней Азии, И.Н. Медведская исходит, в первую очередь, из

© С.В. МАХОРТЫХ, 2016

анализа письменных источников и восстанавливаемой на их основании политической ситуации и места в ней скифов. Но даже если и принять вывод автора, придется признать, что к анализу собственно археологического материала, т. е. поставленной в статье цели, он вообще не имеет отношения [Погребова, 1993, с. 87].

Таким образом, задача уточнения хронологии раннескифской культуры на основании синхронизации археологических комплексов с ближневосточными находками выявилась трудноразрешимой. В отличие от юга Восточной Европы, где памятники РСК известны нам по всем этапам ее развития, то «немногочисленные», по выражению И.Н. Медведской, скифские древности на древнем Востоке представлены лишь ее одним этапом, связанным с непродолжительным пребыванием там скифов в царствование Асархаддона [Медведская, 1992, с. 95, 105]. В связи с этим, выявление адекватного более раннего и более позднего скифского вещевого набора в ближневосточных комплексах и проведение между ними какой-либо корреляции представляется проблематичным.

Следует также отметить отсутствие в работе И.Н. Медведской анализа древневостных импортных предметов, обнаруженных в раннескифских памятниках Северного Кавказа и лесостепного Приднепровья (Келермес, Нартан, Перепятиха и др.) и имеющих чрезвычайно важное значение для уточнения хронологии РСК.

И.Н. Медведская, вслед за Г. Коссаком, разделяет раннескифские памятники на три хронологически последовательных этапа (фазы), между которыми намечает комплекс вещей переходного характера. Первый этап (РСК-I) она датирует — 750—700 гг. до н. э., второй (РСК-II) — 700—650 гг. до н. э.) и, наконец, третий (РСК-III) — 650—600 гг. до н. э. [1]

В целом, точка зрения И.Н. Медведской о разделении раннескифской культуры на несколько этапов представляется продуктивной, хотя разработанные автором периодизация и хронология, а также перечень используемых в работе памятников и распределение их по конкретным этапам нуждаются в дополнениях и корректировке.

Предлагая датировать первый этап РСК 750—700 гг. до н. э., И.Н. Медведская исходит и из предложенной Г. Коссаком хронологической позиции новочеркасской ступени (X—VIII вв. до н. э.). Мне, как и некоторым другим авторам, также приходилось высказываться за удревнение нижней хронологической границы новочеркасских памятников [Махортых, 1987, с. 163—166; 2005; Махортих, 1992, с. 23—29], придерживаясь, однако, при этом иных аргументов, нежели Г. Коссак, опирающийся на широкие и в целом ряде случаев неточные параллели. Так, Г. Коссак датирует погребение 38 Зандакского могильника в восточном Предкавказье не позднее X—IX вв. до н. э., считая, что найденные в нем бронзовый черешковый кинжал и корчага близки находкам из погребения 5 Высокой могилы в Северном Причерноморье. Заметим, однако, что эти аналогии не являются точными, поскольку кинжалы различаются формой лезвия и пропорциями, а корчаги имеют различную орнаментацию, оформление венчика и дна. Более того, как было отмечено А.И. Тереножкиным погребение 5 Высокой могилы относится к середине VIII в. до н. э. и является наиболее поздним среди черногоровских памятников юга Восточной Европы [Тереножкин, 1976]. Следовательно, его предметы нельзя использовать для удревнения погребения 38 Зандакского могильника. Опираться надо на новочеркасскую узду и местный кавказский материал, имеющиеся в зандакском погребении и позволяющие датировать его IX — первой половиной VIII вв. до н. э. [Махортих, 1992, с. 27].

В своих работах Г. Коссак [Kossack, 1983; 1986; 1994] удревняет погребение 14 Кисловодской мебельной фабрики, проводя аналогию между скипетром из этого захоронения и экземпляром из клада IX в. до н. э. у с. Прюдь в Венгрии. Эти скипетры сближаются изогнутой формой и зооморфным окончанием, имея, однако, существенные отличия. На кисловодском скипетре изображена голова хищника, а окончание скипетра из клада Прюдь оформлено в виде головы лошади. Втулка последнего выделена и имеет подпрямоугольную форму, второй конец оформлен в виде грибовидного обушка; все эти признаки отсутствуют у кисловодской находки. Указанные отличия не позволяют рассматривать данные скипетры как аналогичные и даже отнотипные предметы, а также делать соответствующие хронологические выводы [Махортых, 1996, с. 115].

Заметим далее, что случайный характер находки пекторали из Эшеры (Абхазия), которую Г. Коссак датирует около 1000 г. до н. э., не дает оснований для датировки этой вещи. Эту пектораль Г. Коссак сближает с находками из Пятигорья (Бештау, Султан-Гора), которые датирует уже около 800 г. до н. э. Основанием для датировки (помимо пекторалей) автор считает биметаллический кинжал, найденный в султангорском захоронении, указывая, что биметаллические кинжалы в целом известны с IX в. до н. э. Необходимо отметить, что пектораль из султангорского могильника типологически отличается от пекторалей из Эшеры и Бештау. Кроме того, биметаллические кинжалы прошли длительный путь развития и бытовали

1. У М.Н. Погребовой вызывает возражение постулируемая И.Н. Медведской одинаковая (50-летняя) протяженность всех трех этапов РСК, несмотря на то, что все они представлены разным количеством памятников, неоднозначных по объему и наполнению [Погребова, 1993, с. 86]. Следует также отметить отсутствие каких-либо объективных и надежных критериев для определения, к примеру, нижней и верхней границы РСК (соответственно 750 и 600 гг. до н. э.), равно как и обоснования причин и обстоятельств появления и исчезновения РСК.

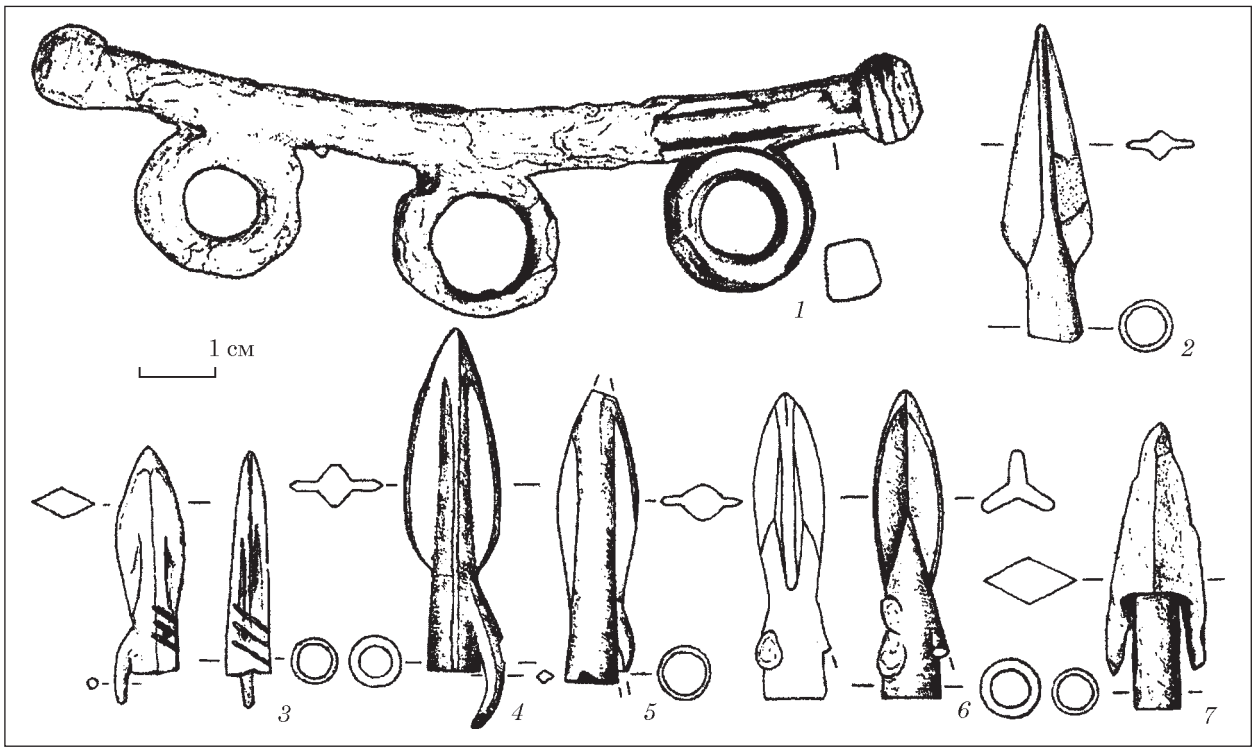


Рис. 1. Бронзовые псалий и наконечники стрел из Артемисиона в Эфесе (по: [Klebinder-Gauss, 2007])

на протяжении X—VII в. до н. э., причем наиболее древние их экземпляры отличаются от кинжалов VIII—VII в. до н. э. из султангорского и погребения 14 могильника у Кисловодской мебельной фабрики, которые Г. Коссак опять же ошибочно относит к одному типу (более подробно о типологии биметаллического оружия — см.: [Дударев, 1999, с. 93—111]). Все вышесказанное свидетельствует, что к вопросу датировки новочеркасских древностей, в том числе и определению их финальной стадии, а также использованию выводов своих предшественников необходимо относиться, более основательно [1].

Что касается первого этапа РСК, по И.Н. Медведской, то здесь также имеется ряд противоречивых моментов. По ее мнению, существование этого этапа в последней трети VIII в. до н. э. подтверждается фактом проникновения в данное время на древний Восток киммерийцев, и эту культуру в первую очередь следует называть киммерийской (?). Таким образом, создается терминологическая путаница, которая не способствует решению проблемы.

И.Н. Медведская считает, что первый этап РСК является переходным между новочеркасским периодом и культурой келермесского времени, будучи скифским, прежде всего, по художественному стилю [2] [Медведская, 1992, с. 87]. Вместе с тем, она включает в этот этап такие памятники, как Рыжановка курган 2, Константиновка курган 375 и др., где отсутствуют какие-либо следы скифского влияния, в том числе и скифский звериный стиль [3].

Вызывает также возражение вывод И.Н. Медведской и разделяющих это мнение исследователей о тождестве культуры киммерийцев и скифов, который опровергается как находками на древнем Востоке бронзовых наконечников стрел, так и уздечных принадлежностей предскифских типов (рис. 1, *1*) [Махортых, 2000, с. 190, рис. 1; Klebinder-Gauss, 2007, p. 175, taf. 87, N 898, 899].

К числу недочетов можно также отнести отсутствие обоснования принадлежности используемых в работе памятников к собственно скифской культуре. В результате среди комплексов, характеризующих ее различные этапы, оказались киммерийские захоронения, поселения различных местных культур Северного Кавказа и Среднего

1. Нет никаких оснований ограничивать верхнюю границу новочеркасских памятников VIII в. до н. э., как это делают И.Н. Медведская и Г. Коссак. За помещение финальной даты новочеркасского этапа в VII в. до н. э. выступают С.Л. Дударев [Дударев, 1999, с. 169], С.А. Скорый [Скорый, 1999, с. 53—56]; А.Ю. Алексеев [Алексеев, 2003, с. 20], В.Р. Эрлих [Эрлих, 2007, с. 187] и ряд других исследователей.

2. Следует заметить, что есть основания говорить о распространении архаических зооморфных мотивов (голова коня или птицы с загнутым клювом, изображения копыт на лопасти псалиев и пр.) в Восточной и Центральной Европе независимо от центральноазиатских прототипов не только в киммерийский период, но и эпоху поздней бронзы [Эрлих, 1990, с. 247—249; Махортых, 1996а, с. 229].

3. И.Н. Медведская также одновременно относит погребение 1 кургана 373 и погребение 3 кургана 375 у с. Емчиха к комплексам, определяющим I и II этапы РСК, а курган 346 у с. Орловец к I этапу и переходной группе от I ко II этапу [Медведская, 1992, с. 87—89, 92].

Поднепровья и пр. (Константиновка курган 375, Келермесский грунтовый могильник, Серженьюрт, Тарасова Гора и др.). Построение периодизации скифской культуры на материалах инокультурных памятников, не имеющих к ней прямого отношения, является некорректным [1].

Далеко не полным является и перечень ведущих форм раннескифского инвентарного комплекса, используемый И.Н. Медведской при определение позиции того или иного археологического комплекса в рамках трехэтапного деления РСК. Так, среди наконечников стрел диагностирующими выявились, главным образом, лишь немногочисленные ромбические стрелы «жаботинского типа» [Медведская, 1992, табл. 1]. В числе хроноиндикаторов не оказалось предметов, связанных с колчаном, наверший и других изделий, важных для рассмотрения раннескифской хронологии.

Примечательно, что удила и псалии, занимающие ведущее положение среди различных форм раннескифского погребального инвентаря, используемого И.Н. Медведской для хронологических реконструкций, не считаются ею надежными коррелирующими признаками [Медведская, 1992, с. 88—91, 94, табл. 1].

Обращают на себя внимание и довольно общие формулировки, предложенные для некоторых категорий инвентаря, например, «мечи-акинаки», которые без уточнений и соответствующего анализа являются малопродуктивными для характеристики различных периодов раннескифской культуры.

Все это в конечном итоге не могло не сказаться на обоснованности приведенных в работе И.Н. Медведской датировок памятников различных этапов РСК как в Восточной Европе, так и в Закавказье (Келермес, Старшая могила, курган 38 Гуляй-город, погребения 27, 106 Самтавро и др.), которые не получили поддержки у большинства исследователей [Галанина, 1994; Курочкин, 1994, с. 117, 118; Погребова, 1993, с. 85, 86].

Следует также привести высказывание Д.С. Раевского о том, что для того чтобы предлагаемая И.Н. Медведской хронологическая шкала выглядела убедительной и была корректной, необходимо создание достаточно дробной и обоснованной типологии различных категорий инвентаря и построение наглядных корреляционных таблиц [Раевский, 1993, с. 80]

Г.И. Смирнова также поддержала настоятельную потребность расширения круга хронологических индикаторов за счет других категорий вещей, не использованных И.Н. Медведской (например, каменные блюда, серьги, некоторые виды лощеной посуды и пр.), поскольку названные предметы при корреляции с другими типами позволяют уточнить относительную хронологию закрытых комплексов, из которых они происходят [Смирнова, 1993, с. 117].

О необходимости корректировки хронологического диапазона отдельных категорий вещей и уточнения распределения памятников по конкретным этапам РСК, выделенных И.Н. Медведской, высказался также С.В. Полин [Полин, 1998, с. 60].

При создании периодизации раннескифской культуры чрезвычайно важным является также учет региональной специфики памятников, которая зачастую обусловлена не столько хронологическими причинами, сколько территориально-производственной и культурно-исторической спецификой, в том числе, неоднородностью раннескифского племенного объединения на юге Восточной Европы [2].

Помимо археологической составляющей, в работе И.Н. Медведской значительное место уделено рассмотрению письменных источников, которым она придает приоритетное значение при определении абсолютных дат кочевнического инвентаря, найденного на территории древнего Востока. Однако, сам способ привлечения автором письменных документов и сделанные в результате на их основании выводы, вызвали у исследователей серьезные возражения.

Так, по замечанию С.Р. Тохтасьева, произвольное элимирование целого круга источников о киммерийцах в Анатолии и скифах в Передней Азии во второй половине VII в. до н. э. может вызвать подозрения в предвзятости автора [3]. И.Н. Медведская, к сожалению, почти не учитывает особенности сохранившегося корпуса клинописных источников о киммерийцах и скифах (государственные архивы Ассирии сохранились в весьма лакунарном виде, не говоря уже о фрагментарности почти каждого документа, царские надписи, составляющиеся с целью прославить повелителя, содержат лишь тенденциозно подобранные, отредактированные данные,

1. Подобные аморфность и недифференцированный подход к культурной принадлежности характеризуют и понимание жаботинского этапа, выделяемого некоторыми исследователями как на основании материалов эпонимного поселения, существовавшего на протяжении VIII—V вв. до н. э., так и одного или нескольких курганов VII в. до н. э., раскопанных у с. Жаботин. Однако, рассматривать эти памятники в рамках одной культуры нет никаких оснований.

2. Рассмотрение памятников VII—VI вв. до н. э. в Среднем Поднестровье позволило Г.И. Смирновой внести уточнения в перечень характерных особенностей хронологических групп раннескифских материалов на этой территории. К примеру, анализ количественного соотношения разных типов и вариантов наконечников стрел в составе стрелковых наборов Приднестровья, показал, что оно не совпадает с выводом И.Н. Медведской о преобладании на третьем этапе РСК трехлопастных наконечников с жальцами [Смирнова, 1993, с. 117].

3. Критические замечание по поводу методического подхода, основанного на избирательном привлечении письменных документов для обоснования собственных выводов, были высказаны также Д.С. Раевским [Раевский, 1993, с. 82] и М.Н. Погребовой [Погребова, 1993, с. 87].

и многие события не нашли в них никакого отражения и пр.), что в ряде случаев серьезно ослабляет ее аргументацию или приводит к ошибочным заключениям [Тохтасьев, 1993, с. 93]

Участниками дискуссии, развернувшейся вокруг проблем, поднятых И.Н. Медведской, категорически был отвергнут тезис исследовательницы о недостоверности античных письменных документов о скифах и киммерийцах на Ближнем Востоке.

По мнению Э.А. Грантовского сообщения античных источников явно противоречат положению И.Н. Медведской о том, что скифские древности Передней Азии и само пребывание там скифов предшествуют второй половине VII в. до н. э. «Скифское владычество над Азией», о котором сообщают различные древние авторы, следует признать историческим фактом. Кроме того, в античных источниках имеются и иные данные о пребывании и скифов и киммерийцев на древнем Востоке много позже середины VII в. до н. э. Отвергнуть их можно было бы, лишь отказав во всяком доверии античной традиции, что совершенно несообразуется как с общими положениями классической филологии, так и с клинописными свидетельствами, подтверждающими достоверность различных данных упомянутой традиции, материалами иранистики и т. д. [Грантовский, 1994, с. 25].

Наиболее широкое распространение и влияние скифов в Передней Азии приходится, по замечанию Э.А. Грантовского, на время между второй половиной 630-х гг. и первой половиной 610-х гг. до н. э. Все это решительно расходится с выводами И.Н. Медведской, по которым скифы находились в Азии лишь в первой половине VII в. до н. э., а вернее, засвидетельствовано только их пребывание в Иране до начала мидийского восстания, в 670-х гг. до н. э. [Грантовский, 1994, с. 43, 46].

С.Р. Тохтасьев отмечает, что И.Н. Медведская, предпочитая следовать клинописным источникам во всем, обходит молчанием факты о гегемонии скифов в Азии, хотя данные, которыми располагал Геродот, значительно превосходили объем дошедших до нас ассирийских сведений о скифах как временным охватом, так и содержательно. Античные сведения о скифах в Передней Азии закрывают лакуну в клинописной традиции, поэтому не достигает цели утверждение И.Н. Медведской, что клинописные источники в отличие от античных, должны иметь приоритетное значение. Этот методический принцип, являясь справедливым, конечно, лишь в самом общем виде, на практике перерастает у И.Н. Медведской в своеобразную форму гиперткритики: все данные о скифах и киммерийцах, не находящие себе параллелей в клинописных источниках, объявляются не заслуживающими внимания. Эта методика распространяется и на такие факты, известные из античных авторов, которые вообще не могли отразиться в клинописных источниках (например, присутствие киммерийцев в Малой Азии как самостоятельной политической силы еще в конце VII или начале VI в. до н. э. [Тохтасьев, 1993, с. 94, 95]

И.М. Дьяконов считает вполне убедительными сообщения Геродота о кочевниках в Передней Азии [Дьяконов, 1994, с. 110, 112—113]. Им также было обращено внимание на имевшие место контакты между скифами и мидийцами во время правления царя Киаксара (вторая половина VII в. до н. э.), в результате которых последними были заимствованы скифское вооружение и скифская стрелковая тактика, о чем писала в одной из своих статей и И.Н. Медведская [Медведская, 1980, с. 34].

Не нашли поддержки у ведущих специалистов по истории древнего Востока и скифской археологии также заключения И.Н. Медведской по поздней истории Урарту и времени гибели урартских крепостей.

Согласно Э.А. Грантовскому, И.Н. Медведская полагает, что Бастам, Кармир-Блур и соседние урартские крепости были завоеваны мидянами около середины VII в. до н. э. В связи с этим отвергается и возможность политической активности скифов в тех же районах. Но эти и связанные с ними положения должны быть безусловно отвергнуты, так как не соответствуют вполне определенным сведениям по истории Мидии и ее завоеваний [Грантовский, 1994, с. 45]. В связи с данными клинописных текстов по исторической географии можно утверждать, что районы Бастама и Кармир-Блура были недоступны для мидян, пока те не покорили Манейское царство. Последнее могло быть подчинено мидянами не ранее 616 г. до н. э., а покорение ими основных урартских земель происходило, очевидно, после 610 г. до н. э. Таким образом, ситуация, когда царства Урарту и Манна были подвластны Мидии, а сама она являлась наиболее значительной и грозной силой на Переднем Востоке, соответствует концу VII — началу VI вв. до н. э. [Грантовский, 1994, с. 46].

Близкого мнения придерживается и И.М. Дьяконов, который отмечает спорность тезиса о тотальной гибели Урарту в середине VII в. до н. э. И далее «До того, чтобы уничтожить Урарту, Мидии было еще далеко, и даже завоевание урартской восточной периферии (того же Бастама), как это и считает И.Н. Медведская, еще не означало гибели всего Урарту» [Дьяконов, 1994, с. 113]. Если разрушение Бастама действительно произошло при Русе II, то это событие не было синхронно гибели ни Тейшебаини, ни Тушпы. Тейшебаини не погиб при Русе II и пережил после него три царствования [Дьяконов, 1994, с. 115].

Тезис о тотальной гибели Урарту в середине VII в. до н. э. представляется сомнительным и М.Н. Погребовой. Даже уничтожение его как целостного образования не предполагает немедленной гибели всех его центров, и гибель такого

северного форпоста, каким является Тейшебаини, отнюдь не обязательно должна совпадать по времени с разрушением Бастама. Приведенные соображения не позволяют М.Н. Погребовой согласиться и с выводом о кратковременном, эпизодическом пребывании скифов в Передней Азии. Сочетание «скифоидных» мотивов с урартскими вещами и восточными, в том числе урартскими, сюжетами на предметах, условно относимых к Саккызскому кладу или найденных в разных пунктах Северо-Западного Ирана, как бы их ни интерпретировать, предполагают достаточно длительное и основательное соприкосновение носителей этих традиций [Погребова, 1993, с. 88].

По мнению Д.С. Раевского, даже если согласиться с мнением, что Урарту как единого государства в конце VII в. до н. э. уже не существовало, это не влечет за собой однозначного вывода о ранней гибели всех без исключения урарских памятников, в частности Кармир-Блура, расположенного на далекой северной периферии и, вполне возможно, в последние годы существовавшего в несколько особой ситуации, что и обусловило сосредоточение там спасаемых разновременных сокровищ [Раевский, 1993, с. 82, 83].

Возражения против гипотезы И.Н. Медведской о том, что все скифские древности в урартских крепостях и вне их должны датироваться первой половиной VII в. до н. э. были высказаны и Г.Н. Курочкиным. По его данным, единственная крепость, где обнаружена большая серия раннескифских вещей — Кармир-Блур. Помимо находок с именем Русы II (685—645 гг. до н. э.), в Кармир-Блуре найдены клинописные таблички с именем Сардури III (645—625 гг. до н. э.). Даже если отвергать принятую урартологами версию о правлении после Сардури III царей Эримены и Русы III (и IV?), надписи которых тоже обнаружены в Тейшебаини, все равно Кармир-Блур погибает в эпоху Киаксара — Мадия, что, по его мнению, полностью совпадает с атрибуцией скифских вещей в этом регионе [Курочкин, 1994, с. 121].

Подводя краткие итоги рассмотрения большого исследования И.Н. Медведской, следует отметить важность публикации этой ценной по своим материалам работы, а также значительные усилия автора, направленные на поиск независимых хроноиндикаторов раннескифской культуры, опирающиеся на широкий круг разнообразных источников.

Вместе с тем, судя по имеющимся откликам на этот труд, очевидно, что разработанная И.Н. Медведской периодизации РСК нуждается в серьезной корректировке и дополнениях, в том числе и с привлечением новых, появившихся за последние годы материалов, которые позволят вывести эту актуальную проблему раннескифской археологии на качественно новый уровень.

Конец XX — начало XXI вв. ознаменовались появлением ряда важных работ, посвященных публикации таких опорных для скифской архаики памятников как Келермесские и Краснознаменские курганы на Северном Кавказе, а также обобщающих исследований регионального характера, направленных, в частности, на изучение территории Днепровского лесостепного Правобережья.

Важной вехой в исследовании хронологии раннескифской культуры стало полное издание материалов Келермесского курганного могильника, подготовленное Л.К. Галаниной [Галанина, 1997]. Тщательный анализ коллекции конского снаряжения из Келермеса позволил исследовательнице наметить хронологическое соотношение отдельных погребальных комплексов, а также значительно скорректировать абсолютную дату группы в целом [Галанина, 1997, с. 178]. Старейшими в возрастном отношении памятниками, по ее мнению, являются курганы 1 и 2, исследованные Н.И. Веселовским, где классические формы конского оснащения сочетаются с пережиточными элементами новочеркасской поры. Исходя из этих данных и учитывая присутствие среди них вещей, сходных с находками из могильника Красное Знамя в Центральном Предкавказье, она отнесла самые ранние келермесские усыпальницы и соответственно начало функционирования самого могильника, к рубежу второй — третьей четверти VII в. до н. э., приблизительно к 660—640 гг. до н. э.

Отличие в составе конского снаряжения из келермесских комплексов, исследованных Н.И. Веселовским и Д.Г. Шульцем, было расценено Л.К. Галаниной как показатель небольшого временного интервала между этими погребениями, а также послужило основанием для выделения старших и младших в возрастном отношении курганов Келермеса.

По мнению Л.К. Галаниной, дату Келермесских курганов 1, 3 и 4, раскопанных Д.Г. Шульцем, в пределах второй половины VII в. до н. э. позволяют уточнить выявленные там колчанные наборы, а также довольно многочисленные предметы престижного характера (диадема, серебряные зеркало, ритоны, и пр.), основу которых составляют находки импортной торевтики эпохи Ашшурбанипала (рис. 2.) Вместе с тем, целый ряд привозных вещей из Келермеса, не подается пока что более узкой датировке, чем вторая половина VII в. до н. э., что нельзя не учитывать при определении верхнего хронологического рубежа этой курганной группы [Галанина, 1997].

Детальное изучение келермесских материалов не позволило Л.К. Галаниной согласиться с точкой зрения Г. Коссака [Kossack, 1986, p. 130] и Н.И. Медведской [Медведская 1992, с. 88—91], неоправданно омолаживающих погребения этой группы и механически подтягивающих отдельные келермесские курганы до 700 г. до н. э. [Галанина, 1994, с. 94, 100].

Критические замечания были высказаны Л.К. Галаниной и в отношении хронологичес-

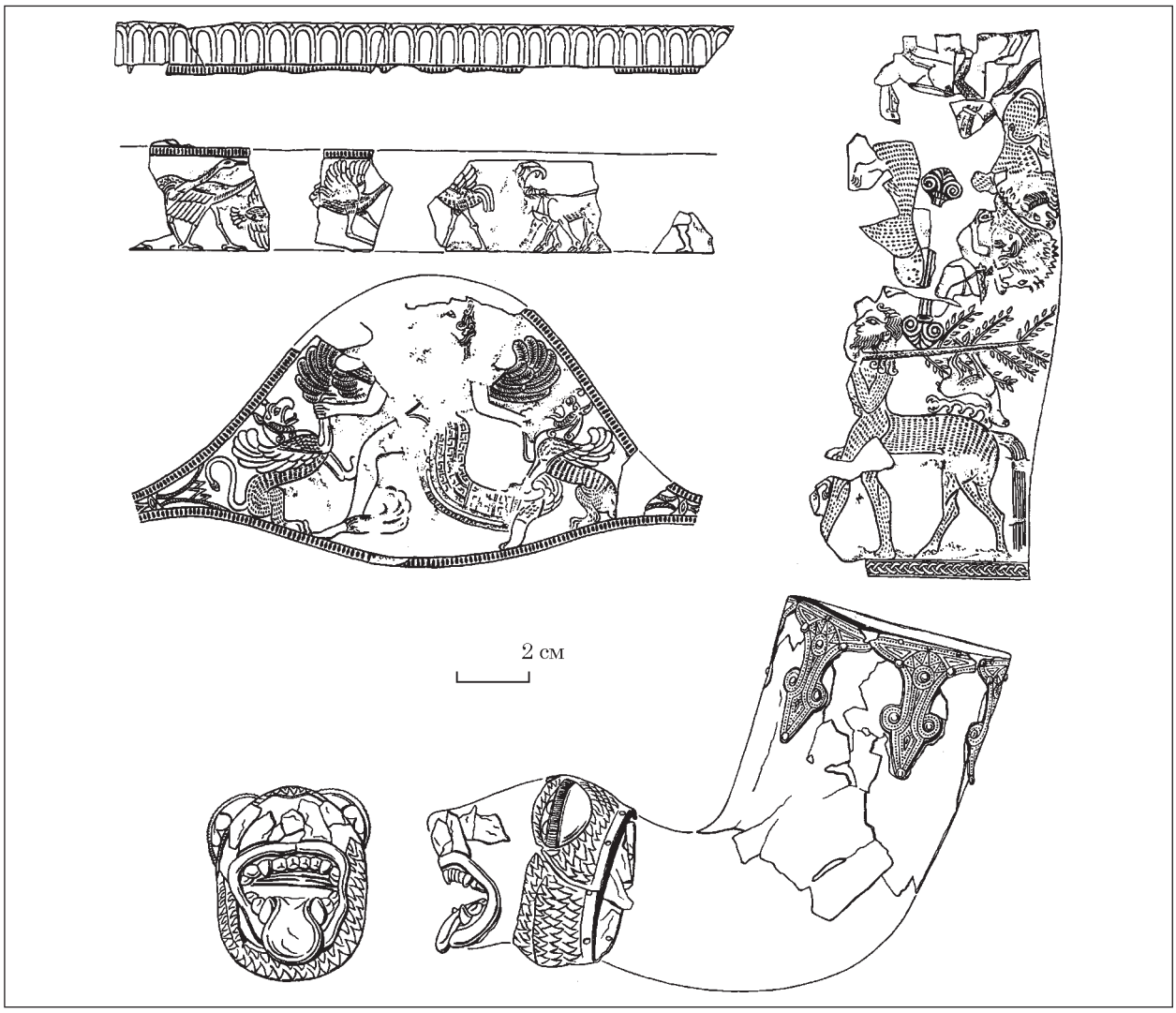


Рис. 2. Серебряные ритоны их кургана 3 Д.Г. Шульца Келермесского могильника (по: [Галанина, 1997])

ких разработок Т.М. Кузнецовой [Кузнецова 1991, с. 101—103] и В.А. Кореняко [Кореняко, 1990, с. 10], которые, отдавая приоритет не археологическим, а письменным источникам, точнее античной литературной традиции в геродотовой версии, ограничивают дату Келермеса и прочих северокавказских курганов с находками предметов позднеассирийской эпохи VI в. до н. э. [Галанина, 1994, с. 94, 95].

Еще одной важной работой, посвященной введению в научный оборот опорных памятников скифской архаики, является монография В.Г. Петренко, посвященная рассмотрению материалов Краснозменского могильника на Ставрополье. По мнению исследовательницы, в определении хронологии комплексов Краснознаменского могильника решающую роль играют местные предметы воинского обихода, а именно вооружения и оснащения боевого коня [Петренко, 2006, с. 109]. Изучение типов наконечников стрел из Краснознаменских курганов в системе других комплексов из Предкавказья показало, что они отражают два этапа развития раннескифской культуры и могут датироваться в рамках VII в. до н. э.

К памятникам первого этапа в рассматриваемом некрополе относятся курганы 8 и 9, а также центральная, и возможно, северная гробницы кургана 1 (первая половина — середина VII в. до н. э.). Помимо наконечников стрел, эта дата подтверждается находками бронзовых двукольчатых удил, меловой колчанной застежки, золотых пронизей и керамики, орнаментированной зубчатым штампом, которые говорят о не утраченной еще связи с предскифским периодом [Петренко, 2006, с. 110].

Проанализировав остатки деталей колесницы из южной гробницы кургана № 1 с изображением передневосточной богини Иштар, В.Г. Петренко пришла к выводу о ее возможном датировании серединой — третьей четвертью с возможным заходом в начало четвертой четверти VII в. до н. э. на основании очень близкой аналогии самому изображению и месту его размещения на дышле, имеющемся на настенном рельефе Ниневийского дворца, изображающего сцену охоты Ашшурбанипала (668—635/227 гг. до н. э.) (рис. 3) [Петренко, 2006, с. 108—110].

Рис. 3. Южная гробница, курган 1 Краснознаменского могильника. Бронзовые обкладки дышла колесницы (по: [Петренко, 2006])

Остальные предметы из южной гробницы (пронизи в форме головки грифобарана и когтя, изображения кошачьего хищника на «печати», уздечки с серебряными обкладками ремней, блях и налобника) обнаруживают большую близость с соответствующими предметами из курганов 1/В, 2/В, 19, 24 Келермесского могильника и из курганов 13, 14, 18, 20—22 могильника Нартан.

Курганы 3 и 6 Краснознаменского могильника В.Г. Петренко датирует в пределах второй половины VII в. до н. э. [Петренко, 2006, с. 112].

В первом из них уздечный набор полностью повторял набор уздечек южной могилы кургана 1. Там были найдены абсолютно тождественной формы удила, железные трехпетельчатые псалии, бронзовые столбики для перекрестных ремней, палочки-застежки и ворворка грибовидной формы. Раннюю дату кургана подкрепляет и находка в нем бронзового сосуда с зооморфными ручками.

Курган 6, благодаря выявленным там предметам (бронзовые трехпетельчатые псалии с загнутым концом, ситулообразный сосуд с зооморфными ручками, фрагмент шлема кубанского типа) наибольшую близость обнаруживает с двумя самыми ранними комплексами в соответствующих могильниках Предкавказья: из курганов 20 у с. Нартан и 2/В у ст. Келермесской.

Время же, в течение которого производились захоронения на Краснознаменском могильнике, ограничено не более, чем 50 годами, а возможно и более коротким отрезком времени: в пределах от второй до последней четверти VII в. до н. э. [Петренко, 2006, с. 114].

Ряд заслуживающих внимания соображений по поводу датировки отдельных комплексов скифской поры в Днепровской Правобережной лесостепи был высказан С.А. Скорым [Скорый, 2003, с. 32—41]. Важно, что исследователь не просто рассмотрел хронологию тех или иных археологических памятников, а опираясь на эти разработки предложил вариант реконструкции исторической ситуации в Среднем Приднепровье в раннескифское время.

Появление скифов в Правобережной лесостепи в начале — первой четверти VII в. до н. э. маркируется архаическими захоронениями в курганах 2, 524 Жаботина, 15 Константиновки, 183 Тенетинки, 346 Теклино, 375 Емчиха, 2 Медвин [Скорый, 2003, с. 39, 74]. Эти комплексы исследователь связывает со скифами-пришельцами первой, т.н. азиатской волны из среднеазиатско-казахстанского региона, которая, по его мнению, была представлена исключительно воинскими отрядами [1] [Скорый, 2003, с. 75, 76].

Вместе с тем, причисление С.А. Скорым к этому хронологическому горизонту захоронения в кургане близ с. Глинище в Днепровском лесостепном Левобережье представляется сомнительным, поскольку найденные в нем импортная золотая серьга «переднеазиатского» типа и зеркало с центральной ручкой в виде двух столбиков перекрытых зооморфной бляшкой, позволяют относить его ко времени близкому «старшим» Келермесским курганам. Оно, скорее всего, датируется серединой — третьей четвертью VII в. до н. э. Бронзовые наконечники стрел с шипами и пером ромбической формы, также выявленные в захоронении у с. Глинище, не могут служить основанием для разделения памятников на докелермесские и келермесские, а также ограничивать дату содержащих их комплексов серединой VII в. до н. э. [Махортых, 2014, с. 75].

Приход кочевников в Правобережную лесостепь в самом конце VII в. до н. э. или в начале VI в. до н. э. С.А. Скорый рассматривает как вторую (т. н. кавказскую) волну продвижения ираноязычных кочевников, которая была связана с завершающим этапом или окончанием скифских переднеазиатских походов [Скорый, 2003, с. 77]. Эту волну маркируют такие памятники как Репяховатая и Захарейкова могилы, курганы 406 и 407 Журовка, Фляркoвка, курган 100 Синявка, курган 35 Бобрица, Иванковичи, Глеваха, Офирна, Перепятиха и др.

По мнению С.А. Скорого, это была качественно новая скифская инвазия, выразившаяся во вторжении в лесостепное Правобережье не просто воинского контингента, а перемещении целых племен. Подтверждение сказанному он видит в довольно значительном проценте женских захоронений в курганах, относящихся к концу VII — началу VI в. до н. э. как на Правобережье, так и Левобережье Днепра, которые сопровождались бронзовыми зеркалами, каменными блюдами и другими предметами женского обихода.

Особое внимание в своей работе С.А. Скорый уделил анализу той части исследования И.Н. Медведской, в которой она рассматривает раннескифские памятники Днепровского лесостепного Правобережья (всего 28 комплексов). Серьезную озабоченность у него вызывает абсолютная хронология этих комплексов (а точнее — различие в ней), поскольку в ее основе лежит не конкретная аргументация, а стремление исследовательницы «подтянуть» даты этих памятников к выделяемому Г. Коссаком и ею этапу РСК-I (750—700 гг. до н. э.), и заполнить хронологическую лакуну между древностями этого этапа и памятниками конца VII в. до н. э. [Скорый, 2003, с. 36].

Проведя сравнительный анализ вещевых наборов ряда Правобережных архаических комплексов, материалы которых использовала И.Н. Медведская (курганы 406, 407 Журовка, гробницы 1 и 2 Репяховатой могилы, курган 35 Бобрица, курган 100 Синявка и др.) С.А. Скорый пришел к выводу о их практической синхронности и отсутствии оснований для отнесения этих памятников к различным хронологическим этапам эпохи скифской архаики, отделенным друг от друга в диапазоне до 100 лет.

Для изучения хронологии раннескифского времени важным является исследование А.Ю. Алексеева [Алексеев, 2003]. В нем была предложена гипотеза о двух этапах пребывания скифов в Передней Азии, связанных с двумя поколениями кочевников: скифы «первого поколения» (царя Бартатуа) и скифы «второго поколения» (царя Мадия). Эта гипотеза построена не только на археологическом материале, но и на анализе ассиро-вавилонских и греческих источников [Алексеев, 2003, с. 114].

Время существования орды Бартатуа, по мнению исследователя, приходится на конец 70-х гг. VII в. до н. э., при этом культура скифов-ишкуда, в том числе и в плане антропоморфной скульптуры, стала доминировать лишь после их возвращения в Предкавказье приблизительно в 660-е гг. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 45, 102].

Поскольку при Ашшурбанипале упоминание имени скифов в источниках отсутствует, А.Ю. Алексеев предполагает, что приблизительно в начале правления этого царя произошел отток части кочевников к северу от Главного Кавказского хребта, с чем он связывает появление на этой территории погребений с переднеазиатскими импортными изделиями [Алексеев, 2003, с. 110].

Завершение первого этапа пребывания скифов на Ближнем Востоке А.Ю. Алексеев соотносит с серединой VII в. до н. э., что по времени совпадает с финалом формирования классической архаической скифской культуры [Алексеев, 2003, с. 22].

Что касается второго этапа пребывания скифов на Ближнем Востоке, то суммируя все весьма разноречивые хронологические указания, А.Ю. Алексеев приходит к выводу, что Мадий

1. Название «азиатская» для первой волны номадов, продвинувшихся в лесостепные районы Украины, представляется мне не вполне удачным, поскольку распространение различных категорий раннескифской материальной культуры, связанных своим происхождением с восточными регионами Евразии (бронзовые зеркала с центральной ручкой, каменные блюда и пр.), фиксируется в раннескифских захоронениях Среднего Приднепровья не в первой половине VII в. до н. э., а в погребальных комплексах более позднего времени, связанных с проникновением на эту территорию новой волны кочевого населения.

появился в Передней Азии во время правления Киаксара, скорее всего, в пятнадцатилетие между 640 и 625 гг. до н. э. (ближе к концу этого интервала). Косвенно это следует и из отсутствия сведений о скифах в ассирийских «анналах» Ашшурбанипала, позднейший из которых датируется 639 г. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 122].

Именно этот этап пребывания второго поколения скифов в Передней Азии произвел наиболее сильное впечатление на население всего обширного региона и оставил память о себе в греческой и древнееврейской литературе. Возвращение скифов после «второго похода» царя Мадия А.Ю. Алексеев относит к концу VII в. до н. э., не исключая при этом, что скифский «исход» не происходил одномоментно, и какие-то небольшие мобильные группы могли при этом проявлять значительную независимость [Алексеев, 2003, с. 154].

Исследователь также отмечает существование хронологического разрыва между двумя этапами пребывания скифов в Передней Азии, который, стал особенно ощутимым в связи с укреплением «короткой хронологии» многих династий переднеазиатских государств [Грантовский 1998; Алексеев, 2003, с. 110, 111].

В отличие от И.Н. Медведской, А.Ю. Алексеев, считает неоправданным отказ от опоры на античную традицию скифской истории в Передней Азии (в большей степени касавшуюся событий второй половины VII в. до н. э.), впрочем, как и резкое сужение рамок пребывания скифов в этом регионе. Он также выступает за помещение древностей типа Новочеркасского клада в VII в. до н. э. и доживание памятников РСК-III по меньшей мере до середины VI в. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 20, 133].

Вместе с тем, суждения А.Ю. Алексеева о рубеже между архаической и классической Скифией отличаются противоречивостью. Граница, разделяющая две скифские культуры, относится им к середине, последней трети или концу VI в. до н. э. и связывается с появлением в Северном Причерноморье воинских погребений с сопровождающим инвентарем, являющимся инновацией для данной территории [Алексеев, 2003, с. 156, 162, 182, 184, 190, табл. 24]

Из работ последнего пятилетия следует отметить публикации В.Е. Маслова и Д.С. Гречко.

Статья В.Е. Маслова посвящена проблеме хронологии ключевого для раннескифской археологии памятника — Келермесского могильника [Маслов, 2012]. В ней автор предлагает отказаться от разделения материалов этого памятника на две хронологические группы. По его мнению, все находки из Келермесского могильника очень тесно взаимосвязаны и укладываются в достаточно узкий хронологический промежуток времени. Разрыв между временем возведения отдельных курганов не должен превышать одного—трех десятилетий, а в ряде случаев, возможно, и несколько лет [Маслов, 2012, с. 356].

Вместе с тем, датировка, предложенная В.Е. Масловым для Келермесского могильника в интервале 650—580 гг. до н. э., свидетельствует о его довольно длительном функционировании и предполагает выделение внутри него более древних и более молодых комплексов. В этой связи говорить о существовании единого хронологического горизонта древностей на протяжении 70 лет вряд ли является оправданным.

В.Е. Маслов вводит понятие «келермесский культурный горизонт», который может объединять ядро из взаимосвязанных синхронных древностей, представленных комплексными находками [Маслов, 2012, с. 343]. В основании этого горизонта находится комплекс с элементами колесничной упряжи (курган 2 Н.И. Веселовского). Вместе с курганом 1 Н.И. Веселовского он демонстрирует теснейшую связь с соответствующими комплексами Нартановского (курганы 20 и 22) и Краснознаменского могильников, которые имеют «новочеркасский» шлейф. При этом, нет никаких оснований для того, чтобы объявлять эти курганы «допоходными» и отрывать от остальных захоронений упомянутых выше могильников. Речь идет об очень узкой хронологической прослойке внутри келермесского горизонта, датировка которой должна колебаться вокруг датировки южной гробницы кургана 1 Кразнознаменского могильника: в пределах середины — третьей четверти VII в. до н. э. Вполне возможно, что новочеркасские черты в этих комплексах, несмотря на доминирующий новый вещевой набор, вовсе не рудимент, а важнейшая культурная составляющая [Маслов, 2012, с. 350].

По мнению В.Е. Маслова, для определения хронологического положения Келермесского могильника параллели с комплексами, содержащими античные импорты (Темир Гора, курган 16 могильника Новозаведенное II), важнее имеющихся переднеазиатских импортов, поскольку последние, как правило, имеют достаточно широкие даты.

Важное значение для определения хронологии Келермесского могильника сохраняют также изображения на одном из ритонов и зеркале из курганов 3 и 4 Д.Г. Шульца, имеющие несомненные параллели среди сюжетов ориентализирующей греческой вазописи. Ближайшие аналогии сюжетам торевтики среди вазописи обнаруживаются на сосудах, изготовленных в 30—20 гг. VII в. до н. э. [Маслов, 2012, с. 356]. При этом, келермесский горизонт древностей не исчезает с концом функционирования собственно Келермесского могильника. Несколько видоизменившись, он продолжает существовать в первой и второй четвертях VI в. до н. э. [Маслов, 2012, с.356]. В.Е. Маслов, однако, не уточняет, что составляло основу этого горизонта на данном хронологическом этапе.

В заключении предлагаемого обзора, следует упомянуть работу Д.С. Гречко, посвященную рассмотрению вопросов связанных с хронологией скифских памятников VI в. до н. э. [Гречко, 2012].

Среди наиболее важных ее итогов можно назвать анализ раннескифских комплексов, сопровождающихся античной керамикой (погребение 2 Репяховатой могилы, курган 447 Журовка, курган 499 Гладковщина и др.), который позволил выделить группу позднейших ранннескифских захоронений, а также поставить вопрос о финале РСК, который был определен в рамках второй—третьей четверти VI в. до н. э. [Гречко, 2012, с. 95].

Особое внимание автор уделил уточнению датировки погребения 2 Репяховатой могилы, которая была определена им двумя первыми десятилетиями VI в. до н. э., в том числе и на основании выявленной в этом погребении милетской амфоры [Гречко, 2012, с. 79]. Приоритетное значение для датирования сосудов этого типа имеют малоазийские памятники, поскольку именно оттуда греческий импорт поступал в Северное Причерноморье. В связи с этим, следует упомянуть монографическое исследование Мартины Зайферт, посвященое рассмотрению происхождения архаической керамики, на примере амфор из Милета [Seifert, 2004]. Выявленная в Милете керамика чрезвычайно важна для уточнения хронологии причерноморских комплексов с находками близких милетких амфор в рамках первой половины VI в. до н. э., причем не только из погребения 2 Репяховатой могилы, но и зольников 5 и 28 Западного укрепления Бельского городища [Seifert, 2004, taf. 6, N 19; 22, N 59; 25, N 64; 26, № 68; Задников, 2006, с. 105—108, рис. 2—5].

Д.С. Гречко рассмотрел также вопрос датировки смены раннескифского материального комплекса среднескифским, который, по его мнению, произошел под давлением новой группы кочевников (т. н. «обладателей крестовидных блях»?), возможно скифов, которые вернулись из Передней Азии. Он полагает, что есть основания говорить о сосуществовании позднейших ранннескифских и древнейших среднескифских захоронений в 560—540 гг. до н. э., т. е. около середины VI в. до н. э. [Гречко, 2012, с. 92]. Однако, здесь на себя обращает внимание ряд противоречивых моментов. Так, с одной стороны Д.С. Гречко считает, что древняя Скифия уступила место классической в середине VI в. до н. э., а с другой, определяет переходный период между раннескифскими и среднескифскими памятниками 575—525 гг. до н. э. [Гречко, 2012, с. 100, 102, табл. 1].

Следует также отметить отсутствие в работе Д.С. Гречко специального анализа ведущих категорий среднескифского инвентарного комплекса, а также обоснования принадлежности используемых в работе памятников к собственно среднескифской археологической культуре (например, Витова могила, Приднепровка, курганы 5, 8 Нартана и др.), которые другими исследователями относятся к переходной группе между скифскими архаическими и классическими древностями [Могилов, Діденко, 2009, с. 49—51].

Отмеченные нестыковки показывают, что вопрос смены раннескифской культуры среднескифской является дискуссионным и пока еще не нашел своего удовлетворительного разрешения.

Подводя итоги проделанного историографического обзора следует отметить следующее.

1. Несмотря на достигнутые успехи в изучении хронологии раннескифской культуры (работы Л.К. Галаниной, В.Г. Петренко, Э.А. Грантовского и целого ряда других авторов), эта тема по-прежнему является актуальной и нуждается в дальнейшей разработке с привлечением широкого круга разнообразных источников, имеющихся в распоряжении современной скифологии.

2. Построение единой периодизации раннескифской культуры на юге Восточной Европы предполагает создание предшествующих ей отдельных, региональных хронологических схем на этой территории.

3. Периодизация раннескифской культуры должна основываться на собственно скифских кочевнических памятниках.

4. Разделение раннескифской культуры на несколько этапов представляется продуктивным, хотя их количество и внутреннее наполнение может быть неодинаковым в различных регионах юга Восточной Европы.

5. Хронологические рамки ранннескифской культуры охватывают не только VII в. до н. э., но и значительную часть VI в. до н. э.

Алексеев А.Ю. Хронография европейской Скифии. — СПб., 2003. — 416 с.
Галанина Л.К. К проблеме хронологии Келермесских курганов // РА. — 1994. — № 1. — С. 92—107.
Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» курганы раннескифской эпохи. — М., 1997. — 269 с.
Грантовский Э.А. О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии // РА. — 1994. — № 3. — С. 23—48.
Гречко Д.С. О возможных «просветах» в «темное» время (VI в. до н. э.) скифской истории // Stratum plus. — 2012. — № 3. — С. 75—106.
Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифский период. — Армавир, 1999. — 401 с.
Дьяконов И.М. Киммерийцы и скифы на древнем Востоке // РА. — 1994. — № 1. — С. 108—116.
Задніков С.А. Мілетські тарні амфори в лісостеповому Дніровському Лівобережжі (за матеріаліми зольників № 5 и № 28 Західного укріплення Більського городища) // Більське городище та його округа. — К., 2006. — С. 105—115.
Кореняко В.А. О времени появления раннескифских памятников на Северном Кавказе // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. — Ростов-на-Дону, 1990. — С. 4—15.
Кузнецова Т.М. Келермес в системе хронологии Евразии // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул, 1991. — С. 101—103.
Курочкин Г.Н. Хронология переднеазиатских походов скифов по письменным и археологическим данным // РА. — 1994. — № 1. — С. 117—122.
Маслов В.Е. К проблеме хронологии древностей ке-

лермесского горизонта // Российский археологический ежегодник. — 2012. — № 2. — С. 342—359.
Махортых С.В. О культурно-хронологической интерпретации памятников типа Новочеркасского клада // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. — Омск, 1987. — С. 163—166.
Махортих С.В. Пам'ятки типу Новочеркаського скарбу // Археологія. — 1992. — № 1. — С. 23—30.
Махортых С.В. К проблеме хронологии раннескифской культуры // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. — М., 1996. — С. 114—116.
Махортых С.В. [Рец.]: Chochorowski J. Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Srodkowej // РА. — 1996а. — № 1. — С. 221—230.
Махортых С.В. Об актуальных вопросах раннескифской археологии // Скифы и сарматы в VII—III вв. до н. э. Палеоэкология, атнропология и археология. — М., 2000. — С. 186—193.
Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. — К., 2005. — 379 с.
Махортых С.В. Об одной группе раннескифских памятников Днепровского лесостепного Правобережья // Revista Arheologica. — 2014. — Vol. X. — С. 69—78.
Медведская И.Н. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и Евразийских степей II — первой половины I тысячелетия до н. э. // СА. — 1980. — № 4. — С. 23—37.
Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА. — 1992. — № 3. — С. 86—107.
Могилов О.Д., Діденко С.В. Скіфський курган 448 біля с. Журавка — пам'ятка перехідного часу в Потясминні // Археологія. — 2009. — № 3. — С. 45—54.
Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. — М., 1997. — 177 с.
Погребова М.Н. О принципах датировки скифской архаики // РА. — 1993. — № 2. — С. 84—88.
Полин С.В. О хронологии раннескифской культуры (по И.Н. Медведской) // СА. — 1998. — № 4. — С. 50—62.
Скорый С.А. Киммерийцы в Украинской лесостепи. — К., 1999. — 135 с.
Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной лесостепи. — К., 2003. — 162 с.
Смирнова Г.И. Памятники среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры // РА. — 1993. — № 2. — С. 101—118.
Тереножкин А.И. Киммерийцы. — К., 1976. — 202 с.
Тохтасьев С.Р. К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии // РА. — 1993. — № 2. — С. 89—97.
Раевский Д.С. О логике построения раннескифской хронологии // РА. — 1993. — № 2. — С. 79—84.
Эрлих В.Р. К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского времени // СА. — 1990. — № 1. — С. 247—250.
Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. — М., 2007. — 425 с.
Klebinder-Gauss G. Bronzefunde aus dem Artemision von Ephesos. — Wien, 2007. — 309 S.
Kossack G. Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus // Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. — 1983. — **5**. — S. 89—186.
Kossack G. Zaumzeug aus Kelermes // Hallstattkolloquium. Veszprem 1984. — Budapest, 1986. — S. 125—139.
Kossack G. Neufunde aus dem Novocerkassker Formenkreis und ihre Bedeutung für die Geschichte steppenbezogener Reitervölker der späten Bronzezeit // Il Mar Nero. — 1994. — **1**. — S. 19—54.
Seifert M. Herkunftsbestimmung archaischer Keramik am Beispiel von Amphoren aus Milet. — Oxford, 2004. — 103 S.

С. В. Махортих

СУЧАСНИЙ СТАН ВИВЧЕННЯ ХРОНОЛОГІЇ РАННЬОСКІФСЬКОЇ КУЛЬТУРИ

Стаття присвячена історіографічному огляду низки ключових робіт, в яких розглядається хронологія пам'яток ранньоскіфської культури на півдні Східної Європи, і які були опубліковані протягом останніх двадцяти років. На основі проведеного аналізу, автор статті приходить до наступних висновків: незважаючи на досягнуті успіхи у вивченні хронології ранньоскіфської культури (роботи Л.К. Галаніної, В.Г. Петренко, Є.А. Грантовського та ряду інших авторів) ця проблема як і раніше лишається актуальною та потребує подальшого вивчення із залученням широкого кола різноманітних джерел, що знаходяться у розпорядженні сучасної скіфології; побудова єдиної періодизації ранньоскіфської культури на півдні Східної Європи потребує попереднього визначення хронологічних схем для окремих регіонів Східної Європи; періодизація ранньоскіфської культури повинна ґрунтуватися на власне скіфських кочівницьких пам'ятках; поділ ранньоскіфської культури на кілька етапів видається продуктивним, хоча їх кількість та внутрішнє наповнення може бути відмінним для різних регіонів; хронологічні рамки ранньоскіфської культури охоплюють не лише VII ст. до н. е., але й значну частину VI ст. до н. е.

Ключові слова: південь Східної Європи, давній Схід, ранньоскіфська культура, хронологія та періодизація.

S. V. Makhortykh

CURRENT STATUS OF STUDIES OF THE CHRONOLOGY OF THE EARLY SCYTHIAN CULTURE

The article is devoted to the historiographical review of a number of important works on the chronology of Early Scythian culture in the south of Eastern Europe that were published in the last two decades. Based on the review, the article comes to the following conclusions: despite the progress made in studies of the chronology of the Early Scythian culture (works by L.K. Galanina, V.G. Petrenko E.A. Grantovsky, and a number of other scholars), the topic remains relevant and requires further investigation that will involve a wide range of diverse sources available for the modern Scythian studies; establishment of a unified periodization of early Scythian culture in the south of Eastern Europe is not possible without development of regional chronological schemes for Scythian sites in this area; periodization of the Early Scythian culture should be based on nomadic Scythian sites; division of Early Scythian culture into several stages seems productive, but the number and content of these stages can vary for different regions in the south of Eastern Europe; the chronological framework of Early Scythian culture should include not only the 7th century BC, but also a significant part of the 6th century BC.

Keywords: south of Eastern Europe, the Near East, Early Scythian culture, chronology and periodization.

Одержано: 27.03.2016

УДК: 904.5(477.63/.65)"6383"

В. В. Отрощенко

ГЕРРОС МОЗОЛЕВСЬКОГО

Стаття є продовженням дискусії щодо локалізації місцевості Геррос, описаної Геродотом як місце поховання царських скіфів. Автор поділяє припущення, що на землях Великої Скіфії можна виділити кілька місць концентрації могил «царського» рангу на різних етапах її історії.

Ключові слова: Мозолевський, Геродот, Скіфія, Геррос, Отчі могили, Посулля, Нижня Наддніпрянщіна.

Вже далекого 1984 року, ознайомившись з матеріалами розкопок кургану 13 біля с. Велика Знам'янка неподалік від Кам'янського городища, незбагненний Борис Мозолевський емоційно вигукнув: «Ви розкопали справжній царський курган!». Звичайно, такий комплімент з уст живого класика скіфської археології тішив самолюбство з одного боку, але й породжував певні сумніви — з іншого. Адже згаданий курган 13, згідно класифікації самого ж Б. Мозолевського, входить з висотою 4,3 м до першої, найнижчої, групи могил скіфської аристократії. Наступний сумнів: чи могли скіфського царя поховати саме там, неподалік від тоді ще не зведеного Кам'янського городища?

Курган 13 збудовано в 60—50-ті рр. V ст. до РХ [Монахов, 1999, с. 106—111, табл. 33—35]. Ці сумніви вивели автора, а ще раніше й самого Бориса Миколайовича, на ширшу проблему пошуку отчих могил харизматичного клану скіфів царських. В усякому разі, він вніс курган 13 до реєстру комплексів скіфської знаті V ст. до РХ у своїй відомій статті «К вопросу о Скифском Герросе» [Мозолевский, 1986, с. 77—79, рис. 1, *29*; табл. 1].

Родзинка Великознам'янського могильника полягає ще й у тому, що час його розбудови практично збігається з періодом подорожей Геродота впродовж 455—445 рр. до РХ [Білецький, 1993, с. 6]. Матеріали цього некрополя фіксують обрядовий перехід від усипальниць елітних скіфів у прямокутних ямах до поховань у катакомбах. Перехідною стежкою від ям до катакомб можна вважати наявність підбоїв у цих найпізніших елітних спорудах ямного типу. Попервах ніші використовували для розміщення м'ясних, винних ресурсів та ритуального посуду, а вже потім архітектори споруд такого плану знайшли місце під материковими склепіннями й для небіжчиків [Отрощенко, Рассамакін, 1985]. Схоже, що Геродоту (490/480—430/420 рр. до РХ) ця зміна ритуалу та поховальних споруд у скіфів так і лишилася невідомою. До того ж він у своїх «Історіях» описував архаїчний поховальний ритуал царських скіфів, чинний для часів скіфо-перської війни 513 р. до РХ.

Проблема локалізації «отчих могил» дискутується впродовж останніх 300 років, від початку XVIII ст. Ще 1728 р. один з піонерів російської історичної науки Ф.З. Байер локалізував країну Геррос на схід від середньої течії Дніпра, десь на його Лівобережжі. Подальший перебіг дискусії та її найгостріші моменти ретельно висвітлені Б. Михайловим у посмертній монографії «Загадки древнего Герроса» [Михайлов, 2009, с. 49—68]. Серед іншого вона цікава тим, що автор критично оцінює підходи Б. Мозолевського до локалізації та датування Скіфського Герросу на Нижньому Дніпрі [Мозолевский, 1986; Мозолевський, 2005; Мозолевский, Полин, 2005, с. 19]. Б. Михайлов, науважуючи на певних протиріччях у згаданих працях, пропонує пам'ятки VII—VI ст. до РХ узагалі вивести за дужки теми Нижньодніпровського Герро-

© В.В. ОТРОЩЕНКО, 2016

су, а могили скіфів V ст. до РХ не долучати до оповіді Геродота, позаяк, «це достеменно інша інвентенція» [Михайлов, 2009, с. 72, сн. 1]. Ці зауваження практично розмежовують у часі Геррос Геродота (VII—VI ст. до РХ) та Геррос Мозолевського (IV—III ст. до РХ), практично доводячи, що герросів, маючи на увазі локалізовані «отчі могили» скіфів царських, могло бути декілька впродовж історії Великої Скіфії.

На цій підставі Б. Михайлов реконструював принаймні три Герроси: 1) Азійський, що розповзся від Саяно-Алтаю до Тянь-Шаню (IX—VI ст. до РХ); 2) Геродотів — на Північному Кавказі-Кубані (VII—VI ст. до РХ); 3) Птолемеїв, з прив'язкою його до р. Герр / Молочної (IV—III ст. до РХ). До останнього дослідник підтягує Нижньодніпровський Геррос Мозолевського [Михайлов, 2009, с. 107, 108]. Б. Михайлов, у критичній частині свого дослідження, є переконливішим, ніж у конструктивній. Так, позначаючи генетичну лінію від кубанських могил до молочанських, він не помічає розриву в 200 років між періодами функціонування цих некрополів. З іншого боку, кубанські могили могли бути Герросом, але не Геродотовим. Адже Батько історії локалізує Геррос у межах скіфського прямокутника, куди ніяк не вписується простори Північного Кавказу. Що ж стосується могил Посулля, то вони в Б. Михайлова чомусь не можуть претендувати на статус Герроса, бо позначені впливом «місцевих жителів» [Михайлов, 2009, с. 109]. Ну для поховальних комплексів номадів кераміка далеко не завжди слугує етнічним маркером.

Тепер декілька слів щодо силуетів молочанських могил, які нібито спокусили Птолемея (90—168 рр. ХЕ) ототожнити р. Герр з Молочною, що дає підстави локалізувати Геррос уздовж берегів останньої [Михайлов, 2009, с. 30, 108]. Автора теж на початку 1980-х рр. надихали великі й перспективні могили, вибудовані вздовж Молочної, на пошуки Герроса саме там [Отрощенко, Рассамакин, 1981, с. 16]. Проте, подальша практика розкопок Запорізької експедиції ІА АН УРСР понад Молочною у 1980—1991 рр. засвідчила відсутність там саме скіфських некрополів. Мелітопольська Могила (приблизна висота — 4,0—4,5 м) виглядає швидше виключенням чи віддаленою крайкою Герросу Мозолевського [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 246—247].

Емоційна дискусія Б. Мозолевського з В. Іллінською щодо локалізації Герроса Геродота, з огляду на очевидну ймовірність функціонування кількох різночасних герросів у межах Великої Скіфії, втратила свою гостроту. Гіпотеза Самоквасова — Іллінської щодо Герроса на Посуллі більшою мірою може спиратися на свідчення Геродота щодо подій та реалій останньої чверті VI ст. до РХ хоча б тому, що на той час царські могили, за критеріями Мозолевського, понад Сулою вже стояли, а на Нижньому Дніпрі їх ще геть не було. На жаль, у IV—III ст. до РХ для Скіфії не знайшлося грецького автора, який би засвідчив текстуально величний Геррос Мозолевського, вибудований скіфами обабіч Кам'янсько-Нікопольської переправи Микитин Ріг через Дніпро. Але ж і тут його фіксують могутні царські могили, а не річка Герр, зважаючи на непевність її локалізації.

Не варто вважати кургани V ст. до РХ обабіч названої переправи царськими, як вважав Мозолевський, відмовляючись від критеріїв висотності, розроблених ним же [Мозолевський, 1979, с. 237, 238]. Концентрацію скіфських курганів V ст. до РХ у найпридатнішій для життя ділянці Великого Лугу можна вважати такою собі увертюрою до будівництва нового Герроса. Тоді лише створювалася відповідна інфраструктура для політичного центру Великої Скіфії. Закладка елітних некрополів візаві на обох берегах Дніпра стала важливим компонентом цієї інфраструктури. Вони мали бути певним чином зорієнтовані на комплекс довгих могил далеких пращурів на маківці Мамай-гори, що височіє понад Великою Знам'янкою. З часом їх оточив рясний скіфський некрополь, досліджений, окрім великих могил, експедицією Запорізького державного університету [Андрух, Тощев, 1999; 2001; 2004; 2009].

Великознам'янські кургани V ст. до РХ, а серед них і кург. 13, будували на південь від Мамай-гори у напрямку майбутньої могили Солоха, датованої межею V—IV ст. до РХ [Манцевич, 1987, с. 117—121]. А. Алексєєв уточнює вік основного поховання в Солосі, де лежав цар Лік (?), останніми десятиліттями V ст. до РХ [Алексеев, 1992, с. 146, 166]. Ю. Болтрик звужує його до 415—400 рр. до РХ [Болтрик, 2013, с. 197, рис. 3]. Ймовірно, саме остання дата може вважатися початковою для нового Герроса, що набув «царського» статусу після побудови Солохи. Інші елітні могили V ст. до РХ (Завадська, Великознам'янські: 1884 р. Самоквасова та курган 13) були ніби сходинками владної піраміди у вищій точці якої опинилась Солоха. Показово, що всі перелічені вище могили опинилися на «Трансскіфській магістралі», реконструйованій обабіч Кам'янсько-Нікопольської переправи [Болтрик, 2013, с. 195—197, рис. 2; 3]. До того ж, модель соціальної піраміди Скіфії для другої половини IV ст. до РХ, з Чортомликом та Огузом на верхньому щаблі, вже запропоновано [Болтрик, 1998, с. 89—90, табл. XXIV]. Наведені реконструкції та спостереження додають нових аргументів на користь локалізації Герроса з безумовно царськими могилами на Нижньому Дніпрі. Аби уникати плутанини з герросами пропоную іменувати нижньо-дніпровський царський некрополь Герросом Б. Мозолевського.

Алексеев А.Ю. Скифская хроника. — СПб., 1992. — 206 с.
Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-гора. — Запорожье, 1999. — Кн. I. — 232 с.; 2001. — Кн. II. — 284 с.; 2004. — Кн. I. — 202 с.; 2009. — Кн. I. — 312 с.
Білецький А. Передмова // Геродот. Геродота турійця з Галікарнасса «Історій» книг дев'ять що їх називають музами. — К., 1993. — С. 5—13.
Болтрик Ю.В. Попытка социальной стратификации Скифии второй половины IV века до н. э. // Проблемы археологи Юго-Восточной Европы: Тез. докл. VII Донской археол. конф. — Ростов-на-Дону, 1998. — С. 89—90.
Болтрик Ю.В. Территориальные центры Скифии // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. — Ростов-на-Дону, 2013. — С. 193—202.
Михайлов Б.Д. Загадки древнего Герроса. — К., 2009. — 144 с.
Мозолевський Б.М. Товста Могила. — К., 1979. — 252 с.
Мозолевський Б.Н. К вопросу о скифском Герросе // СА. — 1986. — № 2. — С. 70—83.
Мозолевський Б.М. Етнічна географія Скіфії. — К., 2005. — 102 с.
Мозолевський Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). — К., 2005. — 600 с.
Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII—II веков до н. э. — Саратов, 1999. — 680 с.
Отрощенко В.В., Рассамакин Ю.Я. Гробницы царей находятся в Геррах // Знание — сила. — 1982. — № 6. — С. 16.
Отрощенко В.В., Рассамакін Ю.Я. До таємниць Геродотової Скіфії // Наука і культура. — К., 1985. — Вип. 19. — С. 240—246.
Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. — К., 1988. — 262 с.

В. В. Отрощенко

ГЕРРОС МОЗОЛЕВСКОГО

Статья является продолжением дискуссии относительно локализации местности Геррос, описанной Геродотом как место погребения царских скифов. Автор разделяет предположение, что на землях Великой Скифии можно выделить несколько мест концентрации могил «царского» ранга на разных этапах ее истории. В частности, Геррос VI в. до РХ, упомянутый Геродотом, находился в Посулье, а Геррос, локализованный Б. Мозолевским по обе стороны Каменско-Нікопольской переправы на Нижнем Днепре, формировался в течение V ст. до РХ. Статус «царского» он приобрел на грани V—IV вв. до РХ с возведением могилы Солоха. Во избежание путаницы с герросами предложено именовать «царский» некрополь на Нижнем Днепре Герросом Мозолевского, в отличие от Герроса Геродота.

Ключові слова: Мозолевський, Геродот, Скіфія, Геррос, Отчі могили, Посулля, Нижня Наддніпрянщина.

V. V. Otroshchenko

MOZOLEVSKY'S GERRHUS

The article is continuation of discussion about localization of locality of Gerrhus, described by Gerodot as burial-places tsar's Scythians. An author divides supposition, that on Large Scythia territory possibly there were a few places of concentration of «tsar's» graves grade on the different stages of its history. In particular, Gerrhus of the 6th century BC, mentioned by Gerodot, localized on the river Sula. Mozolevsky's Gerrhus, situated on either side Kamyanka-Nicopol ferriages on Lower Dnipro, formed during the 5th century BC and became a «tsar's» on verge of 5th—4st centuries BC. An author suggest to name «tsar's» necropolis on Lower Dnipro us Mozolevsky's Gerrhus, unlike Gerodot's Gerrhus.

Keywords: Mozolevsky, Gerodot, Scythia, Gerrhus, father's graves, Sula river region, Lower Dnipro region.

Одержано 14.04.2016

УДК: [904:94:711.7](477.46)"638+654"

В. І. Полтавець

СТРАТЕГІЧНІ ТЕРИТОРІЇ СКІФСЬКОГО ЧАСУ В СЕРЕДНІЙ ТЕЧІЇ ДНІПРА

Розглянуто стратегічні території в середній течії Дніпра, розташовані навколо головних переправ скіфського часу: в районі Києва, Канева і Кременчуга.

Ключові слова: шляхи сполучення, переправи, скіфський час.

Стратегічне значення окремих територій обумовлюють природні чинники, від яких залежить господарська цінність угідь, але вирішальне значення мають також природні умови, сприятливі для прокладання шляхів сполучення, насамперед транспортного. Володіння місцями перетину головних суходільних і водних шляхів у всі часи мало важливе значення для військових дій і торгівлі, особливо для суспільств, які становили великі військово-політичні об'єднання. Функціонували вони протягом багатьох століть і відомості про них відображені в письмових джерелах давньоруських, литовсько-польских (козацьких) і пізніших часів, коли існувло розвинене судноплавство на Дніпрі і деяких його притоках. Для раннього залізного віку і доби бронзи вирішальне значення мають археологічні пам'ятки, насамперед скарби металевих виробів, городища, кургани тощо, які маркують шляхи пересування торговців і військових.

У Середньому Подніпров'ї серед головних — шляхи меридіонального напрямку вздовж Дніпра, особливо «степовий коридор» на лівобережній терасі Дніпра, а також субширотні трансєвропейські траси, які перетинали Дніпро в місцях найбільш зручних переправ. Для останніх важливими чинниками були скелясте дно або наявність островів у річищі. Серед переваг сухопутних шляхів вздовж Дніпровскої тераси були багаті природні ресурси заплави і надзаплавних територій. Для степової та лісостепової смуг Євразії найважливіше значення мали субширотні шляхи, оскільки, через широтну орієнтацію природних ландшафтів, всі головні переміщення людей (міграції, навали), як і розповсюдження культурних досягнень людства відбувалися головним чином в широтному напрямку, тобто в межах однакових природно-географічних зон. Для раннього залізного віку особливе значення набувають, окрім торгівлі, такі різновиди переміщення людей як воєнні навали і міграції. Субмеридіональні шляхи частіше використовувалися для набігів на сусідів, насамперед з боку Степу, на осіли регіони Лісостепу і навіть лісової смуги. Або для обмінної торгівлі на відносно недалекі відстані — наприклад, так званий ольвійський торговий шлях.

У скіфські часи особливу роль в суспільному житті відігравали головні стратегічні території в середній течії Дніпра навколо найважливіших переправ: в районі Києва, Канева, Кременчуга. Реконструкцію мережі торговельних шляхів скіфського часу і відповідно дніпровських переправ, в тому числі в лісостеповій смузі, запропонував Б.А. Шрамко [Šramko, 1992], пізніше подібні маршрути були відтворені для часів енеоліту—бронзи [Отрощенко, 2002; 2011, Лисенко, 2002]; переправам степової зони і територіям навколо них найбільшу увагу приділив Ю.В. Болтрик [1990;1999].

Переправи в районі **Києва** відомі із джерел давньоруських і козацьких часів. Особливо часто у XII ст. згадується Київський Перевіз [Максимович, 1901], а також Витачівський брід (близько 60 км південніше Києва). У X—

© В.І. ПОЛТАВЕЦЬ, 2016

XIII ст. активно функціонував шлях «від Булгара до Києва». Він перетинав Дніпро в районі Видубицького монастиря [Моця, Халиков, 1990, с. 17], одного із значних перевозів на Дніпрі [Грушевський, 1911, с. 25]. Очовидно, це й був Київський Перевіз. Давність цього маршруту сягала ще часів енеоліту і бронзи, за даними археології, існував він також в ранньому залізному віці і ранньому середньовіччі [Моця, Халиков,1990, с. 18, 19]. Археологічні дані різних періодів доби бронзи засвідчують існування субширотного західного шляху, який проходив північними кордонами лісостепу в напрямку Київських переправ. Відгалуження цього трансєвропейського шляху доводять до районів Києва і Канева [Отрощенко, 2002; 2011, рис. 7]; на лівому березі Дніпра найголовніша його траса проходила верхів'ям Трубежу, через переправу на Удаї в районі Пірятина, верхів'ями Сули і Псла далі на схід. За реконструкцією С.Д. Лисенка західний (Дністровський) шлях також доходить до району Києва, а на лівому березі йде межиріччям Сейму і Сули [Лысенко, 2002, рис. 1].

За часів Київської Русі, зокрема в XII ст., шлях Київ—Булгар також був частиною трансєвропейського путі Центральна Європа — Галич — Київ — Булгар [Грушевський, 1911, с. 37; Коваленко, Сытый, 1990, с. 42]. Для XVII—XVIII ст. було реконструйовано трасу трансєвропейського шляху від Києва до Константинополя [Русов, 1876], яка на Білоцерківській рівнині, судячи з усього [Грушевський, 1911, с. 37] співпадала зі згаданим шляхом XII ст. На підході до Києва з півдня та південного заходу скупчення курганів доби бронзи і скіфського часу досить чітко окреслюють головне (?) відгалуження цього трансєвропейського шляху. Для скіфського часу цей напрямок позначений також на мапі Б.А. Шрамка [Šramko, 1992]. Саме до нього тяжіли великі курганні поля Білоцерківської рівнини (Великокняже та Перепетове) на південь—південний захід від Києва, серед яких кургани різного часу, в тому числі середньодніпровської культури і ранньоскіфські, VII—VI ст. до н. е. [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 139—141]. Важливо, що серед них кургани вищого рангу Глеваха, Гатне, Мала Офірна, Переп'ятиха та інші [Бессонова, 2001]. Остання пам'ятка є курганом-святилищем царського рангу [Скорий, 1990], які зазвичай споруджували в стратегічно важливих місцях. Це, зокрема, Мельгуновський курган у верхів'ї Інгульця або Старша Могила (20 м заввишки) на Верхній Сулі, споруджені також на важливих торгових шляхах. На підступах до київських переправ розташовані також городища скіфського часу: величезне Ходосівське городище і Хотівське, найдавніші вдкладення якого, за останіми даними, датують не пізніше початку VI ст. до н. е. [Івакин, Дараган, Орлюк та ін., 2005, с. 404].

Вочевідь, що скіфські прийшлі дружини не випадково в VII ст. до н. е. просунулися до північної підзони Лісостепу — вони підкорили не лише багатші, менш розорені в попередні бурхливі часи землі, але й перехрестя важливих торгово-воєнних шляхів, як на правому березі Дніпра, так і на лівому. Адже в передскіфський (чорноліський) період шляхи постачання металу з Центральної Європи і виробів з нього проходили саме центральною і північною підзонами лісостепу [Полтавец, 2013]. Дещо пізніше цим шляхом пройшли кіммерійці; райони Басівського городища на Верхній Сулі і Лубен в її середній течії позначені як пункти їхнього перебування [Скорый, 1997, рис. 1].

На лівому березі Дніпра навпроти Києва траса трансєвропейського шляху ранньоскіфських часів поки що чітко не простежується. Тут вздовж траси Київ-Бориспіль-Переяслав Хмельницький на відтінку між двома останніми пунктами розташовані ланцюжки великих курганів, але їхня культурна приналежність залишається не з'ясованою. Так само немає тут і надійних індикаторів шляху давньоруських часів від Булгара до Києва, хоча дослідники, як вже згадувалося, вважають, що він проходив межиріччям Дніпра і Десни (точніше: їх приток Сейма і Сули) і цей маршрут освоювався ще в епохи енеоліту і бронзи, а також пізніше, виходячи з концентрації курганів і знахідок метала [Моця, Халиков, 1990, с. 18, 19].

Східне продовження згаданого вище субширотного шляху ранньоскіфського часу уловлюється лише в верхній течії Сули, де розташовані величезні курганні могильники Роменської групи. Серед досліджених 120 курганів, дату яких можна визначити, більшу частину, 80, — споруджено наприкінці VII — у VI ст. до н. е., 31 — у V ст. і лише 9 — у IV ст. до н. е. [Ильинская, 1968, с. 181]. Подібну концентрацію дружинних поховань можна пояснити лише близькістю важливих торгових шляхів. Стратегічне значення Верхньої Сули, де перетиналися широтні і меридіональні (від басейну Сіверського Дінця і південніше) як великого торгового осередка особливо постає у давньоруський період (Глебль, Липовий).

Давність бродів і преправ в районі **Канева** поза сумнівом. За М.Максимовичем, на Дніпрі в межах Канівського повіту наприкінці XIX століття було близько десятка значних мілин [Максимович, 1901]. До цього осередку, до пониззя Росі, доводить відгалуження вже згаданого трансєвропейського шляху доби бронзи В.В. Отрощенко [Отрощенко, 2002; 2011, рис. 7]. Дослідник вказує на значення Трахтемирівських бродів, через які відбувалися міграції східних племен у XVIII—XVII ст. до н. е. вглиб Поросся і далі до Карпатських перевалів [Отрощенко, 2002, с. 191, 192; Фіалко, Болтрик, 2003, с. 8]. Також за С.Д. Лисенком, райони Канева—Трахтемирівa позначені як перехрестя двох субширотних

шляхів — Бузького і південного лісостепового, які на лівому березі Дніпра проходили межиріччям Супія і Трубежа і далі до головного шляху в межиріччі Сейму—Сули [Лысенко, 2002, рис. 1]. До канівських переправ йдуть і шляхи постачання західноєвропейського металу чорноліських часів [Полтавец, 2013].

Для скіфського часу напрямок цього шляху позначив Б.А. Шрамко [Šramko, 1992, Abb. 1]. Щодо локалізації Канівських бродів, то найважливішими були, мабуть, Зарубський, поєднаний дорогою з Трахтемировим [Фіалко, Болтрик, 2003, с. 8], а також у Каневі, при злитті Росі й Дніпра. Саме до шляху, який йде від сучасної Канівської переправи, тяжіють дружинні курганні могильники ранньоскіфського часу на невеликій відстані від міста (Бобриця, Синявка, Бересняги, Яблунів та інші), а також Велике і Мале городища під Каневим, декілька поселень поблизу с.Селище, поселення, грунтовий і курганні могильники біля с. Грищенці, де фіксується, особливо в V—IV ст. до н. е., важливий центр металообробки [Петренко, 1961, с. 83, 84; 1967, с. 99, 100]. На північ від Канева вирізняється велика «Трахтемирівська агломерація», що охоплювала пам'ятки по обох берегах Дніпра. На високому правому березі це велике Трахтемирівське городище (на його території близько 50 поселень різних епох) і декілька малих поселень і городищ в околицях, а на низькому лівому березі — район Переяслава, який є найбільш укріпленим районом Лісостепу [Фіалко, Болтрик, 2003, с. 6—8, 84, 85]. Тут знаходиться Велике Каратульське городище з навколишніми багатокілометровими валами, які захищали заплаву на підступах до Трахтемирівського городища, з невеликими поселеннями і великими скупченнями курганів [Фіалко, Болтрик, 2003, с. 84, 85, рис. 1]. Скупчення курганів маркують шляхи до району Каратульського городища — по дніпровській терасі — з півдня і з півночі. Вже згадувалися ланцюжки великих курганів вздовж сучасної автотраси Київ—Переяслав, в тому числі на підступах до Каратульського городища.

Шляхи від Канівських бродів в північно-східному напрямку позначені численнми знахідками скіфських стріл VI—V ст. до н. е. в пісках Дніпровської заплави поблизу сс. Келеберда і Лепляво на лівому березі Дніпра навпроти Канева, багаті воїнські поховання поблизу Софіївки (V ст. до н. е.) і Гладківщини (VI ст.), клад бронзових посудин з Піщаного (V ст. до н. е.) у пониззі Супоя [Фиалко, 1994, с. 13, 14, рис. 21]. До цих пунктів можна додати недавні знахідки в басейні Трубіжу (зливається з Дніпром біля валів Каратульського городища): бронзову античну матрицу для золотих прикрас початку IV ст. до н. е. (див. статтю Бессонової, Зимовця, Скорого в цьому збірнику) і т.зв. скарби бронзоливарника чорноліського часу, до якого входили браслети суботівського типу [Скорый, Костенко, Боряк, 2016]. Пункти знахідок тяжіють до сучасних авто- і залізничного шляхів, які проходять від Києва на Лубни і далі на Полтаву на Ворсклі. Нагадаємо ще дуже коштовні скарби металевих виробів пізньої бронзи в Лубнах [Клочко, Козыменко, 2011]. Всі ці знахідки засвідчують інтенсивність торгівлі на цьому шляху (Піщане, Трубіж, Лубни), що сприяло розвитку місцевої металоробної справи. До району канівських переправ сходилися річкові шляхи по Трубежу (к Переяславу) і Супою (перетинался з суходільним шляхом, який вздовж тераси також йшов до канівських переправ). Дослідження останніх часів виявили численні поселення, в тому числі скіфського часу, вздовж Трубежу [Костенко, 2015].

Перевіз на Дніпрі при місті Трахтемирів згадується в привілеї Стефана Баторія останньої чверті XVI ст. [Яворницький, 1990, с. 27, 28]. Тоді, до 1637 р., містечко Трахтемирів фактично було козацькою столицею України. З XI по XVIII ст. там містився один з релігійних центрів Подніпров'я — Успенський Зарубський монастир [Козюба, Петрашенко, 1999, с. 304—306; Максимов, Степанович, 2001, с. 153—155; Фіалко, Болтрик, 2003, с. 6], який вважають одним з чотирьох головних козацьких монастирів. В ці часи Канів, що знаходився на досить безпечній відстані від кочового степу, «виставляв сторожу» на південних кордонах литовсько-польської держави, зокрема, на Тясмині, які охороняло головним чином козацьке військо. Власне район Канева був сторожевим пунктом відносно південніших земель («степу») і раніше, в давньоруські часи. Так, у другій половині XII ст. у Канева зустрічали купецькі каравани і взагалі виходили «стерегти землі» від набігів [Грушевський, 1911, с. 31]. Землі за Россю до Тясмину вважалися «Диким Полем», і лише в окремі періоди, після успішних війн, руські князі спускалися на лодіях по Дніпру в гірло Тесмені (Тясмину) на полювання [Ипат., 449].

В скіфські часи кордони місцевих лісостепових племен зі скіфським степом проходили південніше, по Тясмину і Висі, на лівому березі по Ворсклі. Але, виходячи з кількості і масштабності укріплень, район Канева розглядался як найважливіша стратегічна територія для проникнення в глибини лісостепу. Один з масштабних нападів скіфів відбувся в середині VI ст. до н. е. після закінчения кавказських походів. Дослідники реконструюють маршрут нападу: від Зарубського броду на Трахтемирів, потім через проходи між кручами канівського кряжа на Богуслав і Корсунь і далі до басейну Тясмину і в напрямку Центральної Європи [Фіалко, Болтрик, 2003, с. 84—89]. Пізніше, наприкінці V — на початку IV ст. до н. е. на лівобережній Дніпровсьеій терасі з'являється нова хвиля степових скіфів, які просунулися до широти Київа і залишили численні курганні могильники [Фиалко, 1994, с. 8]. Саме у ці

часи зростає значення меридіональних шляхів вздовж Дніпра і переправ на ньому, оскільки пожвавлюється торгівля лісостепових племен з причорноморськими античними містами, яку контролювали скіфи. Про це свідчать, зокрема, вже згадані унікальні знахідки в заплавах Супою і Трубежу.

Менше згадок маємо про шляхи, які проходили через басейн Тясмину на **Кременчуцьку переправу**. Ця переправа знаходилася нижче Тясминського гирла, на відстані близько 15 км. На мапі Б.А. Шрамка [Šramko, 1992, Abb. 1] в районі Кременецької переправи позначений шлях, який складається з відгалуження трансєвропейського «Канівського» шляху (південного лісостепового), спрямованого вздовж лівого берега Сули до верхів'їв Псла і далі на Сіверській Донець і Дон, а також південного степового — з території Боспора, спрямованого всередину тясминської луки.

Значення Кременчуцького перевозу обумовлено не лише наявністю зручного броду (дніпровське річище тут перетинає кам'яне пасмо), але й близькістю до гирла Тясмину — ріки, по якій позначали кордон між світом степових номадів і населенням лісостепу в козацькі й, мабуть, в попередні часи. За Тясмином і вздовж нього розпочиналися багаті заплавні і прирічкові угіддя, що контрастували зі степовими ландшафтами південніше річки. В давньоруські часи кордоном частіше була р. Сула. Широка дніпро-тясминська заплава була вагомою перешкодою при просуванні правим берегом Дніпра, вздовж якого пролягали головні комунікації зі степом, в північному напрямку. До того ж, з півдня до неї близько підходила заплава р.Цибульник, а вище по Дніпру знаходилася інша водяна перешкода — заплава р. Ірдинь. Тому в районі Кременчуга правобережний придніпровський шлях розгалужувався: одне відгалуження переходило на терасу лівого берега Дніпра (ним широко користувалися степові номади під час воєнних походів), а інше повертало до Тясмину, звідки можна було дістатися Поросся і земель на північ і північний захід від нього. Польський історик середини XVI — початку XVII ст. А. Гваньїні відзначає важливе стратегічне значення острова Томашівка навпроти гирл Тясмені і Фезані (Цибульника?), а також Кременчуга на Днепрі і перевозу, де можна було налагодити оборону проти татар, які часто ходили на Литву і Польщу [Клепатский, 2007, с. 43, 124] — по дорозі, яка одержала назву «татарська». Саме тут наприкінці XVI ст. було споруджено фортецю Кременчук для оборони Лівобережного Подніпров'я від нападів кримських татар. Кременчуг і Крюків (нині правобережна частина Кременчуга) як прикордонні перевалочні бази, не раз були відправними пунктами воєнних експедицій або місцями боїв XVI—XVIII ст. Тут правим берегом Дніпра проходили два відомі шляхи козацьких часів для сполучення з запорізьким Низом: Крюківський і Кизкерменський, останній починався саме від Крюкова [Яворницький, 1990, с. 458—460].

Свідоцтвами походів ранніх номадів є поховання передскіфського і скіфського часів в районі Кременчуга, на підступах до якого взагалі багато курганів різних часів [Кракало, Кулатова, 1998, с. 168; Кулатова,1999, с. 1, 2; Кулатова, Скорый, Супруненко, 2010, с. 12—38]. Судячи з усього, «татарський шлях», що проходив від району Кременчуга-Крюкова до тясминського гирла і далі, існував і на початку раннього залізного віку. «Перелаз» скіфських часів був, певно, на каменуватому березі Тясмину, де в козацькй часи знаходилося, на відстані 4 верст від Дніпра, польське торгове і військове місто Крилов. Про це свідчить, зокрема, великий Світловодський могильник кінця V — початку IV ст. до н. е. в низов'ї правого берега р.Цибульник [Бокий, 1983; 1986; Бокий, Могилов, 2014], на відстані приблизно 4—5 км від криловського перевозу на Тясмині. Вірогідно, Світловодський могильник виник на місці перевозу скіфського часу, як, наприклад, Михайлівський могильник на Дніпрі [Лагодовская, Сымонович, 1973, с. 235], поряд із Сергеєвським перевозом [Болтрик, 1999, с. 46]. Значна кількість імпорту в похованнях Світловодського могильника [Бокий, 1986] вказує на наближеність його до торгового шляху. Це було, певно, відгалуження Пантікапейського шляху з території Боспора, який йшов вздовж правого берега Дніпра [Болтрик, 1990, рис. 4], а в районе Кременчуцького перевозу повертав на лівий берег [Šramko, 1992, Abb. 1]. Значення торгового шляху вздовж Дніпра зростає після утворення наприкінці V — у IV ст. до н. е. центра Степової Скіфії, який виник біля найважливіших перевозів Нижнього Дніпра [Болтрик, 1999, с. 46].

Вірогідно, Світловодський могильник маркує «форпост» на підступах до тясминського перевозу, так само як Крилов в козацькі часи був форпостом на шляху до Чигирина. Л.І. Похилевич згадує численні насипи могил (курганів) в околицях Крилова на лівому березіТясмину, а також уламки давньої зброї і монети [Похилевич, 2009, с. 525]. На правому березі біля Новогеоргієвська (передмістя Крилова на правому березі Тясмину) знаходили римські монети. На жаль, розкопки тут не проводилися, а зараз давне місто і його передмістя поглинуті Кременчуцьким водосховищем. Зі знахідок скіфського часу відомі тригранні і листоподібні наконечники стріл між сс. Скубієвка і Новогеоргієвськом [Гошкевич, 1903, с. 14, 15; Ястребов, 1894, с. 70, 84; Грибенко, 1959, с. 164]. До траси «воєнної дороги» скіфського часу тяжіють, мабуть, могили V—IV ст. до н. е.: поховання в катакомбі з мідним казаном біля с. Велика Андрусівка, а також воїна в набірному панцирі і

коня в ямі зі спаленим перекриттям поблизу с. Миронівка за Цибульником [Грибенко, 1959, с. 163]; рядове поховання в підбої на валу Калантаївського городища [Покровська, Ковпаненко, 1961, с. 133—134, рис. 4; 5].

Розміри Світловодського могильника (лише в дослідженій його частині відкрито 160 поховань) свідчать про стабільність ситуації на цій ділянці придніпровського шляху в кінці V — IV ст. до н. е. Інша ситуація спостерігалася в ранньоскіфський час, коли ділянка правого берега Дніпра від Кременчуга до Новогеоргієвська, густо заселена в період чорноліської культури, майже повністю занепала [Тереножкин, 1959, с. 3, 12]. Відповідно, в чорноліські часи перевози в районі Кременчука і Крилова теж функціонували, як і перевоз або брід поблизу городища Московська Гора, що знаходилося поряд із сучасною пристанню. Час від часу постає питання щодо маршрутів міграцій населення часів пізнього Чорнолісся — раннього Жаботина з правого берега Дніпра до басейну Ворскли, а також походів кіммерійців з протилежного берега Дніпра. Оскільки переселення «жаботинців» мали відбуватися в межах однакових ландшафтів, тобто південної підзони Лісостепу, можна припускати, що вони перетинали Дніпро саме в районі Кременчуга. Вірогідно, напрямок давнього шляху від Кременчуга до Ворскли маркують сучасні авто- і залізнична траси на Полтаву (вони майже співпадають), на ньому знаходиться кіммерійська пам'ятка Бутенки (на схрещенні доріг, одна з яких йде до Мишурінорігского броду), а ближче до Полтави — комплекс ранньоскіфського часу поблизу с.Мачухи. Через Кременчуцький брід проходили, мабуть, кіммерійці при вторгненні зі сходу на правий берег Дніпра [Бруяко, 2005, рис. 22]. Перевоз в районі броду Мишурин Ріг навпроти гирла Ворскли мав найбільше значення при пересуванні з боку степу на північ [Šramko, 1992, Abb. 1].

Бессонова С.С. Курганы скифского времени на Киевщине // Археологічні пам'ятки Київщини. — Фастів, 2001. — С. 67—69.

Бокий Н.М. Отчет Кировоградского педагогического института о раскопках в пгт Петрово г. Светловодске / НА ІА НАН України. — 1983/175.

Бокий Н.М. Греко-варварские связи в Причерноморском регионе (по материалам правобережнодніпровского пограничья степи и лесостепи VIII—III вв. до н. э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. — Ростов-на-Дону, 1986. — С. 3—14.

Бокій Н.М., Могилов О.Д. Перший сезон робіт на Світловодському могильнику // Феномен Більського городища. — Київ; Полтава, 2014. — С. 26—29.

Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроечных экспедиций от Приазовья до Днестра) // СА. — 1990. — № 4. — С. 30—44.

Болтрик Ю.В. Переправы Нижнего Днепра в скифское время // ПССАСП. — Запорожье, 1999. — С. 45—47.

Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе X—V вв. до РХ. — Кишинев, 2005. — 368 с.

Грибенко П.М. Матеріали до археологічної карти Новогеоргієвського району Кіровоградської області // МАПП. — Одеса, 1959. — Вип. III. — С. 155—164.

Грушевський М.С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. — К., 1991. — 541 с.

Ивакин Г.Ю., Дараган М.Н., Орлюк М.И. и др. Геофизические и археологические исследования Хотовского городища скифской епохи // АДУ 2003—2004 рр. — Запоріжжя, 2005. — С.400—405.

Ильинская В.А. Раннескифские курганы в басейне р. Тясмин. — К., 1968. — 380 с.

Клепатский П.Т. Очерки по истории Киевской земли. Литовский период. — Белая Церковь, 2007. — 480 с.

Клочко В.И., Козыменко А.В. Наш недавний бронзовый век: Книга-альбом. — К., 2011. — 193 с.

Коваленко В.П., Сытый Ю.Н. Черниговское ответвление пути Булгар—Киев // Археологическое изучение микрорайонов: итоги и преспективы: Тез. докл. науч. конф. — Воронеж, 1990. — С. 42—44.

Костенко В.Ю. Археологічні пам'ятки Потрубіжжя. — Переяслав-Хмельницький. — 2015. — 481 с.

Кракало І.В., Кулатова І.М. Кинжал з Кременчуччини // АЛЛУ. — 1998. — № 1—2. — С. 168.

Кулатова И.Н. Некоторые находки киммерийского времени с территории Полтавщины. Приложение // Скорый С.А. Киммерийцы в Украинской Лесостепи. — К., 1999. — С. 1—2.

Кулатова І.М., Скорий С.А., Супруненко О.Б. Кургани поблизу с. Волошине в пониззі Псла. — К., 2010. — 160 с.

Лагодовская Е.Ф., Сыманович Э.А. Скифский могильник у с. Михайловка на Нижнем Днепре // Скифские древности. — К., 1973. — С. 235—242.

Лысенко С.Д. К вопросу о локализации коммуникаций поздней бронзы в Правобережной Лесостепи // Матеріали міжнар. наук. конф.: Секц. «Археологія» (17—18 травня 2002 р., Луганськ). — Луганськ, 2002. — С. 104—111.

Максимов Є.В., Степанович О.С. Загадка Зарубського монастиря // Археологія. — 2001. — № 2. — С. 152—158.

Максимович Н.И. Днепр и его басейн. — К.,1901. — 370 с.

Моця А.П., Халиков А.Х. Путь из Булгара в Киев: результаты и задачи исследований // Археологическое изучение микрорайонов: итоги и преспективы: Тез. докл. науч. конф. — Воронеж, 1990. — С. 17—19.

Отрощенко В.В. Історія племен зрубної спільності: Дис. … докт. іст. наук. — К., 2002. — 672 с.

Отрощенко В.В. Система шляхів сполучень за доби бронзи на теренах Північного Причорномор'я // Między Bałtykiem a Morzem Czarnym. Szlaki międzymorza IV—I tys. przed. Chr. — Poznań, 2011. — С. 441—451.

Петрашенко В.О., Козюба В.К. Узбережжя Канівського водосховища: Каталог археологічних пам'яток. — К., 1999. — 329 с.

Петренко В.Г. Культура племен Правобережного Приднепровья в IV—III вв. до н. э. // МИА. — 1962. — № 96. — С. 53—102.

Покровська Є.Ф., Ковпаненко Г.Т. Могильник біля с. Калантаево // Археологія. — 1961. — Вип. 12. — С. 129—142.

Полтавец В.И. Браслеты суботовского типа (к вопросу о контактах чернолесской культуры Среднего

Поднепровья) // Revista arheologică, SN. — 2013. — Vol. IX, **1**. — С. 198—220.
Похилевич Л.И. Сказания о населенных местностях Киевской губернии. — Біла Церква, 2009. — 641 с.
Русов А.А. Русские тракты в конце XVII и начале XVIII в. — К., 1876. — 150 с.
Скорий С.А. Курган Переп'ятиха (до етнокультурної історії Дніпровського Лісостепового Правобережжя). — К., 1990. — 121 с.
Скорый С., Костенко Ю., Боряк В. Клады чернолесской культуры на севере Приднепровской Террасовой Лесостепи // Revista arheologică, SN. — 2016. — Vol. II, **1**. — В печати.
Тереножкин А.И. Комплексная экспедиция на Кременчугской ГЭС и раскопки у Ново-Георгиевска в 1956 году // КСИА УССР. — 1959. — Вып. 8. — С. 12—13.
Фіалко О.Є., Болтрик Ю.В. Напад скіфів на Трахтемирівське городище. — К., 2003. — 150 с.
Яворницький Д.І. Історія запорізьких козаків. У 3-х тт. — К., 1990. — Т. І. — 592 с.
Ястребов В.Я. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии. — Одесса, 1894. — 116 с. (ЗООИД. — Т. XVII).
Šramko B.A. Die Osteuropäische Steppe und Waldsteppe in ihren wechselb eizehungen währened der Frühen Eisenzeit // Archäologische Mitteilungen aus Iran. Herausgegeben vom Deutschen Archäologischen Institut Abteilung Tegeran. — 1992. — B. 25. — S. 47—63.

В. И. Полтавец

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ ДНЕПРА

В скифское время, как и в последующие исторические периоды, большое стратегическое значение имели територии в бреднем течении Днепра, образовавшиеся вокруг удобных переправ. Это районы Киева, Канева и Кременчуга, где сходились главные торговые пути, в том числе трансевропейские субширотные трассы, которые сложились еще во времена энеолита и бронзы и продолжали активно функционировать в эпоху Киевской Руси (путь из Булгара в Киев) и в средневековье (путь из Царьграда в Киев). Днепр был осью, к которой «привязана» сеть дорог по обоим его берегам. В предскифский период и в начале скифского трансевропейские пути прходили северною или центральною подзонами лесостепи, но со временем зона торговой активности смещается к югу, а вектор торгових связей Среднего Поднепровья изменяется с западно-юго-западного на восточно-юго-восточный. В течение всего скифского периода наиболее активно функционировал Каневский «узел» дорог и переправ, лучше защищенный и удаленный от степних номадов, сравнительно с Тясминским, и в то же время более приближенный к причерноморским путям, сравнительно с Киевским центром. Кроме того, к Каневскому центру тяготела сеть дорог, соединявшая его с басейнами левых притоков Днепра. Кременчугская переправа, несмотря на благоприятные оборонне свойства местности, оставалась «открытой» со стороны степи. Поэтому «центральные места» на Тясмине (городища) и дружинне могильники скифского времени сформировались в глубине территории и тяготили к путям, проходившим междуречьем Ингула-Ингульца и далее верховьями Тясмина.

В раннескифский период, в VII—VI вв. до н. э., наблюдается борьба за овладение переправами: возведение укреплений, дружинные захоронения высокого ранга на подступах к переправам. С конца V в. до н. э., с образованием на Нижнем Днепре центра Степной Скифии и подчинением Лесостепи, ее правители овладевают и стратегическими территориями Среднего Днепра с сетью дорог. Возрастает роль торговых путей вдоль Днепра, в том числе т. н. Пантикапейского. Возле переправ и на террасе тепер, видимо, обитало подвластно скифам рядовое население, которое обеспечивало функционирование переправ и торговых путей.

Ключевые слова: скифский период, торговые пути, переправы.

V. I. Poltavets

STRATEGICAL TERRITORIES OF THE SCYTHIAN TIME IN THE MIDDLE FLOW OF THE DNIEPER

During the Scythian period, as well as subsequent historical periods, the territory of the middle stream of the Dnieper River, formed around comfortable crossings, was of great strategic importance. These are the regions of Kiev, Kanev and Kremenchug, where the main trade routes converged, including the Trans-European sublatitudinal routes that had been established during the time of the Eneolithic and Bronze Age and continued to function actively in an era of Kievan Rus' (the path from Bulgar to Kiev) and in the Middle Ages (the path from Tsargrad to Kiev). The Dnieper River was the axis, to which was «attached» road network on both its shores.

Before the Scythian period and at the beginning of the Scythian trans-European routes passed by the northern or central forest-steppe subzones, and eventually trading activity area shifts to the south, and the vector of trade relations with the Middle Dnieper region changes direction from the west-south-west into the east-south-east. Throughout the Scythian period, most actively functioned Kanev road «junction» and crossings that was better protected and remoted from the steppe nomads, compared to the Tiasmin, and which is at the same time closer to Black Sea roads, in comparison to the Kiev center.

In addition, to the center Kanev center tended a network of roads which connected it with the Dnieper left inflows basins. Kremenchug crossing, despite the favorable defensive features of the area, remained «open» from the steppe side. Therefore, the «central places» on Tiasmin (hill-fort) and the Scythian squad burials were formed in the depths of the territory and gravitated to the roads, which ran across Ingul and Ingulets interfluve and further across Tiasmin upper river. During the early Scythian period, in the 7th—6th centuries BC, there has been a struggle for the mastering of the crossings (the erection of fortifications, high rank squad burials on the outskirts).

Since the end of the 5th century BC, with the formation on the Lower Dnieper of the Steppe Scythia center and the subordination of the forest-steppe, its rulers seized strategic areas of the Middle Dnieper, including the road network. The role of the trade routes along the Dnieper River increases, including the so-called Panticapaeum route. Archaeological sites in the crossing areas and on the terrace become from that time to lower rank and belong to the dependent on Scythians ordinary population that supported the functioning of the crossings and trade routes.

Keywords: Scythian period, trade routes, crossings.
Одержано: 27.03.2016

УДК: 904'15(395)"6383"

О. В. Ромашко

«УТРИМУВАЧІ КАЗАНІВ» У СИСТЕМІ СОЦІАЛЬНОЇ СТРУКТУРИ СКІФСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА

У статті розглянуто роль «утримувачів казанів» у соціальній системі скіфського суспільства. Репрезентативна вибірка поховальних пам'яток Скіфії проаналізована у межах двомірної системи координат (горизонтальної та вертикальної), що дозволило виокремити не тільки соціальні, а і статево-вікові характеристики даної групи скіфського соціуму.

Ключові слова: скіфська культура, казан, Північне Причорномор'я, соціальна структура.

Суспільний устрій та соціальна організація Скіфії — одна з найбільш розроблених та, водночас, складних проблем скіфознавства. На цій ниві працювало не одне покоління скіфологів, зокрема мова йде про Н.Г. Єлагіну, В.А. Іллінську, О.І. Тереножкіна, Б.М. Мозолевського, Ю.В. Болтрика та ін. [Елагина, 1963; Ильинская, Тереножкин, 1986; Мозолевський, 1979; Болтрик, 1998; 2001; 2001а; 2004]. Складовою частиною цих наукових пошуків є питання організації владних структур скіфського суспільства, що прямо пов'язане з визначенням прижиттєвого статусу людей, похованих з казанами. Його вирішення можливе тільки в контексті двовимірної системи координат (горизонтальної та вертикальної), яка традиційно використовується при розгляді соціальної сфери (соціального простору) стародавніх суспільств [Бунятян, 1985; Тишкин, Дашковский, 2003, с. 102, 103]. Вертикальна проекція цієї системи базується на встановленні соціального та майнового стану померлих у суспільстві, горизонтальна — на їх статево-вікових характеристиках.

В основу вертикальної проекції скіфського суспільства нами покладені ґрунтовні дослідження Б.М. Мозолевського, К.П. Бунятян та Ю.В. Болтрика та ін. [Бунятян, 1985; Мозолевський, 1979; Болтрик, 1998; 2001; 2001а; 2004]. Крізь призму запропонованих схем, нами зроблена спроба визначення місця «утримувачів казанів» у соціальній структурі скіфського суспільства. В історіографії питання панує думка, що статус похованих у скіфських курганах людей визначається за працевитратами, затраченими суспільством на здійснення поховання, з урахуванням складу поховального інвентарю, наявністю залежних осіб та ін. Враховуючи ці показники, нами виділено шість ланок «утримувачів казанів».

Ланка 6 — скіфське царство. Особливістю скіфської держави був її поділ на три царства, якими керували царі, один з яких був головним [Ростовцев, 1918; Граков, 1950; Елагина, 1963; Шелов, 1972; Хазанов, 1972; Тереножкин, 1966; 1977]. Розбіжності в побудовах дослідників стосуються головним чином визначення часу виникнення державності у скіфів. Зокрема Б.М. Граков, Д.Б. Шелов, А.М. Хазанов вважають, що рання історія скіфів проходила в умовах первісно-общинного устрою, а ранньокласове суспільство та держава склались у них не раніше V ст. до н. е., тобто перед, або в епоху царя Атея [Граков, 1950, с. 7—19; Шелов, 1972, с. 63—78; Хазанов, 1972, с. 170]. Інші дослідники, наприклад О.І. Тереножкін, вважають, що держава у скіфів виникла ще при їх виході на арену історії, принаймні на межі VII—VI ст. до н. е. [Тереножкін, 1966, с. 33—49; 1977, с. 4].

Ланка 5 — царства / басилеї. За сталою історіографічною традицією Скіфія складалася з трьох царств, або басилеїв, до складу яких входили провінції [Хазанов, 1975а, с. 191—199; Мартынов, Алексеев, 1986, с. 115].

© О.В. РОМАШКО, 2016

Ланка 4 — союзи племен. Шість етносів степової Скіфії і вісім етносів лісостепової та лісової зон [Рыбаков, 1979, с. 185—194], про які повідомляє нам Геродот (IV, 5—9, 17, 18, 20—22, 59—75, 104—109, 116, 117), ймовірно були саме такими союзами племен [Мартынов, Алексеев, 1986, с. 114]. В адміністративному відношенні вони відповідали провінціям, які, у свою чергу, складалися з номів.

Ланка 3 — плем'я / ном. У етнографії плем'я розглядається як один із типів етносоціальної організації з характерною тенденцією до культурно-мовної єдності та ендогамії. Племена виникають разом із родовою організацією та існують до виникнення класових суспільств. У залишковому стані племена найдовше зберігаються в осередку кочовиків-скотарів [Шнирельман, 1988, с. 590—591]. Остання тенденція виразно простежується й у скіфів. Більшість дослідників вважає, що геродотівські номи (Herod., IV, 62, 66) відповідають областям, які займали відповідні племена [Артамонов, 1947, с. 74; 1974; Граков, 1954, с. 17; 1971, с. 34; Тереножкин, 1966, с. 48; Мартынов, Алексеев, 1986, с. 113—114]. На думку А.М. Хазанова [Хазанов, 1975а, с. 119], племена скіфів часів Геродота продовжували існування у дуже трансформованому вигляді, однак їм були притаманні важливі адміністративно-політичні та фіскальні функції.

Ланка 2 — рід. В етнологічних науках та історії первісності цим терміном визначається група родичів, які мають загальне родове ім'я й ведуть своє походження по одній лінії (материнській чи батьківській) від загального пращура (реального чи міфічного). У суспільствах із суттєвим розпадом родових відносин, який привів до формування територіальної общини й малої сім'ї (тобто таких, які в соціально-економічному відношенні відповідали рівню розвитку скіфського суспільства), родові структури у більшості випадків продовжують існування. Особливо довго родовий поділ зберігається у аристократичної верхівки кочівників [Першиц, 1988а, с. 593]. У більшості таких суспільств між спорідненими і неспорідненими родами, підрозділами родів, общинами й навіть окремими сім'ями мали встановлюватися складні системи супідрядності. Ідеологічним обґрунтуванням цього явища слугував притаманний багатьом формам родової організації поділ «старших» та «молодших» ліній, які переосмислювалися в інтересах общинної та родової знаті. Підвищення ролі родової аристократії могло супроводжуватись і підвищенням роду, який вони очолювали [Хазанов, 1975, с. 121].

Ланка 1 — сім'я. Основною ланкою скіфського суспільства, як і інших суспільств стародавніх та сучасних народів, була сім'я. У скіфів її форма повинна була відповідати притаманним їх суспільству патріархально-родовим традиціям. В історіографії існують два підходи до визначення форми скіфської сім'ї. Відповідно до першого, провідною формою шлюбно-сімейної організації у скіфів була велика або патріархальна сім'я; відповідно до другого — мала сім'я. У подальших розвідках ми спираємось на висновки дослідників, які наголошують, що общину і кочових, і осілих племен Скіфії складали саме малі індивідуальні сім'ї з притаманною їм приватною власністю [Шелов, 1972, с. 68—71; Тереножкин, 1977, с. 8, 9; Мартынов, Алексеев, 1986, с. 113]. У літературі зустрічається також термін «розширена сім'я» у значенні різновиду малої скіфської сім'ї [Хазанов, 1975, с. 62; Мартынов, Алексеев, 1986, с. 113]. Зазначимо, що з точки зору класифікації структурно-функціональної варіантності шлюбу та сім'ї у етнологічних науках термін «розширена сім'я» відповідає полігамній (складній) сім'ї або сім'ї, за своїм складом наближеної до великої [Першиц, 1988, с. 624].

Соціальна стратифікація поховань «утримувачів казанів» розглянута на матеріалах 144 поховань за культурно-просторовим принципом в межах визначених в сучасному скіфознавстві локальних груп скіфської культури.

На прикладі пам'яток «утримувачів казанів» Головної степової групи (83 поховання) достатньо об'єктивно окреслюється «піраміда», на нижчих щаблях якої знаходяться кількісно переважаючі поховання очільників родів рядового населення та родів нижчих і середніх аристократичних ланок, до номархів включно, а на вищих — відносно нечисленні поховання царів, які відповідно очолювали роди царських скіфів. Питома вага поховань ланки 1 дорівнює 28,9; 2 — 16,9; 3 — 30,1; 4 та 5 — 15,7; 6 — 8,4 %. Така сама «піраміда» простежується і на матеріалах деяких локальних груп Лісостепу. Зокрема в найбільш численній Середньодонській локальній групі відсоток поховань з казанами ланки 2 дорівнює 81; 3 — 19 %. У групі пам'яток Придніпровського терасового лісостепу питома вага поховань з казанами ланок 1 та 2 дорівнюють по 80, ланки 3 — 20 %. Питома вага поховань Києво-Черкаської локальної групи ланок 1—3 дорівнює 87,5, ланок 4—5 — 12,5 %.

В історіографії панує думка щодо використання казанів у якості індикаторів соціального статусу похованих із ними скіфів. У цьому напрямку особливо слід відмітити розвідки Т.М. Кузнецової, В.М. Грицюка, Н.М. Данилко, О.Д. Могилова та ін. [Кузнецова, 2004; 2008; 2009; Грицюк, 2009; Євдокімов, Данилко, Могилов, 2012]. Особливістю нашої роботи є залучення до аналізу репрезентативної джерельної бази та порівняльний аналіз поховань, в яких присутні не тільки цілі екземпляри казанів, а й сліди їх перебування. Виходячи з присутності металевих посудин у могилах всіх страт скіфського суспільства, ми вважаємо можли-

вим розглядати їх як поховання керівників різних за соціальним і майновим рівнем родів. Серед них кількісно переважають поховання очільників родів рядового населення та родів нижчих і середніх аристократичних ланок до номархів включно. Поховання очільників вищих аристократичних та царських родів відносно нечисленні.

Те, що поховання «утримувачів казанів» можливо розглядати саме у такому вимірі, підтверджується й іншими спостереженнями. Так, виходячи зі статево-вікової характеристики, у Головній степовій групі домінували поховання чоловіків — 71,4 %. (питома вага похованих із казанами чоловіків становила 71,4; жінок — 25,4; дітей — 3,2 %). Присутність казанів у жіночих, підліткових та дитячих похованнях свідчить про спадковість у скіфському суспільстві соціального статусу індивіда. Соціальний статус жінки визначався її приналежністю до сім'ї та роду, статус дитини — соціальним положенням його батьків. Тобто виходячи з особливостей поховальної обрядовості скіфів, в тому числі і „утримувачів казанів", організація їх суспільства базувалася на генеалогічному принципі. З метою збереження статусного рівня провідної сім'ї в родовій структурі, в тому випадку, коли вона залишалася без голови-чоловіка, її могли очолювати жінки (а іноді формально навіть підлітки і діти), які успадковували не тільки керівництво скіфським царством, номами та общинами, а і обов'язки родових старійшин. Важливими аргументами на користь такої думки слугують достатньо численні випадки присутності казанів у різночасових похованнях, концентрованих в одних курганах — сімейних усипальницях. Три таких кургани — Солоха, Огуз, Чортомлик — репрезентують ланку 6. Три — Бердянський курган, Товста та Гайманова Могили — ланки 5—4. Чотири — к. 15 біля с. Золота Балка; Мелітопольський курган, Соболєва та Бабина Могили — ланку 3. До сімейних усипальниць «утримувачів казанів» ланок 2 та 1 можливо зарахувати к. 10 біля с. Мала Лепетиха та к. 8 поблизу с. Вовчанське. Слід зауважити, що роль казанів як маркерів роду простежується не тільки у скіфів, але й у багатьох інших номадів Євразії раннього залізного віку та середньовіччя.

Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н. э.). — Л., 1974. — 156 с.

Артамонов М.И. Общественный строй скифов // Вестн. ЛГУ. — 1947. — № 9. — С. 70—88.

Болтрик Ю.В. Попытка социальной стратиграфии Скифии второй половины IV ст. до н. э. // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: VII Донская археол. конф.; тез. докл. (22—26 ноября 1998 г.). — Ростов-на-Дону, 1998. — С. 76—80.

Болтрик Ю.В. Курган как ключ к пониманию социальной структуры Скифии IV в. до н. э. // Из истории античного общества. — Нижний Новгород, 2001. — Вып. 7. — С. 170—181.

Болтрик Ю.В. Соціальна стратифікація Скіфії періоду «золотої осені» // Магістеріум. Археологічні студії. — 2001а. — Вип. 6. — С. 78—80.

Болтрик Ю.В. Социальная организация Скифии 4 в. до Р.Х., отраженная в погребальных памятниках // Kimmerowie Scytowie Sarmacy. Ksiega poświecona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego. — Kraków, 2004 — С. 85—91.

Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. На материалах скифских могильников IV—III вв. до н. э. — К., 1985. — 227 с.

Геродот. История: в 9 кн. — Л., 1972. — 600 с. (Памятники исторической мысли).

Граков Б.Н. Скифский Геракл // КСИИМК. — 1950. — Вып. XXXIV. — С. 7—19.

Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре. — М., 1954. — 240 с. (МИА. — № 36).

Грицюк В.М. Військо скіфів (озброєння, організація, війни та воєнне мистецтво). — Київ; Чернівці, 2009. — 296 с.

Елагина Н.Г. Отчет о Скифской степной экспедиции исторического факультета МГУ 1963 г. / ІА НАН України. — 1963/27.

Євдокімов Г.Л., Данилко Н.М., Могилов О.Д. Скіфський курган 10 біля с. Мала Лепетиха у Нижньому Подніпров'ї // Археологія. — 2012. — № 2. — С. 76—95.

Ильинская В.А., Терножкин А.И. Скифия // Археология Украинской ССР: В 3 т. — Т. 2: Скифо-сарматская и античная археология. — К., 1986. — С. 43—184.

Кузнецова Т.М. Сосуды скифов в «Истории» Геродота // Археологические памятники раннего железного века Юга России. — М., 2004. — № 6 — С. 93—105 (МИА России).

Кузнецова Т.М. Социальные индикаторы в погребальном обряде скифов (бронзовые котлы) // Проблемы современной археологии. — М., 2008. — С. 173—198.

Кузнецова Т.М. Археологические маркеры погребения «номарха» // Старожитності Північного Причорномор'я і археології Північного Причорномор'я: До 110-річчя з дня народж. Б.М. Гракова. — Запоріжжя, 2009. — Т. XV. — С. 77—85.

Мартынов А.И., Алексеев В.П. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. — Кемерово, 1986. — 144 с.

Мозолевський Б.М. Товста Могила. — К., 1979. — 251 с.

Першиц А.И. Брак и семья // Народы мира. Историко-этнографический справочник. — М., 1988. — С. 624.

Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. Общий очерк. — Пг., 1918. — 190 с.

Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия: историко-географический анализ. — М., 1979. — 242 с.

Тереножкин А.И. Об общественном строе скифов // СА. — 1966. — № 2. — С. 33—49.

Тереножкин А.И. Общественный строй скифов // Скифы и сарматы. — К., 1977. — С. 3—28.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрения населения Алтая скифской эпохи. — Барнаул, 2003. — 430 с.

Хазанов А.М. О характере рабовладения у скифов // ВДИ. — 1972. — № 1. — С. 159—170.

Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. — М., 1975. — 344 с.

Шелов Д.Б. Социальное развитие скифского общества // ВИ. — 1972. — № 3. — С. 63—78.
Шнирельман В.А. Племя // Народы мира. Историко-этнографический справочник. — М., 1988. — С. 590—591.

А. В. Ромашко

«ДЕРЖАТЕЛИ КОТЛОВ» В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СКИФСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье предпринята попытка определения прижизненной роли «держателей котлов» в социальной структуре скифского общества. Опираясь на значительную историографическую традицию разделения скифского общества на конкретные социальные группы, нами выделено шесть страт «держателей котлов». Наиболее репрезентативными при решении данного вопроса являются материалы Главной степной группы, при анализе которых нами установлено, что котлы присутствуют почти во всех выделенных стратах скифского общества, причем преобладают захоронения руководителей родов рядового населения и родов низших и средних аристократических звеньев до номархов включительно. Такая закономерность прослеживается и в других локальных вариантах скифской культуры. В этом контексте «держатели котлов» могут рассматриваться как руководители различных в имущественном и социальном плане родов. Также в выборке особо выделяются погребения «держателей котлов» страты 1, которые при жизни, возможно, были главами семей или главами обедневших родов. Поло-возрастной анализ расположенных в стратиграфической зависимости захоронений, позволил нам предположить наследственность власти в пределах конкретной семьи/рода. В случаях, когда не было прямого приемника или по другим причинам, например в том случае, когда власть должна была перейти к лицу, которое не достигло необходимого возраста, для выполнения предполагаемых обязанностей, власть могла наследоваться женой «держателя котла».

Ключевые слова: скифская культура, котел, Северное Причерноморье, социальная структура.

A. V. Romashko

«CALDRONS HOLDERS» IN THE SYSTEM OF SOCIAL STRUCTURE OF THE SCYTHIAN SOCIETY

The article devoted to description of the process of definition role of the «caldrons holders» in the social structure of the Scythian society. The space historiographical tradition of the separation Scythian society into social groups allows as to pick out six echelons of the «caldrons holders». The materials of the Main Steppe Group are the most representational for our research. In the result we got regularity which shows that caldrons contained in all echelons of the «caldrons holders». The most popular tombs in this selection are burials of leaders of the clans ordinary people and clans of lower or middle aristocratic echelons of the «caldrons holders». This regularity is characteristic of the others local groups of the Scythian culture. The research lets us to consider «caldrons holders» as leaders of various property and socially clans. We can pick out burials of the first echelons of the «caldrons holders». We assume that these burials were householders or holders of impoverished clan when they were live. Analysis of the age and sexual identity of the burials showed that hereditary power was passed on family or clan members. In the case when proximate successor was missing or inheritor was very young for realization leader function, the power of perished «caldrons holders» inherited by wife.

Keywords: Scythian's culture, caldrons, Black Sea Region, social structure.

Одержано 13.03.2016

УДК: 904.2(35:395)"6383"

О. В. Симоненко

ВИРОБИ З БЛИЗЬКОГО СХОДУ У САРМАТІВ ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я [1]

У статті аналізуються речі близькосхідного походження, які потрапляли до сарматів двома основними шляхами — як військові трофеї і як предмети торгівлі. До трофеїв можна віднести шоломи типу Монтефортіно, отримані сарматами у Малій Азії під час Мітридатових війн. Предметами торгівлі через античні центри Північного Причорномор'я слід вважати багато речей, виготовлених на Близькому Сході (у Малій Азії, Леванті, Єгипті, Парфії). Це поліхромні ювелірні вироби, намисто деяких типів, амулети з єгипетського фаянсу, деякі види скляних і фаянсових посудин.

Ключові слова: сармати, Близький Схід, імпорт, шолом, ювелірні вироби, скляний посуд, намисто, скло, фаянс.

У сарматських похованнях на території України не є рідкісними знахідки імпортних речей, виготовлених на Близькому Сході — в Малій Азії, Сирії, Юдеї, Єгипті, Ірані. Найчастіше в дослідженнях вони фігурують під назвою «римський імпорт» — хоча б тому, що перелічені території (за винятком Ірану) у різний час були провінціями Римської імперії.

Близькосхідні речі потрапляли до сарматів, головним чином, двома шляхами: як військові трофеї і як предмети торгівлі. Зрозуміло, якась частина речей (особливо рідкісних та екзотичних) могла бути подарунками, предметами обміну або просто здобиччю.

Ймовірно, близькосхідними трофеями можна вважати бронзові шоломи типу Монтефортіно. Вони знайдені поблизу сс. Мар'ївка Миколаївської області, Весела Долина і Біленьке Одеської області, Привілля Луганської області, в кургані Токмак-Могила та біля с. Приморське Донецької області, в т. зв. скарбах II — початку I ст. до н. е. [Симоненко, 2015, с. 166—174].

Шоломи з Мар'ївки, Біленького і Токмак-Могили практично ідентичні за формою тульї, кнопки й декору (рис. 1, *1—3*). Вони відносяться до 1 групи шоломів типу Монтефортіно, знайдених у Східній Європі [Симоненко, 2015, с. 174]. За пропорціям та іншими ознаками шоломи цієї групи відповідають типу B за класифікацією Х.Р. Робінсона. Найближчі аналоги їм походять з Південної Франції [Barroul, Sauzade, 1969, p. 23—25], Північної Італії [Schaaff, 1988, S. 318 ff.] та з Піренейського півострова [Garcia-Maurico Múzquiz, 1993, p. 97—123; Quesada Sanz, 1997, p. 554 ff.]. Аналоги нашим шоломам, знайдені в археологічному контексті в Іспанії, датовані кінцем III — I ст. до н. е. [Garsia Maurico Múzquiz, 1993, p. 124, fig. 35].

Шоломи з Веселої Долини, Приморського і Привілля (2 група) відрізняються спрощеним орнаментом і конструкцією кнопки (рис. 1, *4—6*). Вони зроблені, скоріш за все, як наслідування «класичним» екземплярам 1 групи ковалями інших шкіл або країн. До такого висновку приводять елементи конструкції і декору, повторені на цих виробах недбало, невміло або зі змінами. Датуються тим самим часом, що й шоломи 1 групи.

Чому ж західноєвропейські шоломи пропонується вважати близькосхідним імпортом? Є гіпотеза, згідно якої до сарматів ці шоломи потрапили, швидше за все, з Малої Азії під час Мітридатових воєн [Раев, Симоненко, Трейстер, 1990, с. 124]. У розвиток цієї ідеї М.Б. Щукін висловив цікаве припущення про те, що союзники Мітрідата VI сармати могли отримати ці шоломи після переозброєння понтійської армії

1. Статтю підготовлено у рамках авторського проекта «Близькосхідний імпорт у сарматів», виконуваного у листопаді 2011 — січні 2012 рр. в Інституті археологічних досліджень імені У.Ф. Олбрайта (Єрусалим).

© О.В. СИМОНЕНКО, 2016

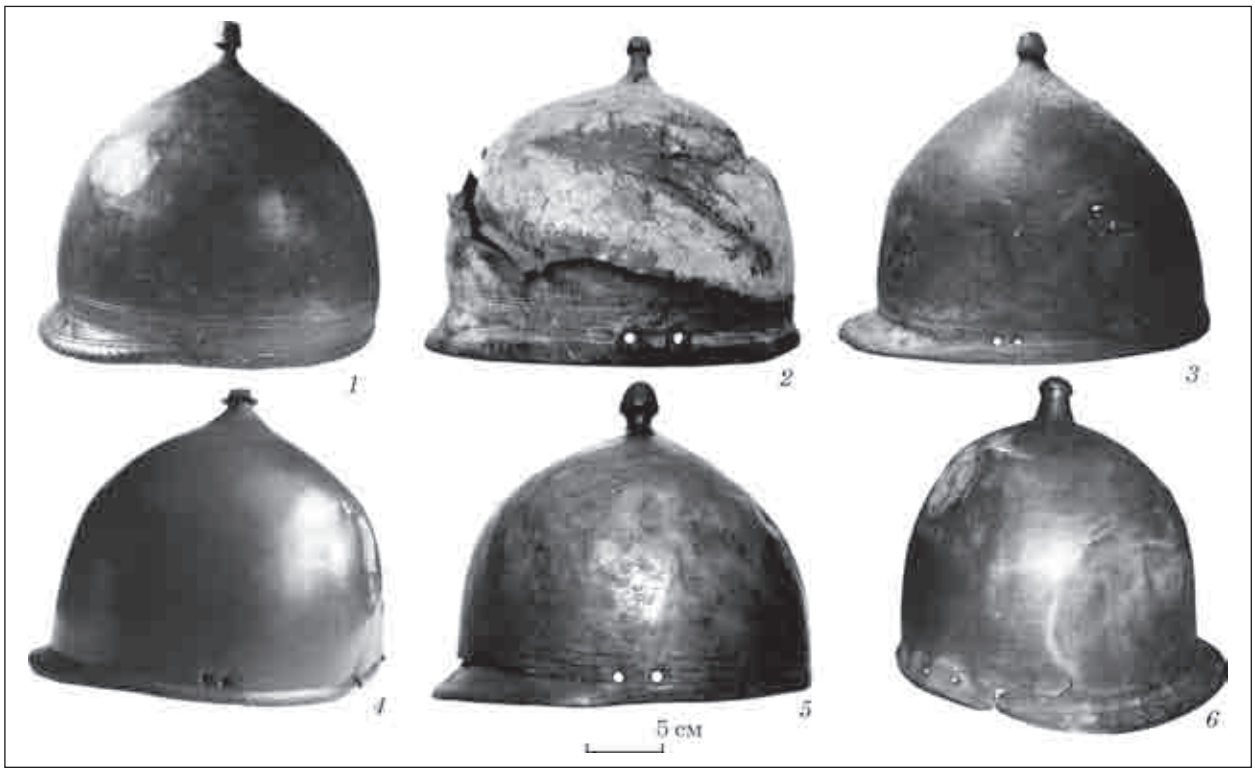


Рис. 1. Шоломи типу Монтефортіно з сарматських пам'яток України: *1* — Мар'ївка; *2* — Біленьке; *3* — Токмак-Могила; *4* — Весела Долина; *5* — Привілля; *6* — Приморське

напередодні війни з Римом. «Морально застаріле», як писав М.Б. Щукін, озброєння могло бути передано їм [Щукин, 1994, с. 143].

Можливе й ще одне пояснення. З одного боку, більшість наших шоломів типу Монтефортіно є на подив однотипна за формою, орнаментацією і деякими деталями, утворюючи ніби одну «партію»; з іншого боку, вони дуже близькі іспанським знахідкам. Відомо, що армію Мітрідата VI навчали і переозброювати офіцери, надіслані з Іспанії Серторієм, що підняв там заколот проти Помпея. Чи не в такий спосіб сармати — союзники Мітридата отримали іспанські шоломи? Вони могли належати прибулим серторіанцям, які продали (подарували, обміняли — ми ніколи не дізнаємося правди) їх галатам або сарматам.

У другій половині I ст. н. е. грецькі поліси Тіра, Ольвія, Херсонес і Боспорське царство опинилися в політичній і культурній орбіті Риму. Інтереси Римської імперії і сарматів перетнулися у Північному Причорномор'ї, куди полинули товари з усіх провінцій, в тому числі й близькосхідних. У свою чергу, торгівля зі степовими варварами складала істотну частку в економіці північно-понтійських міст. Кочовики віддавали перевагу, головним чином, предметам розкоші: металевому і скляному посудові, ювелірним прикрасам, намисту. Серед цих товарів були імпорти з країн Близького Сходу.

З «царського» поховання другої половини I ст. н. е. [Симоненко, 2011, с. 23] в кургані Соколова Могила на півдні України [Ковпаненко, 1986, с. 33, 38, рис. 32; 33; 35; 36] походять золота фібула і перстень з символами Ісіди, інкрустованими агатовим склом і гранатами (рис. 2, *1, 2*). Фібула-брошка з Соколової Могили демонструє досить поширене явище сарматського часу: вторинне використання ранішого предмета, який представляв матеріальну цінність, або просто рідкісного. Її зроблено з щитка пізньоелліністичної поліхромної сережки у формі корони Ісіди, до якого колись рухомо кріпилася пишно прикрашена нижня частина сережки. У Північному Причорномор'ї сережки такого типу знайдені в Артюховському кургані (рис. 2, *5*) кінця II — початку I в. до н. е. [Максимова, 1979, с. 27]. Мода на ювелірні прикраси з цим мотивом пішла з птолемеївського Єгипту, і у II—I ст. до н. е. вони були популярні в усьому Східному Середземномор'ї. Сережки з щитками у вигляді корони Ісіди є в колекціях Британського музею (рис. 2, *6*) [Walker, Higgs, 2001, p. 93], Бруклінського музею мистецтв (рис. 2, *7*), Метрополітен Музею мистецтв (рис. 2, *8*) [Antiquities, 1987, p. 307, cat. No. 184]. Інкрустація останніх досить близька фібулі з Соколової Могили.

Важко сказати, коли й хто переробив зламану сережку у фібулу-брошку, що потрапила кінець кінцем до сарматської «цариці». Навіть якщо це сталося в ювелірній майстерні одного з античних міст Північного Причорномор'я, основу фібули — щиток сережки — було виготовлено на Близькому Сході. Прикладами вторинного використання щитків сережок з короною Ісіди є діадема і намисто з поховань першої половини I ст. н. е. в некрополі Пантікапея [фонди Державного Ермітажу], де такі щитки використані як підвіски [Treister,

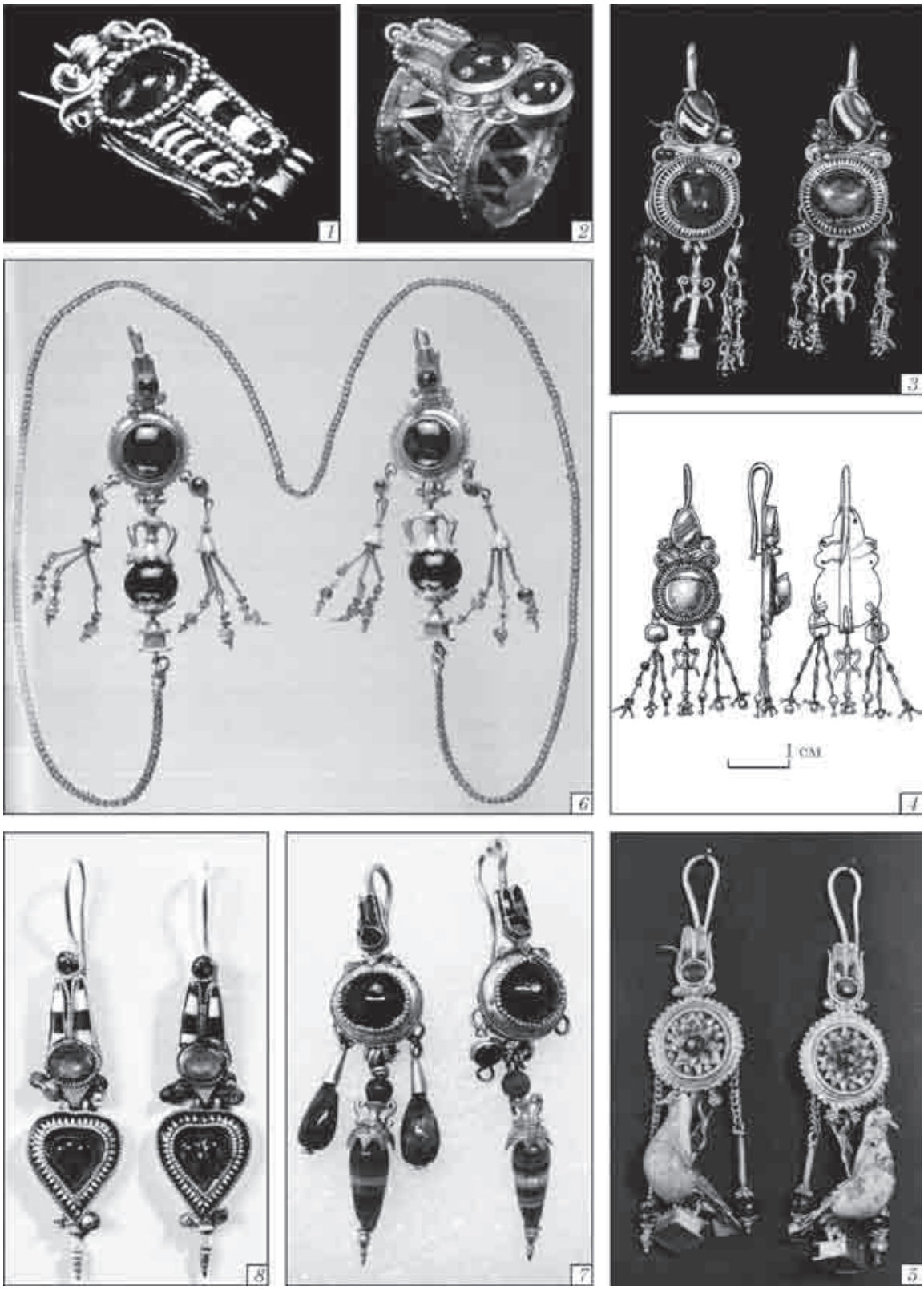


Рис. 2. Ювелірні прикраси близькосхідного походження: *1, 2* — Соколова Могила; *3, 4* — Ногайчинський курган; *5* — Артюховський курган (за: [Максимова, 1979]); *6* — Британський музей (за: [Walker, Higgs, 2001]); *7* — Бруклинський музей мистецтв (фото автора); *8* — Метрополітен Музей мистецтв (за: [Antiquities …, 1987])

2002, p. 38, pl. V, 9; Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 60, кат. № А 201.1; А 221.2].

Безумовно, близькосхідним імпортом є сережки з Ногайчинського кургану (рис. 2, *3*). Вони детально проаналізовані М.Ю. Трейстером [Treister, 1997, p. 134—137; Трейстер, 2000, с. 190—192; Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 104, 105], який датував їх II—I ст. до н. е. на підставі вище наведених паралелей з Британського та Бруклинського музеїв. Не виключено, що втрачені кам'яні

Рис. 3. Ювелірні прикраси близькосхідного походження: *1—3, 6, 7* — Ногайчинський курган; *4* — бронзові фігурки з Лувру (за: [Braemer, 1977]); *5* — медальон чаші з Музею Пола Гетті (за: [Pfrommer, 1993]); *8* — Стара Осота (фото автора); *9* — Британський музей, інв. № GR 1917.5—1.1615 (за: [Higgs, 2001]); *10* — Арсіноя III; *11* — Клеопатра VII; *11—13* — Венера (за: [Walker, Higgs, 2001])

або скляні корпуси амфоподібних підвісок ногайчинських сережок були схожої форми. Декор з чорних і білих емалевих трикутників навколо центральної вставки зближує ногайчинські сережки і сережки з колекції Христоса Бастіса [Antiquities, 1987, p. 307, cat. No. 184], що зберігаються в Метрополітен Музеї (рис. 2, *8*). На думку П. Девідсон і Е. Олівера, такі сережки походять зі Східного Середземномор'я [Davidson, Oliver, 1984, p. 69].

Чудовими зразками пізньоелліністичної торевтики є золоті поліхромні браслети з цього ж комплексу (рис. 3, *1, 2*). До численних аналогів композиції з Еротом і Псюхе на кінцях корпусу браслетів (рис. 3, *3*), наведених М.Ю. Трейстером [Treister, 1997, p. 128—132], слід додати мініатюрні бронзові фігурки цих божеств в аналогічній позі (рис. 3, *4*), ймовірно, з Родосу, які зберігаються у Луврі [Braemer, 1977, p. 43]. Іконографічно вони, разом з рельєфом на медальйоні чаші з Музею Пола Гетті (рис. 3, *5*), є найближчими аналогами фігуркам на браслетах з Ногайчинського кургану. На думку М. Пфроммера, чаша з музею Гетті була зроблена десь на елліністичному Близькому Сході [Pfrommer, 1993, p. 128]. Ногайчинські браслети датовані другою половиною II — початком I ст. до н. е. [Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 142]. Технологічні і стилістичні паралелі не дають точної «адреси» місця їх виробництва — це міг бути як елліністичний Близький Схід, так і птолемеївський Єгипет.

У Ногайчинському кургані та Старій Осоті знайдено персні з порожньою шинкою пізньоелліністичного типу (рис. 3, *6—8*). Не виключено, що вони могли бути зроблені на Близькому Сході. Тотожній за формою перстень I ст. до н. е. з позолоченого вапняку зі скляною гемою (рис. 3, *9*) був нібито знайдений поблизу Розеттської брами в Олександрії [Higgs, 2001, cat. no. 118; Британський музей, інв. № GR 1917.5—1.1615]. Більшість перснів з такою шинкою знайдено на півдні Східної Європи та Кіпрі. Кілька зразків виявлено в Болгарії, на Криті, в Сирії [Ondrejovб, 1975, p. 36, note 2]. Форма шинки характерна для III—II ст. до н. е. [Ondrejovб, 1975, p. 35—36, pl. I, *4*; II, *4*; Симоненко, 1993, с. 89].

Вельми цікавою є гема в ногайчинському персні — інталія на темно-фіолетовому склі, голова жінки у стефані ліворуч (рис. 3, *7*). Так зображували цариць Єгипту Арсіною II й III на монетах. Проте ніхто не може гарантувати, що на гемі зображено саме її. Образ Арсіної наприкінці доби еллінізму і у ранній римський час ототожнювався з Афродітою-Венерою [Неверов, 1976, с. 173; Plantzos, 1999, p. 50], при цьому іконографія залишалася без змін: зачіска з вузлом на потилиці, локони на шиї, валик на лобі й стефана. Так зображено Арсіною III на золотих октадрахмах Птолемея V Єпіфана 202—180 рр. до н. е. (рис. 3, *10*), Клеопатру VII на бронзовій монеті 51—30 рр. до н. е. (рис. 3, *11*), Венеру на денаріях Юлія Цезаря 47—45 рр. до н. е. (рис. 3, *14*) і Октавіана 34—28 рр. до н. е. (рис. 3, *12, 13*). Таким чином, немає підстав бачити в зображенні на ногайчинській гемі саме портрет Арсіної III, як вважають [Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 91]. Стиль геми, аналоги й стан оправи схиляють до думки про більш пізнє виготовлення інталії замість втраченого оригіналу [Симоненко, 2011, с. 116—123].

Дуже популярним у сарматів було намисто з напівкоштовних камінців та мінералів, скла, фаянсу. Місце виробництва більшості прикрас цієї категорії визначити важко, проте єгипетське походження декількох типів бус (напр.: Алексеєва 62 і 385) можна вважати встановленим.

Єгипетське ж походження мають поширені у сарматський час [Симоненко, 2011, с. 116] фаянсові плакетки у формі мініатюрних вівтарів, скарабеїв, левів, жаб, амфор, здвоєних циліндрів тощо (рис. 4). Амулети з єгипетського фаянсу масово вироблялися з першої чверті VI ст. до н. е. у Навкратісі в Єгипті. Наприкінці цього століття, у зв'язку з початком перських завоювань, їх виробництво згасає і поновлюється лише у III ст. до н. е. [Алексеева, 1975, с. 25]. У римський час фаянсові амулети робилися не тільки у Навкратісі, але й в Олександрії [Spaer, 2001, p. 162]. Численність їх на півдні Східної Європи знаходиться у відчутній диспропорції з незначним числом таких знахідок у самому Єгипті і на Близькому Сході. Створюється враження, що середземноморські майстерні працювали, спеціально орієнтуючись на споживачів у Північному Причорномор'ї, де їхню продукцію знайдено в сарматських, меотских, пізньоскіфських і античних некрополях.

На Близькому Сході були зроблені деякі скляні посудини з сарматських могил [1]. Кінцем IV — III ст. до н. е. датовано литий ахеменідський калікс з Семенівки Одеської обл. (рис. 5, *1*). Відомо кілька знахідок цілих і фрагментованих посудин зі скла міллефіорі [Simonenko, 2003, p. 44, 45; Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 80, рис. 14, *6*; Симоненко, 2006, с. 137—152; 2011, с. 70—77]. Таке скло робилося у Єгипті та Італії.

Фрагменти неглибокої чаші міллефіорі близькосхідної роботи знайдені в кургані біля с. Богуслав Дніпропетровській обл. (рис. 5, *2*). Найближча за формою і забарвленням паралель знаходиться в колекції Музею скла у Корнінгу (рис. 5, *3*) та вважається виготовленою в Олександрії [Goldstein, 1979, p. 180, cat. no. 467].

У сусідньому кургані знайдені фрагменти фацетованого келиха типу Еггерс 187 (форма Айсінгс 21) (рис. 5, *4*). Такі келихи мали або високий конічний корпус, прикрашений 10—12 рядами фасеток, або низький, з одним-чотирма рядами фасеток. Наш келих є низь-

1. Близькосхідне скло у сарматських могилах — тема, яка вимагає окремої роботи із залученням даних хімічних і технологічних аналізів. Через обмежений обсяг статті в ній наводяться лише загальні дані.

Рис. 4. Єгипетський фаянс з сарматських могил

Рис. 5. Близькосхідне скло і фаянс з сарматських пам'яток України: *1* — Семенівка; *2, 4* — Богуслав; *3* — Олександрія (за: [Goldstein, 1979]); *5* — музей мистецтва та ремесла в Гамбурзі (за: [Oliver, 1984]); *6* — Аккермень-2; *7* — Маяки; *8* — Усть-Кам'янка; *9, 10* — Михайлівка; *11* — Ногайчинський курган (за: [Зайцев, Мордвинцева, 2003]); *12* — Тегеранський музей (за: [The splendour …, 2001]); *13* — Смірна (за: [Jeammet, 2005])

кою формою групи II класифікації Е. Олівера, [Oliver, 1984, p. 37]. Б. Рютті, виходячи із знахідок в Аугусті, вважала, що такий посуд побутував з флавієвого по адріановий час [Rьtti, 1991, S. 59]. Е. Олівер датував такі келихи кінцем I — початком II ст. н. е. [Oliver, 1984, p. 41], К. Айсінгс — кінцем I — II ст. н. е. [Isings, 1957, p. 37]. Такі посудини були поширені по всій імперії. К. Айсінгс вважала їх єгипетською або сирійською продукцією [Isings, 1957, p. 37], Е. Олівер припускав в цілому східне [можливо, єгипетське] походження [Oliver, 1984, p. 38—40].

Близькою аналогією нашому келиху може бути посудина з Музею мистецтва та ремесла [Museum …] в Гамбурзі (рис. 5, *5*) діаметром 7,5, висотою 7,9 см [Oliver, 1984, p. 47, cat. 12]. Схоже, келих з Богуслава мав такі самі пропорції. У комплексі знайдені фрагменти двох вузькогорлих амфор типу Шелов В або Внуков С IV В. Вони датуються другою третиною I — серединою II ст. н. е. [Шелов, 1978, с. 18] або 80—140-ми рр. [Внуков, 2006, с. 167].

У кількох сарматських могилах було виявлено бальзамарії з кулястим корпусом і у вигляді мініатюрного глечика (рис. 5, *6—8*), виготовлені в майстернях Юдеї та Сирії [Simonenko, 2003, p. 55—56; Симоненко, 2011, с. 82—84, рис. 52]. У курганному похованні кінця I ст. н. е. біля с. Михайлівки в Одеській обл. було знайдено бальзамарій (рис. 5, *9*) дуже рідкісного типу [Симоненко, 2002, с. 132—139; 2011, с. 84, 85, рис. 53; Simonenko, 2003, p. 47, 48]. На думку Дж. Хейза, такі посудини вироблялися у Сирії або Палестині в I — на початку III ст. н. е. [Hayes, 1975, p. 34]. До цього ж комплексу входить глек з прозорого фіолетового скла (рис. 5, *10*), ймовірно, східно-середземноморського походження [Куніна, 1997, с. 302].

Фаянсова тарілка рідкісного типу (рис. 5, *11*) була серед начиння могили сарматської «цариці» у Ногайчинському кургані [Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 80, рис. 14, *2*; Симоненко, 2011, с. 87, 88, рис. 54, *1, 2*]. Найближчим аналогом їй є посудина з Національного музею Ірану (Тегеран), знайдена в іранському Азербайджані. Видавці датують її парфянським періодом, інших даних немає [The splendour, 2001, p. 391]. Діаметр цієї тарілки 9 см, тобто майже такий самий, як у ногайчинської (рис. 5, *12*). Збігаються також колір, орнаментація та іконографія рельєфної голови на дні. Ю.П. Зайцев і В.І. Мордвинцева навели ще одну дуже близьку паралель — тарілку із Смірни I ст. до н. е. [Зайцев, Мордвинцева, 2007, с. 328, рис. 9, *6*]. Вона практично ідентична ногайчинській за діаметром (8,2 см) і орнаментацією, лише в центрі дна інша рельєфна маска — Сатіра (рис. 5, *13*). Подібні тарілки робилися в Єгипті або Парфії [Jeammet, 2005, p. 191].

Такі є нечисленні, але досить яскраві знахідки близькосхідних імпортів у могилах причорноморських сарматів. За винятком трофейних предметів озброєння, інші речі (ювелірні прикраси, намисто, скляні й фаянсові посудини) потрапили у степ через треті руки і не є свідченням безпосередніх контактів між сарматами і країнами Близького Сходу. І це не дивно, з огляду на величезні відстані і великі відмінності між цими двома культурними світами. Цікаво, що всі близькосхідні предмети з могил сарматів датуються пізньоелліністичним і ранньоримским часом. У пізньосарматських пам'ятках (друга половина II — IV ст. н. е.) близькосхідні речі відсутні. Швидше за все, це відбиває переорієнтацію торгівельних зв'язків античних міст Північного Причорномор'я на європейські провінції імперії.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. — М., 1975. — 95 с. (САИ. — Г 1—12).

Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры. I в. до н. э. — II в. н. э. — Ч. II: Петрография, хронология, проблемы торговли. — СПб., 2006. — 317 с.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. «Ногайчинский» курган в степном Крыму // ВДИ. — 2003. — № 3. — С. 66—99.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика. — Симферополь, 2007. — С. 319—358.

Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. — К., 1986. — 150 с.

Кунина Н.З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. — СПб., 1997. — 359 с.

Максимова М.И. Артюховский курган. — Л., 1979. — 151 с.

Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. — Т. I—III. — Симферополь; Бонн, 2007.

Неверов О.Я. Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья // Тр. ГЭ. — 1976. — Вып. 17. — С. 166—182.

Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю. Этрусско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. — Краснодар, 1990. — С. 117—135.

Симоненко А.В. Сарматы Таврии. — К., 1993. — 142 с.

Симоненко А.В. Михайловские «рюмки» // Северное Причерноморье в античное время: К 70-летию С.Д. Крыжицкого. — К., 2002. — С. 132—136.

Симоненко А.В. Стекло миллефиори в сарматских погребениях // Liber Archaeologicae: Сб. ст., посвящ. 60-летию Б.А. Раева. — Краснодар, 2006. — С. 137—152.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. — СПб., 2010. — 328 с.

Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. — СПб., 2011. — 272 с.

Трейстер М.Ю. О ювелирных изделиях из Ногайчикского кургана // ВДИ. — 2000. — № 1. — С. 182—202.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. — М., 1971. — 169 с.

Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н. э. // КСИА АН СССР. — 1978. — Вып. 156. — С. 16—21.

Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. — СПб., 1994. — 323 с.
Antiquities from the Collection of Christos G. Bastis: New York, 1987. — Mainz, 1987. — 340 p.
Barruol G., Sauzade G. Une tombe de guerrier a Saint-Laurent-des-Arbes [Gard]. Contribution a l'йtude des sйpultures du Ier siиcle av. J. C. dans la basse vallйe du Rhфne // Rivista di Studi Liguri. — 1969. — **XXXV**, **1—3**. — P. 14—89.
Braemer F. Observations sur des Grandes Statuettes et des petits «Grand Bronzes» reprйsentant des Types Rйpandus a travers l'Empire Romain // Annales de l'Universite Jean Moulin. Actes du Ive Colloque International sur les Bronzes antiques. — Lyon, 1977. — P. 41—52.
Cleopatra of Egypt. From History to Myth. — Princeton, 2001. — 384 p.
Davidson P.F., Oliver A. Ancient Greek and Roman Gold Jewelry in the Brooklyn Museum. — New York, 1984. — 214 p.
Garsia-Maurico Múzquiz J. Los cascos de tipo Montefortino en la peninsula Iberica. — Complutum. — 1993. — Vol. 4. — P. 95—146.
Goldstein S.M. Pre-Roman and Early Roman Glass in the Corning Museum of Glass. — Corning; New York, 1979. — 312 p.
Greek Jewellery from the Benaki Museum Collections. — Athens, 1999. — 520 p.
Hayes J.W. Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum: a catalogue. — Toronto, 1975. — 229 p.
Higgins R.A. Greek and Roman Jewellery. — Berkeley, 1980. — 243 p.
Higgs P. Limestone ring with a glass intaglio showing a portrait of a woman // Cleopatra of Egypt: from History to Myth. — Princeton, 2001. — P. 98—99.
Isings C. Roman glass from dated finds. — Groningen; Djakarta, 1957. — 185 p.
Jeammet V. La сйremique a glaзure plombifиre aux йpoques hellйnistique et romane // Faпences de l'Antiquitй. De l'Egypte a l'Iran. — Paris, 2005. — P. 191—197.
Oliver A. Early Roman Faceted Glass // JGS. — 1984. — Vol. 26. — P. 35—58.
Ondrejovб I. Les bijoux antigues: du Pont Euxin septentional. — Praha, 1975. — 83 p.
Pfrommer M. Metalwork from the Hellenized East: catalogue of the collections, the J. Paul Getty Museum. — Malibu, 1993. — 244 p.
Plantzos D. Hellenistic Engraved Gems. — Oxford, 1999. — 148 p.
Quesada Sanz F. Montefortino-type and Related Helmets in the Iberian Peninsula: A Study in Archaeological Context // Journal of Roman Military Equipment Studies. — 1999. — Vol. 8. — P. 151—166.
Robinson H.R. The Armour of Imperial Rome. — Thatford, 1975. — 200 p.
Rьtti B. Die Rцmischen Glдser aus Augst und Kaiseraugst. Forschungen in Augst. — Augst, 1991. — Vol. 1—2.
Schaaff U. Etruskisch-Rцmische Helme // Antike Helme (RGZM Monographien. — Bd. 14). — Mainz, 1988. — S. 318—326.
Simonenko A.V. Glass and Faience Vessels from Sarmatian Graves of Ukraine // JGS. — 2003. — Vol. 45. — P. 41—57.
Spaer M. Ancient Glass in the Israel Museum: Beads and Other Small Finds. — Jerusalem, 2001. — 384 p.
The splendour of Iran. — London, 2001. — Vol. 1. — 456 p.
Treister M.Ju. Conserning the Jewellery items from the Burial Mound at Nogaichik // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. — 1997. — Vol. 4, **2**. — P. 122—157.
Treister M.Ju. Late Hellenistic Bosporan Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms) // SRAA. — 2002. — Vol. 8. — P. 29—72.

А. В. Симоненко

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ У САРМАТОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Предметы ближневосточного происхождения попадали к сарматам двумя основными путями — как военные трофеи и как предметы торговли. Часть импортов с Ближнего Востока является дарами или добычей грабителей.

К трофеям можно отнести шлемы типа Монтефортино, захваченные сарматами в в Малой Азии во время Митридатовых войн.

Предметами транзитной торговли через античные центры Северного Причерноморья можно считать многие предметы из могил сарматов, изготовленные на Ближнем Востоке [в Малой Азии, Леванте, Египте, Парфии]. Это полихромные ювелирные изделия, глазчатые и мозаичные бусы некоторых типов, амулеты из египетского фаянса в виде скарабеев, львов, лягушек, амфор, крошечных алтарей, сдвоенных цилиндров, чаши из стекла миллефиори, бальзамарии и некоторые другие виды стеклянных и фаянсовых сосудов.

Ключевые слова: сарматы, Ближний Восток, импорт, шлем, ювелирные изделия, стеклянная посуда, бусы, стекло, фаянс.

O. V. Symonenko

NEAR EAST OBJECTS FROM THE SARMATIAN SITES OF NORTH PONTIC AREA

The objects, somehow related to the Near East, came to the Sarmatians in two main ways — as military trophies and as the traded merchandise.

Spoils of war were the helmets of Montefortino type, seized by Sarmatians in Asia Minor during the Mithridates wars.

Some specimens of jewellery, eye-decorated, trace-decorated and mosaic beads from Sarmatian graves were made in the Near East. The Egyptian origin can be determined for amulets of «Egyptian» faience in the shapes of scarabs, lions, frogs, amphorae, tiny altars, double cylinders. Some glass vessels from Sarmatian graves were made in the Near East: the moulded and cut Achaemenidian calix, millefiori vessels, faceted beaker of Eggers type 187 and some other types of glass vessels.

Keywords: the Sarmatians, Near East, import, helmet, jewelry, glass, beads, faience.

Одержано 15.04.2016

УДК: [355:904.5:81](4)"6383"-055.2

Е. Е. Фиалко

СКИФСКИЕ АМАЗОНКИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается вопрос о правомерности термина «скифские амазонки» в контексте истории Скифии.

Ключевые слова: скифские амазонки, женщина-воин, история Скифии, лингвистика, кавычки, термины.

В работах, посвященных амазонкам, рассматриваются различные аспекты этого явления. Лучше изучены литературный и художественный аспекты, что подтверждается обширной историографией. Менее разработанным, в силу ряда причин, является археологический аспект. Тем не менее, и здесь, особенно в последние десятилетия, наблюдаются определенные подвижки. Еще один аспект, с которым постоянно сталкиваются исследователи при изучении истории женщин-воинов, — терминологический или лингвистический. До сих пор он остается как будто в стороне от основного круга вопросов, поэтому остановлюсь именно на нем.

СЕМАНТИКА ТЕРМИНА

Амазонки, как правило, ассоциируются с мифологическими персонажами. В древнегреческой мифологии так называлось, прежде всего, воинственное племя женщин, не терпевших в своей среде мужчин. Письменные источники различают три группы амазонок: *азиатские* — те, что обитали на Кавказе на побережье Понта и в районе реки Фермодонт на северном побережье Малой Азии. Они основывали города, в том числе Смирну и Эфес, и сеяли страх по всей Азии; *скифские* — те, что попали на территорию Скифии и поддерживали контакты со скифами, а со временем и с сарматами; и *африканские* — которые при царице Мирине перешли Египет и Аравию и основали свою столицу над озером Тритонис [Ушаков, 1935; Козовик, Пономарів, 1985].

Относительно правомерности термина «скифские амазонки», обратимся, прежде всего, к понятию термина как такового. В толковых, энциклопедических и специальных словарях «термин» определяется как слово или словосочетание, являющееся названием некоего понятия в определенной области науки, искусства и т. п. [Лопатин, Лопатина, 1997], призванное точно обозначить понятие и его соотношение с другими понятиями в пределах специальной сферы, одной предметной области [Керимов, 2004]. В то же время, с одной стороны, термин — это понятие, фиксирующее устойчивые и непреходящие аспекты реальности; с другой стороны — имя с оттенком специального его значения, уточняемого в контексте какой-либо теории или отрасли знания [Ильичев и др., 1983]. Последнее особенно важно, поскольку любой язык не является «величиной постоянной», выработанной единожды и не подверженной каким-либо изменениям и новшествам. Напротив, в процессе развития определенный общественный организм постоянно претерпевает различного рода изменения вследствие влияний извне, а это, в свою очередь, приводит к модернизации языка — заимствованию «инородной» терминологии, коррекции содержания казалось бы устоявшихся понятий, а иногда и их забвения (отмирания).

К примеру, говоря об инновациях и изменчивости терминологии, В. Пьецух отметил, что «… русский язык не любит застывших форм … Тем не менее очевидно, что процесс европеи-

© Е.Е. ФИАЛКО, 2016

зации и опрощения русского языка — процесс, что называется, объективный, не зависящий от воли культурного меньшинства, как чередование дней недели … течение языка со временем исторгнет вовне все неорганичное, постороннее, как течение вод выбрасывает на берег различный сор. Ведь нынешняя эпоха языкотворчества во многом сродни задорной поре Петровской, когда голландские да немецкие понятия взяли верх над лексикой праотцов; «прешпекты», «гошпитали», «музик» — это все приладилось, прижилось, … а многие десятки заморских слов пришлись не ко двору и вскорости позабылись, собственно, по той простой причине позабылись, что не было в них нужды. Вообще похоже на то, что в стратегическом отношении современные языки как бы завершают круг своего развития, склоняясь к формам чуть ли не доисторически примитивным, так как течение языка нынче устремлено ко всяческому упрощению, к максимуму смысловой вместимости при минимуме затрат на конструкции и слова» [Пьецух, 1995, с. 3—7]. Приведенные выше высказывания справедливы и для многих иных (кроме русского) языков.

Интересные суждения по поводу развития и изменчивости языка высказал И.П. Суслов: «Передаваясь по традиции во времени, язык должен обеспечивать непрерывность общения, возможность взаимопонимания между представителями смежных поколений. И эта непрерывность поддерживается тем, что в лексиконе языка от прошлых эпох сохраняется значительное количество слов и фразеологизмов, звуковая сторона которых не испытала серьезных изменений и семантический потенциал которых все еще позволяет говорить об одних и тех же реалиях... Вместе с тем язык с течением времени утрачивает немало лексических единиц. Часто это происходит вместе со сменой реалий, с которыми имеют дело носители данного языка». В современном русском языке, по мнению автора, часть слов ушла в прошлое и понять их (хотя и не всегда) могут лишь носители языка. «Слова такого рода образуют пласт архаизмов и историзмов. … Но развитие общественных отношений, экономического уклада, науки и техники, духовной культуры постоянно побуждает к пополнению лексикона языка. Новые единицы лексикона (неологизмы) могут: возникать из имеющихся корней и основ с использованием имеющихся деривационных моделей как слова производные и сложные различных типов; возникать в силу частичного или полного переосмысления компонентов словосочетаний как фраземы и идиомы; заимствоваться литературным языком из территориальных и социальных диалектов, а тем или иным диалектом — из литературного языка или из другого диалекта; заимствоваться из других языков в результате межэтнических и межкультурных контактов или же смешения языков» [Сусов, 2006, с. 140, 141].

Возвращаясь к термину «амазонки», следует заметить, что нарративные источники, помимо живущих отдельно женоуправляемых мужеубийц (ойорпата), прекрасно владевших оружием и конем, так называли и женщин, которые наряду с мужчинами или вместе с ними принимали участие в сражениях и охоте.

Со временем семантика термина «амазонки» менялась. Соответственно, в различных толковых, энциклопедических и других специальных словарях (помимо первоначального смысла — воинственные героини греческих мифов) приводятся, как правило, два основных его значения с вариантами: **1** — *всадница / наездница* [Ушаков, 1935; Даль, 1935; Комарова, 1994; Ефремова, 2000] / *всадница-воительница* [Ожегов, 1986]; **2** — *всадница, одетая в специальное длинное платье для верховой езды* [Ожегов, 1986; Семотюк, 2008] / *женское длинное платье специального покроя для верховой езды* [Даль, 1935; Ушаков, 1935; Ефремова, 2000; Семотюк, 2008].

В современных языках и литературе многие слова и термины претерпевают семантические и грамматические изменения, приобретая новые свойства. При этом изменение некоей словарной единицы ведет «не к угасанию ее исходных свойств, а к реализации в определенных контекстных условиях ее потенциальных возможностей» [Кустова, 2015, с. 144, 145], т. е. наполняя более широким смыслом. Так в современном «Словаре синонимов русского языка» приводятся следующие значения слова амазонка: *воительница, женщина воин, всадница* [Александрова, 2011]. Современные исследователи — археологи, историки, этнографы, фольклористы и представители иных специальностей употребляют понятие амазонка в значении *женщина-воительница* [Богаченко, 2011, с. 160]. Словосочетания скифские амазонки, савроматские амазонки, средневековые амазонки стали обычными и часто употребляемыми [Смирнов, 1982; Плетнева, 1983; Яблонский, 2009; Потемкина, 2010; Фіалко, 2010, с. 39—48; Фиалко, 2012 а, с. 217—230; 2012 б, 155—164; Fialko, 2009; Alpern, 2011]. Соответственно, термин амазонка стали соотносить не только с женщинами античного периода, но и с воительницами иных эпох и регионов. Так, к примеру, Н.С. Котова назвала молодую женщину, погребенную в могильнике Мухин-2 Среднестоговской культуры, первой амазонкой степей Северного Причерноморья [Kotova, 2010]; В.И. Гуляев именует амазонками женщин, погребенных с оружием на Среднем Дону [Гуляев, 2002, с. 125; Guliaev, 2003]; амазонской ротой было названо специальное женское военизированное подразделение при Екатерине II [Дуси, 1844; Есипов, 1886; Селиванова, 2010], употребляется этот термин и

относительно воительниц новейшего времени (например, Амазонки Каддафи и др.) [Эдуардов, 1996; Руднев, 2015].

ТЕРМИН «СКИФСКИЕ АМАЗОНКИ» С ПОЗИЦИЙ НОРМАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ

В связи с употреблением в текстах публикаций (и особенно их названий) словосочетания «скифские амазонки», постоянно возникает вопрос о том, нужно ли при его написании закавычивать слово амазонки. И как результат, в названиях статей, опубликованных в различных научных изданиях, встречается двоякое написание слова амазонки: и ***в кавычках*** — «Амазонка» IV века до н. э. на Дону [Смирнов, 1982], Средневековые «амазонки» в европейских степях [Плетнева, 1983], «Амазонки» на Среднем Дону [Гуляев, 2002], «Амазонки» Южного Приуралья [Шевченко, 2014]; и ***без кавычек*** — Amazons in the Scythia [Guliaev, 2003], Amazons' burials in the lands of Steppe Scythia [Fialko, 2009], Российские амазонки на службе ее величества [Селиванова, 2010], Amazons of Black Sparta [Alpern, 2011], Скифские амазонки и музыка [Фиалко, 2012 б], Серия погребений амазонок из Нижнего Поднепровья [Фиалко, 2013], Последняя амазонка Российской империи [Руднев, 2015] и др.

Дабы разобраться в этом вопросе, обратимся к нормативной (предписательной) лексике, указывающей, как «надо» говорить и писать, и в частности к правилам пунктуации.

Большинство энциклопедических, толковых словарей и учебников трактуют *кавычки* как парный знак препинания, употребляемый для внешнего удобства письма. В письменном тексте этот знак выделяет прямую речь, цитаты, названия литературных, музыкальных и других произведений, газет, журналов, учреждений и предприятий и пр. Кроме того, *в кавычки заключаются отдельные слова*, если они предлагаются впервые или, наоборот, как устаревшие, или *если используются в тексте не в своем обычном значении, а с оттенком иронии* [Булич, 1890, с. 286; БСЭ, 1973, с. 125; Баранов и др., 1989, с. 245; Дітель, 1990, с. 156]. Думается, вполне очевидно, что ни один из названных выше вариантов применения этого знака пунктуации в нашем случае не приемлем.

Подробные объяснения по поводу использования кавычек при написании отдельных слов с примерами их использования приводит О.Е. Ольшанский, специально занимающийся вопросами языкознания [Ольшанский, 1973; 1991; 1995; 1996]. Автор отметил, что «В последние годы широко закавычивают литературные и разговорно-просторечные слова и сочетания слов. Такое заключенное в кавычки слово или сочетание получает в тексте *иное значение*, в ряде случаев *иронический, едкий смысл* (выделено мною — *Е. Ф.*).

Закавыченные слова — особый пласт в тексте. Положительным в этом явлении является то, что язык под влиянием сильного закона экономии использует имеющийся лексический материал, *но с иным, часто противоположным, значением.*

Об ироническом значении закавыченного слова «талантливый» писал русский публицист и критик Д. Писарев в работе «Прогулка по садам российской словесности». Действительно, слова «умный», «добрый», «сердечный», «талантливый» получают в тексте противоположное значение. .... Журналисты, писатели и социологи часто используют закавыченные слова и группы слов. Это способствует образной, эмоциональной характеристике явлений в нашей жизни. *Велика сила этого маленького знака для выражения многих противоположных понятий*» [Ольшанский, 1995; 2014, с. 1].

В системе археологических исследований термин скифские амазонки применяется, как правило, к женщинам, захороненным с личным оружием. То есть речь, безусловно, идет о женщинах-воинах, а потому заключение слова амазонки в кавычки (и таким образом придание ему иронического или противоположного смысла) приведет к смысловому искажению.

Таким образом, исходя из изложенного выше, использование термина скифские амазонки в контексте истории Скифии видится вполне правомерным.

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. — М., 2011. — 568 с.
Баранов М.Т., Костяева Т.А., Прудникова А.В. Русский язык: Справочные материалы. — М., 1989. — 288 с.
Богаченко Т. Женщины-воительницы южнорусских степей: Исторические основы сказаний. — Саарбрюккен, 2011. — 248 с.
БСЭ в 30 тт. — М, 1973. — Т. 11. — 125 с.
Булич С.К. Кавычки // Энциклопедический словарь в 86 томах (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907. — Т. 26. — 865 с.
Гуляев В.И. «Амазонки» на Среднем Дону // Археологические памятники Восточной Европы. — Воронеж, 2002. — С. 125—134.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1935. — Т. 1. — 723 с.
Дуси Г. Записка об амазонской роте // Москвитянин. — 1844. — № 1. — С. 266—268.
Есипов Г. Амазонская рота при Екатерине II // Исторический вестник. — 1886. — Т. 23, № 1. — С. 71—75.
Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М., 2000. — Т. 1. — 1213 с.
Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н., Ковалев С.М., Панов В.Г. Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — 840 с.
Керимов С.Г. Интеллектуальный поиск информации, основанный на онтологии // Информационные технологии. — 2004. — № 11. — С. 12—15.

Козовик І.Я., Пономарів О.Д. Словник античної міфології. — К., 1985. — 236 с.
Кустова Г.И. Семантические механизмы грамматических изменений: теория и словарь // Вестн. РГНФ. — 2015. — № 1. — С. 144—153.
Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. 4-е изд. — М., 1997. — 832 с.
Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М., 1986. — 798 с.
Ольшанский О.Е. Опрощение основ имен существительных в русском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. — М., 1973. — 18 с.
Ольшанский О.Е. Опрощение композитов // Филологические науки — 1991. — № 6. — С. 55—64.
Ольшанский О.Е. Семантическое опрощение в русском языке: Учеб. пособие для студ. филолог. специальностей педагог. ин-тов и ун-тов, учителей русс. яз. — Славянск, 1995. — Вып. 1. — 45 с.
Ольшанский О.Е. Лексическое и фонетическое опрощение в русском языке: Учеб. пособие для студ. филолог. специальностей педагог. ин-тов и ун-тов, учителей русс. яз. — Славянск, 1996. — Вып. 2. — 47 с.
Ольшанский О.Е. Кавычки // В мире слов. — 2014. — Электрон. ресурс: http://slovo.dn.ua/kavichki.html.
Плетнева С.А. Средневековые «амазонки» в европейских степях // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. — Воронеж, 1983. — С. 9—20.
Потемкина Т.М. Институт «амазонства» у половцев: миф и реальность // Літопис Донбасу: Краєзнавчий збірник. — 2010. — № 18. — С. 51—57.
Пьецух В. О течении языка: о процессе европеизации и опрощения русского языка // Дружба народов. — 1995. — № 2. — С. 3—7.
Руднев К. Последняя амазонка Российской империи // Тайны прошлого. — 2015. — № 27. — С. 10.
Селиванова Л.Л. Российские амазонки на службе ее величества // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — М., 2010. — Вып. 31. — С. 74—88.
Семотюк О.П. Сучасний словник іноземних слів. — Харків, 2008. — 688 с.
Смирнов К.Ф. «Амазонка» IV века до н. э. на Дону // СА. — 1982. — № 1. — С. 121—131.
Современный словарь иностранных слов. — СПб., 1994. — 752 с.
Сусов И.П. Введение в языкознание. — М., 2006. — 382 с.
Український правопис. 3-тє видання. — К., 1990. — 240 с.
Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. — М., 1935. — Т. 1. — 1566 с.
Фиалко Е.Е. Курган с погребением скифской амазонки у села Виноградное // Stratum plus. — 2012 — № 3. — С. 217—230.
Фиалко Е.Е. Скифские амазонки и музыка // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой). — Курск, 2012. — С. 155—164 (МИАДЛ. — Вып. IV).
Фиалко Е.Е. Серия погребений амазонок из Нижнего Поднепровья // Stratum plus. — 2013. — № 3. — С. 203—222.
Фіалко О.Є. Поховання скіфської «амазонки» над Великим Лугом // Археологічні студії. — Чернівці, 2010. — Вип. 4. — С. 39—48.
Шевченко Е.Б. «Амазонки» Южного Приуралья в савроматское время: миф или реальность (историографический обзор) // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: Материалы междунар. науч. конф. пам. А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26—29 апреля 2014 г.). — Ростов-на-Дону, 2014. — С. 407—416.
Эдуардов П. Современные амазонки. Из опыта прохождения военной службы женщинами за рубежом // Армейский сборник. — 1996. — № 3. — 93 с.
Яблонский Л.Т. «Амазонка» из Прохоровки // АО. Европейская Россия 1991—2004 гг. — М., 2009. — С. 256—268.
Alpern S.B. Amazons of Black Sparta: The Women Warriors of Dahomey. — London, 2011. — 288 p.
Fialko E. Amazons' burials in the lands of Steppe Scythia // The Necropolises and the Environment (1st mill. BC). — Buzău-Brăila, 2009. — P. 47—59 (Mousaios. — **XIV**).
Guliaev V.I. Amazons in the Scythia: New Finds at the Middle Don, Southern Russia // The Social Commemoration of Warfare. — 2003. — P. 112—125 (World Archaeology. — Vol. 35, 1).
Kotova N.S. Die erste «Amazone» der Nordschwarzmeersteppe // Amazonen Geheimnisvolle Kriegerinnen. — Historisches Museum der Pfalz Speyer. — München, 2010. — S. 170—173.

О. Є. Фіалко

СКІФСЬКІ АМАЗОНКИ: ЛІНГВІСТИЧНИЙ АСПЕКТ

Одним з аспектів вивчення історії амазонок є термінологічний або лінгвістичний. Писемні джерела розрізняють три групи амазонок: азіатські, скіфські та африканські.

Нині виникає питання: наскільки правомірним є використання терміна «скіфські амазонки» щодо жінок-вояків Скіфії? У сучасних мовах і літературі багато слів і термінів зазнають семантичних і граматичних змін, набуваючи нових властивостей. Семантика терміна «амазонки» теж змінювалася з розвитком мови. Первинний його зміст — войовничі героїні стародавніх міфів, вершниці-войовниці. Сучасні дослідники вживають поняття амазонка в значенні жінка-воїн незалежно від епохи і території.

Друге питання, пов'язане із цим терміном: чи потрібно при його написанні брати в лапки слово амазонки? Як відомо, лапки — це парний розділовий знак, який вживається для зовнішньої зручності написання. Цей знак виділяє пряму мову, цитати, назви творів, газет і журналів, установ та ін. Окремі слова, зазвичай, виділяють цим знаком, якщо використовують їх не в привичному значенні, а з відтінком іронії або із протилежним значенням.

В системі археологічних досліджень термін скіфські амазонки застосовується, зазвичай, до жінок, яких поховали з особистою зброєю. Тобто мова, безумовно, йде про жінок-войовниць, а тому написання слова амазонки в лапках (і таким чином надання йому іронічного або протилежного змісту) призведе до змістового викривлення. Таким чином, використання терміна скіфські амазонки цілком правомірно, і в його написанні не потрібно вживати лапки.

Ключові слова: скіфські амазонки, жінка-воїн, історія Скифії, лінгвістика, лапки, терміни.

O. Ye. Fialko

SCYTHIAN AMAZONS: THE LINGUISTIC ASPECT

One of the aspects of the study of the history of the Amazons is terminological or linguistic one. Written sources distinguish three groups of the Amazon: the Asian, African and Scythian.

At present the question arises as to how legitimate is the use of the term «Scythian Amazons» with reference to female warriors of Scythia? In modern languages and literature, many words and terms undergo semantic and grammatical changes, acquiring new properties. The semantics of the term «Amazons» has been also changing with the development of language. The original meaning of it — the warlike heroines of the ancient myths, female rider-warriors. Contemporary researchers use the word Amazon for describing the warrior woman regardless of age and territory.

The second question related to this term is whether it is necessary to quote the word Amazons? As is known, quotation marks are primarily used for the visual convenience of the writing. This sign highlights the direct speech, quotes, titles of works, newspapers and magazines, institutions etc. Separate words, as a rule, are marked with this sign either if they are not used in the habitual meaning or with a touch of irony.

In the archaeological research system the term Scythian Amazons is usually applied to women, which was buried with their personal weapons. In other words, it is certainly a question of warrior women, therefore the writing of the word Amazons in quotes (and thus giving to it an ironic or an opposite meaning) will lead to semantic distortion. Consequently, the use of the term Scythian Amazons is legitimate, and quotation marks should not be used in its writing.

K e y w o r d s: Scythian Amazons, Woman Warrior, the history of Scythia, linguistics, quotes, terms.

Одержано: 21.03.2016

УДК: 903/528.9/623.444.2(36)”63”

О. В. Шелехань

КЛИНКОВА ЗБРОЯ СКІФСЬКОГО ТИПУ НА ТЕРЕНАХ СХІДНОЄВРОПЕЙСЬКОГО ЛІСОСТЕПУ

У статті подано географічний аналіз розповсюдження мечів й кинджалів скіфського часу в ареалі компактного проживання скіфоїдного землеробського населення лісостепової смуги Північного Причорномор'я.

Ключові слова: меч, кинджал, скіфський час, Лісостеп, просторовий аналіз.

На той факт, що клинкова зброя скіфського типу, як і решта кочівницьких елементів, отримала найширше поширення у середовищі землеробських племен здавна звернули увагу. Це стосується не тільки окремих знахідок зброї, котрі ми можемо зустріти аж до Полісся. На лісостепових пам'ятках фіксуються свідоцтва всеосяжного проникнення скіфських елементів у побут місцевого населення.

Практику географічного аналізу поширення скіфської клинкової зброї започатковано фахівцями з археології Кавказу. Маршрути передньоазійських походів були простежені Є.І. Крупновим з урахуванням письмових свідчень, фіксації кочівницьких поховань та випадкових знахідок [Крупнов, 1954, с. 186; 1960, с. 56—66]. Втім, комплексний аналіз знахідок без контексту відбувся лише після впровадження картографічних методів в археологію.

З початку XXI сторіччя дослідники звертають все більшу увагу на інтерпретаційні можливості зброї. Ю.В. Болтрик та О.Є. Фіалко пояснили знахідку кинджалу з берми над ровом Трахтемирівського городища як втрату під час можливого нападу. Окресливши аналогії до цього виробу, дослідники припускали, що низка подібних екземплярів з Лівобережжя може маркувати шлях військової інвазії кочовиків на захід [Фіалко, Болтрик, 2003, с. 83].

© О.В. ШЕЛЕХАНЬ, 2016

У наступній роботі з цієї теми випадкові знахідки архаїчних кинджалів пов'язувались зі шляхом між чорноморським та балтійським басейнами. У зв'язку з цим припускалось, що Трахтемирівське городище з одного боку і поселення Віцина з іншого, були знищені внаслідок військових акцій одного періоду [Болтрик, 2011, с. 398, 399].

Л.І. Бабенко, досліджуючи низку архаїчних кинджалів, висловився менш упевнено щодо їх інтерпретації. Але також припускав, що випадкові знахідки Лівобережжя та Правобережжя певним чином пов'язані та осіли унаслідок схожих подій [Бабенко, 2009, с. 279].

У одній з наших робіт ми проаналізували дане припущення і дійшли висновку, що із двох запропонованих дослідниками напрямків, найбільш ймовірним видається проникнення кочовиків на Правобережжя з теренів Терасового Лісостепу [Шелехань, 2013, с. 136].

І.В. Бруяко, змальовуючи скіфську присутність у Дністро-Карпатських землях за доби архаїки, відзначав майже повну відсутність поховальних комплексів. Натомість дослідник запропонував заповнити лакуну за рахунок випадкових знахідок, серед яких найпершу увагу присвятив мечам та кинджалам. На його думку, їх наявність свідчить про безпосередню присутність номадів у регіоні [Бруяко, 2005, с. 153].

Географічний розподіл випадкових знахідок, на думку О.Н. Ворошилова, свідчить про маркування маршрутів, пов'язаних із освоєнням Лісостепу [Ворошилов, 2007, с. 155; 2008, с. 96]. Проте в іншій роботі, автор висунув думку про те, що вони могли лишатись від олтарів Ареса [Ворошилов, 2011, с. 167]. Слід відзначити, що раніше подібну думку висловлювали Т.В. Са-

Розподіл знахідок клинкової зброї по періодам та локальним варіантам скіфоїдної культури Лісостепу

Регіон	РСК	ССК	ПСК	Невизначена дата	Разом
Дністер	5	1	—	—	6
Буг	1	2	2	—	5
Дніпро	47	55	22	9	133
Терасовий Лісостеп	3	7	5	—	15
Сула-Псел	9	7	10	1	27
Ворскла	21	14	8	2	38
Дінець	6	6	6	—	18
Дон	12	18	28	—	58
Сейм	7	6	2	—	15
Полісся	—	5	2	—	7
Разом враховано у географічному розподілі	111	121	85	12	327
Разом відомо	120	135	87	13	354

рапулкина [2005, с. 162] та Ю.Д. Разуваєв [2011, с. 242—243]. Втім належної підтримки, як і аргументації, вона не отримала [Березуцкий, 2012, с. 181; Топал, Бруяко, 2012, с. 142].

У зв'язку із зазначеною проблемою, автором цієї роботи була підготовлена низка статей. Зокрема, були розглянуті знахідки у басейні Сіверського Дінця. Оскільки їх більшість тяжіє до вододілу Дінця та Дніпра, це пов'язувалось із суходільним шляхом сполучення [Шелехань, 2012, с. 329]. У розгорнутому варіанті статті розгляду були піддані випадкові знахідки з Дніпровського Лівобережжя. Додатково було простежено тяжіння низки екземплярів не тільки до вододілів, а й до переправ [Билинский, Шелехань, 2014, с. 179].

Окрему увагу було присвячено випадковим знахідкам з північно-східної околиці Лісостепу — Посейм'я. Показано, що як і на Подонні, вони фіксуються раніше, ніж пам'ятки землеробського населення. Разом з тим, розташування частини знахідок на межі ареалів осілості, призвело до висновку, що вони були залишені кочовиками на комунікаціях між племенами Подоння та Дніпровського Лівобережжя [Білинський, Шелехань, 2015, с. 89].

Цікавий досвід міждисциплінарного дослідження клинкової зброї проведено колективом авторів на чолі з В.Б. Ковалевською. Дослідники порівняли поширення мечів та кинджалів з генофондом давніх кочовиків, розбивши їх на різні типологічні та хронологічні групи. В результаті було окреслено осередки та вектори міграцій, серед яких Кавказ посів місце вихідного ареалу. Також, підкреслено насиченість знахідками вододільних теренів, пов'язаних з меридіональними шляхами. Розповсюдження зброї дослідники пов'язували не з абстрактними впливами, а безпосередньо з просуваннями номадів [Ковалевская, Морозова, Рычкова, 2014, с. 152].

Тож думка про те, що кочовики так чи інакше доклали руку до поширення скіфської зброї у смузі Лісостепу Східної Європи, присутня у працях багатьох дослідників. З метою отримання цілісної картини цього процесу, у запропонованій роботі проаналізовано географічне поширення мечів та кинджалів на тлі ареалів компактного проживання скіфоїдного землеробського населення.

Сьогодні географічне положення встановлене лише для 327 відомих знахідок. Крім того, походження низки екземплярів визначалось у занадто широких межах (область, губернія, тощо), що дозволяє залучити їх до статистики розподілу по регіонам (таблиця), але нанесення на карту втрачає сенс.

Низку депаспортизованих екземплярів також не було враховано, оскільки данні про їх місцезнаходження досить розмиті. Виключення зроблено лише для окремих знахідок, зафіксованих на віддалі від основних скупчень пам'яток (Білоцерківський музей, Дубенський, Тимський, Щигровський р-ни). Адже вони можуть хоча б приблизно позначати периферію поширення скіфської зброї. Тому на запропонованих ілюстраціях загалом позначено пункти, звідки походить 318 екземплярів скіфської клинкової зброї.

Розміщення лісостепових поховань з архаїчними клинками (рис. 1) має певні закономірності. Перші зразки з'являються на Правобережжі, і там вони кількісно домінують протягом ранньоскіфського часу. Вже у VII ст. до н. е. основними осередками осідання архаїчних мечів та кинджалів були Кавказ та Правобережний Лісостеп. Незабаром вони поширюються на Лівобережжя. Примітно, що в басейні Сули та Дінця поховання зі зброєю скіфського типу можуть бути датовані раніше, ніж поселенські пам'ятки.

Зауважимо, поширення клинкової зброї скіфського типу тісно пов'язане з розповсюдженням скіфської вузди. Остання демонструє той же принцип розповсюджування за часів архаїки (див.: [Могилов, 2008, с. 101, 104, Махортих, 2014, с. 219]). Спочатку на Правобережжі з'являються перші нечисельні знахідки скіфського типу безпосередньо у середовищі осілих племен. Невдовзі вони охоплюють терени від Дністра до Ворскли. І згодом, після яскравого періоду розквіту, архаїчний набір змінюється новими типами.

Примітно, що найперші (Яснозір'я, Медвин) та найбільш пізні архаїчні поховання (Райгород) з клинковою зброєю на території Лісостепу фіксуються на Дніпровському Правобережжі. Це може пояснюватись тісним зв'язком кочовиків архаїчного часу з подніпровським населенням.

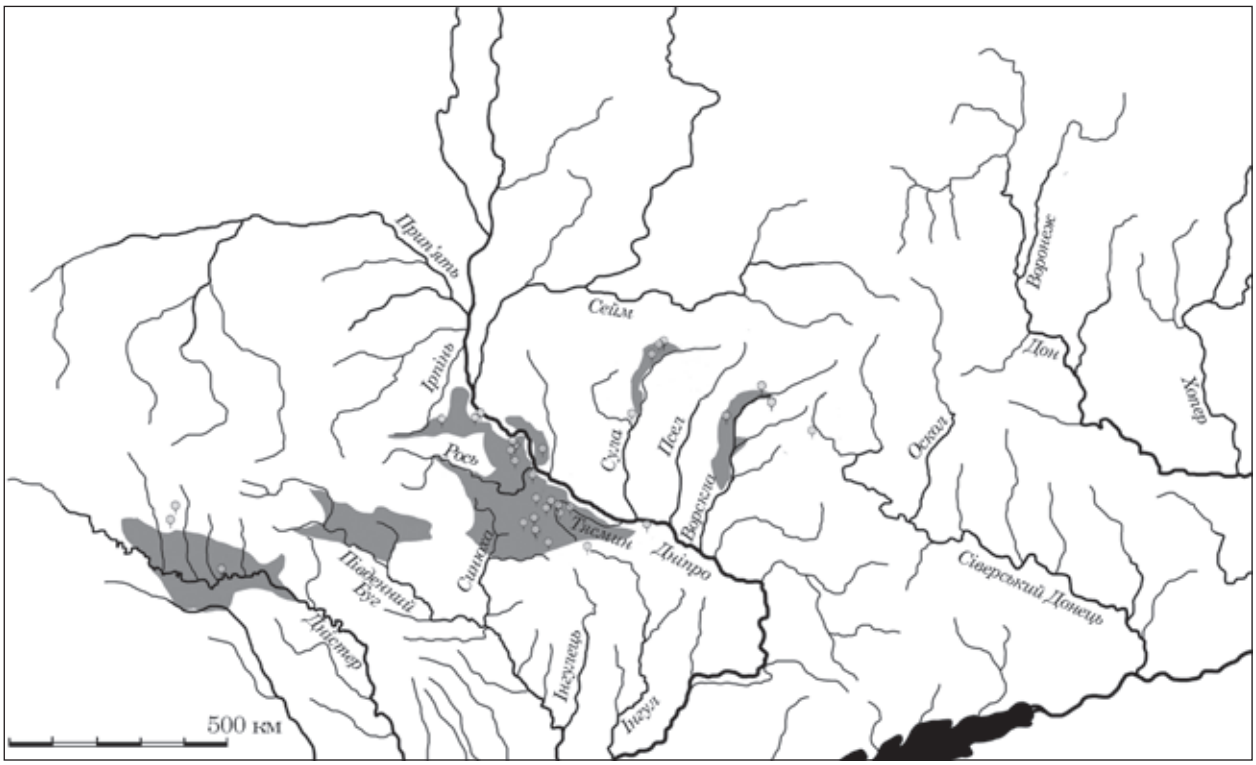


Рис. 1. Карта поширення знахідок клинкової зброї в лісостепу раньоскіфського часу з поховальних комплексів. **Тут і далі**: сірою заливкою показано ареали компактного проживання землеробського населення

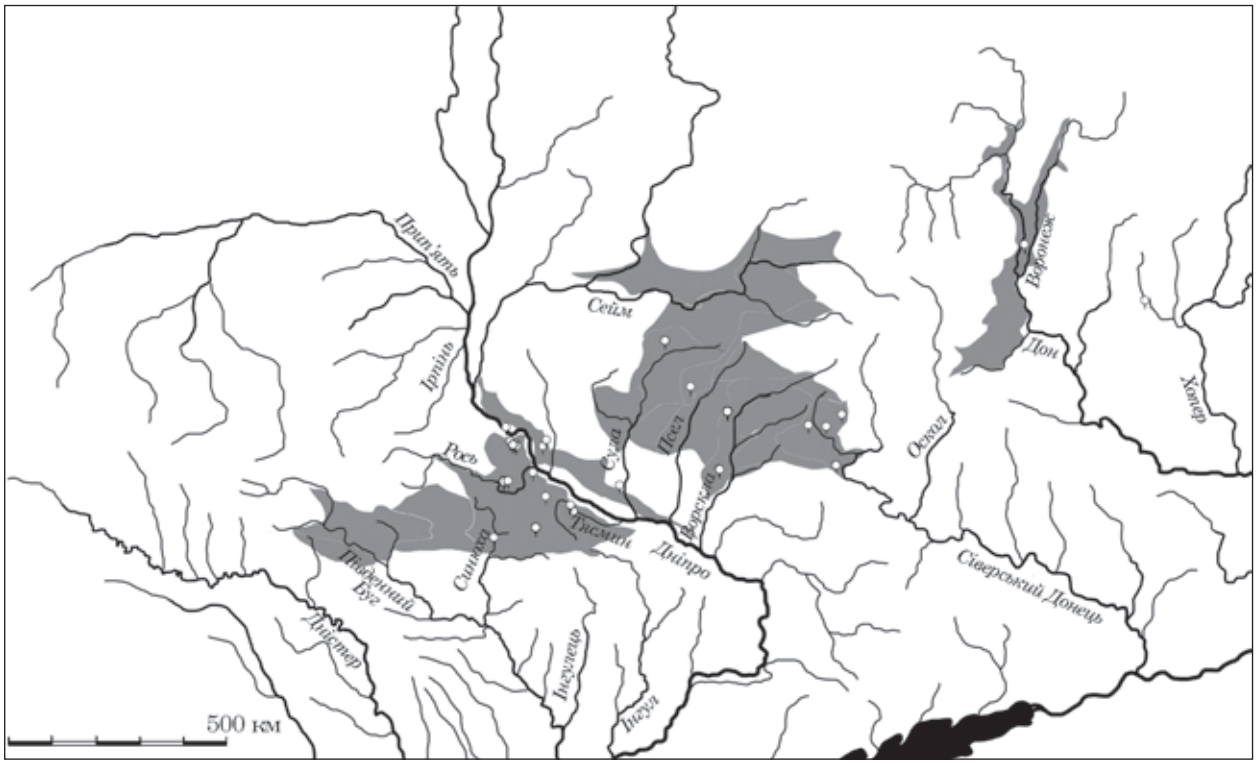


Рис. 2. Карта поширення знахідок клинкової зброї в лісостепу середньоскіфського часу з поховальних комплексів

Привертає увагу концентрація архаїчних поховань зі зброєю навколо таких крупних городищ як Трахтемирівське та Більське. При чому на Лівобережжі знахідки клинкової зброї фіксуються дещо раніше, ніж саме укріплення — наприклад у околицях Басівського та Люботинського городищ.

За середньоскіфського часу (рис. 2) відбувається низка змін у розміщенні поховань з клинковою зброєю. Найперше, що впадає в око — майже

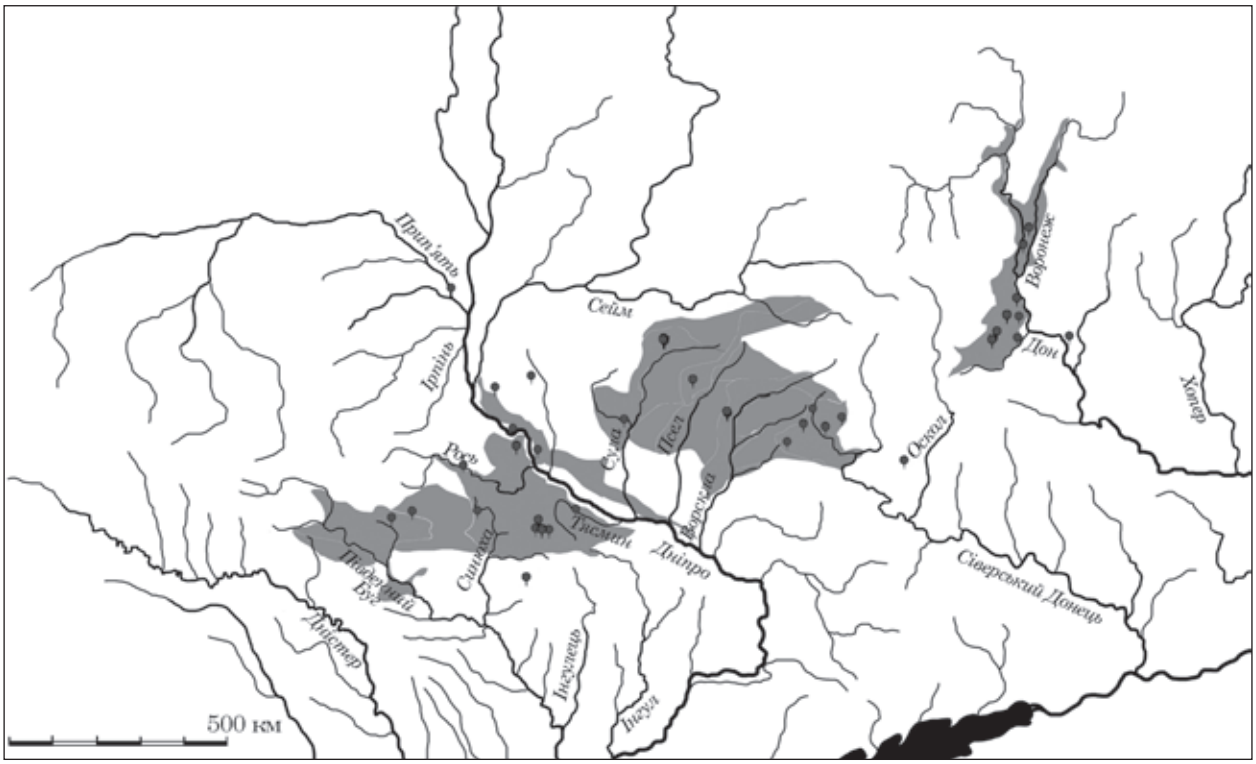


Рис. 3. Карта поширення знахідок клинкової зброї в лісостепу пізньоскіфського часу з поховальних комплексів

повна відсутність знахідок на Подністров'ї, що віддзеркалює загальні уявлення про цей регіон, як про такий, що був заселений лише протягом доби архаїки [Мозолевський, 2005, с. 35].

У Подніпров'ї поховання з мечами та кинджалами класичних типів фіксуються з межі VI—V ст. до н. е. (Журавка, к 401). При чому вони концентруються у тих же осередках, що й архаїчні — у пониззі Росі та на Тясминській луці. Єдиною відмінністю є лише більша доцентровість пунктів: зникають знахідки з «білоцерківського степу», а решта знахідок у більшій мірі тяжіє до Дніпра.

Простежена ситуація характерна і для Лівобережжя — поховання гуртуються навколо поселенських центрів місцевих землеробів. Особливо це стосується некрополів Більського городища, де сконцентровано найбільшу кількість знахідок мечів й кинджалів. Це не є дивно, враховуючи його центральне положення у регіоні [Шрамко 1987, с. 23, 24].

Починаючи з кінця V ст. до н. е. спостерігається більша кластеризація знахідок: окрім зменшення їх кількості, вони більш розірвані у просторі (рис. 3). Вирізняються компактні група точок на півдні Середнього Подніпров'я (Осітняжка, Капітанівка). Також продовжують функціонувати могильники біля крупних лівобережних городищ, таких як Басівка та Більськ. Високою концентрацією зброї у похованнях вирізняється Подоння [1]. Поховання сіверськодонецької знаті з коштовною зброєю — це Старий Мерчик, к. 3 та к. 11, зведені поблизу Доно-Донецького вододілу, що напевно вказує на прагненняя верхівки контролювати суходільні шляхи сполучення [Бессонова, 1998, с. 57].

Наступна важлива обставина, що впадає в око — це часткова розбіжність ареалів екземплярів з поховальних комплексів та безконтекстних знахідок. Перші за невеликим виключенням вписуються в рамки локальних варіантів лісостепової скіфоїдної культури. Хоча навколо осередків компактного проживання землеробів можна окреслити своєрідний «шлейф» з окремих розпорошених поховань з клинковою зброєю. Так, дещо осібно розташовуються поховання на лісостеповому південному порубіжжі — Петрівка, к. 4. п. 2, Литий курган, Бурти, Волоська Балаклійка, Володимирівка, Абрамівка. Напевно, що їх можна пов'язати не стільки з лісостеповими осередками, як і з північностеповою групою пам'яток, за В.С. Ольховським. Нагадаємо, що дослідник підкреслював нерегулярний характер та окремішність граничних поховань [Ольховский, 1991, с. 167—172]. Пам'ятки південної периферії Лісостепу також пов'язуються із транзит-

1. Слід відзначити певну умовність висновків з оглядом на обмеженість джерельної бази. Зокрема дивує мізерна кількість знахідок мечів та кинджалів на Побужжі з оглядом на знахідки інших престижних категорій озброєння [Черненко, Безсонова, 1989, с. 17; Болтрик, 2011, с. 402]. Втім, що стосується Подніпров'я та Подоння, можемо бути впевнені, що кількість здобутих знахідок об'єктивно вказує на принципи їх розміщення.

ною територією та нестабільною присутністю населення [Болтрик, 2000, рис. 1; Гречко, Шелехань, 2012, с. 98].

З іншого боку, на північному кордоні Лісостепу спостерігається проникнення скіфської зброї у лісову зону. Зокрема, найпівнічнішою знахідкою є кинджал з кургану біля Ладижичів в усті Прип'яті. Хоча, нажаль, стосовно нього практично не збереглось інформації. Натомість, на цій же широті фіксується знахідка скіфського кинджалу у милоградському похованні [Петровська, 1971, с. 14].

У свою чергу, знахідки без археологічного контексту зафіксовані на дещо ширшій території. Але слід зауважити, що далеко не всі вони були втрачені за випадкових обставин. У літературі часто можна зустріти приклади залучення до кола випадкових знахідок екземпляри, здобуті під час земляних господарських робіт. Хоча, очевидно, що у даному випадку той чи інший кинджал може походити зі зруйнованого поховання. Тому таким чином випадковими є лише умови потрапляння артефакту до рук науковців. У той же час, обставини його осідання обумовлені цілеспрямованим ритуалом поховання.

Зокрема, можна згадати кинджал, знайдений на оранці на передградді Сухоносівського городища, який напевно пов'язаний з культурними нашарування цієї пам'ятки [Кулатова, 1995, с. 175]. Кинджал з Шушвалівки знайдено у розмиві кургану на березі Кременчуцького водосховища [Кулатова, 1995, с. 176]. Кинджал з Кірового було знайдено при спорудженні погребу разом з фрагментами кісток та ліпного посуду, втім у публікації його названо випадковою знахідкою [Супруненко, 2002, с. 247, 248]. Фрагмент біметалевого меча було зафіксовано у розмиві поселення доби бронзи — раннього залізного віку біля смт Градизьк, а кинджал з Буртів походить зі зруйнованого кургану [Кулатова, Супруненко, 2004, с. 146, 147].

Показовим прикладом у даному відношенні є фрагментований меч, знайдений у 1957 р. на Жаботинському поселенні. Його було виявлено навесні, на оранці у північно-західній частині поселення разом із залізними вудилами. Ознайомлення з цим екземпляром вказує на те, що він постраждав вже від дії плуга. Так, одна з пластин перехрестя відбита, а клинок, який зберіг металеву серцевину, зламаний навпіл. Без сумніву, якби на цій ділянці не було проведено подальших досліджень, то дана знахідка також могла б увійти у літературу як випадкова, з усіма наступними висновками. Втім, розкопки, здійснені вже восени того ж року, дозволили виявити на цій ділянці фрагменти скелета, що призвело авторів дослідження до думки про належність меча до зруйнованого ґрунтового поховання [Покровская, 1957/11, с. 2].

Тож, на нашу думку ціла низка «випадкових знахідок», котрі походять із Середнього Подніпров'я, найбільш заселеного регіону за скіфську добу, не можна вважати випадковими (у розумінні знайдених поза комплексом). Маємо на увазі чисельні екземпляри, що походять зі збірок О.О. Бобринського, С.А. Мазаракі, Б. І. та В.М. Ханенків, В. Хвойка та інших. Адже не секрет, що наповнення аматорських колекцій проводилось за рахунок масових курганних розкопок. При чому масштабність робіт мала зворотну пропорцію з рівнем дослідження. Крім того відомі приклади купівлі артефактів у селян, котрі також видобували її шляхом грабіжницьких розкопів. Тому не можна ставити в один ряд «випадкові» знахідки з ареалів компактного розміщення поховальних пам'яток та екземпляри, що дійсно виявлені поза межами розселення племен скіфського часу, зокрема з лівобережжя Середнього Дону, Доно-Донецького вододілу, тощо.

Тому не є доцільним називати випадковими знахідки, походження яких не можна верифікувати. Це стосується як депаспортизованих артефактів з музейних зібрань, так і тих, що походять з приватних колекцій. Адже наповнення і перших і других відбувалось у різний спосіб. Тому в цьому разі знову випадковим є лише виявлення та залучення знахідки до наукового обігу, тоді як її історичний контекст залишається невідомим. Тому пропонуємо в цілому іменувати подібні екземпляри знахідками без археологічного контексту [1]. Таке визначення вповні характеризує походження названих екземплярів і не зобов'язує до непевних узагальнень.

Таким чином, обмеживши умови аналізу для знахідок без археологічного контексту, звернемо увагу лише на ті екземпляри, що походять з поза меж компактного заселення лісостепових теренів. За часів архаїки привертають увагу передусім знахідки, пов'язані з басейном Дону (рис. 4). Зазначалось, що вказана територія, на котрій не відомі пам'ятки осілості, подекуди мала степовий ландшафт. Погоджуючись з думкою дослідників, можна вбачати у цих знахідках сліди меридіональних сезонних міграцій. Додатковим аргументом на користь цього припущення є те, що частина знахідок чітко фіксується набагато раніше, ніж поява поселенських пам'яток [Медведев, 1999, с. 51—52; Ворошилов, 2007, с. 155].

Напевно, що наведене спостереження буде справедливе і для Дніпровського Лівобережжя. Адже ця територія значною мірою розчленована степовими язиками, простягнутими далеко на північ [Бессонова, 2000, с. 121, 126]. Тут низка безконтекстних екземплярів зафіксова-

1. Зазначимо, подібне визначення вживали О.В. Симоненко по відношенню до знахідок зброї [Симоненко, 2010, с. 9] та Ю.Б. Полідович стосовно архаїчних скіфських бутеролей з музейних зібрань [Полидович, 2014, с. 114].

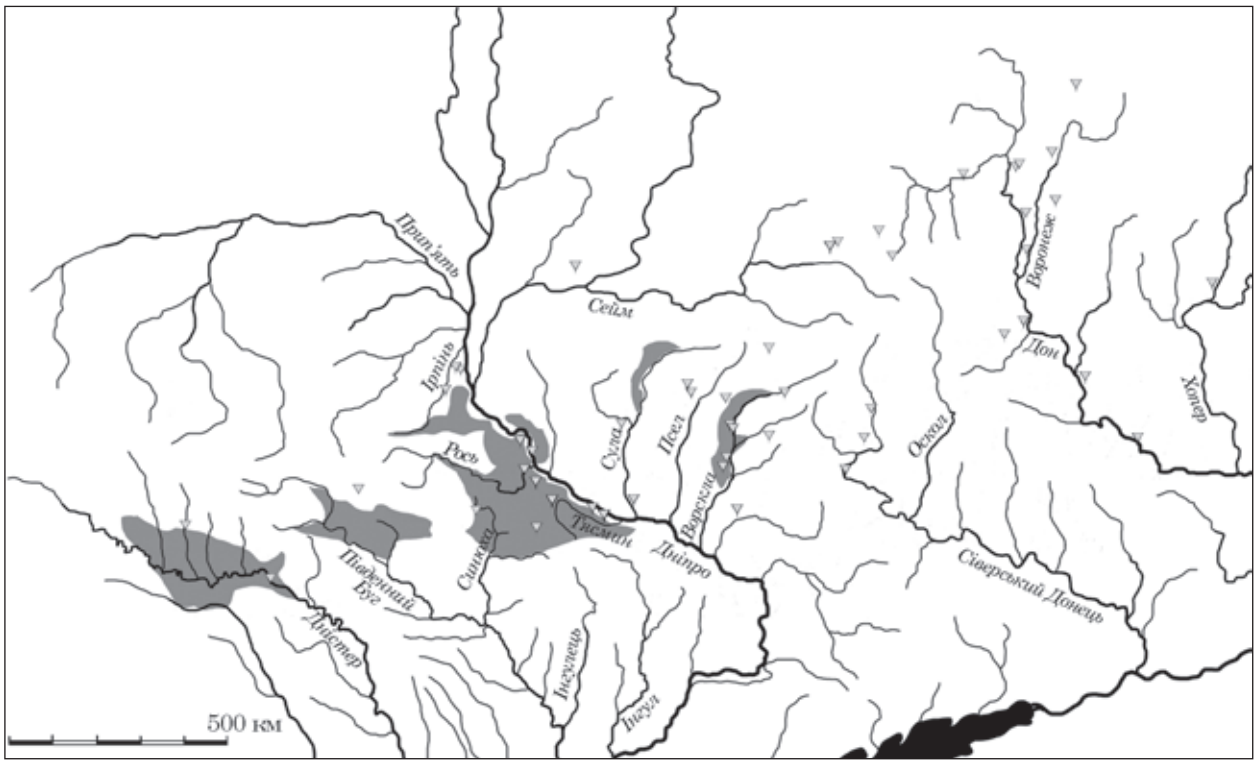


Рис. 4. Карта поширення знахідок клинкової зброї в лісостепу раньоскіфського часу без археологічного контексту

на між Доном, Сеймом та Сіверським Дінцем [Білинський, Шелехань, с. 89]. Враховуючи те, що заселення цих теренів відбувається лише у середині VI ст. до н. е. (рис. 5), їх ми теж впевнено можемо пов'язати з діяльністю номадів, скоріш з все, зі слідами маршрутів сезонних кочувань.

Зазначимо, Н.А. Гаврилюк заперечує можливість ведення кочового та напівкочового господарства у лісостеповій зоні через складний ландшафт [Гаврилюк, 1995, с. 71]. Хоча згідно думки більшості дослідників, розчленованість ресурсної зони на різноманітні ареали із варіативною флорою та рівнем зволоження в цілому сприяють цілорічному веденню скотарського господарства [Бессонова, 2000, с. 118, 119].

Низка історичних та етнографічних свідчень про систему поперемінного користування літниками та зимівниками була зібрана О.Д. Таіровим. Згідно даним автора, номади могли кочувати протягом року різними, переважно меридіональними маршрутами щоб не переобтяжувати пасовиська і лише у певні сезони перетинатись в одному місці [Таиров, 2003, с. 161, 162; 2007, с. 106, 107]. Цілком ймовірно, що подібні зустрічі не завжди мали мирний характер і сліди таких зіткнень фіксуються за окремими знахідками зброї. При цьому дослідник звертає увагу на тенденцію влаштовувати зимівники у південній частині Степу, переважно у вологих низинах, а літники — на півночі регіону [Таиров, 2007, с. 87—89; 94—101].

Також привертають увагу безконтекстні знахідки у вологих низинах заплави Дніпра. Судячи з усього, їх також можна пов'язати зі слідами життєдіяльності номадів, адже луки вважаються найкращими пасовиськами для худоби [Бессонова, 2000, с. 117—120; Гречко, Шелехань, 2012, с. 15, 16]. Прагнення кочовиків до влаштування зимівників у заплавних низинних теренах неодноразово відмічалось як у письмових джерелах античних авторів, так і у сучасних дослідженнях (див., напр.: [Хазанов, 1975, с. 12, 13]). На користь цього зокрема свідчить пасаж Геродота у описі Борисфену і згадка про те, що найкращі пасовиська Великого Лугу належали найпотужнішому скіфському угрупованню [Herod., IV, 53]. Останнім часом можливість сезонних міграцій підтверджено результатами ізотопного аналізу, згідно яких простежується різний раціон харчування кочових отар взимку та влітку [Шишлина, 2015, с. 182; Makarewicz, 2015, p. 1]. Тож, судячи з наявних свідчень, у безконтекстних знахідках дніпровської заплави можна вбачати сліди зіткнень за пасовиська [Гаврилюк, 2005, с. 90—95].

Ймовірно ці особливості природокористування обумовлені поведінкою диких тварин, адже зазначається практика диких копитних рятуватись від несприятливих зимових умов у заплавах [Таиров, 2007, с. 87—89; 94—101]. Але, повторимо, не слід забувати і те, що частина знахідок зброї цілком ймовірно може походити зі зруйнованих поховань.

Безконтестні знахідки середньо- та пізньоскфського часу в цілому повторюють географічний

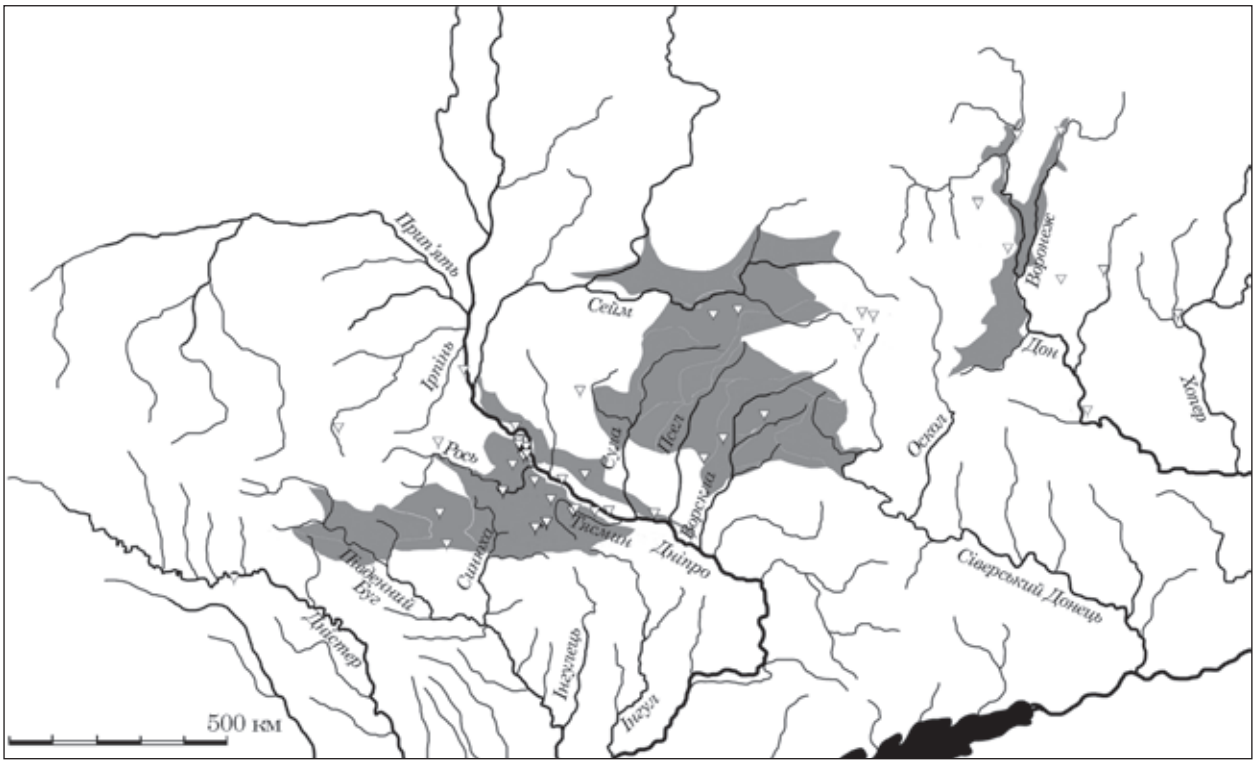


Рис. 5. Карта поширення знахідок клинкової зброї в лісостепу середньоскіфського часу без археологічного контексту

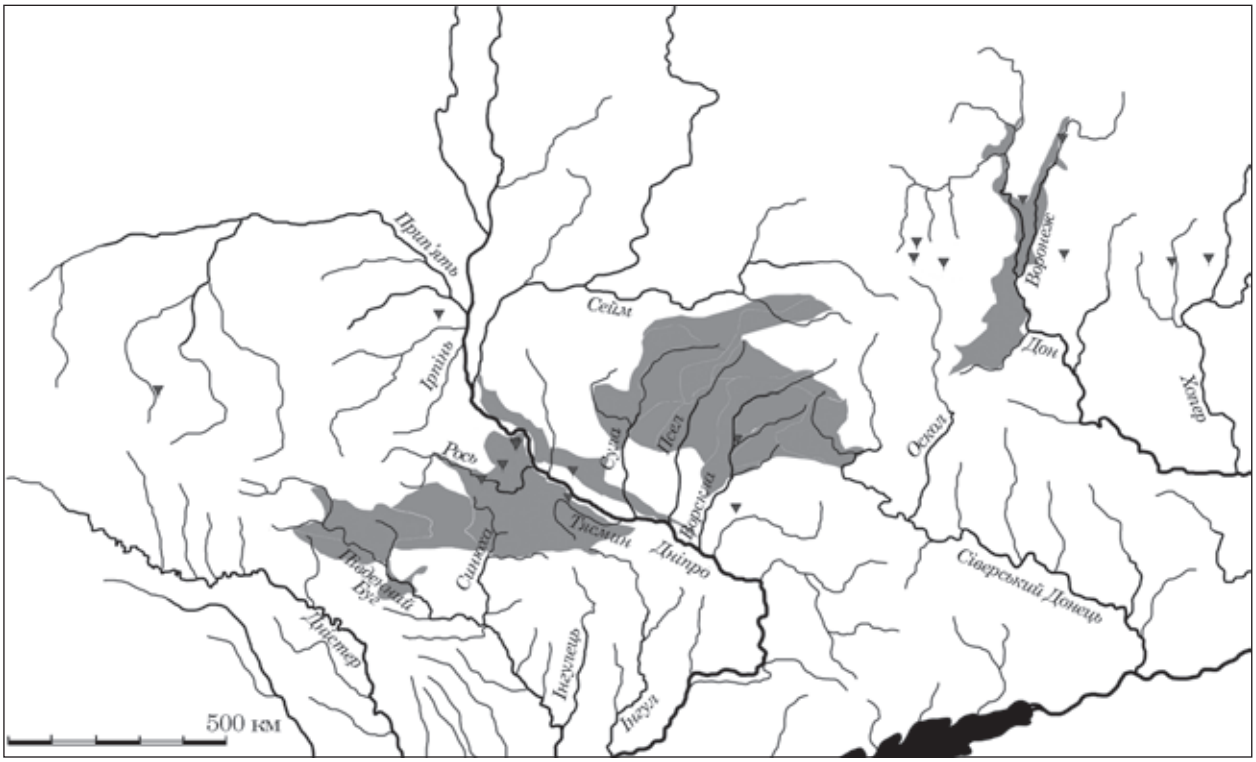


Рис. 6. Карта поширення знахідок клинкової зброї в лісостепу пізньоскіфського часу без археологічного контексту

розподіл доби архаїки (рис. 5; 6). Оосновний масив пунктів припадає на Середнє Подніпров'я, що ми пояснюємо наслідком безсистемних розкопок. Окрім того, низка знахідок фіксується на терасовому Лісостепу, Доно-Донецькому вододілі та Донському Лівобережжі. Тобто, як було оговорено вище, їх ми теж можемо вважати пов'язаними з меридіональними шляхами кочування.

Привертає увагу те, що знахідки з терасового Лісостепу фіксуються практично впритул до Середньодніпровських [Фиалко, 1994, рис. 1].

Крім того, низка екземплярів з Дніпровського Правобережжя також знайдена у низинних заплавних ландшафтах (Оболонь, Яснозір'я, Вітове). Це може свідчити про певну спорідненість племен, що населяли обидва береги Дніпра та їх тяжіння до однієї екологічної ніші низинних пасовиськ [Гаврилюк, 1997, с. 40]. Додатково на користь цього припущення свідчить те, що Дніпро не був нездоланною водною перепоною [Фіалко, Болтрик, 2003, с. 84].

На Подонні у більшій мірі проявляється розбіжність у поширенні поховальних та випадкових знахідок клинкової зброї. Поховання зі зброєю не виходять за межі ареалу середньодонської групи — вони сконцентровані між Доном та Воронежем, а також у басейнах правих припливів Дона — Девиці, Потудані та Тихої Сосни. У той же час знахідки без контексту поширені незрівнянно ширше: від верхів'їв Дона до його злиття з Хопром, фактично заходячи у лісову та степову зону. Крім того, у межиріччі Дона та Хопра, де поселенські пам'ятки практично не відомі, на рівнинному ландшафті розпорошено чисельні випадкові знахідки [1]. На дану обставину неодноразово звертали увагу дослідники і пояснювали її результатом діяльності мобільних груп кочовиків [Медведев, 1999, с. 51, 52; Ворошилов, 2007, с. 155].

Поширення скіфської зброї на південній околиці Полісся теж може пов'язуватись зі слідами діяльності безпосередньо кочовиків. Адже цей регіон поєднує кілька стратегічних інтересів. Це поклади болотяної руди та концентрація зимових кормів у болотистих місцевостях. Крім того на межі лісу та Лісостепу пролягав вектор широтних сухопутних трас, котрий маркують крупні вершницькі могильники [Болтрик, Фиалко, 1995, с. 40; Бессонова, 2000, с. 120, 121]. Подібна ситуація була простежена і в Зауралі, де кочовики, прагнучі контролювати поклади міді, також могли сягати на півночі до лісової зони [Таиров, 2007, с. 126, 127; 2013, с. 114—116].

Отже, підбиваючи підсумок географічного розподілу мечів та кинджалів у Лісостепу, підсумуємо основні положення. Характер їх розташування вказує на те, що носіями клинкової зброї могли бути передусім номади. На користь цього свідчать наступні спостереження. Вихідним регіоном для архаїчних типів зброї вважається Кавказ, а за часів передньоазійських походів найбільш ймовірними медіаторами між ним та українським Лісостепом були саме скіфи [Скорий, 1990, с. 89; Фіалко, Болтрик, 2003, с. 76; Khazanov, 2013, p. 187]. Нерівномірність у розташуванні знахідок з Правобережжя (включно з Ворсклою) та Дніпро-Донському регіону виявляється у тому, що у першому випадку найбільш ранні зразки фіксуються безпосередньо у середовищі місцевих землеробів, то у другому — архаїчні мечі й кинджали (як з поховань, так і безконтекстні) з'являються на теренах, котрі будуть заселені дещо пізніше. Можливо заселення лівобережного простору землеробами проходило вже після того, як його опанували кочовики і під егідою останніх.

Надалі, за доби скіфської класики, воїнські поховання в абсолютній більшості тяжіють до вже усталених центрів осілості, що є цілком природнім для кочового суспільства [Khazanov, 2015, p. 376]. В цілому ж розташування дружинних курганів скіфського часу корелюється зі стратегічними територіями, пов'язаними з суходільними комунікаціями, виробничими (передусім металургійними) центрами тощо [Бессонова, 1999, с. 151].

Таким чином, відносини кочовиків та землеробів на усіх етапах існування скіфської культури вкладаються у завойовницьку схему, згідно котрій племена з різним господарським типом проживають на одній території, а експлуатація підлеглого населення відбувається за рахунок регулярних визисків [Крадин, 1989, с. 22; 2003, с. 141]. Наведені особливості поширення клинкової зброї у повній мірі ілюструють такий соціальний уклад.

1. Слід зазначити, що низка різночасових випадкових знахідок тягнеться аж до Волги та Уралу. Втім тут врахована лише лісостепова смуга до Хопра, яка вважається дотичною до середньодонських пам'яток [Медведев, 1999, с. 5].

Бабенко Л.И. Находки скифских кинжалов на Харьковщине // Эпоха раннего железа. — Київ, Полтава, 2009. — С. 19—29.

Березуцкий В.Д., Золотарев П.М. Кинжал скифского времени из с. Шубное Острогожского р-на // Восточноевропейские древности. — Воронеж, 2012. — С. 178—182.

Бессонова С.С. Дружинные курганы в Украинской лесостепи скифского времени // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь. — СПб., 1998. — С. 57—58.

Бессонова С.С. Український Лісостеп скіфського часу. Історико-географічна ситуація // Археологія. — 1999. — № 1. — С. 148—160.

Бессонова С.С. Деякі закономірності розміщення пам'яток скіфського часу в Українському Лівобережному Лісостепу // Археологія. — 2000. — № 2. — С. 116—131.

Билинский О., Шелехань А. Случайные находки мечей и кинжалов скифского времени на Днепровском Левобережье // Археологічні та лінгвістичні дослідження. — К., 2014. — С. 170—185.

Білинський О.О., Шелехань О.В. Клинкова зброя скіфського часу з Посейм'я // Маґістеріум. — 2015. — Вип. 60. — С. 82—91.

Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Басовское городище — центр Посульского узла памятников эпохи раннего железа // Древности. — 1995. — С. 40—43.

Болтрик Ю.В. Основной погребальный путь Ольвии в Днепровское лесостепное правобережье // РА. — 2000. — №. 1. — С. 121—130.

Болтрик Ю. Траси торгівельних шляхів Понтійсько-Балтійського межимор'я, як напрями марш-

рутів експансії скіфів // Miedzy Balyykiem a Morzem Czarnym. Szlaki miedzymorza IV—I tys. Przed Chr. — Poznań, 2011. — С. 397—405.
Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе. — Кишинев, 2005. — 358 с.
Ворошилов А.Н. Биметаллические мечи скифского времени из междуречья Дона и Волги // РА. — 2007. — № 3. — С. 150—157.
Ворошилов А.Н. Случайные находки архаических акинаков как источник по истории лесостепного Подонья в раннескифскую эпоху // Случайные находки: хронология, атрибутация, историко-культурный контекст. — СПб., 2008. — С. 91—96.
Ворошилов А.Н. Акинаки келермесского типа в Донской Лесостепи // Восточноевропейские древности скифской эпохи. — Воронеж, 2011. — С. 156—168.
Гаврилюк Н.А. Скотоводство степной Скифии. — К. 1995. — 141 с.
Гаврилюк Н.А. Еколого-економічний аспект історії степової Скіфії // Археологія. — 1997. — № 1. — С. 37—46.
Гаврилюк Н.А. Природные ресурсы и археологические памятники как основа для реконструкции системы жизнедеятельности в степной Скифии // Социальная структура ранних кочевников Евразии. — Иркутск, 2005. — С. 88—106.
Гречко Д.С., Шелехань А.В. Гришковский могильник скифов на Харьковщине. — К., 2012. — 196 с.
Ковалевская В.Б., Морозова И.Ю., Рычков С.Ю. Передвижения ранних скифов на основании картографирования акинаков VII—V вв. до н. э. и использование генетических данных // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. — Ростов-на-Дону, 2014. — С. 141—161.
Крадин Н.Н. Кочевая империя как социополитическая система // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). — Кемерово, 1989. — Ч. I. — С. 19—23.
Крадин Н.Н. Структура и общественная природа хуннской империи // ВДИ. — 2003. — № 4. — С. 137—159.
Крупнов Е.И. О походах скифов через Кавказ // Вопросы скифо-сарматской археологии. — М., 1954. — С. 186—194.
Кулатова І.М. Кинджал // ПАЗ. — 1995. — Вип. 3. — С. 174—175.
Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Старожитності доби раннього залізного віку Кременчуцького Подніпров'я // ССПК. — 2004. — Т. IX. — С. 143—149.
Махортых С.В. Уздечные принадлежности VII—VI вв. до н. э. из скифских памятников украинской лесостепи // Восхождение к вершинам археологии. — Алматы, 2014. — С. 219—230.
Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. — М., 1999. — 160 с.
Мозолевський Б.М. Етнічна географія Скіфії. — К., 2005. — 102 с.
Могилов О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. — Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. — 439 с.
Петровська Є.О. Підгірцевські пам'ятки Київського Подніпров'я // Археологія. — 1971. — Вип. 2. — С. 9—20.
Покровська Є.Ф. Звіт за розвідки Жаботинського загіну скіфської експедиції 1957 р. / НА ІА НАН України. — 1957/11а.
Полидович Ю.Б. Изображения свернувшегося хищника в декоре скифских мечей и их ножен // Феномен Бельского городища. — Київ; Полтава, 2014. — С. 112—115.
Разуваев Ю.Д. О следах военных столкновений на городищах скифской эпохи в лесостепном Подонье // Древности Восточной Европы: Сб. науч. тр. к 90-летию Б.А. Шрамко. — Харьков, 2011. — С. 235—245.
Сарапулкина Т.В. Мечи скифского типа с территории Белгородской области // Археологические памятники Восточной Европы. — Воронеж, 2005. — С. 160—163.
Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. — СПб. — 2010. — 328 с.
Скорий С.А. Курган Переп'ятиха. — К., 1990. — 124 с.
Супруненко О.Б. Кинджал скіфського часу з-під Полтави // АВУ 2000—2001 рр. — К., 2002. — С. 247—249.
Таиров А. Кочевники урало-казахстанских стезей и Приаралья в VII — VI вв. до н. э. // ВЧУ. — 2003. — № 2 (3). — С. 158—173.
Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII—VI вв. до н. э. — Челябинск, 2007. — 274 с.
Таиров А.Д. Взаимодействие населения степи и лесостепи Южного Зауралья в VI—V веках до нашей эры // Этнические взаимодействия на Южном Урале. — Челябинск 2013, с. 114—132.
Топал Д.А., Бруяко И.В. Находки клинкового оружия ранних кочевников из Оргеевского района (Республика Молдова) // Stratum plus/ — 2012. — № 3. — С. 133—144.
Фиалко Е.Е. Памятники скифской эпохи Приднепровской террасовой лесостепи. — К., 1994. — 58 с.
Фіалко О.Є., Болтрик Ю.В. Напад скіфів на Трахтемирівське городище. — К., 2003. — 152 с.
Хазанов А.М. Социальная история скифов. — М., 1975. — 343 с.
Черненко Є.В., Безсонова С.С. Зброя в пам'ятках Східного Поділля скіфського часу // Тези доп. сьомої Вінницької обл. краєзнав. конф. — Вінниця, 1989. — С. 17.
Шелехань О.В. Випадкові знахідки кинджалів скіфського часу у басейні Сіверського Донця як свідчення сухопутних комунікацій // Древности 2012. — 2012. — С. 324—321.
Шелехань А.В. Кинжал келермесского времени из собрания Днепропетровского Государственного музея // Тез. докл. VIII Междунар. археол. конф. студ. и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы». — Ростов-на-Дону, 2013. — С. 136—141.
Шишлина Н.И. Идентификация сезонных и длительных миграций населения Южнорусских степей и Северного Кавказа в бронзовом веке по данным геохимического анализа // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию А. Миллера). — СПб., 2015. — С. 182—186.
Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — К., 1987. — 183 с.
Khazanov A. The Eurasian steppe nomads in world military history // Nomad Aristocrats in a World of Empires. — Weisbaden, 2013. — P. 187—207.
Khazanov A. Pastoral nomadic migrations and conquests // Expanding webs of exchange and conflict, 500 CE — 1500 CE. — Cambridge, 2015. — P. 359—382.
Makarewicz C. Winter is coming: seasonality of ancient pastoral nomadic practices revealed in the carbon ($\delta^{13}C$) and nitrogen ($\delta^{15}N$) isotopic record of Xiongnu aprines. — Berlin, Heidelberg, 2015. — 246 s.

А. В. Шелехань

КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ СКИФСКОГО ТИПА НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

В статье представлено картографический анализ распространения мечей и кинжалов скифского времени в ареале компактного проживания земледельческого населения лесостепной полосы Северного Причерноморья.

На протяжении всего скифского времени погребения с клинковым оружием концентрируются в стратегических пунктах, связанных с сухопутными коммуникациями и производственными центрами. Ареал распространения находок без археологического контекста более обширен. Они также характерны для пограничных незаселенных территорий, степных ландшафтов и пойменных террас. Наиболее ранние экземпляры на Днепровском Правобережье зафиксированы в плотно заселенных районах. Тогда как на Левобережье и Подонье они могут фиксироваться даже ранее, чем памятники оседлости.

Прослеженные особенности свидетельствуют о том, что носителями клинкового оружия в Причерноморской лесостепи были прежде всего кочевники. Исходя из этого, скифские племена играли главенствующую роль во взаимоотношениях с земледельцами.

Ключевые слова: меч, кинжал, скифское время, Лесостепь, пространственный анализ.

O. V. Shelekhan

BLADE-WEAPON OF THE SCYTHIAN-TYPE IN THE EAST-EUROPEAN FOREST-STEPPE AREA

In the article mapping of the Scythian-time sword and daggers are presented. Finds from the area of the farmer tribes from North-Pontic forest-steppe are analyzed.

Over a Scythian period, burials with blade weapon were concentrated in the strategic points. They were associated with land routes and production centers. Spread of the finds without archaeological context is wider. They are also related with borderlands, wilderness, steppe landscapes and floodplains. The earliest specimens on the right bank of Dnipro were detected in the densely populated regions. In the same time, on the left bank of Dnipro and in the basin of Don they could appear even earlier than settlement structures.

This features suggest that nomads were the main owners of the blade weapon in the Black Sea forest-steppe. Therefore, the Scythian tribes played a dominant role in the relationship with farmers.

Keywords: sword, dagger, Scythian time, forest-steppe, cartography.

Одержано 01.04.2016

УДК: 904.21(477.41)"6383"

С. С. Бессонова,
Р. В. Зимовец, С. А. Скорый

БРОНЗОВАЯ МАТРИЦА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ, НАЙДЕННАЯ В ПОЙМЕ р. ТРУБЕЖ
(предварительная публикация)

В статье дается описание уникальной матрицы, обнаруженной осенью 2015 г. в Переяслав-Хмельницком районе Киевской области. Матрица была предназначена для оттиска золотых пластин, служивших украшениями головных уборов типа калафа. Подробно рассматривается рельефная композиция из шести мифических персонажей, представленная на лицевой стороне матрицы. Приводятся многочисленные аналогии указанным персонажам из репертуара искусства предшествующих и синхронных культур Древнего Востока, Ахеменидского Ирана и Греции, а также изображений на золотых изделиях из скифских комплексов Северного Причерноморья и Прикубанья. На основании анализа художественных традиций и стилистики изображений делается вывод об изготовлении матрицы на территории Боспора, в период наивысшего подъема искусства обработки металла, в пределах первой половины IV в. до н. э., возможно, первой четверти столетия.

Ключевые слова: греко-скифский стиль, античная торевтика, матрица, синкретические образы.

Осенью 2015 г. в пойме р. Трубеж (левый приток Днепра) между сс. Борщев и Пристромы Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл., в уроч. Заостров, одним из местных жителей с помощью металлодетектора, на глубине около 30 см от поверхности, была обнаружена бронзовая металлическая пластина с рельефными изображениями.

Вскоре после получения информации о находке мы провели археологическое обследование местности. Это левый берег поймы, недалеко от «моста» из бетонных плит, то есть переправы через Трубеж. В 200 м к северу от русла реки располагается сильно растянутая вспашкой песчаная дюна. В пойме довольно много подобных естественных возвышенностей. Грунт на поверхности дюны темный, гумусированный. Пластина найдена примерно в 20 м к югу от края дюны, в направлении упомянутого «моста» (рис. 1).

На поверхности дюны собрано около 15 мелких фрагментов лепной керамики скифского времени, в том числе — венчик горшка с налепным валиком, снабженным дополнительно проколами и защипами по краю, два фрагмента донцев горшков, обломок подлощенной стенки сосуда. Морфологические особенности керамики позволяют ориентировочно отнести

Рис. 1. Место находки бронзовой матрицы

© С.С. БЕССОНОВА, Р.В. ЗИМОВЕЦ, С.А. СКОРЫЙ, 2016

ее к VI—V вв. до н. э. Встречались и находки иных периодов, в том числе раннеславянского времени. Малочисленность керамики и ее разновременность позволяют предположить, что эта дюна периодически, в особенности в скифское время, была местом кратковременных сезонных (?) стойбищ. Позже, примерно в 50 м к югу—юго-западу от места находки бронзовой пластины был найден бронзовый трехлопастный наконечник стрелы со скрытой втулкой и П-образным проточенным ложком, относящийся к V в. до н. э.

Связана ли с данным памятником, фиксируемым находками лепной керамики, найденная бронзовая пластина, однозначно утверждать сложно, но исключать это, разумеется, нельзя. На небольшом расстоянии от места находки бронзовой пластины и соответственно дюнного стойбища известны следы селища скифского времени Заостров-2 [Костенко, 2015, с. 308, 309].

ОПИСАНИЕ ПЛАСТИНЫ

Рассматриваемая пластина является матрицей, отлитой из оловянисто-свинцовой бронзы (см. результат анализа Т.Ю. Гошко), возможно, по восковой модели. В момент обнаружения была сплошь покрыта «дикой» патиной (закись меди) и впоследствии подвергнута первой чистке находчиком (см. вклейку: рис. 2, *1*). Имеет в плане прямоугольную, слегка изогнутую, продолговатую форму, ее длина в нижней части составляет 17,2, в верхней — 18,0 см. Ширина пластины одинакова по всей длине — 4,0 см. Толщина изделия слегка варьирует: 0,3—0,5 см. Оба края матрицы не являются абсолютно ровными, в частности, левый край слегка вогнут. Пластина в профиле немного изогнута, особенно ближе к краям.

На нижней грани матрицы, в первую очередь, в ее левой половине, просматриваются следы ударов, несомненно, металлическим предметом. Отдельные насечки фиксируются и на оборотной, гладкой стороне предмета. После первичной очистки выяснилось, что изделие отличается очень хорошей сохранностью, и лишь в отдельных местах имело следы слабых окислов. Недавно пластина была деликатно почищена и данные окислы удалены [1] (рис. 2, *2*). На оборотной стороне в одном из углов матрицы оттиснуто клеймо мастера в виде стилизованной львиного скальпа (рис. 2, *3, 4*). Следы заглаживания свидетельствует, что на обратной поверхности матрицы отпечаталась фактура глиняной формы со всеми ее неровностями и шероховатостями.

Рентгенофлуоресцентный анализ матрицы (ан. 1305)

26	Fe	0,065
29	Cu	92
47	Ag	0,103
50	Sn	5,336
51	Sb	0,05
57	La	0,079
82	Pb	2,364

Матрица отлита из оловянисто-свинцовой бронзы.

Т.Ю. Гошко

Лицевая сторона матрицы содержит рельефную композицию, включающую 6 мифических персонажей. Они закомпонованы попарно, составляя, таким образом, 3 группы изображений. Все группы изображений включены в единую композицию с помощью верхнего и нижнего орнаментальных фризов, охватывающих пластину на всю длину. Сверху это полоса плетенки и узкая полоска «сухариков» (ширина 0,7 см), а снизу двойная волнистая линия и «сухарики» (ширина 0,5 см). Каждая из фигур композиции отделена от соседних вертикальными столбиками, украшенными «жемчужницей». Первоначально их, видимо, было 5, но сохранились лишь 3. Рамка с пятым персонажем (сфинкс с человеческой головой) выбивается из общего ряда, и явно была вставлена позже (в готовом виде) вместе со своим обрамлением — рамкой из «сухариков». В этом месте были нарушены (счищены?) внутренние — верхний и нижний — узкие фризы «жемчужника», а также 2 вертикальных столбика. Они были шире, чем боковое обрамление «вставленного кадра», по его бокам видны затертости от прежних счищенных столбиков. С торцевых сторон, по краям матрицы, рельефные перегородки, ограничивающие изображения, отсутствуют. Размеры каждой рамки с помещенным в ней персонажем в целом одинаковы — 2,6 × 2,6 см, различия составляют около 1 мм. Не все углы рамок прямые, например, верхний правый угол рамки с фигурой правого кабана.

КОМПОЗИЦИЯ И ОРНАМЕНТАЛЬНОЕ ОБРАМЛЕНИЕ

«Плетенка» — широко распространенный орнаментальный мотив, присутствует на изделиях торевтики, по крайней мере, с VII в. до н. э. (Зивие, Келермес и др.). Позже — на ножнах меча из впускной могилы Солохи [Манцевич, 1987, кат. 49] и более поздних вещах.

«Жемчужница» — это название применяют к орнаментам разной степени сложности. Чаще он состоит из одинаковых округлых «жемчужин», а более сложный вариант, как в данном случае — чередование «жемчужин» и двух узких валиков. Такую рамку имеют бляшки из Куль-Обы с изображением танцующих

1. Работу осуществил реставратор ИА НАН Украины А.И. Калашник.

женщин, определенные как изделие ионийских мастерских конца V в. до н. э. [Копейкина, 1986, кат. 5, с. 41]. Полоска такого же орнамента украшает шею оленя на золотом налучье V в. до н. э. из с. Ильичево, выполненном в греко-скифском стиле [Skythische ..., 1986, Kat. 70], а также обрамляет золотые обивки однотипных ножен мечей из Куль-Обы [Алексеев, 2012, рис. на с. 178, 179] и Великой Белозерки [Золото ..., 1991, кат. 89]. Основное погребение Куль-Обы датируют 30-ми годами IV в. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 262], хотя Л.В. Копейкина в свое время отнесла большинство золотых бляшек из этого кургана к первой половине IV в. до н. э., а некоторые — к концу V и рубежу V—IV вв. до н. э. [Копейкина, 1986]. Возможно, самые ранние бляшки относились к более раннему захоронению этого кургана, близкому по времени впускной могиле Солохи [Алексеев, 2003, с. 262]. Вероятно, на матрице этот орнаментальный мотив заимствован именно из обрамления прямоугольных бляшек, бывших тогда в употреблении, наподобие упомянутой ранней бляшки из Куль-Обы.

Упрощенный вариант жемчужницы, состоящий, как на матрице, из рубленых квадратиков, называют также «сухариками». Такое обрамление имеют ряд квадратных бляшек из Куль-Обы, датированных концом V в. до н. э. [Копейкина, 1986, кат. 1—4, с. 37—40], а также некоторые бляшки из впускной могилы Солохи [Манцевич, 1987, кат. 40, 41]. В комплексах V в. до н. э. квадратные бляшки вообще крайне редки (Нимфейский курган 17 второй половины — третьей четверти V в. до н. э.). В IV в. до н. э. они встречаются уже часто, как и орнамент в виде полоски простой «жемчужницы» или «сухариков».

Двойная волнистая линия. Этот орнаментальный мотив не характерен для северопричерноморской торевтики. Его разновидностью можно считать зубчатую линию с точками между зубцами. Такое обрамление имеют золотые полосы с изображениями животных — украшения калафов — из Толстой Могилы [Мозолевський, 1979, рис. 111; 112]. Примечательно, что именно на них имеется композиционная схема с участием крылатого кабана, фигура которого присутствует и на матрице (рис. 7, *1*).

Изображения мифических персонажей, помещенных в каждую рамку, весьма четкие, выполненные в высоком рельефе, с основательной проработкой деталей. При увеличении заметны небольшие деформации: края верхней челюсти у «барана» и нижней — у грифона. Изображения довольно реалистические в соблюдении пропорций и анатомического строения туловищ и крыльев, фантастический характер персонажей подчеркивается сочетанием в одном образе черт различных существ. Это и части тела, а также позы, не всегда свойственные изображаемому виду животного, если при отнесении к виду взять за основу туловище. У всех практически одинаковые львиные туловища и хвосты, «птичьи» крылья, почти одинаковые позы. Положение хвостов — в виде длинной вертикальной петли — не характерно для изображений животных скифо-античного и древневосточного искусства, возможно, это объясняется недостатком места внутри «рамок». Тип крыльев — «с характерным угловатым изломом, более близким к естественной форме крыла птицы» [Переводчикова, 1994, с. 52] становится преобладающим в искусстве IV в. до н. э. В боковых группах крылья изображены в сложенном виде (обозначен лишь верхний контур второго крыла), тогда как у центральной они слегка развернуты — чтобы заполнить пустое пространство внутри рамок, поскольку оба кабана изображены припавшими к земле. Обычно так изображались кошачьи хищники и лишь изредка — кабаны, например, на крышке деревянной колоды-саркофага из 2-го Башадарского кургана на Алтае [Руденко, 1960, рис. 27а].

Позы персонажей в боковых группах характерны для сидящих сфинксов и грифонов — животных с туловом льва, — однако у тех более прямая посадка и обе передние лапы прямые; либо прямая одна, а вторая согнута кверху в жесте адорации. На матрице представлено редкое сочетание позы и антитетической (геральдической) композиции — животные сидят, припав к земле и опираясь на одну согнутую лапу, вторая согнута кверху. Подобную позу обычно придавали животным, помещенным в каком-то ограниченном пространстве, например, крылатым припавшим к земле львам на узких краях пекторали типа лунулы из Зивие (рис. 3, *1*). Правда, обе передние лапы у них вытянуты [Кисель, 1997, рис. 6е; Lebedinsky, 2010, p. 76]. Припавшими к земле изображали зверей на монетах. Например, на золотых кизикинах второй половины — середины V в. до н. э. в помещены сфинксы, грифоны и львы, стоящие на трех полусогнутых лапах, тогда как одна приподнята кверху [Абрамзон, 2006, табл. 1, *13—15*; 2, *33, 34*; 4, *52, 53*]. Положение передней поднятой вверх лапы животного наиболее естественно для вписанной в круг фигуры, на круглых бляшках [Dalton, 1964, pl. XII, *28*; XXI, *7*] либо монетах, например, грифонов на пантикапейских золотых статерах (см. далее: рис. 5, *4, 5*).

Центром композиции является пара однотипних существ — крылатых кабанов, тогда как боковые группы составлены из разнотипных персонажей (крылатй бык — крылатый кошачий хищник; сфинкс — львиноголовый грифон). Для всех фигур характерна массивность и статичность, а также однотипность туловищ и крыльев, тип и положение хвостов. Монотонность изобразительного ряда несколько нарушается различием поз пары централь-

ных персонажей и боковых, а также разностью типажей боковых пар и отчасти их поз. Центральная группа персонажей чуть более динамичная по сравнению с боковыми.

Кратко о назначении. На матрице оттискивали золотые пластины, предназначенные, судя по аналогиям, для украшения головных уборов типа калафов. Менее вероятно иное назначение — например, фриз на металлических кубках или украшение горита.

Рассмотрим каждую из трех групп персонажей, слева направо. *Левая группа.* Два мифических существа с одинаковым туловищем кошачьего хищника, длинным изогнутым хвостом и крыльями хищной птицы, но разными головами (рис. 2, *5*). У крайнего персонажа это вполне реалистично выполненная голова быка, развернутая на 3/4, с небольшими, слабо изогнутыми и заостренными рожками, маленьким овальным ухом. Глаза круглые, обведенные двойным контуром; на шее складки. Передние ноги у него снабжены копытами, но само положение согнутой кверху ноги не характерно для копытных, как и положение хвоста. Это единственная фигура во всей композиции, голова которой развернута к зрителю, что характерно для античного искусства.

У второго персонажа голова льва, или, возможно, пантеры с короткой мордой, приоткрытой пастью, маленьким ухом и круто загнутыми бараньими рогами, представленная в профиль. Глаза — большие миндалевидные. Фактически это львиноголовый грифон, но с несвойственными ему бараньими рогами. Аналогичный профиль имеют львиные головы на пантикапейских серебряных монетах 379—369 гг. до н. э. [Анохин, 1986, табл. 2, № *93, 94*]. О позах существ сказано выше: одной передней лапой они опираются о землю, другая поднята навстречу друг другу и опирается на разделяющую их колонку.

Центральная группа. Два фантастических существа с головами вепрей (рис. 2, *6*). В отличие от предыдущих персонажей, они сильнее согнуты, головы наклонены к земле. Окончания лап такие же, как у остальных персонажей, за исключением быка. Длинные изогнутые хвосты также не характерны для кабанов. В деталях фигуры различаются, в частности контурами передних ног и бедер. У левой из них небольшое «лавроостролистное» ухо, составляющее как бы продолжение глаза, узкое окончание морды с двумя небольшими клыками. На голове — густая щетинистая грива. У правой фигуры уши длинные, заостренные, нижняя часть морды значительно шире — за счет оскаленной пасти, в которой изображены ряд зубов и длинный изогнутый клык. Щетина на загривке не обозначена, здесь помещено изображение второго уха. Следует отметить более детальную проработку туловища с обозначением складок на шее и ребер (?) на тулове животного. Возможно, изображены молодой и старый вепри (или разнополые?). Их позы свидетельствуют о состоянии возбуждения или агрессии.

Правая группа наиболее интересна. На ней представлены два персонажа (рис. 2, *7*). Слева — миксантропное существо с львиным туловом, птичьими крыльями и мужской бородатой головой с хорошо проработанными деталями. Высокий лоб с морщинами и большими залысинами, крупный вздернутый нос, слегка полуоткрытый рот с толстыми губами. Хорошо показаны усы, выступающая вперед бородка, закругленная на конце. Ухо — маленькое полуовальное, волосы декорированы мелкими завитками. Напоминает силенов или сатиров античной иконографии, за исключением уха. Следует отметить довольно тонкую проработку черт лица, мимики (морщины на лбу), волос, что указывает либо на живописный оригинал, либо на монетный. Приподнятое кверху лицо (он смотрит поверх головы сидящего напротив персонажа) указывает, что «силен» скопирован с какой-то сюжетной сцены, внемлет чему-то. Выражение его лица контрастирует с подчеркнуто бесстрастным, как у сфинксов, лицом сидящего напротив существа.

Фигура, расположенная напротив, — синкретическое существо, более всего напоминающее львиноголового рогатого грифона ахеменидского типа, но с человекообразным лицом. У него большие миндалевидные глаза, похожий на человеческий короткий нос. Нижняя часть «лица», к сожалению, проработана нечетко, утяжеленная, без выраженной линии рта, выдвинута вперед, ухо удлиненное, прилегает к голове. На голове нечто вроде обруча, из которого вырастают отогнутые назад длинные острые рога, похожие на козлиные (но без рубчатых колец). От «обруча» вниз спускается врезная линия, обозначающая край уха либо просто отделяющая контур лицевой части головы. Шея массивная звериная.

АНАЛОГИИ

1. Крылатый бык. Крылатые быки не характерны для античного искусства. Известны среди персонажей ахеменидского искусства, например, на золотой пластинке из Амударьинского клада [Толстой, Кондаков, 1889, вып. 2, с. 128, рис. 109] (см. далее: рис. 9), а также в каменной скульптуре Персеполя [Rhem, 2010, fig. 3]. Среди синкретических персонажей скифо-античной торевтики середины — второй половины IV в. до н. э., также есть своеобразные фигуры крылатых быков, вероятно, как результат трансформации образа грифона (см. ниже). Например, крылатый бык на бляшках из Толстой Могилы [Мозолевський, 1979, рис. 113; 115, с. 131; 133] является искаженной копией ахеменидского грифона на боспорских монетах.

Рис. 3. Золотые пекторали из Зивие (Саккызский клад): *1* — нагрудное украшение типа лунулы; *2* — нагрудное прямоугольное украшение

Рис. 4. Каменные ахеменидские рельефы: *1* — верхняя часть рельефа; *2* — рельеф из Персеполя

Главный ареал встречаемости этого образа — памятники древневосточного искусства (ассиро-вавилонского, древнеиранского, урартского). Образ крылатого быка есть еще в шумеро-аккадской мифологии [Афанасьева, 1982, рис. на с. 652]. Стоящие крылатые быки представлены в древнеиранских луристанских древностях (VIII—VII вв. до н. э.) и в кладе из Зивие (Саккызский клад). Луристанская аналогия [Ghirshman, 1964, taf. 91] — пластина от колчана (?) с изображением двух крылатых быков с поднятой передней ногой, морда в фас, образующих «геральдическую» композицию возле сложной пальметки — мирового дерева. На золотом нагрудном украшении типа лунулы — пекторали из Зивие (северо-западный Иран, первая половина VII в. до н. э.), в центре нижнего фриза изображены в профиль две фигуры крылатых стоящих быков (рис. 3, *1*). Головы повернуты назад, большие рога [Godard, 1964, pl. 33; Heling, 2007, S. 230, 231, N 3]. На прямоугольной нагрудной пластине из Зивие представлены два стоящих крылатых монстра — львы с оскаленными пастями и большими бычьими рогами, ноги птичьи, хвост скорпиона [Heling, 2007, S. 230, 231, N 4] (рис. 3, *2*). Мидийская традиция получила продолжение в ахеменидском искусстве, где известен каменный рельеф из трех ярусов: в нижнем изображены идущие крылатые быки, наподобие тех, что изображены на золотой пластинке из Амударьинского клада, в среднем — сцены терзания, а в верхнем — сидящие крылатые львы с оскаленными пастями и стилизованными бычьими (?) рогами [Rhem, 2010, fig. 3] (рис. 4, *1*).

Подобные синкретические существа-монстры, но выполненные в ином стиле, представлены на ножнах келермесского меча: туловище львиное, рога и морда быка, крылья — зубастые рыбы [Галанина, 1997, табл. 9]. Вероятно, образ почерпнут из урарто-мидийского источника. Этот же образ, но в античной трактовке, близкой к натуралистической, фактически представлен и на матрице (сочетание кошачий хищник — бык — птица).

В дальнейшем были созданы композиции с использованием этого образа, наряду с иными образами матрицы, для воспроизведения на золотых пластинах — украшениях скифских головных уборов типа калафов. Интересной аналогией — как образу крылатого быка, так и композиции пластины в целом — являются удлиненные прямоугольные пластины от головного убора из погребения 1 кургана 22 у с. Вильна Украина Херсонской обл. На них изображены три пары стоящих фантастических существ в «геральдических» композициях с приподнятыми передними лапами: крылатый бык и грифон (орлиноголовый?); в центре — два грифона; грифон и сфинкс [Лесков, 1974, рис. 78; Клочко, Васіна, 2011, с. 108, рис. 3]. Крылатые существа с туловом льва, бычьими ушами, короткими рогами и человеческим лицом, противостоящие орлиноголовым грифонам, представлены на золотых пластинах

Рис. 5. Боспорские монеты IV в. до н. э.

Рис. 6. Пластинки из слоновой кости из Нимруда (музей Метрополитен)

калафа из юго-восточной камеры Чертомлыка [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 206, 207, кат. 128]. Вероятно, произошло наложение черт нескольких образов — крылатого быка (тип Зивие и Амударьинского клада), сфинкса с мужским лицом (см. ниже) и львиноголового грифона ахеменидского типа, запечатленного на пантикапейских монетах. Причем именно облик последнего (поза и контуры фигуры) лег в основу иконографии этого синкретического образа.

Натуралистически трактованные фигуры быков, в том числе в сценах терзаниях, представлены на ряде изделий скифо-античной торевтики IV в. до н. э. Это гориты чертомлыкской серии: курган Чертомлык, Мелитополь, Ильинцы, Вергина (погребение Филлипа Македонского?); один из фаларов Александропольского кургана (Луговой Могилы) [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 91, рис. 63]; серебряный сосуд из Центральной Могилы Большого Рыжановского кургана [Скорый, Хохоровски, 2011, с. 271—279]; золотой конус из Братолюбовского кургана [Кубышев, Бессонова, Ковалев, 2009, рис. 10, *а, б*]. Изображения бычьих голов, нередко помещавшиеся на боспорских монетах, несомненно, служили образцами для изделий торевтики, например, для золотых бляшек из 2-го Семибратнего кургана [Skythische ..., 1986, Kat. 81]. Детально проработанное изображение головы быка можно сравнить с боспорскими монетными изображениямих последней четверти IV и начала III вв. до н. э. [Зограф, 1951, табл. XL; Анохин, 1986, № 120]. Правда, здесь голова быка повернута влево и изображена почти в профиль (рис. 5, *2, 3*). Есть и монеты (Феодосия, 403—393 гг.до н. э.), на которых голова быка повернута вправо и имеет тот же, что и на матрице, разворот в 3/4 [Анохин, 1986, № 76]. Монета мелкая и поэтому изображение довольно схематичное.

2. Крылатый кошачий хищник с бараньими рогами. Прямых аналогий этому образу найти не удалось. Поскольку существу с туловом льва приданы бараньи рога, эта деталь его образа была существенной. Представляют интерес следующие аспекты: изображения бараньих голов на пантикапейских монетах V—IV вв. до н. э.; связь с концепцией фарна иранской мифологии и религии; образ бараноголового сфинкса в ассирийском и древнеиранском искусстве, близкий образу египетского Аммона-Ра, имеющего прямое отношение к культу Диониса.

Изображения бараньей головы встречаются на пантикапейских монетах конца V — начала IV вв. до н. э. [Анохин, 1986, № 68, 70—72, 80, 88]. Некоторое сходство головы «барано-льва» на матрице — по укороченному профилю головы, повернутой влево, форме рога — наблюдается с монетами 403—393 гг. до н. э., на обратной стороне которых маска льва [Анохин, 1986, № *68*] (рис. 5, *1*). На монетах 393—389 и 389—379 гг. до н. э. профиль головы более естественный, удлиненный, рог иной формы, а на лицевой стороне — голова бородатого Сатира [Анохин, 1986, № *80, 88*]. То есть, можно предполагать влияние монетных штампов конца V — начала IV вв. до н. э., но не прямое копирование, а творческую их переработку при создании синкретического образа, имевшего соответствия как в мифологии эллинов, так и, вероятно, кочевников евразийских степей.

Большой интерес представляет сходство с образом синкретического существа, т.н. «сфинкса с бараньей головой» в ассирийском искусстве IX—VIII вв. до н. э. Это пластинки слоновой кости — украшения дворцовой мебели — из коллекции Metropolitan Art Museum, происходящие из Нимруда и Хадату в Ираке и Сирии (рис. 6). У этого существа львиное тулово, крылья, иногда на голове плоский или луновидный убор, передняя часть тулова облачена в жреческое (?) одеяние, на голове грива, напоминающая бармицу шлемовидного убора (рис. 6, *1*). На одной из пластинок изображены два бараноголовых сфинкса (IX—VIII вв. до н. э.) в коронах Верхнего и Нижнего Егип-

та, лежащие спинами друг к другу; передние лапы, снабженные копытами (?), согнуты кверху [http://www.metmuseum.org] (рис. 6, *2*). Несомненны связь этого изображения с культом египетского Аммона и его высокое положение в религиозной системе.

Изображения бараноголовых сфинксов, очень близкие ассирийским, есть и на золотой пекторали из Зивие (рис. 3, *1*), где изображены шеренги фантастических существ [Heling, 2007, S. 230, 231, N 3]. Вполне узнаваем этот образ и в раннескифских памятниках типа Келермеса. Синкретические существа с головой барана, львиным туловом (хвост скорпиона) и крыльями в виде зубастых рыб представлены — в числе прочих монстров — на золотых ножнах мельгуновского и келермесского мечей [Галанина, 1997, табл. 9, *1а*]. Исследователи справедливо относят их к существам мидийско-урартского круга [Луконин, 1997, с. 33; Галанина, 1997, с. 94, 96]. Представляют интерес также окончания колчанной застежки из Келермеса, оформленные в виде головы льва, снабженной по бокам двумя маленькие бараньими головами [Галанина, 1997, табл. 4, *35*] (барано-лев?).

Синкретический образ с чертами барана (голова или только рога, копыта) и головой хищной птицы хорошо известен в раннескифском искусстве звериного стиля. Это архаические грифо-бараны из Келермеса [Галанина, 1997, табл. 21; 22] и других памятников [Могилов, 2008, рис. 56]. Символика фарна — через изображения бараньих рогов — прослеживается в античном искусстве эллинистического периода, в связи распространением восточных и египетских религиозных течений. В основном это связано с культом Диониса Ливийского, происходившего от Зевса-Аммона. Поэтому считаем возможным привлечь и эти аналогии.

Человеческая голова с бараньими рогами. Золотые бляшки в виде головы молодого безбородого божества с бараньими рогами Л. Стефани трактует как изображение Диониса [ОАК, 1862, табл. IV, 5, с. 75—79]. Божество с бараньими рогами и лавровой ветвью (Дионис Ливийский) в компании с Паном и Реей, представлено на южноиталийской вазе III в. до н. э. [ОАК, 1862, с. 56—59, 79—81]. Бараньи черты Диониса Ливийского объясняются его происхождением от египетского божества Аммона, которого греки, согласно Геродоту, отождествляли с Зевсом, а самого Диониса с Осирисом [Herod., II, 29, 42, 146; Farnell, 1909, p. 172]. Культ этого божества существовал, по крайней мере, в VI в. до н. э. — голова Зевса-Аммона с острыми (бараньими) ушами и бараньими рогами, изображалась на золотых кизикинах 550 г. до н. э. [Абрамзон и др., 2006, тип 33, с. 25], а также на монетах VI, V, первой половины IV вв. до н. э. Кипра, Кирены, Барки [Regling, 1924, taf. II, *49*; III; XII, *266*; XIX, *412*; XXIX, *595, 596*]. Баран был священным животным Аммона, по египетским мифам — отца Диониса [Herod., II, 42], а содержание культа Аммона — солнце, победа, власть над миром [Кормышева, 1980, с. 70, 71] — вполне соответствует символике иранского фарна. Известно, что Аммон в некоторых храмах изображался с ликом барана [Herod., II, 42]. Его символами, вероятно, были упомянутые выше изображения бараноголовых сфинксов в коронах Верхнего и Нижнего Египта, синхронных ассирийским крылатым баранам. В иранском мире, в том числе у скифов, ритуальную символику и образ царского фарна (слава, мощь) символизировал баран, точнее, его рога или голова [Вертієнко, 2015, с. 95, сн. 752, 753] [1].

В Северном Причерноморье образ барана широко использовался в культе Диониса. Так, известен ритон V в. до н. э. в виде бараньей головы, на раструбе изображения сатира и менады [Передольская, 1967, табл. С, *1*]. В виде бараньей головы оформлены окончания ритонов: из 4-го Семибратнего кургана [Skythische ..., 1986, Kat. 110], Великой Знаменки [Петренко, 1967, № 407]; северной гробницы 1 Гайматовой Могилы [Бидзиля, Полин, 2012, рис. 580, *2, 4*]. Две бараньи головы изображены на ручках серебряного кубка из того же погребения Гайматовой Могилы [Бидзиля, Полин, 2012, рис. 136], а также из бокового погребения Солохи [Манцевич, 1987, кат. 61, с. 91]. Золотые бляшки в виде головы барана в фас происходят из 2-го Семибратнего кургана [Skythische ..., 1986, Kat. 80] и нимфейской гробницы 19 кургана 24, 1876 г. [Силантьева, 1959, рис. 24, *8*]. Античная керамика из нимфейского комплекса [2] датируется в пределах 60—50-х гг. V в. до н. э., [Силантьева, 1959, с. 62], как и 2-й Семибратний курган. Более стилизованные бляшки такого типа найдены в боковом погребении Солохи [Манцевич, 1987, кат. 79].

Следует особо подчеркнуть, что ныне нам известно несколько случаев замены человеческих голов в скифских погребениях на головы баранов, несомненно, свидетельствующих о существовании культа иранского фарна в среде северопричерноморских кочевников [Скорый, 2015].

Много изображений голов баранов, реже целых фигур в алтайских курганах [Черемисин,

1. Антропоморфный образ с большими бараньими рогами присутствует в сасанидской глиптике как олицетворение фарна [Вертієнко, 2015, мал. 809, с. 94]. Стоит вспомнить головные уборы с бараньими рогами сасанидского периода, например, убор царского наследника (конец III в. н. э.) [Луконин, 1961, табл. XVIII].

2. Здесь вообще много дионисийской символики (кратер и скифос с фигурами дионисийского цикла, килик с плющевой гирляндой, статуэтки сатиров, уздечная бляшка в виде головы кабана [Силантьева, 1959, рис. 23; 27; 29; 37, *9*]).

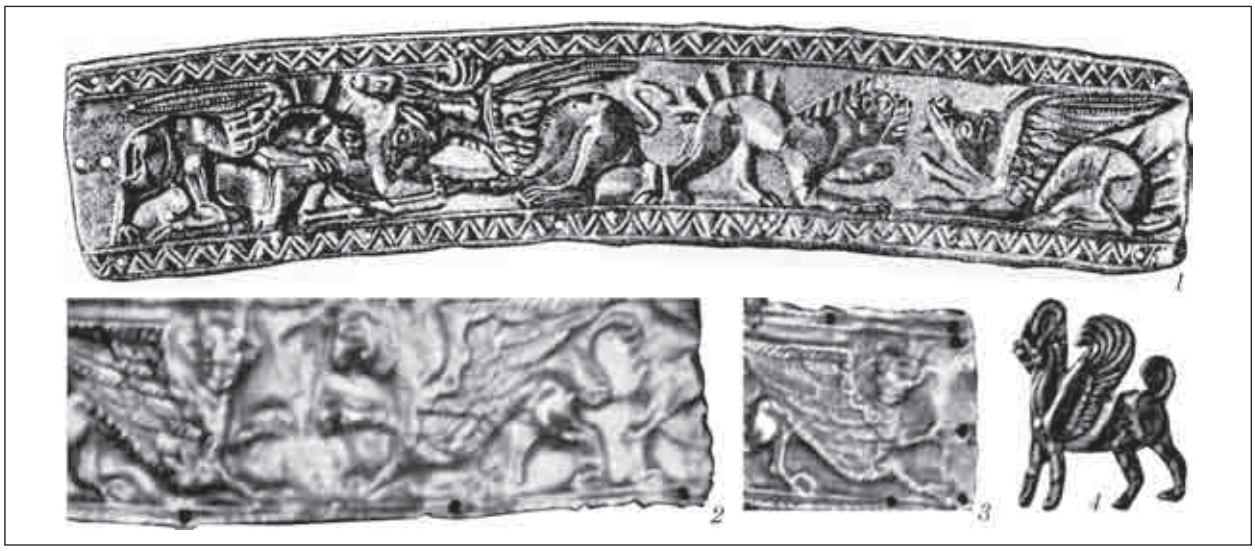


Рис. 7. Золотые пластины-аппликации головных уборов и одежды: *1* — Толстая Могила; *2, 3* — Чертомлык; *4* — станица Лабинская

2008, табл. XV, *8*; XXVI, *2, 4, 5, 7*] — в основном терзание барана и его голова. Синкретическое существо, сочетающее в себе признаки нескольких существ (кошачьего хищника, копытного, птицы) присуще искусству скифо-сакских племен, в основном сибирского круга (рогатый кошачий хищник) [Черемисин, 2008, с. 60—62]. Это космогонический образ — объединение нескольких сфер, терзания и жертвы.

3. Крылатые кабаны. Довольно близкие аналогии — крылатые кабаны в подобных позах (но голова приподнята и поэтому видна вторая передняя нога, иная форма уха), противостоящие львам, на золотых пластинах калафов из Чертомлыка и Толстой Могилы, датируемые серединой — третьей четвертью IV в. до н. э. На пластинах калафа из женского погребения Толстой Могилы [Мозолевський, 1979, с. 127, 128, рис. 111, *1, 2*; 133а—133] представлен «кабан» с львиным туловищем и головой кабана, припавший к земле и приподнявший переднюю ногу, зеркально повторяя позу льва. На задней части тулова, как и у льва — длинные шипы, очевидно, для заполнения пространства между фигурами зверей и краями пластин (рис. 7, *1*) [1]. Более естественным выглядит подобное заполнение фона на ажурных пластинах из северо-восточной камеры Чертомлыка [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, кат. 113]. Здесь аналогичная композиция, но еще более стилизованная. Учитывая редкую позу «кабана», можно полагать, что это тот же иконографический тип, что и на матрице, что указывает на его многократное воспроизведение именно на пластинах для головных уборов.

Образ крылатого кабана с туловом кошачьего хищника для античного искусства не характерен. Изредка встречаются изображения крылатых кабанов, например, кабан с серповидными крыльями в атакующей позе на щите Гериона, сражающегося с Гераклом (роспись краснофигурного килика около 510 г. до н. э. из Вульчи в Этрурии) [Тахо-Годи, 1980, рис. на с. 283]. Относительно семантики этого образа наиболее убедительным кажется мнение, что это — чудовищный крылатый кабан, опустошавший окрестности Клазомен, поскольку этот образ широко представлен на монетах города. Мотив протомы крылатого кабана известен также на монетах иных восточногреческих центров второй половины VI — первой половины V вв. до н. э.: (Кизика, Самоса, Лесбоса, Ликии и других), но наиболее массово — в Клазоменах — от 520 г. до н. э. вплоть до римского времени [http//goodhobby.ru].

Иконографическим прототипом образа крылатого кабана на матрице вполне могли послужить монеты одного из античных центров, имевшие хождение на Боспоре. К монетным прототипам возводят исследователи золотые бляшки из 2-го Семибратнего кургана [Артамонов, 1966, рис. 49; Skythische ..., 1986, Kat. 84] в виде протомы крылатого кабана [2]. Таковыми прототипами, как полагают, могли быть архаические монеты Кизика или Самоса [Копейкина, 1986, с. 58; Regling, 1924, taf. VI, *162, 171*] [3].

1. Последняя деталь указывает, что эта фигура скопирована, вероятно, с пластинки типа найденной во впускном погребении Солохи, где за спиной льва, терзающего голову оленя, видны веерообразно расходящиеся линии, вероятно, оленьи рога [Манцевич, 1987, кат. 41, с. 65].

2. Бляшки из Семибратнего кургана послужили прототипом для более мелких бляшек из Куль-Обы, которые использовались в течение длительного времени и были на момент погребения анахронизмом [Копейкина, 1986, с. 58, кат. 28, рис. на с. 154].

3. Два электровых кизикина 460—400 гг. до н. э. этого типа были в составе клада, найденного в Мир-

Рис. 8. Фантастические существа в вазописи и торевтике: *1*— лекиф мастера Ксенофонта из окрестностей Керчи; *2* — кратер из коллекции Дюрана (Лувр); *3* — серебряная амфора из Куковой Могилы

Крылатые кабаны на матрице, вместе с их искаженными копиями (Толстая Могила и Чертомлык) стоят особняком среди довольно многочисленных натуралистических изображений кабанов на изделиях торевтики V—IV вв. до н. э. из Северного Причерноморья. Это сцены противостояния хищнику, терзания, изредка охоты, одиночные фигуры или головы.

В античном мире и у его соседей мотив охоты на кабана восходит к популярному мифу о коллективной Калидонской охоте, в которой участвовали почти все герои Эллады и даже иноземцы. Фантастическая охота персов с участием греческих героев, запечатлена на «лекифе мастера Ксенофонта» начала IV в. до н. э. из гробницы в окрестностях Керчи [ОАК, 1866; Соколов, 1973, с. 54—55, № 40]. Одним из объектов охоты был львиноголовый грифон (рис. 8, *1*). Главная сцена — поражение кабана Аброкомом, сыном Дария I Гистаспа; еще на одного кабана нападают два греческих героя [Скржинская, 1999]. Сцены охоты на кабанов присущи иранской традиции. Охоты сасанидских царей на кабанов, наряду с охотой на львов, изображались на парадных серебряных блюдах [ОАК 1878—1879; альбом, табл. VII, *1*; VII, *2*].

Традиционно кабаны, как символы бога войны, присутствуют на предметах вооружения. Обращенные друг к другу кабаны в атакующей позе представлены на нащечниках шлема халкидского типа V в. до н. э. из раскопок Вульчи [Борисковская, 1986, рис. 2]. Изображения отдельных фигур кабанов или их голов в скифоантичном стиле украшают в основном парадное вооружение второй половины V—IV вв. до н. э. Это одиночные фигуры кабанов: 1) обивка горита из Архангельской Слободы, V в. до. н. э., на которой лежащий кабан (6 фигурок), с клыками, сильно стилизован [Золото …, 1991, кат. 91]; 2) золотая бляха (от ножен меча?) — лежащий кабан с четко обозначенными копытами, щетина по всему тулову [Золото …, 1991, кат. 88]; 3) боковая лопасть ножен того же меча (Великая Белозерка, последняя треть IV в. до н. э.) в виде стилизованной головы кабана [Золото …, 1991, кат. 89].

Рис. 9. Золотая бляшка из Амударьинского клада

Часто кабаны изображались в сценах противостояния или как жертва в сцене терзания. 1. Кабан в атакующей (оборонительной?) позе против льва на обивке Мелитопольского горита, верхний фриз [Золото …, 1991, кат. 92]. 2. То же — Чертомлык [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1981, кат. 189]. 3. Кабан, терзаемый львом и пантерой, — пектораль из Толстой Могилы [Мозолевський, 1979, рис. 61]. 4. Кабан, терзаемый львом, — серебряный кубок из Куль-Обы [Skythische ..., 1986, 194]. 5. Противостоящие фигуры кабанов на покрывале афинского производства из 6-го Семибратнего кургана начала IV в. до н. э. [ОАК, 1878—1879, табл. 4, с. 129; Скржинская, 2007, № 123]. 6. Стилизованное изображение кабана, терзаемого двумя орлиноголовыми грифонами, — ажурная пластина от головного убора, Александропольский курган [Лазаревский, 1894, табл. 12].

Образ кабана был очень популярен и в изобразительных памятниках племен евразийских степей, причем нередко кабаны представлены с чертами хищного животного — с зубами, когтистыми лапами и хвостом кошачьего хищника (этот образ — еще на келермесской секире) и в сценах равноценного противостояния хищнику, что объясняется его особым местом в скифской классификации животного мира ([Черемисин, 2008, с. 28—31], там же ссылки на литературу).

мекии [Скржинская, 2007, с. 63, № *120*; Абрамзон и др., 2006, с. 21]. Правда, фигура идущего кабана на кизикинах первой половины VI в. до н. э. без крыльев [Абрамзон и др., 2006, № *22—24*].

В Келермесе на парадном вооружении имеется несколько изображений кабанов, отличающихся негреческим характером [Максимова, 1954, с. 298]. Несколько обособленных фигур стоящих кабанов с большими клыками (ноги согнуты в большей или меньшей степени) помещены на рукояти церемониальной секиры из Келермеса; самая нижняя фигура — в «атакующей» позе [Галанина, 1997, табл. 11, *6 с*; Skythische ..., 1986, Kat. 49]. На торце этой же рукояти представлены 2 фигуры лежащих кабанов в «геральдической» композиции, у одного на бедре знак в форме спирального завитка [Галанина, 1997, табл. 11, *6 е*]. На келермесском зеркале кабан изображен в нижнем ярусе, над ним — сцена терзания быка львом [Галанина, 1997, табл. 1].

Правда, кабаны здесь без крыльев, в реалистической манере, близкой античному искусству, хотя некоторые — с чертами хищника. То есть, образ волшебного кабана — чудовища, равноценного хищнику, изображенный на матрице, имеет истоки в памятниках раннескифского периода мидийско-урартского круга, к каковым относят изделия торевтики из келермесских курганов [Луконин, 1997].

4. Сфинкс с мужской бородатой головой. Иконография этого образа — крылатого существа с туловом льва и человеческой (мужской) головой — близка облику сфинксов греческого и этрусского искусства — вредоносных существ с лицом и грудью женщины, крыльями птицы и львиным телом [Ярхо, 1982, с. 479] [1].

Один из вариантов образа — без выраженных женских признаков, с длинными локонами, перьями или чешуей на груди — представлен на келермесском зеркале начала VI вв. до н. э. [Максимова, 1954, с. 304]. В северопричерноморской торевтике этот образ появляется в V в. до н. э. Это два сфинкса с локонами в «геральдической» композиции на бляшках из нимфейского кургана 17 второй половины V в. до н. э. [Силантьева, 1959, рис. 38, *11*], аналогичная композиция, но сфинксы с короткими прямыми волосами представлены на кубке из Солохи начала IV в. до н. э. [Манцевич, 1987, кат. 64]. Чаще встречаются сфинксы с прическами, напоминающими небольшие шапочки (стилизованные прически?): вырезанные по контуру золотые бляшки из 2-го Семибратнего кургана (около середины V в. до н. э.) [Skythische ..., 1986, Kat. 76, 77], из нимфейских курганов 24 и 17 [Силантьева, 1959, рис. 24, *4*; 38, *16*] середины — второй половины V в. до н. э. [2] Близки к ним и более стилизованные парные фигурные подвески в виде сидячих сфинксов с мужским (?) лицом в головном уборе типа шапочки — из юго-восточной камеры Чертомлыка, около середины IV в. до н. э. [Алексеев, Мурзин, Ролле,1981, кат.116].

В середине — второй половине IV в. до н. э. на изделиях торевтики чаще встречаются схематизированные фигуры идущих сфинксов в тиарах, в «геральдических» композициях с грифонами (Вильна Украина, Малая Лепетиха, Толстая Могила) или сфинксами (Куль-Оба). Примечательно, что помещены они также на узких пластинах от головных уборов. Особый интерес представляют четырехугольные прорезные бляшки с изображением «идущего» крылатого существа с львиным туловом и мужской бородатой головой в стилизованном уборе, напоминающем тиару, из кургана 21, погребение 2 у с. Каменка Николаевской обл. Вместе с ними были найдены бляшки с фигурами орлиноголовых грифонов, составлявшие вместе «геральдическую» композицию [Гребенников, 2008, рис. на с. 95]. Это существо напоминает уже некоторые образы ахеменидского искусства — например, крылатое существо с львиным туловом и мужской бородатой головой в тиаре на перстне из Амударьинского клада. По О. Дальтону, это V в. до н. э. или несколько позже [Dalton, 1964, pl. XXI, *27*]. Или — бородатого сфинкса в тиаре и с острыми звериными ушами на каменном ахеменидском рельефе из Персеполя [Rehm, 2010, fig. 1] (рис. 4, *2*), относим к середине IV в. до н. э. [Treister, 2010, p. 229]. Фактически это уже иной образ, нежели женские по своей природе сфинксы, близкий образу малоазийского «Владыки зверей».

Несколько вариантов образов таких «сфинксов» представлены на пекторалях из Зивие. На одной — в центре верхнего яруса — это безбородые «сфинксы» мужского (?) пола в парадных одеяниях, головных облегающих уборах со стилизованными рожками, стоящие в центре верхнего яруса по бокам мирового дерева; за ними — крылатые быки с мужскими бородатыми головами в тиарах [Heling, 2007, S. 230, 231, N 3] (рис. 3, *1*). На второй — прямоугольной пластине, к сожалению, фрагментированной, сохранилось изображение крылатого быка с мужской бородатой головой и длинными волосами, стянутыми на затылке. На небольшом обломке представлено изображение мужской бородатой головы, повернутой назад [Heling, 2007, S. 230, 231, № 4] [3]. У него иной тип лица, близкий «сфинксу» на матрице, — с шишковатым носом, расширенными круглыми глазами и вздернутыми бровями, что придает ему эмоциональную окраску. Длинные прямые волосы стянуты на затылке, надо лбом большая прядь, торчащая кверху (рис. 3, *2*). Подобные причес-

1. Этот образ возник в греческой мифологии под влиянием образа малоазийской крылатой полудевы-полульвицы [Ярхо, 1982, с. 479].

2. Сфинксы из 2-го Семибратнего кургана явно наследуют келермесскй тип (зеркало), как и более стилизованные бляшки из нимфейского кургана 17 [Силантьева, 1959, рис. 38, *16*].

3. Вероятно, обломок этот находится не на своем месте, и голова повернута не в ту сторону.

ки имеют скифы, изображенные на горите из Солохи в сцене сражения [Rolle, 1991, Abb. 5, *1—3*], а также изображение Сатира на боспорской монете начала III в. до н. э. [Анохин, 1986, табл. 4, *32*]. Вполне возможно, что это иконографический прототип греческого Сатира, который использовался для воплощения определенной категории мифологических персонажей или ситуации [1]. Многообразие «сфинксов», в том числе бородатых, на украшениях из Зивие и присутствие покрытых шерстью «силеноподобных» существ, сражающихся с грифоном, на келермесском зеркале [Галанина, 1997, табл. 1], свидетельствует, что иконография этого образа находит параллели в ранней иранской традиции. Представлен этот образ и в ахеменидском искусстве. На уже упомянутом обломке каменного рельефа изображен сидящий сфинкс с мужской головой — с прической, завитой колечками бородой и даже серьгой в ухе; на голове высокая тиара, украшенная тремя парами бычьих рогов, из-под которой выступают острые звериные уши. Прическа и головной убор у него те же, что у ассирийских крылатых быков. Фигура была помещена в прямоугольное поле (метопу), ограниченное по бокам колонками из лотосовидных пальметок [Rehm, 2010, fig. 1] (рис. 4, *2*). Вероятно, это была «геральдическая» композиция, и по другую сторону колонки в метопе был персонаж (грифон? сфинкс?) в аналогичной позе. В свое время Д.Б. Шелов предостерегал против прямого отождествления боспорских монетных изображений с греческим Сатиром. Это божество со звериными ушами, полагал исследователь, должно было занимать довольно значительное место в религиозных воззрениях припонтийских греков, и, вероятно, местного населения [Шелов, 1950, с. 65]. Поэтому, вероятно, в искусстве Северного Причерноморья довольно широко представлены мужские варианты «силеноподобных сфинксов».

Прямых иконографических параллелей образу «сфинкса» на матрице найти не удалось. При создании композиции матрицы мастер придал сфинксу лицо греческого Силена / Сатира или Пана (их образы четко не разделяются). Правда, греческие сатиры и силены никогда не имеют ни львиного тулова, ни крыльев; из звериных черт у них лошадиные уши, хвост, иногда ноги ниже колен (силены); или уши, козлиные рожки, ноги (сатиры). Иногда присутствуют 1—2 звериные черты, чаще всего острые уши и конский хвост. Прототипом головы послужил, скорее всего, монетный образ, который обычно называют Сатиром, реже Паном (см.: [Шелов, 1950, с. 63, прим. 1]), как это не раз бывало при изготовлении предметов торевтики [2]. Мастер лишь убрал такую характерную деталь, как звериные уши, тем самым, приблизив образ к разряду местных «сфинксов» — с мужской бородатой головой — вероятно, каких-то мифологических существ, демонов природы. Черты Силена нередко переносят и на иные персонажи полубогов (демонов) хтонического круга, например, кентавров, которые иногда имеют силеноподобные лица: с большими залысинами, густыми бородами и курносыми носами, толстыми губами [ОАК, 1873, табл. V]. Курносые носы и толстые губы — отход от классических канонов красоты — должны были, очевидно, подчеркивать уродство персонажей и их принадлежность к миру природы.

Рассматриваемый персонаж, при ярко выраженной внешности Силена (сатиры чаще молодые, с густой шапкой волос) не имеет такой характерной его черты, как звериные уши (курносый нос — не обязательный признак). Сближают с Силеном (кроме лысины) — толстые губы и вытаращенные глаза [Тахо-Годи, 1982, с. 434], что придает лицу выражение напряженного внимания, подчеркнутое также вздернутыми бровями, морщинами на лбу и приподнятым кверху лицом. Этот эмоционально окрашенный иконографический образ, скопированный с какого-то живописного [3] или скульптурного образца, запечатлен на большой серии боспорских монет. Примечательно, что в большинстве случаев этот образ, отождествляемый чаще с Сатиром, имеет на реверсе изображение львиноголового рогатого грифона ахеменидского типа. То есть, на матрице правая пара персонажей в какой-то мере перекликается с аверсом и реверсом боспорских золотых статеров. Хотя полного соответствия нет (у грифона на матрице иные — «птичьи» — крылья, а у «Силена» обычные человеческие уши).

Начало чеканки боспорских монет Левкона I с бородатым Сатиром относится к 379—369 гг. до н. э., по В.А. Анохину, или от 375 г. до н. э., по Д.Б. Шелову (см.: [Мозолевский, Полин, 2005, с. 398, 399]). Впрочем, среди самых ранних (393—389 гг. до н. э., по В.А. Анохину) пантикапейских монет с изображением «Сатира» есть образцы, на которых представлен лысоватый персонаж с высоким лбом и венком на голове, отличающиеся от последующих упомянутых выше серий, где голова с буйной густой шевелюрой. У этих более ранних монет с «лысым Силеном» на реверсе помещено изображение бараньей головы либо головы осетра

1. По Л. Стефани, древние часто присоединяли фигуры Сатиров и Панов к разнообразным изображениям, чтобы подчеркнуть, что действие происходит на открытом воздухе, а иногда — чтобы указать на напряженное внимание, возбуждаемое каким-либо событием [ОАК, 1862, с. 59].

2. Мы предпочитаем называть пожилых персонажей этого типа силенами.

3. Полулысые (с большой лысиной) силены и сатиры были особенно популярны в греческой вазописи V в. до н. э., в чём усматривают влияние вазописца Макрона, прославившегося своими вакхическими сценами и выразительными типами сатиров и менад [Передольская, 1967, с. 138].

[Анохин, 1986, № 80, 81] (рис. 5, *6*). Тогда как «волосатые» сатиры последующих серий на реверсе имеют изображение львиноголового грифона ахеменидского типа и иные эмблемы [Анохин, 1986, № 85, 87, 91 и сл.]. Грифон ахеменидского типа, притом в сочетании с головой бородатого (и «волосатого») Сатира, появляется на пантикапейских статерах 379—369 гг. до н. э. [Анохин, 1986, № 91] (рис. 5, *5*). Этот тип грифона представлен и на горите из Солохи и т. н. лекифе Ксенофонта (рис. 8, *1*), что подтверждает как «монетную» версию для прототипов матрицы, так и дает основания для датировки ее временем, близким ко времени впускного погребения Солохи.

5. *Львиноголовый рогатый грифон*. Поскольку у грифона рога козлиные, при подборе аналогий будем обращать внимание именно на эту деталь, а также на позу грифона. Для античного искусства этот образ относится к числу редких [Манцевич, 1987, с. 75]. Образ грифона ахеменидского типа сложился в искусстве Персидской империи и существовал в двух вариантах — орлиноголовом и львиноголовом [Переводчикова, 1994, с. 52—53]. Два львиноголовых крылатых грифона с большими козлиными рогами представлены на золотом украшении VI—V вв. до н. э. из Хамадана в Иране [Ghirshman, 1964, Abb. 327], но лучше они известны в V—IV вв. до н. э. Грифон ахеменидского типа — с львиной головой и крыльями, но с более длинными острыми ушами и копытами на ногах украшает навершие золотого эгрета из амударьинского клада, отнесенного О. Дальтоном к V—IV вв., а М.И. Артамоновым к IV в. до н. э. [Зеймаль, 1979, кат. 23, с. 44; Артамонов, 1973, с. 15, 16, 189, 190, рис. 7]. Окончания браслетов из того же клада — фантастический крылатый рогатый (лошадиные уши и козлиные рога) хищник, но с клювом хищной птицы, датированы, по О. Дальтону, V — серединой IV вв. до н. э. [Зеймаль, 1979, кат. 116, 116а, с. 64, 65; Артамонов, 1973, с. 16, ил. 6]. В греко-персидском стиле выполнены золотые аграфы ожерелья в виде головок рогатого льва из погребения нимфейского некрополя III в. до н. э. [Силантьева, 1959, рис. 50, *1а, 1б*]. Ахеменидские аналогии позволяют лучше понять происхождение «обруча» в основании рогов грифона. На некоторых объемных изображениях рогатых грифонов — на ритоне из 4-го Семибратнего кургана (вторая половина V в. до н. э.) и в особенности на ручках серебряной амфоры из Куковой Могилы третьей четверти V в. до н. э. [Маразов, 1978, с. 29, кат. № 20] — основанием рогов служит плоский диск, на котором, видимо, было легче разместить массивные рога (рис. 8, *3*).

Существа, иконографически близкие рассматриваемому образу, но с серповидными крыльями, представлены на боковой лопасти горита из Солохи [Манцевич, 1987, кат. 53, с. 73—75]. Они изображены стоящими друг напротив друга, один строго в профиль, второй — с повернутою назад головою. Эти изображения близки боспорским монетным типам (см. ниже). Фигура львицы с козлиными рогами, но без крыльев, представлена на серебряном сосуде из этого же комплекса [Манцевич, 1987, кат. 61, с. 88—92]. Дата: по А.П. Манцевич — приблизительно начало IV в. до н. э. [Манцевич, 1987, с. 75]; по А.Ю. Алексееву, — 400—375 гг. до н. э. [Алексеев, 2003, с.259—261]; по С.В. Полину (со ссылкой на С.Ю. Монахова) — ранний IV в. до н. э., а амфоры — 380-е гг. до н. э. [Мозолевский, Полин, 2005, с. 363].

Грифонов на горите из Солохи можно сравнить с золотыми бляшками в виде двух стоящих на задних лапах львиноголовых грифонов, передние лапы подняты и соприкасаются, из Куль-Обы, греческого (?) производства, первой половины IV в. до н. э. [Копейкина, 1986, с. 48, 49, кат. 18]. Крылья серповидные, на голове загнутый назад рог. У правого грифона морда в профиль, хотя она и оскалена, несколько напоминает морду грифона на матрице [1]. Вероятно, иконографически близкий образ «сидящего» грифона с серповидными крыльями и рогом надо лбом запечатлен на золотых квадратных бляшках из впускной могилы Солохи [Манцевич, 1987, кат. 42]. Несмотря на сильную стилизацию, у него та же поза, что и у грифона на матрице и даже похожий профиль головы. Таким образом, во времена впускного погребения Солохи образ львиноголового рогатого грифона еще занимал высокие позиции в бестиарии скифо-античного искусства. Хотя лидирующие позиции перешли к орлиноголовому грифону греческого типа с «птичьими» крыльями. Выразительная аналогия (особенно по рогам) — фигура львиноголового грифона с двумя козлиными рогами на боковой лопасти ножен меча из Толстой Могилы [Мозолевський, 1979, рис. 52, *2*; 55; 56, кат. 134, с. 71, 72; Skythische ..., 1986, Kat. 152]. У него типичная львиная морда, развернутые птичьи крылья, более тонко проработаны детали изображения — морды, перьев и т. д. Дата Толстой Могилы: по Б.Н. Мозолевскому и С.В. Полину — середина — начало третьей четверти IV в. до н. э. [Мозолевський, 1979, с. 229; Мозолевский, Полин, 2005, с. 362—364];

1. Л.В. Копейкина сравнивает эту композиционную схему с двумя фигурами на обкладке ножен меча из Чертомлыка. Здесь действительно два грифона с серповидными крыльями в «геральдической» композиции, вероятно, рогатые, но верхние части голов обломаны. Передние лапы в таком же положении, как у персонажей на матрице [Алексеев, 2012, рис. на с. 214]. Более близкой представляется другая аналогия, приведенная Л.В. Копейкиной — три золотые прямоугольные бляшки с изображением стоящего грифона такого же типа с длинными козлиными рогами (рис. 7, *4*), приобретенные в станице Лабинской [ОАК, 1909—1910, с. 214, рис. 245].

по Н.А. Онайко — третья четверть IV в. до н. э., возможно, ее конец [Онайко, 1984, с. 258]; по А.Ю. Алексееву — 350—320 гг. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 264.]; по С.В. Полину — вторая четверть, не позднее 350 г. до н. э. [Бидзиля, Полин, 2012, с. 523].

Львиный грифон с острыми загнутыми рогами представлен в сцене терзания на серебряном кубке из Центральной Могилы Большого Рыжановского кургана (дата кубка — вторая половина IV в. до н. э.). Но голова грифона изображена здесь в фас, черты его подобны нашему персонажу, однако уши большие, вытянутые [Скорый, Хохоровски, 1991, с. 271—279]. Такой же львиноголовый грифон — с большими козлиными рогами, с птичьими крыльями, присутствует на упоминавшемся уже лекифе афинского мастера Ксенофонта начала IV в. до н. э. [Соколов, 1973, кат. 40; Передольская, 1945, с. 47 и сл.; ОАК, 1866, табл. IV; Скржинская, 1999, с. 121—130; 2007, рис. 7] (рис. 8, *1*). Таким образом, где-то в начале IV в. до н. э. львиноголовые грифоны ахеменидского типа начинают изображаться, очевидно, под влиянием греческого искусства, с «птичьими» крыльями, хотя сохраняется и архаический образ — с серповидними крыльями.

Этот последний образ устойчиво сохранялся в боспорской монетной чеканке IV в. до н. э., где имел, как и в целом выпуск пантикапейских золотых статеров с грифоном ахеменидского типа на аверсе, антиперсидский характер [Зограф, 1951, с. 175, 176] [1]. Грифоны с серповидними крыльями и более короткими, чем у упомянутых выше персонажей, козлиными рогами (рис. 5, *5*), представлены на реверсе пантикапейских золотых и серебряных монет IV в. до н. э., начиная с первой трети столетия [Анохин, 1986, табл. 2, № *91*]. Несмотря на некоторую схематизацию, обусловленную небольшими размерами монет, образ ахеменидского грифона с головой, изображенной в фас, очень близок персонажу на боковой лопасти горита из Солохи. Он оставался практически неизменным в течение нескольких десятилетий, и под его влиянием в северопричерноморской торевтике появились бляшки — копии монет с грифоном и сатиром [Мозолевский, Полин, 2005, с. 392—410], а также некоторые синкретические образы, наподобие крылатого «быка» на бляшках из Толстой Могилы.

Во всех перечисленых выше случаях это натуралистически выполненные образы греко-скифо-персидского стиля с незначительной долей стилизации. Главное отличие от грифона на матрице — на голове у них нет «обруча» в основании рогов. Что касается львиной морды, то она стилизована в разной манере. Как это нередко бывает при изображении кошачьих хищников в фас, их морды приобретают сходство с человеческим лицом, например, на некоторых пантикапейских статерах, но у грифона на матрице «лицо» особого типа — при наличии человеческих черт, совсем не выражены черты львиные. Его можно сравнить с некоторыми типами львиноголовых грифонов, упомянутых выше, например, бляшками из станицы Лабинская (рис. 7, *4*) и Куль-Обы. У этих грифонов крупная, выдвинутая вперед верхняя челюсть (короткий нос обозначен на его верхней плоскости) и косо срезанный книзу профиль — нижняя челюсть едва обозначена. Такой профиль, несколько напоминающий бычий, мог трансформироваться в еще более фантастический, трудно поддающийся определению.

В целом грифона на матрице можно отнести к кругу существ типа сфинксов, с человеческими лицами, но с короткими бычьими (?) рогами и ушами, изображенных на пластинах — украшениях калафа из Чертомлыка (рис. 7, *2, 3*) [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, кат. 128]. К таковым существам принадлежит и «фантастическая пантера» на золотом налобнике из бокового погребения Бердянского кургана (начало IV в. до н. э.) — повернутое в фас человеческое, либо козлиное лицо, короткие бычьи рога и острые уши [Золото …, 1991, № 95].

Смешение звериных и человеческих черт присуще прежде всего Дионису и персонажам его круга. Самого Диониса нередко изображали с небольшими растущими рогами, а персонажа из его окружения Пана — в виде козла, причем его козлиной голове придавали человеческие черты [Farnell, 1909, v. 5, p. 250, 256], как, например, на кратере из коллекции Дюрана в Лувре (360—350 гг. до н. э.), где изображены Гермес с младенцем Паном, Дионис и Ариадна [Denoyelle, 2011, p. 102] (рис. 8, *2*). Именно дионисийской мифологии и ритуалу присущи такие метаморфозы — изменение пола, соединение черт жертвы и терзателя, их взаимопревращения. Жертва — человек, козел; терзатель — человек (менады), пантеры, хотя и последние могут превращаться в жертву (разрывание пантер менадами) (см.: [Farnell, 1909]).

ИТОГИ

Матрицу, без сомнения, можно зачислить к числу неординарных произведений античного бронзолитейного искусства. Она представляет значительный интерес и с точки зрения технологии ее изготовления. Дата изготовления матрицы — первая половина IV в. до н. э., возможно, первая четверть столетия. Это — время наивысшего подъема искусства художественной обработки метала на Боспоре. В пользу такой даты свидетельствуют и мотивы орна-

1. Львиноголовый грифон — исконный противник персидского царя в единоборстве [Зограф, 1951, с. 176].

ментального обрамления, а также аналогии персонажам — грифоны на боковой лопасти горита, бляшки в виде грифонов из бокового погребения Солохи, тип грифона на лекифе Ксенофонта (оба памятника датируют началом IV в. до н. э.). Не противоречит этой дате и стилистическая близость в трактовке фигуры льва, терзающего оленью голову, на бляшке из боковой могилы Солохи [Манцевич, 1987, кат. 41].

Следует также учитывать близость композиций и некоторых типажей на матрице и на пластинах головных уборов из погребений в курганах у Малой Лепетихи, Вильной Украины, и особенно в Толстой Могиле и Чертомлыке, хотя стилистически изображения очень рознятся. Композиционная схема матрицы выглядит гораздо более архаичной. Прежде всего, на ней представлены фантастические крылатые образы, находящие соответствия среди древностей Зивие и Келермеса и в целом характерные для искусства урарто-мидийско-ахеменидского круга. Заимствование подобных зооморфных мотивов и принципов их соединения в фантастические существа становится заметным в зверином стиле евразийских номадов со второй половины VI в. до н. э. [Королькова, 2015, с. 179]. Еще ранее бестиарий фантастических существ и композиционные схемы переднеазиатского искусства были восприняты архаическим искусством Восточной Греции, в котором с V в. до н. э. возобладало собственно греческое искусство, прежде всего классическая культура Афин [Колобова, 1951, с. 78—80; Полевой, 1970, с. 92, 240]. В греческом исполнении меняется стилистика древневосточных звериных образов, что ярко проявилось в скифо-античном искусстве Северного Причерноморья V—IV вв. до н. э. [Переводчикова, 1994, с. 144—147]. Архаическое впечатление производит и композиционная схема матрицы, состоящая из небольшого количества фигур, помещенных в ограниченное пространство, объединение которых в единый текст происходит за счет их совместного расположения [Королькова, 2006, с. 160]. Такая композиционная схема использовалась на узких фризах: на много — или одноярусных каменных рельефах и повторяющих их изделиях торевтики. Монументальность и статичность фигур матрицы можно объяснить влиянием стиля, присущего каменным рельефам, возможно, ахеменидским.

На матрице представлены в антитетических позициях не только однотипные персонажи, как в ближневосточном и античном искусстве, но и разнотипные. Вероятно, это один из наиболее ранних образцов применения подобной схемы из 6 фигур, которая устойчиво сохранялась в течение нескольких десятилетий: в центре два персонажа, почти зеркально повторяющие друг друга, а по краям — две пары разнотипных персонажей. Композиционная схема матрицы и представленные на ней образы (крылатый бык, крылатый кабан, грифон, сфинкс), как уже упоминалось, повторяются в украшениях погребальных головных уборов середины — третьей четверти IV в. до н. э. (Вильна Украина, Толстая Могила, Чертомлык). Некоторые персонажи сохраняют характерные позы (крылатый кабан). Временной разрыв в нескольких десятилетий вполне возможен, учитывая консерватизм погребального обряда. Можно согласиться с мнением, что келермесские монстры не привились в скифском искусстве и не вошли в число тиражируемых изобразительных формул [Королькова, 2015, с. 179]. Но — традиция эта, как выясняется, была сохранена античными мастерами, знакомыми со скифской (иранской) мифологией и создавшими на этой основе образцы несколько видоизмененных синкретических существ.

Вряд ли подлежит сомнению, что матрица изготовлена на Боспоре или мастером-боспорянином. Именно здесь можно ожидать сочетание приемов античной живописи и монетной чеканки (голова Силена, тип ахеменидского грифона), самого набора и соединения типажей, зафиксированных на боспорских монетах V—IV вв. до н. э.: силен — грифон, маска льва — голова барана (рис. 5, *1*). Поскольку монетные типы напрямую связаны с государственными культами [Farnell,1909, p. 261], естественно предположить, что матрица была создана в одной из мастерских Боспора. Для территории Боспора наиболее свойственно соединение мотивов греческого искусства, ахеменидского, малоазийского (крылатый кабан, крылатый бык). Каждый из этих стилей в это время уже был синкретическим, сочетая в разной степени все четыре компонента (вместе со скифо-сибирским). От скифской в широком смысле традиции — придание практически всем существам черт хищников (львиные туловища или их элементы), помещение в центр композиции кабанов, бараньи рога у львиноголового грифона. Примечательно, что многие типажи матрицы представлены и на бляшках Семибратних курганов, которые наследовали типы античных монет, а сами курганы находились рядом с одним из крупных центров художественной обработки металла [Прушевская, 1955, с. 336, 356]. Сами же изделия свидетельствуют о влиянии на местную художественную традицию греко-персидского искусства [Переводчикова, 1994, с. 169, 170]. По уровню мастерства матрицу можно сравнить с лучшими образцами золотых штампованных бляшек конца V— начала IV вв. до н. э.

Авторы не ставили задачу исследовать культово-мифологический контекст изображений на матрице. Судя по центральной паре персонажей, вся композиция могла иметь отношение к культу бога войны (кабан и бараньи

рога как символ Веретрагны — олицетворения мощи, победы). Не случайно фигуры кабанов или их головы служили украшениями парадного скифского вооружения. Не противоречит этой трактовке и символика остальных персонажей («царских» — лев, грифон), а также их крылатость. Известны и изображения сцен с участием Сатира / Силена и воинов [Передольская, 1967, табл. CXIV]. Есть основания связывать изображения на матрице и с кругом дионисийских представлений. В частности, к культу Диониса имели отношение свинья [Ходза, 1997], бык, баран, пантера. В понтийских полисах культ Диониса известен с VI в. до н. э., причем в Пантикапее в IV в. до н. э. существовало святилище этого божества, приверженцами которого была высшая знать (Русяева, 2005, с. 389—410). Археологически это засвидетельствовано, в частности, с V в. до н. э. в некрополе Нимфея; а с начала IV в. до н. э. и в погребениях высшей знати Степной Скифии распространяются различные предметы, в том числе металлические сосуды. Присутствие на пантикапейских монетах с начала IV в. до н. э. образа Силена/Сатира (Пана) имело прямое отношение к государственным культам. В пользу дионисийской символики свидетельствует устойчивое использование пластин как украшений парадных головных уборов (они же погребальные).

Следует отметить отсутствие зооморфных превращений, типичных для скифского искусства звериного стиля. Изделие выполнено в скифо-античном стиле конца V — начала IV вв. до н. э., в котором, помимо натурализма античного искусства (моделировка тел, соблюдение пропорций, детали в передаче голов быка и сфинкса), чувствуется влияние придворного искусства ахеменидской Персии (монументальность и статичность, крылатость всех персонажей, их фантастический характер). Крылатость была свойственна персонажам ближневосточного искусства и восточногреческой архаики [Колобова, 1951, с. 80], но в данном случае следует, очевидно, подразумевать влияние близкого по времени ахеменидского придворного стиля, одной из особенностей которого была крылатость фигур [Rehm, 2010, p. 166, 167].

В этот период (конец V — начало IV вв. до н. э.) искусными античними мастерами начинают создаваться (преимущественно для боспорян, знакомых с античным искусством и мифологией) многочисленные дорогие изделия на скифскую или «восточную» тематику, воспроизводившие сюжеты или отдельные сцены из живописных или скульптурных произведений. Аналогично мастер, изготовивший матрицу, черпал вдохновение из богатого источника образов, сюжетов, метафор и аллегорий, понятных образованному слою эллинского, скифского, и вероятно, персидского обществ. Подобно Ксенофонту и другим известным мастерам, мастер «подписал» свое творение (маска льва). Можно предположить, что он собрал в одной композиции персонажей какого-то известного в то время мифа. Возможно, эти крылатые существа были лишь фоном, дополнявшим основную сцену с участием богов и героев, как, например, на горите из Солохи, пекторали из Толстой Могилы и других изделий или сцены терзання, как на ахеменидском рельефе из Персеполя.

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В. и др. Клады античних монет из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. — К., 2006. — 240 с.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. — СПб., 2003. — 416 с.

Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. — СПб., 2012.— 271 с.

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. — К., 1986. — 223 с.

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. — Прага; Ленинград, 1966. — 180 с.

Афанасьева В.К. Шумеро-аккадская мифология // МНМ. — 1980. — Т. 2. — С. 647—653.

Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. — К., 2012. — 752 с.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. Степные народы Евразии. — М., 1997. — 290 с.

Гребенников Ю.С. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX—III вв. до н. э.). — Николаев, 2008. — 191 с.

Зеймаль Е.В. Вступительная статья и каталог выставки «Амударьинский клад». — Л., 1979. — 95 с.

Зограф А.Н. Античные монеты. — М., 1951. — 263 с. (МИА. — № 16).

Золото Степу. Археологія України. — Київ; Шлезвіг, 1991. — 440 с.

Кисель В.А. Священная секира скифов. — СПб., 1997. — 110 с.

Клочко Л.С., Васіна З.О. Реконструкція головних уборів за декоративними елементами з поховань скіф'янок (версії загальної класифікації) // Музейні читання. — К., 2011. — С. 97—112.

Колобова К.М. Из истории раннегреческого общества (о. Родос IX—VII вв. до н. э.). — Л.,1951. — 337 с.

Кормышева (Миньковская) Э.В. Амон // МНМ. — 1980. — Т. 1. — С. 70—71.

Королькова Е.Ф. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую епоху (VII—IV вв. до н. э.). — СПб.,2006. — 272 с.

Королькова Е.Ф. Следы невиданных зверей (к проблеме трактовки фантастических образов) // АСГЭ. — 2015.— Вып. 40. — С. 157—188.

Костенко В.Ю. Археологічні пам'ятки Середнього Потрубіжжя. — Переяслав-Хмельницький, 2015. — 550 с.

Кубышев А.И., Бессонова С.С., Ковалев Н.В. Братолюбовский курган. — К., 2009. — 191 с.

Лазаревский Я. Александропольский курган. Могила скифского царя // ЗРАО. — 1894. — Т. 7. — С. 24—46.

Лєсков О. Скарби курганів Херсонщини. — К., 1974. — 123 с.

Максимова М.И. Серебряное зеркало из Келермеса // СА. — 1954. — Т. XXI. — С. 281—305.

Манцевич А.П. Курган Солоха. — Л.,1987. — 144 с.

Маразов И. Ритоните в древна Тракия. — София, 1978. — 180 с.
Мозолевський Б.М. Товста Могила. — К., 1979. — 252 с.
Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. Бабина, Водяна и Соболева Могилы. — К., 2005. — 600 с.
Онайко Н.А. О новых публикациях античной торевтики из скифских курганов Поднепровья // СА. — 1982. — № 4. — С. 248—260.
Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. — М., 1994. — 206 с.
Передольская А.А. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Каталог. — Л., 1961. — 404 с.
Полевой В.М. Искусство Греции. — М., 1970. — 382 с.
Полин С.В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине. — К., 2014. — 776 с.
Прушевская Е.О. Художественая обработка метала (торевтика) // Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории культуры. — М.; Л., 1955.— С. 325—355.
Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М.; Л. — 1960. — 358 с.
Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. — 1959. — № 69. — С. 5—107.
Скорый С.А. Об одной группе культовых погребений Скифии // Археология без границ. Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. — СПб., 2015. — С. 382—388 (Тр. ГЭ. — Т. 77).
Скорый С.А., Хохоровски Я. Серебряные сосуды из Большого Рыжановского кургана // Древности Восточной Европы: Сб. науч. тр. к 90-летию со дня рожд. Б.А. Шрамко. — Харьков, 2011. — С. 271—279.
Тахо-Годи А.А. Герион // МНМ. — 1980. — Т. 1. — С. 283—284.
Тахо-Годи А.А. Силены // МНМ. — 1982. — Т. 2. — С. 434—435.
Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1, 2. — СПб., 1889.
Филов Б. Надгробнитъ могили при Дуванлий в Пловдиско. — София, 1934. — 250 с.
Ходза Е.Н. К вопросу об анималистических изображениях в античной коропластике // Тр. ГЭ. — 1997. — Т. 28. — С. 63—73.
Черемисин Д.В. Искусство звериного стиля в погребальних комплексах рядового населения пазырыкской культуры. — Новосибирск, 2008. — 133 с.
Шелов Д.Б. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье // КСИИМК. — 1950. — Вып. XXXIV. — С. 62—69.
Ярхо В.Н. Сфинкс // МНМ. — 1982. — Т. 2. — С. 479—480.
Dalton O.M. The treasure of the Oxus with other of early oriental metal-work. — London, 1964. — 80 p.
Denoyelle M. Les céramique grecque de Paestum. La collection du musée du Louvre. — Paris, 2011. — 189 p.
Farnell L.R. The cults of the Greek states. — Oxford, 1909. — Vol. V. — 495 p.
Ghirshman R. Iran Protoiranier, Meder und Achämeniden. — München, 1964. — 452 S.
Godard A. L'Art de l'Iran. — Paris: Arthaud, 1962. — 521 p.
Heling B. Der Fund von Ziwiyen // Königs Gräber der Skythen. — München; Berlin; London; New-York, 2007. — S. 228—235.
Lebedinsky I. Les Scythes. — Paris, 2010. — 309 p.
Rehm E. The Classification of Objects from the Black Sea Region Made or Influenced of the Achaemenids // Achaemenid impact in the Black Sea. Communications of powers. Edited by Jens Hieling and Ellen Rehm. — 2010. — P. 161—194.
Skythische Kunst (Altertümer der skythischen Welt mitte des 7. bis 3. Jahrhundert v. u. Z. — Leningrad, 1986. — 183 S.
Treister M. «Achaemenid» and «Achaemenid-inspired» Goldware and Silver-ware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire // Achaemenid impact in the Black Sea. Communications of powers. — 2010. — P. 223—279.

С. С. Бессонова,
Р. В. Зимовець, С. А. Скорий

БРОНЗОВА МАТРИЦЯ СКІФСЬКОГО ЧАСУ, ЗНАЙДЕНА У ЗАПЛАВІ РІЧКИ ТРУБІЖ
(попередня публікація)

У статті здійснено опис унікальної матриці, знайденої восени 2015 р. у Переяслав-Хмельницькому р-ні Київської обл. Матриця була призначена для відбитку золотих пластин, що слугували прикрасами головних уборів типа калафу. Ретельно розглядається рельєфна композиція з шести міфічних персонажів, представлена на лицьовій стороні матриці. Персонажі скомпоновані попарно й складають три групи зображень, які включені у єдину композицію завдяки верхньому та нижньому орнаментальному фризам, що охоплює всю довжину матриці. Кожна з фігур композиції відокремлена від сусідніх орнаментальними стовпчиками. Всі істоти наділені тулубом кошачого хижака та крилами. Центральна група зображує дві фантастичні істоти з головами вепрів в агресивній позі. У лівій групі — дві фантастичні істоти, одна з яких — з головою бика, друга — з головою кошачого хижака з баранячими рогами. У правій групі представлена істота з чоловічою головою, що нагадує Сатира або Силена та синкретична, схожа на рогатого грифона ахеменідського типу.

Аналіз особливостей зображень дозволив виявити численні аналогії у репертуарі асірійського, урартського, мідійського, ахеменідського, грецького та греко-скіфського мистецтва. Особливої уваги заслуговують центральні образи крилатих вепрів, що знаходять іконографічні аналогії в зображеннях на золотих пластинах калафів з Товстої Могили та Чортомлика. Таким чином, можна впевнено констатувати, що матриця використовувалася для виготовлення золотих стрічок скіфських калафів, що слугували ознакою особливого статусу їх носіїв.

Розміщення у центрі матриці образів крилатих вепрів, а також символіка інших персонажів дозволяє попередньо інтерпретувати семантику зображень матриці як пов'язану з культом бога війни. Образи сатира, бика та рогатого грифона з головою лева вказують на зв'язок з боспорською монетною чеканкою та символікою культу Діоніса.

На підставі комплексного аналізу образів та їх аналогій робиться висновок щодо виготовлення матриці на території Боспору у період найвищого підйому мистецтва художньої обробки металу, можливо, у першій чверті IV ст. до н. е. Матриця, безумовно, є видатним витвором античної торевтики, що увібрав у себе реалістичну художню стилістику, характерну для грецького мистецтва кінця V — початку IV ст. до н. е.,

традиції зображення синкретичних істот, притаманні близькосхідним культурам Ассірії, Урарту, Мідії, ахеменідської Персії та компонент скіфської культури (зображення вепрів, надання усім істотам вигляду хижаків). Носії останньої, скоріш за все, і були головними користувачами золотих прикрас, які виготовлялися за допомогою цього засобу виробництва.

Ключові слова: греко-скіфський стиль, антична торевтика, матриця, синкретичні образи.

S. S. Bessonova,
R. V. Zymovets, S. A. Skory

BRONZE MATRIX OF SCYTHIAN EPOCH, FOUND IN THE TRUBIZH RIVER FLOODPLAIN (preliminary publication)

The unique bronze matrix, found in autumn 2015 in Pereyaslav-Khmelnytsky district of Kyiv Region examines in this article. Matrix used for gold plates stamping, which decorated headdresses (Colaf type). Relief composition on the front side of matrix that includes six mythical characters is under consideration. The characters are arranged in pairs and comprise three groups of images included in a single composition through the top and bottom ornamental frieze, covering the entire length of the matrix. Each of the figures is separated from neighboring tracks ornamental columns. All creatures are endowed with the feline predator body and wings. Central pair represents two fantastic creatures with heads of wild boar in an aggressive pose. The left pair represents two syncretic creatures, one of which — with a bull's head, the second — with the head of a feline predator, provided by ram's horns. The right pair represent fantastic creature with human head resembling satire or selenium and syncretic creature resembling a horned griffin of Achaemenid type.

Analysis of the images revealed numerous analogies form repertoire of Assyrian, Urartu, Median, Achaemenid, Greek and Greek-Scythian art. Particularly noteworthy are the central images of winged boars that are similar to images on golden plates of Calaf from Tovsta Mohyla and Chertomlyk Scythian tumulus. Thus, we can confidently state that the matrix used for the manufacture of Scythian gold ribbons for Calaf decoration, which served as the sign of the special status of their owners.

Accommodation in the center of the matrix images of winged boars, and symbolics of other characters allows to interpret semantics of images as associated with the cult of the god of war. Images of satire, bull and horned griffin with the lion's head indicate the relationship with the Bosporus coinage and symbols of the cult of Dionysus.

Based on comprehensive analysis of images and analogies, authors conclude on Bosporus as a territory, where matrix was produced, in the period of highest rise of Art metal in the late 5th — early 4st BC. Matrix is definitely outstanding work of ancient toreutics that has incorporated a realistic style of Greek art in the late 5th — early 4st centuries BC, possibly, the first quarter, tradition of syncretic images beings inherent in Middle Eastern cultures of Assyria, Urartu, Medes, Achaemenid Persia and Scythian culture components (images of wild boars, predator's look of all characters). Most likely, the representatives of Scythian culture were the main users of gold jewelry, which produced by means of matrix.

Keywords: Greeks-Scythians style, antics toreutics, matrix, syncretic images.

Одержано 31.03.2016

УДК: 904.2(477.51)"6383"

Д. В. Каравайко

ОБ ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ БРОНЗОВЫХ ВЕЩЕЙ

В статье анализируются изделия из бронзы, относящиеся к эпохе раннего железа. Рассматривается возможность их нахождения на одном из юхновских городищ у с. Радичев.

Ключевые слова: ранний железный век, коллекция, бронза.

Не так давно автору данной публикации были переданы 14 бронзовых предметов, найденных при грабительских раскопках [1]. По имеющимся данным, находки происходят с городища у с. Радичев (Коропский р-н, Черниговская обл., правый берег Десны) (рис. 1). Прежде всего, следует отметить, что публикация подобного рода материала поддерживается далеко не всеми археологами, и, как правило, осуждается. Вещи «вырваны» из контекста памятника, место нахождения весьма сомнительно и, наконец, сотрудничество или поддержка грабительских раскопок — все эти доводы неопровержимы. Данная коллекция не содержит уникальных находок, и вполне могла бы быть проигнорирована, как минимум, на уровне публикации. Однако место нахождения вещей вызывает и сомнение, и определенный интерес. Найдены они в ареале юхновской культуры, где изделия скифского облика единичны, да и другие изделия из бронзы также. Первоначально обратимся непосредственно к самой коллекции. Как было сказано выше, она состоит из 14 предметов — деталей конской узды, украшений и наконечников стрел (см. вклейку: рис. 2) [2].

1. Подвеска в виде головы хищной птицы (рис. 3, *1*). Размеры — 2,4 × 1,6 см. На двухсторонней подвеске концентрическими окружностями передан глаз. На клюве рельефно изображено ротовое отверстие и надклювье. В нижней части изделия располагается округлое отверстие для крепления диаметром 0,6—0,7 см. На нем видны следы потертости от ремня. Аналогии таким вещам известны на лесостепных памятниках скифского времени, в частности в кургане 412 у с. Журовка, и в Крыму [Скорый, Зимовец, 2014, с. 73].

Рис. 1. Карта городищ у с. Радичев Черниговской области: *1* — Пузырь Хутор; *2* — Мещанское; *3* — Хотинское; *4* — Московское

1. Вещи переданы Р.В. Зимовцом.
2. Находки переданы в музей Мезинского национального природного парка.

© Д.В. КАРАВАЙКО, 2016

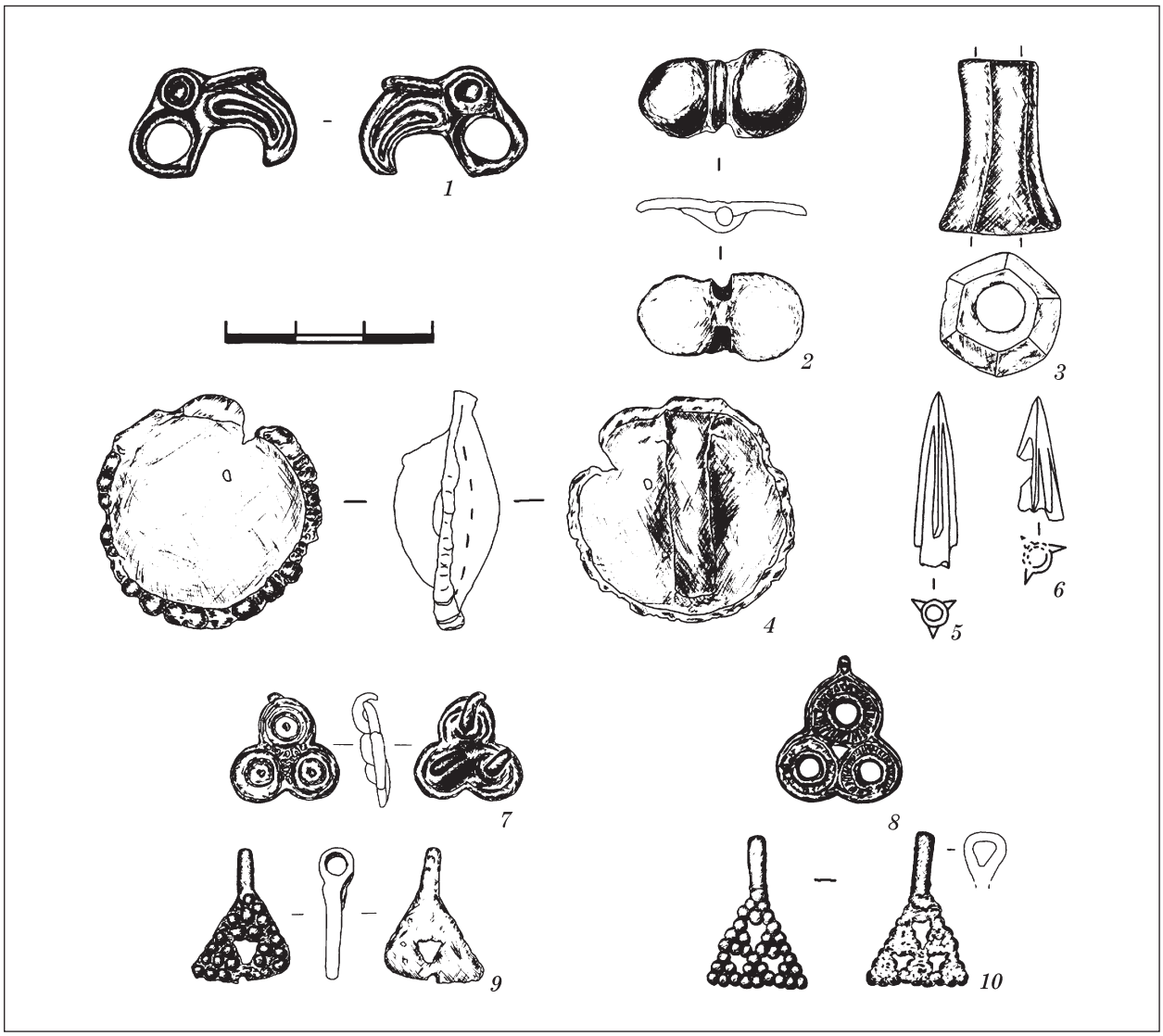


Рис. 3. Детали сбруи коня, украшения и наконечники стрел

Привеска может быть датирована V в. до н. э. [Петренко, 1967, с. 93; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 163, рис. 29, *10*] или в более узких пределах — середина — вторая половина V в. до н. э. [Могилов, 2008, с. 83, рис. 152, *20*].

2. Восьмерковидная бляха с петлей на обороте (рис. 3, *2*). Размеры 2,3 × 1,2 см. Толщина с учетом петли — 0,4 см. Подобные находки имеют широкие аналогии на памятниках Лесостепи и Степи. Датируются они, преимущественно средне-позднескифским временем, и, как исключение, ранним периодом [Могилов, 2008, с. 44, рис. 91, *13—31, 33—35*].

3. Шестигранная ворворка срезаноконичной формы с вогнутыми боками (рис. 3, *3*). Размеры — 2,4 × 1,7 × 1,2 см. Диаметр отверстия — 0,6 см. Аналогичные вещи достаточно многочисленны и имеют широкое распространение в пределах Лесостепи, Степи, Крыма, Среднего Дона и иных территорий [Петренко, 1967, с. 41, табл. 32, *9—10, 20—22*; Могилов, 2008, с. 78, рис. 145, *36—56*]. Они выявлены преимущественно в комплексах V в. до н. э. По более узкой датировке, могут быть отнесены к первой половине указанного столетия [Гречко, 2010, с. 83, рис. 67, *37*; 104, *59*].

4. Петельчатая розетковидная бляха (рис. 3, *4*). Диаметр — 3,2—3,4 см. Толщина с учетом петли — 1,4 см. Прямые аналогии данной находки есть в лесостепных памятниках V в. до н. э. [Могилов, 2008, с. 55, рис. 107, *55—64*; 108, *26*]. Достаточно схожие бляхи, оформленные иным способом, известны и на памятниках раннего железного века лесной зоны [Мельниковская, 1967, рис. 31, *1, 3—7*; Кренке, 2011, рис. 139].

Описанные выше вещи являются частью сбруи коня, естественно при учете возможности многофункционального использования ворворок.

5, 6. Наконечники стрел (рис. 3, *5, 6*). Высота 2,5 и 1,8 см. У одного присутствует выступающая втулка, второй — фрагментирован. В данном случае нет необходимости приводить

аналогии. Оба наконечника могут быть датированы V в. до н. э.

Украшения представлены такими формами.

7. Треугольная бляшка, состоящая из строенных кружков-розеток (рис. 3, *7*). Размеры — 1,3 × 1,3 см. Максимальная толщина — 0,3 см. Как правило, эти изделия являлись частью украшения головного убора. Подобные бляшки широко известны в лесостепных памятниках скифского времени [Дараган, 2011, рис. V, *74*]. В частности, схожие украшения найдены в курганах 407 у с. Журовка [Ильинская, 1975, с. 151, табл. X, *7*], 2 в уроч. Осняги [Ковпаненко, 1967, с. 159, рис. 53, *111*], 2 в уроч. Скоробор [Ковпаненко, 1967, с. 96, рис. 43, *5*] и других. Они датированы VI в до н. э. и отличаются тем, что изготовлены из золота. Более поздним временем, IV—III вв. до н. э., датировала золотые бляшки из курганов Среднего Приднепровья В.Г. Петренко [1967, с. 95]. По наблюдениям Е.Е. Фиалко, в раннее время (вторая половина VII — VI вв. до н. э.), бытовали бляшки из строенных концентрических кружков, а с V в. до н. э. появляются кружки-розетки, оформленные по контуру поясками псевдозерни [Фиалко, 2006, с. 66—69].

Кроме того, что все аналогичные бляшки изготовлены из золота они и имеют еще одну отличительную особенность. Во всех случаях на них отсутствуют крепежные приспособления [Фиалко, 2006, с. 65]. На бронзовой бляшке из нашей коллекции на обратной стороне, в центре каждого кружка, присутствует небольшой крючок. С их помощью украшение крепилось к какой-либо части костюма (головному убору?).

8. Треугольная привеска, состоящая из трех четко выделяемых кружков, украшенных псевдозернью (рис. 3, *8*). В центре каждого кружка округлое отверстие. Треугольное отверстие находится и между кружками, что создает впечатление, будто каждая из трех деталей отливалась самостоятельно, и только потом их объединили в одно изделие. По своему оформлению подвеска схожа на вышеописанную бляшку. Однако прямых аналогий найти не удалось. Размеры украшения — 2 × 1,7 × 1,8 см, толщина — 0,1 см.

9. Треугольная подвеска, состоящая из трех треугольников, украшенных рельефно выступающими горошинками (рис. 3, *9*). На каждом маленьком треугольнике несколько рядов горошин, число которых по мере приближения к верху уменьшается на единицу. Всего таких горошин на одном треугольнике 10 штук. Общий размер подвески — 1,8 × 1,3, диаметр ушка 0,3 см.

10. Треугольная подвеска, состоящая из шести треугольников, в каждом из которых по 6 горошин (рис. 3, *10*). По своему исполнению она аналогична описанной выше. Размеры — 2,2 × 1,4 см, диаметр ушка — 0,4 см.

Такие подвески весьма схожи с «подгорцевскими», найденными у сел Подгорцы, Бортничи [Даниленко, 1956, табл. II, *16—18*; табл. V, *24, 25*], Рудяки [Савчук, 1952, рис. 1, *4*]. Все они отлиты по восковой модели и датируются скифским временем. Рубежом эр датирует О.Н. Мельниковская такую же подвеску с территории милоградской культуры [1967, рис. 36, *16*; 64]. Существенная разница состоит в том, что украшена она не горошинками, а рядом кружочков, да и техника изготовления иная. Наиболее близкую аналогию находим на памятнике все той же милоградской культуры Старое Однополье. Ее высота 1,8 см. На подвеске присутствуют 22 рельефно выступающие горошины, и относится она к VI—V вв. до н. э. [Лошенков, 2011, с. 219, рис. 66, *17*]. Схожая подвеска [1] найдена и на Среднем Днепре [Левенок, 1963, рис. 7, *27*]. В отличие от подвесок из нашей коллекции они не являются «составными». Также, следует отметить и находки формочек для отливки таких украшений. Они происходят с городищ Курского Посеймья Кузина Гора (нижний слой) и Моисеевское [Алихова, 1962, с. 106, рис. 11, *2а*; 19, *9*; 20, *18*]. В целом же, подвески треугольной формы разнообразные по исполнению и орнаментации были широко распространены в скифское время у разных народов.

11. Фрагмент браслета украшенного по внешней стороне шишечками (рис. 4, *1*). Они располагаются на круглой в сечении основе группами по пять штук. Диаметр самого ободка браслета — 0,2 см. Подобные браслеты относятся к кругу латенских древностей и происходят из комплексов IV в. до н. э. — III в. н. э. Аналогичный браслет найден на дьяковском городище Тушемля [Кухаренко, 1959, с. 36, рис. 2, *23*]. Известны такие украшения и с днепро-двинского городища Новые Батеки [Седов, 1969, с. 123, рис. 3, *22*], а так же юхновского городища Лбище, относящегося к рубежу эр [Падин, 1966, с. 147—149, рис. 6, *1*].

12—14. Трапециевидные привески, орнаментированные линиями и зубчатым штампом (рис. 4, *2—4*). Выполнены на тонком, 0,1—0,2 см, бронзовом листе. Сохранившиеся размеры — 4,6 × 2,4; 3,4 × 2,6; 1,6 × 2,3 см. Так же как и треугольные, разнообразные трапециевидные подвески известны во многих культурах в широком хронологическом диапазоне. Как правило, они являлись составной частью какого либо украшения — привешивались, например, к гривне или височным кольцам. Наиболее близкие аналогии находим в погребениях в длинных курганах Смоленщины [Седов, 1974, с. 33, табл. 23, *34, 38*]. Как пример, курган 3 у с. Заозерье, датируемый VIII—IX вв. н. э. Различие состоит лишь в наличии орнамента из концентрических окружностей [Шмидт, 1963, рис. 13,

1. Памятник не указан.

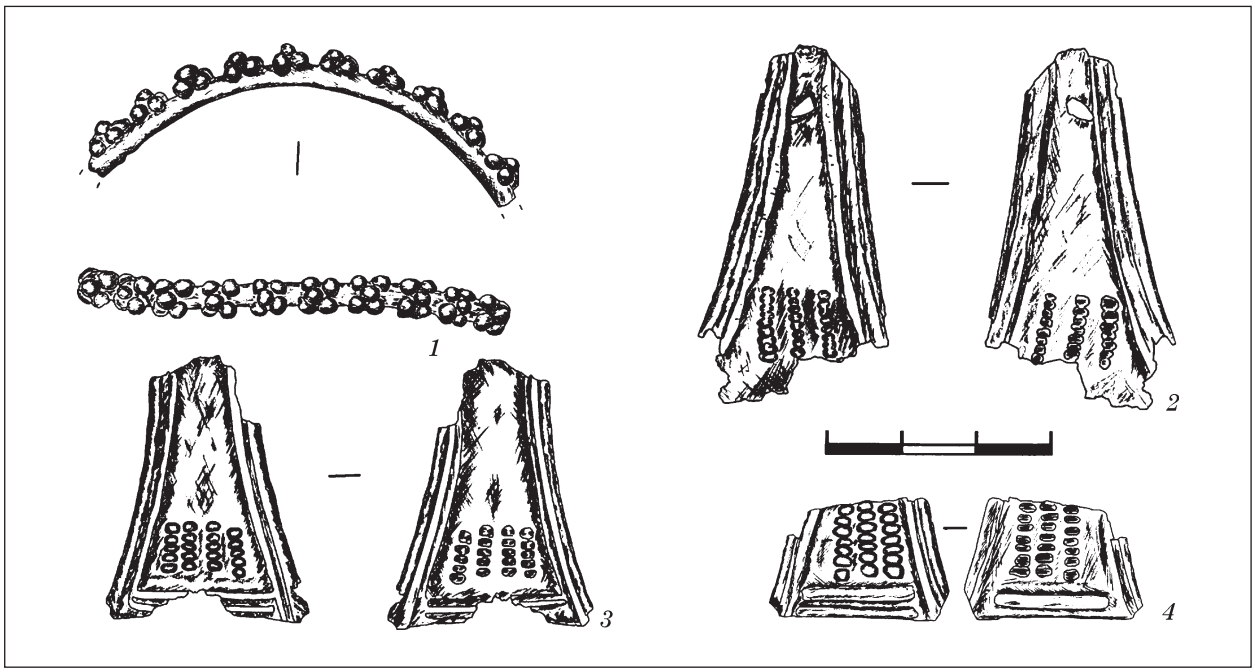


Рис. 4. Бронзовые украшения

17, 18; Седов, 1974, табл. X]. Такие привески в смоленских курганах достаточно многочисленны [Третьяков, 1941, рис. 14, *8—11*]. Похожее изделие, но с более простым орнаментом, найдено и на поселении пеньковской культуры [Березовец, 1963, рис. 11, *1*]. Разнообразные трапециевидные привески найдены на многих памятниках славянской эпохи [Левенок, 1963, рис. 7, *1—8*].

Таким образом, рассматриваемая коллекция является хронологически неоднородной, а приведенные аналогии вещам имеют широкий ареал. Изначально рассмотрим объявленное место находок — «городище Радичев». У данного села находится четыре укрепленных поселения [Каравайко, 2012, с. 203—209]. Степень их изученности достаточно низка. Исследования на них практически не проводились и ограничивались визуальным осмотром, сбором подъемного материала, небольшими шурфами. Как исключение, небольшие раскопки (112 м^2) на городище III [Казаков, Потапов, Олейник, 1991].

Мощность культурного слоя невелика, 0,6—0,8 м на трех из них и до 1,5 м на городище I. На нем выявлены исключительно материалы юхновской культуры [Мельниковская, 1967, с. 3]. Слои юхновской, роменской культур и эпохи Киевской Руси прослеживаются на втором и третьем городище. Московское отнесено к раннему железному веку. Кроме того, по данным местного краеведа В.Е. Куриленко на памятниках найдены так же немногочисленные материалы сосницкой, киевской, колочинской и волынцевской культур. Исходя из хронологии весьма сомнительным представляется возможность нахождения всех 14 вещей на одном из этих городищ.

Одиннадцать из четырнадцати предметов могли бы быть синхронизированы со временем существования юхновской культуры. Не исключено, что трапециевидные подвески могли появиться в конце I тыс. до н. э. Несмотря на это, нахождение их на одном городище вряд ли возможно. Изделия из бронзы у населения юхновской культуры крайне малочисленны. Преимущественно, это булавки или же иные украшения. Вещи скифского облика вообще единичны, за исключением находок наконечников стрел. Звериный стиль не получил распространения в ареале данной культуры. Можно лишь указать на бронзовую бляшку со стилизованным изображением львиной морды [Розенфельдт, 1968, с. 197, рис. 2, *7*]. Не было развито в юхновской среде и всадничество. Деталей снаряжения коня практически нет. Имеющиеся же находки весьма примитивны. Таким образом, сопоставить, как минимум, 4 находки с юхновскими древностями не представляется возможным (рис. 3, *1—4*). Бляшки, состоящие из строенных кружков (рис. 2, *7, 8*), так же исключаем из данного круга.

Наконец, такие вещи как подвески в виде головы хищной птицы, восьмерковидные бляхи с петлей на обороте, ворворки, петельчатые розетковидные бляхи, треугольные бляхи и подвески из трех кружков (рис. 3, *1—4, 7, 8*) найдены преимущественно (или исключительно) в погребальных комплексах. Зона их распространения — Степь и Лесостепь. Наконечники стрел являются не редкой находкой на огромных территориях. А вот аналогии таким вещам как треугольная подвеска украшенная горошинами, фрагмент браслета с шишечками и трапециевидная подвеска (рис. 3, *9, 10*; 4)

находятся в лесной полосе. Причем последние так же массово происходят из погребений.

Очевидно, что вещи были найдены на нескольких памятниках, как минимум, двух. Остается открытым вопрос, почему в качестве местонахождения назван именно «Радичев». Как правило, грабители не сообщают точного места своих находок вообще или указывают на общеизвестные памятники, опасаясь «конкуренции». Городища у этого села практически не упоминаются в литературе и известны ограниченному кругу людей. Несмотря на то, что недавно создан Мезинский национальный природный парк, под чьей юрисдикцией находятся этот археологический комплекс, грабительские раскопки как проводились, так и проводятся (хотя в меньших масштабах) в округе. Не исключено, что одна или несколько вещей были найдены именно на одном из радичевских городищ. Наиболее вероятно, что это мог быть фрагмент браслета, аналогичный Лбищенскому. Возможно, что там же найдены треугольные подвески, украшенные горошинами. Происхождение иных вещей предположить невозможно. Их попадание в коллекцию является случайным или преднамеренным деянием самих грабителей. Таким образом, напрашиваются два прямо противоположных вывода. Первый — бесперспективность работы с подобными коллекциями, даже в случаях, когда сообщаются места находок. Второй — полное игнорирование не решит проблем грабежа археологических памятников, а выделить рациональное зерно все же возможно, хотя и с большой долей вероятности.

В связи с созданием Мезинского парка в регионе возобновились археологические исследования, проводимые специалистами г. Чернигов. Остается надеяться, что при дальнейших работах появится шанс более точно сопоставить находку и городище. Кроме того, на правом берегу Десны, в среднем течении, есть и курганы, хотя немногочисленные. Учитывая специфику местных грунтов и многолетнюю распашку, их число значительно возрастает. Как правило, курганы датируются в широких хронологических рамках: бронзовый век — эпоха Киевской Руси. Предпочтение отдается более позднему времени, так как лесная зона не слишком пригодна для хозяйства кочевых обществ. Впрочем, климатические условия региона изменялись. Так, в XVIII в. на юге Новгород-Северского Полесья леса отсутствовали вообще, и дома приходилось топить соломой [Ситий, 2009, с. 181]. Интересен и факт нахождения подкурганного погребения юхновской культуры у с. Киселевка, Новгород-Северского района [Каравайко, 2010]. Обряд явно не местный. Таким образом, проникновение кочевников вглубь лесной зоны вполне допустимо, как и не исключено нахождение курганов со скифским инвентарем в районе Радичева.

Алихова А.Е. Древние городища Курского Посеймья // МИА. — 1962. — № 113. — С. 86—129.
Березовец Д.Т. Поселение уличей на р. Тясмин // МИА. — 1963. — № 108. — С. 145—208.
Гречко Д.С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. — К., 2010. — 286 с.
Даниленко В.М. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів на Київщині в 1950 р. // АП УРСР. — 1956. — Т. VI. — С. 5—16.
Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. — К., 2011. — 848 с.
Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. — К., 1975. — 224 с.
Казаков А.Л. Потапов И.А. Олейник Г.Л. Отчет об исследовании Радичевского городища в 1991 г. / НА ІА НАН України. — 1991/129.
Каравайко Д.В. Поховання юхнівської культури на Чернігівщині // Археологія. — 2010. — № 1. — С. 68—78.
Каравайко Д.В. Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. — К., 2012. — 276 с.
Ковпаненко Г.Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. — К., 1967. — 188 с.
Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. — К., 1989. — 336 с.
Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. — М., 2011. — 548 с.
Кухаренко Ю.В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. — 1959. — № 1. — С. 31—51.
Левенок В.П. Юхновская культура (ее происхождение и развитие) // СА. — 1963. — № 3. — С. 79—96.
Лошенков М.И. Городища милоградской культуры на территории Беларуси. — Минск, 2011. — 408 с.
Мельниковская О.Н. Племена южной Белоруссии в раннем железном веке. — М., 1967. — 196 с.
Мельниковская О.Н. Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г. / НА ІА НАН України. — 1967/43.
Могилов О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. — Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. — 439 с.
Падин В.А. Юхновские поселения Средней Десны // СА. — 1966. — № 2. — С. 137—150.
Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. — М., 1967. — 180 с. (САИ. — Вып. Д 1—4).
Розенфельдт Р.Л. Пушкаревское городище на р. Десне // СА — 1968. — № 1. — С. 194—197.
Савчук А.П. Бескурганное погребение в с. Рудяки на Киевщине // КСИА. — 1952. — Вып. 1. — С. 56—58.
Седов В.В. Длинные курганы кривичей. — М., 1974. — 69 с. (САИ. — Вып. Е 1—8).
Седов В.В. Культура Днепро-Двинского междуречья в конце I тысячелетия до н. э. // СА. — 1969. — № 2. — С. 116—125.
Ситий Ю.М. Розташування курганів епохи бронзи та раннього залізного віку на території Чернігівщини // Скарбниця Української культури. — 2009. — Вип. 11. — С. 175—183.
Скорый С.А., Зимовец Р.В. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. — К., 2014. — 180 с.
Третьяков П.Н. Северные восточно-славянские племена // МИА. — 1941. — № 6. — С. 9—55.

Фиалко Е.Е. Об одном типе золотых украшений скифского времени (к вопросу об эволюции и происхождении) // АЛЛУ. — 2006. — № 1. — С. 61—73.
Шмидт Е.А. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н. э. // МИА. — 1963. — № 108. — С. 51—67.

Д. В. Каравайко

ЩОДО ОДНІЄЇ КОЛЕКЦІЇ ВИРОБІВ З БРОЗИ

За даними, що маємо, 14 виробів з бронзи було знайдено на одному з юхнівських городищ поблизу с. Радичів, що на Чернігівщині. Серед них деталі збруї коня, прикраси та скіфські вістря до стріл. Десять предметів можуть бути віднесені саме до скіфського часу. Принаймні частина з них датуються V ст. до н. е. і має прямі аналогії в поховальних пам'ятках доби раннього заліза лісостепової та степової смуги. Інші вироби притаманні археологічним культурам лісу. Враховуючи хронологію та ареал подібних знахідок можемо припустити, що з одного з городищ поблизу с. Радичів походить лише фрагмент браслета латенського кола, а можливо й трикутні привіски, прикрашені горошинами. Решта потрапила до колекції випадково, або з вини грабіжників.

Ключові слова: ранній залізний вік, колекція, бронза.

D. V. Karavaiko

ABOUT ONE COLLECTION OF BRONZE ITEMS

According to the data obtained, 14 bronze items were found on the site of one yukhnivska settlement near Radychev, Chernigiv region. They include the parts of horse harness, jewelers and Scythian arrow-heads. Ten items can be referred to the Scythian period. At least a part of them dates back to the 5th century BC and has the direct analogies in the burial monuments of Early Iron Age of forest-steppe and steppe. Other items are characteristic of the forest archaeological cultures. Taking into the consideration the chronology and the area of the similar findings, we can assume that not only the bracelet fragment of Laten cycle comes from one the sites near Radychev, but the triangular suspension, decorated with metal drops, may come from there too. The others happened to be added to the collection by accident, or because of the robbers' fault.

Keywords: Early iron age, Collection, bronze.

Одержано 22.02.2016

УДК: 904.5(477.431.44)"6383"

О. Д. Могилов,
А. Ф. Гуцал, В. А. Гуцал

КУРГАН З КАМ'ЯНИМ ВАЛОМ НА ЗАХІДНОМУ ПОДІЛЛІ

Стаття присвячена публікації кургану 8 біля с. Спасівка на Поділлі, що містив поховання ранньоскіфського часу.

Ключові слова: курган, скіфський час, Західноподільська група, поховання, кам'яний вал, дерев'яний склеп, гробниця.

Однією з характерних рис Західноподільської групи скіфського часу є кургани з кам'яними конструкціями в насипах. Ці типи поховань, що мають передскіфські корені, є й одними з ключових ознак при виділенні самого цього культурного кола старожитностей. Згадані конструкції зовсім не були хаотичним насипом каменів. В їх основі лежало кільце з великих валунів, середина яких заповнялась меншим камінням. Часто ця конструкція покривалась шаром плит. Втім, на Середньому Дністрі, є ще один тип поховальних споруд, що являє собою могилу, оточену кам'яним валом. Чисельно вони помітно поступаються округлим насипам, втім являють собою цікаве явище в поховальному обряді, що властивий заможній частині тогочасного населення.

Якраз таке поховання вдалось дослідити під час археологічних робіт поблизу села Спасівка Городоцького району Хмельницької області, на лівобережжі середньої течії р. Збруч — лівої притоки Дністра. Цей регіон був відомий як місце зосередження пам'яток скіфського часу ще з кінця XIX ст.: Шидлівці, Новосілка Гримайлівська, Ладичин, Городниця, Серватинці та інші [Ossowski, 1891, s. 69—80; Sulimirski, 1936, s. 30, 31]. З дореволюційних часів були відомі й кургани біля Спасівки. Й. Сіцінський повідомляє про 7 насипів, розташованих біля населеного пункту [Сецинский, 1901, с. 201].

© О.Д. МОГИЛОВ, А.Ф. ГУЦАЛ, В.А. ГУЦАЛ, 2016

Кургани розміщувались декількома групами. Найбільша з них (насипи 1—8) локалізувалась за 1 км південно-західніше с. Спасівки, на підвищенні плато, що тягнулось з північного заходу, на південний схід, паралельно лівому берегу невеличкої р. Шандрова — лівої притоки Збруча. Друга група (насипи 9—14) лежала північно-східніше с. Іванківці, вздовж дороги Чемерівці — Сатанів. Правіше цієї траси височіли кургани 9 і 10; лівіше, на вершині Гусикової Гори — комплекси 11—14.

Огляд пам'яток проведений 1987 р. показав, що більшість з них розорюється, але курган 8 зберігся відносно добре. У 2007 р. найбільші насипи 8 і 9 було пограбовано. З метою збереження пам'яток від подальшої руйнації, роботи тут розпочала експедиція Кам'янець-Подільського університету. Протягом 2007—2011 рр. досліджено 11 курганів. Насипи на Гусиковій Горі відносяться до епохи бронзи, решта — датовані ранньоскіфським часом.

Курган 8 — другий за величиною у місцевості. Він мав висоту до 1,45 м і діаметр 24 м (північ—південь), на 20 м (захід—схід). Розкопки, що проводились вручну в 2008 — 2009 рр., дозволили прослідкувати багато цікавих елементів поховального обряду. Розташовувався він дещо осторонь і нижче основної спасівської групи. Порослий деревами і кущами насип, не розорювався. До пограбування 2007 р. він виглядав досить компактно і добре проглядався із різних точок, будучи невід'ємною складовою частиною місцевого пейзажу (рис. 1). На час розкопок у центрі кургану виднілась ще, практично, свіжа грабіжницька яма з обсунутими краями, через що вона мала вигляд овалу з діаметрами 6 м (північ—південь) на 1,8 м (захід—схід) (рис. 2). Як з'ясувалось пізніше, яма

мала достатньо велику глибину (до 4 м) вона пройшла через насип і дійшла до дна могили, впущеної у материк. Пізніше вона була навмисно присипана грабіжниками, щоб замаскувати масштаби свого злочину. За 2,7 м східніше від неї залишились сліди ще однієї, більш давньої, ями, округлої в плані, з діаметром до 3,2 м, завглибшки 0,2—0,25 м. На поверхні кургану і особливо у стінках ям подекуди виглядало каміння. Рельєф насипу більш-менш правильної форми. Схили від вершини рівномірно понижуються в різних напрямках. Тільки в південній частині простежувався невеликий пагорб, а у західній — незначна западина.

Дослідження показали, що під насипом здійснено поховання в спаленій дерев'яній стовповій гробниці, впущеній в землю. Її оточував кам'яний вал, в якому з півдня був прохід до могили, а обабіч його здійснено супроводжуючі поховання — трупоспалення. Навколо валу, щоб збільшити діаметр насипу, здійснено земляну підсипку. Поверх вона вкрита шаром каменя, задля створення враження суцільного кам'яного панцира (рис. 3).

Рис. 1. Курган 8 біля Спасівки та Іванківців на початку досліджень

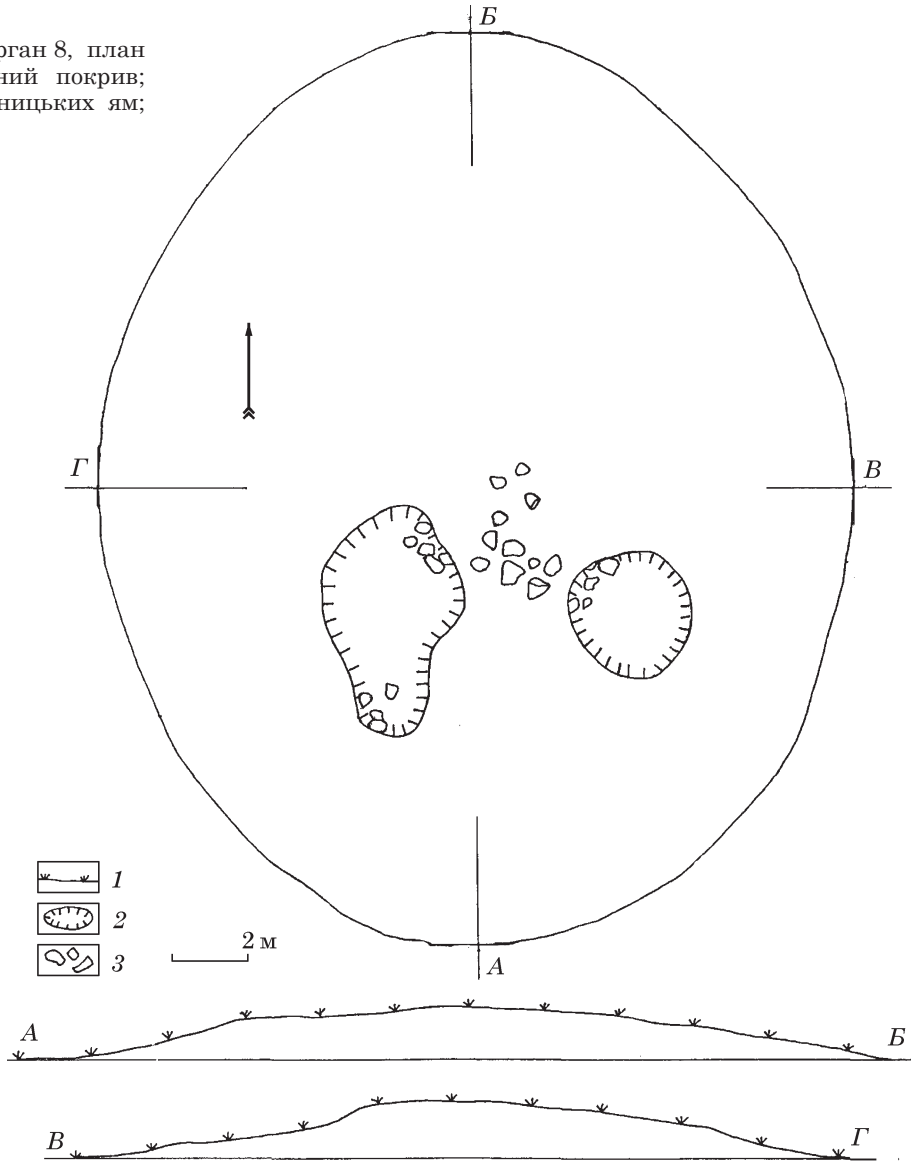


Рис. 2. Спасівка, курган 8, план насипу: *1* — трав'яний покрив; *2* — контури грабіжницьких ям; *3* — камені

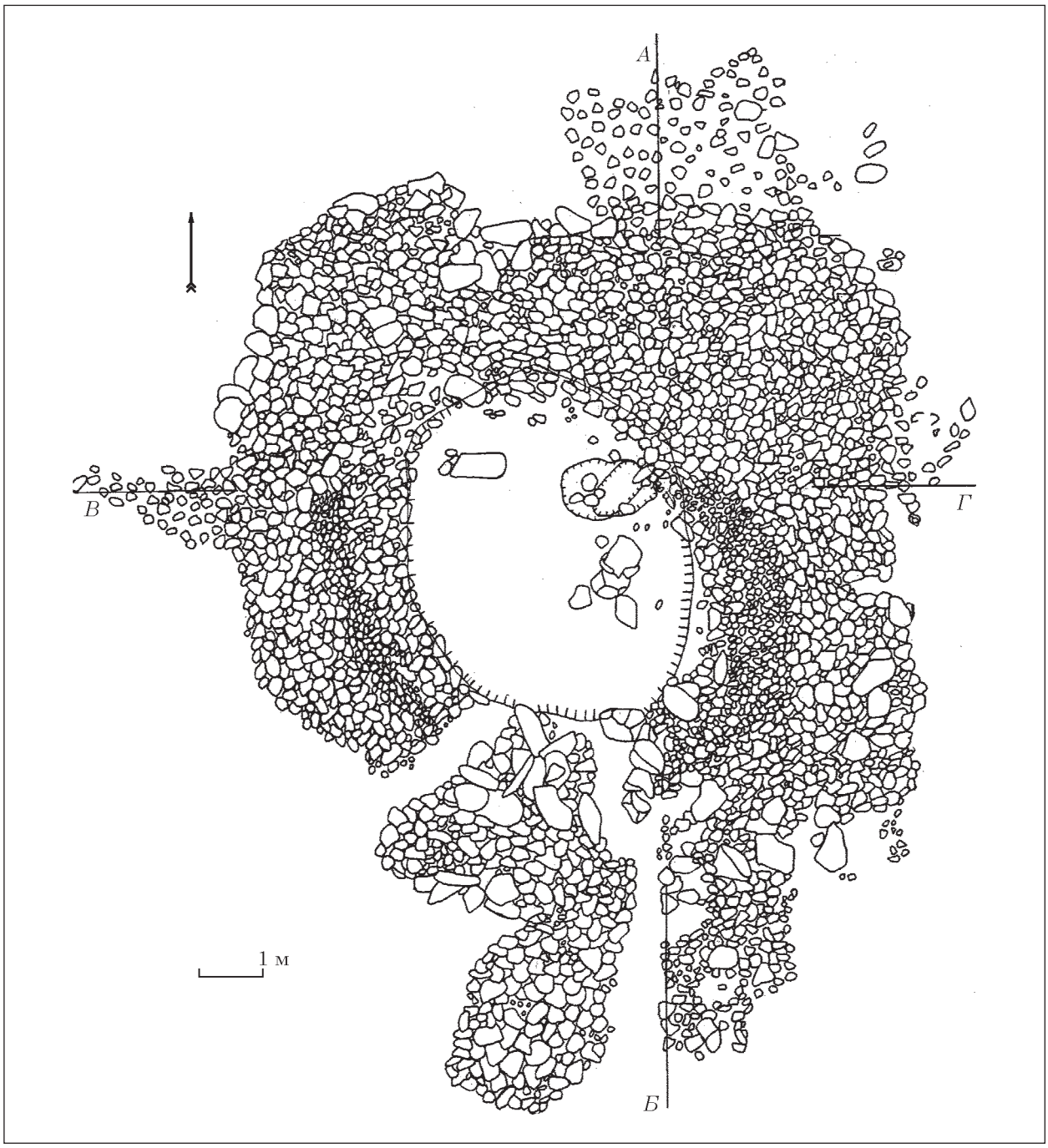
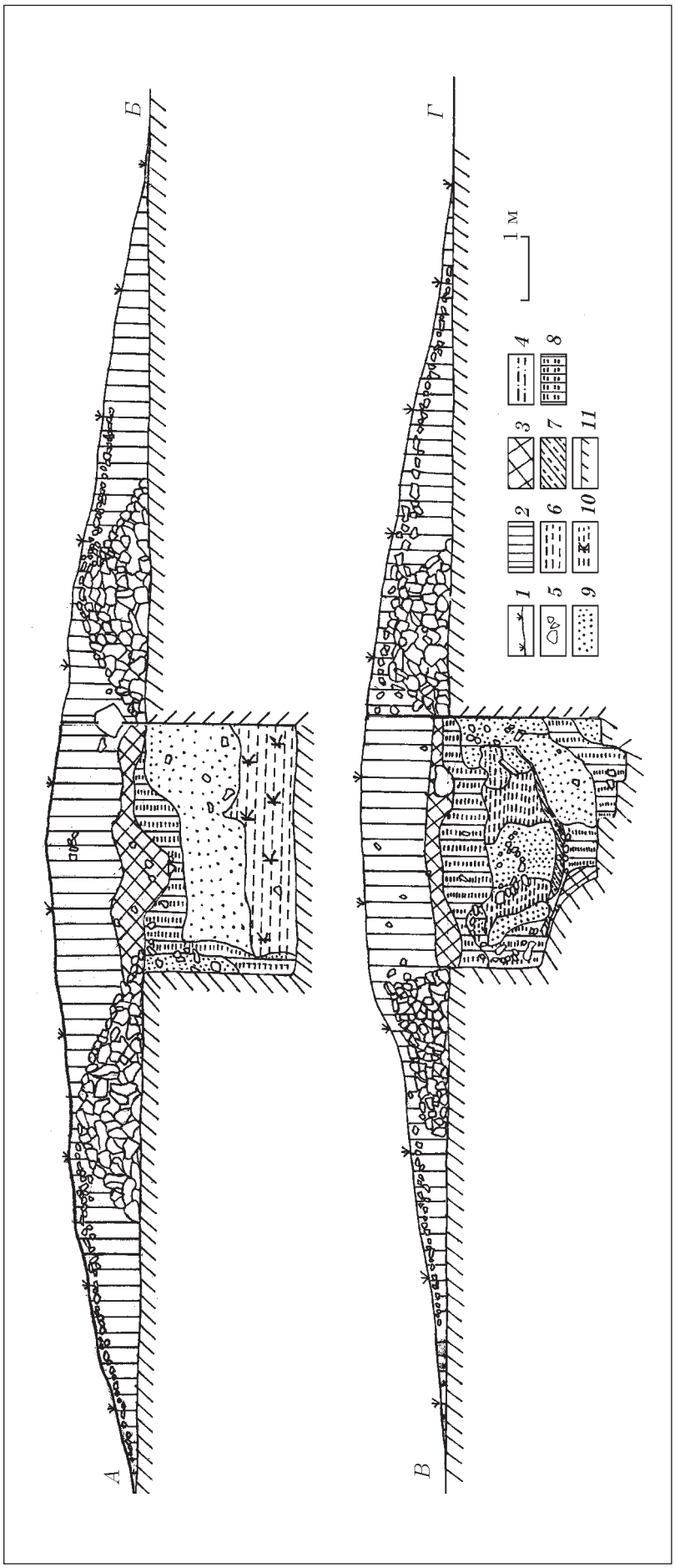


Рис. 3. Кам'яний насип в кургані 8, план і перерізи: *1* — трав'яний покрив; *2* — чорнозем; *3* — темно-сірий ґрунт; *4* — суглинок; *5* — каміння; *6* — перепалений ґрунт рожевого кольору; *7* — перепалений біловатий ґрунт; *8* — перепалений світло-коричневий ґрунт; *9* — перепалений темно-коричневий ґрунт; *10* — перепалений червоний ґрунт; *11* — материк

Верхній шар — на глибину 0,15—0,20 м був чорноземний, з рідкими каменями. Але глибше майже по всій площі кургану йшло суцільне нагромадження брил, яке було й у грабіжницькій ямі в порушеному стані. У центральній частині, знищеній неодноразовими пограбуваннями,від вершини насипу на глибину 1—1,05 м залягав чорнозем з каменями. Далі, пластом завтовшки від 0,25 до 0,8 м, його підстилав темно-сірий грунт, під яким знаходився випалений до світло коричневого та рожевого кольору шар, найбільша потужність якого дорівнювала 0,75 м. Нижче лежав дуже перепалений пласт товщиною до 1 м, випалений до темно-коричневого, а під ним — до червоного кольору. Серед каменів насипу трапились окремі фрагменти кераміки (1).

Могила неправильної прямокутної форми розташована в центрі підкурганного простору (рис. 6; 7). Вона являла собою рештки заглибленої в землю, спаленої дерев'яної семистовпової гробниці, витягнутої довгою віссю за лінією



північ—південь. Розміри по верху — 6,1 × 3,6, глибина від рівня давньої поверхні — 2,45 м. Стіни поволі нахиляються донизу, заокруглюючись при дні, через що розміри могили зменшуються до 4 × 2 м. Кути камери заокруглені, по її верху викопаний земляний уступ висотою до 0,25 і шириною до 0,3 м, який простежений з трьох сторін за винятком південної. По краю цього уступу розташовувались стовпові ями. Вздовж довгих сторін стояло по 3 стовпи, ще 1 — знаходився посередині північної стінки.

Стовпові ями мали чималі розміри. Їх розрізи по вертикалі, показали, що стовпи, які згоріли при спаленні гробниці, забутовані каменями, тоді як частини ближче до стінок заповнені грунтом, що у верхній частині та нижче, поруч зі стовпами носить сліди дії вогню (рис. 6; 7; 9, *1—7*).

В усіх ямах, центральну їх частину заповнював випалений до червоного кольору шар грунту, який за формою у вертикальному розрізі мав вигляд конуса або близької до неї фігури, повернутого вершиною вниз. Суміжні з ним ділянки заповнення ями мали інший відтінок. Це міг бути переміщений з глиною чорнозем, як у ямах 2, 6, 7, або мішаний грунт із вмістом золи, як у ямах 3 і, особливо, 5, чи пропалених до червоного домішок, як у ямах 1, 4. Ймовірно, в час спалення склепу повністю згоріли наземні частини стовпів, тоді як вкопані в землю, вигоріли конусом, а пустота заповнилась пропаленим грунтом. Залишки стовпів, що не згоріли чи зотліли, спресувались із землею. За розмірами основи конуса можна судити про товщину стовпа. Так, у ямі 1 вона становила 0,34, № 2 — 0,38, № 3 — 0,3, № 4 — 0,38, № 5 — 0,35, № 6 — 0,38, № 7 — 0,35 м. Діаметри стовпів були від 0,3 до 0,38 м. Такі колоди могли витримувати значне навантаження перекриття, стін склепу тощо.

Розкопками вдалось вирішити важливе питання конструкції ям, що давно цікавило дослідників. Раніше чітко простежувались лише сліди дерева та каміння

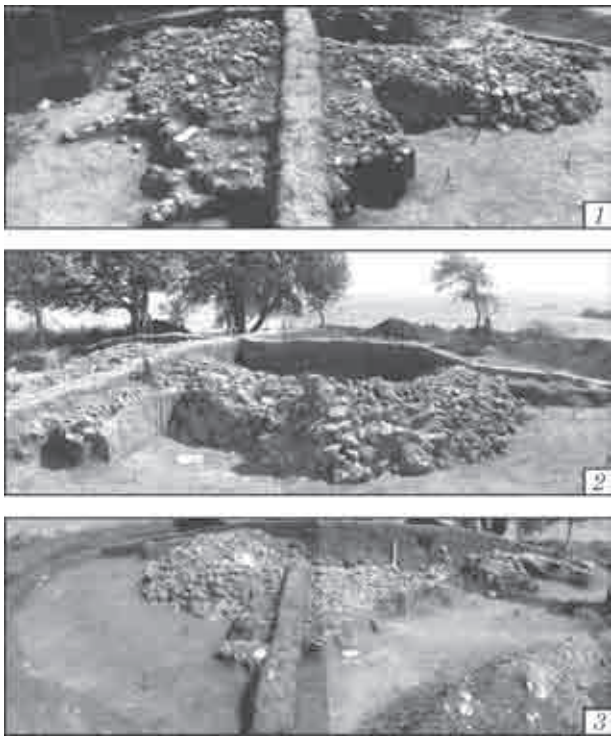


Рис. 4. Кам'яний вал кургану: *1* — вид із півночі; *2* — вид з північного заходу; *3* — вид із заходу

в ямах, тоді як оточуючий грунт був ідентичний материковому. При цьому, якщо глибину фіксувати за зовнішнім контуром бутового каменя, то вони видавались достатньо вузькими для своєї глибини. Розчистка таких заглиблень при розкопках, і, природно, викопування їх давніми зодчими кургану були дуже важкими через брак простору. Наші спостереження переконливо свідчать, що стовпові ями були достатньо широкими. Але їх периферія, засипана грунтом, не завжди виділяється на фоні оточуючої землі, на відміну від каменів забутовки, та іноді, й слідів стовпів.

Стовпові ями мали такі розміри.

Яма 1 (розташована у північно-західному куті) була заглиблена на 1,25 від верхнього краю уступу, діаметр — 0,85 м (рис. 9, *1*).

Яма 2 (північно-східний кут) глибина — 1,3, діаметр — 0,84 м (рис. 9, *2*).

Яма 3 (середина західної стінки). Глибина 1,3, діаметр 0,9 вгорі і 0,75 м внизу (рис. 9, *3*).

Яма 4 (середина східної стінки). Глибина 1,25, діаметр 0,65, внизу 0,6 м (рис. 9, *4*).

Яма 5 (південно-західний кут). Глибина 1,4, діаметр 0,85, внизу 0,7 м (рис. 9, *5*).

Яма 6 (південно-східний кут). Глибина 1,2, діаметр вгорі 0,65, знизу 0,8 м. Це єдина з семи ям з розширенням до низу (рис. 9, *6*).

Яма 7 (середина північної стінки). Глибина 0,41, діаметр вгорі 0,86, внизу 0,6 м (рис. 9, *7*).

Південна стінка ями склепу нахилена більше від інших, тут наявний розрив у кам'яному валі, а грунт для його спорудження не викопувався. До того ж, дерев'яний стовп з цього боку

Рис. 5. Земляний насип, що прилягає до валу, та шар каменя на ньому в профілі північної бровки

відсутній, з чого можна припускати, що тут був *вхід* у склеп.

Грабіжницька яма в північно-східній частині пробила дно могили на 20—25 см. Заповнення гробниці становить перепалений до червоного кольору грунт та камені. Більшість — невеликих розмірів. Однак, окремі брили важили 120—200 кг. Через тотальне пограбування, у могилі мало що збереглось. У верхньому шарі насипу, серед каміння, трапилось кілька уламків кераміки, фрагменти кінського черепа, рештки людських кісток. Цікаво, що окремі кістки необпалені,отже попали сюди після спалення гробниці. У заповненні поховальної ями знайдено також бронзовий наконечник стріли (8).

Кам'яний вал оточував гробницю з усіх боків. Тільки з півдня було залишено прохід завширшки до 0,7 м. З півночі та сходу проглядаються заокруглені кути. Контури з південно-західного боку — округлі (рис. 3; 4). Його розміри 11,5 м (північ—південь) на 9,2 м (захід—схід). Внутрішні розміри — 5,7 × 4,4 м. Висота від рівня давньої поверхні — до 1,1 м, від рівня власної підошви, заглибленої в материк — 1,4 м. Ширина основи коливається від 2,6, до 2,8 м, в окремих місцях — до 3,6 м. Знизу лежать більші камені, зверху — дещо менші. Вони акуратно викладені один на одного. Основу вала складає кам'яне кільце з великих каменів, що викладено в самому його низу по зовнішньому периметру (рис. 6; 7, *1*). Більш ефектно вал виглядає з півночі. Тут камені під нахилом покладені один на один, що вже нагадує регулярну кладку. Власне, це нахилена кам'яна стіна. З північного заходу насип теж достатньо крутий — до 70°, в інших місцях — похиліший. Східна частина валу масивніша, тут більша кількість каміння, порівняно із західною половиною.

Перед спорудженням валу вся підкурганна поверхня під ним, за виключенням південного входу, в діаметрі до 12, була понижена на 0,25—0,3 м. Утворився уступ і основа валу виявилась нижче давнього горизонту.

При розборі східної частини валу виявилось, що ширина його основи у південно-східному секторі доходить до 3,6 м. Верхній його шар,

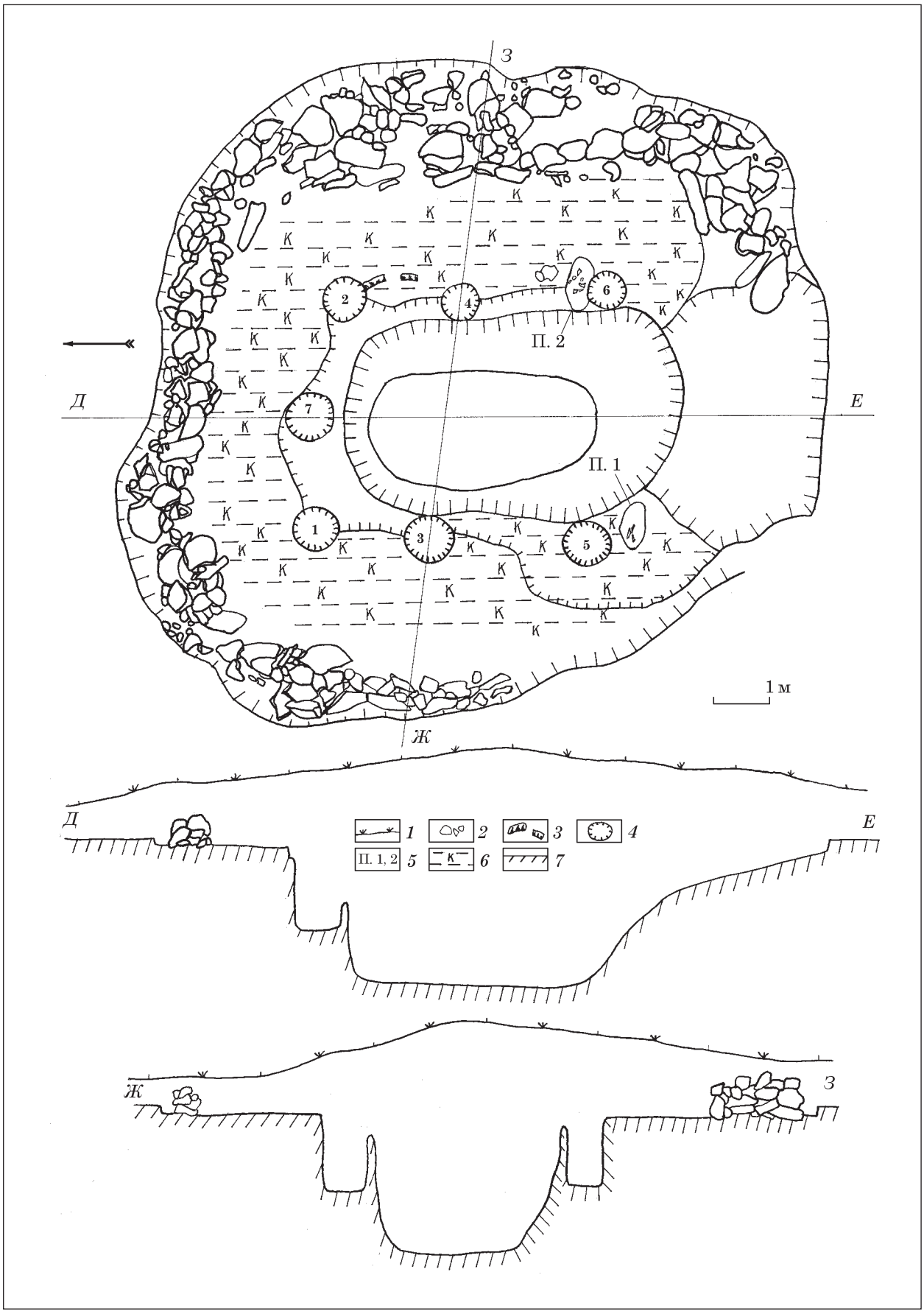


Рис. 6. Могила зі стовповими ямами та кам'яним кільцем навколо, план: *1* — трав'яний покрив; *2* — каміння; *3* — перепалене дерево; *4* — контури ями; *5* — супроводжуючі поховання; *6* — перепалений ґрунт; *7* — материк

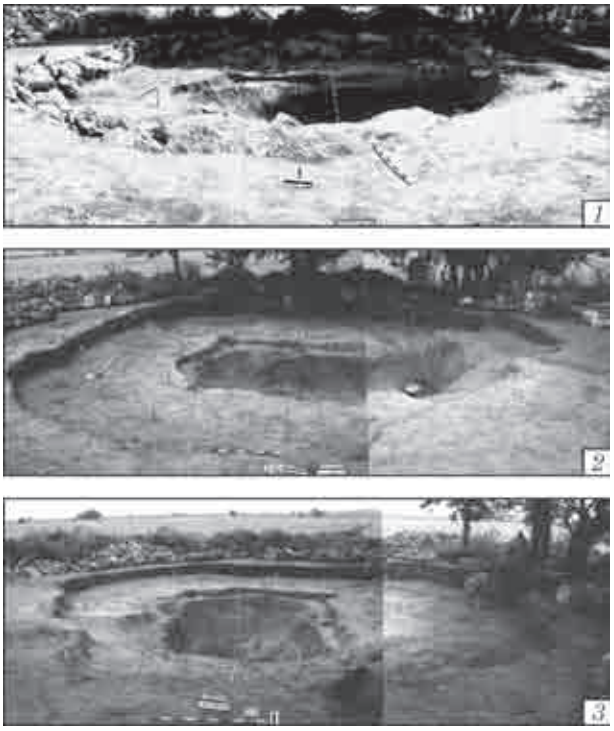


Рис. 7. Курган в процесі досліджень: *1* — могильна яма, з колом великого каміння навколо; *2, 3* — могила після зняття каміння, вид з заходу (*2*) і півдня (*3*)

Рис. 8. Перетин кам'яного валу кургану в північно-східному секторі. Видно перепалений шар грунту та каменів

завтовшки до 0,6 м, складався із каміння середнього розміру (10—20 кг) впереміжку із землею, нижче йшов пласт товщиною до 0,4 м, із середнього та великого каміння з випаленим червоним ґрунтом між ним. Ще нижче залягав шар червоного грунту потужністю до 0,4 м, у якому (особливо — в бік поховальної камери) каміння майже не було. У зовнішньому напрямку відносно згаданого шару знаходилося перепалене до стану вапна каміння. Це та частина кам'яного валу, яка перебувала найближче до вогню. Розміри цієї білої плями 0,5 × 0,8 м. Ще далі за нею (у зовнішній бік) лежали великі брили, які складали основу валу і були зосереджені по зовнішньому периметру у формі кільця, з розривом у південно-західному секторі. Вага каменів доходила до 300—400 кг і навіть більше. У південно-східному секторі кілька великих плит були поставлені так, що

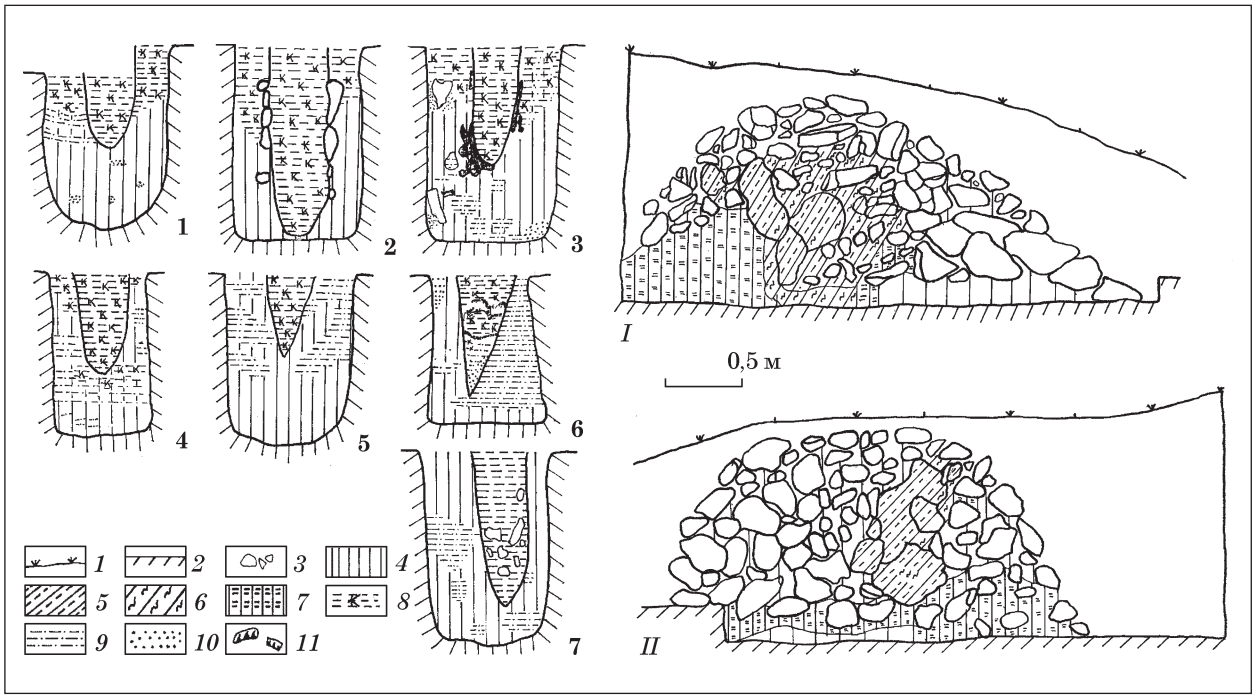


Рис. 9. Перетини стовпових ям (**1—7**) та кам'яного валу у північному (*I*) і західному (*II*) секторах: *1* — трав'яний покрив; *2* — материк; *3* — каміння; *4* — чорнозем; *5* — горілий шар біловатого кольору; *6* — горілий шар біловатого кольору з червоними вкрапленнями; *7* — випалений шар коричневого кольору; *8* — червоний перепалений ґрунт; *9* — суглинок; *10* — темно-коричневий ґрунт; *11* — горіле дерево

формували прямокутник розмірами 2,3 (захід—схід) на 7,75 м (північ—південь).

Перетин західної половини валу показав, що з зовнішнього боку йде ряд великих каменів, але своїми розмірами вони поступалися тим, що лежали у східній частині. Зовнішня і верхня частина валу не зазнали дії вогню, тоді як внутрішня і середня — були пропалені наскрізь. У центрі насипу був скипілий шар з перепаленого до вапна каменю разом із червоною землею (рис. 9, *2*).

Північна частина валу у розрізі приблизно така ж. Із зовнішнього боку йшли великі камені, далі до середини поступово наростав у своїх розмірах пропалений до червоного кольору шар землі і каміння. У центрі, від основи і майже до гребеня валу, у вигляді стовпа шириною 0,4 і висотою до 1 м, знаходився біло-червоний пласт випаленого каменя і землі. Це продовження того нашарування, яке простежене у східній частині валу. Найкраще він фіксувався у північно-східному секторі і лише частково заходив у сусідні (рис. 9, *1*).

Як бачимо, вал носить сліди дуже сильного вогню від культових дій при спаленні гробниці. Грунт перепалений до червоних фракцій, які часом скіпілись в цеглоподібні шматки. Камені обпалені, а місцями, де вогонь був особливо сильний, перетворились на вапно. Ці шари що місцями потужніші 1 м, у поєднанні з таким же заповненням могили вказують на вирування тут величезної пожежі. Очевидно, що спалення навіть дуже масивної дерев'яної гробниці не могло призвести до таких наслідків. Можна припускати, що ритуальне багаття підтримувалося певний час вже після того як гробниця згоріла.

Рис. 10. Корчага з супроводжуючого поховання 2 в процесі розчистки

Земляна підсипка радіально оточувала кам'яний вал. Поверх неї було покладено шар каміння невеликих розмірів. Таким чином будівничі кургану досягли враження суцільного кам'яного насипу. Цей кам'яний шар добре читався у профілях бровок (рис. 3—5). Краще він зберігся на ділянках, що примикали до вала. У північному напрямку така смуга продовжується від основної конструкції майже на 3 м завширшки, у західному — вона досягає розмірів 3 м, у південному — 2 м. Каміння більш щільно залягає у північному та південному боці, на інших ділянках його менше. Загальні розміри цієї кам'яної конструкції становлять в діаметрі з півночі, на південь — 16,9, із заходу, на схід — 17,1 м.

Супроводжуючі поховання знаходились під кам'яним валом в його південній частині, в шарі перепаленого грунту з вкрапленнями каменів, обабіч входу в центральну гробницю.

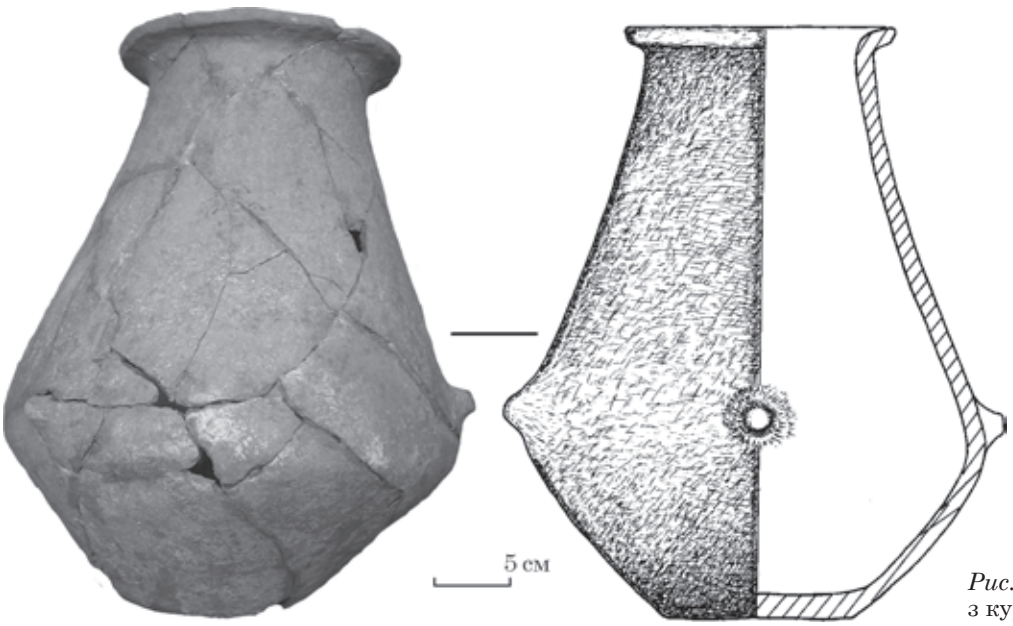


Рис. 11. Корчага з кургану

Розташовані біля південних стовпових ям, два окремих тілоспалення, супроводжувались інвентарем, що додатково пропікся у валу під час спалення дерев'яної гробниці.

Поховання 1 знаходилось біля стовпової ями 5, на глибині 1,1 м від гребеня валу, в товщі, випаленого до червоного кольору грунту. Рештки спаленого кістяка фіксувались на площі 0,9 × 0,7 м. Збереженість кісток дуже погана, вони розсипались від дотику. Краще вціліли пара ребер, фрагменти нижньої щелепи, черепної коробки та кількох трубчастих кісток. За загальним розташуванням цих решток важко визначити, у якій позі було покладено померлого. Деякі опосередковані дані (наприклад площа зосередження кісток) дозволяють припускати, що він міг лежати у скорченому стані. Поруч із черепом знайдено дві бронзові шпильки (9; 10), а з північного боку від нього розчищено кістяну піксидку з геометричним орнаментом (11). Серед кісток зібрано понад 140 скляних намистин (12—15).

Поховання 2 розміщене симетрично першому, біля стовпової ями 6, у сильно випаленому шарі грунту. Площа, зайнята кальцинованими кістками — 0,7 × 0,6 м. Кісток небагато, всі фрагментовані. За 0,5 м північніше, на тому ж рівні перепаленого скипілого пласта, стояла, нахиленою на бік, дном у бік поховання, глиняна корчага (16), заповнена все тим же червоним ґрунтом (рис. 10).

ОПИС ЗНАХІДОК

1. Уламок стінки горщика, виявлений у верхньому шарі насипу серед каміння. Колір — коричневатий, тісто добре відмулене, з домішками піску і шамоту. Один край даного уламка потовщується (рис. 12, *4*).

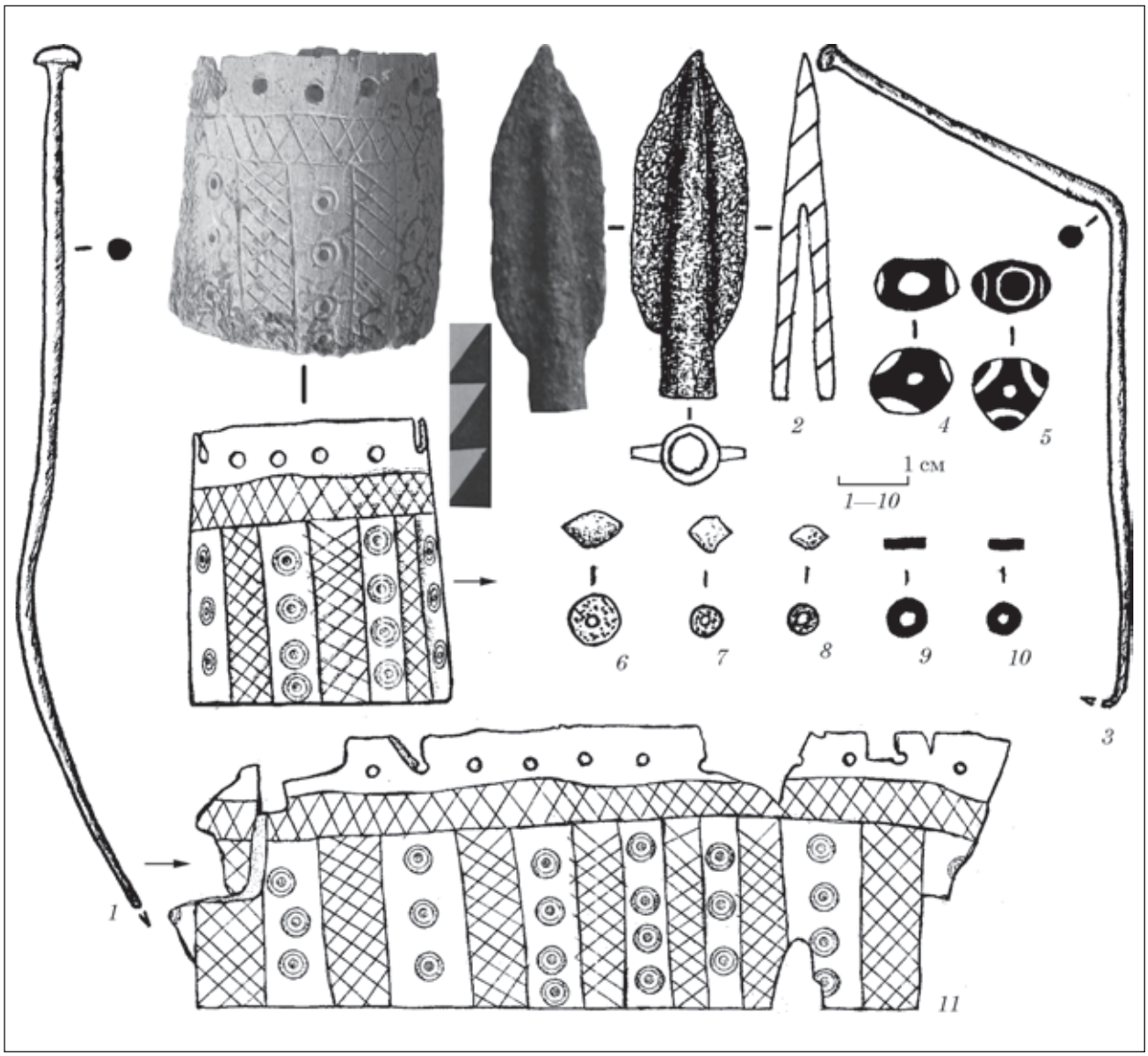


Рис. 13. Інвентар з кургану: *1, 3* — булавки; *2* — наконечник стріли; *4—10* — буси; *11* — піксида (*1—3* — бронза; *4—10* — скло; *11* — кістка)

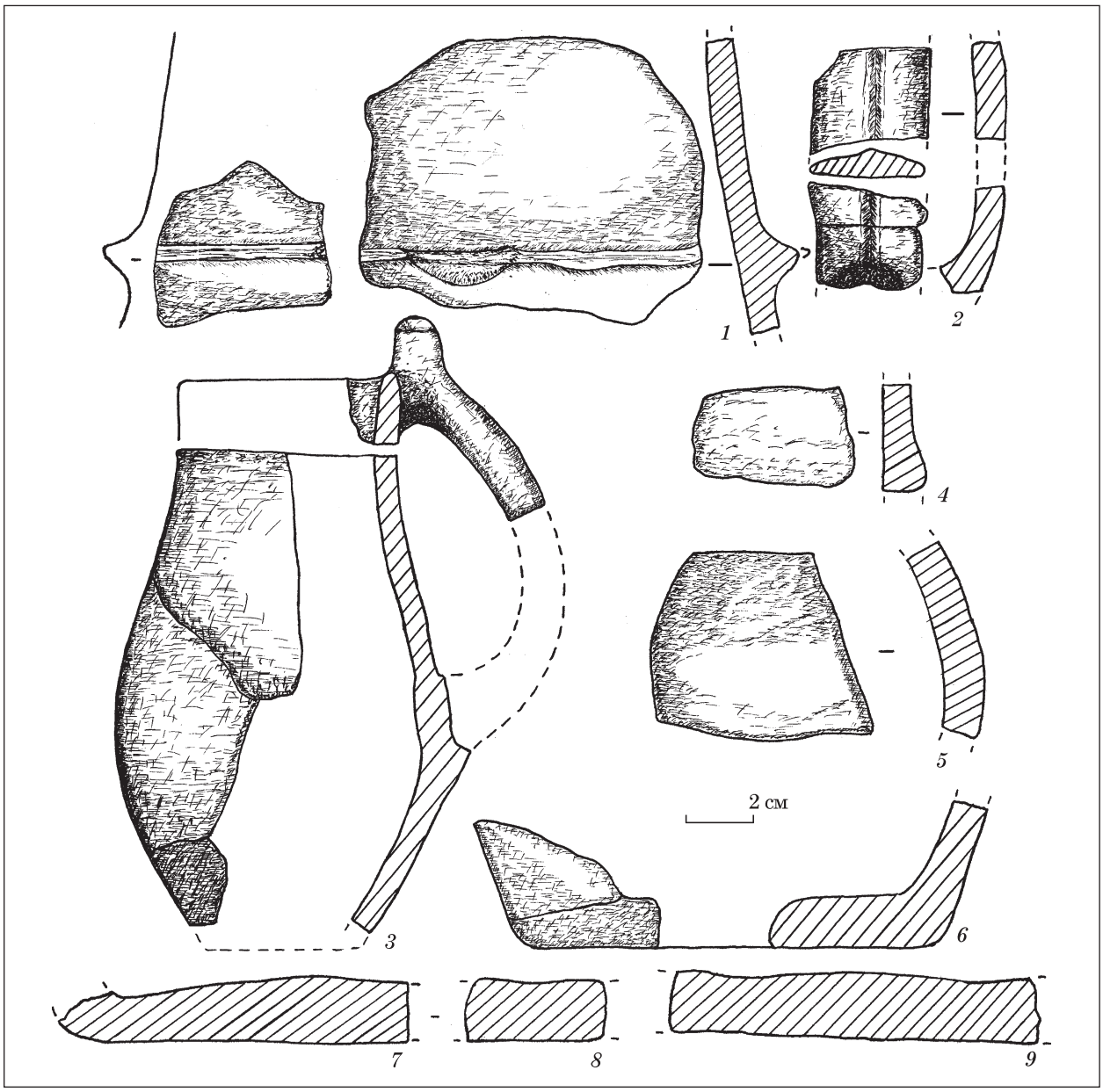


Рис. 12. Керамічний посуд з кургану

2. Фрагменти стінок корчаги чи горщика. Знайдені у заповненні поховальної ями. Керамічне тісто високої якості, з домішками дрібного піску, шамоту, випал рівномірний, колір з обох боків і на зламі — червоно-коричневий. Поверхня підлощена, в місці переходу горла у тулуб розміщений гладкий валик, на якому було кілька відтягнутих виступів типу фестонів. Валик наліплений на стінку горщика, це добре видно на зламі, у нього трапецієвидна у розрізі форма, краї ретельно розгладжені в обидва боки по стінці, що забезпечувало надійне з'єднання з корпусом. Товщина стінки горщика 0,9 см, висота валика 0,6 см діаметр горла — біля 23 см (рис. 12, *1*).

3. Уламок дна горщика (рис. 12, *7, 8*), знайдений у заповненні ями. Тісто — з грубими фракціями шамоту. Товщина денця 1,6 см, діаметр міг бути понад 12 см. Колір коричневий.

4. Частина денця горщика (рис. 12, *9*). Колір — сіро-жовтий, тісто із вмістом дрібнотовченого шамоту і піску. Товщина денця 2 см. Діаметр становив не менше 14 см. Дно розшаровується на дві пластини, які показують, що воно сформоване із двох шматків глини.

5. Фрагменти черпака, витягнуто-грушоподібної форми (рис. 12, *3*). Корпус високий, найбільше роздутий у нижній третині висоти. Загалом, черпак мав висоту біля 17, діаметр тулуба 10, дна — 7,5, вінець — 6,5 см. Вінчик прямий, ледь відхилений назовні, ручка петельчаста, з циліндричним виступом, що піднімається над краєм.

6. Уламок денця горщика (рис. 12, *6*). У глиняному тісті наявний вміст шамоту та піску, забарвлення коричнево-червоне, діаметр — 12 см, поверхня загладжена.

7. Фрагмент ручки черпака (рис. 12, *2*). Посередині зовнішньої сторони проходить невеликий поздовжній ребристий виступ. Забарвлення — коричневе, у тісті характерні домішки.

8. Бронзовий двохлопатевий наконечник стріли (рис. 13, *2*). Трапився у заповненні могили. Перо має форму близьку до шестигранника, у якого дві протилежні і найдовші сторони паралельні. Втулка виступає на 0,7 см, і проходить через все вістря. Довжина пера 4,9 см, ширина — 1,6 см. Наконечник побував у вогні, покритий патиною, місцями помітні вкраплення залізної іржі.

9. Бронзова шпилька завдовжки 12,8 см. Стержень круглий в перетині, потоншений до гострого кінця і до голівки, остання грибоподібна, діаметром 0,63 × 0,68 см, покрита патиною (рис. 13, *1*).

10. Бронзова шпилька. Довжина — 12 см, голівка грибоподібна, діаметр — 0,42 см (рис. 13, *2*).

11. Кістяна піксидка. Виготовлена із рогу, шляхом вибирання пористої маси. Висота — 4,1, діаметр внизу — 3,8, вгорі — 3,3 см. Товщина стінки — від 2 мм внизу, до 1 мм вгорі, дна — 3,5 мм. По корпусу вигравірований геометричний орнамент із семи вертикальних заштрихованих смуг, між якими розташовані ряди із трьох і чотирьох концентричних кілець. Над цією композицією йде горизонтальна заштрихована смуга, а вище неї (вже на краю вінчика) круглі наскрізні отвори (рис. 13, *11*).

12. Намистини скляні. Зібрано 23 шт. Форма біконічна, колір з рожевим, зеленуватим, сріблястим відтінками. Діаметр від 0,5, до 0,75 см (рис. 13, *6—8*).

13. Намистини пастові, 117 шт., у вигляді кільцевих нарізок діаметром від 0,4 до 0,54 см, ззовні — темно-коричневі (рис. 13, *9, 10*).

14. Намистини з глазчастими вставками (2 шт.). У однієї, чорного кольору, вони випали, інша має вставки, зафарбовані у бірюзовий відтінок (рис. 13, *4*).

15. Намистина пастова (рис. 13, *5*), своїм зовнішнім виглядом схожа на попередні намистини з очковими вставками, але даний ефект досягнуто шляхом її підфарбовування малиновою фарбою, а не шляхом вставок.

16. Корчага, відносно великих розмірів: висота — 38, діаметр тулуба 29,8, вінець — 19,5, дна — 12,5 см. Товщина стінок 0,9, дна — 1,4 см. Форма грушоподібна, найбільше розширення тулуба припадає на нижню третину висоти. Корпус у місці його максимального розширення прикрашено чотирма виступами. На зламі видно, як ці упори вмонтовувались у стінку. У наскрізний отвір вставлявся круглий глиняний стержень, місце стику акуратно розгладжувалось в усі боки. Поверхня посудини підлощена, добре випалена, у тісті — шамот і дрібний пісок. Колір обпеченої посудини коричневий, але не виключено, що спочатку він міг бути чорним (рис. 11).

ПОХОВАЛЬНИЙ ОБРЯД

Розпочинаючи характеристику поховального обряду Спасівського кургану, зауважимо, що *підкурганні захоронення* є панівними для Західноподільської групи, в той час як грунтових могил відомо лише декілька.

Найцікавішим елементом поховальної конструкції в цьому кургані є *кам'яний вал*, що оточує поховальну камеру, і перекритий земляним насипом. На Середньому Дністрі в скіфський час більшість курганів будувалися з каміння та грунту: насипи 1 в Зозулинцях [Малеев, 1991, с. 162, 163], 2 і 4 в Тарасівці [Гуцал, Мегей, 1997, с. 86, 88], 1 біля Оселівки [Могилов, 2011, рис. 11, *1*], 1 та 3 біля Шутнівців [Гуцал, 2006, с. 10, 11; Гуцал, Гуцал, 2009, с. 127, 128], біля Перебиківців [Смирнова, 1979] та ін. Цей звичай має на Дністрі чернолісько-жаботинське коріння: кургани у Луці Врублівецькій [Шовкопляс, 1952], 1 в уроч. Дністровка-Лука [Смирнова, 1984, с. 55], 1 коло Мервинців [Смирнова, 1977а, рис. 1]. Як показують наші дослідження курганів на Гусиковій Горі, поблизу Спасівки та Іванківців [Гуцал, Гуцал, Могилов, 2011, с. 93, 94], ці витоки йдуть ще глибше — в добу бронзи. Кам'яні ж вали під насипами курганів скіфського часу в регіоні є не частим явищем. Найближчою аналогією є споруда в кургані 9 цього ж могильника. Вона значно масивніша. Тут під насипом висотою 4,5 м та діаметром 56—60 м виявлено спалену дерев'яну гробницю. Перекриття по периметру підтримували 2 ряди стовпів, внутрішній з яких встановлені вертикально, а зовнішні — під нахилом всередину. Гробницю оточував величний кам'яний вал висотою 2 і діаметром 26 м. Ширина в основі місцями — до 10 м. Як і в кургані 8, з півдня у валові, для підходу до гробниці, був розрив. Стінки цього коридору мали кам'яну кладку, дно вистелено дерев'яними плахами, від яких на материку збереглись округлі відбитки. Після поховання цей прохід було забутовано брилами, й вал, таким чином, став суцільним [Гуцал та ін., 2009, с. 92, 93; 2010, с. 103].

У кургані 1 біля Шидлівців, висотою 2 і діаметром 14 м, центральний поховальний майданчик, викладений каменями, оточувала кам'яна стіна (рис. 14) діаметром 9 м [Ossowski, 1891, s. 75—78, fig. 28; 29]. Під насипом 2 цього ж некрополя, висотою 0,5, та діаметром 8—9 м, теж була кам'яна стіна. Втім, вона впущена в грунт (рис. 15) і ніби формувала облицьовку стін великої круглої камери, в центрі якої виявлено трупоспалення [Ossowski, 1891, s. 78—80, fig. 30; 31].

Сліди підкурганних валів, оточуючих центральнее поховання, виявлені в низці курганів біля Братишева [Sulimirski, 1936, s. 45—62].

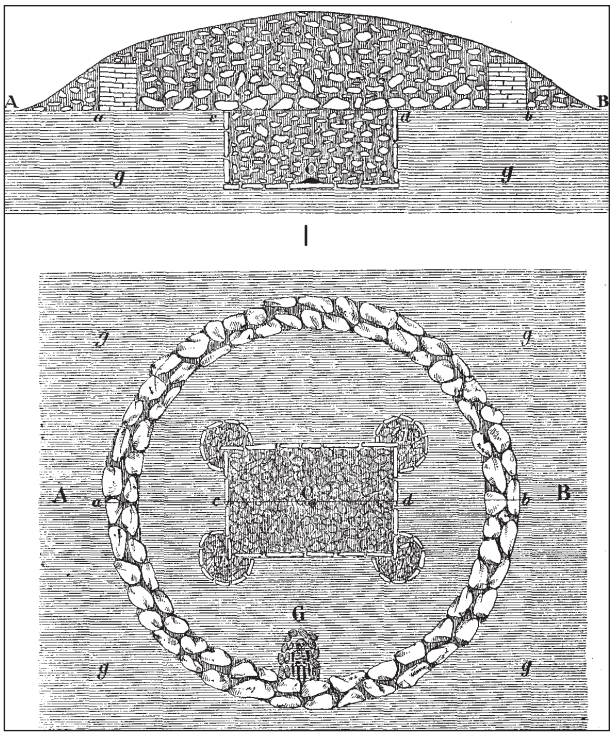


Рис. 14. Шидлівці, курган 1 (за Г. Оссовським)

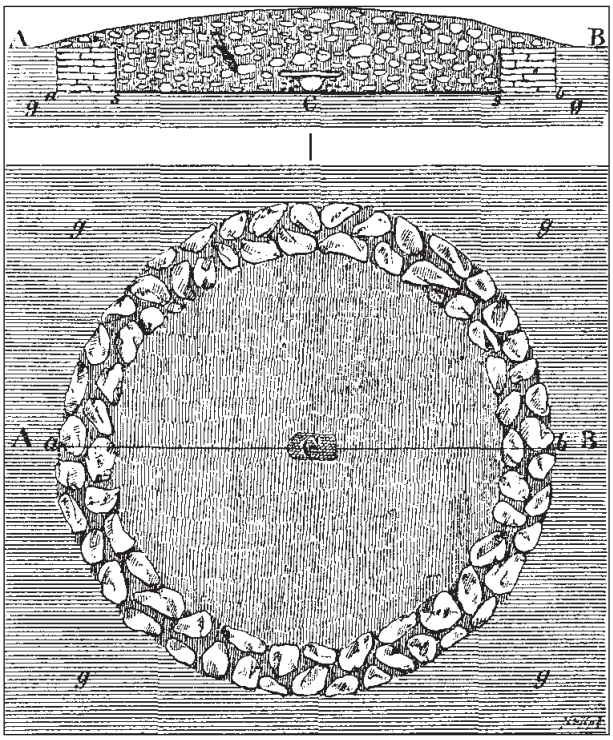


Рис. 15. Шидлівці, курган 2 (за Г. Оссовським)

Зокрема, під насипом 1, висотою 2 та діаметром 20 м, центр оточував кам'яний «мур». З огляду на те, що в кургані 5 цього ж некрополя, з яким порівнює комплекс 1 Т. Сулімірський, збудовано вал, ймовірно, така ж конструкція була і тут. Вимощений він з необроблених плит вапняку. Висота 1, товщина в основі — 1 м. Для його закладання на підкурганному просторі була викопана канава глибиною 60 см. У кургані 5, висотою 2 та діаметром 25 м, прямокутний поховальний майданчик в центрі, вимощений каменем, теж оточував кам'яний вал, впущений основою в рів (рис. 16, *1*). Він ретельно вкладений з плит і брил місцевого вапняку. Діаметр 8, висота 1,5, ширина в основі — 2 м. Під насипом 6, висотою 2 та діаметром 20 м, виявлено одразу 2 концентричних кам'яних вала, впущених основою в землю до 40 см. Внутрішній був більшим: висота 1, діаметр 8, ширина в основі 2 м. Зовнішній насип мав діаметр 15, ширину 1 та висоту 0,5 м (рис. 16, *2*).

Кам'яний вал висотою 1,5 та діаметром 10 м, що за крутизною кладки місцями нагадував стіну (рис. 19), оточував центральну частину кургану в Лоєвцях заввишки 1,65 та діаметром 38,6 м [Крушельницька, 1985, с. 122, 123, рис. 4].

Окрім цього, низка курганів, де прослідковуються достатньо стрімкі зовнішні кам'яні контури в насипі, мали пограбований центр, через що важко встановити, чи то тут був кам'яний вал, чи пробитий по центру кам'яний насип. Мова йде про насипи в Зозулинцях, Перебиківцях, Долинянах. Так, у кургані 1 в Зозулинцях, висотою 1 і діаметром 30 м, виявлено кам'яну конструкцію діаметром 11 м, із зовнішньою частиною горизонтально викладеною з каменів (рис. 18). Оточувала вона дерев'яну стовпову гробницю [Малеев, 1991].

Про кам'яну ограду в кургані 1 в Перебиківцях пише Г.І Смирнова. Її ділянка шириною 2 м збереглась в північно-східному секторі. Правда, основу її складали поставлені на ребро плити (рис. 17). Насип цього кургану був сильно пошкоджений жителями, що вибирали звідси камені для будівництва. Втім, незважаючи навіть на це, висота сягала 0,9, за діаметру 23 м. Автор розкопок, приймаючи до уваги значну кількість каменю з пам'ятки (ними навантажено 35 самоскидів, не рахуючи вибраного раніше), вважала цілком ймовірною його колишню висоту у 3 м, на яку вказували старожили [Смирнова, 1979, с. 37—41]. На користь потужності насипу говорить і одна з найбільших у Західноподільській групі стовпова гробниця з дромосом площею 77 м^2. Вона опиралась на два концентричних ряди стовпів, а стіни додатково були обкладені колодами. Така ж кам'яна огорожа з поставлених на ребро плит була навколо дерев'яної гробниці в кургані 2 в Долинянах, що мав висоту 0,75, при діаметрі 20 м. Вона мала прямокутну форму розмірами 10,6 × 10, найбільшу висоту 0,9 та ширину 1,6—2,4 м [Смирнова, 1977, с. 29—34]. У кургані 3 цього ж некрополя, висотою 0,55 та діаметром 15 м, поставлені на ребро камені також обмежували квадратну площу розмірами 8 × 8,8 м [Смирнова, 1977, с. 34—36].

У всіх згаданих випадках вал насипався в курганах знаті. Висота насипів 1 в Шидлівцях,

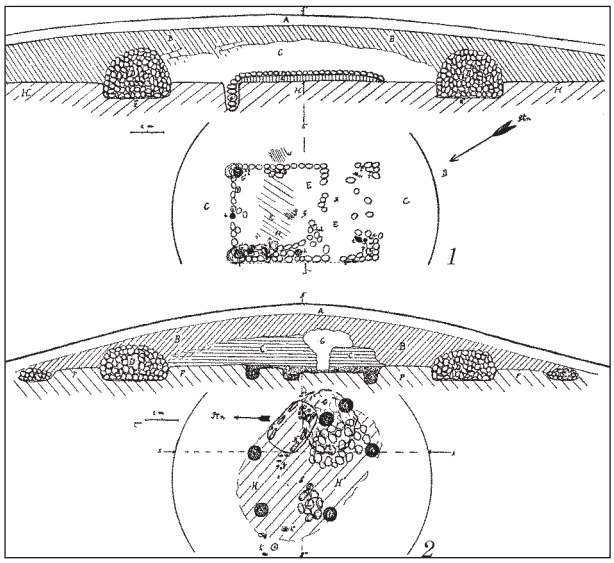


Рис. 16. Братишів, кургани 5 (*1*) і 6 (*2*) (за Т. Сулімірським)

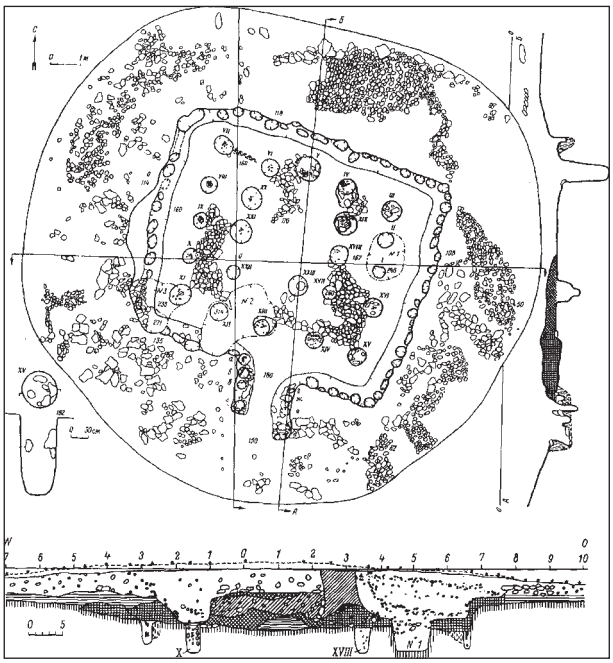


Рис. 17. Перебиківці, курган 1 (за Г.І. Смирновою)

1, 5, 6 в Братишеві становила 2 м. Курган в Лоєвцях дещо менший — 1,65 м. Втім, він розкопаний пізніше, у повоєнний період і зазнав більших руйнацій. Насип сильніше розтягнутий, більшого діаметру. Ймовірно раніше за розміром він був подібним до описаних вище пам'яток. До цієї групи примикає і восьмий Спасівський курган висотою 1,45 та діаметром — до 24 м. З урахуванням розмірів курганів скіфського часу на Середньому Дністрі ці поховання можуть бути визнані такими, що належать середньому прошарку знаті. Насип 9 біля Іванківців, висотою 4,5 м, належить найзаможнішому прошарку знаті у регіоні.

На інших територіях Лісостепу Східної Європи ранньоскіфські кургани з валом під насипом невідомі. Немає їх й у степовому регіоні. Натомість, аналогії знаходимо на Північному Кавказі в знаменитому Краснознаменському могильнику. В найбільшому кургані 1, що є шедевром ранньоскіфської курганної архітектури, центральну кам'яну поховальну камеру оточував мур. Від нього до могили йшов кам'яний дромос. Каменем були викладені і стінки рову, що оточував цю конструкцію. Під насипами 2, 4, 7, 8 зафіксовано камеру з кам'яними стінами [Петренко, 2006, с. 37, 41—43, табл. 1—16, 21, 25—27, 37, 44, 45, 92, 96, 97]. Слід згадати і поховання в Норшунтепе в Передній Азії з виробами скіфських типів, що поза всіма сумнівами ілюструють походи номадів на Близький Схід. Прямокутна яма оточена такої ж форми кам'яним валом [Hauptmann, 1983, Abb. 2; 3].

Звертають на себе увагу канавки, в які були заглиблені основи згаданих валів в Братишівських куранах. Такі самі рівчаки, що оточують центральну частину підкурганної поверхні було виявлено під насипами 11 в Колодіївці [Гуцал та ін, 2006, с. 159] та 1 коло Спасівки [Гуцал та ін., 2009, с. 91, 92]. Вони мали розриви для доступу до поховання, та були заповнені каменями. Через тотальне руйнування пам'яток, вали тут не фіксувались. В Колодіївці насип був повністю знівельований. В Спасівці більшість каменів фіксувалось якраз на периферії в районі рівчака, в той час як в центрі їх було помітно менше.

Розглядаючи питання походження цієї риси поховального обряду на заході Українського Лісостепу, зазначимо, що хоч впливу північнокавказьких скіфських традиції повністю заперечувати не можна та всеж видається, що спорудження кам'яних підкурганних валів могло мати місцеве походження, що проглядається в традиції будівництва конструкцій з валунів ще з доби пізньої бронзи — передскіфського часу. Їх основу складає кільце з великих каменів, відсунуте до переферії кам'яної накладки. Саме з нього починалось формування кам'яного насипу. Вірогідно, такі споруди мали й важливе культове значення, ілюструючи з одного боку зміни циклів життя, смерті та відродження, а з іншого — відгороджували підкурганний простір світу мертвих від навколишнього середовища живих, які мали бути захищені від негативного впливу потойбічного світу. В цьому світлі закладання проходу у валу кургана 9 біля Іванківців виглядає цілком закономірним. Розмір згаданого кам'яного кола, як правило залежить від величини кургану: під більшою спорудою вони масивніші, складаються з декількох шарів каменів, величина яких теж більшає. Ймовірно, розвиток цієї практики, збільшення самих ромірів курганів, а з ними — й кам'яних кілець і призвів до зародження традиції насипання валів навколо центральної площі кургану, які все ж

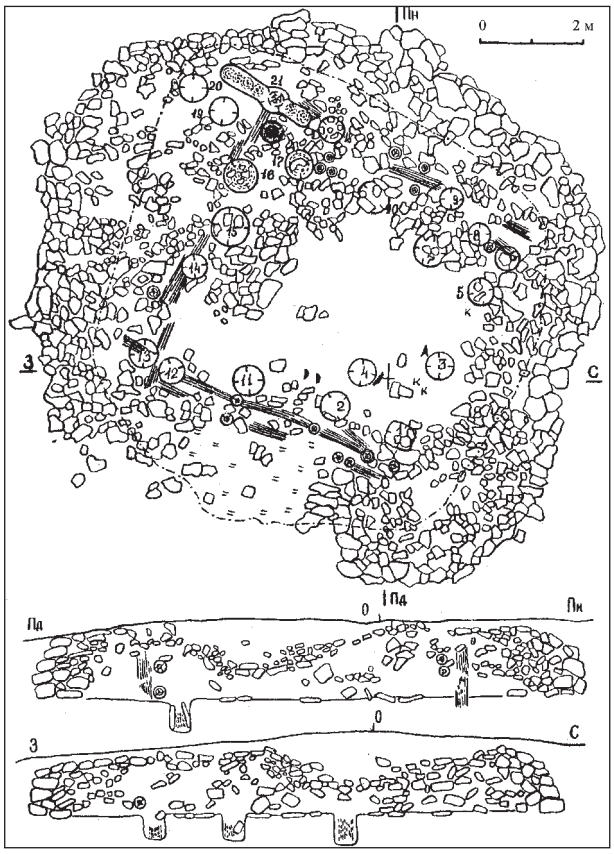


Рис. 18. Зозулинці, курган 1 (за Ю.М. Малеєвим)

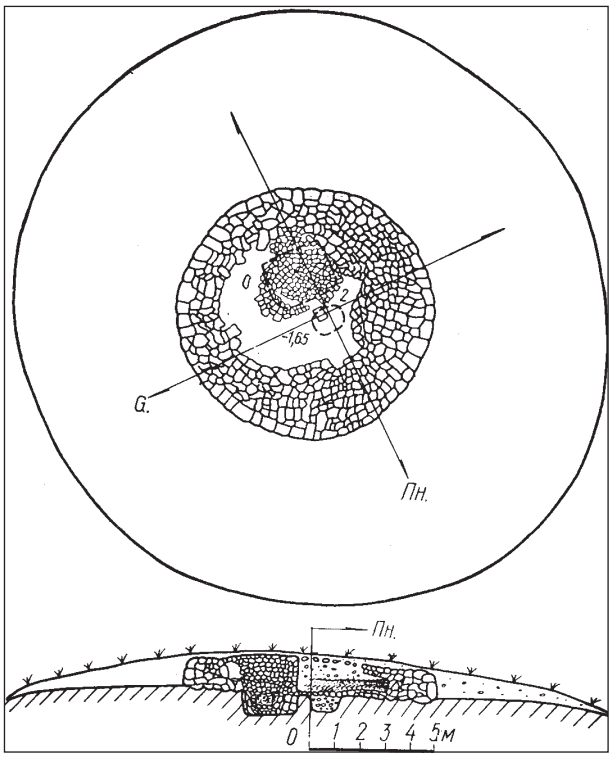


Рис. 19. Лоєвці, курган (за Л.І. Крушельницькою)

таки продовжували перекриватись грунтовим насипом.

Ще однією цікавою рисою поховального обряду кургану, про що вже йшлося вище, є *зовнішня земляна присипка до кам'яного валу, вкрита шаром каменів*. В такий спосіб давні робітники економили свої сили і сам матеріал (адже камінь потрібно було везти здалека, в той час коли земля була поруч), і водночас створювали враження суцільного кам'яного насипу. Подібне явище спостережено в кургані 7 в Колодіївці [Гуцал та ін., 2006, с. 158]. Про земляну підсипку до кам'яної гробниці, зверху якої простежувались камені, пише В.Г. Петренко, характеризуючи курган 4 Краснознаменського могильника на Північному Кавказі [Петренко, 2006, с. 37].

Спалені стовпові дерев'яні гробниці в Західноподільській групі зустрічаються часто: кургани 2, 4, 6 в Перебиківцях [Смирнова, 1979, с. 41, 51, 58], біля Зозулинців [Малеев, 1991], 2 та 4 коло Тарасівки [Гуцал, Мегей, 1997, с. 86, 88], 1 поблизу Шутнівців [Гуцал, Гуцал 2009, с. 127], неподалік Новосілки [Ключевий, 1965, с. 38, 39], 3 коло Теклівки [Гуцал, Гуцал, 2004, с. 19, 20] тощо. Втім, для місцевих доскіфських пам'яток вони не характерні. Можна пригадати лише курган 1 в Бандишівці, розташований на сході ареалу, могила якого мала дерев'яне перекриття. Її, вірогідно, слід пов'язувати з низкою поховань з дерев'яними конструкціями, поширеними в Дніпровському Лісостепу. Окремі з них, розташовані на півдні ареалу (Вільшана, Носачев, Констянтинівка), С.А. Скорий пов'язує з проникненням сюди степових кіммерійців [Скорый, 1999, с. 11—16, 79]. В Потясминні та в Пороссі відомі й поховання місцевого осідлого доскіфського населення з елементами дерев'яних конструкцій. Так у кургані 52 біля Гуляй-Города зафіксовано дерев'яне перекриття і стіни. Під насипом 455 в Макіївці розкопано яму зі слідами дерева. Шари деревини описані в кургані 213 на Тенетинці, а під насипом 220 на цій річці були потужні горілі шари, що дало підставу говорити про спалену тут гробницю [Ильинская, 1975, с. 16, 33, 49, 50]. У кургані 90 біля Бобриці зафіксовано подвійне перекриття з колод над ямою [Ковпаненко, 1981, с. 17, 18]. Отже, поява древ'яних гробниць на Середньому Дністрі в скіфський час, скоріш за все, може бути пов'язана із впливами зі східніших районів Правобережного Лісостепу.

Унікальними для Середнього Подністров'я є *парні супроводжуючі поховання*. Їх місце за межами могили, обабіч входу, ілюструє залежність від центрального захоронення. Одне з поховань, в супроводі прикрас (буси, булавки) та піксидки вказує на захоронення жінки, можливо, наложниці чи дружини. Інша особа, з якою була поставлена корчага, можливо, займалась господарськими справами. Присутність інвентаря з цими небіжчиками, вказує, що це не раби, а залежні общинники. Описаний приклад, чи не найяскравіша ілюстрація супроводжуючих поховань в Західноподільській групі.

В інших випадках говорити про підлеглий статус небіжчиків важче. Як відомо в скіфський час на Середньому Дністрі переважають одиночні захоронення під насипами. Іноді трапляються й групові. Однак, у одних випадках — це декілька поховань в одному склепі (при цьому ще й, майже завжди, пограбованому), що може говорити про родову усипальницю з послідовними покладаннями. Такі випадки зафіксовані в курганах 2 в Долинянах [Смирнова, 1977, с. 33], 3 та 5 поблизу Перебиківців [Смирнова, 1979, с. 51, 57], 11 в Колодієвці [Гуцал та ін., 2006, с. 159], 2 й 5 неподалік Спасівки [Гуцал та ін., 2010, с. 150; 2011, с. 93]. У гробниці 2 в Тарасівці виявлено 7 поховань [Гуцал, Мегей, 1997, с. 87, 88]. В інших випадках розкопано периферійні поховання в кам'яних гробах, що теж свідчить про їх самостійність: Шидлівці, насип 1 [Ossowski, 1891, s. 75—78], Шутнівці, курган 7 [Гуцал та ін., 2001, с. 18], Спасівка, насип 8 [Гуцал та ін., 2010, с. 102]. Останнє явище в регіоні — ще доскіфська традиція (Лука-Врублівецька [Шовкопляс, 1952; 1956, с. 34—37; Шовкопляс, Максимов, 1952], Дністровка-Лука [Смирнова, 1982, с. 31—36; 1984, с. 55—57]).

Обряд спалення на місці, за яким здійснено супроводжуючі захоронення, має паралелі в курганах 3 й 6 в Перебиківцях [Смирнова, 1979, с. 51, 52, 58, 59], 3 біля Малинівців [Гуцал та ін., 2004, с. 115, 116].

Інвентар з кургану не чисельний через пограбування, а його більша частина походить зі вцілілих супроводжуючих поховань.

Корчага з виступами з супроводжуючого поховання має паралелі в багатьох ранньоскіфських похованнях Західноподільської групи. При цьому слід зауважити, що хоч ця категорія кераміки у регіоні достатньо чисельна, але всі вироби мають свої специфічні риси, через що знайти два ідентичних артефакти важко. Так посудина з кургану 2 в Долинянах, маючи схожі контури, наліпи містила дещо вище — на шийці [Смирнова, 1977, рис. 3, *3*]. Корчага з Качанівки була більш приземистих пропорцій та мала канелюри по шийці, а знахідка з кургану 2 в Серватинцях — упори по верху тулуба й більш ширші горло та вінця [Sulimirski, 1936, tab. XIV, *1*; XV, *4*]. Корчага з першого Шутнівецького кургану — більш витягнутих пропорцій [Гуцал, Гуцал, 2009, рис. 1]. А близька за контуром посудина з поховання в Швайківцях — окрім виступів має ще й горизонтальний валик [Бандрівський, 2009, рис. 40].

На горлі, представленої фрагментами, *корчаги* з центральної могили помітний *суцільний валик* та виступ на ньому. Суцільний валик — елемент декора характерний ще для доби бронзи. Як пережиток він іноді зустрічається в доскіфський час: курган 4 в Луці-Врублівецькій [Шовкопляс, Максимов, 1952, табл. I, *2*], поселення Теремці [Могилов, 2011, рис. 3; 5—7] в Середньому Подністров'ї. Рідко він трапляється й в Середньому Побужжі [Бойко, 2004, рис. 5, *19*] та Лісостеповому Подніпров'ї [Тереножкин, 1961, рис. 49, *4*]. В скіфську добу він вже виглядає анахронізмом. Згадати можна суцільний валик на корчазі з кургану 1 в Спасівці [Гуцал и др., 2009, рис. 1]. Цікаво, що на корчазі з Швайківців зустрічаємо поєднання виступів і валика, однак він виділений слабше [Бандрівський, 2009, рис. 40]. Відомі також корчаги з невеликим валиком по горлу з курганів 1 біля Івахнівців та Качанівки [Pulaski, 1902, rys. 5; Sulimirski, 1936, tab. XV, *4, 5*]. Однак це виглядає скоріш як елемент канельованого орнаменту, на користь чого говорить декор поперечними канелюрами горла корчаг з кургану в Лоєвцях [Крушельницька, 1985, рис. 39, *6*], поселення Іване Пусте [Ганіна, 1965, рис. 9, *7*], Немирівського городища [Смирнова, 1996, рис. 10, *5*].

Грушоподібний черпак має виступ-упор зверху ручки. Знахідка подібних черпаків в другому похованні Реп'яховатої Могили [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, рис. 24], здавалось би, говорить про побутування цих артефактів в більш пізніх келермеських старожитностях. Втім, наша знахідка свідчить про їх існування з самого початку келермеського періоду. На користь цього говорить і наявність такого предмета в кургані 407 біля Журовки. Серед інвентарю тут трапилось бронзове дзеркало з центральною ручкою [Ильинская, 1975, табл. X, *19*], що беззаперечно свідчить про ранній час.

Бронзовий дволопатевий наконечник стріли відрізняється від поширених в ранньоскіфський час вістер з листовидною голівкою [Мелюкова, 1964, табл. 6, *Б, 2*; 6, *З, 6, 7*; 6, *П, 3*]. Він має паралельні боки лопатей, добре виражено перехід до вістря, втулка масивна. Ці ознаки бачимо в обрисах окремих передскіфських стрілі з Зимогір'я [Дубовская, 1985, рис. 2, *2*], Зольного [Щепинский, 1962, рис. 39, *26, 27*], Обривського [Иессен, 1953, рис. 10], Вільшани [Скорый, 1999, рис. 11, *5*]. Про повний збіг, все ж, не йдеться. Спасівський наконечник має більш витягнуту голівку й коротшу втулку. Та й контури більшості новочеркаських стріл дещо інші. Разом з цим, все сказане дещо архаїзує наше вістря.

Булавки з грибоподібною голівкою знаходять паралелі в пам'ятках ранньоскіфського часу [Петренко, 1978, с. 14]. Такі знахідки часто трапляються на теренах Західноподільської групи: кургани біля Івахнівців, 2 в Братишеві [Sulimirski, 1936, tab. V, *i*; XI, *4*], 3 близ Перебиківців [Смирнова, 1979, рис. 12, *10*], 8 поблизу Колодіївки [Гуцал и др., 2006, рис. 2, *5*], 5 і 6 коло Шутнівців [Гуцал, Гуцал 2009А, рис. 7—9], 4 в Малинівцях [Гуцал и др., 2004, рис. 2, *2*]. Знаходять їх і на поселеннях: Селище [Мелюкова, 1953, рис. 32, *2*], Залісся [Ганіна, 1984,

рис. 5, *5*], Долиняни [Смирнова, 1981, рис. 10/3, *10*], Іване-Пусте [Ганіна, 1965, рис. 4, *7*]. Південніше вони виявлені на півночі Румунської Молдови в кургані 6 могильника Кажвана. Звичайні ці вироби і в більш східних регіонах Українського Лісостепу. В Правобережжі вони відомі з кургану 432 біля Журовки [Ильинская, 1975, табл. XII, *10*], Шарпівского городища [Фабриціус, 1949, табл. VI; V], Каневського повіту [Ковпаненко, 1981, рис. 22, *4, 8*]. В Лівобережжі — з Більського городища, курганів 4 в Скороборі [Шрамко, 1987, рис. 12, *1—3*; 69, *15*], 1 близ Герасимівки [Ильинская, 1968, табл. XLV, *8, 9*], 18 біля Мачух [Ковпаненко, 1970, рис. 4, *25*].

Кістяна мініатюрна піксида є унікальним виробом. Порівняння напрошуються з низкою кістяних обойм, відомих з середньодністровських курганів скіфського часу. Найближчим до нашого є предмет з кургану 3 в Сокільці. Ця «накладка» так само має смугу отворів по одному краю, а корпус прикрашено циркульним орнаментом. Всередині — сліди іржі вохристого кольору. Данних про наявність дна немає [Бандрівський, Захар'єв, 2002, рис. 5, *3*]. Ще один циліндричний предмет з наскрізьним отвором походить з кургану 6 в Тринці в Північній Молдові. Він також вкритий поздовжними лініями врізних кружечків [Levitchi, 2006, fig. 31, *8*]. Інша обойма з отворами відома з кургану 2 в Долинянах [Смирнова, 1977, рис. 4, *8*]. В усіх випадках, коли можливе більш точне датування, ці речі супроводжувалися виробами келермеських типів. Втім, варто зазначити, що перелічені аналогії не мали денець, що цілком може вказувати на інше, ніж у нашому випадку призначення.

Подібні пустотілі циліндричні артефакти відомі й з Середньої Європи. Знахідки з могил в Tápiószele вкриті горизонтальними смугами орнаменту, що включають трикутні мотиви або хрестоподібну штриховку [Chochorovski, 1985, Abb. 20, *2, 3*]. Циліндр з трикутним орнаментом відомий з Mezotur в Алфельді [Kemenczei, 2009, taf. 34, *6*]. Кістяні продовгуваті предмети з Хотинського могильника мають боковий отвір для фіксатора й декоровані горизонтальними лініями, заповненими решітчастим орнаментом [Dusek, 1966, taf. LV, *6, 17*]. Набір наконечників стріл з поховання, що включає базисні типи, правда, говорить що поховання дещо пізніше, і може бути синхронізоване з ранніми середньоскіфськими пам'ятками другої половини VI — першої третини V ст. до н. е. Додамо, що різний циркульний, трикутний штрихований чи хвилястий орнаменти відомі і на кістяних пластинах з цього регіону, частина з яких була обкладинками ручок ножів. Одні з них відомі з гробниць 46 та 68 згаданого некрополя в Хотині [Dusek, 1966, taf. XLI, *3, 5*; LIV, *17*], інші — Csanytelek — Ujhalasto, Lajosmisze [Kemenczei, 2009, taf. 16, *10*; 30, *6*]. Датуються вони як ранньоскіфським, так і середньоскіфським часом.

Орнамент у вигляді концентричних кіл чи нарізної сітки зустрічається на кістяних виробах ранньоскіфської доби і на півдні Східної Європи. Трапляються такі мотиви на зооморфних трохдирчастих псаліях середини VII — VI ст. до н. е. Правда, кружечки [Могилов, 2008, рис. 41, *13*; 44, *9*; 46, *10*; 50, *9, 10*; 51, *3*] та решітка [Могилов, 2008, рис. 40, *11*; 47, *11*; 53, *2*] зображені на різних виробах. Штриховку бачимо на застібках горита з Більська [Шрамко, 1987, рис. 55] та Комаровського могильника на Північному Кавказі [Абрамова, 1974, рис. 2, *4*], шпильках з курганів 1 (1965 р.) в Скороборі [Шрамко, 1987, рис. 41, *4*] та в Сабанджії в Нижньому Подунав'ї [Мелюкова, 2001, рис. 1, *7*; Simion, 2003, fig. 1, *c*].

Можна висловити припущення, що піксидка зі Спасівки наслідує форму більш масивних керамічних орнаментованих піксид доскіфської доби, що подекуди продовжують існувати і в ранньоскіфський час. На Середньому Дністрі такий предмет знайдений на доскіфському селищі в Нагорянах [Шовкопляс, 1954, рис. 7]. Її тулуб вкритий орнаментом з трикутників, а кришка — хрестоподібним знаком. Втім, більшість подібних речей походить з Дніпровського Лісостепового Правобережжя, де вони зосереджені в Пороссі та Потясминні. Тут вони були в курганах 26 в Казарівці, 4 [Ковпаненко, 1971, рис. 6; 1981, рис. 20, *1*; 28, *8*] та 23 [Левченко, Левченко, Гречко, 2015, рис. 20, *1, 2*] в Медвині, 378 поблизу Константинівки [Ильинская, 1975, табл. XVI, *11*]. Орнаментовано їх заштрихованими трикутниками, вертикальними смугами з поперечними лініями, крапочками, хрестоподібними знаками.

Знайдені керамічні піксиди з геометричним оздобленням і в ареалі культури Сахарна — Козія. Походять вони з Сахарнянського могильника, поселень Сахарна та Матеуць — Ла Башне [Кашуба, Гольцева, 1991, рис. 1, *4*; Кашуба, 2000, рис. X, *29, 30*; XXXII, *28—30, 33, 34, 36*]. У скіфський час відомі вони і в Середній Європі [Pudelko, 2001, ryc. 5—7].

Геометричний орнамент спасівської піксиди знаходить аналогії в декорі корчаг, кубків, черпаків жаботинського часу, що продовжують існувати і в ранньоскіфських докелермеських старожитностях, і навіть на початку келермеської доби. Звичайно, тут вони не вирізались різцем, а прокреслювались по сирій глині. Так, штриховкою часто заповнюються трикутники та різноманітні смуги на посудинах. Найбільше їх в Правобережному Лісостепу: кургани 90 в Бобриці, біля Копанів [Ковпаненко, 1981, рис. 14, *3, 7*; 24, *4*], 376 поблизу Константинівки, 455 коло Макіївки, 2 близ Рижанівки, 344 в Ташлику, 126 на Тенетинці [Ильинская, 1975, табл. XVI, *10*; XXII, *5*; XXV, *2*; XXVII, *6, 10*; XXXI, *7*], неподалік Вільшани [Скорый, 1999, рис. 14]. Відомі вони з Жаботинського поселення [Вязьмитина, 1952, рис. 3, *7*; Покровская,

1973, рис. 7, *7*]. Достатньо репрезентативну вибірку дають кіммерійські пам'ятки степу: насипи 3 в Облоях, 3 біля Спаського, 1 коло Південного, 8 поблизу Кута, 4 поруч із Пришибом, 40 в Софіївці [Махортых, 2005, рис. 34, *13*; 40, *8, 9, 13, 14*; 93, *8*].

Орнамент у вигляді штампованих кружечків теж не рідкий на посудинах доскіфського часу. Він відомий в Пороссі: кургани в Квітках [Скорый, 1999, рис. 18, *12*], 10 біля Стеблева [Клочко, Скорый, 1993, рис. 4, *3*], селище Хрещатик [Покровська, Петровська, Ковпаненко, 1971, рис. 5, *15*]; на Тясмині: Жаботинське поселення [Вязьмітіна, Покровська, 1956, табл. 1, *8, 9*]; в Середньому Побужжі: Вишенка [Бойко, 2004, рис. 8, *9*]. Трапляється він й на сахарненській кераміці [Кашуба, 2000, табл. LXXIII, *2, 3*]. Цікаві посудини з курганів 247 біля Константинівки та 139 на Тенетинці [Ильинская, 1975, табл. XV, *6*; XXVIII, *3*], де штрихованй орнамент та кружечки подані разом, як і на нашому предметі.

Наскрізні отвори по верху піксиди перегукуються з декором передскіфських тюльпановидних горщиків доскіфського часу в вигляді проколів під вінцями. Вони добре відомі на пам'ятках цього часу на Середньому Дністрі: селища в Нагорянах [Шовкопляс, 1954, табл. I, *2, 6*], Лука Врублівецька [Шовкопляс, 1956, табл. 1, *8—10*], Дністровка-Лука [Смирнова, 1984, рис. 4, *14*], Ленківці [Мелюкова, 1958, рис. 2, *1, 3—5*]. Продовжують такі знахідки побутувати і в ранньоскіфських докелермеських пам'ятках [Белозор, Могилов, Скорый, 2010, рис. 10, *6*]. А на келермеському етапі виходять з ужитку, поступаючись діжкоподібним горщикам з валиком під вінцями.

Скляні буси, схожі до спасівських, в ранньоскіфських похованнях Українського Правобережного Лісостепу знайдені переважно в пам'ятках келермеського періоду: кургани 35 в Бобриці, 25 біля Казарівки, 100 поблизу Синявки [Ковпаненко, 1981, рис. 14, *11*; 20, *2*; 42, *13*], 23 коло Медвина [Левченко, Левченко, Гречко, 2015, рис. 21, *1*], 407 неподалік Журовки [Ильинская, 1975, табл. X, *17*], біля Глевахи [Тереножкин, 1954, табл. I, *6*], поховання 2 Реп'яховатої Могили [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, рис. 20, *7, 8*]. Знахідки в курганах 1 й 3 групи III поблизу Медвина [Ковпаненко, 1981, рис. 33, *6*; 35, *4*] говорять, що зрідка вони трапляються ще в докелермеську — на початку келермеської доби.

Хронологія Спасівського кургану може бути визначена виходячи з одного боку — за аналогіями поховальному обряду (кам'яні вали, дерев'яні гробниці) й речам (кераміка, буси, булавки) в келермеський час, а з іншого — добре помітним рисам, що знаходять паралелі ще в передскіфських та ранньоскіфських докелермеських старожитностях (пропорції наконечника стріл, орнаментація кістяної піксидки, суцільний валик на корчазі). Виходячи з цього, курган можна датувати кінцем — докелермеського — початком келермеського часу, що в абсолютних датах має бути близьким до другої чверті — середини VII ст. до н. е.

Етнічна інтерпретація захоронення може бути проведена, враховуючи обряд супроводжуючих поховань. Спалення на місці, вірогідне скорчене поховання одного з небіжчиків — це середньодністровські риси, які вказують на те, що їх носіями було тутешнє населення, а не пришлі номади. Спалення стовпової гробниці має місцеві паралелі. Лісостеповий вигляд має й кераміка, яка продовжує традиції доскіфського часу. Тому найбільш вірогідним видається належність похованих у кургані до місцевих лісостепових племен.

Соціальний статус небіжчика безперечно свідчить про його знатність. Про це однозначно говорять велика дерев'яна гробниця, а також супроводжуючі поховання. Восьмий курган розмірами свого насипу та поховальних споруд в декілька раз перевищував усі інші у цій групі. Цікаво, що і розташований він відособлено від неї. Ранг небіжчика тут вище ще й тому, що разом з ним поховано залежних осіб. Це може бути свідченням його належності до соціального прошарку місцевої знаті, що умовно характеризується як «середній». Такі значні поховання, разом з цим, поступались представникам найвищої місцевої знаті, похованим, наприклад, в кургані 9 біля Іванківців, що сягав у висоту 4,5 м. Саме ці визначні особи, вірогідно, стояли на чолі окремих племен, що заселяли Середнє Подністров'я в скіфську добу. А курган 8 міг бути пристанищем вождя окремого роду чи невеликого родового об'єднання.

Отже, досліджений курган, не дивлячись на тотальне пограбування, все-таки дав цікаві відомості для характеристики духовної та матеріальної культури населення Середнього Подністров'я ранньоскіфської доби.

Абрамова М.П. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА. — 1974. — № 2. — С. 195—212.

Бандрівський М.С. Новий ритуальний об'єкт часів скіфської архаїки зі Швайковець біля Чорткова на Тернопільщині // Взаємозв'язки культур бронзи і раннього заліза на території Центральної та Східної Європи. — Київ; Львів, 2009. — С. 202—235.

Бандрівський М., Захар'єв В. Про один тип поховальних споруд періоду раннього заліза на Середньому Придністров'ї (за матеріалами розкопок кургану III в селі Сокілець у 1999 р.) // ЗНТШ. — 2002. — **CCXLIV**. — С. 545—562.

Белозор В., Могилов А., Скорый С. Комплексы раннего железного века у с. Козлов на Среднем Днестре // Tyragetia. — 2010. — Vol. IV (XIX), **1**. — С. 149—174.

Бойко Ю.Н. Вишенка-2 — новый чернолесско-жаботинский памятник в Среднем Побужье // Древности. — Харьков, 2004. — С. 238—259.

Вязьмитина М.И. Памятники раннего железного века в окрестностях с. Жаботин, Кировоградской об-

ласти // КСИА ИА АН УССР. — 1952. — Вып. 1. — С. 59—66.
Вязьмітіна М.І., Покровська Є.Ф. Поселення VII—VI ст. до н. е. в околицях с. Жаботина // АП УРСР. — 1956. — Вип. VI. — С. 38—46.
Ганіна О.Д. Поселення скіфського часу у селі Іване-Пусте // Археологія. — 1965. — Т. XIX. — С. 106—117.
Ганіна О.Д. Поселення ранньоскіфської доби поблизу с. Залісся // Археологія. — 1984. — № 47. — С. 68—79.
Гуцал А.Ф. Третій Шутнівецький курган // Хмельничина: Дивокрай. — 2006. — № 1—2. — С. 9—12.
Гуцал А.Ф., Гуцал В.А. Теклівські кургани епохи скіфської архаїки // Хмельничина: Дивокрай. — 2004. — № 1—2. — С. 18—24.
Гуцал А.Ф., Гуцал В.А. Курганна група ранньоскіфського часу у пониззі Смотрича // Вісн. Кам'янець-Подільського національ. ун-ту. Історичні науки — 2009. — Вип. 2. — С. 5—15.
Гуцал А.Ф., Гуцал В.А. Курганний комплекс з бронзовим дзеркалом із Шутновець // Эпоха раннего железа. — К., 2009. — С. 125—134.
Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Мегей В.П. Розкопки курганів скіфського часу на Кам'янеччині // АДУ 1999—2000 рр. — К., 2001. — С. 17—18.
Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Мегей В.П., Могилов О. Д. Розкопки курганів епохи раннього заліза в с. Малинівці на Середньому Дністрі // АВУ 2002—2003 рр. — К., 2004. — С. 114—116.
Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Мегей В.П., Могилов О.Д. Розкопки курганів ранньоскіфської доби біля села Колодіївка у Середньому Подністров'ї // АДУ 2004—2005 рр. — К., 2006. — С. 157—159.
Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Мегей В.П. та ін. Дослідження курганів ранньоскіфського часу в районі середньої течії р. Збруч // АДУ 2006—2007 рр. — К., 2009. — С. 91—93.
Гуцал А.Ф., Мегей В.П. Дослідження курганів скіфського часу біля с. Тарасівка // Кам'янеччина в контексті історії Поділля. — Кам'янець-Подільський, 1997. — С. 85—88.
Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Могилов О.Д., Болтанюк П. А. Дослідження курганної групи Спасівка — Іванківці у Позбруччі // АДУ 2009 р. — Київ; Луцьк, 2010. — С. 101—103.
Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Могилов О.Д. Дослідження курганного некрополя Спасівка — Іванківці на Хмельниччині // АДУ 2010 р. — Київ; Полтава, 2010. — С. 93—94.
Дубовская О.Р. Погребение лучника раннего железного века // СА. — 1985. — № 2. — С. 166—172.
Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР // СА. — 1953. — Т. XVIII. — С. 49—110.
Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. — К., 1968. — 203 с.
Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. — К., 1975. — 223 с.
Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А. И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. — К., 1980. — С. 31—64.
Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Серетом (культура Козия—Сахарна) // Stratum plus. — 2000. — № 3. — С. 241—488.
Кашуба М.Т., Гольцева Н.В. Сахарнянский могильник I (Цыглэу) // СА. — 1991. — № 1. — С. 197—209.
Клочко В.И., Скорый С.А. К исследованию позднесчернолесского погребального обряда // РА. — 1993. — № 4. — С. 54—64.
Ключевий Б. Під покровом стародавніх курганів // Людина і світ. — 1965. — № 6. — С. 38—39.
Ковпаненко Г.Т. Кургани поблизу с. Мачухи на Полтавщині (за матеріалами М.Я. Рудинського) // Археологія. — 1970. — Т. XXIV. — С. 146—169.
Ковпаненко Г.Т. Памятники раннескифского времени Каневщины // ПСА. — М., 1971. — С. 115—120.
Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в басейне р. Рось. — К., 1981. — 159 с.
Крушельницька Л.І. Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи. — К., 1985. — 162 с.
Левченко Б.М., Левченко Н.Б., Гречко Д.С. Курганы раннескифского времени у с. Медвин в Поросье (по материалам раскопок 1984—1985 гг.) // Старожитності раннього залізного віку. — К., 2015. — С. 202—218 (АДІУ. — Вип. 2 (15)).
Малєєв Ю.М. Курган Західноподільської групи поблизу с. Зозулинці // Поховальний обряд давнього населення України. — К., 1991. — С. 162—181.
Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. — К., 2005. — 379 с.
Мелюкова А.И. Памятники скифского времени на Среднем Днестре // КСИИМК. — 1953. — Вып. 51. — С. 60—73.
Мелюкова А.И. Памятники скифского времени Лесостепного Среднего Поднестровья // МИА. — 1958. — № 64. — С. 5—102.
Мелюкова А.И. Вооружение скифов. — М., 1964. — 91 с. (САИ. — Вып. Д 1—4).
Мелюкова А.И. Новые данные о скифах в Добрудже (к вопросу о «Старой Скифии» Геродота) // РА. — 2001. — № 4. — С. 20—32.
Могилов О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. — Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. — 439 с.
Могилов О.Д. Теремці — поселення доскіфськго часу на Середньому Дністрі // Археологія і фортифікація Середнього Подністров'я. — Кам'янець-Подільський, 2011. — С. 23—31.
Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе.— Москва; Берлин; Бордо, 2006. — 176 с.
Покровская Е.Ф. Предскифское поселение у с. Жаботин // СА. — 1973. — № 4. — С. 169—188.
Покровська Є.Ф., Петренко В.Г., Ковпаненко Г.Т. Поселення VIII—VI ст. до н. е. поблизу с. Хрещатик на Канівщині // Археологія. — 1971. — № 2. — С. 94—109.
Сецинский Е.И. Археологическая карта Подольской губернии // Тр. XI АС в Киеве. — М., 1901. — Т. 1. — С. 197—354.
Скорый С.А. Киммерийцы в Украинской Лесостепи. — Киев; Полтава, 1999. — 136 с.
Смирнова Г.И. Курганный могильник раннескифского времени у села Долиняны // АСГЭ. — 1977. — Вып. 18. — С. 229—40.
Смирнова Г.И. О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна-Солончены и Жаботин (по материалам курганов у с. Мервинцы на Днестре) // СА. — 1977а. — № 4. — С. 94—107.
Смирнова Г.И. Курганы у с. Перебыковцы — новый могильник скифской архаики на Среднем Днестре // Тр. ГЭ. — 1979. — № XX. — С. 36—67.
Смирнова Г.И. Новые данные о поселении у с. Долиняны (по материалам раскопок 1977—1978 гг.) // АСГЭ. — 1981. — Вып. 22. — С. 40—61.
Смирнова Г.И. Закрытые предскифские комплексы у села Днестровка-Лука // Древние памятники культуры на территории СССР. — Л., 1982. — С. 30—53.

Смирнова Г.И. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре по материалам поселения Днестровка-Лука // АСГЭ. — 1984. — Вып. 25. — С. 43—60.
Смирнова Г.И. Немировское городище — общая характеристика памятника VIII — VII вв. до н. э. // Археологія. — 1996. — № 4. — С. 67—84.
Тереножкін О.І. Курган біля с. Глеваха // Археологія. — 1954. — Т. IX. — С. 80—97.
Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. — К., 1961. — 247 с.
Фабриціус І. Тясминська експедиція // АП УРСР. — 1949. — Т. II. — С. 80—111.
Шовкопляс І.Г. Курганний могильник передскіфського часу на Середньому Дністрі // АП УРСР. — 1952. — Т. IV. — С. 5—11.
Шовкопляс І.Г. Поселення ранньоскіфського часу на Середньому Дністрі // Археологія. — 1954. — Т. IX. — С. 98—104.
Шовкопляс І.Г. Середньодністровська експедиція 1949—1951 рр. // АП УРСР. — 1956. — Т. VI. — С. 29—37.
Шовкопляс І.Г., Максимов Є.В. Дослідження курганного могильника передскіфського часу на Середньому Дністрі // Археологія. — 1952. — Т. VII. — С. 89—109.
Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — К., 1987. — 182 с.
Щепинский А. А. Погребение начала железного века у Симферополя // КСИА АН УССР. — 1962. — Вып. 12. — С. 57—65.
Chochorowski J. Die Rolle der Vekerzug-Kultur (VK) im Rahmen der skytheschen Einflusse in Mitteleuropa // Prвehistorische Zeitschrift. — 1985. — B. 60. — S. 204—271.
Dusek M. Thrakisches Graberfeld der Hallstattzeit in Chotiìn. — Bratislava, 1966. — 174 s.
Hauptmann H. Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien // Beitrage zur Altertumskunde Kleinasien. — Mainz, 1983. — B. 1. — S. 251—270.
Kemeczei T. Studien zu den denkmalern Skythisch gepragter Alfold gruppe. — Budapest, 2009. — 410 s.
Levitchi O. Necropola tumulara hallstattiana tarzie Trinca — «Drumul fetestilor». — Jasi, 2006. — 148 s.
*Ossowski G.*Sprawozdanie drugie z wycieczki paleoetnologicznej po Galicyi (w roku 1890) // Zbior wiadomoszi do antropologii krajowey. — 1891. — T. 15. — S. 1—88.
Pudelko E. Wyniki ratowniczych prac wykopaliskowych cmentarzyska kultury luzeckiej na stanowisku 3 w Szadku, pow. Kalisz // MiSROA. — 2001. — T. XXII. — S. 171—185.
Pulaski F. «Mogily» o nasypie kamienym w powiecie Kammientckim // Swiatowit. — 1902. — T. IV. — S. 3—39.
Sulimirski T. Scytowie na Zahodniem Podolu. — Lwow, 1936. — 136 s.
Simion G. Gйtes et Scythes aux Bouches du Danube // Culturi antice in zona gurilor Dunării. — Tulchea, 2003. — Vol. I. — P. 247—258.

А. Д. Могилов,
А. Ф. Гуцал, В. А. Гуцал

КУРГАН С КАМЕННЫМ ВАЛОМ НА ЗАПАДНОМ ПОДОЛЬЕ

Статья посвящена публикации кургана 8 могильника раннескифского времени возле сел Спасовка и Иванковцы на Западном Подолье. Под насыпью, высотой 1,45 м и диаметром 20—24 м, исследована сожженная деревянная гробница. Усопшего сопровождали еще 2 сожженных покойника. Центральную могилу окружал каменный вал с разрывом с юга. Среди находок — местная лепная керамика, бронзовые булавки и наконечник стрелы, стеклянные бусы, костяная пиксида. Захоронение принадлежит представителю средней прослойки местной знати и датируется раннескифским временем.

Ключевые слова: курган, скифское время, Западноподольская группа, погребение, каменный вал.

O. D. Mogylov,
A. F. Gutsal, V. A. Gutsal

THE BARROW WITH THE STONE BANK ON THE WEST PODILLYA

The article is devoted to the publication of the early Scythian times burial mound 8 near the villages Spasivka and Ivankivtsy on the West Podillya. The wooden burnt tomb has been investigated under the embankment height of 1.45 m and a diameter of 20—24 m. Two the burned corpse was accompaniedof deceased. The stone bank with a break from the south surrounded a central tomb. The local molded ceramics, bronze pins and arrowhead, glass beads, bone pyxis has been among the finds. The burial belongs to members of the middle strata of the local nobility and dates from the early Scythian time.

Keywords: barrow, Scythian time, West Podillya group, burial, stone bank.

Одержано 25.03.2016

УДК: 904.21(477.63)"6383"

С. Я. Ольговський

НОВІ ЗНАХІДКИ ФОРМ ДЛЯ ВІДЛИВАННЯ СКІФСЬКИХ НАКОНЕЧНИКІВ СТРІЛ

У статті розглядаються ливарні форми для відливання наконечників стріл, які походять із двох скарбів, випадково знайдених на півночі України. Типологічно вони схожі на вже відомі форми з лісостепової зони, а також з поселень іткульської культури Приуралля, які були розвиненими ремісничими центрами і з яких відомі матриці для відливання таких ливарних форм. Це дозволяє припустити, що саме із східних районів ливарні форми поступали до скіфських ливарників у Північне Причорномор'я.

Ключові слова: ливарна форма, випадкова знахідка, наконечник стріли, скарб, майстер-ливарник.

Ще нещодавно при обговоренні питань, пов'язаних з металообробкою в Скіфії, дослідники опирались на спостереження Б.М. Гракова відносно артефактів, які дозволяли оцінити рівень цього ремесла [Ольговський, 2013, с. 72; 2014, с. 51]. Зокрема йшлося про ливарні форми, яких за словами відомого археолога, у довоєнний час було відомо всього три—чотири кам'яні для відливання прикрас і три бронзові для виготовлення наконечників стріл [Граков, 1948, с. 46]. При цьому єдиним скіфським ремісничим центром з яскравими слідами обробки металів називалось Кам'янське городище на Дніпрі, вивченню якого Б.М. Граков присвятив об'ємну монографію [Граков, 1954]. Така ситуація зумовила суб'єктивне розглядання співвідношення скіфських і античних пам'яток у Північному Причорномор'ї. Грецькі колонії вважались вирішальним фактором у виготовленні виробів з кольорових металів і їхньому розповсюдженні у регіоні.

З середини 1950-х рр. у дослідженні скіфських пам'яток осілого побуту, багато з яких були розвиненими металообробними центрами, стався великий прорив, який значною мірою порушив диспропорцію, яка склалась у вивченні скіфських городищ і грецьких колоній, і це дозволило стверджувати, що в VII—V ст. до н. е. саме скіфські ливарники були авторами чисельних виробів із кольорових металів, які зустрічаються на території Скіфії.

На сьогоднішній день на правому березі Дніпра виразні сліди бронзоливарного ремесла виявлені на городищах Жаботинському, Шарпівському і Мотронинському в басейні р. Тясмин, поселенні Грищенці поблизу Канева. На лівобережжі Дніпра потужними ремісничими центрами були городища Більське на Полтавщині, Коломакське, Люботинське і Полкова Микитівка на Харківщині, Книшівське і Лихачівське на Полтавщині. Крім того, у лісостеповій смузі України були відомі окремі знахідки ливарних форм, тиглів, напівфабрикатів виробів, які іноді не пов'язані з конкретними ремісничими центрами.

Відомі знахідки ливарних форм і далеко за межами Північного Причорномор'я, і це не тільки форми із Семипалатинська і Пермського краю, про які писав Б.М. Граков [Граков, 1930, с. 77], а й ще дві форми із Мосула (Ірак) і Кархеміша (Сирія), які традиційно розцінювались лише як свідчення перебування скіфів у Передній Азії, а така оцінка досить обмежена. Більш ретельний аналіз цих знахідок дозволив дійти висновку про роботу ливарників в обозі скіфського війська в похідних умовах, що цілком закономірно, оскільки, за свідченням Геродота, кожен скіфський воїн був насамперед лучником, тому обозні майстри повинні були виготовляти велику кількість наконечників, щоб забезпечити воїнів цією важливою

© С.Я. ОЛЬГОВСЬКИЙ, 2016

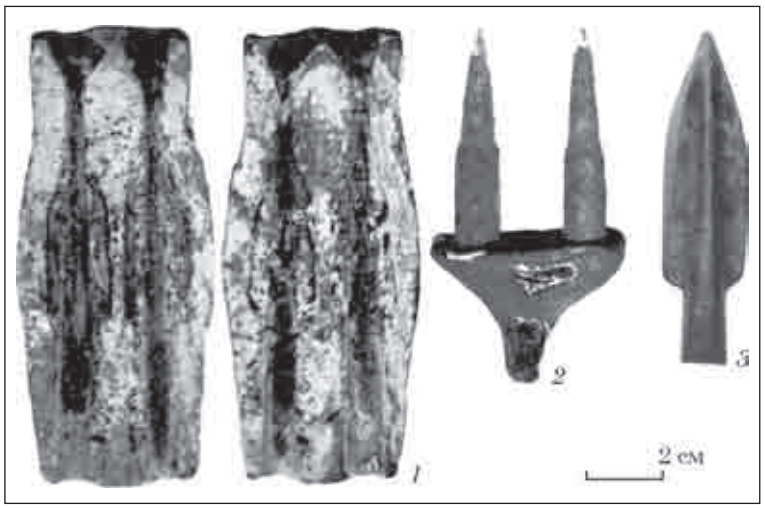


Рис. 1. Двостулкова форма із скарбу з Полтавської обл.: *1* — стулки; *2* — фіксатор; *3* — приблизний вигляд наконечника, що відливався у формі

зброєю, і робили це на кожній стоянці, будуючи тимчасові плавильні печі [Ольговський, 2013, с. 74]. Таким же чином треба інтерпретувати і випадкові знахідки фрагментів ливарних форм на території України, яких зараз нараховується чотири. Дві з них з Букрина і з колекції О.О. Бобринського, не пов'язані з конкретними городищами, і з території Великого Більського городища походять ще два фрагменти [Ольговський, 2014, с. 51].

Останнім часом стало відомо про дві знахідки, значення яких важко переоцінити. Йдеться про дві групові знахідки ливарних форм на півночі України. Першу з них було знайдено при випадкових обставинах південніше м. Пирятин у Полтавській обл. по течії р. Сула у 2012 р. У публікації її названо скарбом, який складався із чотирьох ливарних форм із фіксуючими стрижнями. Разом з формами були знайдені два уламки стінок бронзового казана, виплески металу і шматки сильно проіржавленого заліза, які, можливо, є рештками якогось залізного інструмента. Автор першої публікації вважає, що на цьому місці знаходилась металообробна майстерня [Зеленин, 2013, с. 240]. Але при цьому ніяких відомостей про культурний шар, супроводжуючі знахідки, наприклад, кераміки, не представлено. Тому цю знахідку дійсно можна вважати лише скарбом ливарника. Тим більше, що поблизу ніяких поселень скіфського часу невідомо. Найближчою пам'яткою із рештками бронзоливарного ремесла є Книшівське городище на Середньому Пслі. Тому дана знахідка може свідчити про роботу в цій місцевості мандрівних майстрів, або ж ливарників, які працювали в обозі скіфського війська.

Окремо треба обговорити уламки стінок бронзового казана. Подібні знахідки відомі на Мотронинському, Книшівському, Більському городищах. Вони пов'язані з місцевим бронзоливарним ремеслом і використовувались ливарниками як вторинна сировина для переплавки. Тому поза всякого сумніву даний скарб був закопаний в землю ливарником професіоналом.

Ми не ставимо перед собою завдання всебічно описати ливарні форми. В даному випадку нас цікавить сам факт знахідки, її датування і подекуди форма стріл. Тому ми не будемо зупинятись на розмірах і деяких технологічних особливостях.

Одна форма двохстулкова. Вона складається із двох брусків округлої форми, і розширеною верхньою частиною, де знаходяться ливники у формі воронки, через які заливався розплав. Зовнішня сторона обох стулок також закруглена, а на внутрішній плескатій — зроблені заглиблення у вигляді негативів двох дволопатевих наконечників стріл (рис. 1, *1*). До цієї форми треба віднести і фіксатор із плоскою площадкою, на яку поміщалися стулки і з якої виходять два стрижні для формування втулок стріл. Знизу ця площадка має конусоподібний штир, який служив для фіксації форми у вертикальному положенні при заливанні в неї металу (рис. 1, *2*). Можливо цей штир вбивався в дерев'яну колоду або дошку. Наконечники стріл, які відливались у цій формі датуються кінцем VII — початком V ст. до н. е. Стріли такої форми оригінальні, оскільки досить рідко зустрічаються в скіфських сагайдачних наборах (рис. 1, *3*).

Друга форма складається із трьох конусоподібних стулок, які у зібраному стані мали вигляд піраміди із обрізаною вершиною, тобто зовнішня сторона стулок була не кругла, як на відомих формах із Ольвії, Більського городища, а плеската. В нижній частині стулок на відстані 8 мм зроблені невеличкі отвори, яким повинні були відповідати спеціальні шипи на замикаючому стрижні, які фіксували стулки у зібраному вигляді. Шипи ці не збереглися, оскільки стрижні сильно поїдені корозією. Стріли, які відливалися в цій формі датовані VI—V ст. до н. е. (рис. 2, *1*).

Третя форма також трьохстулкова, але «класичної» пляшкоподібної форми (рис. 2, *2*). Подібну форму має і четверта форма, але третя стулка від неї відсутня (рис. 2, *3*). Всі три форми мають стрижні фіксатори (рис. 2, *4*).

Ще один скарб, який містив дві ливарні форми для відливання скіфських наконечників стріл, було знайдено також у 2012 р. в лісі, на березі струмка неподалік від с. Цигани Борщівського р-ну Тернопільської обл. Обидві форми збереглись у повній комплектації. Також, як і у випадку з першим скарбом, не представлено ніякої інформації про умови виявлення скарбу або ж його зв'язок із найближчими поселеннями цього часу.

Треба відзначити, що в західних областях України ми взагалі не знаємо пам'яток осілого побуту скіфського часу зі слідами місцевої обробки кольорових металів. Можна назвати лише один фрагмент кам'яної форми із ливником, в який відливались браслети. Вона походить із поселення Черепин у Верхньому Подністров'ї [Крушельницька, 1971, с. 125, рис. 4, *4*]. Але більше ніяких артефактів, пов'язаних із бронзоливарним ремеслом, на цій пам'ятці виявлено не було. Всі скіфські городища з розвиненою металообробкою територіально тяжіють до Дніпровського узбережжя. На правому березі Дніпра це Жаботинське, Шарпівське, Мотронинське городища, поселення Грищенці, рештки бронзоливарного ремесла на яких описані в спеціальній монографії [Ольговський, 2011, с. 127 і наст.]. Тому і даний скарб слід пов'язувати також із роботою мандрівних майстрів.

Перша форма з цього скарбу складається із двох бронзових стулок і стрижня фіксатора. У зібраному вигляді форма має вигляд циліндра із розширеною воронкоподібною верхньою частиною, куди заливався розплавлений метал. На внутрішній частині стулок зроблені негативні заглиблення у формі дволопатевого наконечника стріли (рис. 3). Такі наконечники датовано кінцем VII — VI ст. до н. е.

Друга форма складається із трьох бронзових стулок і стрижня фіксатора. У зібраному вигляді вона має форму витягнутого овалу із звуженими і зрізаними верхнім і нижнім кінцями. На внутрішній частині стулок, які в перерізі мають вигляд секторів по 120°, видно заглиблення із негативним зображенням трьохгранного наконечника стріли (рис. 4). В кожній стулці на відстані 3 мм від краю основи є отвори, яким відповідають бокові шипи фіксуючого стрижня і які утворюють «замок». Один із цих шипів зламаний. Бронзовий стрижень фіксатор має форму довгого циліндра із загостреним під конус кінцем, що формує втулку стріли. Під шипами є поясок, на який опиралися стулки в зібраному вигляді. Трьохгранні стріли, що відливалися у цій формі побутували протягом кінця VII — VI ст. до н. е.

В цілому всі описані форми аналогічні тим, що відомі на скіфських пам'ятках на території України і за її межами. Деякі відмінності у зовнішній формі не мають суттєвого характеру. Принцип їх використання однаковий. Наприклад форму із першого скарбу, в якій відливались два наконечника, автор першої публікації цілком правомірно порівнює із відомою формою із Мосула (Ірак) [Зеленин, 2013, с. 242]. Відмінність полягає в тому, що в останній відливались три трьохлопатеві нако-

Рис. 2. Трьохстулкові форми із скарбу з Полтавської обл. (*1—3*); фіксатори від ливарних форм (*4*)

Рис. 3. Форма 1 із скарбу з Тернопільської обл.

Рис. 4. Форма 2 із скарбу з Тернопільської обл.

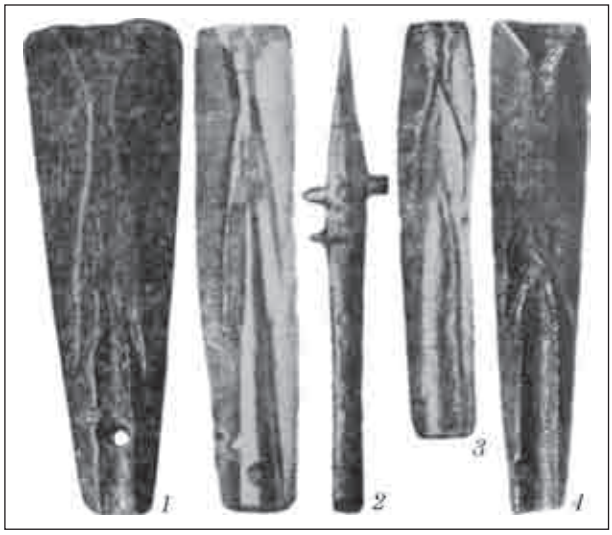


Рис. 5. Випадкові знахідки ливарних форм з України: *1* — Більське городище; *2* — с. Букрин Київська обл.; *3* — колекція О.О. Бобринського; *4* — Ольвія

нечники, тому форма мала ще конструктивні бокові стулки.

Друга форма із першого скарбу пірамідальної форми, або у формі витягнутої догори трапеції, аналогічна окремим стулкам із Ольвії і Більського городища (рис. 5, *3, 4*). Трьохстулкова форма із скарбу біля с. Цигани аналогічна формам із Букрина на Київщині і з колекції О.О. Бобринського (рис 5, *1, 2*).

Але при пошуку аналогій описаним формам не слід обмежуватись територією України і Близького Соду. І тут можна привести відомості про металообробне ремесло на пам'ятках іткульської культури Приуралля. Ще на початку 1990-х рр. в ареалі цієї культури було відомо 120 (!) ливарних форм, з яких лише 15 відносяться до категорії випадкових знахідок. Для відливання наконечників стріл нараховується 25 форм, знайдених в культурному шарі семи пам'яток із виразними слідами місцевого бронзоливарного ремесла, дві — на поселенні, характер якого не визначений, і дві форми — випадкові знахідки. 18 матриць вирізані із тальку, одна мідна, п'ять із глини [Вельтикова, 1993, с. 54]. Особливої уваги заслуговують глиняні матриці, в яких відливались бронзові стулки для ливарних форм, в яких надалі відливатимуться наконечники стріл [Вельтикова, 1993, с. 58, рис. 6, *16, 21*]. Наведені дані дозволяють припустити товарне виробництво ливарних форм на пам'ятках іткульського металургійного осередку, звідкіля вони розповсюджувались в різних напрямках ойкумени. Чи не з іткульського осередку походять ливарні форми із Семипалатинська і Пермської обл., про які писав Б.М. Граков, нажаль не представивши при цьому фотографії або малюнки цих виробів? В цьому відношенні цікава кам'яна стулка ливарної форми, знайдена на розореному полі біля с. Язево Картамишського р-ну Курганської обл. У формі відливали чотирьохгранні плескати наконечники стріл. Стріли такого типу були розповсюджені в добу пізньої бронзи, але зустрічаються вони в східних областях і в ранньому залізному віці.

Східний вектор зв'язків скіфів був досить потужним. Б.М. Граков припускав наявність постійно діючого торгівельного шляху від Ольвії до Поволжя і Уралу [Граков, 1947]. Це припущення було зроблено на основі картографування знахідок дзеркал так званого «ольвійського» типу і хрестоподібних блях, в декорі яких присутні елементи скіфського звіриного стилю. Критиці висновку Б.М. Гракова було присвячено дві наші статті [Ольговський, 1992, с. 14—21; 1995, с. 25—31], а потім окремий розділ монографії [Ольговский, 2011, с. 160—190]. В результаті було доведено, що ці категорії виробів не мають відношення до власне ольвійського бронзоливарного ремесла. Дзеркала і хрестоподібні бляхи виготовлялись скіфськими майстрами, а із Скіфії розповсюджувались в Нижнє Побужжя і зокрема в Ольвію, на Північний Кавказ, Балкани і в Поволжя. Дійсно, було б дивно, що ольвійські негоціанти здійснювали свої далекі і, треба думати, досить небезпечні походи у землі анан'їнської культури в Поволжі тільки для того, щоб познайомити далекий народ з формою хрестоподібних блях і оригінальних дзеркал з фігурками тварин, оскільки серед матеріалів двадцяти поселень і дванадцяти могильників, досліджених на час публікації об'ємної монографії А.В. Збруєвої, не зустрілось жодної імпортної античної речі. Але, дивним чином, повз увагу дослідників пройшли кістяні псалії з елементами звіриного стилю з Маклашівського могильника і городища Сорочині Гори, які знаходять багаточисельні аналогії у посульських курганах; скіфські

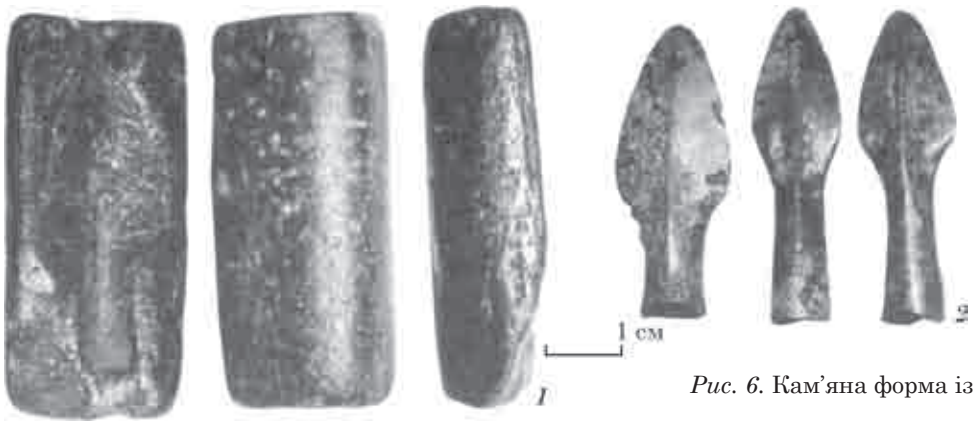


Рис. 6. Кам'яна форма із Язов

акінаки з метеликоподібними перехрестями із Зуївського і Луговського могильників; скіфське дзеркало «сибірського» типу з центральною ручкою у вигляді двох стовпчиків, які підпирали бляшку із зображенням тварини, із Маклашівського могильника; ажурна бляха у вигляді хижака, що згорнувся у кільце, яка походить з Анан'їнського могильника [Збруева, 1952, с. 30, 35, 37, 100].

Походження цих речей не викликає сумнівів і потрапити до анан'їнців вони могли тільки із Скіфії без посередництва грецьких колоній і зокрема Ольвії. До речі, Геродот писав про людей, лисих від народження, що жили біля високих гір, ім'я цього народу аргіпеї, а землі до цих людей добре відомі, оскільки до них іноді приходять скіфи і ведуть з ними бесіду за допомогою семи перекладачів на семи мовах [IV, 23, 24].

Але крім торгівельних і культурних зв'язків скіфів з далекими східними областями в традиційному розумінні треба сказати про зв'язок скіфських ливарників з родовищами міді. Справа в тому, що серед металевих виробів з Ольвії за хімічним складом виділяються литі дельфінчики і наконечники «базисних» стріл, в металі яких подекуди міститься миш'як і сурма. Причому дельфіни із миш'яком і сурмою відрізняються і за формою. Це може бути виріб, що лише схематично віддалено нагадує рибу, або ж це чітко виконане зображення осетра. Така позитивна кореляція форми і хімічного складу сплаву дала підставу для припущення, що відливались вони варварськими майстрами, вихідцями із віддалених областей під час виїзного промислу [Ольговський, 2011, с. 104].

В ранньому залізному віці найбільш розповсюджені миш'якові бронзи були на Північному Кавказі і Кубані, у Північному Казахстані та Оренбуржі, де до 20 % бронзових виробів відливались із таких сплавів. У лівобережному Дніпровському Лісостепу доля цього сплаву становить всього 6 % [Барцева, 1981, с. 94]. Виходячи із цього, можна говорити про можливість потрапляння в Ольвію і Скіфію мідної сировини із східних або північнокавказьких родовищ. Однак слід враховувати, що для сплавів передскіфської доби також було характерним використання миш'якової лігатури. Більш 50 % виробів відлито саме із миш'якової бронзи, а 36 — із олов'яно-свинцевої [Барцева, 1981, с. 9]. В той же час миш'якові сплави були провідними для карасукських бронз Сибіру [Барцева, 1981, с. 14]. В металі проаналізованих дельфінів (128 екз.) миш'як містився у 13 виробах, із них 7 вміщували крім миш'яку і сурму, а 40 дельфінів було виготовлено із сплаву із домішкою сурми, але без миш'яку [Ольговський, 1976, с. 92—97].

О.В. Бандуровський у невеликій за обсягом публікації і без посилання на джерело і без малюнків або фотографій, що, ймовірно, зумовлено довідковим характером видання «Археологічні відкриття в Україні 2000—2001 рр.» пише про шість блях із кургану біля с. Ковалівка, не уточнюючи, на жаль, у якій області України це село розташовано. П'ять блях, за його словами, було відлито із олов'яно-свинцево-сурм'яної бронзи і концентрації сурми дорівнювали 1,9—2,9 %, а шосту було виготовлено із свинцево-сурм'яної бронзи [Бандуровський, 2002, с. 89].

Для доби бронзи миш'якові сплави були властиві сейминсько-турбинським старожитностям на півночі Євразії [Черных, Кузьминых, 1989, с. 6—167]. Спектральний аналіз руди і шлаків із мідеплавилень приуральського селища Урняк показав високе вміщення миш'яку. Пошук джерел міді, що використовували ливарники цього центру, визначив родовище Таш-Казган, розташоване у Зауралле [Черных, Кузьминых, 1989, с. 172]. Також добре відома у Європі і група комплексних сплавів із миш'яком і сурмою. Вона увійшла до наукового обігу під назвою волго-камської із символом «ВК» [Черных, Кузьминых, 1989, с. 173].

Таким чином, аналітичні дані дають підставу для ствердження, скіфські ливарники мали тісні стосунки із східними родовищами міді і при цьому, цілком зрозуміло, контактували із місцевими ремісниками. Тому разом із мідною сировиною в Скіфію могли поставлятись і готові ливарні форми.

Бандуровский А.В. Ольвия как один из центров производства изделий в зверином стиле // АВУ 2001—2002 рр. — К., 2002. — С. 89—90.
Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. — М., 1981. — 125 с.
Бельтикова Г.В. Литейные формы иткульского очага металлургии (VII—III вв. до н. э.) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. — Свердловск, 1993. — С. 38—68.
Граков Б.Н. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скивов и сарматов // Техника обработки камня и метала. — 1930. — С. 70—90.
Граков Б.М. Чи мала Ольвія торгівельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи // Археологія. — 1947. — № 1. — С. 23—38.
Граков Б.Н. Литейное и кузнечное ремесло у скифов // КСИИМК. — 1948. — Вып. XXII, 1948. — С. 38—47.
Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре. — М., 1954. — 237 с. (МИА. — № 35).
Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. — М., 1952. — 332 с. (МИА. — № 30).
Зеленин Ю. Новые находки, связанные с цветной металлообработкой // Домонгол. — 2013. — С. 240—250.
Крушельницкая Л.И. Памятники скифского времени на Верхнем Поднестровье // ПСА. — М., 1971. — С. 120—126.
Ольговский С.Я. Металл литых монет Нижнего Побужья // Ольвия и ее округа. — К., 1986. — С. 89—105.
Ольговський С.Я. Скіфо-антична металообробка архаїчного часу. — К., 2011. — 224 с.
Ольговський С.Я. Походження дзеркал «ольвійського» типу // Археологія. — 1992. — № 3. — С. 14—21.
Ольговський С.Я. Походження хрестоподібних блях скіфського часу // Археологія. — 1995. — № 2. — С. 25—31.
Ольговський С.Я. Виготовлення скіфських наконечників стріл // Сіверщина в історії України. — Київ; Глухів, 2013. — С. 72—75.
Ольговський С.Я. До інтерпретації випадкових знахідок скіфських ливарних форм для наконечників стріл // Сіверщина в історії України. — Київ; Глухів, 2014. — С. 50—53.
Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. — М., 1989. — 316 с.

С. Я. Ольговский

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФОРМ ДЛЯ ОЛИВКИ СКИФСКИХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ

В статье рассматриваются литейные формы для изготовления наконечников стрел, которые происходят из двух кладов, случайно найденных на севере Украины. Типологически они похожи на уже известные литейные формы из лесостепной зоны, а также с поселений иткульской культуры Приуралья, которые были развитыми ремесленными центрами и из которых известны матрицы для отливки таких литейных форм. Это позволяет предположить, что именно из восточных районов литейные формы поступали к скифским литейщикам в Северное Причерноморье.

Ключевые слова: литейная форма, случайная находка, наконечники стрел, клад, мастер-литейщик.

S. Ja. Olgovskiy

ORIGIN OF THE MOLDS FOR CASTING SCYTHIAN ARROWHEADS

The article deals with molds for making arrowheads, which are derived from two hoards, accidentally found in northern Ukraine. Typologically they are similar to the known molds of the forest-steppe zone, as well as those, found in settlements of Itkul culture of the regions near Ural, which used to be developed handicraft centers and are known for matrixes for the casting such molds. This allows making a suggestion that the molds from the eastern regions were received by Scythian molders in the northern Black Sea region

Keywords: mold, an accidental find, arrowheads, treasure, master caster.

Одержано 30.03.2016

УДК: 904.5(477.65)"6383"

К. І. Панченко

ПОХОВАННЯ СКІФСЬКОГО ЧАСУ З ҐРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА БІЛЯ с. ЗАЛОМИ КІРОВОГРАДСЬКОЇ ОБЛАСТІ

Статтю присвячено публікації скіфського поховання 42 з ґрунтового могильника біля с. Заломи Кіровоградської області.

Ключові слова: скіфи, ґрунтовий могильник, поховальний обряд, супровідний інвентар, звіриний стиль.

У 1985 р. під час будівництва ферм біля с. Заломи Знам'янського р-ну Кіровоградської обл. був відкритий ґрунтовий могильник. Він займає верхню площину та схили пагорба на південно-західній околиці с. Заломи у верхньому межиріччі річок Ірклеї та Цибульника, що належать до басейну Тясмина [Бокий, 1987, с. 22]. Протягом 1986—1989 рр. стаціонарні дослідження пам'ятки проводилися археологічною експедицією Кіровоградського державного педагогічного інституту на чолі з Н.М. Бокій. Всього було розкопано 98 поховань, більша частина яких належить до скіфського часу. У 1989 р. на могильнику був розкопаний й курган епохи бронзи [Бокий, 1987а]. Скіфські поховання могильника належать до VI—IV ст. до н. е. Поховальні споруди скіфського часу представлені виключно ґрунтовими ямами прямокутної форми. Деякі з них мають дерев'яні перекриття. В могилах переважає широтна орієнтація. Більшість небіжчиків лежали у випростаному стані, головою на захід. Інвентар з могильника не чисельний та представлений бронзовими наконечниками стріл, залізним наконечником списа, залізними ножами, пастовим та скляним намистом, бронзовими сережками, бляхою, керамічними пряслицями, кількома раковинами *Cauri* та ін. У 1986 р. поряд з могильником було відкрите синхронне селище скіфського часу. Таким чином, могильник та поселення становлять цілісний комплекс, що існував протягом VI—IV ст. до н. е. Матеріали з розкопок пам'ятки неопубліковані та зберігаються у фондах Археологічного музею імені Нінель Бокій Кіровоградського державного педагогічного університету.

© К.І. ПАНЧЕНКО, 2016

Наша стаття присвячена публікації захоронення 42 (рис. 1). Могильна яма мала прямокутну форму, орієнтовану довгими сторонами за віссю захід—схід. Її довжина — 2,4, ширина — 1,6, глибина — 1 м. Поховання було зруйноване та пограбоване. Кістки небіжчика лежали в центрі та під північною стінкою ями. *In situ* збереглися лише променеві кістки рук, що дозволяє припустити, що похований лежав у випростаному положенні, на спині, головою на захід. Кістки ніг були обережно складені під північною стінкою. Серед них виявлене лезо залізного ножа. Біля кисті правої руки зафіксовані залишки залізного предмета, що сильно постраждав від корозії (можливо — наконечник списа?). В центрі могили, на відстані 0,5 м від північної стінки знайдені залишки дерев'яного сагайдаку, в якому лежали 17 бронзових наконечників стріл та фрагмент бронзової бляхи у звіриному стилі. Встановити форму та розміри сагайдаку не вдалося. Це далеко не перша така знахідка в скіфських похованнях Правобережжя. Добре зберігся, зокрема, сагайдак із поховання кургану 31 біля с. Бобриці, який мав форму вузького ящичка довжиною 70, шириною 17 см. Іноді такі сагайдаки прикрашали металевими бляхами у звіриному стилі [Петренко, 1967, с. 44].

У поховальному обряд, прості ґрунтові ями без додаткових конструкцій фіксується протягом всього скіфського часу та не є хронологічною чи етнографічною ознаками [Скорый, 2003, с. 51]. У Лісостеповому Правобережжі протягом

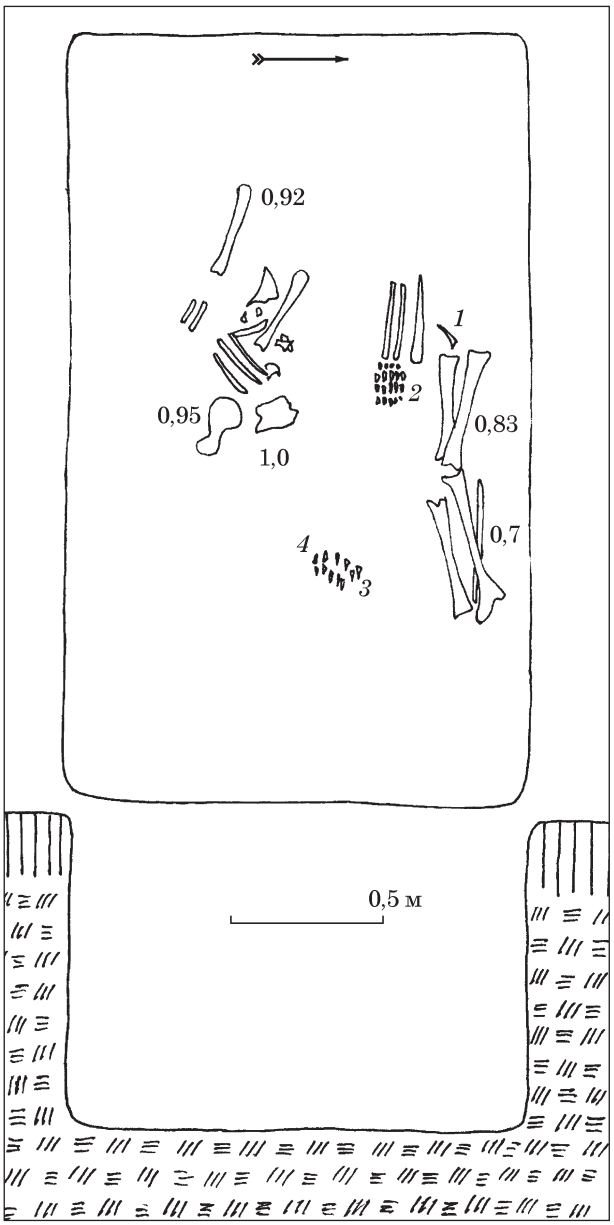


Рис. 1. Поховання 42 могильника біля с. Заломи: *1* — ніж; *2, 3* — бронзові наконечники стріл; *4* — бронзова бляха

VII—IV ст. до н. е. поховання в простих ямах становлять близько 30 % від усіх поховань [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 32—43].

Розглянемо поховальний інвентар поховання.

1. Фрагмент залізного ножа з горбатою спинкою та трикутним у перетині лезом (рис. 2, *11*). На місці руків'я збереглися залишки зотлілої дерев'яної ручки та залізна заклепка. Довжина фрагмента 9,8, ширина леза 2,3 см. Подібні ножі є досить поширеною знахідкою в похованнях впродовж всього скіфського часу.

2. Бронзові втульчасті наконечники стріл представлені кількома типами.

А. Дволопатевий наконечник з голівкою гостролистої форми (рис. 2, *1*). По центру голівки виділене ребро, що плавно переходить у виступаючу втулку. У нижній її частині зберігся фрагмент шипа. Довжина наконечника — 4,0 см. Разом із ним зберігся фрагмент дерев'яного черешка. Наконечник належить до першої хронологічної групи (I відділ, 3 тип) за А.І. Мелюковою та датується VII — початком VI ст. до н. е. [Мелюкова, 1964, с. 18]. На Правобережжі подібні наконечники знайдені в ранньоскіфських курганах Мала Офірна [Петровська, 1968, рис. 5], 432 біля с. Журовки, та Берестяги [Ковпаненко, 1981, рис. 5, *3*]. Відомі такі вістря і на Лівобережжі, в курганах Посульської групи [Иллинская, 1968, табл. XIII, *5*].

Б. Дволопатевий наконечник з трикутною голівкою та виступаючою втулкою, довжиною — 3,5 см (рис. 2, *2*). Зберігся фрагмент дерев'яного черешка. Предмет належить до першої хронологічної групи (I відділ, 2 тип) за А.І. Мелюковою та датується VII — початком VI ст. до н. е. [Мелюкова, 1964, с. 18]. На Правобережжі подібний предмет знайдений в урочищі Княжа гора біля м. Канева в Пороссі [Ковпаненко, 1981, рис. 59, *2*].

В. Трилопатевий наконечник з гостролистою голівкою та виступаючою втулкою (рис. 2, *3*). Довжина — 3,5 см. Він належить до келермеського типу та датуються VII — початком VI ст. до н. е. Подібні стріли відомі нам за знахідками з Келермеських курганів та поховань на Північному Кавказі [Иессен, 1952, рис. 3]. На Лівобережжі такі вістря знайдені в курганах Старша Могила [Іллінська, 1951, табл. II, *4, 5*], 4 та 467 біля с. Аксютинці [Иллинская, 1968, табл. XIX, 18; табл. XIII, *7*]. На Правобережжі — у Мельгуновському кургані [Придик, 1911, табл. 1], курганах Реп'яхувата Могила [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, рис. 14; 15], Мала Офірна [Петровська, 1968, рис. 5]. В цьому регіоні такі вістря стріл іноді зустрічаються як пережиток і протягом V — початку IV ст. до н. е. [Петренко, 1967, с. 44, 45].

Г. Трилопатеві наконечники з трикутною голівкою, виступаючою, втулкою та гострими кінцями ребер граней, що утворюють шипи (13 екз.; рис. 2, *4—8, 10*). Довжина виробів — 1,6—3,2 см. На одному з них між лопатями — рельєфний орнамент, що імітує косі насічки (рис. 2, *5*). У іншого — тригранна «поважчена» голівка (рис. 2, *7*).

Такі наконечники належать до третьої та четвертої хронологічних груп за А.І. Мелюковою [Мелюкова 1964, табл. V, *9, и, 6*]. Вони з'являються в V ст. до н. е., продовжуючи існувати й у IV ст. до н. е. В степу подібні вістря відомі з поховань у курганах 1 та 13 біля Капулівки [Тереножкин, 1973, рис. 9, *4*; 10, *8*], 11 коло м. Орджонікідзе [Мозолевский, 1973, рис. 17, *1, 5*], Мелітопольському [Тереножкин, 1988, Рис. 133], Страшній Могилі та насипу 4 її групи [Тереножкин, 1973, рис. 17, *1, 5*; 19, *1, 2, 10, 21*], Хомина Могила [Мозолевский, 1973, рис. 34, *2*]. В Лісостеповому Подніпров'ї їх знайдено в курганах 400 біля с. Журовки [Бобринс-

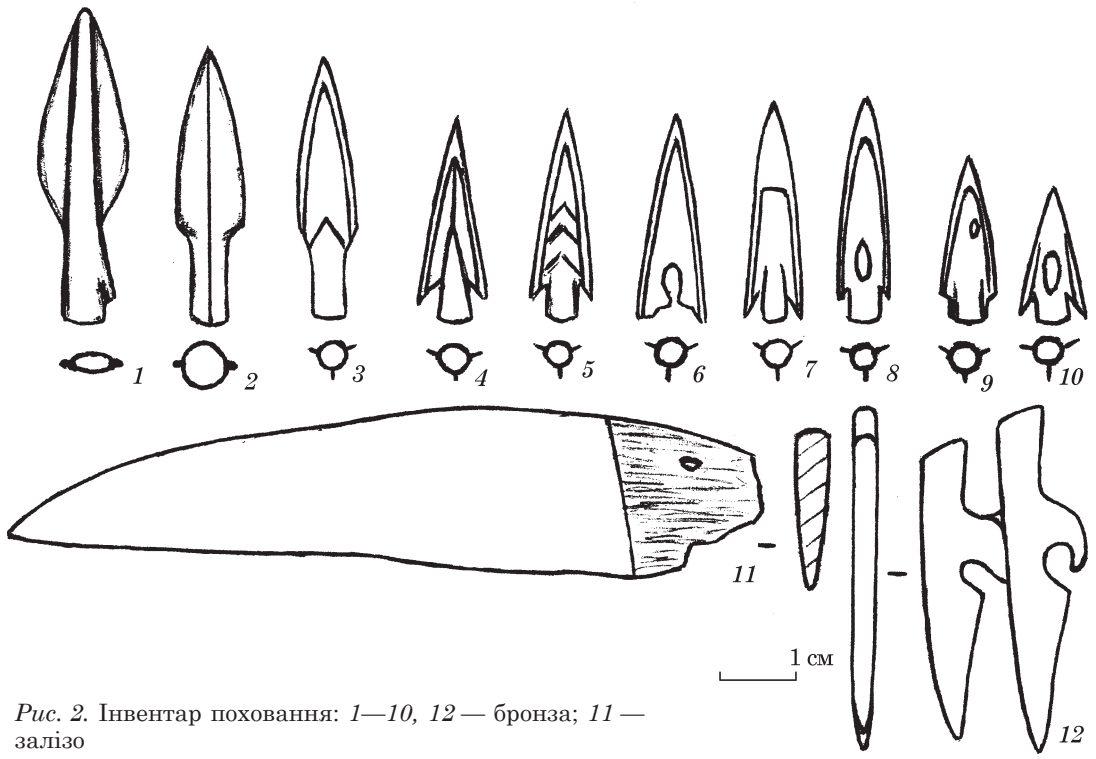


Рис. 2. Інвентар поховання: *1—10, 12* — бронза; *11* — залізо

кий, 1905, рис. 18], поблизу с. Іванків [Фіалко, 1994, рис. 4, *1*], в с. Броварки [Галанина, 1977, табл. 29], у похованні 65 Світловодського ґрунтового могильника [Бокій, 2013, рис. 2, *8*].

Крім цілих форм, виявлений невеликий фрагмент бронзового наконечника стріли, проте встановити його тип неможливо.

В цілому в сагайдачному наборі яскраво виділяються 2 хронологічних групи. Перша — з ранньоскіфських дволопатевих та трьохлопатевого вістря з голівками листовидної чи трикутної форми (рис. 2, *1—3*). Друга — трилопатеві наконечники з виступаючою втулкою V ст. до н. е. (рис. 2, *4—10*).

3. Частина бронзової зооморфної бляхи у вигляді двох копит коня (рис. 2, *12*). Довжина — 4,7 см, ширина — 2,4 см. Вона, ймовірно, являє собою частину бляхи у вигляді задніх ніг коня типу знайденої в кургані 3 біля с. Пастирське (рис. 3) в басейні Тясмину [Древности Приднепровья, 1899, табл. XIX, *320б*]. Інша аналогія походить з кургану біля Вільшанки (розкопки Н.М. Бокій, 1970 р.). Подібні знахідки датуються V ст. до н. е. [Могилов, 2008, с. 52]. Різноманітні зооморфні бляхи відносять до прикрас вузди. Однак, в Заломах вона знаходилась біля сагайдачного набору, натомість, ніяких інших предметів спорядження коня не виявлено. Вірогідно, в даному випадку вона прикрашала сагайдак. Такі випадки теж відомі: Новорозанівка, курган 1 [Шапошникова, 1970, с. 212, рис. 5], вірогідно, Жданів, курган 7 [Черненко, 1970, с. 179, 180, рис. 2, *4*].

При хронологічній атрибуції поховання на перше місце виступає сагайдачний набір. Як згадувалось, тут виділяється 2 хронологічних групи наконечників, відповідно ранньоскіфського часу та V ст. до н. е. Датування проводиться, звичайно, за більш пізніми знахідками. Трьохлопатеві вістря стріл з втулкою, що виступає, переважають в наборах другої—четвертої чвертей V ст. до н. е. [Полін, 1987, рис. 11—13]. Наявність ранньоскіфських наконечників, разом з цим, може вказувати на раніший відрізок в межах цієї дати — друга чверть — середина V ст. до н. е. Не суперечить цій даті і зооморфна бляха.

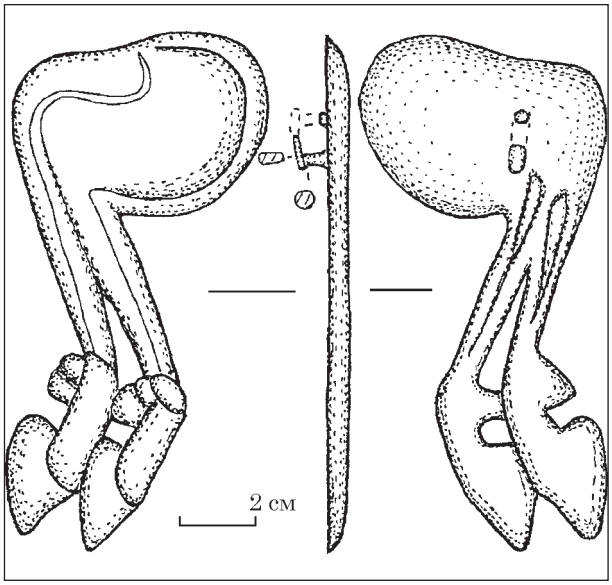


Рис. 3. Бронзова бляха з Пастирського (за О.Д. Могиловим)

Бобринской А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Чигиринском уезде Киевской губернии // ИАК. — 1905. — № 14. — С. 1—43.
Бобринской А.А. Отчет о раскопках близ сел Журовки и Капитановки (Чигиринского уезда Киевской губернии) // ИАК. — 1905. — № 17. — С. 17—98.
Бокий Н.М. Грунтовый могильник у с. Заломы // Киммерийцы и скифы. — Кировоград, 1987. — Ч. 1. — С. 22—24.
Бокий Н.М. Дневник с расскопок грунтовго могильника возле с. Заломы Знаменского района Кировоградской области в 1987 г. // АМБ. — 1987/1.
Бокій Н.М., Могилов О.Д., Панченко К.І. Колективне поховання скіфського часу в Лісостеповому Правобережному Подніпров'ї // Археологія і фортифікація Середнього Подністров'я: Зб. матеріалів III Всеукр. наук.-практич. конф. — Кам'янець-Подільський, 2013. — С. 17—24.
Галанина Л.К. Скифские древности Приднепровья. — М., 1977. — 68 с. (САИ. — Вып. Д 1—33).
Древности Приднепровья. — К., 1899. — Вып. 2. — 44 с.
Иессен А.А. Некоторые памятники VIII — VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. — М., 1952. — С. 112—131.
Іллінська В.А. Курган Старша Могила — пам'ятка архаїчної Скіфії // Археологія. — 1951. — Т. V. — С. 196—212.
Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). — К., 1968. — 267 с.
Ильинская В.А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. — К., 1980. — С. 31—64.
Ковпаненко Г.Т. курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. — К., 1981. — 160 с.
Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). — К., 1989. — 333 с.
Мелюкова А.И. Вооружение скифов. — М., 1964. — 91 с. (САИ. — Вып. Д 1—4).
Могилов О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. — Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. — 439 с.
Мозолевский Б.Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. — К.,1973. — С. 187—242.
Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). — М., 1991. — 256 с.
Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. — М., 1967. — 180 с. (САИ. — Вып. Д 1—4).
Петровська Є.О. Курган VI ст. до н. е. біля с. Мала Офірна на Київщині // Археологія. — 1968. — Т. XXI. — С. 164—173.
Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. — 1987. — Вип. 59. — С. 17—36.
Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи. — К., 2003. — 161 с.
Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. — К., 1973. — С. 113—186.
Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. — К., 1988. — 264 с.
Фиалко Е.Е. Памятники скифской эпохи Приднепровской Терассовой Лесостепи. — К., 1994. — 53 с.
Черненко Є.В. Скіфські кургани V ст. до н. е. поблизу м. Жданова // Археологія. — 1970. — Т. XXIII. — С. 176—181.
Шапошникова О.Г. Погребение скифского воина на р. Ингул (предварительная публикация) // СА. — 1970. — № 3. — С. 208—212.

К. И. Панченко

ЗАХОРОНЕНИЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА У с. ЗАЛОМЫ КИРОВОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена публикации материалов скифского захоронения из грунтового могильника у с. Заломы Кировоградской области. Памятник находится в междуречье рек Ирклеи и Цыбульника, принадлежащих к бассейну Тясмина. В 1986—1989 гг. раскопки могильника проводились археологической экспедицией Кировоградского государственного педагогического института во главе с Н.М. Бокий. Всего на некрополе было раскопано 98 погребений. Исследованые скифские захоронения относятся к VI—IV вв. до н. э. В 1986 г. рядом с могильником было открыто одновременное селище скифского времени. Таким образом могильник и поселение составляют целостный археологический комплекс.

Особое внимание среди раскопанных захоронений привлекает захоронение 42, в колчаном наборе которого наряду с наконечниками IV в. до н. э. обнаружены три наконечники стрел VII—VI вв. до н. э. Наличие архаических стрел рядом с среднескифскими является достаточно интересным случаем. Возможно, эти древние предметы имели сакральное значение для покойника.

Ключевые слова: скифы, грунтовой могильник, погребальный обряд, погребальный инвентарь, звериный стиль.

K. I. Panchenko

THE BURIAL OF SCYTHIAN TIME FROM THE EARTH BURIAL GROUND NEAR THE VILLAGE ZALOMI IN KIROVOHRAD REGION

The article is devoted to publishing Scythian burial of ancient burial ground near the village Zalomi in Kirovograd region. The monument is located in the area between the rivers Irkleyi and Tsybulnyka belonging to the basin Tyasmyn. During 1986—1989 burial excavations were conducted by archaeological expedition of then Kirovograd State Pedagogical Institute, headed by N.M. Bokiy. There were 98 excavated burials from the necropolis. The investigated Scythian burial belong to the 6th—4st century BC. In 1986, along with burial ground the simultaneous Scythian settlement was discovered. Thus a burial ground and settlement constitutes the integral archaeological complex.

The burial number 42 attracts a particular attention among the excavated graves, the quiver set of which along with edges dated 4st century BC, three arrowheads dated 7th—6th centuries BC were found. The presence of archaic arrows along with late Scythian is pretty interesting event.

Keywords: Scythians, soil burial ground, burial ritual, cover stock, animal style.

Одержано: 02.04.2016

УДК: 904.2(477.54)"6383"

К. Ю. Пеляшенко

ГЛИНЯНАЯ МОДЕЛЬ СЕДЛА ИЗ РАСКОПОК ЦИРКУНОВСКОГО ГОРОДИЩА

Публикация посвящена находке миниатюрной модели конского седла на городище скифского времени у с. Циркуны. Рассматривается вопрос о появлении жесткого седла в скифское время.

Ключевые слова: скифское время, конское снаряжение, седло, глиняная пластика.

В 2015 г. во время исследования городища у с. Циркуны на Харьковщине была обнаружена интересная находка — миниатюрная глиняная модель конского седла. Помимо того, что это единственная известная нам миниатюрная копия седла в древностях скифского времени Северного Причерноморья, визуальные характеристики данной модели не соответствуют представлениям о конском снаряжении скифского времени.

Среди предметов материальной культуры лесостепного населения скифского времени глиняная пластика привлекает особое внимание исследователей. Во-первых, большинство исследователей склонно считать глиняные фигурки вотивами, культовыми предметами, использовавшимися при совершении обрядов земледельческого культа плодородия [Шрамко, 1985]. Существует также мнение, что часть этих находок могла выступать в роли детских игрушек [Гейко, 2011, с. 161]. Во-вторых, данные артефакты привлекаются в качестве источников реконструкции различных сторон жизни и материальной культуры людей: хозяйства, ремесла, костюма, идеологических представлений. Как правило, в материалах раскопок памятников раннего железного века лесостепной зоны наиболее распространенными предметами глиняной пластики являются зооморфные, орнитоморфные и антропоморфные статуэтки, миниатюрные модели сосудов, «хлебцы». К редким или же единичным миниатюрным копиям относятся модели зерен из Караванского городища, серия уникальных находок из раскопок Бельского городища (модель рала, повозки с ярмом) [Шрамко, 1957, с. 189; 1984, с. 251—255]. Модель конского седла из Циркуновского городища также может быть причислена к ряду уникальных миниатюр, не имеющих аналогий в кругу «своих» древностей, а так же рассматриваться в качестве источника изучения развития конского снаряжения.

Находка была обнаружена в раскопе 13 на территории второго двора Циркуновского городища (рис. 1; подр. план городища см. рис. 1 на с. 115 наст. сб., в статье А.А. Крютченко). По имеющимся ныне данным, эта часть памятника является поздней пристройкой и содержит материалы не ранее конца V в. до н. э. Само городище возникло раньше, в конце VI — начале V вв. до н. э. и изначально состояло из одного — первого двора [Крютченко, Пеляшенко, 2012, с. 31]. Глиняная модель обнаружена в заполнении ямы 9, практически на самом дне (на глубине 60 см от уровня современной дневной поверхности) (рис. 2). Комплекс найден в южной части раскопа на глубине 40 см. Еще до выявления пятна на зачистке, на глубине 20 см, над ямой зафиксировано скопление фрагментов лепной керамики: стенки и венчики кухонных горшков (всего 175 фрагментов). Вероятно, это и было верхнее заполнение, в котором, помимо обломков посуды, найдена половина глазчатой бусины из бирюзового стекла с белыми глазками, заполненными темной (тусклой черной) и синей пастой.

Яма овальной формы, вытянута по линии север—юг, размерами 110 × 85 см, вертикальные стенки слегка закругляются в нижней части. Глубина от уровня современной поверхности 65 см. Заполнена яма черноземным грунтом; на глубине 55—60 см в центральном разрезе фик-

© К.Ю. ПЕЛЯШЕНКО, 2016

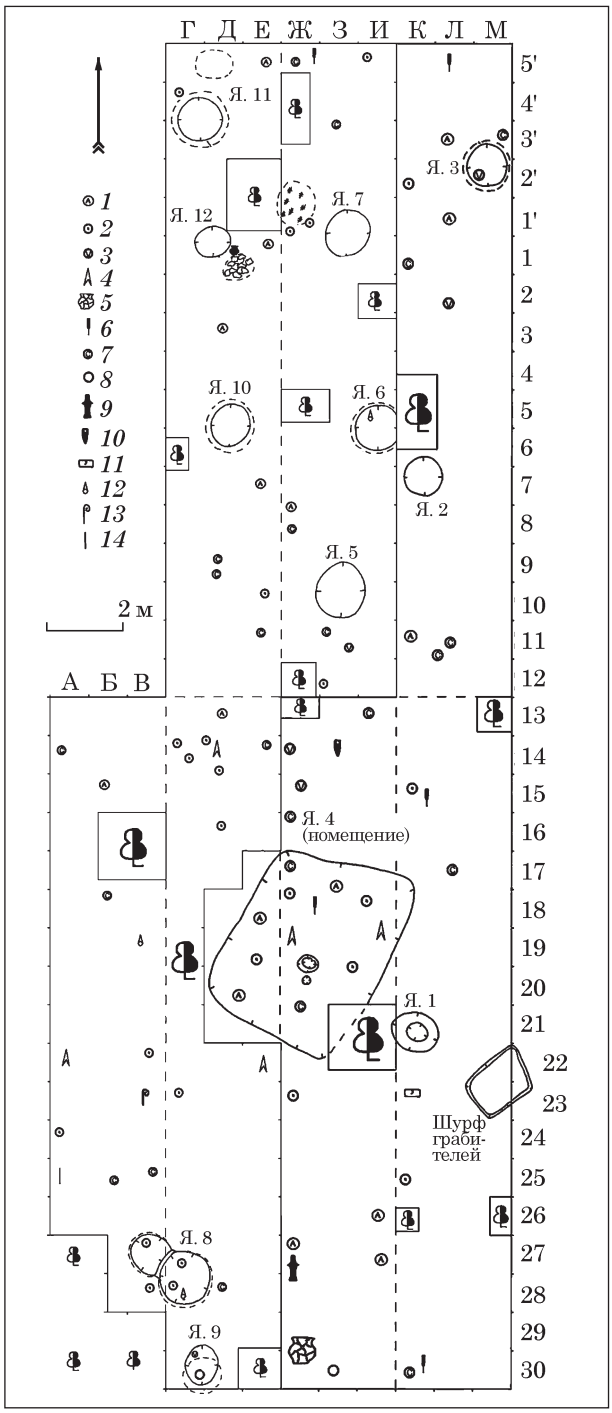


Рис. 1. План раскопа 13: *1* — фрагмент античного сосуда; *2* — глиняное пряслице; *3* — миниатюрная глиняная пластика; *4* — наконечник стрелы; *5* — развалы и целые сосуды; *6* — железное шило; *7* — фрагмент сероглиняного гончарного сосуда; *8* — бусина; *9* — железный топор-тесло; *10* — точильный камень; *11* — фрагмент железной пряжки; *12* — каменный терочник; *13* — железная булавка; *14* — железная игла

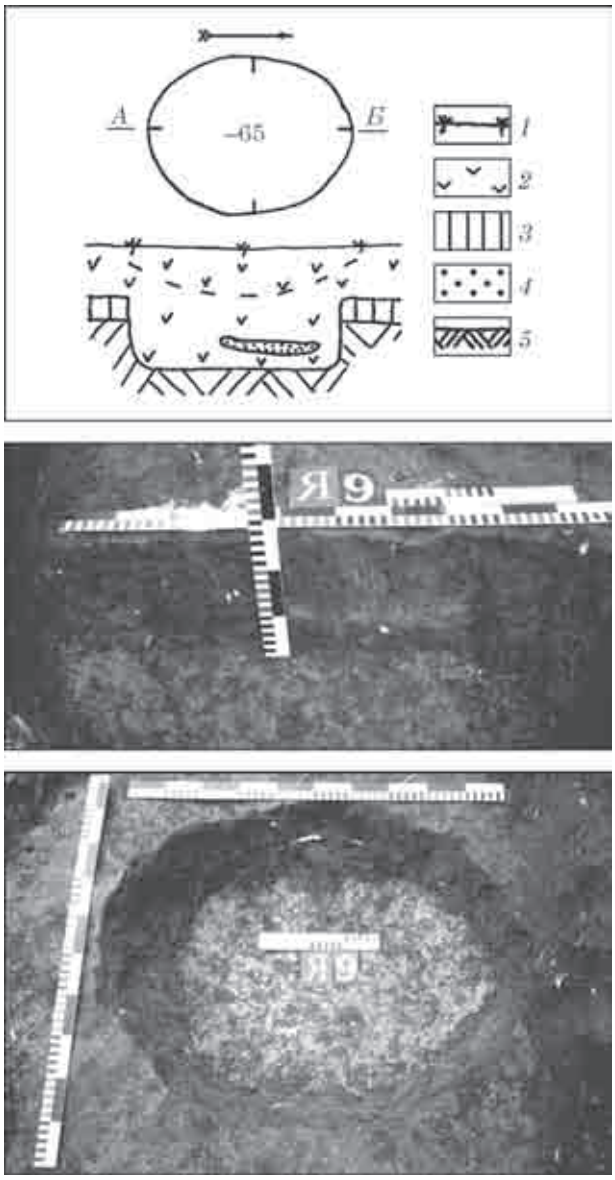


Рис. 2. План и разрез ямы 9 (раскоп 13, 2015 г.): *1* — уровень современной дневной поверхности; *2* — чернозем; *3* — темный суглинок; *4* — песок; *5* — светлый суглинок (материк)

сировалась линза желтого песка мощностью до 7 см. В заполнении, на глубине от 40 до 65 см, обнаружены: глиняная модель седла (рис. 3), а также большое количество фрагментов лепной керамики (87 фрагментов), среди которых типичные для скифской лесостепной культуры венчики слабо- и сильнопрофилированных горшков, орнаментированных пальцевыми вдавлениями по краю и сквозными проколами (рис. 4, 1*4*—*18*).

Для установления даты комплекса, в котором была найдена миниатюрная модель седла, можно привлечь половину стеклянной бусины, обнаруженной над ямой (или в верхнем заполнении) (рис. 4, *9*). По типологии Е.М. Алексеевой она наиболее близка варианту «б» типа 53, — округлые поперечно-сжатые бусы, из глухого бирюзового стекла, украшенные шестью глазками (центральный синий диск в глазках окружен двумя белыми и одним рыжим кольцами). Автор относит данный вариант к III—II вв. до н. э. [Алексеева, 1975, с. 65; табл. 16, *38*]. Аналогичные бусы найдены в Мелитопольском кургане [Тереножкин, Мозолевский, 1988, рис. 124]. Дату сооружения его определяют третьей четвертью IV в. до н. э. [Алексеев, 2003, с. 265, 266].

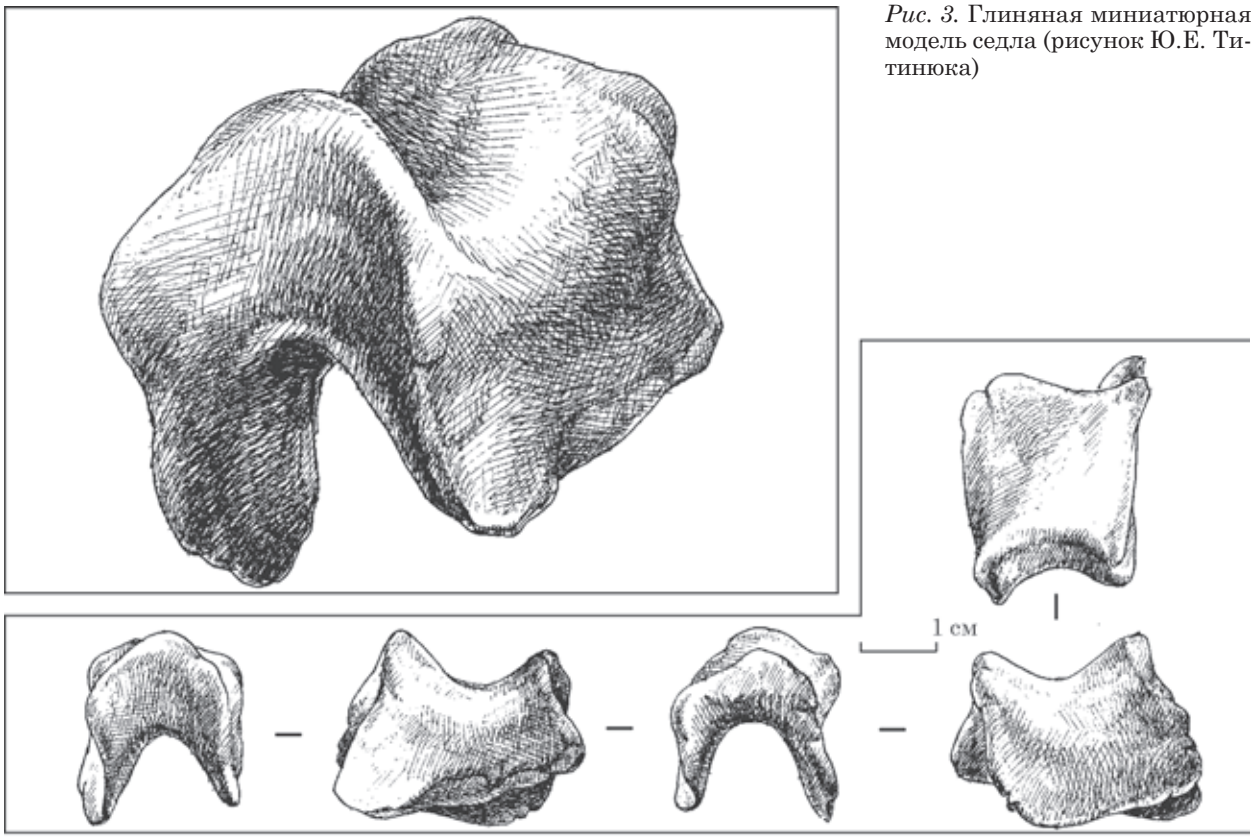
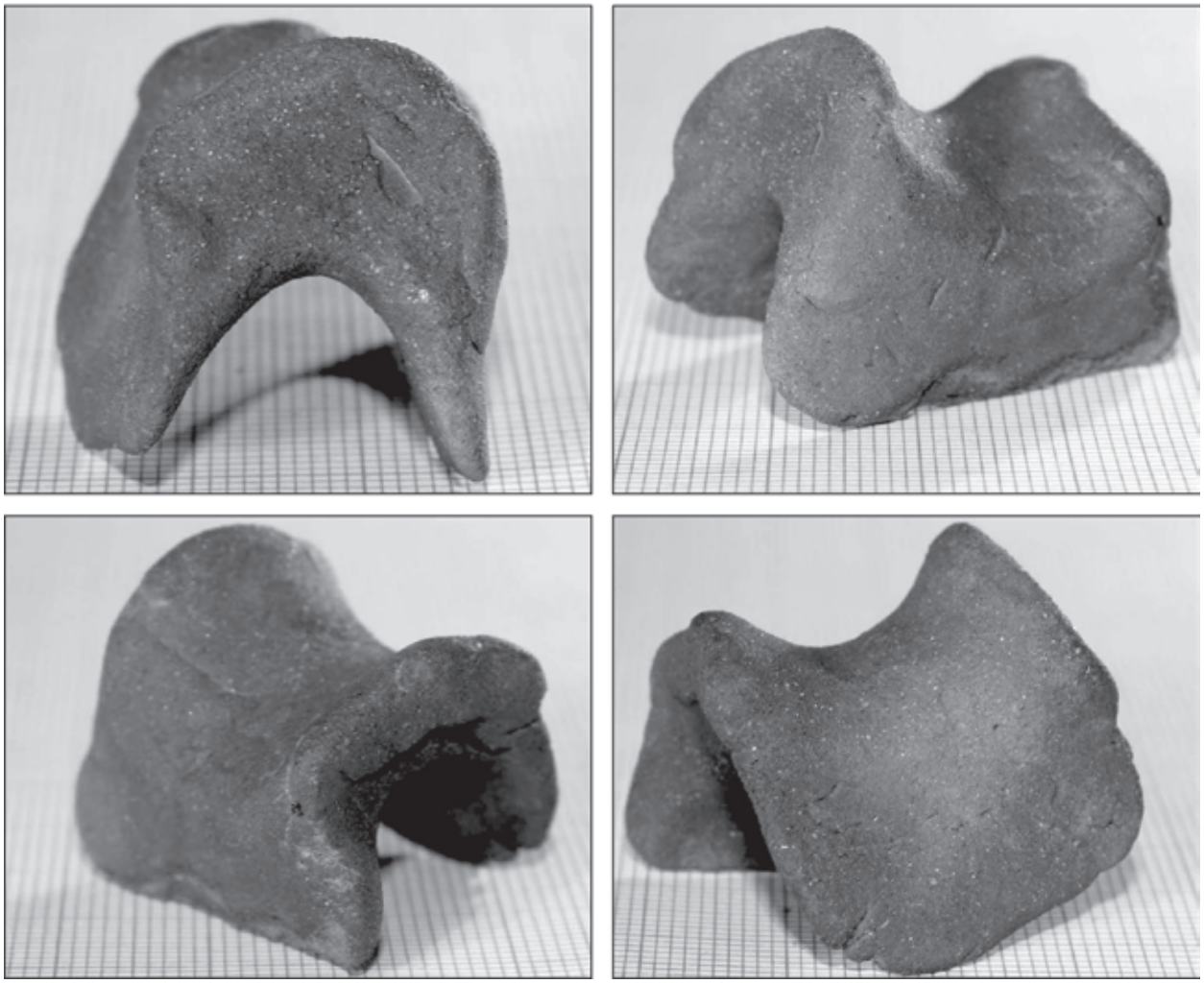


Рис. 3. Глиняная миниатюрная модель седла (рисунок Ю.Е. Титинюка)



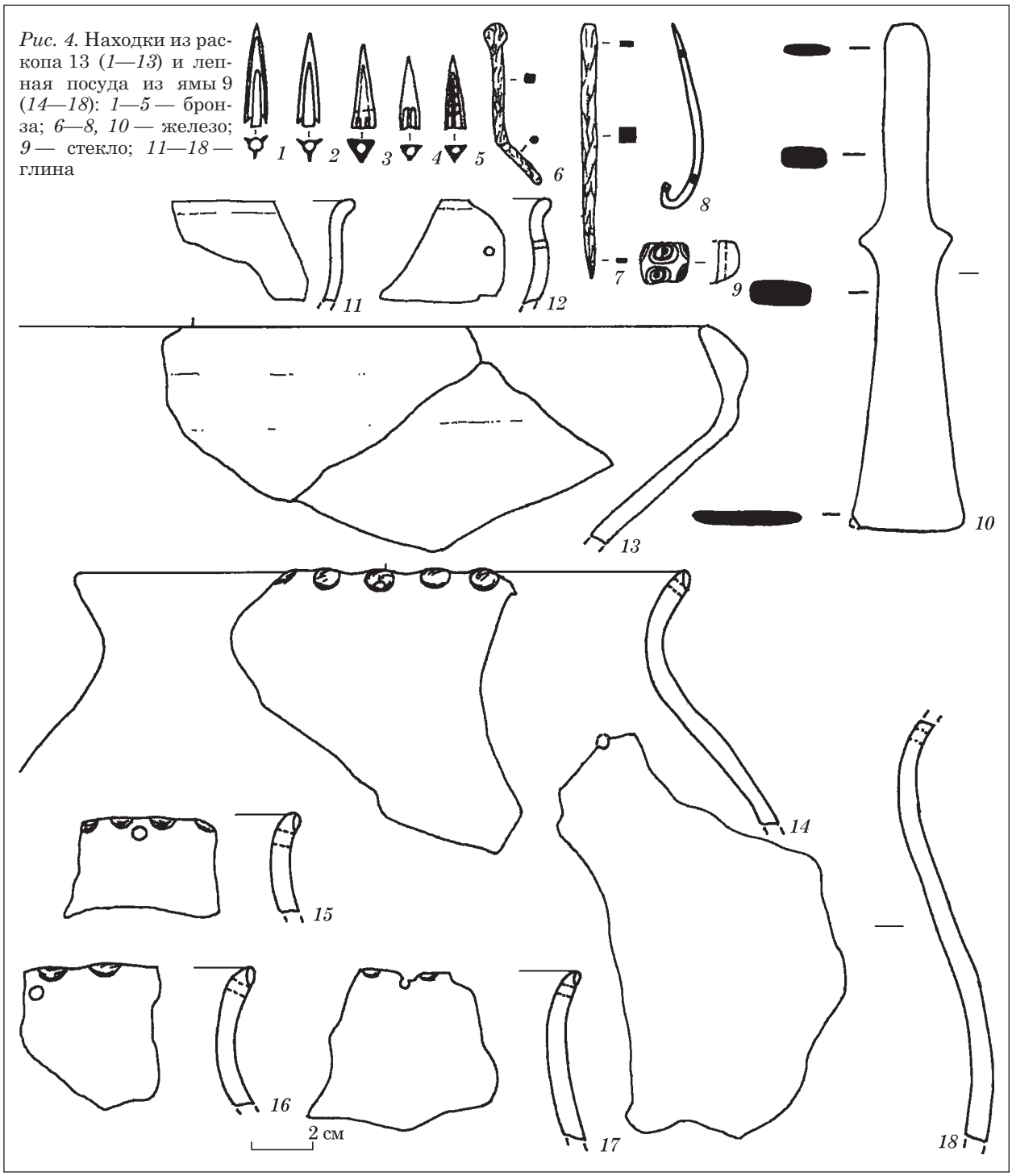


Рис. 4. Находки из раскопа 13 (*1—13*) и лепная посуда из ямы 9 (*14—18*): *1—5* — бронза; *6—8, 10* — железо; *9* — стекло; *11—18* — глина

Материалы, найденные в раскопе, позволяют датировать слой и комплексы в пределах конца V — IV вв. до н. э. Пять бронзовых наконечников стрел характерны для третьей и четвертой хронологических групп (по А.И. Мелюковой). Два из них (рис. 4, *1, 2*) относятся к отделу II тип 8: трехлопастные опорновтульчатые с узкой пирамидальной или слегка сводчатой головкой, концы лопастей часто заострены [Мелюкова, 1964, с. 23, рис. 1]. Два наконечника (рис. 4, *3, 4*) представляют отдел III тип 6: трехгранные пирамидальные наконечники стрел со скрытой втулкой, которые бытуют в третьей и получают широкое распространение в четвертой хронологической группе (второй половины IV и IV—III вв. до н. э.) [Мелюкова, 1964, с. 25, рис. 1]. Пятый наконечник, трехгранный с литыми метками (рис. 4, *5*) не представлен в типологической таблице, однако можно предполагать, что данная разновидность стрел так же характерна для третьей и четвертой хронологических групп.

Среди железных предметов можно отметить деталь (заостренный язычок), предположительно, пряжки-сюльгамы (рис. 4, *8*), которые известны в погребениях северскодонецкой группы памятников второй половины V — IV вв. до н. э.

[Гречко, 2010, с. 78]. Железная булавка с биконической головкой и гладким стержнем (рис. 4, *6*) относится к типу 16 (по В.Г. Петренко), подобный тип украшений характерен для памятников VI—III вв. до н. э. [Петренко, 1978, рис. 12, *20—23*].

Широкие хронологические рамки, в пределах всего скифского времени, имеют железные топор-тесло и проколка (рис. 4, *7, 10*).

Более узкую дату дают незначительные фрагменты античной керамики. В раскопе обнаружены фрагменты амфор (стенки и ручки) следующих центров: Книд (IV в. до н. э., 1 фр.), Гераклея (IV в. до н. э., 1 фр.), Фасос (V—IV вв. до н. э., 8 фр.). Четыре фрагмента отнесены к неизвестному центру, либо не поддаются точному определению. Кроме того, из раскопа происходят два фрагмента чернолаковой миски с отогнутым наружу краем (рис. 4, *11, 12*), аналогии которой известны по материалам Афинской Агоры второй четверти IV в. до н. э. и в погребальных комплексах Северного Причерноморья IV — первой четверти III вв. до н. э. [1]

Помимо этого, на городище часты находки гончарной сероглиняной керамики. Из раскопа 13 также происходит серия фрагментов, среди которых можно отметить части гончарной миски с загнутым краем, утолщенным венчиком и волнистым изгибом внешнего профиля (рис. 4, *13*). Сероглиняная гончарная керамика Циркуновского городища находит аналогии среди меотских и сарматских древностей. В древностях меотов правобережья Кубани она известна с конца IV в. до н. э. до первых веков нашей эры [Марченко, 1996, с. 161]. Установить узкую хронологическую позицию наших фрагментов пока не представляется возможным.

Миниатюрная модель конского седла вылеплена из глины, содержащей примесь песка (другие примеси визуально не фиксируются), имеет хороший (но неравномерный) обжиг, цвет поверхности темно-серый (рис. 3). Наибольшая длинна 3,3, высота 2,5, ширина 2,5 см. Фигурка очень схематичная, отсутствуют какие-либо мелкие детали типа подпруги, накладок, потника и т. д. Однако, визуальные характеристики не оставляют сомнений, что это действительно конское седло. Несмотря на то, что в литературе популярно мнение (напр.: [Амброз, 1973, с. 94; Степанова, 2015, с. 125]) о существовании в скифское время только седел мягкого типа (без жесткого каркаса — арчака, к которому крепились луки) форма циркуновской находки более всего отвечает древнетюркскому седлу. Прежде всего, модель имеет хорошо выраженные высокие луки. Передняя лука более высокая, с узким арочным вырезом, имеет ровный, практически вертикальный край. Задняя лука ниже, имеет меньшую высоту и более широкий арочный вырез. Хорошо выражены

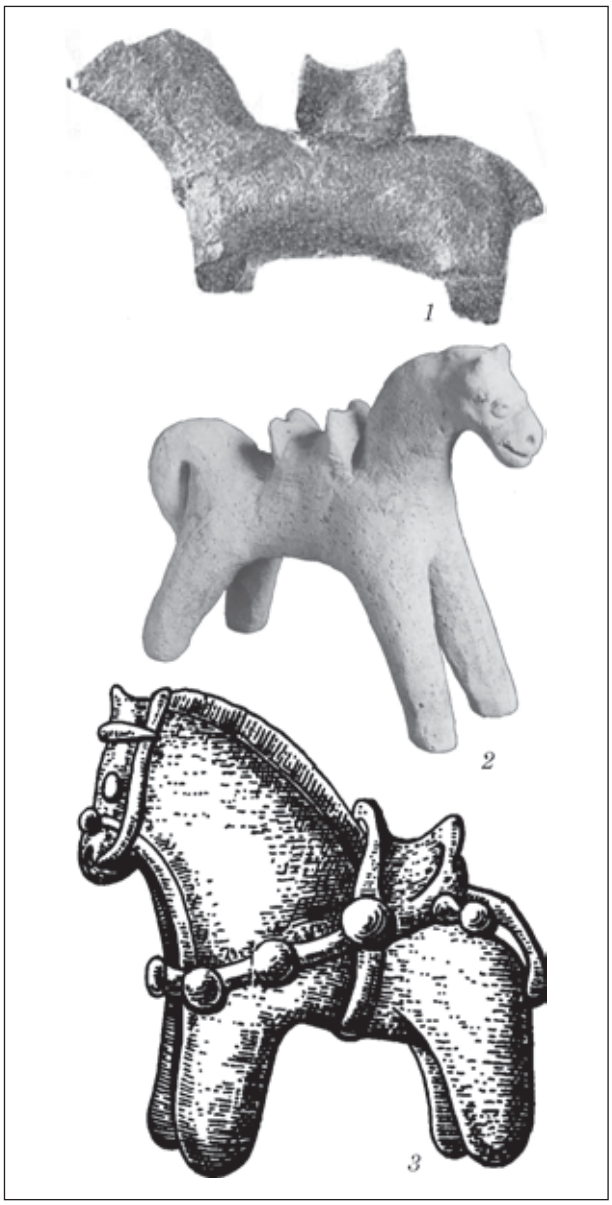


Рис. 5. Глиняные статуэтки коней с жестким седлом: *1* — Хорезм, Базар-Кала, III в. до н. э. [Толстов, 1948, табл. 81, *9*]; *2* — Бахрейн, I в. до н. э. — I в. н. э. [Азбелев, 2014, рис. 10, *3*]; *3* — Маргиана, III—IV вв. н. э. [Древнейшие …, 1985, табл. XCVIII]

лопасти (крылья) седла, свисающие практически вертикально с ленчика. Форма модели совершенно не похожа на седла пазырыкской культуры из двух сшитых подушек с утолщениями или упорами концах [Степанова, 2015, с. 125, рис. 3]. Таким образом, можно предположить, что перед нами глиняная миниатюрная копия жесткого конского седла, сделанная, судя по датирующему материалу, в IV — начале III вв. до н. э.

Авторы, изучающие вопросы эволюции седла, как правило, опираются на несколько видов источников.

1. Археологические — находки деталей седел, ременных пряжек, органических остатков (как правило, происходят из погребальных комплексов).

1. Определение античной керамики Циркуновского городища из наших раскопок ежегодно осуществляется С.А. Задниковым, которому я признателен за труд.

2. Иконографические — изображения всадников и оседланных лошадей на предметах торевтики, росписях стен, ткани и др.

3. Этнографические — аналоги в живой культуре.

4. Письменные — упоминание в письменных источниках особенностей и деталей снаряжения верхового коня.

В нашем случае мы имеем довольно редкий вид иконографического источника — изображение седла в миниатюрной глиняной пластике.

История эволюции конского седла уже не раз освещалась в литературе. При этом среди исследователей нет единого мнения относительно времени и места появления тех или иных типов. Считается, что седло было впервые изобретено кочевниками скифского круга, что обусловило широкое распространение тяжелой кавалерии. Как отмечает Е.В. Степанова: «Никаких свидетельств использования седла в доскифскую эпоху нет» [Степанова, 2015, с. 125]. Другую, более раннюю дату, приводит В.О. Витт, указывая на то, что Ассирия IX—VIII вв. до н. э. уже имела седла. В то же время автор говорит, что о месте изобретения удил и седел пока можно только гадать [Витт, 1952, с. 196, 197].

Особенно дискуссионным является вопрос о времени и месте появления жесткого седла с деревянным каркасом. Изобретение седла с «твердым остовом» С.И. Вайнштен связывает непосредственно с появлением первых стремян, указывая на дату конец VI — VII вв. [Вайнштейн, 1966, с. 68]. Исследователь выделяет несколько типов седел с арчаком, говоря об эволюции от простых к более совершенным. Другую точку зрения имел А.К. Амброз, считавший «твердые седла типа кокэльских» не древнейшими, поскольку они имеют сложное, продуманное строение и детали [Амброз, 1973, с. 94]. Автор пришел к выводу, что эволюция жесткого седла со стременами прошла два этапа: период поисков и локальное распространение IV—VI вв. и широкое распространение в VII—VIII вв. после коренного усовершенствования [Амброз, 1973, с. 96]. По А.К. Амброзу, появление жесткого седла происходит «не в кочевой среде, а на пограничье оседлого и кочевого мира в зоне взаимного обогащения...» [Амброз, 1973, с. 96]. Указывается другая причина изобретения данного типа: для нужд тяжелой кавалерии, создания копейщику прочной опоры и защиты [Амброз, 1973, с. 94]. Дискуссии об эволюции раннесредневекового жесткого седла вызваны также расхождениями в выборе хронологических признаков. К примеру, седло из Бородаевки разные исследователи датируют от VI до X вв. [Комар, 2008, с. 239].

Соглашаясь с датировками С.И. Вайнштейна, Е.В. Степанова считает, что «первыми жесткими седлами, изобретенными не ранее второй половины VI в., были тюркские». Однако на рубеже новой эры появляются полужесткие седла, имеющие только луки (первоначально выполнявшие декоративную функцию), крепившиеся к мягкой основе подушек, которые и стали прототипами тюркских [Степанова, 2011, с. 388, 389].

Более раннюю дату появления жесткого седла приводит А.В. Симоненко. Опираясь на самые ранние изображения оседланных коней сарматского времени (в археологическом материале сарматские седла не представлены), автор доказывает появление седла с жестким арчаком в сарматской культуре в I в. до н. э. — I в. н. э., при этом отмечая, что время изобретения его с точностью не устанавливается [Симоненко, 2010, с. 221—234]. Косвенным свидетельством является выход в это же время на историческую арену сарматов и начало применения штурмового копейного удара строя тяжеловооруженных всадников [Симоненко, 2010, с. 228—230]. А.В. Симоненко не согласен с мнением А.К. Амброза о развитии седел от простых к более сложным. Поскольку основной принцип седла — это плотное прилегание к спине лошади, несовершенные и неумело сделанные варианты должны были быть забракованы, «поэтому для его эволюции не требовались века» [Симоненко, 2010, с. 228—230].

Не исключает столь раннюю дату и А.В. Комар, отмечая при этом, что, помимо изображений, необходимо найти археологические следы использования сарматами и хунну деревянной основы седла [Комар, 2008, с. 247].

На более ранней дате появления седла с твердой основой настаивает и В.П. Никоноров. Опираясь на археологические следы и иконографию, автор приходит к выводу, что в степной Евразии, Средней Азии и Иране в последние века до н. э. — первые века н. э. жесткие седла вытеснили из боевого обихода прежние мягкие, которые уже не соответствовали нуждам развития кавалерии [Никоноров, 2002, с. 22, 23].

Что касается древностей скифского времени, то используя иконографические и археологические источники, некоторые исследователи склонны считать, что в конском снаряжении данного периода существовали седла, которые не имели твердой основы — арчака, а сшивались из двух подушек, с оставлением центрального желоба. Передняя и задняя части подушек набивались плотнее и могли иметь упорные элементы (к торцам которых крепились накладки), обеспечивающие прочную посадку всадника [Степанова, 2006, с. 110].

Основным источником реконструкции седла скифского времени являются находки на Алтае, где сохранились элементы сбруи из органических материалов. По находкам в Пазырыкских курганах С.И. Руденко выделил седла двух типов [Руденко, 1953, с. 165]. К первому были отнесены мягкие седла, состоящие из двух подушек, потника и покрышки, четырех деревянных дужек (луки), по две спереди и две сзади. Второй тип имел луки больших размеров, а так же специальные деревянные распорки спереди и сзади между подушками седел. Последние автор признает более совершенными: «распорки эти

являлись первым зачатком будущей деревянной основы седла» [Руденко, 1953, с. 165]. Появление таких элементов Е.В. Степанова относит к третьей хронологической группе пазырыкской культуры (вторая половина IV — начало III вв. до н. э.), считая, что седельные распорки «были призваны придать дополнительную жесткость седельной конструкции, препятствуя «расползанию» седельных подушек под весом всадника» [Степанова, 2006, с. 131, 132]. Существование в пазырыкской культуре мягких седел двух типов подтверждается и новыми археологическими исследованиями [Шульга, 2015, с. 66—71].

На основании алтайских аналогий и иконографических сюжетов исследователи древностей скифского времени лесостепной и степной зоны Северного Причерноморья придерживаются мнения о бытовании на этой территории мягких седел, близких пазырыкским, но имеющих локальные особенности [Ильинская, 1973, с. 60, 61, рис. 3]. Однако существует и обратное мнение. Еще в середине XX в. В.О. Витт высказывал мысль, что «обычаи и приемы, полезные для всадников, должны были перениматься и распространяться очень быстро», приводя доказательства появления жесткого седла в скифское время [Витт, 1952, с. 197]. В качестве одного из доказательств приводилась глиняная статуэтка лошади с высоким седлом из Хорезма (рис. 5, *1*), которую С.П. Толстов датировал не позднее III в. до н. э. [Толстов, 1948, с. 219]. Об остатках деревянных седел и золотых пластин с отверстиями для прибивания к твердой основе в скифских захоронениях IV — начала III вв. до н. э. упоминали Б.Н. Граков и А.И. Мелюкова [Граков, 1971, с. 98; Мелюкова, 1989, с. 97]. Остатки деревянной основы найдены в Александропольском кургане «На спине лошади находилось седло до 3/4 аршина. На сгнивших кусках его дерева заметны следы красной краски. Переднюю луку седла украшали две накладки из листового золота, длиною каждая около 10 и шириною около 2,5 дюймов. На задней луке также находились две золотые накладки, каждая с шестью завитками и длиною в 9, шириною в 2 дюйма» [ДГС I, 1866, с. 10]. «Истлевшее седло, без всяких украшений, обтянутое берестою...» упоминается в Краснокутском кургане [ДГС II, 1872, с. 52]. Из этого же комплекса происходят золотые седельные пластины, аналогичные александропольским, которые крепились к дереву золотыми гвоздиками [ДГС II, 1872, с. 88, 89]. На основании этих находок, а так же пластин из курганов Козел, Огуз, Желтокаменка, Чертомлык, Е.В. Переводчикова и К.Б. Фирсов сделали предположение о том, что в эти захоронения были положены седла, состоящие из двух подушек, внутри которых помещались деревянные дощечки, а также имевшие деревянные луки. Аналогии такой конструкции авторы находят в седлах для езды на оленях [Переводчикова, Фирсов, 2005, с. 403—405]. Не так давно было опубликована деревянная изогнутая пластина (размеры 28 × 22,5, толщина 2,5—3 см), обнаруженная в 1859 г. в одном из курганов под Керчью. Авторы публикации интерпретируют ее как основу жесткого седла, считая, что таковые уже использовались скифами не позднее IV в. до н. э. [Виноградов, Никоноров, 2009, с. 129]. Толстый слой древесного тлена на позвоночных костях, в середине спины лошади был обнаружен в кургане 29 группы Гайманова могила [Ильинская, 1973, с. 54].

По мнению А.В. Симоненко, седло с высокими луками (такими, как на циркуновской глиняной модели) обязательно предполагало наличие твердого деревянного арчака, иначе их некуда было крепить [Симоненко, 2009, с. 230]. В качестве археологического доказательства присутствия жесткого седла автор приводит наличие в конских захоронениях новых типов сбруи (нагрудники и подхвостники), препятствовших сползанию седла [Симоненко, 2010, с. 232, 233]. Можно возразить, что такие элементы известны и в древностях скифского времени Северного Причерноморья: нагрудные, подпружные, подхвостные ремни обнаружены в захоронениях коней пазырыкской культуры вместе с мягкими седлами. Железные и бронзовые пряжки для подпруги, подхвостных и нагрудных ремней появляются уже в комплексах первой половины V в. до н. э. в Северном Причерноморье и широко бытуют до конца скифского периода, в уздечных наборах IV в. до н. э. [Могилов, 2008, с. 420, 421, рис. 193]. Однако, появление пряжек в нескольких экземплярах (до 3 шт. при одной лошади) характерно именно для погребальных комплексов с уздой IV в. до н. э., где их удалось зафиксировать in sity (курган 6 у Старинской птицефабрики, Мелитопольский курган, Второй Мордвиновский курган) [Ильинская, 1973, с. 45—47, 55, 56].

Таким образом, циркуновская находка — еще одно подтверждение того, что наряду с мягкими, в позднескифское время уже существуют седла с высокими луками и жестким деревянным каркасом. Параллельное развитие и сосуществование разных типов седел отмечается в раннем средневековье, что, по мнению А.В. Комара, «действительно объяснялось их разным предназначением, разной техникой верховой езды» [Комар, 2008, с. 240].

Вызывает также интерес само назначение глиняной фигурки. Как уже упоминалось выше, ряд исследователей интерпретируют миниатюрные глиняные статуэтки и модели как вотивы, культовые предметы, применявшиеся в обрядах, связанных, прежде всего с культом плодородия. Наша находка, являясь моделью предмета воинского быта, вряд ли может «вписаться» в традиционную схему взглядов о предназначении мелкой глиняной пластики.

Азбелев П.П. Еще раз о ранних стременах // Российский археологический ежегодник. — 2014. — № 4. — С. 297—322.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э. — СПб., 2003. — 416 с.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. — М., 1975. — 120 с. (САИ. — Вып. Г 1—12).
Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.) // СА. — 1973. — № 4. — С. 81—98.
Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры // СЭ. — 1966. — № 3. — С. 60—81.
Виноградов Ю.А., Никоноров В.П. Деревянная основа седла из керченского кургана второй половины IV в. до н. э. // БИ. — Симферополь; Керчь, 2009. — Вып. XXII. — С. 127—134.
Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. — 1952. — Т. XVI. — С. 163—205.
Гейко А.В. Гончарство населення скіфського часу Дніпровського Лісостепового Лівобережжя. — Полтава, 2011. — 248 с.
Граков Б.Н. Скифы. — М., 1971. — 198 с.
Гречко Д.С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. — К., 2010. — 286 с.
Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. — М., 1985.
Древности Геродотовой Скифии. — СПб., 1866. — Вып. 1. — 74 с.
Древности Геродотовой Скифии. — СПб., 1872. — Вып. 2. — 234 с.
Ильинская В.А. Скифская узда IV в. до н. э. // Скифские древности. — К., 1973. — С. 42—63.
Комар А.В. К вопросу о развитии восточноевропейского седла в VII — первой половине VIII вв. // Древности Юга России. — М., 2008. — С. 239—252.
Крютченко А.А., Пеляшенко К.Ю. Этапы фортификационного строительства на Циркуновском городище // Проблемы истории и археологии Украины. — Харьков, 2012. — С. 31.
Марченко И.И. Сираки Кубани. — Краснодар, 1996. — 340 с.
Мелюкова А.И. Вооружение скифов. — М., 1964. — 91 с. (САИ. — Вып. Д 1—4).
Мелюкова А.И. Оружие, конское снаряжение, повозки, навершия // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989. — С. 92—100.
Могилов О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. — Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. — 439 с.
Никоноров В.П. К вопросу о седлах парфянской кавалерии // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 2002. — С. 21—27.
Переводчикова Е.В., Фирсов К.Б. К реконструкции убора коней из кургана Козел // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. — М., 2005. — С. 394—406.
Петренко В.Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. — М., 1978. — 144 с. (САИ. — Вып. Д 4—5).
Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. — М.; Л., 1953. — 521 с.
Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. — СПб., 2010. — 328 с.
Степанова Е.В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // Археологические вести. — 2006. — № 13. — С. 102—150.
Степанова Е.В. Седла гунно-сарматского времени — попытка реконструкции // Тр. III (XIX) Всероссийского АС. — 2011. — Т. 1. — С. 388—389.
Степанова Е.В. Скифские седла и последствия верховой езды для лошадей и всадника в скифское время // АСГЭ. — 2015. — Вып. 40. — С. 125—142.
Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. — К., 1988. — 264 с.
Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. — М., 1948. — 433 с.
Шрамко Б.А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке // СА. — 1957. — № 1. — С. 178—198.
Шрамко Б.А. Модель бычьей упряжки скифского времени // Древности Евразии в скифо-сарматское время. — М., 1984. — С. 251—255.
Шрамко Б.А. Культовые скульптуры Гелона // Археологические памятники Юго-Восточной Европы (железный век и эпоха средневековья). — Курск, 1985. — С. 3—39.
Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. — Новосибирск, 2015. — 322 с.

К. Ю. Пеляшенко

ГЛИНЯНА МОДЕЛЬ СІДЛА З РОЗКОПОК ЦИРКУНІВСЬКОГО ГОРОДИЩА

Мініатюрну модель кінського сідла було виявлено на городищі скіфського часу біля с. Циркуни в 2015 р., в заповнені ями 9, розкопу 13. Виліплена вона з глини, з домішкою піску, має добрий випал та темно-сірий колір поверхні, розміри 3,3 × 2,5 × 2,5 см. Знахідка не має аналогій серед синхронних старожитностей і може бути джерелом до вивчення розвитку кінського спорядження. Комплекс, в якому знайдено модель, а також розкопану ділянку можна віднести до IV — початку III ст. до н. е. Візуальні характеристики дозволяють стверджувати, що модель імітує жорстке сідло: добре виражені луки, передня більш висока, з високим і вузьким арочним вирізом, задня має меншу висоту і більш широкий виріз. Питання часу появи кінського сідла з твердим (дерев'яним) каркасом — арчаком в археологічній літературі не має однозначної відповіді. Циркунівська знахідка додає ще один доказ у низку вже існуючих фактів, щодо появи жорсткого сідла в пізньоскіфський період.

Ключові слова: скіфський час, кінське спорядження, сідло, глиняна пластика.

K. Yu. Pelyashenko

THE CLAY MODEL OF THE SADDLE FROM TSYRKUNY HILLFORT

Tiny model of the horse saddle was found in the-2015 on the Scythian-time hillfort near Tsyrkuny village, excavation 13, object 9. It has parameters — 3,3 × 2,5 × 2,5 cm, and was made from clay with inclusions of sand. Also it was well fired to dark-grey color of surface.

This find has no analogies among synchronous antiquities and could be valuable source for investigation of horse harness evolution. According to the chronoindicators from the complex, this model and whole excavation could be dated to 4st — early 3rd centuries BC. The visual characteristics of the model may us confirm that it imitate hard saddle with well-shown pommel and cantle. The cantle is higher, with high and strict arched notch. The pommel is smaller and has wider notch.

The question of appearance of the horse saddle with hard wooden frame (bars, pommel and cantle) has no clear answer in archaeological literature. The considered find from Tsyrkuny hillfort gives us one more evidences about invention of hard saddle in late-Scythian period.

Keywords: Scythian time, horse harness, saddle, clay plastic art.

Одержано 05.04.2016

УДК: 904.2(477.54)"6383"

А. В. Симоненко

НАХОДКА МОДЕЛИ СЕДЛА НА ЦИРКУНОВСКОМ ГОРОДИЩЕ (комментарий к статье К.Ю. Пеляшенко)

Обсуждается находка на городище IV—III вв. до н. э. глиняной модельки седла. Автор видит в ней доказательство существования уже в это время седел с деревянным арчаком, появление которых традиционно относят ко времени Великого переселения народов. Предлагается несколько иная интерпретация находки.

Ключевые слова: модель седла, арчак.

В статье К.Ю. Пеляшенко в этом сборнике опубликована интереснейшая, уникальная для нашей территории находка — глиняное изделие, напоминающее седло с высокими луками. Археологический контекст позволил датировать находку в пределах конца V — IV вв. до н. э. К.Ю. Пеляшенко увидел в находке модель жесткого седла с деревянным арчаком и доказательство того, что седла такого типа появились уже в скифское время. В то же время общепринятое мнение относит появление седла с деревянной основой не ранее эпохи Великого переселения народов.

Конечно, ясно увидеть именно седло с арчаком в такой миниатюрной вещи трудно. Аргументом в пользу этой интерпретации К.Ю. Пеляшенко считает высказанную мной мысль о том, что высокие луки седел сарматского времени непременно требовали наличия деревянных полок, иначе их некуда было бы крепить [1]. Должен сказать, что такое утверждение не совсем верно. Например, высокие луки средневековых пастушеских седел — итальянского Маремма (рис. 1, *2*) или андалузского (рис. 1, *4*) — пришнуровывались к мягкой основе, в первом случае набитой шерстью (рис. 1, *1*), во втором — связками тростника (рис. 1, *3*), а затем обшивались кожей, которая фиксировала ленчик. Таким образом, как это ни печально, мою старую аргументацию следует признать неубедительной [2]. Высокие луки на изображении древнего седла не обязательно говорят о том, что это седло имеет деревянный арчак.

Наиболее весомыми аргументами в этом споре должны служить археологические находки и нарративные источники. Однако ни первые, ни вторые не демонстрируют нам вещей, которые хотя бы гипотетически можно было соотнести с деревянной основой седла IV—III вв. до н. э. Находка в Александропольском кургане, описание которой приводит К.Ю. Пеляшенко, недостоверна: за «сгнившие куски дерева» вполне могли принять задубевшие остатки кожаных подушек, тем более, что найденная там же золотая обивка по конфигурации подходит именно к ним. Интересно предположение Е.В. Переводчиковой и К.Б. Фирсова. Пытаясь примирить данные о находке древесного тлена в районе спины коней в Александрополе, Желтокаменке, Козле, Толстой Могиле и нескольких других курганах с общепринятым мнением об использовании скифами мягких седел, они привели интересную этнографическую параллель — долганское седло для езды на оленях. Оно не имело стремян и состояло из двух подушек, внутри которых были помещены дощечки. Женские седла имели к тому же высокие деревянные луки [Переводчикова, Фирсов, 2005, с. 406, рис. 7, *2, 3*]. Исследователи не исклю-

1. К.Ю. Пеляшенко ссылается на мою монографию [Симоненко, 2010], однако эту идею я обнародовал гораздо раньше [Симоненко, 2004].

2. О чем я уже написал [Симоненко, 2015, с. 304, 306].

© А.В. СИМОНЕНКО, 2016

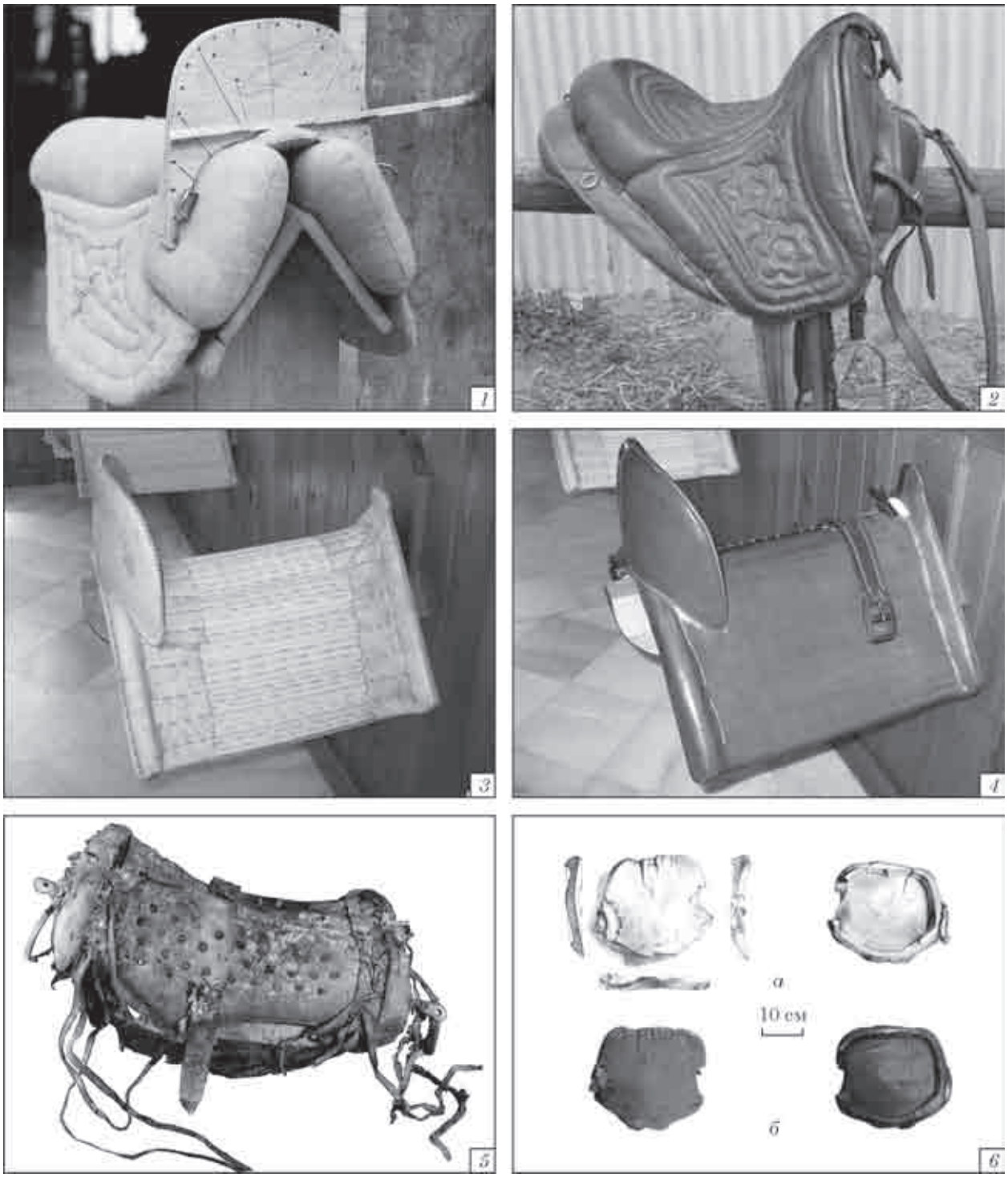


Рис. 1. Седла различных типов: *1, 2* — типа Маремма (по: [Junkelmann, 1992]); *3, 4* — андалузское (фото Е.В. Степановой); *5* — мягкое седло из Субаши (по: [Ван Бинхуа, 1993]); *6* — предмет из фондов ГЭ (по: [Виноградов, Никоноров, 2009])

чают, что у скифов могли быть конструктивно похожие седла.

Сохранившиеся седла пазырыкского типа — мягкие, без деревянной основы. Распорки, являвшиеся конструктивным элементом мягкого седла, вряд ли можно назвать «зачатком будущей деревянной основы» [Шульга, 2015, с. 68] — они являются специфической деталью именно такого седла, не имеющей соответствия в жестком. Совершенно однотипно пазырыкским седло (рис. 1, *5*) из могильника у деревни Субаши (Субэйси) в Китае [Ван Бинхуа, 1993, с. 15—18], в нем нет и намека на арчак. Ю.А. Виноградов и В.П. Никоноров считают деревянной основой седла предмет из фондов ГЭ (рис. 1, *6*), найденный в Керчи [Виноградов, Никоноров, 2009, с. 127—134]. С этим трудно согласиться — арчак седла во все времена имел

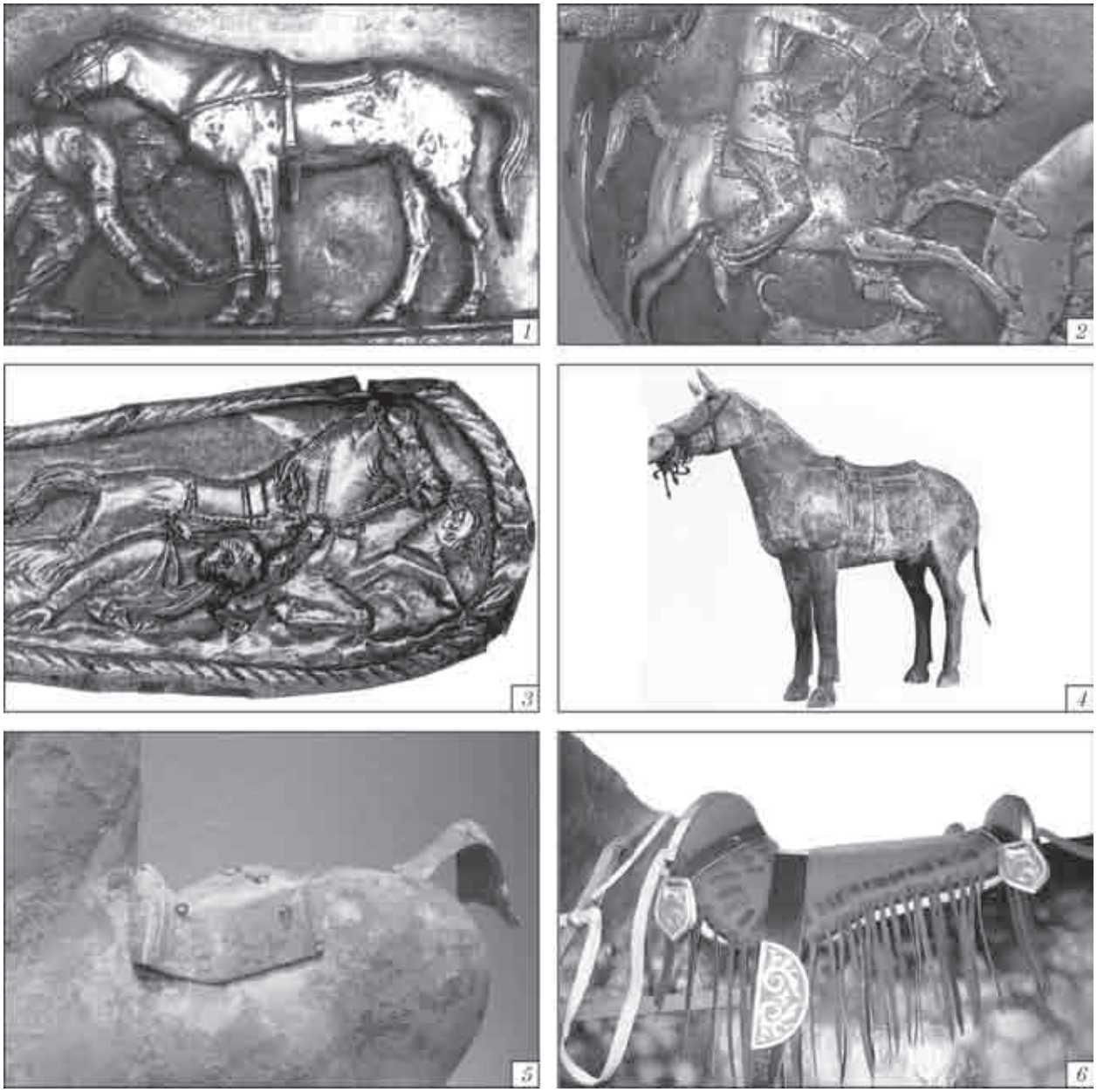


Рис. 2. Мягкое седло скифского времени: *1, 3* — Чертомлык (по: [Алексеев и др., 1991]); *2* — Солоха (по: [Алексеев, 2013]); *4* — гробница Цинь Шихуанди (по: [The First Emperor's …, 1988]); *5* — Западная Хань, галерея Артура Саклера (фото автора); *6* — пазырыкское седло (реконструкция и фото Е.В. Степановой)

седельный желоб для устранения давления на хребет коня и поэтому состоял из двух параллельных полок, лежавших на мышцах спины по бокам позвоночника под тупым углом друг к другу. Этого нет на сплошном плоском деревянном предмете из Керчи, который мог быть чем угодно, только не основой седла.

Изображения скифских седел в стиле «этнографического реализма» на чертомлыцких амфоре (рис. 2, *1*) и ножнах (рис. 2, *2*), чаше из Солохи (рис. 2, *3*) или скульптуры оседланных коней из китайских гробниц (рис. 2, *4*) также не оставляют сомнения в типе изображенных на них седел — это мягкие седла с упорами (по терминологии Е.В. Степановой). Она убедительно показала [Степанова, 2006, с. 235], что в IV—III вв. до н. э. у конников Евразии бытовали седло скифского типа и его китайская версия. Говорить о параллельном существовании в это время седла с высокими луками и деревянным арчаком источники не дают оснований.

Какое же седло изображает моделька с Циркуновского городища? Я думаю, что это — утрированное изображение того же мягкого седла либо полужесткого (по терминологии Е.В. Степановой), т. е., седла с ленчиком из двух подушек, торцы которых образовывали упоры, соединенные деревянной лукой [Степанова, 2011, с. 388] [1]. При условном или схематичном

1. Судя по хронологии памятника, вряд ли это модель полужесткого седла — оно появилось у хунну или сарматов не ранее рубежа н. э. [Степанова, 2011, с. 238].

изображении упоры должны передаваться более или менее заметными выступами, что мы и видим на циркуновском предмете — иначе зритель вообще не поймет, что изображено. Таким же образом утрированы изображения лук полужестких седел сарматского времени [Симоненко, 2004, с. 226, рис. 1; 2015, с. 302, рис. 109, *5—11*], что и ввело меня в заблуждение относительно их конструкции.

На материале пазырыкской коллекции Государственного Эрмитажа Е.В. Степанова восстановила крой и конструкцию мягкого седла IV—III вв. до н. э. пазырыкского типа [Степанова, 2006, с. 110, 131—137]. Важным является то обстоятельство, что передний и задний упоры за счет простежки и овальных накладок на торцы принимали вертикальное (по отношению к ленчику) положение (рис. 2, *6*) [1]. Именно эту особенность и передал — несколько утрированно — человек, изготовивший модель с Циркуновского городища [2]. И как бы ни была она похожа на раннетюркские седла с деревянным арчаком, отсутствие таких седел в многочисленном археологическом и нарративном материале IV—III вв. до н. э. не позволяет сделать вывод об их появлении в скифскую эпоху.

Косвенным свидетельством отсутствия седел с деревянным арчаком ранее V в. н. э. может служить начало использования стремян в это и более позднее время. Мне представляется несомненной связь стремян с жестким седлом [3] — появилась возможность крепить путлища в замок или щель деревянной полки, в то время как на мягком седле надежно закрепить их проблематично.

1. Благодарю Е.В. Степанову за предоставленные фотографии.
2. Если у скифов были седла типа долганских, то не исключено, что модель изображает такое седло.
3. Альтернативную точку зрения см.: [Азбелев, 2014].

Азбелев П.П. Еще раз о ранних стременах // Российский археологический ежегодник. — 2014. — № 4. — С. 297—322.
Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. — СПб., 2013. — 271 с.
Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. — К., 1991. — 411 с.
Ван Бинхуа. Субесийские находки // Китай. — 1993. — № 3. — С. 15—18.
Виноградов Ю.А., Никоноров В.П. Деревянная основа седла из керченского кургана второй половины IV в. до н. э. // БИ. — 2009. — Вып. XXII. — С. 127—134.
Переводчикова Е.В., Фирсов К.Б. К реконструкции убора коней из кургана Козел // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. — М., 2005. — С. 394—406.
Симоненко А.В. Седло сарматского времени // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. — Волгоград, 2004. — С. 222—226.
Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. — СПб., 2010. — 327 с.
Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья: 2-е изд. — К., 2015. — 465 с.
Степанова Е.В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // АВ. — 2006. — Вып. 13. — С. 103—150.
Степанова Е.В. Седла гунно-сарматского времени — попытка реконструкции // Тр. III (XIX) Всероссийского АС. — 2011. — Т. I. — С. 388—389.
Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. — Новосибирск, 2015. — Ч. II: VI—III вв. до н. э. — 322 с.
Junkelmann M. Die Reiter Roms. — Mainz, 1992. — T. III. — 277 S.
The First Emperor's Terracotta Legion. — Beijiao, 1988. — 206 p.

О. В. Симоненко

МОДЕЛЬ СІДЛА З ЦИРКУНІВСЬКОГО ГОРОДИЩА (коментар до статті К.Ю. Пеляшенка)

На Циркунівському городищі в контексті IV—III ст. до н. е. було виявлено глиняний предмет, що нагадує мініатюрне сідло з високими луками. Автор вважає цей предмет моделлю сідла с дерев'яним арчаком. Але знахідки таких сідел або їх зображень, датовані IV—III ст. до н. е., невідомі. З іншого боку, є багато зображень і артефактів, які показують, що в ті часи використовувалося виключно м'яке сідло скіфського типу без дерев'яного арчака. Ймовірно, досліджуваний предмет є моделлю такого сідла, луки якого спеціально утрировані, аби зробити його схожим на сідло взагалі.

Ключові слова: Циркунівське поселення, модель, м'яке сідло, арчак.

O. V. Symonenko

THE MODEL OF SADDLE FROM TSIRKUNY HILL-FORT (comment on the article of K. Pelyashenko)

At the Tsirkunivs'ke settlement of the 4st—3rd centuries BC the clay object resembling a miniature model of the saddle with high pommel and cantle was discovered. The author believes that this item is the model of a frame saddle with the saddle-tree. But the finds of such saddles or their images dated to the 4st—3rd centuries BC are unknown. On the other hand there are lot of images and archaeological artifacts which display that at that time a pad saddle without saddle-tree was in use. Probably the object under discussion is a model of the pad saddle which arches were exaggerated to make it look like a saddle at all.

Keywords: Tsirkunivs'ke settlement, frame saddle, pad saddle, saddle-tree.

Одержано 04.03.2016

УДК: 904.4(477.54)"6383"

Г. Е. Свистун, В. И. Квитковский,
Д. Ю. Юшков

ЗНАМЕНСКОЕ ГОРОДИЩЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ХАРЬКОВЩИНЕ

В результате разведок на территории Нововодолажского р-на Харьковской обл. было обнаружено городище скифского времени, которое имеет округлое планирование и сложную многорядную систему обороны. Памятник свидетельствует о глубоких знаниях фортификационного искусства в среде скифоидного населения лесостепной части бассейна Северского Донца.

Ключевые слова: Знаменское городище, фортификация, округлое планирование

Несмотря на то, что в прошлом на территории Харьковщины и прилегающих к ней территориях, относящихся к бассейну р. Северского Донца, проводились интенсивные археологические разведки памятников раннего железного века (в частности — городищ), до сих пор изыскания в данном направлении не потеряли своей актуальности. В ранее изданных работах подводились итоги таких исследований на тот или иной период, приводились обобщающие карты расположения укреплений скифского времени с внесением появлявшихся уточнений [1]. В итоге, по новейшим данным, было выяснено, что более-менее уверенно к кругу городищ скифского времени, расположенных в бассейне Северского Донца, можно отнести 18 памятников [Гречко, Свистун, 2006, с. 21, 22], из которых вне всяких сомнений 16 [Гречко, 2010, с. 13, 118, табл. 1]. С большой долей вероятности к данному кругу фортификаций принадлежит и многослойное городище Кочеток-II. Раскопки его укреплений не производились, но на внутренней площади в двух заложенных шурфах выявлен, помимо салтово-маяцкого, культурный слой скифского времени [Свистун, 2005, с. 16—18, рис. 3, *43—49*].

Очередное пополнение списка городищ раннего железного века стало возможным в полевом сезоне 2013 г. Во время разведок в Нововодолажском районе Харьковской области было выявлено неизвестное ранее науке городище. Оно расположено на территории Знаменского сельского совета, в 2 км на северо-восток от окраины с. Знаменка (бывшее Иваны) и в 3,1 км на юго-запад от края пгт Старая Водолага (рис. 1). Памятник получил наименование по

Рис. 1. Карта расположения Знаменского городища

1. Детальный обзор историографии вопроса приведен в работах Д.С. Гречко и Г.Е. Свистуна [2006, с. 18—22], а также Д.С. Гречко [2010, с. 5—13, 27—33].

© Г.Е. СВИСТУН, В.И. КВИТКОВСКИЙ, Д.Ю. ЮШКОВ, 2016

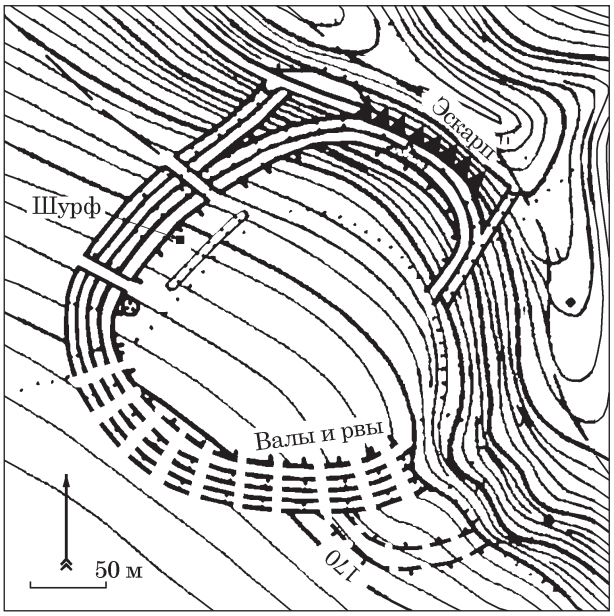


Рис. 2. План Знаменского городища

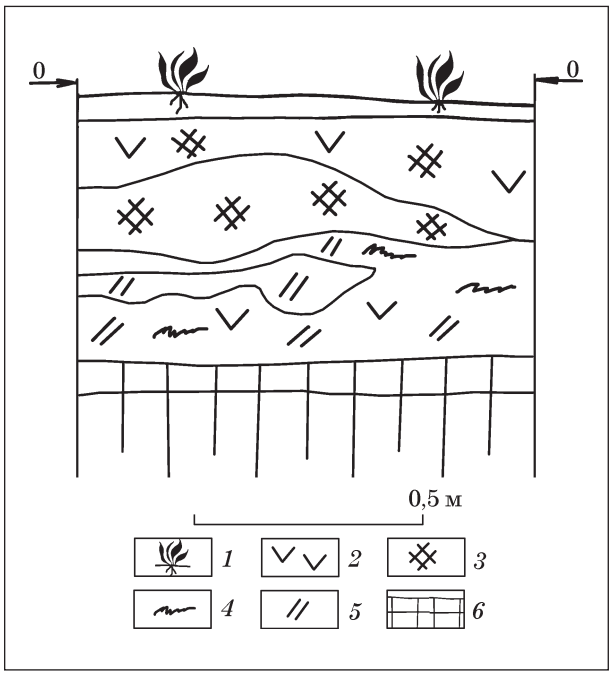


Рис. 3. Стратиграфия шурфа 1 на Знаменском городище: *1* — дерн; *2* — чернозем; *3* — пропеченная глина; *4* — древесный уголь; *5* — глина; *6* — материк и предматерик

названию ближайшего современного населенного пункта.

В топографическом отношении объект находится на краю плато, у южного края балки Соболева, поросшей лесом, которая впадает в пойму р. Мжа. На момент обследования поверхность городища частично покрыта лиственным лесом с подлеском, частично — в пределах пахотного поля.

Сохранность оборонительных сооружений на отдельных участках значительно разнится: на территории, покрытой лесом, фортификации находятся в хорошем состоянии; в пределах пахотного поля валы и рвы сильно повреждены и почти полностью снивелированы. В юго-восточном секторе к памятнику примыкает искусственно терассированный в новейшее время участок склона балки, который был засажен рядами деревьев.

Ориентировочные размеры городища составляют 320 × 380 м. Общая площадь — около 3,5 га.

Городище (рис. 2) имеет округлую планировку со сдвоенной линией обороны, устроенной по системе ров-вал с напольной стороны. Со стороны балки защита была устроена из одиночной линии укреплений, представленной эскарпом и валом. Рвы внешней линии обороны опускаются под прямым углом по склону балки. При этом в юго-восточном секторе фиксируется только ров, глубоко опускающийся книзу. В северо-западном секторе, где на 11 м ниже от эскарпа фиксируется искусственный выступ-площадка, ров сопровождается валом, но спуск по склону незначительный. В южной части к основному дворищу примыкает округлое предградие, валы которого сильно распаханы.

С северо-западной стороны визуально фиксируются два проезда на территорию внутреннего дворища. Скорее всего, в древности существовал один из них, расположенный южнее, а второй был проделан в новое или новейшее время — в пользу этого может свидетельствовать наличие до недавно используемой лесной дороги, ведущей к нему, а также общая более значительная ширина проезда. Хотя подтвердить или опровергнуть это предположение можно лишь после проведения раскопочных работ, в результате которых будет произведен анализ почвенных отложений.

С южной стороны южного проезда в валах имеется углубление, которое является, по-видимому, остатками военного блиндажа новейшего времени. Также остатки проходов и окопов имеют место в валах, обращенных к балке.

Данный вид обороны полностью не укладывается в типологическую схему, предложенную А.А. Моруженко [1985] и поэтому может быть выделен в дополнительный V вид 2 класса — городищ, расположенных на плато и имеющих круговые фортификационные сооружения с совмещенными валами и рвами, а также содержащих предградие. Следует отметить, что такое планирование защитных сооружений по кругу, с точки зрения организации обороны на ровной поверхности плато является наиболее рациональным, позволяющим при минимальной протяженности фронта защитить максимальную площадь внутри. В целом геометрически правильное планирование (подпрямоугольное или округлое) с древности являлось приоритетным в случае отсутствия или недостаточности естественных природных препятствий.

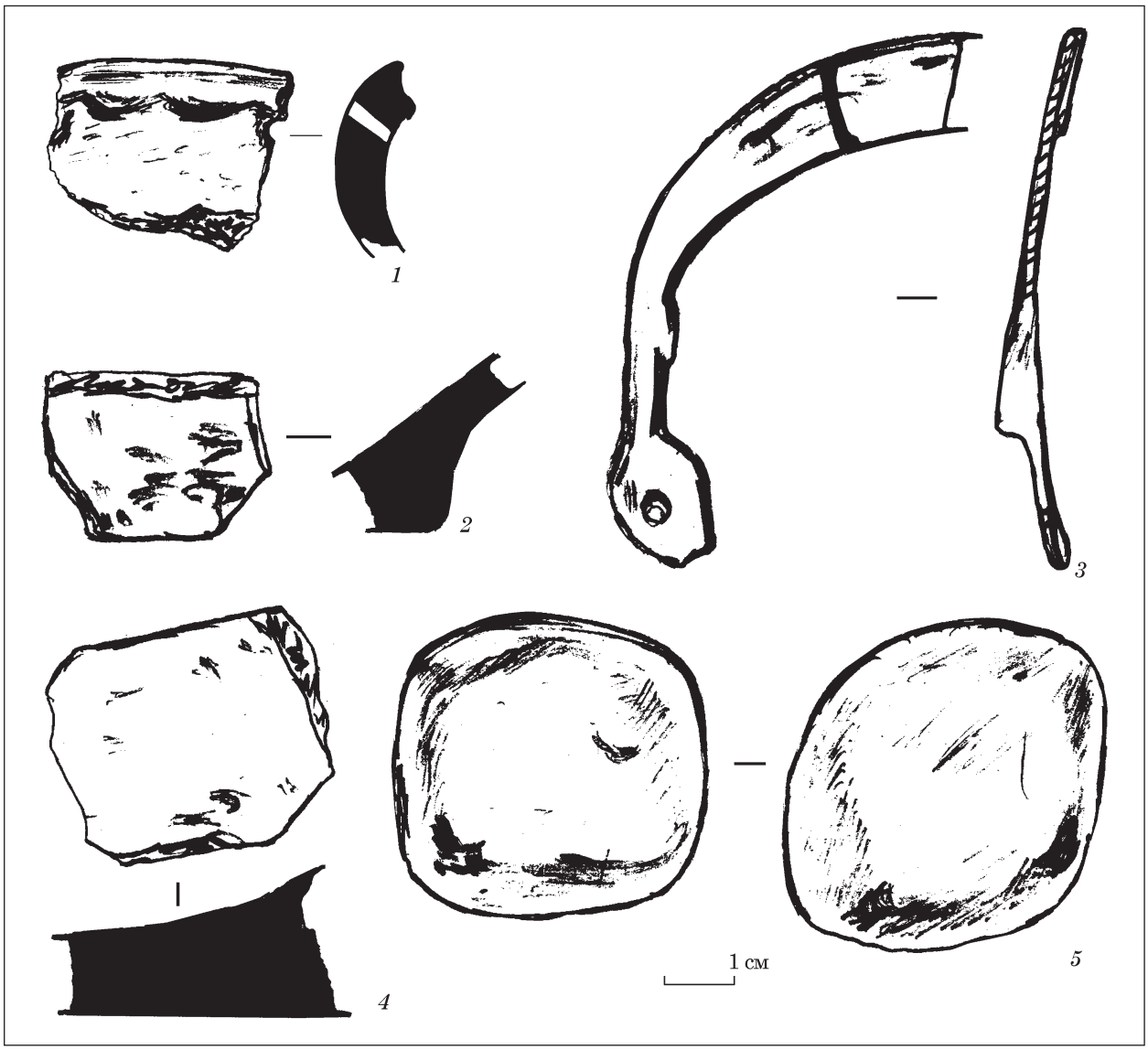


Рис. 4. Находки со Знаменского городища

Наиболее близким в данном регионе по планированию и типажу оборонительных сооружений является городище Кочеток-II [Свистун, 2005, с. 16—18, рис. 3, *43—49*] с тем основным отличием, что оно расположено на мысу. Но в данном случае к этой аналогии следует отнестись с осторожностью, так как этот памятник имеет культурные отложения не только скифского, но и раннесредневекового периодов, что затрудняет без археологических раскопочных работ проследить динамику создания фортификационных сооружений.

С целью выяснения характера культурных отложений в западной части дворища было проведено шурфование (рис. 2). Стратиграфия шурфа 1 (рис. 3) размерами в плане 1 × 1 м имела следующие характеристики. До глубины 0—0,05/0,06 м залегал дерн. Ниже до уровня 0,30 м — культурный слой, который состоял из чернозема, содержавшего фракции пропеченной глины и фрагменты лепных сосудов раннего железного века (рис. 4, *1*). Также на указанном уровне фиксировался неравномерный пласт пропеченной докрасна глины максимальной мощностью до 35 сантиметров. Не исключено, учитывая расположение шурфа в непосредственной близости от внутренней подошвы вала, что данный пропеченный слой имеет отношение к конструктивной прослойке оборонительной насыпи, что является характерной чертой для городищ скифского времени в данном регионе [Фабріціус, 1949, с. 80—91; Свистун; Чендев, 2002/2003; Чендев, Колода, 2004; Гречко, Свистун, 2006, с. 23; Гречко, 2010, с. 30—32]. Но для окончательного вывода необходимо провести раскопки вала Знаменского городища.

На глубине 0,30—0,35 см находился мешаный слой, который состоял из материковой глины и чернозема с примесью фракций древесного угля, обломков костей животных и лепной керамической посуды раннего железного

века. В этом слое была зафиксирована линза материковой глины максимальной мощностью 15 см. Ниже, с глубины 60—65 см, начинался предматерик и материк, представлявший собой коричневую глину.

На дневной поверхности пахотного поля встречались фрагменты лепной посуды раннего железного века (рис. 4, *2, 4*), а также был найден терочник (рис. 4, *5*). В окопах, расположенных в западной и северной частях городища, обнаружено две гильзы от патронов конца XIX — начала XX вв., которые указывают на датировку полевой фортификации новейшего времени — скорее всего, окопы следует отнести ко времени Гражданской войны 1917—1923 годов. Кроме того, на склоне балки был найден фрагмент железной подковки для обуви нового или новейшего времени (рис. 4, *3*).

Знаменское городище предварительно можно датировать V—III вв. до н. э. Дальнейшее археологическое изучение данного памятника позволит во многом уточнить его хронологию. Потенциально немаловажными и перспективными представляются исследования фортификационных сооружений на различных участках памятника, что позволит значительно приумножить данные об оборонительном зодчестве раннего железного века Юго-Восточной Европы. Но уже на данном этапе исследований можно констатировать глубокое знание и применение фортификационного искусства в среде скифоидного населения лесостепной части бассейна Северского Донца.

Гречко Д.С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. — К., 2010. — 286 с.
Гречко Д.С., Свистун Г.Є. Деякі питання вивчення лісостепових городищ скіфського часу на Сіверському Дінці // Археологія. — 2006. — № 4. — С. 18—29.
Моруженко А.А. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII—III вв. до н. э. // СА. — 1985. — № 1. — С. 160—178.
Свистун Г.Е. Отчет об археологических раскопках и разведках в лесостепной зоне долины Северского Донца в 2005 году / НА ІА НАН України. — № 2005/34.
Свистун Г.Е., Чендев Ю.Г. Восточный участок обороны Мохначанского городища и его природное окружение в древности // АЛЛУ. — 2002. — № 2; 2003. — № 1. — С. 130—135.
Чендев Ю.Г., Колода В.В. Архитектура земляных валов городища Мохнач с точки зрения палеографии и почвенной геохимии // АВУ 2002—2003 рр. — К., 2004. — С 337—341.
Фабрициус І. Тясминська експедиція // АП УРСР. — К., 1949. — Т. ІІ. — С. 80—111.

Г. Є. Свистун,
В. І. Квітковський, Д. Ю. Юшков

ЗНАМ'ЯНСЬКЕ ГОРОДИЩЕ СКІФСЬКОГО ЧАСУ НА ХАРКІВЩИНІ

В результаті розвідок на території Нововодолазького р-ну Харківської обл. було виявлене городище скіфського часу, яке має округле планування та складну багаторядну систему оборони. Пам'ятка свідчить про глибокі знання фортифікаційного мистецтва у скіфоїдного населення лісостепової частини басейну Сіверського Дінця.

Ключові слова: Знаменське городище, фортифікація, округле планування.

G. E. Svistun, V. I. Kvitkovsky,
D. Y. Yushkov

ZNAMENSKOYE HILL-FORT OF THE SCYTHIAN PERIOD IN THE KHARKIV REGION

As a result of archaeological exploration in the area of Novovodolazhskiy district, Kharkiv region, a settlement of the Scythian period has been found. The settlement has a nucliated circular pattern and a complex layered defense system. The monument shows a profound knowledge of the art of fortification among the Scythian population in the forest-steppe part of the Siverskii Donets basin.

Keywords: Znamenskoye settlement, fortification, nucliated circular pattern.

Одержано: 30.03.2016

УДК: 904.5(477.53)"6383"

О. Б. Супруненко

ҐРУНТОВІ НЕКРОПОЛІ ЛІСОСТЕПОВОГО НАСЕЛЕННЯ СКІФСЬКОЇ ДОБИ У ДНІПРОВСЬКОМУ ЛІВОБЕРЕЖЖІ

Про нещодавно відкриті ґрунтові могильники скіфського часу на Полтавщині.

Ключові слова: скіфський час, Більськ, Дучинці, Полтава, Чутівка, ґрунтові могильники.

Близько 5 тисяч насипів курганів скіфської епохи, що на сьогодні збереглися у Дніпровському Лівобережжі — на Полтавщині, у Сумській і Харківській областях (і це — далеко не точні дані), як могильники біля великих і менш значних городищ, невеликі курганні некрополі між «кущами» розташованих неподалік одне від одного селищ, все ж не можуть відповідати тій кількості населення, яке заселяло життєдайні простори Лісостепу. І навіть, якщо таких курганів було вдвічі чи втричі більше, ця кількість не відповідатиме реальній масі населення, котра впродовж більше чотирьох століть заселяла узбережжя лівобічних приток Дніпра. Отже, поховальних споруд з ґрунту, навіть за свідченнями старих картографічних матеріалів, було порівняно небагато. Дослідники схиляються до думки, що курганні некрополі й окремі значні кургани належали еліті кочівницького за походженням населення, що переселилося до Лісостепу за доби раннього залізного віку чи з'явилося тут кількома міграційними «хвилями» упродовж цього часу.

Могильники під насипами курганів, влаштовані для рядового населення численних селищ і невеликих городищ, досі ще не виявлені, оскільки останніх, напевне, майже не існувало. Зауважимо, що не було таких некрополів і на Правобережжі Дніпра, де ще за чорноліської культури влаштовувалися безкурганні могильники з трупоспаленнями, а підкурганні поховальні споруди були відомі лише на півдні — у прикордонні зі Степом [Скорый, 2003, с. 50]. Споруджували їх над могилами заможних співплемінників переважно під впливом культурних традицій степових племен.

© О.Б. СУПРУНЕНКО, 2016

В окрузі великих городищ Дніпровського Правобережжя і поряд з кількома селищами виявлені ґрунтові некрополі [Ильинская, Тереножкин, 1986, с. 95; Скорый, 1991, с. 94—96; Гречко, 2014, с. 80—85]. С.А. Скорий наводить відомості про 9 пунктів у Лісостеповому Правобережному Подніпров'ї, де відкриті безкурганні захоронення скіфського часу. Вони виявлені у Київському Подніпров'ї, Пороссі, на південь від басейну Тясмина. Відомі могильники включають до свого складу від кількох до кількох сотень поховань, хронологічно охоплюють час всієї скіфської епохи у Лісостепу [Скорый, 2003, с. 63]. Порівняно близькими територіально, зокрема, до Полтавщини, є чи не найбільші з-поміж ґрунтових некрополів Правобережжя Дніпра, відкриті на історичній Єлисаветградщині [Панченко, 2014а, с. 83, 84] — Заломи VI—IV ст. до н. е. [Бокий, 1988, с. 22, 23] та Світлогірський пізньоскіфського часу з 155 могил [Бокий, 1980, с. 101, 102; Козир, 1989; 2014; Панченко, 2014], що належав великому селищу в межах сучасного міста над Дніпром.

У басейні Ворскли і Псла подібних ґрунтових могильників за останній час стало відомо чотири. Два з них досліджені у Більську, в окрузі і на території Великого укріплення Більського городища — в уроч. Перещепине [Кулатова, 2006] та «Поле 2-ї бригади» [Супруненко, 2014, с. 76, 77, рис. 8]. Некрополі належали мешканцям селищ скіфської доби в уроч. Лісовий Кут, розташовуючись у міжкурганному просторі сусіднього курганного могильника в уроч. Перещепине I [Кулатова, Супруненко, 2010, с. 142], або на краю пізньоскіфського поселення над Більським

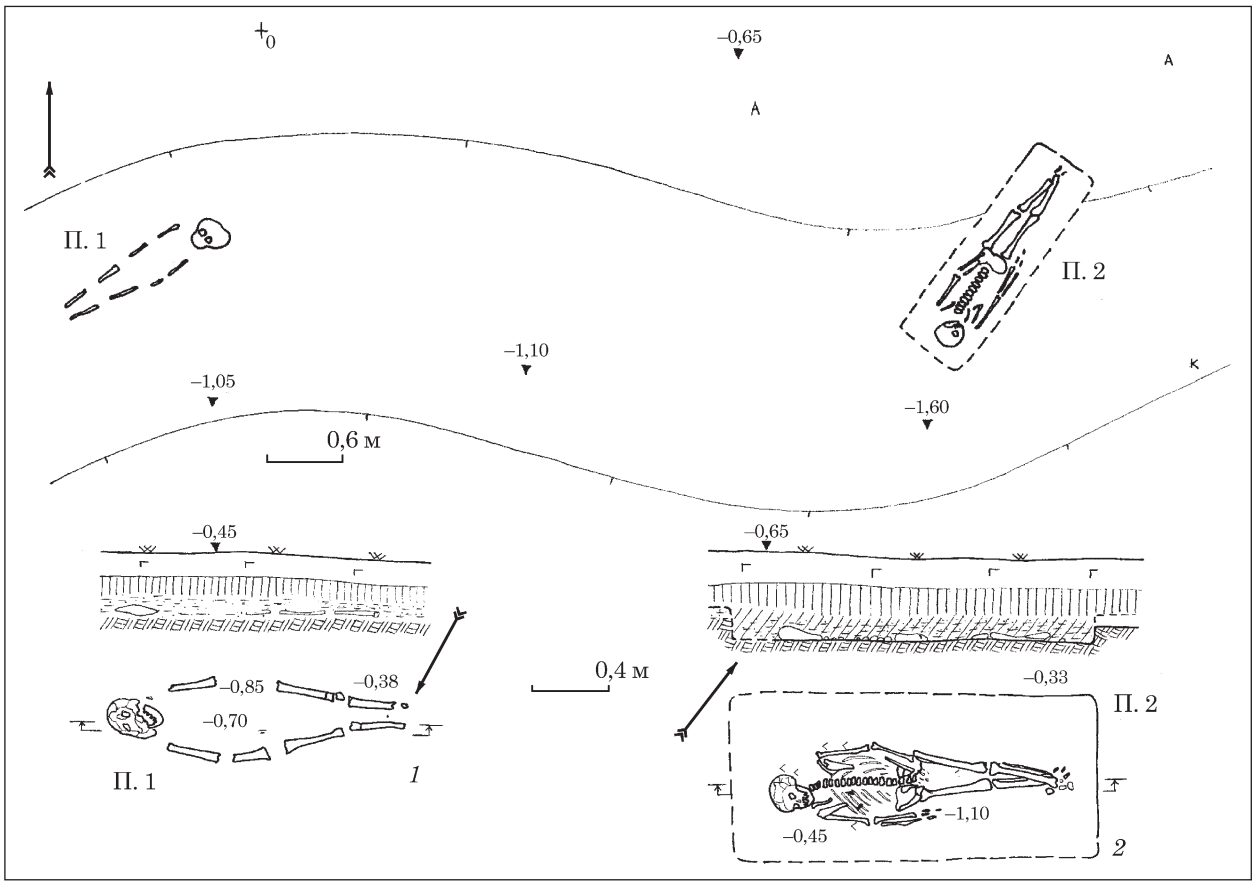


Рис. 1. Більськ, с., Перещепине I, уроч. План ділянки некрополю, плани і перетини поховань 1—2 (за І.М. Кулатовою, 2006)

озером [Супруненко, Скорий, Пуголовок, 2010, с. 406]. Третій некрополь виявлений за випадкових обставин неподалік культурних нашарувань поселення в с. Дучинці Гадяцького р-ну, на північ від Книшівського городища [Шерстюк, Мироненко, 2010]. Кількість досліджених поховань у цих комплексах не перевищувала 2—4, котрі датовані за знахідками VI—IV ст. до н. е. Останній ґрунтовий могильник нещодавно відкритий у Полтаві [Супруненко, 2016] та з перервами продовжує досліджуватися і до сьогодні.

З огляду на наведене вище, можемо вважати, що превалюючим поховальним обрядом для мешканців численних сільських поселень і городищ, вірогідно, було влаштування ґрунтових некрополів. Так склалося, що до останнього часу місця поховань не були відомі археологам чи, принаймні, ними не досліджувалися з ряду причин, і, перш за все, через безінвентарність чи обмеженість речового супроводу подібних захоронень, які часом вважали пізньосередньовічними чи навіть новітніми.

Проведення суцільних за характером наглядових робіт у зонах історичних ареалів міст, під час будівництв господарських об'єктів і невеликих ландшафтних перетворень має істотно сприяти у вирішенні цього питання. І перші факти зі спроб його розв'язання склали основу змісту цієї публікації.

Рештки першого з ґрунтових некрополів виявлені 2002 р. на майданчику газонафтовишукувальної свердловини у межах *Перещепинського курганного некрополю I* поблизу **с. Більськ** Котелевського р-ну. Вони не мали будь-яких візуально помітних ознак на поверхні. Два досліджені поховання знаходились за 20—30 м на північ і північний захід від насипів курганів 13/1997 р. та 3/2001 р., під відвалами ґрунту з розкопок 1997 р. Українсько-Німецької експедиції (рис. 1). У нижній частині похованого чорнозему, на північний схід від поховань, виявлені уламки корінфської амфори, з тістом червоно-коричнюватого кольору та виразними домішками великих білих включень кремнистого вапняку і крупних фракцій кварцового піску [Кулатова 2006, с. 35].

Поховання 1 відкрите дещо на північний захід, на схилі правого корінного берега Більського струмка (Тарапуньки, басейн рр. Суха Грунь — Грунь-Ташань — Псел — Дніпро), у шарі передматерикового суглинку. Сліди ями не простежувалися. Стратиграфічно над похованням вирізнявся дерновий, свого часу орний чорноземний шар товщиною 0,15 м, під яким залягав прошарок непорушеного чорнозему — до рівня 0,3 м від денної поверхні. Нижче знаходився тонкий передматериковий суглинок, в якому на глибині 0,4 м на межі з материком і залягало поховання (рис. 1, *1*).

Похований — чоловік, у віці 40—45 років, був вміщений до неглибокої, вірогідно, прямокутної за обрисами, ями, глибиною 0,40 м від поверхні. Він був викладений випростано на спині, з руками вздовж тулуба і зведеними у стопах ногами, головою на північний схід. В анатомічному порядку збереглися лише кістки черепа, великі кістки рук і ніг, що своїм положенням засвідчували вміщення людини до могили у савані, тобто, загорнутої у щільну тканину (рис. 1, *1*). Загальна довжина скелету за польовими промірами складала 158,0 см. Поховання безінвентарне.

Поховання 2 досліджене майже за 6 м на схід від першого, на менш похилій ділянці, у злегка заглибленій в материк ямі розмірами 0,85 × 1,95 м (площа 1,55 м^2), що простежувалася з рівня основи передматерика і була впущена з давньої поверхні на глибину 0,45 м. Її стінки і дно — рівні (рис. 1, *2*).

Похований — чоловік (?), віком 30 років, був вміщений випростано на спині, з викладеними вздовж тулуба руками (кисть лівої — на миску) та зі зведеними у стопах, навіть перехрещеними, ногами. Зорієнтований головою на південний захід. Збереглися в анатомічному порядку всі кістки. Загальна довжина скелету становила 161,0 см. Поховання було також безінвентарним (рис. 1, *2*). Під кістками відзначена наявність шкіряного тліну, ймовірно, від підстилки-кошми.

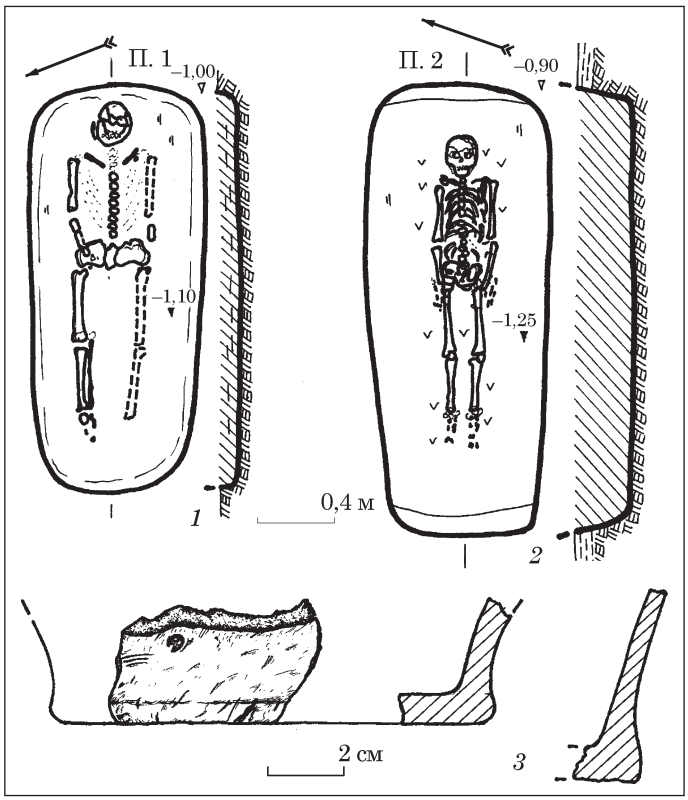


Рис. 2. Більськ, с., «Поле 2-ї бригади», уроч. Плани і перетини поховань 1, 2, знахідки у заповненні могили 2 (за О.Б. Супруненком, 2014)

Про належність поховань скіфській епосі свідчить знахідка уламка стінки оранжевоглиняної античної амфори на межі чорнозему і передматерика, за 2,5 м на північний схід від поховання 1. При порівнянні цих комплексів із досить бідним інвентарним захороненням 5/2000 р. V—IV ст. до н. е. зі складу Перещепинського курганного могильника [Кулатова, Супруненко, 2010, с. 49—50], їх віднесення до пізньоскіфського часу не викликало сумнівів. Вірогідно, саме такі поховання рядових мешканців домінували на території і в окрузі Більського городища наприкінці V — IV ст. до н. е. [Кулатова, 2006, с. 37].

Нагадаємо, що неподалік могильника розташоване селище в уроч. Лісовий Кут, що досліджувалося протягом кількох сезонів С.А. Скорим [Мурзин и др., 2000; 2001]. Матеріали однієї з розкопаних тут садиб дозволили датувати поселення в рамках першої половини V ст. до н. е. [Скорий, 2008, с. 169]. Найвірогідніше, що саме мешканцям останнього і належало ґрунтове кладовище у міжкурганному просторі Перещепинського курганного могильника I.

Восени 2008 р. під час науково-рятівних досліджень ділянки північно-східної периферії поселення пізньоскіфського часу в *уроч. «Поле 2-ї бригади»* поблизу **с. Більськ** Котелевського р-ну [Шрамко, 1987; 1994, с. 195, № 17; Наукова …, 1996, с. 44, № 14; Перелік …, 2001, с. 4, № 14; Охоронювана …, 2001, с. 3], розташованого у надсхиллі плато і вузькій смузі площини другої тераси правого берега того ж Більського струмка, у міжсадибному просторі виявлено *другий* невеликий ґрунтовий *могильник* [Супруненко, Шерстюк, Пуголовок, 2009; 2010, с. 16, рис. 5; Супруненко, 2014, с. 76—78].

Поховання 1 досліджувалося у кв. 40—41/С розкопу, у надсхиловій частині плато, з рівня залягання материка (рис. 2, *1*). Влаштоване у видовженій прямокутній в плані зі скругленими кутами ямі розмірами 0,83—0,94 × 2,15 м (площа 1,9 м^2), впущеній на глибину 1,10 м від «0» (0,65 м від рівня стародавньої похованої поверхні), що була незначно розширена в оголів'ї та зорієнтована за довгою віссю у напрямку — схід — південний схід—захід — північний захід. Стінки в основі дещо скруглені до вирівняного дна. Заповнення суглинисто-чорноземне, з домінуванням ґрунту викиду. Похований — чоловік, у віці 25—30 років, зростом 166,0—168,0 см, лежав випростано на спині посеред ями, головою на схід-південний схід, руки — вздовж тулуба, кисть правої руки — на миску, лівої — під тазом, ноги — випростані. Зліва неподалік черепа та біля кісток правої руки відзначені вуглини. Слідів підстилки і перекриття не виявлено.

Поховання 2 виявлене у кв. 42—43/МН за тих же умов, з рівня залягання передматерика (рис. 2, *2*). Здійснене у видовженій прямокутній в плані зі скругленими кутами ямі розміра-

ми 0,80—0,98 × 2,34 м (площа 2,1 м²), впущеній у материк на глибину 1,25 м від «0» (0,80 м від рівня стародавньої денної поверхні), незначно розширеній в оголів'ї, зорієнтованій за довшою віссю у напрямку — північний схід — південний захід. Впущене з рівня стародавньої похованої поверхні. Коротші стінки ями незначно звужені до вирівняного дна, розміри якого — 0,80—0,93 × 2,13 м. Заповнення чорноземне, з прошарком суглинку від викиду.

Анатомічно повний скелет похованої — жінки, у віці 25—30 років, зростом 160,0—162,0 см, зберігся добре, що дозволило відтворити надану позу. Похована лежала випростано посеред ями на спині, головою на північний схід, руки — вздовж тулуба, кисті — на стегнах, ноги випростані, стопи витягнуті (рис. 2, *2*).

На третьому спинному хребці відзначені сліди враження стрілою, отриманого задовго до смерті. Наявна консолідація кістки, а по краях дефекту — кістяний гребінь в 1 мм висотою над рівнем тканини, що охоплював всю вражену поверхню. Травмуючий агент мав форму рівнобедреного трикутника завширшки 5 мм, що співпадає з розмірами вістря тригранного наконечника стріли (тут і далі — визначення канд. мед. наук *А.В. Артем'єва*).

Під кістками і навколо скелету виявлені сліди підстилки у вигляді рослинного тліну. Зліва від черепа, у північно-східному кутку ями, на дні була наявна вуглина, ще одна — неподалік правого плеча похованої. Предметів супутнього інвентарю і залишків перекриття не виявлено. У заповненні ями знайдені три уламки ліпних *горщиків*, два з яких — фрагменти денець зі злегка виступаючим піддоном і шматочок стінки. Вони належать двом ліпним посудинам з підлискованою поверхнею (рис. 2, *3*). Черепок на зламі одноколірний — чорний, з дрібними білими включеннями. Фрагменти, вірогідно, походять зі складу тризни, звідки й потрапили до заповнення.

Виявлені на селищі захоронення, що здійснені у материкових неглибоких ямах неподалік від житла, влаштовані у східному секторі орієнтації. Вони належали чоловіку і жінці зрілого віку, які, напевне, могли мешкати у дослідженому поряд житлі — об'єкті 14. До речі, ці могили нагадують віддалені на 0,7 км на захід безінвентарні ґрунтові поховання Перещепинського некрополю I. Між іншим, небіжчики обох могильників, за результатами одонтологічних визначень А.В. Артем'єва, відзначалися схожими формами зубних відкладень у фронтальному сегменті зубних дуг [Кулатова, Супруненко, 2010, с. 142—144].

Третій некрополь виявлений за випадкових обставин у західній частині **с. Дучинці** Гадяцького р-ну, поруч із селищем скіфського часу по *вул. Шевченка*, розташованим на краю плато правого корінного берега, перерізаного давнім яром. Рештки поховань трапилися під час прокладання водогону, спрямованого до приватної садиби, два з них «досліджувалися» господарями обістя, одне — було зруйноване, ще одне вивчене археологічно [Шерстюк, Мироненко, 2010, с. 473, 474]. Предмети супровідного інвентарю й описи знищених комплексів надані археологам.

Поховання 1 виявлене на глибині 1,50 м від рівня денної поверхні. Контури ями в ході прокладання траншеї не простежені, слідів перекриття не виявлено. Інгумація здійснена у випростаному стані, головою на захід, і належала чоловіку у віці 45—50 років (рис. 3, *1*). Біля кисті лівої руки стояв маленький ліпний горщичок. Останній є *стаканом* з виділеними, плавно відігнутими назовні вінцями, дещо опуклим тулубом з вираженим плічком, на нерівному дні без утору (рис. 3, *2*). Поверхня старано загладжена до лискування. Висота посудинки — 7,5; діаметри: вінця — 5,6, тулуба — 6,9, дна — 3,5 см.

Поховання 2 безінвентарне, зруйноване, розміщувалося на невеликій глибині — до 0,80 м — за 5—6 м на південний схід від першого. За кістковими залишками, належало чоловікові, у віці 20—25 років. Є непевні свідчення про випростану позицію, орієнтація не встановлена.

Поховання 3 досліджене археологічно майже під попереднім. Знаходилося дещо глибше в підовальній у плані ямі, доведеній до глибини 1,34 м від рівня денної поверхні. Розміщувалося випростано на спині посеред ями розмірами 0,76—0,88 × 1,95 м (площа 1,5 м²), за довгою її широтною віссю, головою на захід (рис. 3, *5*). Яма була дещо розширеною в головах. Біля західної стінки простежувався легкий органічний тлін. Небіжчик — імовірно, жінка у віці 40—45 років. У передденному заповненні виявлені кілька дрібних фрагментів ліпного посуду скіфського часу, що потрапили сюди з периферії культурних нашарувань сусіднього селища.

Поховання 4, віддалене від першого на 1,5 м, зруйноване на тій же глибині в траншеї. З нього походили бронзовий *браслет* в один оберт з незамкнутими розклепаними кінцями, виготовлений з круглого у перетині дроту. На ширшому його кінці наявний заглиблений орнамент у вигляді ялинкових насічок (рис. 3, *3*). Розміри прикраси — 4,60 × 5,85, діаметр дроту — 0,30 см.

За В.Г. Петренко, браслет належить до відділу I типу 3, який з'явився на Правобережжі Дніпра наприкінці VI ст. до н. е. і був поширений до фіналу пізньоскіфського часу. Серед аналогій прикрасі — браслет з кургану 3 в уроч. Скоробір поблизу Більська та кургану 2 в уроч. Солодка неподалік Аксютинців [Петренко, 1978, рис. 41, *19, 23—32*]. Ще однією знахідкою був фрагмент вінця невеликого ліпного горщика, подібного за характером поверхні до виявленого у похованні 1 (рис. 3, *4*).

У насипах сусіднього Дучинського могильника, кілька комплексів якого опубліковані В.А. Іллінською, серед інвентаря поховання 1 кургану 1 наявний подібний браслет і стаканоподібна ліпна посудина [Ильинская, 1957,

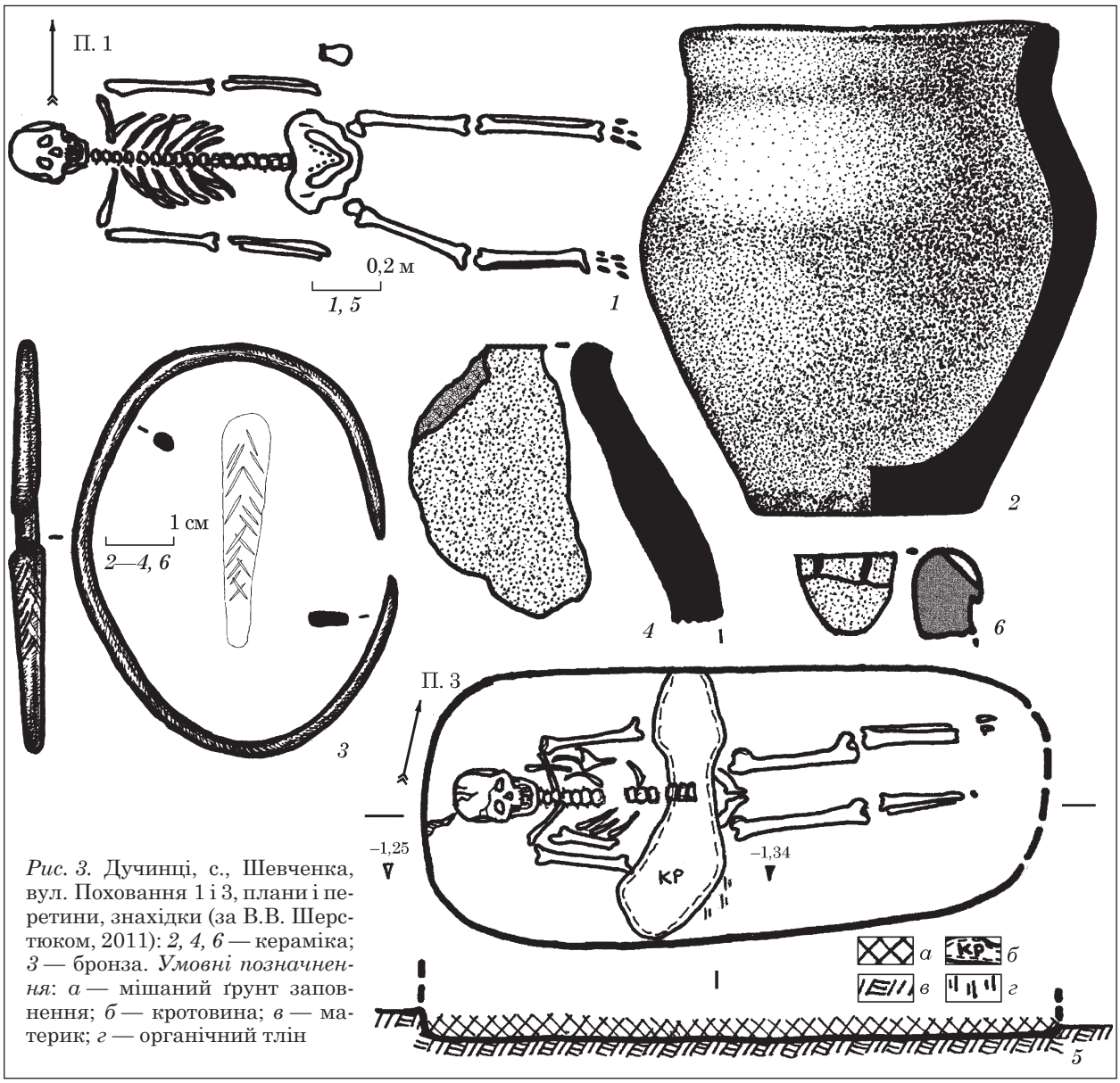


Рис. 3. Дучинці, с., Шевченка, вул. Поховання 1 і 3, плани і перетини, знахідки (за В.В. Шерстюком, 2011): *2, 4, 6* — кераміка; *3* — бронза. *Умовні позначення*: *а* — мішаний ґрунт заповнення; *б* — кротовина; *в* — материк; *г* — органічний тлін

рис. 1, *18, 19*]. Схожі знахідки походять з кургану 3/2000 р. Перещепинського курганного некрополю I [Кулатова, Супруненко, 2010, с. 44, рис. 38; 39], кургану 481 у Басівці та поховання під насипом 5 на хут. Попівка [Ильинская, 1968, табл. XXVII, *1—6*; LI, *5*].

У цілому ж, частково зруйнована ділянка ґрунтового некрополю, розташована за кілька десятків метрів від культурних нашарувань селища скіфського часу [Шерстюк, 2011, с. 321], належить до кола поховальних старожитностей кінця VI — IV ст. до н. е. [Шерстюк, 2013, с. 241]

Восени 2015 — навесні 2016 рр., в ході науково-рятівних наглядових досліджень у межах головного історичного ареалу міста **Полтави**, по *вул. Комсомольській, 22*, під час будівництва житлового будинку, виявлена ділянка з частково збереженими похованнями *четвертого* з-поміж відомих ґрунтового *некрополю* ранньоскіфського часу [Супруненко, 2016, с. 94, 95]. Вона знаходилася вздовж підвищення Ворсклинського плато в основі Старополтавської гори (вододіл струмків Лтава та Рогізна, з абсолютною висотою в Балтійській системі вимірювань 157,56 м), за 0,28 км на північний захід від Полтавського поселення скіфського часу, розташованого на ділянці вздовж схилу плато зі східного боку — від вул. Панянка аж до південно-східного краю Іванової гори з Білою альтанкою [Археологические …, 1988, с. 5]. Селище виявлене археологічними дослідженнями І.І. Ляпушкіна 1945 р. на Соборному майдані міста [Ляпушкін, 1949, с. 58—60; Ляпушкин, 1951, с. 17—40; 1961, с. 126; Ковпаненко, 1967, с. 55]. Зона поширення його культурних нашарувань досягає вул. Спаської і Панянського бульвару, південної частини Сонячного парку, окреслюючи таким чином площу, зайняту широкою периферією першопоселення раннього залізного віку у Полтаві площею близько 18 га [Супруненко, 1998, с. 53, 54; 2006, с. 9; Супруненко, Пуголовок, 2015, с. 132; 2015а, с. 49]. На всіх сусідніх мисах правого корінного берега

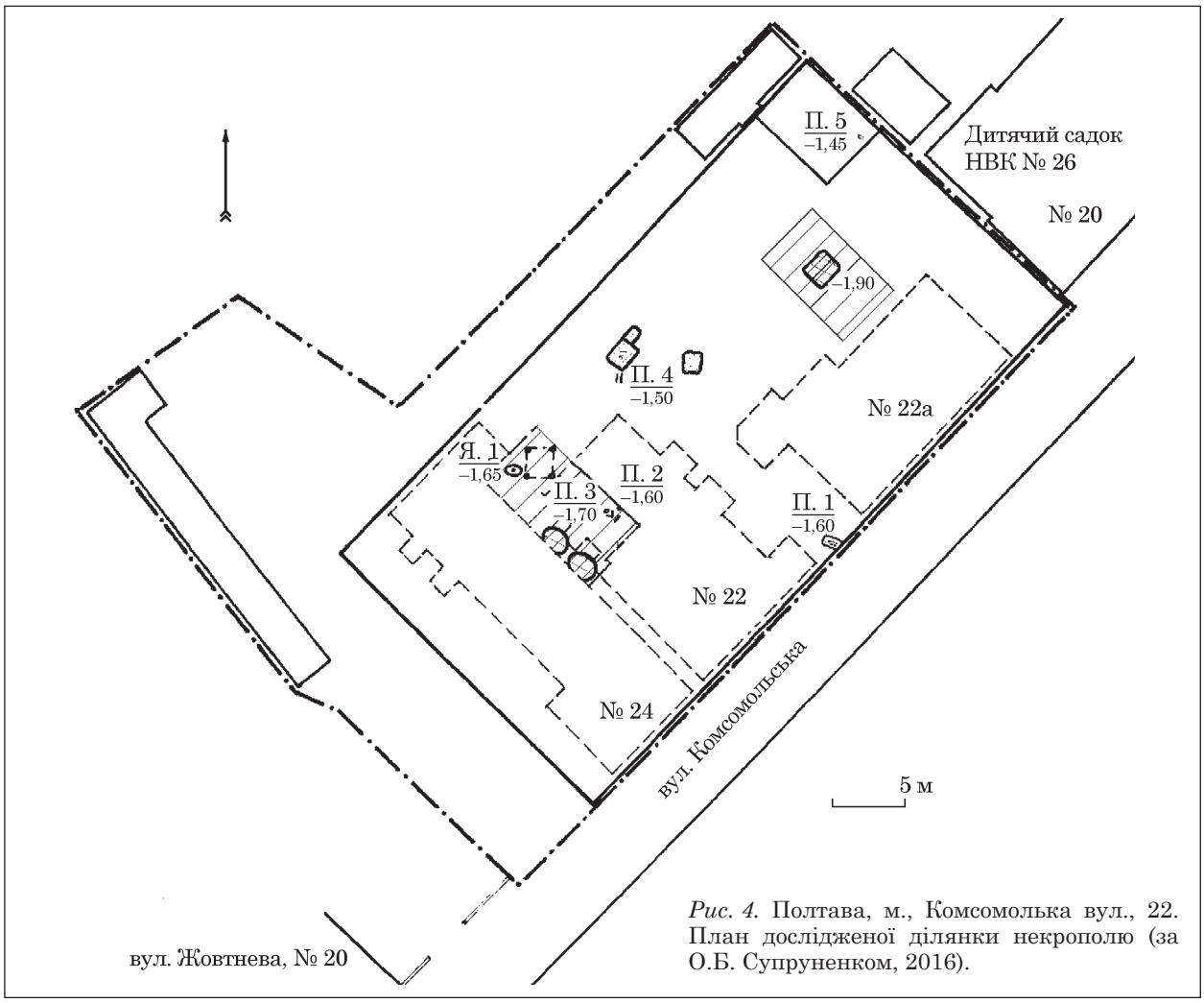


Рис. 4. Полтава, м., Комсомолька вул., 22. План дослідженої ділянки некрополю (за О.Б. Супруненком, 2016).

Ворскли і невеликих струмків округи (Інститутська, Монастирська гори, Миколаївська гірка) також виявлені рештки заселеності скіфського часу у вигляді якщо не культурних нашарувань, то порівняно численних знахідок керамічних та інших матеріалів [Дослідження …, 2008, с. 101, рис. 108, *1*; 2009, с. 13, рис. 4; 2009а, с. 109]. Вагомі підтвердження існування на поселенні зольників і культових споруд ранньоскіфського часу отримані під час науково-рятівних розкопок на Івановій горі у 2012—2014 рр. [Супруненко, Пуголовок, 2015, с. 117, 132; 2015а, с. 74—82, 104—107, 135; 2015б, с. 183, рис. 1].

Отже, на території головного історичного ареалу Полтави за ранньоскіфського часу — вже з останньої третини VIII — кінця VII ст. до н. е. — існувало порівняно велике поселення лісостепового населення ворсклинського локального варіанту скіфоїдної культури раннього залізного віку [Супруненко, Пуголовок, 2015а, с. 149—151]. Навколо нього, на краях плато корінного берега і навколишніх мисах, відомі кілька невеликих курганних могильників з 3—12 насипів, часом з окремими курганами заввишки 1,6—2,4 м [Супруненко, 1998, с. 55, 56; 2006, с. 10, 11; Кулатова, 2005, с. 39, 40; Супруненко, Пуголовок, 2005; Супруненко, Осаульчук, Пуголовок та ін., 2012, с. 378]. Їх збереглося небагато і вони вочевидь належать еліті кочівницького за походженням населення, що осіло на узбережжі Ворскли на різних етапах історії місцевого населення скіфської доби.

Рештки ґрунтового некрополю виявлені біля вершини плато, між колишніми будинками за № 22 і 26 по вул. Комсомольській, зведеними на початку XIX ст., в основі їх заглиблених частин. Зона влаштування поховань простягалася з південного сходу на північний захід на довжину понад 25 м і займала в ширину близько 50 м. Північно-західне скупчення захоронень на місці колишнього одноповерхового будинку № 24 перетиналося котлованом заглибленої частини житлово-господарської будівлі кінця XVIII ст., внаслідок спорудження якої були пошкоджені кілька захоронень. Ще два поховання виявилися зруйнованими через влаштування ям кінця XVIII і початку XX ст. у північно-східному куті дослідженої ділянки. Таким чином, з більшим чи меншим ступенем збереженості, у котловані будівництва наразі досліджено 5 поховань і рештки жертовної ями.

У профілі південно-східної стінки будівельного котловану (вздовж вул. Комсомольської,

на 45-ти метрах) отриманий перетин надсхилля плато, де, крім решток мощення вулиці XIX ст., не містилося будь-яких насипів чи вміщених поверх масивів нашарувань. На глибині 0,95 м від сучасної денної поверхні відзначений рівень залягання стародавнього похованого ґрунту, перекритий підсипками полтавських передмість XVIII—XIX ст. З його рівня, практично посередині цього профілю, було впущене єдине майже повною досліджене поховання 1, перерізане зверху траншеєю газопроводу 1970-х рр. [Супруненко, 2016, рис. 3]. Отже, досліджені захоронення належали саме ґрунтовому некрополю, влаштованому на ділянці плато над незначним схилом зі стародавнього горизонту поверхні вододільного пасма. Посередньо на ґрунтовий характер захоронень вказували також надзвичайно щільне перемішане заповнення ями поховання 1 без слідів викидів, її невеликі розміри, практично однакова глибина виявлення решток похованих у всіх комплексах, насамкінець, відстані між ними у 3—5 та до 12—20 м.

Перше з поховань було виявлене під південно-східним бортом будівельного котловану вздовж вул. Комсомольської (Стрітенської), у проміжку між фундаментами старих будинків за № 22 і 22а (рис. 4, *п. 1*).

Поховання 1 містилося у прямокутній зі скругленими кутами ямі, доведеній до рівня залягання материкового лесоподібного суглинку. Вона була впущена з рівня похованого чорнозему (0,95 м від сучасної денної поверхні) на глибину 1,60 м від «0» або 0,65 м від стародавнього горизонту (рис. 4) і зорієнтована з північного заходу на південний схід. Верхню її частину перетинала (з північного сходу на південний захід) траншея лінії газопостачання. Яма вивчалася на дві третини і була пошкоджена перекопами від прокладання комунікацій вздовж вул. Комсомольської.

Розміри ями: ширина — 0,80, збережена довжина — 1,40, реконструйована довжина — близько 2,00 м, приблизна площа — 1,60 м^2. Заповнення складав щільний затічний чорнозем, у передденні — мішаний суглинково-чорноземний ґрунт з кількома вуглинами, вийнятий при відкопуванні (рис. 5).

Посередині, за довгою віссю ями, була викладена небіжчиця, верхня частина скелету якої збереглася погано, все ж засвідчуючи випростану позицію трупопокладення горілиць, головою на північний захід (рис. 5). За кістками правої верхньої кінцівки, руки вкладалися вздовж тулуба. Одонтологічні визначення встановили молодий вік особи жіночої статі (у межах 16—18 років).

Захоронення, здійснене у вузькій і «затісній», як для скіфського часу, ямі, зовсім нетиповій для підкурганних могил, все ж супроводжував доволі багатий і виразний інвентар. У північно-західному куті ями, вірогідно у шкіряному чохлі, знаходилося бронзове дзеркало з центральною ручкою-

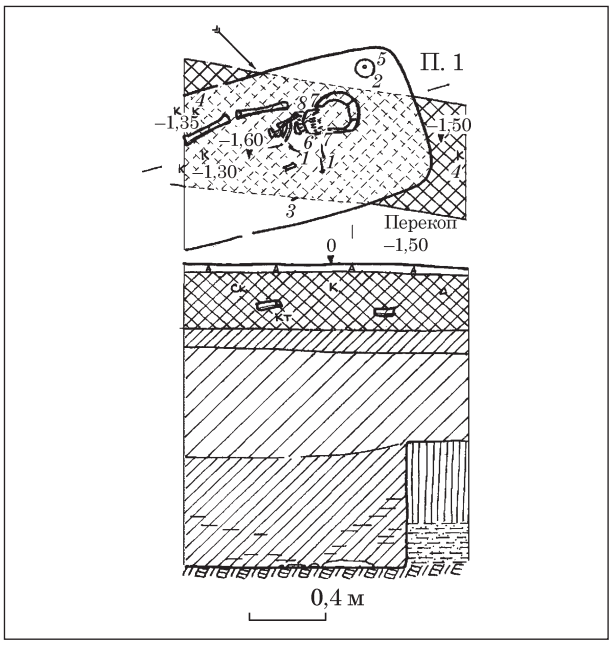


Рис. 5. Полтава, м., Комсомолька вул., 22. Поховання 1. План і перетин (за О.Б. Супруненком, 2016). Цифрами позначено: *1* — розвали шпильок; *2* — дзеркало; *3* — уламок псалія чи ланки вудил; *4* — фрагменти ліпного черпака; *5* — пряслице; *6* — намисто; *7* — розвали сережок-завушниць; *8* — уламок привіски

петелькою, зверненою донизу (рис. 5, *2*). Під ним посередині — керамічне ліпне пряслице (рис. 5, *5*). Справа, перед кістками розвалу черепа, та в області грудей, — уламки двох бронзових цвяхоподібних шпильок (рис. 5, *1*). Вони були пошкоджені, як і частина кісток, відкопуванням траншеї 1970-х рр. Під нижньою щелепою знаходилося скупчення окремих вцілілих та роздавлених скляних намистин (рис. 5, *6*), з обох боків біля черепа — розвали срібних сережок-завушниць (рис. 5, *7*). Серед уламків намиста знайдена частина невеликої срібної патівки — деталі привіски (рис. 5, *8*). У заповненні траншеї, що перерізала захоронення, трапилося 9 уламків невеликого ліпного лискованого черпака (рис. 5, *кк*), а також фрагмент стрижня масивного залізного виробу типу псалія чи частини вудил (рис. 5, *3*). Всі знахідки належали речовому комлексу ранньоскіфського часу.

1. *Дзеркало* бронзове — односкладове люстерко класу I, за Т.М. Кузнєцовою, відділу I — дзеркала з центральною ручкою-петелькою типу I, виду I — з диском із масивним бортиком, варіанту 1 — з петелькою-сегментом [Кузнецова, 2002, с. 33]. На поверхні тільки-но виявленого виробу були помітні відбитки шкіри від чохла і сліди ремінця завширшки 1,2 см на петельці. Зовнішній діаметр диску дзеркала складає 10,0, висота бортика — 0,55, його товщина — 0,40, товщина диску — 0,20; довжина петлі — 2,00, її ширина — 0,30—0,40, висота петельки над зворотнім боком — 0,55 см (рис. 6, *9*).

Подібні дзеркала, характерні здебільшого саме для лісостепової зони, походять у Європей-

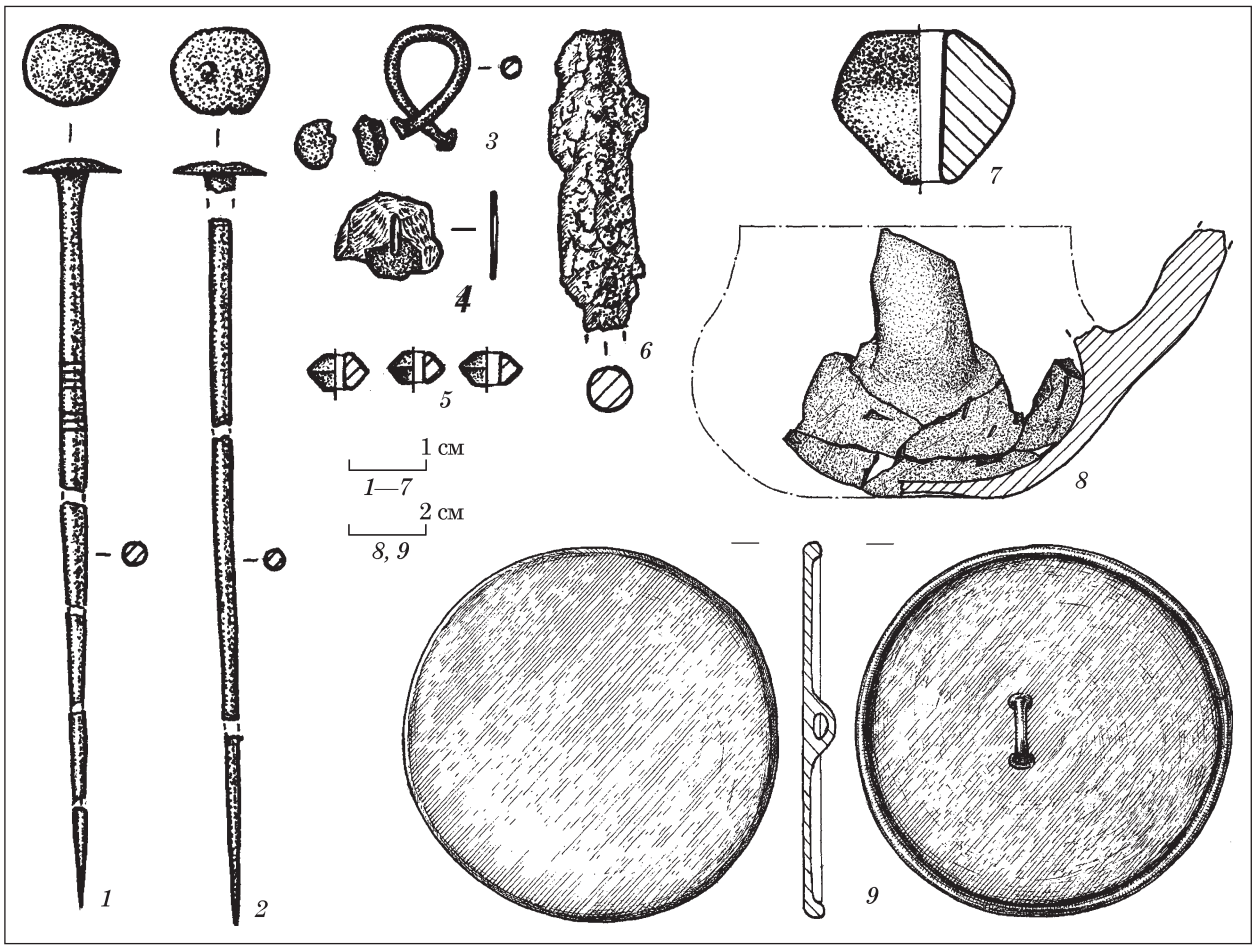


Рис. 6. Полтава, м., Комсомолька вул., 22. Поховання 1. Знахідки (за О.Б. Супруненком, 2016): *1, 2, 9* — бронза; *3, 4* — срібло; *5* — скло; *6* — залізо; *7, 8* — кераміка

ській частині Євразії з поховальних пам'яток, що датовані переважно серединою VI ст. до н. е. [Ильинская, 1968, с. 70; 1975, с. 154]. На давніший час проникнення до Лісостепу цих дзеркал, разом із кочовиками, а саме кінець VII ст. до н. е., вказує С.А. Скорий [Скорий, 1990, с. 92; Скорый, 1997, с. 35]. Одне з подібних люстерок виявлене на Лівобережжі Дніпра (хут. Герасимівка, курган 2), три — на Дніпровському Правобережжі (с. Гатне, курган; с. Медвин, курган 1906 р.; Канів, околиці), ще одне — в Молдові [Кузнецова, 2002, с. 33]. Близькі дзеркала цього типу зустрічаються у широкій смузі степів і передстепів Євразійського континенту — у Волго-Кам'ї, Приураллі та на Південному Уралі, Ставропіллі і Північному Кавказі, Казахстані, на Алтаї, в Хакасії і Туві. Найближчими аналогіями є дзеркала з могильника біля с. Єрчики Жидовецькі Сквірського пов. Київської губ. [Neyman, 1884, s. 36] та хут. Настельного (група курганів III, курган 1) у Богодухівському пов. Харківської губ. [Багалей, 1907, с. 371—374; Либеров, 1962, с. 44]. Доволі схоже на них дзеркало з кургану 400 у Журівці [Кузнецова, 2002, с. 33]. Ще два подібних виявленні у захороненнях могильників Прикам'я [Кузнецова, 2002, с. 35, № 518, 519], а ще одне з трикутною петелькою — за випадкових обставин в околицях Полтави (сс. Розсошенці — Щербані) і може походити зі зруйнованих та частково пограбованих курганних могильників [Кулатова, Супруненко, 1993, с. 22, 23; Супруненко, Осаульчук, Пуголовок та ін., 2012, с. 378; Супруненко, 2016, с. 103, рис. 6].

Такі дзеркала традиційно вважають скіфськими і відносять до сибірського або східного їх типу [Смирнов, 1964, с. 155; Ильинская, 1968, с. 152]. На думку Н.Л. Членової, ці вироби є наслідуванням середньоазійських, доповнених петелькою на зворотному боці диску [Членова, 1967, с. 90; 1993, с. 58—62]. Вони потрапили у VII ст. до н. е. до Північного Причорномор'я та Мінусінської котловини від майстрів з середовища носіїв культур «карасукського кола» й андронівського населення Казахстану та Алтаю [Кузнецова, 2002, с. 42].

2, 3. *Шпильки* бронзові цвяхоподібні (рис. 6, *1, 2*). Перша — зі злегка округлою зверху голівкою типу 5, варіанту 4, за В.Г. Петренко, або близька до типу 6, за Д.С. Гречком [Петренко, 1978, с. 59; Гречко, 2010, с. 87, рис. 77, *6*]. Стрижень прикраси профільований потовщенням на середині довжини і прикрашений трьома зверху й двома знизу рельєфними валиками, утворе-

ними внаслідок нанесення кільцевих нарізок, розподіленими неширокою неорнаментованою смугою потовщення. Збереглася у шести фрагментах. Довжина шпильки — 9,9, діаметри: голівки — 1,3, стрижня — 0,2—0,3 см (рис. 6, *1*).

Парна їй шпилька подібна за формою та розмірами. Вона неорнаментована, гладкострижнева, без потовщення. Тільки на випуклій голівці помітні два спиляні маленькі округлі ливарні виступи. Збереглася у чотирьох уламках. Довжина — 10,1, діаметри: голівки — 1,2, стрижня — 0,2—0,4 см (рис. 6, *2*).

Шпильки цього типу є приналежністю архаїчних комплексів Дніпровського лісостепового Правобережжя і Посулля, дещо менше представлені в Поворсклі, здебільшого — на Більському городищі [Ковпаненко, 1967, с. 154; Шрамко, 1987, с. 41, 44, рис. 11, *3*; 12, *1*; Скорий, 1990, с. 37]. Оскільки у степових пам'ятках такі шпильки відсутні [Ильинская, 1975, с. 149], правомірно вважати їх типово лісостеповим інвентарем [Скорий, 1990, с. 37].

4. Уламки щитка та дужки *сережки-завушниці* з цвяхоподібними голівками, виготовленої зі срібла, типу 1, за В.Г. Петренко [Петренко, 1978, с. 16, 26, 27] (рис. 6, *3*) або цвяхоподібної сережки, за Г.Т. Ковпаненко [Ковпаненко, 1967, с. 157]. Належить до кола прикрас ранньоскіфського часу, розповсюджених у другій половині VII — першій половині VI ст. до н. е. як у Правобережному Лісостепу, так і в межиріччі Ворскли та Сіверського Дінця [Ковпаненко, 1967, с. 134, рис. 53; Гречко, 2010, с. 85]. Розміри дротяної дужки — 1,1 × 1,8; діаметр більш збереженої частини щитка — 0,7; діаметр конічного завершення другого кінця — 0,3; діаметр дроту — 0,16 см (рис. 6, *3*).

5. Деталлю платівчастої *привіски до намиста* є половинка тонкого срібного виробу овальної в плані форми, з вертикально розташованим посередині вузьким видовженим отвором (рис. 6, *4*). Зовнішня поверхня має залишки дрібнокарбованого візерунку. Висота уламка — 1,1, його ширина — 1,4, товщина — 0,07; розміри отвору — 0,05 × 0,45 см.

6. Усічено-біконічні, порівняно крупні *намистини* з прозорого жовто-бурштинового скла доволі сталих форм, з дрібними бульбашками повітря у масі, з порівняно широким каналом отвору та незначними відбитками стрижнів керамічної основи. Три уцілілих і 16 дрібних уламків розкришених намистин. Висота — 0,35—0,40, діаметри: корпусу — 0,60—0,70, каналу отвору — 0,22—0,32 см (рис. 6, *5*).

Опис такого типу намиста з відповідного кольору скла у зведенні К.М. Алексеєвої [Алексеева, 1978, с. 69] відсутній. Проте, більшість дослідників лісостепових поховальних старожитностей скіфського часу, які оглянули знахідки, вважають зразки подібних прикрас архаїчними.

7. Уламки нижньої частини невеликого сірочорнолискованого неорнаментованого *черпака* плавного профілю, з глибокою чашечкою, сплощеним дном та ледь наміченою круглою ямкою посередині, з основою петлеподібної ручки, варіанту «в», за Г.Т. Ковпаненко [Ковпаненко, 1967, с. 118, 119, рис. 52, *21*]. За наявною частиною ручки, остання дещо підвищувалася над краєм вінця і, вірогідно, мала невеликий відросток. Всього 9 фрагментів, розмірами від 2,1 × 2,4 до 2,8 × 4,6 см, що дозволяють у реконструкції встановити деякі розміри столової посудинки — діаметри: вінця — близько 8,6, тулуба — 10,6, орієнтовну висоту чашечки — 7,0; ширина ручки — 2,4, її товщина — 1,3 см (рис. 6, *8*).

8. *Пряслице* ліпне усічено-біконічне (з двома зрізаними основами) — тип V, варіант 1, за В.Є. Радзієвською, або 2.2.2.1, за А.Л. Щербанем [Радзієвська, 1979, рис. 1; Шрамко, 1983, с. 91, табл. 17; Щербань, 2007, с. 171—175]. Поверхня добре загладжена, коричнево-червоного кольору. Отвір пробитий зверху (рис. 6, *7*). Висота — 2,0; діаметри: корпусу — 2,4, зрізаних основ — 0,7 і 1,2, отвору — 0,45—0,62 см.

9. *Фрагмент* корозованого прямого *стрижня* круглого у перетині *залізного виробу* — псалія або ланки вудил (рис. 6, *6*). Довжина — 3,9, діаметр стрижня — 0,6 см.

Таким чином, досліджене поховання має всі підстави для датування ранньоскіфським часом — другою половиною VII — першою чвертю VI ст. до н. е.

Поховання 2 виявлене під час вибирання екскаватором заповнення котловану будинку № 22, за 16,2 м на північний захід від захоронення 1 (рис. 4, *п. 2*), на межі з дном заглибленої частини новітньої будівлі і материковим суглинком. Захоронення містилося у неширокій прямокутній ямі, заповненій чорноземним вмістом. Остання, вірогідно, була впущена з рівня похованого чорнозему на глибину 1,60 м від «0» або 0,65 м від стародавнього горизонту. Залишки переддення могили вказували на орієнтування у напрямку північний захід — південний схід. Її розміри становили приблизно — 0,85—0,90 × 2,00 м (площа — 1,65 м^2).

Похована була викладена за довгою віссю ями. Рештки скелету засвідчували випростану позицію трупопокладення, головою на північний захід. Збереглися частина черепа, кістки лівої нижньої кінцівки, уламки тазу і хребці, які виявилися вибраними робітниками. Антропологічні визначення надали інформацію про зрілий вік похованої особи жіночої статі (25—30 років). Із заповнення ями походив уламок кістки вівці або кози свійської.

Поховання 3, вірніше, його залишки, трапилися під час вибирання заповнення того ж котловану будинку № 22, за 20,3 м на північний захід від захоронення 1 (рис. 4, *п. 3*) та 2,4 м на захід—північний захід від решток поховання 2, в основі заповнення новітньої будівлі, над материковим суглинком. Залягали на глибині 1,70 м від «0», вірогідно, засвідчуючи впуск за-

хоронення з рівня похованого чорнозему на глибину близько 0,75 м. Залишків ями не простежено. У перекопі містилися окремі переміщені і потрощені кістки, в тому числі стегнова кістка дорослого чоловіка у віці 35—40 років.

Вірогідніше за все, знахідки походили з сусіднього, зруйнованого будівництвом XIX ст., поховання ґрунтового могильника. Неподалік від цього місцезнаходження, знайдений уламок стінки ліпного горщика скіфського часу з шерехатою поверхнею.

Поховання 4. Рештки ще одного захоронення виявлені під час нагляду за вибиранням заповнення сміттєвої ями початку XX ст., розташованої між будинками № 22 і 22а, з їх північного боку, за 19,5 м на північний захід—північ від поховання 1 (рис. 4, *п. 4*).

Яма знищила перекопом практично все поховання, а на її північно-західному краю, на глибині 1,50 м від «0» в материковому суглинку віднайдена нижня щелепа літньої жінки у віці 50—55 років. Із заповнення ями також походили уламки черепа, кілька хребців, довгих трубчастих кісток та фаланг пальців ніг цієї людини. Поряд зі щелепою виявлена єдина знахідка.

Це — *скроневе кільце* або проста сережка типу 27, варіанту 1, за В.Г. Петренко [Петренко, 1978, с. 59]. Виготовлена з круглого бронзового дроту із незначно загнутими один за один кінцями (рис. 7, *4*). Інколи дослідники називають такі прикраси дротяними пестнями [Гречко, 2010, с. 86]. Діаметр кільця круглого дроту — 1,9 × 2,1 см, його перетин — 0,20—0,25 см. Зауважимо, що подібні знахідки добре відомі за ранньоскіфськими старожитностями Поворскля другої половини VII — першої половини VI ст. до н. е. (напр.: [Ковпаненко, 1967, с. 134, рис. 53]).

Таким чином, кістки та знахідка мали відношення до зруйнованого ямою початку XX ст. поховання ґрунтового могильника ранньоскіфського часу.

Поховання 5. Залишки чергового захоронення відкриті біля північно-східного кута котловану, під час його розширення навесні 2016 р., на місті знесеної новітньої цегляної офісної будівлі за № 24а. Верхня частина поховання (до тазових кісток) зруйнована влаштуванням господарської ями другої половини XVIII ст., і знаходилася за 55,5 м на північний схід від поховання 1 (рис. 4, *п. 5*).

Слідів ями на межі похованого ґрунту і материкового суглинку не простежено. На глибині 1,45 м від «0» виявлені кістки нижніх кінцівок чоловіка у віці 20—22 років, зростом 167,0—170,0 см. Їх положення in situ засвідчувало випростану позицію трупопокладення, головою на північний захід. У заповненні господарської ями фіналу козацької епохи, що перебивала захоронення, трапився розвал втулки бронзового корозованого *наконечника стріли* діаметром 0,6 см.

Знахідка має безпосереднє відношення до зруйнованого пізньою ямою поховання ґрунтового могильника.

Про ще одну могилу некрополю, знищену вже згаданою ямою початку XX ст. (з північного боку між будинками № 22 і 22а), свідчить уламок лобної частини дитячого черепа (вік — близько 1 року) доволі давнього вигляду, що виявлений у заповненні господарського об'єкту на глибині близько 4 м.

Поряд із похованнями 2 і 3, за 3 м на північний захід та за 23 м в тому ж напрямку від захоронення 1, досліджені рештки жертовної *ями 1* (рис. 4, *я. 1*). Ця заглибина овальної в плані форми із розмірами на рівні виявлення 0,95 × 1,12 м та глибиною 1,65 м від «0», була впущена з рівня похованого чорнозему на 0,70 м зі стародавнього горизонту. У передденні яма була незначно видовжена з північного сходу на південний захід,

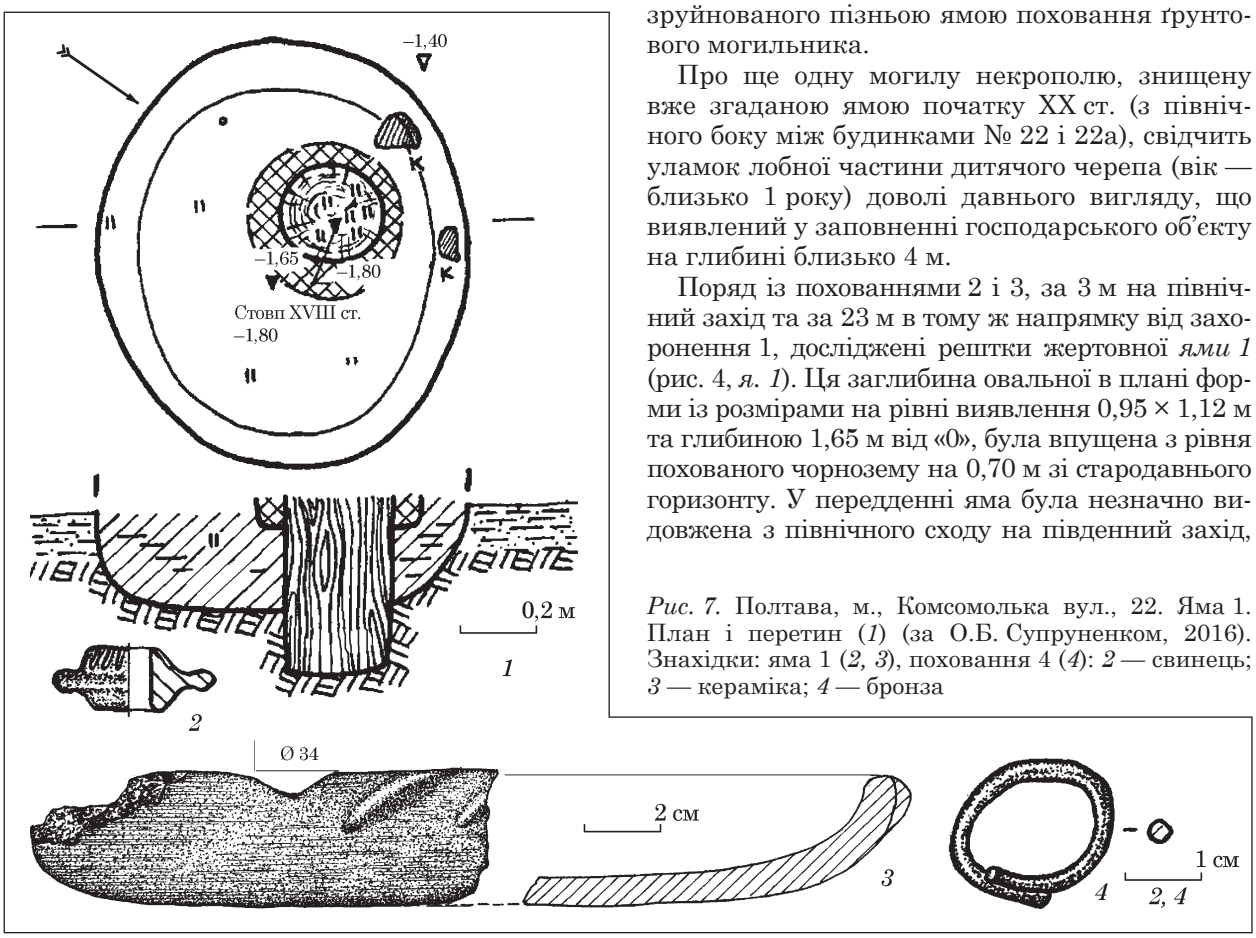


Рис. 7. Полтава, м., Комсомолька вул., 22. Яма 1. План і перетин (*1*) (за О.Б. Супруненком, 2016). Знахідки: яма 1 (*2, 3*), поховання 4 (*4*): *2* — свинець; *3* — кераміка; *4* — бронза

дно скруглювалося донизу, з горизонтальною площиною в основі 0,75 × 0,87 м (площа — 0,9 м^2). Посередині вона перебивалася заглибиною ямки під стовб будівлі кінця XVIII ст. Із заповнення походило свинцеве пряслице. В основі чорноземного вмісту, під стінкою з північно-західного боку, виявлені уламки вінця і стінки великої ліпної лискованої миски-вази (рис. 7, *I, 1—2*).

Нечислені знахідки засвідчували раньоскіфську належність ями. Це стосувалося передусім *уламків* широко відкритої *миски-вази* з потовщено-округлим вертикальним вінцем, вірогідно, на пустотілій конічної форми ніжці, із зовнішнім діаметром верхньої частини 34 см (рис. 7, *3*). По краю вінець збереглися нанесені навскісно неглибокі заглибини-нарізи, що імітували валикоподібні виступи. Посудина мала якісне лискування сіро-коричневого кольору, в тісті — домішки піску і зрідка шамоту. Розміри обох уламків, що склеїлися, — 10,5 × 14,7 × 3,5 см.

Подібні засоби декорування лискованого столового посуду, часто з відтинків валикоподібних потовщень чи наліпів, а також заглибин, прикрашають краї вінець мисок та ваз зольника в уроч. Десяте поле поблизу с. Мачухи, дослідженого М.Я. Рудинським, поселення Пожарна Балка II [Ковпаненко, 1967, с. 55, 56, рис. 21, *8*; 22, *10, 11*], і численні уламки архаїчного посуду Західного укріплення Більського городища [Шрамко, 1987, с. 112, рис. 52, *Г, 4—6*]. Вони вважаються ознаками керамічного комплексу другої половини VII — першої половини VI ст. до н. е. [Ковпаненко, 1967, с. 113, рис. 52].

Патиноване свинцеве *пряслице* у формі ступиці колеса, доволі схоже на пізньосередньовічні зразки виробів того ж призначення, також може бути охарактеризоване в контесті вивчення знахідок скіфської епохи. Подібні пласкі пряслиця є нетиповими для старожитностей раннього залізного віку, проте наявне декорування заглибленими канелюрами-рисками однієї з основ добре відоме на свинцевих важках до веретен для прядіння у степових скіфів [Гаврилюк, 1987, с. 122; 1999, с. 210, 211].

Діаметр виробу — 2,2, його висота — 0,8; діаметри: основ — 0,9—1,0, отвору — 0,5—0,6 см (рис. 7, *2*).

Таким чином, виявлені і зафіксовані у процесі наглядових досліджень поховальні та культові комплекси належать ділянці ґрунтового могильника ранньоскіфського часу, котрий можна датувати кінцем VII — початком VI ст. до н. е. і розглядати як частину некрополю Полтавського ранньоскіфського поселення. Місцезнаходження могильника вбачається у вигляді видовженого пасма, що простягалося вздовж стародавньої дороги по вершині вододілу на 180—250 м, мало ширину близько 60 м і завершувалося зі сходу—північного сходу надсхиллям підвищення плато. Воно займало ділянку приблизно від середини Сонячного парку до вул. Комсомольської, а, можливо, дещо далі — ближче до вул. Гоголя. Таке припущення щодо площі могильника базується на ще одній знахідці ґрунтового захоронення, зорієнтованого ближче до західного напрямку, з уламками ліпного горщика скіфської доби, виявленого на межі похованого ґрунту і материкового суглинку в провалі підземного ходу посеред згаданого парку восени 1978 р. Тоді його через обвали дослідити не вдалося. Зафіксованою залишилася лише глибина залягання решток скелету — близько 1,3 м від сучасної поверхні, а до рук потрапила частина невеликої ліпної посудини з пальцевими защипами по вінцю зверху, рядочком проколів, оперізана масивним пальцево-розчленованим валиком.

Можливостей для порівнянь дослідженого у Полтаві ґрунтового некрополю з іншими скіфського часу [Гречко, 2014], відомими у лісостепу Дніпровського Лівобережжя на території Полтавщини не надто багато. Всі захоронення останніх здійснені у невеликих (дещо більше зросту небіжчиків) і нешироких (0,85—0,90 м) ґрунтових ямах, глибиною від 0,80 до 1,70 м. Ями, якщо такі простежені, мають скруглені кути, досягають або незначно заглиблені до материкового шару, сектори орієнтування небіжчиків знаходяться у західному, південно-західному та північно-східному напрямках. Могильники розташовані на периферії чи безпосередньо біля поселень, в одному випадку — у міжкурганному просторі сусіднього курганного могильника, переважно на підвищеннях плато чи його схилах. Номенклатура супровідного інвентарю не відзначається розмаїттям, обмежуючись окремими прикрасами, поодинокими предметами озброєння і зразками невеликих ліпних посудин чи уламками амфорних стінок [Кулатова, 2006, с. 35—37; Кулатова, Супруненко, 2010, с. 142—144; Шерстюк, 2011, с. 318—320; 2013, с. 241—242; Шерстюк, Мироненко, 2010]. У такому разі виявлене в Полтаві поховання 1 вирізняється з-поміж усіх відомих найвиразнішим інвентарем, вказуючи на ймовірність існування у складі ґрунтових могильників порівняно багатих захоронень.

Отже, залишається лише очікувати чергових знахідок, що повинні збагатити уявлення про поховальний обряд лісостепового населення численних селищ і городищ.

Насамкінець, варто зазначити, що чергове підтвердження поширеності ґрунтового обряду поховання у населення скіфської доби отримане й для Нижнього Посулля, де залишки ще одного некрополю виявлені випадково на заплавній дюні в *уроч. Твань* біля правобережного **с. Чутівка** Оржицького району на Полтавщині [Шерстюк, Щербань, 2015, с. 284]. Матеріали кількох нещодавно оприлюднених друком зруйнованих і пограбованих мародерами поховальних комплексів дозволяють датувати могильник останньою чвертю VI — початком V ст. до н. е. та пов'язувати його з обрядовістю скіфського кочового населення Лівобережної Придніпровської лісостепової тераси [Гречко, Шерстюк, Щербань, 2016, с. 119—122].

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. — М., 1978. — 104 с. (САИ. — Вып. Г 1—12).
Археологические памятники территории г. Полтавы и окрестностей: Каталог / Сост. А.Б. Супруненко. — Полтава, 1988. — 24 с.
Багалей Д.И. Раскопки курганов в Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губернии летом 1903 года // Тр. XIII АС. — М., 1907. — С. 369—378.
Бокий Н.М. Позднескифский безкурганный могильник у г. Светловодска Кировоградской области // Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг.: тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР (Днепропетровск, апрель 1980 г.). — Днепропетровск, 1980. — С. 101—102.
Бокий Н.М. Грунтовой могильник у с. Заломы // Киммерийцы и скифы: тез. докл. Всесоюзн. семинара, посвящ. пам. А.И. Тереножкина. — Кировоград, 1988. — Ч. I. — С. 22—24.
Гаврилюк Н.А. Прядение у степных скифов // Скифы Северного Причерноморья. — К., 1987. — С. 116—130.
Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI—III вв. до н. э. — К., 1999. — 420 с.
Гречко Д.С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. — К., 2010. — 286 с.
Гречко Д.С. О бескурганных погребениях аборигенного населения восточноевропейской Лесостепи скифского времени // Revista arheologică. — 2014. — Vol. X, nr. 1—2. — С. 79—101.
Гречко Д.С., Шерстюк В.В., Щербань А.Л. Ґрунтовий могильник початку середньоскіфського часу в Посуллі // Старожитності Лівобережного Подніпров'я — 2016. — К., 2016. — С. 117—139.
Дослідження посаду літописної Лтави: Миколаївська гірка / Супруненко О.Б., Мироненко К.М., Пуголовок Ю.О. та ін. — Київ; Полтава, 2008. — Кн. 1. — 136 с.
Дослідження посаду літописної Лтави: Інститутська гора / Супруненко О.Б., Пуголовок Ю.О., Мироненко К.М. та ін. — Київ; Полтава, 2009. — Ч. 1, кн. 2. — 140 с.
Дослідження посаду літописної Лтави: Інститутська гора / Супруненко О.Б., Пуголовок Ю.О., Мироненко К.М. та ін. — Київ; Полтава, 2009а. — Ч. 2, кн. 3. — 132 с.
Ильинская В.А. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел // СА. — 1957. — Т. XXVII. — С. 232—249.
Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). — К., 1968. — 203 с.
Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VIII—VI вв. до н. э.). — К., 1975. — 224 с.
Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Памятники Лесостепи // Археология Украинской ССР: в 3 тт. — Т. 2: Скифо-сарматская и античная археология. — К., 1986. — С. 90—128.
Ковпаненко Г.Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. — К., 1967. — 188 с.
Козир І.А. Дослідження Світлогірського ґрунтового могильника в 1989 році // Міжвуз. наук. студент. конф. з історичного краєзнавства: тези доп. — Кіровоград, 1989. — С. 9—10.
Козир І.А. Ритуальне поховання 145 з ґрунтового могильника поблизу м. Світлогірськ Кіровоградської обл. // Феномен Більського городища — 2014. — Київ; Полтава, 2014. — С. 61—64.
Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI—III вв. до н. э.. — М., 2002. — Т. 1. — 352 с.
Кулатова І.М. Кубок жаботинського часу на Інститутській горі у Полтаві // АЛЛУ. — 2005. — № 1—2 (17—18). — С. 39—41.
Кулатова І.М. Рештки ґрунтового некрополя в урочищі Перещепине поблизу Більська // Полтавський краєзнавчий музей. Маловідомі сторінки історії, музеєзнавство, охорона пам'яток. — Полтава, 2006. — [Вип. III]. — С. 33—38.
Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Курган скіфського часу в околицях Полтави (за розкопками О.С. Федоровського) // ПАЗ. — Полтава, 1993. — С. 20—24.
Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Кургани скіфського часу західної округи Більського городища. — К., 2010. — 200 с.
Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца // МИА. — М., 1962. — № 113. — С. 5—85.
Ляпушкин И.И. Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них // СА. — 1951. — Т. XV. — С. 17—43.
Ляпушкин И.И. Днепровское Лесостепное Левобережье в эпоху железа. — М.; Л., 1961. — 382 с. (МИА. — № 104).
Ляпушкін І.І. Старослов'янське поселення VIII—XIII ст. на території м. Полтави (За матеріалами польових розшуків 1940, 1945 і 1946 рр.) // АП УРСР. — 1949. — Т. I. — С. 58—75.
Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В. и др. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1999 году. — К., 2000. — 60 с.
Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В. и др. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2000 году. — К., 2001. — 72 с.
Наукова концепція державного археологічного заповідника «Більське городище скіфського часу»: наукова концепція, довідкові матеріали, проекти / Упорядн., наук. ред. Супруненко О.Б. — Полтава, 1996. — 60 с.
Охоронювана археологічна територія «Більське городище»: буклет / Матеріали підг. І.М. Кулатовою, О.Б. Супруненком, Б.І. Золотницьким та ін. — Полтава, 2001. — 8 с.
Панченко К.І. Поховання 155 Світлогірського ґрунтового могильника на Кіровоградщині // Феномен Більського городища — 2014. — Київ; Полтава, 2014. — С. 105—108.
Панченко К. Скіфська проблематика в дослідженнях Н.М. Бокий // Наукові записки. Сер.: Історичні науки. — Вип. 21: Актуальні проблеми археології та історії раннього залізного віку. — Кіровоград, 2014а. — С. 80—87.
Перелік найважливіших об'єктів археологічної охоронюваної території «Більське городище» / Укл. О.В. Белько, І.М. Кулатова, О.Б. Супруненко // АЛЛУ. — Полтава, 2001. — № 2 (10). — С. 4—8.
Петренко В.Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. — М., 1978. — 144 с. (САИ. — Вып. Д 4—5).
Радзієвська В.Є. Техніка прядіння у населення Лісостепової Скіфії // Археологія. — 1979. — Вип 32. — С. 19—26.
Скорий С.А. Курган Переп'ятиха (до етнокультурної історії Дніпровського Лісостепового Правобережжя). — К., 1990. — 124 с.
Скорый С.А. О погребальных памятниках автохтонного населения Днепровского Лесостепного Правобережья в скифское время // Энокультурные и этносоциальные процессы в конце I тыс. до н. э. — первой половине II тыс. н. э. на территории Юго-Запада СССР и в сопредельных регионах. — Кишинев, 1991. — С. 94—97.

Скорый С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. — К., 1997. — 174 с.
Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). — К., 2003. — 161 с.
Скорый С. Селище в урочище Лисовый Кут на Большом укреплении Бельского городища (материалы раскопок 1999—2001 и 2004 гг.) // Revista Arheologica. — 2008. — Vol. IV, nr. 1. — С. 146—179.
Смирнов К.Ф. Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. — М., 1964. — 379 с.
Супруненко О.Б. На землі Полтавській: Пам'ятки археології Полтави та околиць. — Полтава, 1998. — 157 с.
Супруненко О. Б. До укладання реєстру пам'яток археології території міста Полтава // Охорона та дослідження пам'яток археології: Матеріали 7-го наук.-практ. семінару. — Полтава, 2006. — С. 9—11.
Супруненко О.Б. Культові і поховальні об'єкти на пізньоскіфському поселенні в ур. «Поле 2-ї бригади» // Археологічні дослідження Більського городища — 2013. — Київ; Котельва, 2014. — С. 62—82.
Супруненко О.Б., Осаульчук О.М., Пуголовок Ю.О. та ін. Обстеження траси будівництва автообходу навколо Полтави // АДУ 2011 р. — Київ; Луцьк, 2012. — С. 378—379.
Супруненко О.Б., Скорий С.А., Пуголовок Ю.О. Дослідження на поселенні пізньоскіфського часу в уроч. Поле другої бригади у Більську (2008—2009 рр.) // АДУ 2009 р. — К., 2010. — С. 404—407.
Супруненко О.Б., Пуголовок Ю.О. Археологічні розвідки у Полтаві та Полтавському районі // АЛЛУ. — 2005. — № 1—2 (17—18). — С. 132—147.
Супруненко О.Б., Пуголовок Ю.О. Дослідження літописної Лтави: Іванова гора. — К., 2015. — Ч. 1, кн. 5. — 180 с.
Супруненко О.Б., Пуголовок Ю.О. Дослідження літописної Лтави: Іванова гора. — К., 2015а. — Ч. 2, кн. 6. — 192 с.
Супруненко О.Б., Пуголовок Ю.О. Наглядові дослідження на посаді літописної Лтави у 2014 р. // АДУ 2014 р. — К., 2015б. — С. 182—184.
Супруненко О.Б., Шерстюк В.В., Пуголовок Ю.О. Селітроварницький комплекс в ур. Поле 2-ї бригади на Більському городищі // АЛЛУ. — 2009. — № 1 (25). — С. 78—97.
Супруненко О.Б., Шерстюк В.В., Пуголовок Ю.О. Селітроварницький стан на Більському городищі. — К., 2010. — 96 с.
Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен Тагарской культуры. — М., 1967. — 128 с.
Членова Н.Л. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // ПАВ. — СПб., 1993. — № 7. — С. 49—77.
Шерстюк В.В. Роботи на пам'ятках скіфського часу Середнього Попсілля (за дослідженнями 2009 р.) // Древности Восточной Европы: Сб. к 90-летию Б.А. Шрамко. — Харьков, 2011. — С. 316—324.
Шерстюк В.В. Селище та ґрунтовий могильник скіфського часу (VI—IV ст. до н. е.), Дучинці I // Звід пам'яток історії та культури України. Полтавська область: Гадяцький район. — Полтава, 2013. — С. 241—242.
Шерстюк В.В., Мироненко К.М. Розвідки у Гадяцькому районі Полтавської обл. у 2009 р. // АДУ 2009 р. — К., 2010. — С. 473—474.
Шерстюк В.В., Щербань А.Л. Ґрунтовий могильник, скіфський час, VI—V ст. до н. е., с. Чутівка // Звід пам'яток історії та культури України. Полтавська область: Оржицький район. — Полтава, 2015. — С. 284—285.
Шрамко Б.А. Археология раннего железного века Восточной Европы: учебн. пособие. — Харьков, 1983. — 135 с.
Шрамко Б.А. Бельское городище скифского времени (город Гелон). — К., 1987. — 182 с.
Шрамко Б.А. Перелік пам'яток археології території та найближчих околиць Більського городища // ПАЗ. — Полтава, 1994. — Ч. 2. — С. 195—197.
Щербань А.Л. Прядіння і ткацтво у населення Лівобережного Лісостепу України VII — початку III століття до н. е. (за глиняними виробами). — К., 2007. — 156 с.
Neyman C. Notatki archeologiozne z Ukrainy // Zbiyr Wiadomości do Antropologii krajowej. — Kraków, 1884. — T. 1. — S. 33—47.

А. Б. Супруненко

ГРУНТОВЫЕ НЕКРОПОЛИ ЛЕСОСТЕПНОГО НАСЕЛЕНИЯ СКИФСКОЙ ЭПОХИ В ДНЕПРОВСКОМ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ

Публикуются комплексы недавно открытых грунтовых могильников лесостепного населения скифского времени VII—IV вв. до н. э. в бассейнах Ворсклы и Псла на Полтавщине, в частности, в урочищах Перещепино и «Поле 2-й бригады» у с. Бельск Котелевского района, по ул. Шевченко в с. Дучинцы Гадячского района и в г. Полтава, по ул. Комсомольской, 22. Находки подтверждают, что грунтовые некрополи были основным типом погребальных памятников в среде населения многочисленных лесостепных селищ и городищ Левобережья Днепра скифской эпохи раннего железного века.

Ключевые слова: скифское время, Бельск, Дучинцы, Полтава, Чутовка, грунтовые могильники.

A. B. Suprunenko

SCYTHIAN EPOCH BURIAL GROUNDS OF THE FOREST-STEPPE POPULATION IN THE DNIEPER LEFT BANK AREA

The paper deals with the Scythian epoch burial grounds — dated back to 7th—4st centuries BC — of the Forest-Steppe population that were recently discovered in the basins of rivers Vorskla and Psel, Poltava region: in particular, these are the Pereschepyno tract and «Pole 2-yi bryhady» (the «Field of the Second Brigade») near the village Bel'sk, Kotel'va district, and also on Shevchenko street in the village Duchyntsy in Hadiach district, as well as in Komsomolskaya street, 22, in Poltava. The author maintains an idea that burial grounds were the major type of burial sites among the population of many forest-steppe tracts and settlements in the Dnieper Left Bank Area during the Scythian epoch in the early Iron Age.

Keywords: Bel'sk, burial grounds, Chutovka, Duchyntsy, Poltava, Scythian epoch.

Одержано 28.03.2016

УДК: 904.22(477.53)"6383"

И. Б. Шрамко

КОЛЧАННЫЙ НАБОР ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ КОНЦА VI в. до н. э. МОГИЛЬНИКА СКОРОБОР

В статье впервые публикуется один из наиболее крупных колчанных наборов, обнаруженных в курганных некрополях Бельского городища.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Днепровское лесостепное левобережье, Бельское городище, могильник Скоробор, колчанный набор, наконечники стрел.

Могильник Скоробор является одним из крупнейших некрополей Бельского городища (VIII—IV вв. до н. э.). Он включает в себя большое количество курганных насыпей, расположенных на правом берегу р. Сухая Грунь. В разные годы в могильнике было раскопано несколько десятков курганов, содержавших захоронения VII—IV вв. до н. э. [Городцов, 1911; Шрамко, 1987; 1994; Черненко, Ролле-Герц, Скорый и др., 2005; Махортых, Ролле-Герц, Скорый и др., 2006; Шрамко, Задников, 2014; 2015].

Многие погребения содержали предметы вооружения. Бронзовые наконечники стрел, входившие в состав погребального инвентаря, в большинстве случаев происходят из ограбленных комплексов, немногочисленны и нередко представлены несколькими экземплярами (таблица).

В некоторых погребениях удалось проследить остатки колчанов. Впервые они были найдены В.А. Городцовым в 1906 г. в кургане 6 и в не потревоженной грабителями юго-западной части кургана 4. Здесь были «найдены остатки колчана, сделанного из кожи с мехом; в колчане лежали стрелы то с бронзовыми наконечниками, то с наконечниками, вырезанными прямо на древках по образцу бронзовых». В колчане из кургана 6 (1906 г.) оказалось всего четыре бронзовых наконечника. В своем дневнике В.А. Городцов так описал расположение редкой находки: «У колена правой ноги лежали остатки колчана, окрашенного в ярко-красную краску, а в нем четыре бронзовых наконечника стрел, все различных форм» [Городцов, 1911, с. 141, 142, рис. 109].

В кургане 10 им были также обнаружены четыре бронзовых наконечника стрел с деревянными древками и древки с заостренными концами «… обработанными по образцу металлических стрел» [Городцов, 1911, с. 143].

В ходе дальнейших раскопок, проведенных на Скороборе уже во второй половине прошлого столетия экспедицией Харьковского университета, в кургане 11 также были зафиксированы остатки колчана с несколькими бронзовыми наконечниками, с древками, окрашенными красной краской. «Полностью проследить конструкцию колчана было невозможно, но часть древков с наконечниками находилась между двумя кусками дерева» [Шрамко, 1994, с. 111, 112].

Таким образом, до 2013 г. в 19 курганах Скоробора в общей сложности было обнаружено 70 бронзовых наконечников стрел, каждый набор не превышал 10 экземпляров. В трех — найдены остатки колчанов [Городцов, 1911, с. 142; Шрамко, 1994, с. 111; Черненко, Ролле-Герц, Скорый и др., 2005, с. 53—59, рис. 45, *2*; Махортых, Ролле-Герц, Скорый и др., 2006, с. 8, 26, рис. 13, *2*].

В связи с этим находку полного колчанного набора в погребении 1 кургана 1/2013 могильника Скоробор следует признать редкой [Шрамко, Задников, 2014, с. 38, рис. 65].

Курган грабился дважды, но, тем не менее, удалось не только установить вид подкурган-

© И.Б. ШРАМКО, 2016

Данные о находках бронзовых наконечников стрел в курганах могильника Скоробор

Курган (погребение)	Год раскопок	Наконечники, количество	Колчан	Дата, в. до н. э.	Литература
4	1906	6	+	VI	Городцов, 1911, с. 141; Шрамко, 1987, с. 146, 177, рис. 69, *5—10*
6	1906	4	+	VI	Городцов, 1911, с. 142, рис. 109; Шрамко, 1987, с. 145, 177, рис. 69, *24—27*
10	1906	4	—	VI	Городцов, 1911, с. 143; Шрамко, 1987, с. 150, 177, рис. 70, *15—18*
4	1965	7	—	VI—V	Шрамко, 1994, с. 105, 108, рис. 3, *26—29*
7	1965	3	—	VI—V	Там же, с. 108, 110, рис. 6, *18—20*
9	1965	7	—	IV	Там же, с. 109, 110, рис. 6, *40—46*
11	1975	10	+	V	Там же, с. 111
13	1975	3	—	IV	Там же, с. 112, рис. 7, *14—16*
15	1975	2	—	V—V	Там же, с. 113, 114, рис. 7, *21—23*
17	1975	3	—	IV	Там же, с. 115, 120, рис. 11, *6—8*
18	1975	3	—	IV—III	Там же, с. 113, 117, рис. 11, *13—15*
22	1975	3	—	VII	Там же, с. 119, 120, рис. 11, *20—22*
23	1975	2	—	VII	Там же, с. 119, рис. 11, *24, 25*
2	2013	4	—	VII	Шрамко, Задников, 2014, рис. 64
1 (1)	2013	147	+	VI—V	Там же, с. 38, рис. 65
1 (2)	2013	1	—	VI—V	Там же, с. 39, рис. 71, *19*
1 (1)	2014	1	—	VII	Шрамко, Задников, 2015, с. 58
1 (1)	2004	3	—	VII	Черненко и др., 2005, с. 53—59, рис. 45, *2*
2 (1)	2005	4	—	VII	Махортых и др., 2006, с. 8, 26, рис. 13, *2*

ной деревянной конструкции, проследить основные черты погребального обряда, но и зафиксировать многие предметы погребального инвентаря, лежащими *in situ*. Не потревоженными оказались уздечные наборы, оставленные согласно ритуалу на перекрытии погребальной камеры и вещи, расположенные в основном захоронении по периметру могилы, которые к моменту ограбления уже были перекрыты оплывшим грунтом и оказались недоступными грабителям.

Из всех категорий погребального инвентаря особо следует выделить четко читающийся на дне погребальной камеры тлен верхней части колчана, наполненного стрелами.

В колчане оказалось 147 бронзовых наконечников стрел (рис. 1), лежавших компактно и имевших отличную сохранность. Большая их часть практически не была покрыта патиной, и золотистый цвет бронзы предавал им парадный вид. Отсутствие коррозии на многих экземплярах позволило максимально точно передать их очертания и проследить ряд интересных деталей. Это самый большой колчанный набор, когда-либо найденный в некрополях Бельского городища.

Остатки колчана были обнаружены недалеко от западной стенки погребальной камеры, на глубине 2,4 м [Шрамко, Задников, 2014, с. 38, 57, рис. 65]. Наконечники лежали плотно, в три—четыре ряда, полосой шириной 10—11 см. Основная их часть была обращена острием бойка на юго-восток. Во втулках многих экземпляров остались фрагменты тонких древок.

Колчан полностью не сохранился, однако скопление наконечников было зафиксировано в пределах четкого коричневого тлена, имевшего длину 38 и ширину 13 см, какого-то органического материала, скорее, всего, кожаной части (клапана) колчана. Несколько наконечников, обращенные острием на юго-запад оказались лежащими на язычке крышки — клапана (его длина 11, максимальная ширина 6,5—7 см). Создается впечатление, что при падении колчана с определенной высоты (возможно, он висел на стене погребальной камеры), наконечники с уже истлевшими древками просто кучно высыпались из него, частично перемешавшись и сместившись со своих первоначальных мест.

Бронзовые наконечники стрел в данном колчанном наборе представлены тремя группами: 1) двухлопастные, 2) трехлопастные и 3) трехгранные (рис. 1).

*Двухлопастные (*рис. 1, *144—147*; 13, *А*) — обычные для раннескифского времени, включены А.И. Мелюковой в первую хронологическую группу [Мелюкова, 1964, с. 18]. Однако иногда они встречаются в наборах среднескифского периода [Мелюкова, 1964, табл. 7; Ильинская, 1968, табл. XXVII, *16*; XXXIX, *8, 10, 17*; Полін, 1987, с. 29, рис. 8 и др.]. В комплекте они немногочисленны (рис. 15) и относятся к редким типам.

Трехлопастные (рис. 1, *1—132*; 13, *В*) — наиболее представительная группа (см. далее,

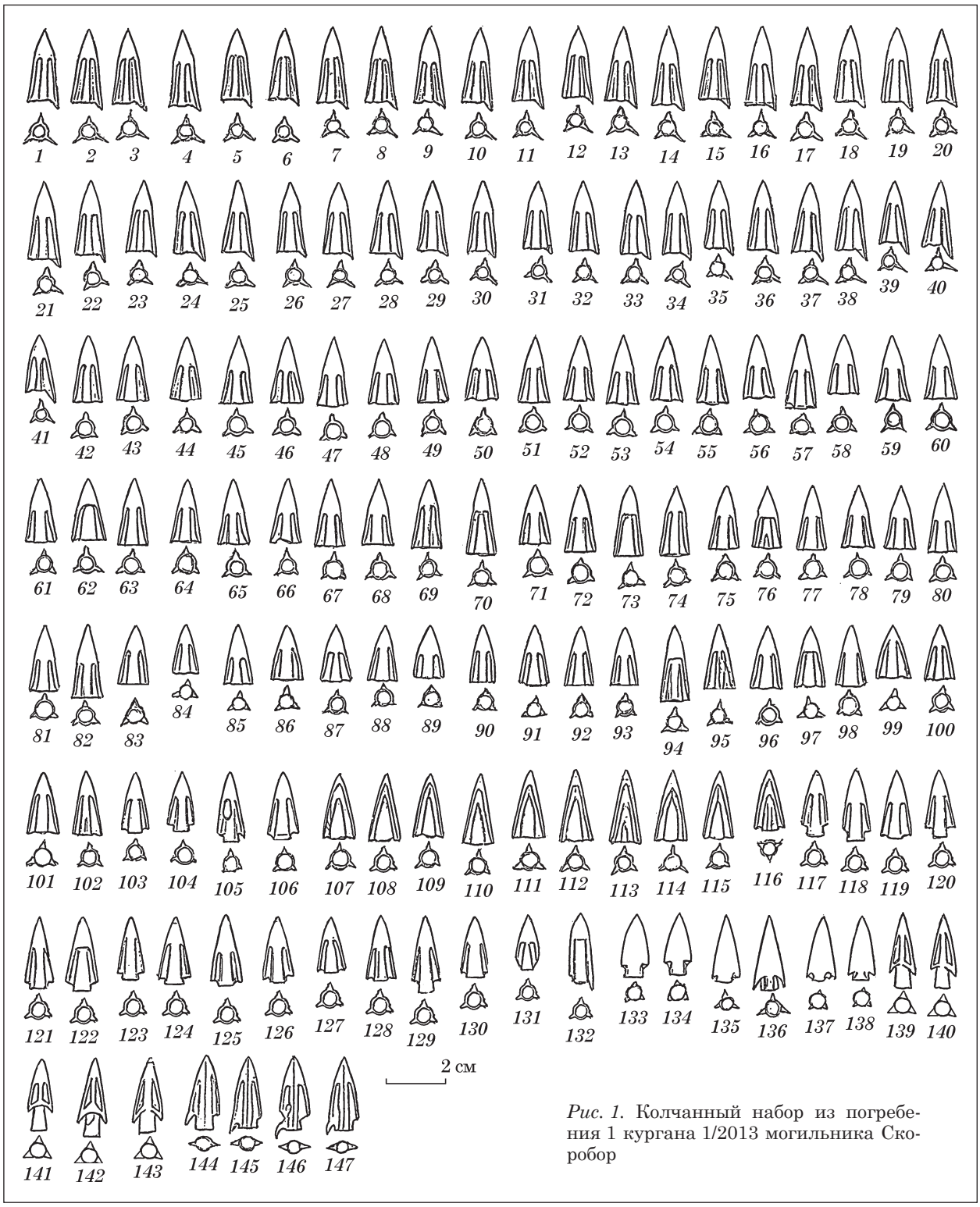


Рис. 1. Колчанный набор из погребения 1 кургана 1/2013 могильника Скоробор

рис. 15). В нашей коллекции доминируют базисные. Они представлены наибольшим количеством типов, обычных для колчанных наборов второй хронологической группы [Мелюкова, 1964, с. 19].

Трехгранные (рис. 1, *133—143*; 13, *С*) — составляют небольшую часть набора (рис. 15), но среди них есть редкие типы.

Большинство экземпляров легко укладывается в классификацию скифских наконечников стрел, разработанную А.И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, рис. 1], некоторые требуют поиска более точных аналогий, а несколько наконечников выпадают из общепринятой схемы и существенно дополняют классический набор типов среднескифского периода, известный на территории Северного Причерноморья.

Двухлопастные. К ним принадлежат четыре наконечника (рис. 2) с выступающими втулками, которые отнесены нами к двум разным,

но близким типам (рис. 13; 14). А.И. Мелюкова форму головок подобных наконечников, отнесенных ею к отдельному, 5 типу считала производной от наконечников с ромбической головкой 3 типа. Как и все наконечники 4—6 типов в этой группе они справедливо отнесены к экземплярам, редко встречаемым как в памятниках Северного Причерноморья, так и на савроматской территории [Мелюкова, 1964, с. 18, 29, табл. 1].

Более точно форму данных наконечников можно описать, воспользовавшись схемой морфологического описания наконечников стрел, предложенной О.И. Куринских [Куринских, 2011, с. 44, рис. 1]. Согласно его классификации все четыре экземпляра имеют ассиметрично-ромбовидную головку, близкую к треугольной форму основания бойка, на лопастях — параллельные ложки, занимающие 1/3 высоты наконечника и подчеркивающие его втулку (рис. 2).

Нижний край одной из двух лопастей у наконечников 1 типа срезан под тупым углом к втулке. Вторая лопасть слита с основанием шипа, место их соединения обозначено лишь едва заметной небольшой выемкой. Один наконечник выделяется среди других более длинной (0,5 см) втулкой (рис. 2, *1*). Наконечники имеют длину (высоту) 2,3—2,5 при максимальной ширине 0,9—1 см, т. е. отличаются стройностью и вытянутыми пропорциями. Диаметр втулки составляет 0,5 см, вес колеблется от 2,13 до 2,36 г.

В отличие от наконечников 1 типа, наконечник 2 типа имеет шип, который четко отделен от лопасти выемкой и примыкает к нижней части втулки (рис. 2, *4*). Обе лопасти на этом наконечнике срезаны под тупым углом к втулке.

Поскольку данные наконечники относятся к редким типам, точную позицию их в имеющихся типологических разработках [Мелюкова, 1964; Смирнов, 1961, Петренко, 1967; Hellmuth, 2010, T. 1 и др.] мы не находим. Двухлопастные наконечники с близкими очертаниями пера с подрезанными краями лопастей А.И. Мелюкова отнесла к редким, известным в комплексах первой хронологической группы [Мелюкова, 1964, с. 18]. Слитый с краем лопасти шип, наличие ложков сближают скороборские экземпляры с типом 6, наиболее полно представленным в погребениях Цукур-Лиман и Старшей могиле [Мелюкова, 1964, с. 18, табл. I: *6, О, 10*; рис. 1; Ильинская, 1968, табл. II, *15*], но прямой аналогией нашим стрелкам они не являются. В сводке А. Хельмут комплекс Старшей могилы с подобными наконечниками ошибочно отнесен к кургану Стайкин Верх [Hellmuth, 2010, T. 2, Taf. 204].

Наконечник, близкий по форме к наконечнику (рис. 2, *2*) 1 типа можно найти в материалах погребения 66/1911 первой половины VI в. до н. э. некрополя Ольвии [Мелюкова, 1964, табл. 7, *О*; Скуднова, 1988, с. 80, кат. 116; Полін, 1987, с. 29, рис. 8, *1*], однако он все же имеет некоторые отличия.

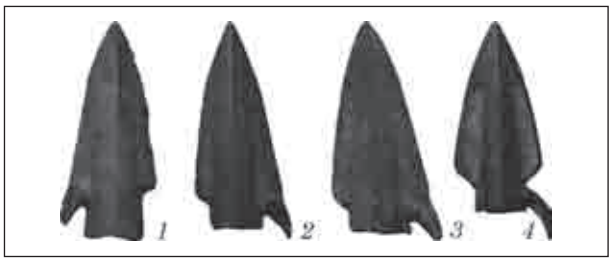


Рис. 2. Двухлопастные наконечники стрел (типы 1—2)

Рис. 3. Бронзовый наконечник 3 типа

Рис. 4. Наконечники стрел 4 типа

Редки такие типы и на савроматской территории. Лишь один, близкий по форме двухлопастный наконечник, но с более длинной втулкой вошел в сводку К.Ф. Смирнова [Смирнов, 1961, с. 110, рис. 11, *9*].

Трехлопастные. Отнесены к семи разным типам (3-й — 9-й) (рис. 13, *В*). Всего в эту группу нами включены 132 наконечника длиной от 1,7 до 2,6 см (рис. 1; 15).

Один из них имеет выступающую втулку, башневидную головку, параллельные лопасти, одна из которых образует шип, а другая срезана под тупым углом к втулке (тип 3). П-образные, узкие параллельные ложки, охватывают 2/3 длины наконечника (рис. 3). Длина (высота) наконечника — 2,1, ширина — 1, диаметр втулки — 0,4 см, вес 2,1 г.

Трехлопастные наконечники с башневидной формой головки по классификации А.И. Мелюковой отнесены к 11 типу [Мелюкова, 1964, табл. 1; с. 22]. В.Г. Петренко подобные образцы также выделила в отдельный тип [Петренко, 1967, с. 46, табл. 34]. Наконечники с башневидной головкой хорошо известны на памятниках бассейна Ворсклы [Мелюкова, 1964, табл. 7, *З, И, К*], но все же имеют отличия (нет ложков в форме П). Узкие углубления (ложки) на лопастях можно заметить на одном из двух башневидных наконечников из кургана 1G Марицинского могильника [Мелюкова, 1964, табл. 1, *Ж*].

Количественно преобладают (61 экз.) базисные наконечники, которые мы отнесли к 4 типу (рис. 4; 13).

Среди них выделяются экземпляры с П-образными параллельными ложками, занима-

Рис. 5. Наконечники стрел 5 типа

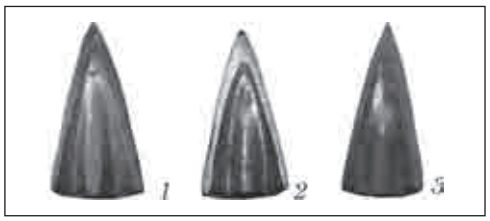


Рис. 6. Наконечники стрел 6 типа

Рис. 7. Наконечник стрелы 7 типа

Рис. 8. Наконечники стрел 8 типа

ющими 2/3 длины наконечника — 14 шт. и S длины — 47 шт. (рис. 1; 13). Иногда верхние части ложков соединены, образуя П-образный свод (рис. 4, *3*). Большинство наконечников этого типа имеют длину от 2,1 до 2,5 при ширине основания 1 см и весят 2—2,9 г. Однако имеются и небольшие экземпляры, длина которых варьирует от 1,15 до 1,9 см, а вес составляет 0,92—1,9 г (рис. 1).

Подобные наконечники довольно широко распространены в VI—V вв. до н. э. не только в Лесостепной Скифии, но и на более широкой территории [Мелюкова, 1964; Смирнов, 1964; Петренко, 1967; Галанина, 1977; Полін, 1987, с. 29, 30, рис. 9; 10; Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 208; Hellmuth, 2010, T. 2]. По наблюдениям А.И. Мелюковой более поздние из них отличаются стройностью и меньшей массивностью [Мелюкова, 1964, с. 21].

Довольно многочисленен 5 тип наконечников (41 экз.), отличающийся от предыдущего одной более длинной лопастью, образующей шип. Максимальная длина шипа 0,5 см. К этому типу отнесен 41 наконечник (рис. 1; 5; 13). Скрытая втулка наконечника подчеркнута П-образными ложками, расположенными на лопастях.

На всех экземплярах ложки охватывают 2/3 длины наконечника. Длина (высота) практически всех экземпляров составляет 2,4—2,8 при ширине основания 1 см, вес наконечников варьируется от 2,7 до 3,5 г. в зависимости от их длины (рис. 1). Однако есть три небольших экземпляра, имеющие длину 1,8—2 см и вес 1,7—1,8 г.

Базисные наконечники с шипом-лопастью известны в колчанных наборах конца VI — начала V вв. до н. э. [Ковпаненко, 1970, с. 158, рис. 4, *12*; Галанина, 1977, табл. 11, *20*; Полін, 1987, с. 30, рис. 10; 40; Ковалева, Мухопад, 1982, с. 95, рис. 4, *ж*]

Несколько базисных наконечников (9 экз.), отнесенные нами к 6 типу имеют треугольную форму головки, сходящиеся ложки, которые образуют арочное углубление, охватывающее 2/3 длины наконечника и подчеркивающие очертания втулки (рис. 6).

Длина (высота) наконечников колеблется в диапазоне от 1,15 до 2,7 при ширине 1,1, диаметр втулки — 0,4 см. В классификации А.И. Мелюковой они составляют 5 тип второй хронологической группы, включены во многие колчанные наборы Скифии, обычны они и на Бельском городище [Шрамко, 1987, рис. 56].

В целом, базисные наконечники получили широкое распространение в скифскую эпоху и повсеместно доминируют в слоях и комплексах среднескифского периода [Мелюкова, 1964, табл. 7; Петренко, 1967, с. 46; Ильинская, 1968, табл. XXVII; XXXIX; Полин, 1987, с. 28—31, рис. 4; 6; 9; 10; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 96, 105; Мурзин, 1984, с. 34, 35, рис. 19, *1*; Hellmuth, 2010, T. 2].

А.И. Мелюкова включала их во вторую хронологическую группу наконечников, которые сменили архаические формы во второй половине VI в. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 21]. Однако пересмотр датировок основных комплексов позволил С.В. Полину отнести смену первой и второй хронологических групп ко второй четверти VI в. до н. э. [Полін, 1987, с. 29—31]. Материалы наших многолетних раскопок зольников на Западном укреплении Бельского городища подтверждают правильность его выводов.

К 7 типу принадлежит лишь один экземпляр, имеющий треугольную в плане головку (рис. 1; 7; 13), небольшую выступающую втулку и сходящиеся ложки, образующие выемку ^ формы, охватывающей всю длину наконечника.

Концы его лопастей подрезаны под тупым углом к втулке. Наконечник имеет длину (высоту) 2, ширину 1, диаметр втулки 0,5 см, весит 1,85 г (рис. 1). В классификации А.И. Мелюковой он соответствует типу 7 (вариант 1) отдела II [Мелюкова, 1964, табл. 1].

Близкую форму имеет наконечник, найденный в погребении конца VI — первой четверти V вв. до н. э. кургана 1 (Острая могила) у с. Яблоновка [Полін, 1987, с. 25, рис. 4; 6].

Единичен также небольшой трехлопастный наконечник (рис. 1; 8; 13) со скрытой втулкой, П-образными ложками и подрезанными краями лопастей (тип 8).

Вариант данного типа с несколько иной формой ложков имеется в стрелковом наборе Ольвийского некрополя [Мелюкова, 1964, с. 21; Скуднова, 1988] в погребении 1/ 1912 второй половины VI — начала V вв. до н. э. [Полін, 1987, с. 30, рис. 9; 40].

Восемнадцать трехлопастных наконечников отнесены нами к 9 типу (рис. 1; 9; 13). Они имеют треугольную в плане форму головки, косую, иногда дуговидную подрезку лопастей, в одном случае несколько удлиненную лопасть, конец которой опущен вниз (рис. 9, *3*), П- или ^-образные ложки, расположенные на высоту 2/3 или 1/2 длины наконечника, короткие, иногда слабо выступающие втулки без шипов. Форма ложков на одном наконечнике может несколько отличаться на разных лопастях. Наконечники имеют длину (высоту) 1,2—2,4, ширину 0,8—1, диаметр втулки 0,4—0,6 см (рис. 1), вес 1,2—2,4 г.

Подобный наконечник есть в колчанном наборе из кургана 491 у с. Макеевка [Галанина, 1977, с. 28, табл. 11; 18] конца VI в. до н. э. [Полін, 1987, с. 30, рис. 10].

Трехгранные наконечники (рис. 1; 13, *С*; 15) представлены четырьмя типами (типы 10—12). Они имеют высоту 2—2,5, максимальную ширину головки 0,9—1, диаметр втулки 0,4 и 0,5 см.

К типу 10 зачислены пять наконечников (рис. 10) с симметричной и ассиметричной треугольной в плане формой головки с вогнутой ее нижней частью, свисающими концами граней, образующими шипы. Грани головки срезаны под острым углом к втулке. На каждой грани имеются треугольные выемки-ложки, подчеркивающие вертикальную ось втулки.

Наконечники отличаются небольшими размерами, стройными очертаниями, длинной (0,5—0,7 см) втулкой, несколько расширяющейся к низу (рис. 10). Их высота 2,3—2,6 при ширине пера 0,8—0,9 см (рис. 13), вес составляет 1,7—2,2 г. Такие наконечники довольно редки на территории лесостепной и степной Скифии. Подобный бронзовый наконечник был отмечен П. Рау [Rau, 1929, p. 86, 87, Abb. 30, Taf. 20; Hellmuth, 2010, p. 501, taf. 98]. Более обычны такие формы для савроматской территории [Смирнов, 1964, с. 114, рис. 15, *116*; 16, *119*; 18, *120*; 19; Очир-Горяева, 1996, с. 44, 52, рис. 4].

Близкие по форме наконечники с подобными треугольными выемками (ложками) происходят из погребения 91/1913 конца VI в. до н. э. некрополя Ольвии [Скуднова, 1988, с. 143, кат. 226], кургана 1 у с. Яблоновка [Петренко, 1967, табл. 37, *209, 210*], комплекса конца VI — первой четверти V в. до н. э. [Полін, 1987, с. 25, рис. 4; 8]. Наконечник такого типа был найден в известном Филипповском кургане V в. до н. э. [Яблонский, 2014, с. 104].

К 11 типу нами отнесены четыре трехгранных наконечника с выступающей втулкой и треугольной формой головки (рис. 1; 11; 13). Нижние края граней, не имеющих ложков, срезаны под острым углом к втулке, образуя шип. Наконечники имеют длину (высоту) от 2 до 2,5 см (рис. 10).

Три наконечника с треугольной в плане головкой имеют слегка выступающую втулку, опущенные концы граней, длину (высоту) 2—2,1, максимальную ширину грани 0,9 см, вес 1,95—2,5 г (рис. 1; 11, *1, 3*). А.И. Мелюкова отнесла их ко 2 отделу, 2 типу, 4 варианту [Мелюкова, 1964, табл. 1].

Рис. 9. Наконечник стрелы 8 тип

Рис. 10. Наконечники стрел 10 типа

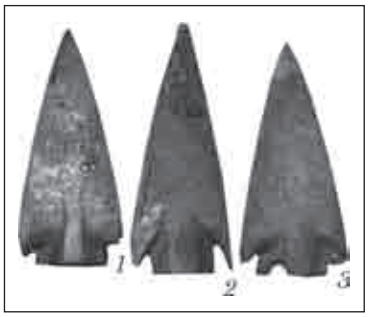


Рис. 11. Наконечники стрел 11 типа

Рис. 12. Наконечники стрел 12 типа

По форме им близок один из наконечников второй половины VI — начала V вв. до н. э. Ольвийского некрополя [Полін, 1987, с. 30, рис. 9; 11].

Одним, более крупным экземпляром представлен наконечник (рис. 11, *2*; 13), образующий отдельный вариант данного типа. Его отличают гладкие, без ложков треугольные в плане грани головки, образующие шипы. Этот опорновтульчатый наконечник имеет небольшую выступающую втулку. Длина наконечника 2,5 при ширине основания 1 и длине выступающей части втулки 0,5 см (рис. 1). Наконечник весит 2,4 г.

Два наконечника (тип 12) со сводчатой в плане головкой (рис. 1; 12; 13) отличаются горизонтально подрезанными нижними краями граней, выделенными на выступающей втулке небольшими ложками (рис. 12).

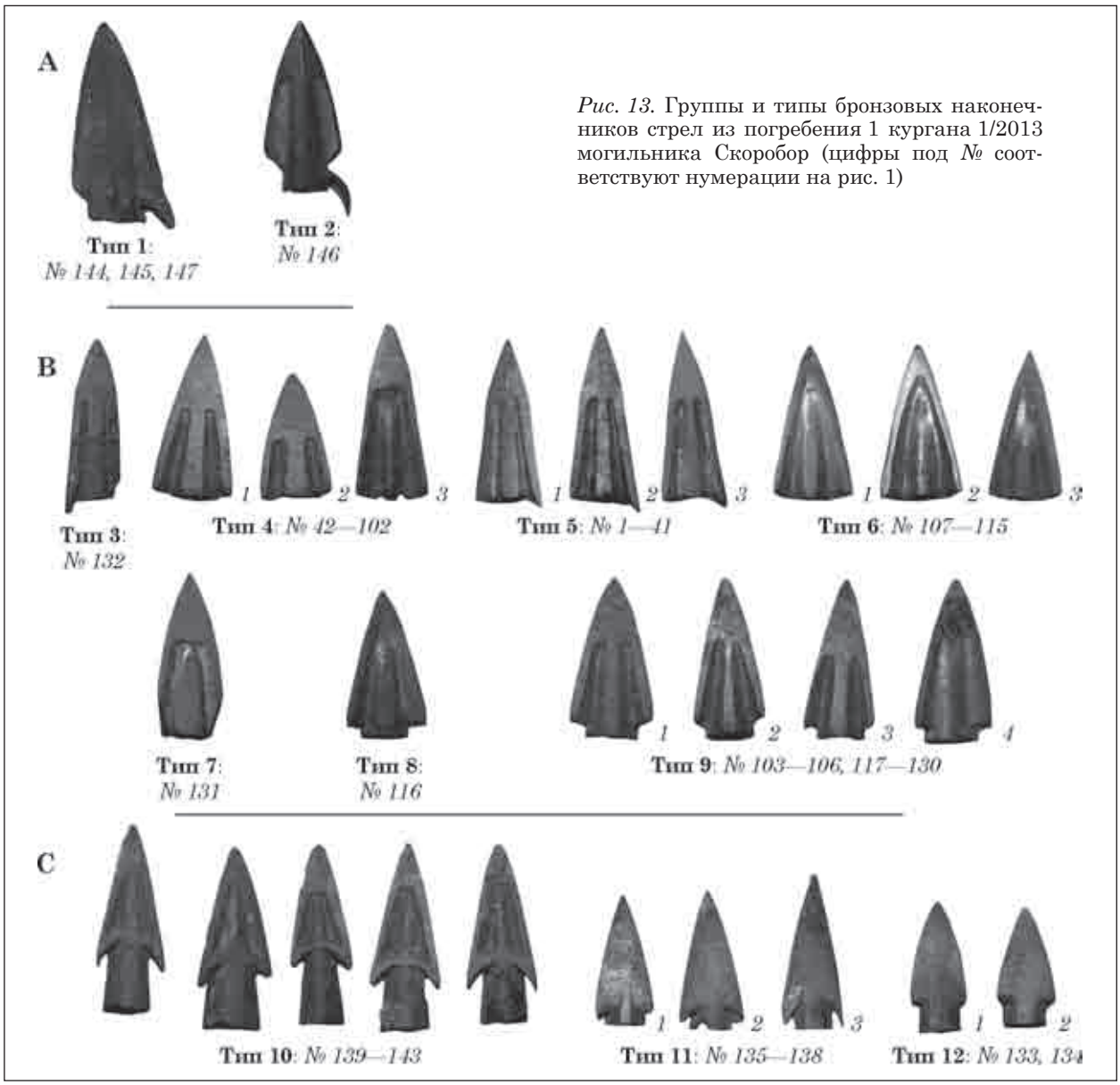


Рис. 13. Группы и типы бронзовых наконечников стрел из погребения 1 кургана 1/2013 могильника Скоробор (цифры под *№* соответствуют нумерации на рис. 1)

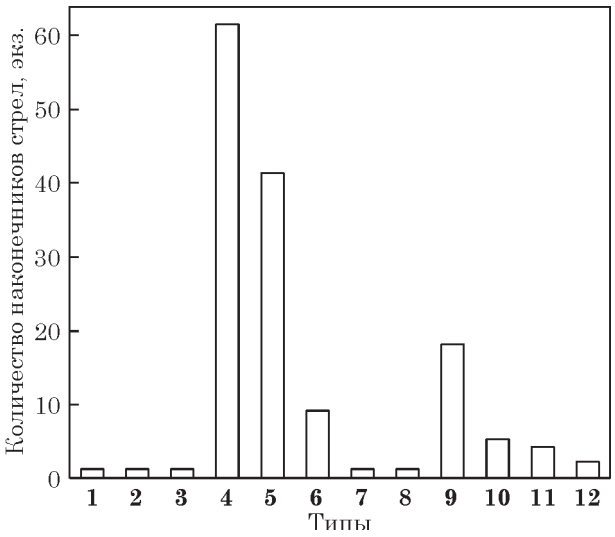


Рис. 14. Соотношение типов бронзовых наконечников стрел в колчанном наборе огребения 1 кургана 1/2013 могильника Скоробор

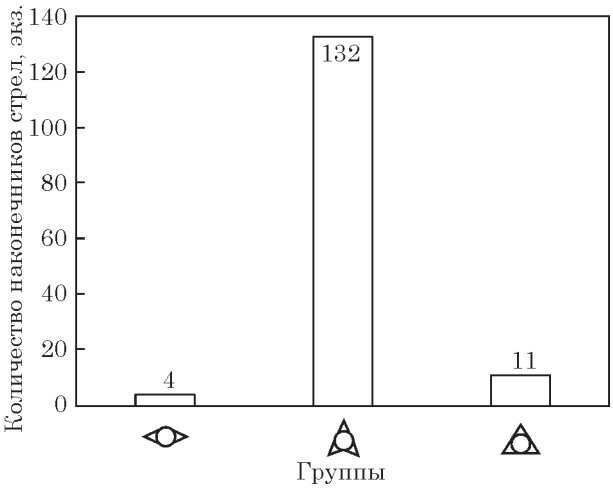


Рис. 15. Соотношение групп бронзовых наконечников стрел в колчанном наборе погребения 1 кургана 1/2013 могильника Скоробор

Наконечники имеют длину (высоту) 2, ширину 0,9, диаметр втулки 0,4 (рис. 1), высоту втулки — 0,4 см, вес 1,95—2,5 г.

Наконечники такого типа входят обычно в раннескифские колчанные наборы [Полін, 1987, с. 19, 29, рис. 1, *8*; 8, *7*; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 36, рис. 6, *6, 7*], встречаются в комплектах конца VI — начала V вв. до н. э. [Полін. 1987, с. 30, рис. 9 и др.]

Отличная сохранность наконечников и полнота набора дали возможность проследить в них ряд важных моментов. Так, все наконечники отлиты и хорошо заточены, не имеют следов деформации, в редких случаях заметны последствия недолива металла (технологический брак), остатков литков. Возможно, основная часть комплекта была отлита незадолго до проведения погребальной церемонии.

Отличительной особенностью колчанного набора является заметное преобладание в нем базисных наконечников различных модификаций (рис. 1; 13, *B*; 14). Пропорции большинства экземпляров (отношение ширины основания к высоте составляет 1 : 2; 1 : 3) указывают на их относительную массивность и архаичность в пределах среднескифского периода, вероятную принадлежность к последней четверти VI в. до н. э., поскольку в колчанных наборах первой половины V в. до н. э. столь массивные базисные наконечники не доминируют, часто сочетаются с более стройными экземплярами, отношение ширины которых к их длине составляет 1 : 3,5; 1 : 4 [Мелюкова, 1964; Петренко, 1964; Полін, 1987 и др.].

Показательно, что в колчане не оказалось и узких, трехлопастных наконечников разных типов, обычных для наборов первой половины V в. до н. э. [Мелюкова, 1964; Петренко, 1967; Полін, 1987; Бабенко, 2014 и др.], что также может указывать на более раннюю дату нашего комплекса, не переходящего порог начала V в. до н. э. Таким образом, к моменту формирования данного стрелкового комплекта (скорее всего конец VI в. до н. э.) несомненно, основными, наиболее распространенными были базисные наконечники 4—6 типов, составившие 76,2 % от общего количества стрел (рис. 14).

Четыре архаических двухлопастных наконечника (типы 1—2) с шипами не доминируют, а лишь дополняют основной набор, впрочем, как и другие, менее распространенные формы (типы 1—9, 11, 12) и не являются определяющими в датировке комплекса [Мелюкова, 1964; Смирнов, 1961; Петренко, 1964; Ильинская, 1968; Галанина, 1977; Полін, 1987 и др.]. Такая ситуация уже не раз отмечалась в литературе и имеет несколько объяснений [Мелюкова, 1964, с. 21; Алексеев, 2003, с. 206; Бабенко, 2014, с. 20 и др.].

Кроме того, необходимо отметить, что впервые в могильнике Днепровского левобережья встречены редкие типы наконечников, которые находят близкие аналогии на савроматской территории. Так, трехгранные наконечники 10 типа лишь в общих чертах напоминают некоторые единичные экземпляры, найденные в комплексах Лесостепной и Степной Скифии, однако, их пропорции и очертания, а также треугольные выемки на гранях хорошо узнаются в колчанных наборах ряда памятников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья [Смирнов, 1964; Очир-Горяева, 1996; Hellmuth, 2010, T. 2; Яблонский, 2005].

Уточнить хронологическую позицию колчанного набора из п. 1, к. 1/2013, помогают и некоторые другие предметы из его погребального инвентаря [Шрамко, Задніков, 2014, с. 58, рис. 68]. Так, в углу погребальной камеры стояла античная амфора, судя по следам на ее стенках, она была на 1/2 объема наполнена вином. Амфора относится к типу протофасосских с овальной формой тулова, получивших распространение во второй половине VI в. до н. э. [Ильина, Чистов, 2012, с. 23; Монахов, 2003, с. 39; Birzescu, 2012, S. 116, 117, Abb. 33; Sezgin, 2012, p. 279, 325]. В начале V в. до н. э. их сменяют протофасосские амфоры с иной, конической формой корпуса [Монахов, 2003, с. 42]. Амфоры более ранних форм в памятниках V в. до н. э. неизвестны. Учитывая, что в амфорной таре в Лесостепь доставлялся продукт повышенного спроса, а именно вина, то растягивать во времени бытование этой категории предметов античного импорта не стоит, собственно как и более полные наборы, включающие столовую посуду [Полин, 2014, с. 192]. Следовательно, в нашем случае амфора с вином, оставленная в погребальной камере во время церемонии, дает основание для датировки всего комплекса в пределах последней четверти — конца VI в. до н. э.

Некоторые уточнения вносят и три комплекта конской упряжи, лежавшие на перекрытии. В один из них входили железные S-видные псалии, с концами, оформленными в виде широких лопастей, а также редкие бронзовые бляшки со стилизованными изображениями животных [Шрамко, Задніков, 2014, с. 59, рис. 71, *3, 12, 13*]. Временные рамки основного бытования подобных псалиев А.Д. Могилов определил последней четвертью VI — первой половиной V в. до н. э. [Могилов, 2008, с. 412, рис. 193]. С.В. Махортых ограничил время их существования началом — первой половиной V в. до н. э. [Махортих, 2006, с. 60], отмечая их популярность на Левобережье Днепра.

Бронзовые бляшки для украшения конской узды [Шрамко, Задніков, 2014, с. 59, рис. 71, *12, 13*], имеют наиболее близкие аналогии в кургане Хошеутово V в. до н. э. [Очир-Горяева, 2012, с. 180, 210, 216, илл. 233; 256; Ochir-Goryaeva, Dvornichenko, 2005, p. 13, Abb. 20], хотя подобная изобразительная манера известна в Поднепровье с конца VI в. до н. э. [Переводчикова,

2000, с. 232, рис. 2, *9—12*]. Не ранее этого времени относит появление данной изобразительной традиции в скифском искусстве и Ю.Б. Полидович [Полидович, 1995, с. 54]. Бляшки из Скоробора, таким образом, могут быть датированы не ранее конца VI в. до н. э.

Таким образом, прямые и косвенные данные позволяют ограничить верхнюю дату захоронения в кургане 1/2013г концом VI в. до н. э. не перенося ее в начало следующего столетия.

Колчанный набор, найденный в этом кургане, выделяется на фоне других известных комплексов не только большим количеством найденных в нем бронзовых наконечников стрел отличной сохранности, но и разнообразием их видового состава. Впервые на Днепровском левобережье обнаружен комплекс, включающий редкие формы наконечников стрел, не получившие широкого распространения в Северном Причерноморье.

Наряду с другими предметами погребального инвентаря, хорошо известными в курганных комплексах Днепровской левобережной Лесостепи, они имеют широкие аналогии в памятниках Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Возможно, такое сочетание погребального набора свидетельствует не просто о культурных контактах местного населения с савроматским миром, а о возможном проникновении в конце VI в. до н. э. на Левобережье Днепра новых групп кочевников.

Алексеев А.Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н. э. // АСГЭ. — 1991. — № 31. — С. 43—56.
Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э.— СПб., 2003. — 416 с.
Бабенко Л.И. Колчанные наборы Протопоповского курганного могильника: состав и хронология // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. — Ростов-на-Дону, 2014. — С. 11—25.
Галанина Л. К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е.Бранденбурга). — М., 1977. — 68 с. (САИ. — Вып. Д 1—33).
Городцов В.А. Дневник археологических раскопок в Зеньковском уезде Полтавской губернии // Тр. XIV АС. — М, 1911. — С. 93—161.
Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). — К., 1968. — 268 с.
Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифы VII—III вв. до н. э. — К.,1983. — 380 с.
Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е. Скифское погребение конца VI — V вв. до н. э. у с. Александровка //Древности степной Скифии. — К., 1982. — С. 91—102.
Ковпаненко Г.Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. — К., 1967. — 188 с.
Ковпаненко Г.Т. Курган поблизу с. Мачухи на Полтавщині // Археологія. — 1970. — Вип. 24. — С. 149—170.
Королькова Е.Ф. Кубанский звериный стиль и его восточные аналоги // АСГЭ. — 2001. — Вып. 35. — С. 91—111.
Куринских О.И. Наконечники стрел ранних кочевников левобережного Илека VI—IV вв. до н. э. (по материалам могильников у с. Покровка) // РА. — 2011. — № 3. — С. 42—55.
Махортих С.В. Скіфська вузда Перещепінського могильника // Більське городище та його округа. — К., 2006. — С. 57—76.
Махортых С.В., Ролле-Герц Р.А., Скорый С.А. и др. Исследования совместной украинско-немецкой археологической экспедиции 2005 г. — К, 2006. — 100 с.
Мелюкова А.И. Вооружение скифов. — М., 1964. — 116 с. (САИ. — Д I 4).
Могилов О.Д. Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. — Київ; Кам'янець-Подільский, 2008. — 439 с.
Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. — К., 1984. — 134 с.
Очир-Горяева М.А. Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья // РА. — 1996. — № 1. — С. 41—45.
Очир-Горяева М.А. Древние всадники стезей Евразии. — М., 2012. — 472 с.
Переводчикова Е.В. К вопросу о связях Нижнего Поволжья, Прикубанья и Нижнего Подонья (по материалам скифского звериного стиля) // Скифы и сарматы в VII—III в. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. — М., 2000. — С. 231—237.
Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепрья в V—III вв. до н. э. — М., 1967. — 179 с. (САИ. — Д 1—4).
Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських памяток // Археологія. — 1987. — Вип. 59. — С. 17—36.
Полидович Ю.Б. Изображения хищников с повернутой анфас головой в искусстве скифского мира // Проблемы археологи древней средневековой истории Украины. — Харьков, 1995. — С. 53—54
Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. — Л., 1988. — 184 с.
Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. — М., 1961. — 170 с. (МИА. — № 101).
Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура савроматов. — М., 1964. — 381 с.
Тереножкин А.И. Курган VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. — К., 1980. — С. 31—63.
Черненко Е.В., Ролле-Герц Р.А., Скорый С.А. и др. Исследования совместной украинско-немецкой археологической экспедиции 2004 г. — К, 2005. — 96 с.
Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон).— К., 1987. — 182 с.
Шрамко Б.А. Курганный могильник в урочище Скоробор // Древности. — 1994. — С. 102—126.
Шрамко І.Б., Задніков С.А. Дослідження Більського городища у 2013 р. // Археологічні дослідження Більського городища 2013. — Київ; Котельва, 2014. — С. 5—60.
Шрамко І.Б., Задніков С.А. Результати археологічних досліджень кургану скіфського часу в урочищі Марченки // Археологічні дослідження Більського городища 2014. — Київ; Котельва, 2015. — С. 56—67.
Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (2004—2009 гг). Каталог коллекции. — М., 2014. — Кн. 1. — 232 с.
Birzescu I. Die archaischen und fruhklassischen Transportamphoren. — Bucuresti, 2012. — 356 S. (Histria. — Vol. XV).
Hellmuth A. Bogenschbtzen des Pontishen Raumes in der Alteren Eisenzeit. Typologische Gliederung, Verbreifung und Chronologie der skithischen Pfeilspitzen. — Bonn, 2010. — T. 1—2. — 381 S. (Universitetsforschungen zur prehistorischen Archeologie. — B. 177).

Ochir-Goryaeva M., Dvornichenko V. Katalog. Pferdegeschirr aus Chosheutovo. Skythischer Tierstil an Unteren Wolga // Archaeologie in Eurasien. — 2005. — B. 19. — P. S. 46—180.
Rau P. Die Greber der Frühen Eisensite im Unteren Wolgagebiet. — Pokrovsk, 1929. — 112 S.
Sezgin Y. Arkaik Dönem İonia Üretimi Ticari Amphoralar. — Istanbul, 2012. — 344 p.

І. Б. Шрамко

САГАЙДАЧНИЙ НАБІР З ПОХОВАННЯ КІНЦЯ VI ст. до н. е. МОГИЛЬНИКА СКОРОБІР

У статті аналізуються бронзові наконечники стріл, знайдені серед залишків сагайдака при розкопках кургану середньоскіфського періоду в могильнику Скоробір — одному з найбільших некрополів Більського городища. Виявлені в похованні 147 наконечників належать до трьох основних груп: дволопатеві, трилопатеві та тригранні, серед яких кількісно переважають трьохлопатеві. Серед 12 типів наконечників значна більшість віднесена до «базисних», розповсюджених у другій половині VI — на початку V ст. до н. е. Найбільш рідкісними в комплекті виявились деякі типи тригранних наконечників, що набули поширення на савроматській території.

За співвідношенням типів наконечників, представлених у сагайдачному наборі та типами інших предметів, знайдених в похованні, представляється можливим датувати увесь комплекс кургану 1/2013г кінцем VI ст. до н. е.

Деякі предмети супроводжуючого інвентарю свідчать не лише про культурні контакти місцевого населення з савроматским світом, а й про можливе проникнення наприкінці VI ст. до н. е. на Дніпровське лівобережжя нових груп кочовиків.

Ключові слова: Північне Причорномор'я, Дніпровське лісостепове Лівобережжя, Більске городище, могильник Скоробор, сагайдачний набір, наконечники стріл.

I. B. Shramko

QUIVER SET FROM THE GRAVE OF THE LATE OF THE 6th CENTURY BC FROM THE SKOROBIR BURIAL

In the article analyzed the bronze arrowheads founded among the remains of quiver during excavations of the mound of Middle Scythian Time in the Skorobir burial, which refers to the one of the largest burial of Bilsk hillfort. Discovered 147 arrowheads consist of three main groups: two-blade, three-blade and three-edge, among which three-blade arrowheads prevail. Among the 12 types of arrowheads, most attributed to the so-called basic common in the second half 6th — early 5th centuries BC. The rarest things in the set were certain types of three-edge arrowheads that have spread to savromatian territory.

To the correlation of the types of arrowheads presented in quiver set and other things founded in burial, it is possible to date the complex from mound 1/2013 by the late of 6th century BC.

Some items of accompanying equipment show not only the cultural contacts of local population with the savromatian world, but also the possible penetration of new groups of nomads to the left bank of Dnipro in the late of 6th century BC.

Keywords: the Northern Black Sea region, the Dnieper left bank Forest-Steppe, Bilsk hillfort, Skorobor burial, quiver set, arrowheads.

Одержано 27.03.2016

УДК: 902-028.42(091)

О. В. Бузько, В. М. Саєнко

ДО ІСТОРІЇ НАПИСАННЯ М.І. ВЯЗЬМІТІНОЮ ПРАЦІ «ИСКУССТВО СКИФИИ»

У статті йдеться про історію написання неопублікованої наукової праці «Искусство Скифии» мистецтвознавиці і археолога Марії Вязьмітіної

Ключові слова: скіфський звіриний стиль, історія археології, М. Вязьмітіна, О. Тереножкін, І. Фабриціус.

Марія Іванівна Вязьмітіна (1896—1994) прийшла працювати до Інституту археології 1948 р. У попередні два десятиліття її творчі пошуки були спрямовані головним чином на історію культури. В експедиціях у Середню Азію, Крим та Кавказ вона спершу працює як мистецтвознавиця, організовує виставки, на початку 1930-х рр. читає курс лекцій з історії мистецтв Близького Сходу в Київському художньому музеї та у Відділі мистецтва Сходу Харківського художньо-історичного музею. Після захисту промоційної роботи на звання наукового працівника-мистецтвознавця Марія Вязьмітіна в 1930—1934 рр. очолює Відділ мистецтва Сходу при Музеї мистецтва ВУАН (нинішній Національний музей мистецтв імені Б. та В. Ханенків). У повоєнні роки вона — визначна сходознавиця, історик культури.

Однак вона мала й досвід археологічних робіт у Середній Азії, до яких її свого часу залучив сходознавець М.Є. Массон. В 1937 р. Марія Вязьмітіна здійснює розкопки городища Айртам кушанського часу на території Бактрії як керівник одного з загонів Термезької археологічної комплексної експедиції. У повоєнні роки вона продовжує археологічні дослідження в Середній Азії — з 1946 р. очолює один із загонів Південно-туркменської археологічної експедиції, веде дослідження на городищі Нова Ніса — столиці парфянської держави. 1947 р. у Ташкенті М.І. Вязьмітіна захистила кандидатську дисертацію.

Тож не дивно, що тему мистецтва Скіфії, скіфського звіриного стилю в Інституті археології було доручено саме їй. Маючи вже п'ятдесят два роки, Марія Вязьмітіна починає працювати у новому для неї напрямку.

В НА ІА НАН України зберігається неопублікована праця М.І. Вязьмітіної «Искусство Скифии». Це машинопис російськомовного тексту на 66 с. з правками (у т. ч. і рукою О.І. Тереножкіна) та 12 с. ілюстрацій. Праця складається зі вступної частини, де подається огляд та критичний аналіз існуючих праць з цієї проблематики [1], та чотирьох розділів.

У розділі *«Общие положения об искусстве и так называемом «скифском зверином стиле»* (с. 9—13) авторка визначає скіфський звіриний стиль як один із варіантів загальностадіального явища при переході від родового ладу до класових відносин і окреслює його поширення на величезному просторі степу і лісостепу від басейну Дунаю до кордонів Китаю. Пам'ятки території України розглядає як один варіант, виділяючи інші — Сибір, Алтай, Поволжя, Кавказ, західний варіант (Болгарія, Угорщина, Румунія).

Дослідниця констатує, що вироби звіриного стилю були масово поширені лише у Правобережному і Лівобережному Подніпров'ї, на Поділлі відсутні, на півночі є лише поодинокі знахідки. Однак вона чітко розмежовує степ і лісостеп. У степу в ранніх пам'ятках виробів мало, масово ранні кургани і вироби звіриного стилю розташовані у Лісостепу.

1. Зазначимо, що стаття з історіографії вивчення скіфського звіриного стилю з'явилася лише за три десятиліття [Ильинская, 1976].

© О.В. БУЗЬКО, В.М. САЄНКО, 2016

Картина змінюється у пізніх пам'ятках (М.В. традиційно датує їх IV—III ст. до н. е.), коли степ досягає економічної могутності, і лісостеп, на її думку, отримує вироби зі степу, хоча й утворює свої віріанти (Тясмин і, особливо, Посулля). У степу, окрім звіриних, є й інші мотиви, які дослідниця не називає (певно, що має на увазі малоазійську за витоками антропоморфну торевтику).

М.І. Вязьмітіна пише, що мистецтво звіриного стилю і скіфське мистецтво не тотожні, бо до останнього входить архітектура (оборонні споруди та житлове будівництво), монументальна скульптура (кам'яні антропоморфи), живопис (ймовірно, має на увазі досить прості розписи боспорських склепів, інший живопис не відомий і навряд чи існував; також до «графіки» можна віднести татуювання, де теж присутні мотиви звіриного стилю).

Авторка намічає перспективні завдання і ставить такі питання: хто виробляв предмети мистецтва: скіфи; греки для скіфів; скіфи, навчені греками; інші майстри [1]; місце їхнього виробництва; необхідність порівняння різних областей, бо «буржуазна» наука розглядала звіриний стиль сумарно (цей напрямок в наступні роки опрацьовувався: І.В. Пестрякова порівнювала степові та лісостепові пам'ятки Подніпров'я, А.І. Шкурко вивчав лісостеп, Є.В. Переводчикова — Передкавказзя тощо).

У наступних розділах докладно аналізується розвиток мистецтва за хронологічним розподілом: *«Ранний период (VII—VI вв.)»* (с. 13—39), *«Средний период (к. VI—V вв.)»* (с. 40—49) та *«Поздний период (IV—III вв.)»* (с. 50—66). На останніх сторінках дослідниця торкається пізньоскіфського мистецтва III—II ст. до н. е. та віддає ідеологічну данину пошуку гіпотетичного внеску скіфів у культуру слов'ян.

Авторка зазначала, що ця робота є частиною якоїсь великої праці [Вязьмитина, 1949, с. 13].

1945 р. Інститут археології працював над темою «Археологічний корпус», яка полягала у підготовці картографованого корпусу пам'яток з їхнім коротким описом. На нашу думку, ця робота була прямим і безпосереднім продовженням традиції В.Б. Антоновича та його школи. Але через рік головну тему було замінено.

У секторі скіфо-античної археології (як він тоді називався) з 1946 р. усі співробітники активно почали працювати над розділом по скіфо-сарматському періоду в межах фундаментальної теми «Підсумки вивчення стародавньої історії та археології УРСР» («Итоги», як вони фігурують у протоколах засідань відділів).

Ця назва з'явилася, треба думати, під час підготовки Інституту за отриманим з «центральних» установ ще десь наприкінці 1944 р. планом до Всесоюзної археологічної наради, яка відбулася у Москві 25.02—1.03.1945 р. Матеріали для делегатів цього форуму так і називалися:

Службове посвідчення М.І. Вязьмітіної

«Итоги и перспективы развития советской археологи» [Итоги …, 1945]. Після наради, яка стала визначною подією, Інститут продовжив розробляти тему «Итогов» і зробив її головною (іншим стратегічним проектом став «Великий Київ»).

Із зміною керівництва сектором проспект скіфо-сарматського розділу зазнав переробки — в середині 1948 р. О.І. Тереножкін подав свій план.

Збереглося два завершені варіанти цієї роботи 1953 та 1954 р. [2] Це машинописні переплетені трьохтомники [Очерки …, 1953; 1954]. У цих працях частини, що стосуються звіриного стилю, відмінні між собою. У першому варіанті текст з правкою рукою В.А. Іллінської [Тереножкин, Ильинская, 1953, с. 10—12, 26—28], у другому варіанті текст був написаний майже спочатку [Тереножкин, Ильинская, 1954, с. 127—130, 150]. У розширеному вигляді він міститься у виданні «Нарисів» [Іллінська, Тереножкін, 1957].

Структура «Итогов» у процесі роботи над ними зазнавала незначних змін та в загальних рисах повторювалася 1957 р. в однотомнику «Нариси стародавньої історії УРСР», в «Археології Української РСР» 1971 р. і наступних виданнях.

Якраз частиною цієї роботи над «Итогами» і мала стати праця М.І. Вязьмітіної «Искусство Скифии» з підзаголовком «Итоги проделанной работы и дальнейшие пути изучения скифского искусства», що перегукується з загальною назвою трьохтомника. На жаль, робота М.І. Вязьмітіної не увійшла до згадуваних вище видань та стала надбанням архівного фонду.

Також в архіві знайдені документи і листування, що висвітлюють історію створення цієї роботи. Серед них протокол засідання скіфо-античного сектору від 19 березня 1948 р., на якому були присутні Л.М. Славін, Л.Д. Дмитров, М.І. Вязьмітіна, Т.Г. Оболдуєва, М.І. Рудинський, А.І. Фурманська, Р.Й. Ветштейн. У порядку денному, окрім інших питань, першим пунктом значилося обговорення теми роботи старшого наукового співробітника Вязьмітіної М.І. Вона виступила з повідомленням про план

1. Що цікаво як постановка питання, напр.: участь лідійських торевтів.

2. Висловлюємо подяку Н.Р. Михайловій за надані консультації стосовно цих праць.

роботи над темою «Пам'ятки мистецтва скіфів-кочівників Середнього Подніпров'я».

Під час обговорення М.Я. Рудинський запропонував змінити тему, знайти специфічні риси мистецтва «скіфських» племен лісостепової смуги. Л.Д. Дмитров порадив М.І. Вязьмітіній написати рецензію на книгу Е.Х. Міннза [1], тему територіально розширити і опрацьовувати її в хронологічному порядку. Він зазначив, що обмежитись на першому етапі лише складанням карток не можна, треба написати вступну частину і зробити реферат про те, що зроблено по мистецтву скіфів на сьогоднішній день. Л.М. Славін запропонував формулювання теми з точки зору античника: «Пам'ятки скіфського мистецтва елліністичного часу на території України» і повторив, що, окрім складання карток на пам'ятки, Марія Іванівна має зробити реферат, в якому слід подати огляд основних робіт по своїй темі та їхню критику.

Ухвалили прийняти орієнтовно таке формулювання теми, як «Пам'ятки скіфського мистецтва IV—III ст. до н. е. на території України» та зробити два реферати. Цього року дослідниця основну увагу повинна зосередити на опрацюванні літератури. На кінець 1948 р. має бути складена бібліографія та картотека по пам'ятках і літературі. Робота розрахована на два роки.

Свою роботу М.І. Вязьмітіна почала з відрядження до Ленінграда, де треба було: 1) опрацювати іноземну літературу; 2) передивитись матеріали з мистецтва скіфів у фондах Ермітажу; 3) консультуватися з науковими працівниками, які працюють над цим матеріалом [Протокол № 11, арк. 4].

Майже одразу дослідниця виїхала до Ленінграда і перебувала там з 23 березня по 27 квітня. Вона працювала у Ермітажі, спілкувалася з К.В. Тревер, А.П. Манцевич.

На кінець 1948 р. дослідниця звітувалась, що по темі «До історії скіфського мистецтва» нею написана перша частина — «Локальні і хронологічні варіанти зображень оленя на предметах скіфського мистецтва на території УРСР». Під час роботи було складено бібліографію на 1250 назв (2500 карток), картотеку по літературі за різними темами (всього 670 карток), пропрацьовано речовий матеріал колекцій Ермітажу (210 карток) [Звіт …, 1948, арк. 3].

Нагадаємо, що М.І. Вязьмітіна почала працювати у скіфо-античному секторі, коли обов'язки керівника там виконувала І.В. Фабриціус. Ця досвідчена дослідниця [2] запропонувала свій план виконання теми, але потім скаржилася, що його не дотримувались. Наприкінці ж 1948 р. до Києва приїхав О.І. Тереножкін, а з 1 квітня наступного року він був призначений керівником сектору. Відносини між цими науковцями були досить напруженими, постійно виникали конфліктні ситуації, зокрема і у зв'язку з роботою колективу над «Итогами».

Як писала І.В. Фабриціус, *«акад. Ефименко на заседании Ученого Совета признал, вопреки предварительной оценки Тереножкина, мою главу «Архаическая Скифия» лучшей из написанных в Ин-те. Затем эта глава поступила в распоряжение Тереножкина, и теперь они вдвоем [з В.А. Іллінською] пишут весь том "Скифия". Это уже нечто неслыханное, и я просто теряюсь в оценке подобных явлений. Такой же участи подверглась и глава М.И. Вязьмитиной "Искусство Скифии", правда с предварительным охаиванием этой работы.»* [Фабрициус, 1950, арк. 8].

Таким чином, варіант «Итогов» зразка 1949 р. включав розділ М.І. Вязьмітіної, але вже наступного року їй було доручено займатися сарматською тематикою в рамках цієї роботи: *«Издевательством над специалистом является и опорочивание работы М.И. Вязьмитиной, снижение ея — кандидата ист. наук в должности [3] и переброске ея, специалиста по искусству Скифии, на труднейшую тему "Сарматы" со сроком выполнения в три месяца.»* [Фабрициус, 1950, арк. 8].

Розділ М.І. Вязьмітіної «Искусство Скифии» був написаний нею 1949 р. [4], оскільки на кінець 1948 р. вона підготувала лише главу, присвячену виключно скіфському оленю (до вищевказаної праці не увійшла), а 1950 р. вже мистецтвом скіфів не займалася. Іншим хроноіндикатором є посилання на праці Н.Я. Марра, присутні в тексті, тобто він написаний не пізніше першої половини 1950 р., коли антимарристська кампанія набула остаточного визначення (див.: [Бузько, 2015]). Деякий час М.І. Вязьмітіна продовжувала працювати над рукописом, вносячи правки, зокрема видалила посилання на праці М.Я. Марра.

Лише 1963 року дослідниця зробила з одного розділу «Искусства Скифии» статтю на тему скіфського мистецтва [Вязьмітіна, 1963]. Ця стаття про ранній період існування звіриного стилю поставила її ім'я в один ряд з відомими дослідниками, вона і зараз посідає почесне місце в історіографії та має високий індекс цитування у бібліометрії. До спостережень М.І. Вязьмітіної та аналізу кістяних пластин з Журовських курганів продовжують часто звертатись [Погребова, Раевский, 2000; Зуев, 1993].

1. Переклад та публікація класичної роботи «Scythians and Greeks» були б цікаві й сьогодні.

2. Окрім етногеографії Скіфії та дослідження городищ лісостепового Подніпров'я, І.В. Фабриціус займалася також і вивченням звіриного стилю. Зокрема, екземпляри однієї такої неопублікованої роботи зберігаються в НА ІА НАНУ та в НА ІМК [Фабрициус, 1938].

3. До цього М.І. Вязьмітіна була старшим науковим співробітником.

4. У постанові засідання відділу вказувалось: «Вважати тему актуальною і надзвичайно важливою в плані робіт Інституту. Мати на увазі цю тему, як роботу на докторський ступінь» [Протокол № 4, арк. 15].

Текст «Искусства Скифии» — результат дворічних зусиль М.І. Вязьмітіної — не був остаточно завершений та допрацьований для публікації в наступних виданнях з історії найдавнішого минулого України. Машинопис її планової теми, по суті, є чернеткою ненаписаної монографії, і ця не реалізована до кінця спроба заслуговує на своє місце в історіографії.

Рукопис М.І. Вязьмітіної є цінним сам по собі, як науковий твір. Окрім того, він постає у цікавому контексті — написаний у скіфо-античному секторі за часів керівництва цим підрозділом спочатку Л.М. Славіна та І.В. Фабриціус, а потім О.І. Тереножкіна. Не вивчався спеціально і процес підготовки (від задуму до остаточного написання тексту) в Інституті археології видань з давньої історії, починаючи з повоєнного проекту «Итогов ...» — але то вже сюжети для інших розвідок.

Бузько О.В. Про подолання марризму в археології на початку 50-х років XX ст. // Магістеріум. Археологічні студії. — К., 2015. — Вип. 60. — С. 10—16.
Вязьмитина М.И. Искусство Скифии (Итоги проделанной работы и дальнейшие пути изучения скифского искусства). — Машинопис. Ілюстрації. — 1949 / НА ІА НАН України. — Ф. 34. — 88 арк.
Вязьмитина М.И. Ранние памятники скифского звериного стиля // СА. — 1963. — № 2. — С. 158—170.
Звіт про науково-дослідну роботу відділу скіфо-античної археології за 1948 р. / НА ІА НАН України. — Ф. 62, спр. 69.
Зуев В.Ю. Изучение жаботинских гравировок и проблема развития звериного стиля в европейской Скифии на рубеже VII—VI вв. до Р. Хр. // ПАВ. — СПб., 1993. — Вып. 6. — С. 38—52.
Ильинская В.А. Современное состояние проблемы скифского звериного стиля. // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. — М., 1976. — С. 9—29.
Іллінська В.А., Тереножкін О.І. Скіфське мистецтво. Звіриний стиль // Нариси стародавньої історії Української РСР. — К., 1957. — С. 173—174.
Итоги и перспективы развития советской археологии: Материалы для делегатов Всесоюзного археологического совещания. — М., 1945. — 197 с.
Очерки древней истории Украинской ССР (итоги историко-археологического изучения Украинской ССР). 1 мая 1953 г. — Ч. 2: Ранний железный век на территории Украинской ССР / НА ІА НАН України. — Ф. 63 (наукових робіт), спр. 452. — 335 арк.
Очерки древней истории Украинской ССР (Итоги историко-археологического изучения Украинской ССР). Март 1954 г. — Ч. 2: Ранний железный век на территории Украинской ССР / НА ІА НАН України. — Ф. 63 (наукових робіт), спр. 452. — 320 арк.
Пам'яті Марії Іванівни Вязьмітіної // Археологія. — 1995. — № 1. — С. 152—155.
Погребова М.Н., Раевский Д.С. К культурно-исторической интерпретации памятников звериного стиля из Жаботинского кургана № 2. // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову. — М., 2000. — С. 261—274.
Протокол № 11 // Протоколы заседаний сотрудников отдела скифо-античной археологии 31.01—26.04.1948 / НА ІА НАН України. — Ф. 62, спр. 68.
Протокол № 4 // Протоколы № 1—24 заседаний сотрудников отдела скифо-античной археологии 6.01—24.12.1949 / НА ІА НАН України. — Ф. 62, спр. 86.
Тереножкин О.И., Ильинская В.А. Скифский период // Очерки древней истории Украинской ССР. — 1953. — Ч. 2, гл. 1 / НА ІА НАН України. — Ф. 63 (наукових робіт). — № 452.
Тереножкин О.И., Ильинская В.А. Скифский период // Очерки древней истории Украинской ССР. — 1954. — Ч. 2, гл. 1. / НА ІА НАН України. — Ф. 63 (наукових робіт). — № 452. — С. 1—200.
Фабрициус И. Опыт анализа скифских изображний, проделанный на клыках. — 1938 / НА ІА НАН України. — Ф. 63 (наукових робіт). — № 142.
Фабрициус И. Причины, вынуждающие меня подать заявление об увольнении из Института археологии АН УССР. — 25.08.1950. — Машинопис. — 10 арк. / Архів відділу кадрів ІА НАН України. — Личное дело Фабрициус Ирины Васильевны.

А. В. Бузько, В. Н. Саенко

К ИСТОРИИ НАПИСАНИЯ М.И. ВЯЗЬМИТИНОЙ ТРУДА «ИСКУССТВО СКИФИИ»

В 1948 г. в отдел скифо-античной археологии Института археологии приходит новая сотрудница, искусствовед и археолог Мария Вязьмитина. Ей поручают заняться темой искусства Скифии, скифским звериным стилем. Для работы с материалами и литературой ее отправляют в Ленинград.

Сложилось так, что работа «Искусство Скифии» так и осталась достоянием фонда научного архива Института, хотя рукопись является ценным научным трудом. Он выступает в интересном контексте нового руководства в скифо-античном секторе: на смену Л. Славин и И.В. Фабрициус приходит А.И. Тереножкин.

K e y w o r d s: Scythian Animal style, history of archaeology, Mariya Vyazmitina, Oleksii Terenozhkin, Iryna Fabritsius.

O. V. Buzko, V. M. Sayenko

ON THE ORIGIN OF «THE ART OF SCYTHIA» BY MARIYA VYAZMITINA

In 1948 art critic and archaeologist MariyaVyazmitina became the new employee of the Scythian and Classic Archaeology Department of the Institute of Archaeology. She is assigned to Scythian art, Scythian animal style. In order to work with the materials and texts she had visited Leningrad.

Her work «The Art of Scythia» has remained unpublished and kept in the Scientific Archive of the Institute of Archaeology although the manuscript is an important scientific work. It appears in the interesting context of the new leadership of the Scythian and Classic Archaeology Department where Dr. Lazar Slavin and Iryna Fabritsius were replaced with Prof. Oleksii Terenozhkin.

K e y w o r d s: Scythian Animal style, history of archaeology, Mariya Vyazmitina, Oleksii Terenozhkin, Iryna Fabritsius.

Одержано 12.04.2016

УДК: [904.15:739](477.63)"6383"

Н. А. Гаврилюк

ПЕКТОРАЛЬ ИЗ ТОЛСТОЙ МОГИЛЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОНОМИКИ СТЕПНОЙ СКИФИИ. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Представлены основные трактовки изображений на пекторали, появившиеся с момента ее находки до современности. Отмечена связь изображений на верхнем фризе с особенностями экономического развития степной Скифии.

Ключевые слова: пектораль, невербальные тексты, экономическое развитие, Степная Скифия.

Беглое ознакомление с «пектораликой», исчисляемой десятками статей, показывает, что одним из нерешенных вопросов, точнее, вопросом, имеющим множество разных решений, является семантика пекторали. Все еще не получили общепризнанного толкования ее назначение и функции.

Одной из работ, в которой был представлен предварительный анализ пекторали из Толстой Могилы и высказан целый ряд принципиальных предположений, сохранивших свое значение по настоящее время, является хорошо аргументированная статья А.П. Манцевич [Манцевич, 1976]. Статья вышла в 1976 г., а ее концептуальные положения были озвучены двумя годами ранее на Филипопольских неделях фракийского искусства и культуры в Пловдиве 4—19 октября 1974 г. Впервые было установлено, что Чертомлыцкой вазе «из всех предметов торевтики, найденных в Северном Причерноморье, лучшей аналогией со стороны стиля и сюжета является золотой нагрудник 1971 года из Толстой могилы». А.П. Манцевич утверждала, что «нагруднику или "пекторали"» по сравнению с Чертомлыцкой вазой свойственна «несравнимо большее богатство и разнообразие сюжетов нагрудника, большая тонкость и изысканность технических приемов его исполнения (применения эмали, круглой скульптуры, крученой проволоки)» [Манцевич 1976, с. 91]. Стилистическое и этнокультурное родство Чертомлыцкой вазы и пекторали из Толстой Могилы стало постулатом в большинстве последующих работах, посвященных анализу северопричерноморской торевтики V в. до н. э. А.П. Манцевич впервые отметила общее и особенное пекторали из Толстой Могилы и пекторали из кургана Большая Близница. Она подчеркивает разницу в названиях этих изделий — называет пектораль из Большой Близницы ожерельем, а пектораль из Толстой Могилы — нагрудником, по-видимому, для того, чтобы подчеркнуть их разные функции. Нагрудник — это парадное дополнение к защитному доспеху знатного воина, может быть даже царя. Ожерелье (например, из Большой Близницы) — украшение из женского погребения. Со ссылкой на Л. Огненову, А.П. Манцевич предполагает, что луновидные «идентичные новонайденному золотому нагруднику серебряные золоченые на железной основе нагрудники найдены в знаменитой купольной гробнице кургана Мелтепе, что неподалеку от села Мезек (Хасковская обл. на юге Болгарии)». Результаты осуществленного А.П. Манцевич анализа конских изображений в сюжетах среднего фриза Чертомлыцкой амфоры (сцены обращения с конями) и полученные ею выводы до сих пор не оспорены. Более того, когда А.В. Симоненко, исходя из рационального и конструктивного подхода к интерпретации изображений на втором фризе Чертомлыцкой вазы, убедительно реконструировал скифское коневодство [Симоненко, 1987], тезис А.П. Манцевич [1] о том, что

1. Впрочем, во многом А.П. Манцевич опирается на труд Лудольфа Эдуардовича Стефани (1816—1867),

© Н.А. ГАВРИЛЮК, 2016

«сосуд был создан для знатного “варвара” — коневода … получил подтверждение». И наоборот, нередкие попытки [Кузьмина, 1976; Мачинский, 1978; Раевский, 1979, с. 70; Бессонова, 1983, с. 71] форсированной и, кажется, излишней сакрализации все еще не раскодированных достоверно сцен, полных, по словам М.И. Ростовцева, «реализма повседневной жизни, реализма бытового и этнографического» [Ростовцев, 1912, с. 17], оказываются не очень успешными. Пользуясь современной терминологией, можно добавить — реализма экономического. В этой связи нельзя не процитировать Б.Н. Мозолевского: «Однією з найскладніших у скіфознавстві була і залишається проблема трактування відбитих у пам’ятках мистецтва образів і композицій. Особливого значення це питання набуває при інтерпретації витворів, на яких представлено реалістичні сюжети із скіфського життя. З часів М.І. Ростовцева більшість дослідників вважають їх жанровими сценами, у кращому випадку — ілюстраціями до скіфського епосу, трактування яких внаслідок обмеженності джерел неможливе» [Мозолевський, 1979, с. 218].

Мы присоединяемся к «большинству исследователей», которые считают упомянутые реалистические сюжеты, во-первых, *высоко*жанровыми сценами, во-вторых, действительно, — «иллюстрациями к скифскому эпосу». Третьей возможной реконструкцией и, как следствие, «трактовкой» скифского эпоса по сюжетам изображений на торевтике, является их трактовка, в рамках подхода «визуального фольклора» по [Раевский, Кулланда, Погребова, 2013].

В то же время нельзя не отметить, что некоторые положения А.П. Манцевич не нашли своего развития. Так, можно констатировать, что поставленный А.П. Манцевич вопрос о степени соответствия фракийских нагрудников и пекторали из Толстой Могилы, равно как и пекторали из Большой Близницы, других уникальных золотых предметов из скифских погребений северо-восточного Причерноморья все еще актуален.

Ряд наблюдений А.П. Манцевич при более тщательном рассмотрении пекторали из Толстой Могилы современными средствами визуализации не подтвердился. Например, молодой скиф на правой части верхнего фриза доит овцу молдавским способом, и не в «в сосуд в форме ситулы» [Манцевич, 1976, с. 92], а в типичный лепной горшок с дуговидной в разрезе шейкой [Гаврилюк, 1989, с. 55]. Утверждение А.П. Манцевич о тождестве пекторали и фракийских нагрудников и последующий вывод о ее северобалканском происхождении оспорен еще Б.Н. Мозолевским и не представляется убедительным и сейчас. Особенно в свете того, что генетически фракийские нагрудники ближе к нагрудникам из археологических памятников Малой Азии, с народами которой скифы были знакомы гораздо ближе, чем с фракийцами. Более того, идентификация пекторали как части панциря достаточно решительно опровергнута Б.Н. Мозолевским: «Тим часом виявлення близницької пекторалі у похованні жінки наводить на думку, що й подібна до неї пектораль із Товстої Могили являє собою цілком осібну форму нагрудних прикрас, зовсім не пов’язану із військовим спорядженням. Про це може свідчити покладення її окремо від поховання воїна, зодягненого у повний військовий обладунок. Судячи із стел з Топрак-Кале [Тирацян, 1968, рис. 2, *3—6*], не мали ніякого відношення до панцирів й інші типи пекторалей. Конструктивне наближення нагрудників із Великої Близниці і Товстої Могили до скіфських гривень IV ст. до н. е., ймовірно свідчить і про однакове їх призначення» [Мозолевський, 1979, с. 214].

Статье А.П. Манцевич предшествовали единичные, менее обстоятельные публикации на тему смысла изображений и назначения пекторали. В частности, одна из первых интерпретаций принадлежит В.Н. Даниленко, продекларировавшего, впрочем, неубедительную, не получившую дальнейшего развития, версию из смеси сказочных образов («волшебной рубахи-панциря, изготовленной из бараньего руна» на верхнем ярусе, «фантастического древа жизни с волшебными птицами» на среднем ярусе, «зооморфизированной сцены борьбы стихий» на нижнем ярусе) и вполне исторических сюжетов (сцена якобы передачи власти с участием царя Атея) [Даниленко, 1975, с. 89]. Впрочем, такой подход является нередким, присущим большой части исследователей, не исключая критиков В.Н. Даниленко.

Не считалась удачной попытка В.А. Ильинской придать сценам верхнего фриза пекторали характер идиллической картины мирного труда портных, дояров, спокойного отдыха животных [Ильинская, 1977, с. 164]. Если рассматривать пектораль как объект невербальной коммуникации [Гаврилюк, Тимченко, 2015, с. 99], можно допустить дискурсивный вариант дешифровки невербального текста, содержащегося в пекторали. Расшифровка невербального текста предполагает различные уровни восприятия информации. Три основных «прижизненных» уровня адресантов этого текста можно разделить на три круга:

- дальний круг (народ, войско, сборы — что-то похожее на курултай, парад, большую охоту);
- средний круг (что-то похожее на совет, торжественный прием);
- наконец, близкий круг («свои» — члены семьи, ближайшие советники и помощники).

профессора классической филологии, эстетики и теории искусства в Дерптском университете; члена Академии наук (с 1850 г.) и ИАК, хранителя Эрмитажа.

Современные адресанты невербального текста пекторали также составляют несколько групп — исследователи, посетители выставок и музеев, пользователи масс-медиа, население и т. д.

Таким образом, любой зритель (адресант), в том числе и В.А. Ильинская, имеют право на *свое*, т. е. субъектное восприятие художественного текста пекторали. Собственно говоря, все существующие варианты трактовки изображений на пекторали — как изложенные в этой статье, так и не вошедшие в нее — являются как раз проявлением случая невербальной коммуникации, а их авторы выполняют роль адресантов заложенного в изображениях текста.

Случай использования предметов в качестве «даров с подтекстом» и различных трактовок синхронного пекторали невербального текста, содержавшегося в наборе даров, присланных царями скифов Дарию описан Геродотом (Herod., IV, 131, 132) [Народы …, 1982, с. 153]. Примечательно, что Дарий и мудрец Гобрий по-разному истолковали текст, заложенный в этих дарах. Здесь важно подчеркнуть, что такой способ коммуникации был весьма распространен в скифо-античное время.

Обратимся, однако, к результатам *систематического* изучения невербального кода пекторали современными адресантами, или поиска, говоря словами Д.А. Мачинского, «смысла системы изображений на пекторали … на широком фоне аналогии и сопоставлении и рамках греко-скифского и скифо-сибирского искусства с привлечением письменных свидетельств о религии и мифологии этих историко-культурных областей, а также Переднего Востока и индоиранского мира» [Мачинский, 1978, с. 131]. Первые серьезные результаты появились через 7 лет после ее открытия, но зато практически одновременно и в виде трех пространных статей Б.Н. Мозолевского [Мозолевський, 1978], Д.С. Раевского [Раевский, 1978] и Д.А. Мачинского [Мачинский, 1978]. Все они посвящены исследованию этнокультурного потенциала пекторали.

Предположение Д.А. Мачинского (об энарействе главных героев пекторали) не только не поддержали — его отвергли (см., напр., развернутую критику [Раевский, 2006, с. 476—479]). Добавим, что энареи, по известным причинам, не могут обладать столь пышными бородами, как у изображенных в центральной сцене персонажей.

Статья Б.Н. Мозолевского растворилась в его же собственной знаменитой монографии, вышедшей через год [Мозолевський, 1979]. Очень важной информацией в статье стала датировка Толстой Могилы серединой — началом третьей четверти IV в. до н. э. [Мозолевський, 1979, с. 229]. Относительная хронология (Солоха — Толстая Могила — Чертомлык) подтверждает последовательность датировок: гребень — пектораль — серебряная амфора.

У труда Д.С. Раевского также оказалась счастливая судьба. Его практически сразу после выхода признали прорывом в реконструкции «скифского мифа». Эта работа имела продолжение, став основой «Модели мира скифской культуры», первое издание которой вышло через 7 лет [Раевский, 1985].

Сегодня часть этих статей сохраняет свое значение. При желании в них легко можно найти немало консенсусного: высокая оценка художественного уровня находки, ее уникальности, «вселенности», высокой значимости для постижения истории Северного Причерноморья раннего железного века, т. е. всего того, что в настоящее время представляется общим местом (общим — в хорошем смысле, т. е. находящимися в научном обороте, устоявшихся и проверенных временем гипотез и подтвердившихся постулатов) в современных скифологии и антиковедении.

Все три автора в качестве главных общих параллелей этнокультурным, религиозно-мифологическим и иконографическим сюжетам, отображенным на пекторали из Толстой Могилы, рассматривают, во-первых, золотое ажурное ожерелье (диаметром 18,4 см) из второго женского погребения Большой Близницы, которое помещалось в каменном склепе «Дамы № 3», устроенном в насыпи кургана.

Во-вторых, в качестве параллели предлагается предмет, который по форме и предназначению не имеет ничего общего с пектораль, но украшен изображениями, демонстрирующими с ней смысловую, а иногда пластическую (в частности, наличие объемных мини-скульптурок) близость. Имеется в виду то, что все три автора единодушно и практически одномоментно в качестве сюжетной аналогии пекторали (однако без ссылок на известную статью А.П. Манцевич [Манцевич, 1976]) использовали Чертомлыкскую амфору. Этот сосуд украшен тремя горизонтальными поясами одиночных и групповых изображений, по художественной композиции во многом подобным трем поясам изображений на пекторали. Различия в форме и практическом назначении обоих предметов только подчеркивают парадоксальность факта сходства иконографии на обоих шедеврах [1].

Немецкий антиковед Бурхард Брентьес в своих публикациях в соответствии с западноевропейской академической традицией углубляется в поиски малоазийских и переднеазиатских аналогий. Он находит их в хеттских сценах, посвященных духам-хранителям, в том числе царя. Верования рассматриваются в широком диапазоне: от египетской сакраль-

1. Факт, что миры на вазе и пекторали поменялись местами, кажется, никого особенно не смущает и не получил пока вразумительного его объяснения. Наверное, его можно понять в рамках нарративной семиотики, предусматривающей мягкую логику.

ности до сибирского шаманизма. Идея Б. Брентьеса проста: в центральный сцене отображен момент изготовления золоторунного фетиша [Брентьес, 1981; Brentjes, 1994].

С.С. Бессонова в монографии, посвященной религиозным представлениям скифов, в верхнем фризе пекторали видит сцены «первого доения скота и кормления молодняка …» [Бессонова, 1983, с. 72]. И дальше, со ссылкой на Г.П. Снесарева [Снесарев, 1969, с. 295]: «Что касается центральной сцены, то сакральный смысл ее остается неясным, но она должна согласовываться с сюжетами боковых изображений, составляя с ним смысловое единство. Скорее всего, в ней следует видеть изображение какой-то легенды о деяниях первопредков — культурных героев. Так, среди славных деяний иранского Хушан-шаха, одного из первых легендарных царей, было искусство шить одежду из овчины, которому он обучил остальных людей». С.С. Бессонова привлекла Хушан-шаха для анализа пекторали еще в 1979 г. в своей диссертации (с. 141). В последовавшей позже интерпретации Д.С. Раевского Хушам-шах, он же Хушенг, Хаошьянх, пребывает в социальной связи с братом Вегердом. Его цивилизаторская миссия, включила, кроме обучения людей шитью, еще и передачу культурообразующего для номадов искусства кочевого скотоводства. Собрав все представления Д.С. Раевского о Хушенге в одном месте, увидим, что восходящий к мифоэпической традиции и привлеченный для трактовки центральной сцены Пекторали древнеиранский Хушенг, это:

- дериват Хушам-шахе из поздней хорезмийской легенды (по: [Снесарев, 1969, с. 295; Бессонова, 1983, с. 72; Раевский, 2006, с. 477]);
- мифический основатель военной аристократии Ирана и первой легендарной иранской династии [Раевский, 2006, с. 87];
- основатель, вместе с братом Вегердом, социальных групп [Раевский, 2006, с. 228];
- старший, по сравнению с братом Вегердом, в социальной иерархии (в оппозиции начальник — подчиненный), когда Хушенг выступает как родоначальник царей и военного сословия, а Вегерд как прародитель «третьего» — производственного — сословия (Д.С. Раевский использовал вместо сословия понятия «функция») [Раевский, 2006, с. 491—493];
- цивилизационный первопредок, обучивший, кроме всего прочего, людей шить одежды из меха зверей и скотоводству с наставлением держать скот четами ради приплода [Раевский, 2006, с. 477].

Б.А. Шрамко, консолидируясь с мнением Б.Н. Мозолевского о пантикапейском, в противовес фракийскому, происхождении пекторали (а также соглашаясь с большей частью результатов ее датировки, анализа ее композиции и культовой семантики, конструкции и техники ее изготовления), предложил трактовать фигуры людей в центральном секторе как «знатных воинов после сражения». Он также предположил, что в их руках находится панцирная рубашка, а царь (фигура слева) «рассматривает пробоину на панцирной рубашке». Рубашке уделяется столько внимания, поскольку она, возможно, спасла от удара, который «мог быть смертельным» и потому, что «возможно, эта рубаха из овечьей шкуры обладает какими-то магическими свойствами» [Шрамко, 1984, с. 279].

М.В. Русяева распознала в главных героях пекторали двух царей — скифского Атея (430—339) или его соправителя и боспорского Левкона I? (389—349), Спартока II? (349—344), Перисада I? (344—310). Это уже вторая, через 17 лет после В.М. Даниленко [Даниленко, 1975], попытка «похоронить» Атея в Толстой Могиле [Русяева, 1992, с. 40, 43]. Третья попытка, еще более обстоятельная, с применением формально-стилистического, иконографического, иконологического, эстетического, сравнительно-исторического и типологического методов исследования уже не только пекторали, но и других произведений торевтики с изображением скифов, состоялась в 1998 г. По мнению М.А. Русяевой, между Скифией и Боспорским царством в IV в. до н. э. сложились дружественные отношения, что ознаменовалось изготовлением пекторали. М.В. Русяева пишет: исходя из «индивидуализации главных персонажей, выполняющих определенный ритуал с мехом, мы предполагаем, что в них следует видеть двух правителей — боспорского и скифского — перед проведением в Пантикапее Великих Дионисий и материальных таинств, которые должны скрепить мирный договор. Их высокий социальный ранг подчеркивается не только расположением в центре такого уникального и дорогого предмета, как пектораль, но и горитами с золотыми обкладками и рельефными изображениями на них. Все другие сцены на пекторали, а также отдельные вещи из захоронения ее владельца можно связать с универсальным культом Диониса и общей политикой двух династий как обладателей царств. Сложность технического исполнения, чрезвычайно тонкая проработка всех деталей, высокохудожественные изображения людей и животных указывают на то, что пектораль изготовили в Афинах, вероятно, по заказу боспорского архонта Левкона I для подарка скифскому царю. Однако нельзя исключать и того, что этого мастера пригласили из Афин в Пантикапей, где ему были созданы все условия для работы» [Русяева, 1998]. К сожалению, доказательная база, в силу специфики жанра — автореферата диссертации на соискание ученой степени по специальности «изобразительное искусство» с точки зрения такой, сравнительно точной науки, как археология или история, практически отсутствует.

Вольф Рудольф — один из немногих зарубежных исследователей, которые откликнулись

на открытие пекторали [Rudolph, 1986; 1991]. Г.Н. Курочкиным его статья была переведена на русский язык [Рудольф, 1993]. В статье декларируется идея, что вся группа уникальной торевтики, включая пектораль из Толстой Могилы, Чертомлыкскую амфору, гребень из Солохи и т. д., происходящая из курганов знати IV—III вв. до н. э., является результатом творчества и производства одного лица — «Чертомлыцкого мастера». Позже В. Рудольф смягчил свою позицию, продекларировав возможность персонификации торевтики с точностью не до мастера-физического лица, а только ювелирной мастерской [Rudolph, 1998]. По-видимому, В. Рудольф не разобрался в том, что ювелирные изделия, во-первых, разновременные и, во-вторых, они все же слишком разные, чтобы быть изготовленными одними руками или даже в одной мастерской.

А.П. Мошинский в своей статье предположил, что пектораль иллюстрирует не отраженный в литературных источниках вариант скифской генеалогической легенды, связанный со сменой власти. Центральная сцена пекторали выражает момент сложения первопредком (фигура без повязки) своих полномочий и их передачу сыну-преемнику [Мошинский, 2002].

В.Ю. Михайлин неоднократно обращался к толкованию пекторали из Толстой Могилы и посвятил ей по меньшей две обширные работы [Михайлин, 2005; 2010]. В соответствии с концепцией В.Ю. Михайлина, пектораль, исходя из всего корпуса скифской иконографии, представляется как предмет культуры, которая по своей сути является воинской и которой присущ тернарный код. Его первая фаза кодируется собако-волчьей символикой, а результатом является инициация воинов-юношей. На следующей фазе (оленья охота) выступают взрослые воины. Кабанья охота соответствует третьей фазе — отбору предводителя. Таким образом, охоты на зайца («щенячья», отроческая фаза, оленя и кабана на третьем фризе) есть не что иное, как выражение положительной динамики воинского статуса мужчины. Оказывается, сцены терзания оленя символизируют переход в разряд взрослых воинов, а кабана — в разряд предводителей [Михайлин, 2010, с. 82, 85]. В.Ю. Михайлин открывает еще одну, как ему кажется, «более значимую закономерность: от края к центру фриза, наряду с нарастанием агональности, идет нарастание семантики "возраста" и воинского статуса, чтобы закончиться кульминацией последнего жертвоприношения. В этом смысле пару кузнечиков можно рассматривать как маркер "детского", "мальчишеского" статуса, предшествующего даже отроческой, "щенячьей" стадии. Чем обусловлен выбор именно кузнечиков в качестве семантически значимого элемента кодового высказывания, остается только гадать. Возможно, это связано с доступностью кузнечика как добычи даже маленькому ребенку; возможно, с чем-то подобным китайскому стравливанию между собой "бойцовских» сверчков. А может быть, ключом к дешифровке этой сцены является сама по себе "пружинная" неподвижность кузнечиков — с понятной для данного насекомого готовностью к мгновенному и дальнему прыжку: к агональной и быстротечной ("полет"!) воинской судьбе» [1] [Михайлин, 2005, с. 170].

З.У. Цораев, хотя специально не останавливался на вопросах приложения к пекторали из Толстой Могилы своей известной концепции мифа и эпоса как феноменов сознания и социокультурной деятельности, однако посвятил отдельную статью сравнительному анализу невербальных кодов у скифов и нартов [Цораев, 2009]. Он утверждает, что невербальное кодирование в культуре проделало значительную эволюцию, в процессе которой оно прошло ряд качественных ступеней. На первой ступени какие-либо вещи, природные явления, животные рассматривались в качестве естественных индикаторов других вещей или целого их множества, т. к. указывали на их наличие в бытии. На второй ступени вещи, природные явления, животные, в силу способности сознания создавать наглядные чувственные образы, становятся знаками, значения которых положены в сфере идеального. Знак превращается в подобие означаемого предмета, а затем и в представителя его частей, свойств и отношений. На третьей ступени возникает символ, передающий некую идею, содержание которой отличается от содержания непосредственного сущностного значения вещи, явления, процесса своей опосредованностью и абстрактностью, а также более тесной связью с целеполагающей деятельностью. Невербальные знаковые и символические системы возникают задолго до изобретения письма. Их появление явилось необходимой предпосылкой и условием письменности, ибо они изначально играли роль носителя, хранителя и транслятора информации в процессах коммуникации.

По-видимому, целесообразно такую же работу, но в кросс-культурном контексте провести по сравнительному анализу невербальных кодов у скифов и греков. Можно предположить, что за счет сосуществования бесписьменной скифской этничности с античной цивилизацией ускоряется темп эволюции невербального

1. Еще один вариант интерпретации может быть связан с семантикой кузнечика в древнегреческой и, конкретнее, в аттической культуре, где кузнечик традиционно воспринимался как символ автохтонности, что и объясняет его особенную популярность среди афинян, гордившихся тем, что они единственные «истинные» автохтоны в балканской Греции Логика проста — земля родит траву, трава родит кузнечиков. Связь кузнечиков с «жертвенной» травой также может быть семантически значимой.

кодирования в скифской среде от уровня простейших индикаторов других вещей или целого их множества в знаки идеальных понятий (включая *pars pro toto*), а затем в символ, передающий опосредованную или абстрактную *идею*. В быстром подъеме культурного уровня скифского общества и прогрессе его знакового богатства легко убедиться, приняв во внимание если не историю, то хронографию [Алексеев, 2003] находок из эталонных памятников (курганов Солоха, Бердянский, Чмырева, Гайманова, Толстая, Цимбалка, Чертомлык, Огуз, Александрополь) Скифии рубежа V/IV—IV в. до н. э. В течение трех-четырех поколений произошли кардинальные перемены в экономической истории, социальном устройстве Скифии. Они коснулись всех сторон скифской жизни, затронули и демографические процессы [Гаврилюк, 1999, с. 113—123; 2013, с. 225—270].

Публикации Л.И. Бабенко [Бабенко, 2013, с. 449—454] содержат нумерологические толкования изображений и конструктивных деталей пектораль. В частности, автор, сложив 4 витых жгута и 3 орнаментальных фриза, получил арифметическую (!) сумму, равную «магическому» числу семь, которое является зетта-императивом и для удовлетворения которому надо будет к количеству еще только ожидаемых на нижнем фризе семи (трех коней, двух зайцев [1], по одному кабану и оленю) смертей изыскать недостающий приплод на верхнем ярусе [2]. Автор полагает: «… логика композиционной структуры пектораль просто не оставляет других вариантов для толкования доминирующего смысла (при наличии любого количества сопутствующих) центральной сцены как содержащей в себе идею рождения, доказывая, таким образом, число рождений, представленных в верхнем фризе, до семи, тем самым уравновешивая баланс смертей-рождений на пектораль и восстанавливая казалось бы нарушенное равновесие» [Бабенко, 2013а, с. 114].

Также подтверждение продекларированной «… семиразовости актов рождения-смерти» и необходимости «хотя бы косвенно затронуть проблему числовой символики изобразительного текста пектораль, вызывавшей постоянную заинтересованность исследователей, отмечавших присутствие в ее композиции различных бинарных, тернарных, пентарных структур» [Бабенко, 2013, с. 114], Л.И. Бабенко находит в публикациях своих старших товарищей. Так, С.С. Бессонова «допускала возможность интерпретации сцены как приобщение царя к сакральному знанию через обряд “нового рождения”» [Бессонова, 1991, с. 91]. Но особенно важно указание Ю.Б. Полидовича, «который считал, что сцена изготовления одежды из общего контекста композиции должна соотноситься с актом зачатия/рождения» [Полидович, 2006, с. 84]. В дополнение к сказанному известную сцену на сосуде из кургана Куль-Оба, когда один скиф смотрит (не только глазами, но и руками) в рот другому, можно, по-видимому, считать актом *родовспоможения*, который органично дополняет систему доказательств Л.И. Бабенко и Ю.Б. Полидовича относительно «… принадлежности основополагающего смысла содержания центральной сцены (с двумя мужчинами с овчиной, *авт.*) к идее рождения (первогероя?, *авт.*)».

В статье Н.А. Гаврилюк, Н.П. Тимченко [Гаврилюк, Тимченко, 2015] пектораль рассмотрена как объект невербальной коммуникации. В то же время, само изделие и трактовка изображений на нем представлены с учетом социально-экономических особенностей развития общества, в котором она была произведена и использована. Пектораль рассмотрена как предмет боспорского импорта в степную Скифию IV в. до н. э. Особенности ее конструкта и архитектоники, в частности, членение ее на три фриза, изучаются с привлечением концептов архитектуры поздней классики, в том числе фронтонного. Проанализированы фигуративный состав пектораль, структурная и ритмическая последовательности, семантика ее приблизительно 50 изображений мелкой пластики, мини-скульптурок. Исследованы рефренная природа, художественная логика, характер, способы и средства экспрессии верхнего, нижнего и среднего горельефов. Отмечено, что невербальная идеографическая коммуникация пектораль включает большое число намеков, а сюжетная композиция в ней не строгая, открыто не высказана, децентрализована, ее роль даже принижена. Вскрывается художественный прием повтора «на разные лады одного и того же имени, *resp.* зооморфного изображения» [Раевский, Кулланда, Погребова, 2013, с. 219], чем обеспечивается сюжетное единство композиций верхнего и нижнего фризов.

Таким образом, сложность пектораль потребовала почти с самого начала исследований развивать ее дискурсивное восприятие.

1. Слабым местом «модели» Л.И. Бабенко является отнюдь не 100 % вероятность, что собака догонит зайца, особенно, если она гонится за ним в одиночку. Как известно, заяц, уходя от погони, проявляет феноменальную петляемость, часто спасающую ему жизнь даже от волка. Поэтому вместо устаревшей зетта-схемы Л.И. Бабенко предлагается следующая пентадная опция: исключить зайцев, оставить 5 почти свершившихся смертей, которым надо противоставить 5 приплодов. Образовавшийся при этом лишний приплод причислить к диаде двух полуобнаженных фигур, которые таким образом трансформируются в более устойчивую триаду.

2. Недостающий приплод для баланса компенсируется фигурами «топлесс» и овчиной [Бабенко 2013, с. 114].

Бросив взгляд на пектораль, мы мгновенно становимся участниками опосредованной коммуникации, трансакции, которая идет через иконографический текст и другую невербальную информацию. Поиски кода пекторали во многом затруднены нашей инокультурностью. Жизненный цикл пекторали включает две фазы. Действие первой происходило в достаточно однородной, «родной» культурной среде и заканчивается в момент окончания погребальной церемонии. Вторая начинается в результате и после археологических раскопок и происходит в инокультурной среде, т. е. в других реальности, социальных, культурных и этнических практиках. При этом из визуального текста пекторали практически не утрачено ни одного знака или символа. Возможно субъектное восприятие пекторали как шедевра искусства, без попыток ее «прочтения».

Из сказанного об истории исследований пекторали можно прийти к следующим выводам.

1. Очевидна полисемантичность как самой пекторали из кургана Толстая Могила в целом, так и ее центральной сцены.

2. Отсутствует консенсусный или просто предпочтительный вариант трактовки пекторали. В течение приблизительно 40 лет накопилось более 20 разноречивых версий разной меры правдоподобия.

3. Наиболее аргументированной в середине 2000-х гг. считалась версия Д.С. Раевского [Раевский, 2006, с. 491—493]. Она была развита на основе высказанной С.С. Бессоновой еще в 1979 г. и опубликованной в 1983 г. [Бессонова, 1983, с. 72] догадке о возможной связи специфических жизнеобеспечивающих изобретений (в частности — шитья) древнеиранских первопредков и экзотических занятий двух героев, изображенных на пекторали — культовом (во всех смыслах) скифском предмете.

4. Однако более точной и новаторской кажется первичная трактовка изображений на пекторали, высказанная ее первооткрывателем Борисом Николаевичем Мозолевским. Она с одной, стороны основывается на прекрасном знании автора «степных скифских реалий», как экономических, так и социальных, с другой стороны — на почти мистическом понимании смысла, заложенного в невербальном тексте пекторали.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э. — СПб., 2003. — 416 с.

Бабенко Л.И. О семантике пекторали из Толстой Могилы // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. — СПб., 2013. — С. 449—454.

Бабенко Л.І. До семантики центральної сцени пекторалі з Товстої Могили // Древности. — 2013а. — Вып. 12. — С. 111—121.

Бессонова С.С. «Мужское» и «женское» в сакральной сфере скифов // Духовная культура древних обществ на территории Украины. — К., 1991. — С. 84—95.

Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. — К., 1983. — 141 с.

Брентьес Б. К интерпретации центральной группы фризов с фигурами на пекторали из «Толстой Могилы» // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье: Тез. докл. конф. «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». — СПб., 1981. — С. 17—18.

Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. — К. 1989. — 110 с.

Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI—IV вв. до н. э. — Харьков, 1999. — 422 с.

Гаврилюк Н.А. Экономика Степной Скифии VI—III вв. до н. э. — К., 2013. — 712 с.

Гаврилюк Н.А., Тимченко Н.П. Пектораль из Толстой Могилы как объект и средство невербальной коммуникации // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. — СПб., 2015. — С. 97—126 (Тр. ГЭ. — Вып. 77).

Даниленко В.Н. Исторические сюжеты некоторых шедевров эллино-скифской торевтики // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тез. докл. юбилей. конф. — К., 1975. — С. 17—19.

Іллінська В.А. Кіммерійці, скіфи, сармати // Історія Української РСР у 12-ти т. — К., 1977. — Т. 1, кн. 1. — С. 129—190.

Кузьмина Е.Е. О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе // СА. — 1976. — № 3. — С. 68—75.

Манцевич А.П. Чертомлыцкая ваза и пектораль из Толстой Могилы // Pulpudeva. — Sofia, 1976. — Т. 1. — С. 83—98.

Мачинский Д.А. Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. — Л., 1978. — С. 131—150.

Михайлин В. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. — М., 2005. — 540 с.

Михайлин В.Ю. Золотое лекало судьбы: пектораль из Толстой Могилы и проблема интерпретации скифского «звериного стиля» // Тр. семинара ПМАК. — Саратов; Санкт-Петербург, 2010. — Вып. 16. — 152 с.

Мозолевський Б.М. Синтез скіфо-античної думки: до інтерпретації пекторалі із Товстої Могили // Всесвіт. — 1978. — № 2. — С. 191—204.

Мозолевський Б.М. Товста Могила. — К., 1979. — 255 с.

Мошинский А.П. Пектораль из Толстой Могилы как символ царской власти // Донская археология. — 2002. — С. 84—88.

Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты, пер., коммент. / А.И. Доватур, Д.П. Каллистов, И.А. Шишова. — М., 1982. — 454 с.

Полидович Ю.Б. Пектораль — символ жизни и смерти // Журнал о металле. — Донецк, 2006. — № 3—4 (9). С. 7—10.

Раевский Д.С. Из области скифской космологии (опыт семантической интерпретации пекторали из Толстой Могилы) // ВДИ. — 1978. — № 3. — С. 115—134.

Раевский Д.С. Об интерпретации памятников скифского искусства // Народы Азии и Африки. — 1979. — № 1. — С. 70—78.

Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. — М. 1985 — 254 с.

Раевский Д.С. Мир скифской культуры. — М., 2006. — 299 с.

Раевский Д.С., Кулланда С.В., Погребова М.Н. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. — М., 2013. — 274 с.
Ростовцев М.И. Боспорское царство и Южно-Русские курганы. — СПб., 1912. — 21 с.
Рудольф В. Большая пектораль из Толстой Могилы: работа «Чертомлыцком мастера» и его школы // Археологические вести. — 1993. — Вып. 2. — С. 85—90.
Русяева М.В. Основной сюжет на пекторали из Толстой Могилы // Археологія. — 1992. — № 3. — С. 34—46.
Русяєва М.В. Елліно-скіфське мистецтво IV ст. до н. е. (археологічні пам'ятки торевтики з зображенням скіфів): Автореф. дис. … канд. мистецтвознавства. — К., 1998. — 18 с.
Симоненко А.В. О семантике среднего фриза Чертомлыцкой амфоры // Скифы Северного Причерноморья. — К., 1987. — С. 140—144.
Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований у узбеков Хорезма. — М., 1969. — 336 с.
Тирацян Г.А. Золотая пектораль из Армавира // СА. — 1968. — № 4. — С. 190—198.
Цораев З.У. Невербальные коды у скифов и нартов // Философские исследования: Ежеквартальный независимый журнал. — М., 2009. — № 1—2. — С. 83—92.
Шрамко Б.А. [Рец.]: Мозолевський Б.М. Товста Могила. Київ, 1979 // СА. — 1984. — № 1. — С. 272—280.
Brentjes B. Das Pektorale aus der Tolstaja Mogila und altkleinasiatische Beziehungen // Altorientalische Forschungen. — 1994. — Vol. 21, **1**. — S. 176—180.
Rudolph W. The Sanctuary Workshop at Ephesos // The Art of the Greek Goldsmith. — 1998. — **4**. — P. 105—109.
Rudolph W.W. The Great Pectoral from the Tolstaya Mogila. A Work of the Certomlyk Master and his Studio // Metalsmith. — 1991. — Vol. 11, **4**. — P. 30—35.
Rudolph W.W. A Graeco-Scythian Gold Pectoral from Tolstaja Mogila near Ordzonikidze. // American Journal of Archaeology — 1986. — No. 90. — P. 208—209.

Н. О. Гаврилюк

ПЕКТОРАЛЬ З ТОВСТОЇ МОГИЛИ ЯК ДЖЕРЕЛО ДЛЯ ВИВЧЕННЯ ЕКОНОМІКИ СТЕПОВОЇ СКІФІЇ. ІСТОРІОГРАФІЯ ПИТАННЯ

Проаналізовано основні трактування зображень на пекторалі, що з'явилися з моменту її знахідки дотепер. Відзначено зв'язок зображень на верхньому фризі з особливостями економічного розвитку степової Скіфії. Крім того, саму пектораль розглянуто як носія комунікаційних зв'язків. Представлено різні варіанти сприйняття невербального тексту. Відзначено, що багато положень з оцінки цієї унікальної знахідки, висловлених Б.М. Мозолевським, виявилися найімовірнішими.

Ключові слова: пектораль, невербальні тексти, економічний розвиток, Степова Скіфія.

N. O. Gavrylyuk

THE PECTORAL FROM TOVSTA MOHYLA AS A SOURCE FOR THE STUDY OF THE ECONOMY OF STEPPE SCYTHIA. HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

The basic interpretations of the images on the pectoral, appeared since its discovery, have been analyzed. Some image at the top frieze indicates the features of economic development of the steppe Scythia. In addition, the pectoral could be interpreted as a medium of communication connections. The various options for the perception of non-verbal text have considered. It is noted that many of the intepretions of this unique item by Boris Mozolevski were the most probable.

Keywords: pectoral, non-verbal texts, economic development, Steppe Scythia.

Одержано 01.04.2016

НАШІ АВТОРИ

БАБЕНКО Леонід Іванович — старший науковий співробітник Харківського історичного музею ім. Н.Ф. Сумцова.

БЕССОНОВА Світлана Сергіївна — кандидат історичних наук, старший науковий співробітник.

БУЗЬКО Олександра Вікторівна — аспірантка національного університету «Києво-Могилянська академія».

БОЛТРИК Юрій Вікторович — кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, завідувач відділу Інституту археології НАН України.

ГАВРИЛЮК Надія Оксентіївна — доктор історичних наук, провідний науковий співробітник Інституту археології НАН України.

ГРЕЧКО Денис Сергійович — кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Інституту археології НАН України.

ГУЛЯЄВ Валерій Іванович — доктор історичних наук, професор, завідувач відділу Інституту археології РАН.

ГУЦАЛ Анатолій Федорович — доцент Кам'янець-Подільського національного університету.

ГУЦАЛ Віталій Анатолійович — викладач Кам'янець-Подільського національного університету.

ДЗНЕЛАДЗЕ Олена Сергоївна — молодший науковий співробітник Інституту археології НАН України.

ДУДАРЄВ Сергій Леонідович — доктор історичних наук, професор, завідувач кафедрою Армавірського державного педагогічного університету.

ЗИМОВЕЦЬ Роман Віталійович — кандидат філософських наук, науковий співробітник Інституту філософії НАН України.

ГОШКО Тетяна Юріївна — кандидат історичних наук, старший науковий співробітник НДЛ археології Київського університету імені Бориса Грінченко.

КАНТОРОВИЧ Анатолій Робертович — доктор історичних наук, виконувач обов'язків завідувача кафедрою МДУ ім. М.В. Ломоносова.

КАРАВАЙКО Дмитро Володимирович — кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Інституту археології НАН України.

КАШУБА Майя Тарасівна — кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Інституту історії матеріальної культури РАН.

КВІТКОВСЬКИЙ Віктор Ігоревич — експерт ДП ОАСУ «Слобожанська археологічна служба»; суспільний інспектор Харківського науково-методичного центру охорони культурної спадщини.

КЛОЧКО Віктор Іванович — доктор історичних наук, завідувач кафедрою Національного університету «Києво-Могилянська академія».

КЛОЧКО Любов Степанівна — кандидат історичних наук, провідний науковий співробітник Музею історичних коштовностей України.

КРЮТЧЕНКО Олексій Олександрович — аспірант Інституту археології НАН України.

ЛЕВИЦЬКИЙ ОЛЕГ ГЕРГІЙОВИЧ — доктор хабілітат історії, директор Центру археології Інституту культурної спадщини Академії наук республіки Молдова.

МАХОРТИХ Сергій Володимирович — доктор історичних наук, провідний науковий співробітник Інституту археології НАН України.

МОГИЛОВ Олександр Дмитрович — кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Інституту археології НАН України.

ОЛЬГОВСЬКИЙ Сергій Якович — кандидат історичних наук, професор Київського національного університету культури і мистецтв.

ПАНЧЕНКО Кирило Ігорович — аспірант, асистент Кіровоградського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка.

ПЕЛЯШЕНКО Костянтин Юрійович — кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Харківського історичного музею.

ПОЛТАВЕЦЬ Василь Іванович — пошукач, генеральний директор Національного історико-культурного заповідник «Чигирин».

РОМАШКО Олександра Володимирівна — кандидат історичних наук, доцент Дніпропетровського національного університету ім. Олеся Гончара.

САЄНКО Валерій Миколайович — керівник археологічної групи Токмацького краєзнавчого музею.

СВИСТУН Геннадій Євгенович — провідний науковий співробітник Харківського науково-методичного центру охорони культурної спадщини; експерт ДП ОАСУ «Слобожанська археологічна служба».

СИМОНЕНКО Олександр Володимирович — доктор історичних наук, провідний науковий співробітник Інституту археології НАН України, член-кореспондент Германського археологічного інституту.

СКОРИЙ Сергій Анатолійович — доктор історичних наук, професор, завідувач відділу Інституту археології НАН України.

СУПРУНЕНКО Олександр Борисович — кандидат історичних наук, начальник Полтавської експедиції ДП НДЦ «Охоронна археологічна служба України» Інституту археології НАН України, провідний науковий співробітник Центру охорони та досліджень пам'яток археології Управління культури Полтавської облдержадміністрації.

ШЕЛЕХАНЬ Олександр Володимирович — молодший науковий співробітник Інституту археології НАН України.

ШРАМКО Ірина Борисівна — кандидат історичних наук, доцент Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна.

ЮШКОВ Дмитро Юрійович — експерт ДП ОАСУ «Слобожанська археологічна служба»; суспільний інспектор Харківського науково-методичного центру охорони культурної спадщини.

СПИСОК СКОРОЧЕНЬ

АВ	— Археологические вести.
АВУ	— Археологічні відкриття в Україні.
АДІУ	— Археологія і давня історія України.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні.
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України.
АМБ	— Архів Музею ім. Н.М. Бокій Кіровоградського держаного педагогічного університету.
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки Української РСР.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
АО	— Археологические открытия.
БИ	— Боспорские исследования.
БСЭ	— Большая советская энциклопедия.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ВИ	— Вестник истории.
ВУАК	— Всеукраїнська археологічна комісія.
ВЧУ	— Вестник Челябинского университета.
ДАЭ ИА РАН	— Донская археологическая экспедиция ИА РАН.
ДГС	— Древности Геродотовой Скифии.
ЗНТШ	— Записки наукового товариства Шевченка.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древности.
ЗРАО	— Записки Российского археологического общества.
ИАК	— Известия Императорской археологической комиссии.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академи наук.
ІА НАН України	— Інститут археології Національної академії наук України.
Ипат.	— Ипатьевская летопись.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологи.
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет.
МАПП	— Матеріали з археології Північного Причорномор'я.
МАР	— Материалы и исследования по археологии России.
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья.
МДАПВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині.

МИА	— Материалы и исследования по археологии.
МИАДЛ	— Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья.
МНМ	— Мифы народов мира. — М., 1980. — Т. 1 — 671 с.; 1982. — Т. 2. — 718 с.
НАА	— Народы Азии и Африки.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник.
НА ІА НАН України	— Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України.
ОАК	— Отчеты императорской археологической комиссии.
ПАВ	— Петербургский археологический вестник.
ПАЗ	— Полтавський археологічний збірник.
ПАЭ ИА РАН	— Потуданская археологическая экспедиция ИА РАН.
ПМАК. ПСА	— Проблемы скифской археологии.
ПССАСП	— Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья.
РА	— Российская археология.
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд.
СА	— Советская археология.
САИ	— Свод археологических источников.
ССПК	— Старожитності Степового Причорномор'я і Криму.
СЭ	— Советская этнография.
Тр. … АС	— Труды … археологического съезда.
Тр. ГИМ	— Труды Государственного исторического музея.
Тр. ГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа.
ЮУрГУ	— Южно-Уральский государственный университет.
AM	— Arheologia Moldovei.
BAR	— British Archaeological Report.
BPS	— Baltic-Pontic Studies.
BThr	— Biblioteca Thracologica.
CArh	— Cercetări Arheologice.
CCDJ	— Cultura şi civilizaţie la Dunărea de Jos.
CI	— Cercetări Istorice.
ERAUL	— Etud. et Rech. Arh. de de l'Université de Liège.
JGS	— Journal of Glass Studies.
MCA	— Materiale şi cercetări arheologice.
MemAnt	— Memoria Antiquitatis.
MiSROA	— Materiały i sprawozdania Rzeszowskiego ośrodka archeologictnego.
NS. PAS	— Prähistorische Archäologie in Südosteuropa.
PBF	— Prähistorische Bronzefunde.
PZ	— Prähistorische Zeitschrift.
RGK	— Römisch-Germanischen Komission.
RGZM	— Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz.
SCIVA	— Studii şi cercetări de istorie veche / şi arheologie.
SlA	— Slovenská Archeológia.
SN	— seria nouă.
SRAA	— Silk Road Art and Archaeology.
StComC	— Studii şi Comunicări de Istorie, Caransebeş.
StComSibiu	— Studii şi Comunicări de Istorie, Sibiu.

ПРАВИЛА
ДЛЯ АВТОРІВ

ОФОРМЛЕННЯ ТЕКСТУ

Текст має бути набраний шрифтом Times New Roman, розмір 14, через 1,5 інтервали.
Стаття має ПОСЛІДОВНО включати такі блоки.

1. ОСНОВНИЙ (ІНФОРМАТИВНИЙ) БЛОК

УДК
І.П. Прізвище
Назва статті
Анотація. У кількох словах про тему статті / публікації.
Ключові слова: 3—5 характерних слів / словосполучень.
Основний текст статті.
Література.
Одержано хх.хх.201х

2. ІНШОМОВНИЙ БЛОК (російська / українська і англійська)

І.П. Прізвище
Назва статті
Структуроване резюме (близько 1500 символів).
Ключові слова: 3—5 характерних слів / словосполучень.

3. ОБСЛУГОВУЮЧИЙ БЛОК

Підписи під рисунки (якщо є).
Текстові таблиці (якщо є).
Список скорочень (якщо є).
Дані про автора (звання, посада з зазначенням місця роботи).
Посилання
на літературу напівкодом у квадратних дужках [Прізвище, 2012, с. 6; рис. 5, *2—4*; табл. 3]; на рисунки (рис. 1, *3*), де перша цифра — номер рисунка, *друга* — позиція на рисунку; на таблиці (табл. 2).

ОФОРМЛЕННЯ СПИСКУ ЛІТЕРАТУРИ

Прізвище І.П. Назва монографії. — Місто, 2012. — 150 с.
Прізвище І.П. Назва статті // Назва збірника. — Місто, 2012. — С. 15—25.
Прізвище І.П. Назва статті // Назва конференції: Тези доп. — Місто, 2012. — С. 15—25.
Прізвище І.П. Назва статті // Назва періодичного видання. — 2012. — № 1 (або Вип. 1; Т. 1 і т. д.). — С. 15—25.
Прізвище І.П. Назва звіту / Назва архіву. — 2012. — № 1. (за нумерацією, прийнятою архівом зберігання, напр.: ІА НАН України. — 2012/5).
Увесь текст давати одним файлом. Увага! Не потрібно використовувати для оформлення ПРОПИСНІ літери!

ПІДГОТОВКА РИСУНКІВ

Рисунок обов'язково має бути наданий у форматі *.tif, **а також** у форматі, в якому він був виконаний. Мінімальна розподільна здатність 300 dpi.
Усі ілюстративні матеріали (рисунки, фото, карти і схеми, діаграми, таблиці з переважанням зображень над текстами тощо) повинні називатися «рис.» і мати послідовну нумерацію у тексті. Назви рисунків мають містити їх порядковий номер; краще давати (латиницею): Avtor_01, Avtor _02, і т. д.

К статье
С. С. Бессонова, Р. В. Зимовец, С. А. Скорый
БРОНЗОВАЯ МАТРИЦА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ, НАЙДЕННАЯ В ПОЙМЕ р. ТРУБЕЖ
(предварительная публикация)

Рис. 2. Бронзовая матрица: *1* — изделие после первой чистки (общий вид); *2* — изделие после второй чистки (общий вид); *3* — оборотная сторона матрицы; *4* — клеймо мастера; *5* — левая группа композиции; *6* — центральная группа; *7* — правая группа

К статье
Д. В. Каравайко
ОБ ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ
БРОНЗОВЫХ ВЕЩЕЙ

Рис. 2. Коллекция бронзовых вещей